

А. В. ЧЕРЕПНИН

МОЯ ЖИЗНЬ
ВОСПОМИНАНИЯ

ТОМ
1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А. В. ЧЕРЕПНИН

МОЯ ЖИЗНЬ ВОСПОМИНАНИЯ

КОММЕНТАРИИ
ПРИЛОЖЕНИЯ

ТОМ
1

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 93/94(092)
ББК 63.3
Ч 46

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 11-01-00181

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 15-04-16149

Подготовил к печати: *В. Д. Назаров*
При участии: *Н. А. Горской*, *Т. Н. Лаптевой*, *А. Г. Цыпкиной*
Введения, комментарии, заключительная статья: *В. Д. Назаров*
Справочные приложения: *И. Г. Бебих*, *Р. И. Горячевой*, *В. Д. Назарова*
При участии: *И. А. Полосухиной*, *И. В. Прониной*

Ч 46 Черепнин Л. В.

Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения Т. 1 / Сост.,
общ. ред. В. Д. Назарова. М.: Языки славянской культуры, 2015. —
400 с.; вклейка после с. 112 и 240.

ISBN 978-5-94457-250-9

Публикуемые воспоминания академика Льва Владимировича Черепнина, историка с мировым именем, авторитетнейшего специалиста по средневековой Руси, охватывают почти столетия жизни страны и общества. Мемуары вместили в себя факты его биографии в потоке событий Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны в России, периода НЭПа и первых сталинских репрессий, Великой Отечественной войны. На рубеже 1970-х гг. автор осмысливал как в его личных судьбах студента, аспиранта, заключенного, научного сотрудника, доцента преломились сложнейшие, порой трагические этапы становления советской исторической науки.

Издание снабжено комментариями, справочными разделами и статьей о творчестве Л. В. Черепнина.

УДК 93/94(092)
ББК 63.3

ISBN 978-5-94457-250-9

9 785944 572509 >

© Л. В. Черепнин, 2015
© В. Д. Назаров, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (<i>В. Д. Назаров</i>)	5
ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕРЕПНИН. МОЯ ЖИЗНЬ	11
КОММЕНТАРИИ	
Введение к комментариям (<i>В. Д. Назаров</i>).	179
Комментарии (<i>В. Д. Назаров</i>)	183
Из эпистолярного наследия Л. В. Черепнина (подгот. к печати <i>В. Д. Назаров</i>)	268
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Основные даты жизни, научного творчества и общественной деятельности акад. Л. В. Черепнина	273
Литература о жизни и трудах акад. Л. В. Черепнина	283
Хронологический указатель трудов акад. Л. В. Черепнина	302
Именной указатель соавторов	338
Алфавитный указатель трудов акад. Л. В. Черепнина	339
<i>В. Д. Назаров</i> . Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука (1905—1977). . .	357
Именной указатель	385

ВВЕДЕНИЕ

О ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ ВОСПОМИНАНИЙ «МОЯ ЖИЗНЬ»

Публикуемые мемуары академика Л. В. Черепнина, историка с мировым именем, авторитетного специалиста по истории средневековой Руси, по российской историографии несомненно вызовут большой интерес. Будущих читателей ждет немало открытий и одно из главных — сам автор воспоминаний. Те, кто знаком с его исследовательскими работами, кто слушал его курсы лекций и доклады на конференциях, участвовал в научных заседаниях, которые вел Лев Владимирович, вряд ли могли представить маститого ученого в роли наблюдательного и тонкого рассказчика с несомненным литературным даром. Его память удержала сотни людей, почти неизмеримое число событий и фактов. Читая мемуары, погружаешься в реалии повседневной действительности Рязани, Ялты, Москвы, иных городов, усадеб и имений. Перед нами живые картины и личные истории очень многих российских ученых гуманитариев и интеллигентов (учителей, врачей, юристов, артистов). И всё это в последовательной череде пяти временных пластов: дореволюционные годы, эпоха революций и гражданской войны, надежды 1920-х гг., суровые 1930-е, Отечественная война и первое послевоенное время. Емко и как бы двусторонне глазами вступающего в историческую науку молодого человека и одного из ведущих исследователей начала 1970-х гг. показаны условия существования и процесс развития этой науки, порой в уродливых формах.

Но сначала о самой рукописи.

В настоящее время известны рукописный вариант воспоминаний «Моя жизнь» и машинописный вариант текста. Возникновение последнего датируется самым концом 1970-х гг. Тогда по желанию вдовы акад. Л. В. Черепнина, Е. В. Гальпериной, Н. А. Горская (в течение многих лет она работала в секторе Истории СССР периода феодализма, Института истории СССР АН, руководимом Л. В. Черепниным) взяла на себя труд по организации перепечатки. Машинопись (в 3-х экземплярах) была тогда же сверена с рукописью Н. А. Горской и В. Д. Назаровым. Один экземпляр машинописи хранился у Е. В. Гальпериной вплоть до ее смерти в 1992 г. Его современное местонахождение неизвестно, у единственной наследницы Е. В. Гальпериной, ее внучатой племянницы, его нет. Два других экземпляра находились в личном архиве Н. А. и А. Д. Горских, а ныне у их сына А. А. Горского. Один из них был временно

предоставлен Н. А. Горской В. Д. Назарову для осуществления возможного издания воспоминаний еще в середине 1990-х гг. К сожалению, по разным обстоятельствам план не был реализован. Сама рукопись хранится в личном фонде акад. Л. В. Черепнина в Архиве Российской академии наук (ф. 1791. Оп. 1, д. 213а).

Текст воспоминаний не был автором завершен, он им не был и датирован. Решающее значение для определения возможного времени написания мемуаров имеет манера работы акад. Л. В. Черепнина. В последний период творчества (середина 1960—1970-е гг.) он писал на школьных 12-ти страничных тетрадах в линейку, имеющих на оборотной стороне обложки дату выпуска. Как правило указывались год и квартал. Всего воспоминания написаны на 44 тетрадах со следующей датировкой: тетради № 1—14 датируются вторым кварталом 1970 г.; № 5 — четвертым кварталом 1969 г.; № 16—17 — первым кварталом 1970 г.; № 18 — третьим кварталом 1969 г.; № 19—34 — вторым кварталом 1970 г.; № 35 — первым кварталом 1970 г.; № 36 — третьим кварталом 1969 г.; № 37—39 — вторым кварталом 1970 г.; № 40—41 — третьим кварталом 1970 г.; № 42—43 — вторым кварталом 1970 г.; № 44 — первым кварталом 1971 г.

Итак, хронологический диапазон выпуска тетрадей таков: третий квартал 1969 г. (всего две тетради) — первый квартал 1971 г. (1 тетрадь). При этом тетради, выпущенные в 1969 г., можно считать в явном остатке, выражаясь в терминах датировки средневековых рукописей (их всего две) и полное преобладание тетрадей с выпуском во втором квартале 1970 г. — 35 из 44. Последовательность текста мемуаров позволяет уточнить время работы над ними акад. Л. В. Черепнина. Первая треть текста написана на тетрадах, выпущенных во 2-м квартале 1970 г. Далее текст воспоминаний продолжен на тетрадах с датами выпуска третий и четвертый квартал 1969 г. и первый квартал 1970 г. (№ 15—18), то есть на имевшемся у автора запасе бумаги. Отсюда мы делаем вывод, что к письменной фиксации мемуаров автор приступил во втором квартале 1970 г.

Последняя тетрадь датируется первым кварталом 1971 г., и это указывает на время, когда акад. Л. В. Черепнин прекратил или прервал, но более не возобновлял работу над воспоминаниями — первый или второй квартал 1971 г.

Сопоставление с рядом его статей, докладов и выступлений, когда мы знаем даты или достаточно точное время указанных событий, подтверждает правильность предложенной методики. Так, в архиве хранятся тексты доклада и подготовленной на его основе статьи Л. В. Черепнина «Некоторые проблемы истории русского феодализма в трудах В. И. Ленина» (статья издана посмертно: *Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования*. М., 1981). Работы написаны в тетрадах, выпущенных в третьем квартале 1969 г., а всесоюзная конференция, где Л. В. Черепнин выступал с докладом, состоялась 24 декабря 1969 г.

Его доклад, посвященный 90-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова, зачитывался им осенью 1972 г., а его текст исполнен в тетрадах, выпущенных в первом квартале 1972 г. Доклад «К 100-летию со дня рождения Ю. В. Готье» написан в тетрадах с датой выпуска в четвертом квартале 1973 г. Он был произнесен на заседании

Ученого совета Института истории СССР АН СССР в декабре того же года. Текст статьи «Академик М. М. Богословский» зафиксирован в тетрадах, выпущенных в первом квартале 1973 г. и впервые был опубликован в 93 т. «Исторических записок» (вышли в свет в 1974 г.). Все названные выше тексты об ученых-историках были опубликованы впервые или переизданы в книге: *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. При подготовке к печати этих работ нами и было определено время их написания, наличие в отдельных случаях двух-трех редакций авторского текста.

Датировка мемуаров акад. Л. В. Черепнина по внешним признакам тетрадей, в которых они зафиксированы, четко коррелирует с хронологическим указанием в тексте на события, синхронные или почти синхронные времени написания. Так автор говорит о «недавней смерти» двух коллег, с которыми его связывали долгие отношения: это проф. А. И. Неусихин (скончался 22 октября 1969 г.) и многолетний директор Центрального государственного архива древних актов В. Н. Шумилов (скончался 7 сентября 1970 г.). Лев Владимирович упоминает про 80-летний юбилей В. Инбер, а он случился 10 июля 1970 г. Наконец в самом конце воспоминаний он говорит о 25-летнем стаже работы в Институте истории Академии наук СССР. Штатным сотрудником Института он стал в июле 1946 г., так что заканчивал свои мемуары автор весной-летом 1971 г. Сопоставив эти хронологические подсказки с распределением тетрадей по тексту воспоминаний, мы получаем хорошо аргументированную датировку времени их создания. Начало работы относится к апрелю-июню 1970 г., а ее завершение пришлось на весну-лето 1971 г., притом вряд ли позднее июня-июля этого года.

Итак, мемуары были написаны за один год или за год и три-четыре месяца. Теперь вспомним, что за 1971—1974 гг. было опубликовано более 40 его работ, включая монографию, статьи, рецензии и более чем в 10 изданиях он же был ответственным редактором или членом редколлегии. Мы взяли такой интервал, потому что обычно выход в свет исследования происходил через один-три года после его написания. Трудно вообразить очень высокую меру интенсивности творческого труда Льва Владимировича в 1970—1971 гг. Еще сложнее понять, каким образом он нашел время для того, чтобы зафиксировать на бумаге факты своей биографии, письменно сохранить память о десятках и сотнях людей, с кем его сводили жизненные судьбы.

К сожалению, в архиве акад. Л. В. Черепнина нет документов или текстов, из которых можно было бы понять мотивы, подвигнувшие его на написание мемуаров. Точно так же мы не знаем, почему он прервал нить своего рассказа на середине — второй половине 1940-х гг. Конечно, отсылки к последующим временам, особенно к 1960-м гг., в воспоминаниях есть, без них просто нельзя было обойтись, излагая некую сумму биографических сведений о коллегах из 1930-х или 1940-х гг. Но заметим, что в тексте практически отсутствуют точные даты, редки указания на месяц события. Последовательность рассказа сохраняет в целом разбивку по годам, но она отнюдь не абсолютна. Из этого и притом сугубо предположительно можно сделать два вывода. Скорее всего, Лев Владимирович предполагал

рассказать о личном опыте становления историка-профессионала в предложенных 1920—1940-ми годами обстоятельствах. Точкой, когда процесс становления завершился, он посчитал защиту докторской диссертации в 1946 г.

Второе предположение связано с одним из направлений его исследований. С рубежа 1960—1970-х гг. в его разысканиях отчетливо различимы две ведущие темы. Это история сословного представительства и земских соборов в России XVI—XVII вв. (незадолго до смерти он завершил книгу об этом, вышедшую в свет уже после его кончины и повторно во втором томе нашего издания). Вторая тема — история нескольких поколений ученых московской школы В. О. Ключевского. Научная жизнь последней генерации прямых учеников знаменитого историка пришлось на 1920—1940-е гг. Задуманная книга должна была включать в том числе очерки творческих биографий если не всех, то по крайней мере большинства ученых этого поколения. Изданные в 1974 г. статьи об акад. М. М. Богословском и члене-корреспонденте АН СССР С. К. Богоявленском дают нам убедительное представление о том, как могли бы выглядеть эти биографические разделы в планируемой монографии*. Через своих учителей, чл.-корр. С. В. Бахрушина и чл.-корр. А. И. Яковлева, Л. В. Черепнин в истоках своего профессионального становления приходился, как другие студенты и аспиранты его круга в середине второй половины 1920-х гг., «меньшим» внуком Василия Осиповича Ключевского. Так что в занятиях Льва Владимировича в 1970—1971 гг. сложился, если угодно, гармоничный сплав историографических разысканий биографического характера о последних учениках Ключевского и автобиографического повествования и о его учителях, и коллегах по поколению. Причем хронологические границы рассказов в обоих случаях оказались очень близкими. Было ли это задумано им изначально, или же так сложилось в ходе работы над статьями и мемуарами, точно сказать нельзя. Думаем все же, что обращение к теме «Школа В. О. Ключевского» и биографический формат в ее разработке мог стать одним из побудительных мотивов к написанию текста «Моя жизнь». Повторимся, к сожалению, ни в мемуарах, ни в делах личного фонда Л. В. Черепнина нет никаких данных о его намерении продолжить работу над воспоминаниями.

Текст мемуаров Л. В. Черепнина «Моя жизнь» подготовил к печати В. Д. Назаров при участии на начальном этапе Н. А. Горской. Окончательную сверку рукописи с машинописным вариантом провели сотрудницы Архива Российской академии наук Т. Н. Лаптева и А. Г. Цыпкина. Описки автора в именах и фамилиях исправлены без специальных указаний в подстрочных примечаниях.

В. Д. Назаров

---

* Коллеги и ученики Льва Владимировича Черепнина в известной мере реализовали его замысел. Во втором томе его научного наследия (Отечественные историки XVIII—XX вв.: Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984) опубликованы его тексты о двадцати четырех российских и советских историках. Из изданных в том же году работ восемь увидели свет впервые, как и две объемные рецензии на докторские диссертации по проблемам отечественной историографии.

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕРЕПНИН.

МОЯ ЖИЗНЬ

Воспоминания

Я давно уже собирался написать записки о своей жизни. Зачем? Не знаю. Вероятно, для того, чтобы еще раз пережить все прожитое. Но сесть и начать писать было трудно, и я все откладывал. Однако дальше уже откладывать нельзя, ибо не далек тот час, когда будет поздно. Надо садиться и пробовать.

Я родился 30 марта 1905 г. (по старому стилю) в Рязани, в доме моих бабушки и дедушки — Алексея Ивановича и Анны Николаевны Черепниных, находившемся на углу улиц Никольской и Семинарской (после Октябрьской революции они были переименованы в улицы Карла Маркса и Фридриха Энгельса). Я давно не был в Рязани, говорят, что она сильно изменилась. Но в моей памяти встает дореволюционная Рязань. Типичный губернский дворянско-купеческий город. Непролазная грязь, через которую приходится пробираться от вокзала к центральным улицам — Почтовой и Астраханской. В центре — каменные здания дворянского собрания, суда, банка, мужской гимназии, семинарии, епархиального училища. А в разные стороны от центра идут улочки, где разбросаны одноэтажные и двухэтажные деревянные домики с садами и огородами за заборами. Через заборы свешиваются гроздья рябины, бузины. Городской сад с дорожками и беседками; там по вечерам происходит гулянье, играет военный духовой оркестр. На горе расположился рязанский кремль; здесь находится архиерейский дом, где помещается музей. Над городом возвышается собор. Через город протекают две речушки (почти канавки) — Трубеж и Лыбедь. А за городом, за полосой зеленых лугов, мелькают водные просторы Оки. Старина, восходящая еще к средневековью, сочетается с чертами дворянско-купеческого быта предреволюционной России.

Но этот старый быт был уже обречен на слом. Надвинулась первая русская революция. Моя бабушка любила подчеркивать, что я родился в знаменательный 1905 год.

Я совсем не знал своего деда — Алексея Ивановича Черепнина¹. Он умер в год моего рождения, шестидесяти с лишним лет. Как мне рассказывали, после утреннего чая сел в кресло, чтобы прочитать газету, газета выпала из рук, и всё. Сейчас бы сказали, что умер от инфаркта. Я видел лишь его портрет: видный старик с длинной седой бородой и длинными седыми волосами (он носил парик). Это был весьма незаурядный человек. Бедный мещанин, исключенный из Сельскохозяйственной академии за участие в революционном движении, он так и не получил систематического образования, но многого достиг самоучкой. Женитьба на девушке из дворянской семьи, получившей в приданое не столь большой, но достаточный

для безбедного существования капитал, дала ему возможность заняться наукой. Он выбрал археологию, и особенно нумизматику. С его именем связан ряд раскопок в Рязани и ее окрестностях, он был членом (а одно время — председателем) Рязанской архивной ученой комиссии, печатал на страницах ее «Трудов» свои исследования. Археологи и нумизматы ценят исследования А. И. Черепнина, ссылаются на них. А. В. Арциховский² как-то специально говорил мне о работах моего деда, что они оставили след в науке.

Алексей Иванович редко выезжал из Рязани (разве на археологические съезды), но в его домике (на углу Никольской и Семинарской) часто бывали известные люди. Мой отец мне рассказывал, что когда он был еще мальчиком, то к Алексею Ивановичу приезжал из Москвы А. В. Орешников, заходил к Черепниным находившийся в Рязани в ссылке П. Н. Милуков³ (отец вспоминал, что он играл на скрипке), бывал В. Н. Сторожев⁴. Алексей Иванович явился первым учителем в области археологии для В. А. Городцова⁵. Он был офицером, его часть стояла в Рязани, он стал принимать участие в раскопках, производимых А. И. Черепниным, а впоследствии сам вырос в крупного археолога — главу целой школы.

Алексей Иванович сделал многое для создания рязанского исторического музея, где сейчас, как мне говорили, висит его портрет.

С бабушкой Анной Николаевной Черепниной прошло все мое детство. Говорят, что я был ее любимым внуком. Вероятно, это потому, что в год моего рождения умер дед, дети Алексея Ивановича и Анны Николаевны были уже взрослые, таким образом, семья распалась, и бабушка все свое внимание перенесла на меня. Бабушка была очень культурная, образованная женщина. Она хорошо знала иностранные языки, любила немецкую поэзию, наизусть по-немецки декламировала большие отрывки из Гёте и Гейне. Была она поклонницей Толстого и врагом всякого насилия. Умерла она уже в 20-х годах⁶.

У Алексея Ивановича и Анны Николаевны было шесть человек детей (да двое, говорят, умерли еще в раннем детстве). Семья была патриархальная, спуску детям не давали, бывало, что применялись и меры физического воздействия. В то же время на молодом поколении благотворно отражалась культурная обстановка семьи. Моего отца Алексей Иванович брал с собой на раскопки. У отца долго хранилась одна печатная работа Алексея Ивановича с надписью «моему помощнику» (а помощник был еще мальчиком). На раскопках мальчик встречался с членами Рязанской ученой архивной комиссии — А. Д. Повалишиным, С. Д. Яхонтовым⁷ — людьми содержательными, интересными, и общение с ними помогало его культурному росту. Интересы деда передались его сыну — моему отцу, и он избрал ту же научную профессию. По окончании Рязанской гимназии Владимир Алексеевич⁸ прослушал курсы и получил дипломы трех высших учебных заведений: юридического факультета Петербургского университета, историко-филологического факультета Московского университета и Московского археологического института. Но судьба его сложилась так, что большую часть жизни пришлось работать не по специальности (об этом после).

Владимир был средним сыном Алексея Ивановича. Было еще два сына — старший Павел, младший Александр. Павел был человеком весьма одаренным, при этом очень интересным внешне (он напоминал Николая I), но в жизни неудачником. У него были незаурядные способности к музыке, он очень неплохо играл на рояле и сам сочинял, но систематически не учился, и музыканта из него не вышло. Его иногда путают с композитором Н. Н. Черепниным, но это недоразумение. Тот Черепнин — просто наш однофамилец. Увлекался Павел и сельским хозяйством, разводил каких-то кур и посылал их в Москву на выставку в Манеже. Я помню, как меня еще мальчишкой водили на подобную выставку, где дядя Паша получил какой-то приз. Всю свою жизнь Павел Алексеевич не имел своего дома, постоянного места жительства, и кочевал по всей стране. В молодости он пытался создать семью и женился на купеческой дочке, очень богатой и очень красивой, которая родила ему девочку, впоследствии тоже ставшую красавицей. Но семейная жизнь не была уделом Павла Алексеевича. К его чести, не удержали его и женины капиталы. Он бросил жену, совсем еще крошку дочь и повел жизнь скитальца. Умер он в 30-х годах в Москве, в чужой квартире, где снимал койку.

Александр Алексеевич не был так даровит, как Павел, но и это был человек незаурядный. Он обладал художественным вкусом, любил литературу, живопись, музыку, следил за всем, что было нового в этой области. Он собрал библиотеку, небольшую, но продуманную. Он поступил на юридический факультет, но не закончил его, был призван на военную службу, участвовал в русско-германской войне, после Октябрьской революции ряд лет служил в частях Красной армии, а выйдя в отставку, работал финансовым инспектором. Хотя и был женат, но семьи не получилось, во многом помешало этому излишние увлечения женщинами.

Из трех дочерей Алексея Ивановича младшая, Ольга Алексеевна (ее называли «Гуля»), умерла в ранней юности от неудачной операции. Старшая, Екатерина Алексеевна, совсем молодой вышла замуж за пожилого уже генерала Николая Николаевича Бернацкого⁹ и жила с ним в Вильно, где он был председателем военного суда. Волевая и властная, она держала мужа под своим каблучком. Жили они широко, в средствах не нуждались. Дом их был открыт для гостей. Когда началась первая мировая война, генерал уехал на фронт, а после революции оказался за пределами родины, в Польше. Екатерина Алексеевна с двумя дочерьми переехала в Рязань, затем в Москву. Положение семьи резко изменилось, жить стало труднее. Екатерина Алексеевна вышла вторично замуж за добрейшего и преданнейшего ей человека Павла Павловича Карякина, военного медика. С его помощью она воспитала детей и внуков и дожила до старости.

Средняя дочь Алексея Ивановича, Евгения Алексеевна, вышла замуж за инженера Федора Константиновича Рындина. Знаменитый театральный художник Вадим Федорович Рындин¹⁰ — ее сын. Евгении Алексеевне пришлось перенести большую жизненную драму. Была она толстовкой, отрицательно относилась к православной церкви. Но случилось так, что ее оставил муж, ушел к другой женщине. Она осталась с маленькими детьми, растерялась, тяжело переживала обрушившееся на нее

горе, писала Толстому, спрашивала его, как быть. Через некоторое время муж вернулся к Евгении Алексеевне, она приняла его и прожила с ним до его смерти, но духовный надрыв остался. И резко изменилась психология. Она стала верующей православной христианкой, ищущей в молитве душевного покоя.

Я совсем почти не знаю родственников по матери, Юлии Ивановне Смирновой. Была она дочерью священника Ивана Ксенофонтовича Смирнова, постригшегося после смерти своей жены в монахи и впоследствии ставшего архиепископом рижским¹¹. Я видел его всего раз в жизни, в 1917 г. в Москве, куда он приезжал для выбора патриарха. Он захотел на меня посмотреть, и отец возил меня к нему, предупредив, что я должен поцеловать руку бабушки и попросить у него благословения. В моей памяти остался маленький седой старичок. Он угощал меня чаем, сладостями, расспрашивал об ученье, подарил на прощанье евангелие.

Мать свою я не помню, она умерла, когда мне было всего несколько месяцев. Я видел ее портрет. Задумчивое, проникновенное, немного грустное и бесконечно милое лицо. Одета она в скромное темного цвета платье, с закрытой шеей и длинными рукавами. Воплощение строгости и чистоты.

Любовь у моих отца и матери началась еще в гимназические годы. Тетка Екатерина рассказывала мне, как Владимир Алексеевич пришел однажды к моему дедушке и сказал, что хочет жениться на Юле. На это последовал спокойный, но твердый ответ: «Что ты, Володюшка, или сон дурной видел? Поди проспись». Алексей Иванович никогда ничего не говорил дважды, поэтому говорить дальше было бесполезно. Попробовал Владимир Алексеевич найти поддержку у Ивана Ксенофонтовича, но тоже безуспешно. Пришлось ждать. Но любовь не прошла и когда он стал студентом, а она — курсисткой. Научные интересы у них были разные. У него была склонность к гуманитарным наукам, она училась на естественно-историческом факультете. Сближали идеалы, которыми жило тогда демократическое студенчество. Отец был причастен к студенческому революционному || (тетр. № 2) движению. Недавно М. А. Алпатов¹² и Н. С. Трусова показывали мне попавшие в их руки архивные документы об аресте Владимира Черепнина, о полицейском за ним наблюдении. Девушки-курсистки сочувствовали этому движению.

Брак Владимира Алексеевича и Юлии Ивановны был счастливым, но недолгим. Отец мой тяжело переживал смерть моей матери. Он пытался кончить жизнь самоубийством, стрелял в себя и повредил легкое. Затем он, желая рассеяться, уехал в Манчжурию, где вел какую-то работу вместе с инженером и в то же время известным писателем Н. Г. Гариным-Михайловским. О последнем отец сохранил самые теплые воспоминания, как о человеке очень интересном и хорошем.

Мое раннее детство прошло без матери и отца. Я остался на попечении бабушки, по желанию которой как будто меня и назвали Львом, по имени почитаемого ею великого русского писателя. Была при мне и няня Фекла Ивановна, вынянчавшая еще мою мать, ее братьев и сестер. Обе эти женщины любили меня и баловали. Да и все кругом меня ласкали, жалели, баловали, говорили, что я «сирота». Этот эпитет крепко пристал ко мне, и я, не понимая еще толком его смысла, научился

извлекать из него пользу. Рос я мальчишкой толстым, упрямым, требовательным. Кругом было женское общество. Мужской руки явно не хватало. Чтобы я рос «здоровеньким», пичкали меня всем, чем только можно. Молоком напаивали так, что я получил на всю жизнь к нему отвращение. Няня заботилась о моем религиозном воспитании. На кровати у меня висел деревянный образок, перед которым я утром и вечером должен был молиться. Каждый раз, по указанию няни, я «поминал» умерших своих близких, говоря одни и те же слова: «Помяни, господи, дедушку Алексея, бабушку Клашу (бабушку по матери), маму Юлю». Затем к этим покойникам прибавилась еще «тетя Гуля». Средства умственного воспитания были обычные: кубики с рисунками, из которых складывались фигуры, книжки с картинками, игры, развивающие сообразительность и смекалку. Няня рассказывала мне волшебные сказки, бабушка читала доступные стишки.

Примерно трех лет от роду я вместе с бабушкой и няней переехал в Вильно к своей тетке Екатерине Алексеевне Бернацкой. Не знаю, чем это было вызвано. Вероятно, тем, что бабушке одной было со мной трудно, а отец доучивался, был его был неустроен, взять меня к себе* он не мог. Бернацкие жили в Вильно на Закретной улице. Мне запомнилась шести или семикомнатная квартира в доме с палисадником. На углу Закретной была церковь и большое кладбище. Когда я бывал там в детстве, меня всегда поражало обилие и разнообразие мрачных памятников и искусственных венков под стеклом. Очевидно, под впечатлением этих загробных реликвий я очень рано начал думать о смерти, и думать со страхом. Иногда проснешься ночью, явится мысль, что когда-нибудь умрешь, и станет страшно до холодного пота. Няня утешает тем, что «хорошим мальчикам» и на «том свете» будет хорошо.

Лет десять тому назад я еще раз побывал в Вильно, где не был примерно сорок лет. Захотел взглянуть на Закретную улицу. Узнал, что она теперь называется улицей Чюрлёниса¹³ (литовского художника). Был сильнейший мороз, но я все же пошел и нашел ее. Все оказалось так, как я запомнил: и дом с палисадником, и церковь, и кладбище. И даже мироощущение детских лет как бы вернулось.

У моей тетки Екатерины Алексеевны («тети Кати») было две дочери: Ольга и Татьяна. Между ними была большая разница в годах. Старшая кончала уже институт, младшая была на год старше меня. Ольга (Лёля) родилась тогда, когда мать ее сама была еще совсем юной, и поэтому ей уделялось мало внимания. Таня появилась на свет, когда тетя Катя успела уже пожить и повзрослеть, и поэтому отдала ребенку все свои душевные силы, дрожала за ее здоровье, накачивала всякими лекарствами, зацеловывала. Мои детские годы в Вильно прошли рука об руку с Таней. Мы вместе играли, читали книжки (я не помню, кто научил меня читать), рисовали. Лёля, уже девушка, а не девочка, смотрела на нас, как на игрушку, наряжала и заставляла танцевать под аккомпанемент рояля, говорить стихи. Помню, что в тот день, когда Лёля держала выпускные экзамены в институте, тетя Катя

---

* В рукописи описка: «взять себя ко мне».

привела меня с Таней в гостиную, поставила на колени перед большим висевшим там образом и заставила молиться о благополучном исходе лелиных экзаменов («детская молитва доходчива»). Мы выполнили этот наказ своеобразно, мы просили: «Сделай, господи, так, чтобы наша Лёля получила пятерку, а другая Лёля (подруга нашей, которую мы не любили) — двойку».

Лёля выдержала экзамены и окончила институт. Молодая девушка пользовалась успехом. У нее было много поклонников, преимущественно военных, ибо к военной среде принадлежал ее отец. Скоро ей пришлось пережить большую драму. В семействе Бернацких появился молодой офицер, дальний их родственник, племянник Алексея Ивановича Черепнина, сын его брата Евгения Ивановича. У него начался роман с Лёлей, а затем он внезапно застрелился. Объясняли это по-разному: то ли любимая отвергла, то ли проигрался в карты, и офицерская честь заставила уйти из жизни. На Лёлю этот случай подействовал сильно. Она долго переживала.

Мне трудно сейчас сказать, какое влияние на меня оказал образ жизни Бернацких. Я был еще слишком мал в то время. Но думаю, что находясь в семье обеспеченной, вращаясь преимущественно в женском окружении, где меня ласкали и баловали, я становился ребенком излишне изнеженным. Побаивался я одного генерала, меня пугали его николаевские усы, его грубый и поэтому несколько необычный в семье голос. Но он редко бывал в кругу семьи. То в командировке, то на службе, а если дома, то больше отдыхал.

В оппозиции к дому Бернацких находилась бабушка Анна Николаевна. Она терпеть не могла генерала, ей казалось, что в генеральском доме ее третируют, что живут здесь чересчур легко, по-светски. А, может быть, не казалось, а так было на самом деле. Она старалась пореже показываться на глаза своему зятю и дочери, большую часть времени проводила в той комнате, где жила вместе со мной и с няней.

Но хотя я жил в семье обеспеченной, во время прогулок с бабушкой или няней мне приходилось видеть картины ужасающей нищеты. Особенно запомнились еврейские кварталы. Оборванные женщины со спутавшимися грязными волосами, полуголые дети, грязь, теснота. Был один горбатый ремесленник, больной и уродливый. Он умер. И вот, проходя мимо его лачуги, мы увидели его тело, лежащее на полу, а у дверей толпа народа. Мне долго снилась эта картина. Преследовал меня и другой образ: глухонемой старухи-нищей с помутившимся взглядом, пытавшейся что-то сказать и только рычавшей. Особенно пугало, что по словам няни, такие старухи уводят с собой «непослушных мальчиков».

Когда я жил в Вильно, к Бернацким пришло известие, что отец мой женится вторично на студентке-медичке Марии Иосифовне Идельсон, еврейке по национальности, и что она приедет в Вильно познакомиться со мной, бабушкой, теткой. Известие это встретило у всех явное неодобрение, если не сказать враждебное отношение. Два недостатка видели в этом браке. Во-первых, она еврейка. На этом сходились и генеральша, верная православию, тетя Катя, и толстовка,

в общем равнодушная к вопросам религии, бабушка. Во-вторых, не могли простить человеку, которого еще не видели ни разу в глаза, то, что она будет Левиной мачехой. Долго обсуждался вопрос, где же поместить Марусю. Лёля, например, заявила, что она не хочет спать с «жидовкой». Но в конце концов все вопросы были улажены. Взяло верх не столько благоразумие, сколько природное добродушие и гостеприимство. Меня же как-то не пугали разговоры о злой мачехе, и я с нетерпением ждал, когда же увижу новую маму.

Для того, чтобы выйти замуж за отца, Мария Иосифовна¹⁴ должна была перейти в христианство (лютеранство). Я не помню, когда совершился этот акт: до приезда в Вильно, или там. Во всяком случае она приехала как новая родственница. Вряд ли недружелюбие к ней рассеялось. Ее последующие отношения и с Анной Николаевной и с Екатериной Алексеевной были далеко не родственными. Мне же Мария Иосифовна внушила сразу симпатию, которая сохранилась до ее смерти, несмотря на многие происходившие между нами трения.

Высокая, стройная, спокойная, с длинными косами, уложенными на голове, она возбуждала доверие и уважение. Ко мне отнеслась ласково. В моей памяти сохранился один вечер, когда она сидела у окна, взяв меня на колени и рассказывала о звездах, которые ярко сияли на небе. Я знаю, что Марии Иосифовне многое не понравилось в доме Бернацких, не понравилось и мое воспитание. Говорила ли она об этом прямо или нет — не знаю. Но почувствовать, вероятно, дала.

Отец стал строить новую семью. В 1909 г. у меня появилась сестренка Таня. Мария Иосифовна говорила мне, что так ее называли, чтобы мне было легче ее полюбить, т. к. все детство мое прошло рядом с Таней (двоюродной сестрой). «А когда ты будешь большой, — говорила мама (так я звал Марию Иосифовну), — станешь студентом, мы будем отмечать Татьянин день и как день Таниных именин, и как студенческий праздник, у нас будут собираться Танины подруги и твои товарищи».

Пока Таня жила у родителей Марии Иосифовны, своих бабушки и дедушки, в Рязани. А отец с мамой стали обосновываться в Москве¹⁵, куда решено было взять и меня. Мне было тогда лет шесть-семь. С няней мне пришлось расстаться. Она перешла в семью сестры моей покойной матери Юлии Ивановны, где выходила еще одного отпрыска смирновского рода. Бабушка Анна Николаевна переехала со мной в Москву, но прожила с нами недолго. Мария Иосифовна с ней не ладила, и нелады все время усиливались. Причиной их в значительной мере был я. Бабушка сосредоточила на мне свою любовь и не могла простить отцу, что он привел в дом мачеху. Маме не нравилось, что я слишком привязан к бабушке, не нравилось воспитание бабушки и казалось, что та настраивает меня против нее. Кончилось тем, что бабушка окончательно разорвала с моим отцом и мамой и уехала в Рязань, где поселилась в доме своей приятельницы, весьма колоритной женщины, Варвары Михайловны Латышевой (о ней потом).

В Москве мы жили на Арбате, вначале в маленькой четырехкомнатной квартирке в Большом Афанасьевском переулке, затем — тоже в четырехкомнатной, но

чуть побольше квартире в Староконюшенном переулке. Когда родители несколько поустроились в Москве, туда перевезли и Таню. Жили мы очень скромно, но не бедно. Обслуживала нас кухарка Феклуша, старушка и ворчливая и смешливая одновременно. Сейчас как-то странно, что старого человека звали не по имени и отчеству, а — Феклуша. Но тогда это странным не казалось. У сестры Тани была бонна Варвара Алексеевна Лебедева — человек редкой, изумительной души.

Отец служил в Румянцевском музее, работал в одном из библиотечных отделов. Кроме того, он преподавал латынь в частной гимназии Репман¹⁶, а затем был директором этой гимназии. Имел он и частную службу у просвещенного буржуа Александра Ивановича Кузнецова. Тот собирал старину, картины, фарфор, книги, отец помогал ему в приобретении и разборе коллекций. Отец того времени вспоминается мне как человек очень собранный, подтянутый, хоро || (тетр. № 3) шо одетый, в черной пиджачной тройке (а когда требовал этикет — в сюртуке или во фраке), в белой крахмальной рубашке с галстуком. Он следил за собой. Те, кто его знал, находили, что он интересный собеседник. Он был человеком передовых взглядов, и хотя не принадлежал ни к какой политической партии, заявлял себя противником социальной эксплуатации и расовой дискриминации, врагом насилия, критиковал правительство, любил говорить о свободе и правосудии. К религии он относился безразлично, и икон у нас в доме не было. Словом, это был типичный интеллигент, интеллигент хорошего толка, смолodu отдавший небольшую дань революционному движению, а затем отошедший от него, но сохранивший демократическое настроение. Человек честной мысли, но отнюдь не боец.

Со мной отец не был строг, наказывал редко (наказание заключалось в том, что меня сажали на какой-то срок на стул, одного в комнате). Но я его побаивался. На ласки он был скуп, и оставалась между нами известная отчужденность.

Мама, Мария Иосифовна, заканчивала медицинские курсы, а окончив их, стала работать в Солдатенковской больнице (впоследствии переименованной в больницу имени Боткина). Мои отношения с ней были очень неровные. Я любил ее и к ней тянулся, и в то же время мне казалось, что она неровно относится ко мне и к Тане, что Тане позволяется то, что не позволяется мне, что я пасынок в семье. Думаю, что здесь было много излишней мнительности, что сознательно разницы между мной и сестрой мама не делала. Ко мне она относилась хорошо, даже любила, и тогда и в дальнейшем много мне сделала доброго. Но с другой стороны, естественно, что при всей справедливости и беспристрастии, свой ребенок был ближе чужого, и это иногда не могло не проявиться. Хорошим нашим отношениям с мамой очень мешали окружающие, особенно папина родня, повышенной заботливостью и лаской ко мне старавшиеся подчеркнуть мое якобы неполноправное положение в доме. А я был мальчишка обидчивый, самолюбивый, занозистый; когда мне казалось, что ко мне несправедливы, начинал дерзить, грубить. Конечно, это вызывало реакцию со стороны мамы. Она сердилась, нервничала, у нее появлялось ко мне недоброжелательство. Иногда мы оба доходили до слез. Интересно, что на моей стороне обычно оказывалась Феклуша. Я помню такой случай. Вернулся

я как-то часов в одиннадцать вечера из гимназии, где давался любительский спектакль. Дело было на масленицу, я знал, что дома к обеду пекли блины и попросил разогреть мне их на ужин. Не знаю уж из каких соображений, медицинско-профилактических или в целях соблюдения правил внутреннего домашнего распорядка, мама запретила это делать. Отца дома не было. Пользуясь этим, я заявил протест, стал хныкать. Вмешалась Феклуша и бросила реплику: «Своей (т. е. Тане) готовы без конца пихать, а сироту обижают». Мама естественно вспыхнула. Произошла некрасивая сцена.

Добрый гением дома была Варвара Алексеевна, Танина бонна, приехавшая из Рязани. Судьба ее сложилась очень несчастливо. Ее муж сошел с ума, маленькая дочь умерла. Придя к нам в дом, она всю душу отдала Тане и мне (даже не знаю, кого она любила больше). Со стыдом вспоминаю сейчас, как часто я был в отношении нее неблагодарным, как позволял себе всякие фокусы и причуды. Жалование Варвара Алексеевна получала небольшое, а у нее была сестра, тоже бедная и многодетная. Варвара Алексеевна пересылала ей в Рязань почти весь заработок и помогла поднять и воспитать всех детей. Про таких людей когда-то говорили: «святой человек».

Сестра моя Таня была ребенком болезненным, плаксивым, капризным. Меня она любила, ластилась ко мне. Я к ней относился по-мальчишески: девчонка, плакса. А в общем и я ее любил. И в дальнейшем мы сохраняли друг к другу хорошие чувства, без внешних сентиментальных их проявлений.

В то время и отец, и мама были людьми общительными. В доме у нас бывал народ. Близким приятелем отца являлся Моисей Абрамович Неусыхин, врач-психиатр, маленький, кругленький, лысенький, любил петь романсы под аккомпанемент рояля. Помню, как они дуэтом пели с отцом модный тогда романс «Ямщик, не гони лошадей». Моисей Абрамович не выговаривал букву «щ», и у него получалось «ямсик». В приятельских отношениях находился отец с присяжным поверенным Виктором Сергеевичем Нагаевым. Высокий, очень красивый мужчина, шумный, любивший компанию, разгул, застолье. Страсть к вину в конце концов сгубила его, и он совершенно утратил свою прежнюю привлекательность. Знаком был отец с другим присяжным поверенным, Борисом Михайловичем Саблиным, братом книгоиздателя. Захаживал к нам Ярцев, букинист-книгоноша, занимавшийся разноской и продажей редких книг. Со службы в Румянцевском музее началось знакомство отца с Алексеем Ивановичем Яковлевым¹⁷ и Юрием Владимировичем Готье¹⁸, которые впоследствии во многом помогли мне стать историком. Среди приятелей отца были и большевики (учитель Николай Николаевич Кашкаров, присяжный поверенный Востоков), и эсеры, и люди, не принадлежавшие ни к каким политическим партиям. У нас в доме считалось, что всякую оппозицию правительственным порядкам надо поддерживать, всем, кто от этих порядков страдает — помочь.

Вспоминаю некоторых подруг матери. Одну из них звали Елена Алексеевна (фамилии не помню). Такая миловидная полненькая шатенка, училась вместе

с мамой на медицинских курсах. Феклуша пробовала на ней свою любимую тему о мачехе. «Вот, Левушка, — говорила она, — Мария Иосифовна умрет, папа женится на Елене Алексеевне, и будет у тебя еще одна мачеха». Другая приятельница мамы, тоже медичка, Лидия Ивановна, была замужем за Василием Ивановичем Пришлецовым, научным работником в области астрономии, впоследствии профессором Московского университета. Близка к нашей семье была Нина Акимовна Ставрович¹⁹, учительница, большевичка. После Октябрьской революции она вела большую работу в области народного просвещения, а ее муж, тоже большевик, был дипломатом. В годы нарушений законности Нина Акимовна была выслана из Москвы и погибла где-то на севере. Хорошо мне запомнились ее слова, сказанные как-то маме уже в конце 30-х годов, после известных политических процессов: «Я, Маруся, перестала понимать современность и боюсь ее».

Из родственников с папиной стороны мы чаще всего встречались с Рындиными. В разное время они жили в разных местах Москвы, но мне особенно запомнилась их квартира в теперь уже несуществующем доме на Волхонке. С балкона открывался вид на храм Христа Спасителя и памятник Александру III, теперь тоже уже снесенные. В моей памяти встает колоритная фигура главы семьи Федора Константиновича, с козлиной бородкой, с небольшим брюшком, с пенсне на носу. Эсер по убеждению, немножко позер, немножко краснобай, любил, чтобы его слушали и чтобы ему поддакивали. Держит собеседника за петлицу или полу пиджака и перемежает свою речь словами: «Так или нет». Детям, по мнению Федора Константиновича, должна быть предоставлена свобода в выявлении их наклонностей и поведении. С родителями пусть они будут на короткую ногу. Поэтому от своих детей он требовал, чтобы называли его не «папа», а «Федя». Супруга Феди Евгения Алексеевна, когда-то видевшая в нем мужской идеал, за годы совместной жизни хорошо изучила его слабости и не пытаясь его перевоспитать, втихомолку и незаметно поставила дом и семью на свой лад. Если для детей он был «Федя», то она «мама», и он, и дети слушались ее и поступали так, как она хотела.

Детей было двое: дочь Екатерина — Катя и сын Вадим — Вадя. Между нами не было ничего общего. Катя — это девочка-отличница. В гимназии Хвостовых, где она училась, была первой ученицей. Но брала прилежанием и прекрасной памятью. Никаких особых талантов и склонностей у нее не имелось. Отличалась Катя фанатичной религиозностью, приверженностью к обрядам. Образки, церковные службы, праздники, священники, монашенки — вот круг ее потребностей и интересов.

Вадя — полная противоположность сестре. Живой, быстро реагирующий на все окружающее мальчик, с разносторонними запросами, впечатлительный и восприимчивый, жадно впитывающий в себя то, что давали ему природа, люди, книги. Он был ребенком болезненным (или родителям казалось, что он такой), поэтому в гимназию его не отдали, к нему ходили учителя домой. Учился он неровно. Очень рано проявились у него незаурядные способности к рисованию. Из наук естественные предпочитал гуманитарным. Из летних поездок в деревню или на юг

к морю всегда возвращался с гербариями, коллекциями бабочек, засушенными крабами, заспиртованными ящерицами, редкими минералами и т. д. Если Катина комната была вся завешана образами и лампадками, то Вадика представляла собой музей. Родители собрали для него библиотеку, где имелось много иллюстрированных изданий по природоведению и по искусству. Да и во всех комнатах рындинской квартиры можно было видеть множество тропических растений, пальм, кактусов, в аквариумах плескались разнообразные рыбы (помню громадного сома).

Рано в мальчике зародилась страсть к театру. Он не раз устраивал домашние представления, или показывая кукольный театр, или привлекая живых актеров — знакомых детей. Сам мастерил костюмы, делал декорации. Но, конечно, тогда никто не думал, что это первые опыты будущего первоклассного театрального художника, постановки которого теперь покорили весь мир.

Вадя был на три года старше меня. Мы очень дружили, причем для меня он являлся идеалом, я старался ему подражать. Мы часто ходили друг к другу, бегали и играли вокруг памятника Александру III. Любимой домашней игрой было путешествие. Устраивалась из стульев, пледов, одеял, кресел повозка или купе вагона, мы садились туда и начинали фантазировать: куда, в какие страны, города мы едем, Вадя проявлял при этом весьма солидные познания в географии. Я всегда также был участником Вадиных театральных выдумок.

Из родственников Марии Иосифовны в Москве жили две ее сестры: Елена и Анна Иосифовна. Анна — оперная певица, красивая, видная, цветущая женщина, с великолепным цветом лица и чудесными толстыми, уложенными на голове косами с оттенком спелой ржи. Муж ее, инженер и владелец небольшой фабрики в Гуляй-поле, Александр Исаевич Кернер, симпатичный брюнет с привлекательными чертами лица, был влюблен в свою жену²⁰. У них родилась хорошенькая дочка Елена (Люся). Но семейная жизнь не была уделом Анны. И внешность, и характер, и среда, и успех на сцене обеспечили ей ряд поклонников. Она извела не один роман. Некоторое время была близка с Ф. И. Шаляпиным, с которым работала в Большом театре. С мужем она не порывала, но семьи не существовало. Анна Иосифовна бывала у нас, и мы — у нее, но особенной родственной близости у нас не было.

В более близких отношениях находилась Мария Иосифовна с другой сестрой — Еленой Иосифовной Шibaевой²¹. Это была миловидная женщина, с мягкими чертами лица и манерами, скромно, но со вкусом одетая и причесанная. От нее веяло интеллигентностью и умом. Замужество принесло ей полную обеспеченность. Она не работала, но вела жизнь, в которой большое место отводилось удовлетворению культурных запросов. Она неплохо играла на рояле и училась дальше. Изучала иностранные языки, приглашая к себе в качестве домашних учителей иностранок. Месяцами у нее жили то француженка, то англичанка. Елена Иосифовна много читала, посещала музеи, картинные галереи, || (тетр. № 4) путешествовала за границу. Своему сыну, красивому, умному мальчику Вадиму она старалась дать самое лучшее образование.

Муж Елены Иосифовны, Глеб Исидорович, происходил из купеческой семьи Шибаевых. Их было несколько братьев и сестер — совладельцев текстильной фабрики в Богородском. Семья была старообрядческая, но на быте это не сказывалось: и курили, и пили, и образ жизни вели европейски-буржуазный. Наметились признаки вырождения: два брата (Иван Исидорович и Петр Исидорович) кончили жизнь самоубийством, застрелились — первый у себя дома, второй — в имении, в лесу, на охоте. Помню я и еще одного Шибаева — Матвея Исидоровича («Мотю»). У того была одна причуда: кормить в зоопарке белых медведей. Человек он был добрый, но какой-то растерянный, мечущийся. После Октябрьской революции жену и дочь он отправил сначала в Крым, затем за границу. А сам остался в Москве. Во время НЭПа я встретил его в одном табачном магазине, где он работал продавцом. Был он такой же растерянный, но веселый. Что стало с ним дальше — не знаю.

Глеб Исидорович — младший из Шибаевых. Человек добрый, но никчемный. Учился кое-чему и кое-как. Был на юридическом факультете, много, но бессистемно читал, завел библиотеку, собирал фарфор. Но все это без настоящего знания дела, по-дилетантски. Пробовал заниматься сельским хозяйством у себя в имении, играл на бильярде, увлекался охотой и любил выставлять напоказ в гостиной шкуры убитых медведей и волков. Мой отец был когда-то репетитором у Глеба. Так они познакомились, потом породнились, женившись на родных сестрах. Отец заразил даже Глеба демократизмом, и тот пытался как-то примкнуть к студенческому движению, конечно, не серьезно. Шибаевы искренне любили нашу семью, оказывали нам и некоторую материальную поддержку, преимущественно в виде подарков детям (пальто, платье, костюмчики и т. д.). Но иногда отца и тяготила эта поддержка, и у него проскальзывало отрицательное отношение к Шибаевым. Слишком уж отличался строй нашей трудовой семьи от шибаевского уклада, построенного на неограниченной трате денег, собственным трудом не добытых.

Семи или восьми лет меня отдали в частную гимназию, основанную Евгенией Альбертовной Репман. Это была совсем особенная гимназия-школа передового направления. Там обучение было совместное, мальчики и девочки учились вместе. Отсутствовала общеобязательная форма одежды. Все приходило в платье, какое носили дома. Не применялась пятибалльная система оценок успеваемости. При каждодневных опросах отметки вообще не проставлялись. В четверти же выводились лишь три оценки: «успевает», «слабо», «не успевает». Переходные экзамены держали только четырехклассники. Отношения учителей с учениками были простые, лишённые казенщины. Преподаватели называли детей не по фамилиям, а по именам. Обучение было наглядным и интересным. Нас часто водили в музеи, на экскурсии. Воспитывали любовь к природе и устраивали загородные прогулки. Ребятам старались привить практические навыки. Частично в классное, частично во внеклассное время нам давали уроки столярного дела, гальванопластики, лепки, шитья. Всячески поощрялась самостоятельность. Ребята устраивали спектакли, причем сами распределяли между собой роли, сами готовили декорации. Я помню постановку трех произведений классического репертуара: «Антигона»,

«Борис Годунов», «Недоросль». Последнюю пьесу подготовил класс, в котором учился я, и я играл роль Митрофанушки. Устраивались также литературные вечера, посвященные выдающимся писателям. Я вспоминаю вечер памяти Лермонтова, закончившийся небольшим неприятным инцидентом. В одном из старших классов у нас учился гимназист Андрей Майстрах, обладавший довольно зычным голосом. Он стал читать известное лермонтовское стихотворение на смерть Пушкина и все более и более возвышал голос. Ребятам это показалось столь смешно, что в зале раздался громкий хохот. Евгения Альбертовна была шокирована, она сделала нам внушение, сказала, что мы вели себя бестактно и потребовала, чтобы все, кто смеялся, подошел к Андрею и извинился. Фамилии виновных не назывались, да в общей массе и трудно было выявить всех. Но надо отдать справедливость детям, никто из них не укрывлся и не уклонился от покаянной процедуры.

Гимназия помещалась в двухэтажном доме на Никитском бульваре, недалеко от того дома, где когда-то жил Гоголь. Перед зданием гимназии был небольшой двор, огороженный забором, обрамленным кустами акаций. Здание двухэтажное. На первом этаже жила семья Евгении Альбертовны: ее отец, мать. Старичка отца Альберта Христиановича можно было часто видеть сидящим в кресле у окна, выходившего на двор. Старушка мать иногда заходила в гимназию посмотреть на ребят. На втором этаже располагались классы, зал, учительская. Учеников было немного. В младших классах человек по пятнадцать-двадцать, в старших — совсем мало. И даже при таком составе чувствовалось, что тесно, помещение небольшое. Но это тоже придавало гимназической обстановке какой-то домашний вид.

Начальница гимназии Евгения Альбертовна — еще не старая, но седая женщина, в темном платье с белым кружевным жабо, с величественной осанкой. От нее веяло аристократизмом. Чем-то она напоминала Екатерину II. Преподавала она в младших классах немецкий язык и арифметику. Дело любила и вкладывала в него всю душу. Была строга, но выдержана и спокойна. Перестав после Октябрьской революции быть хозяйкой гимназии, она не смогла перенести это и отстранилась от преподавания. Присущая ей любовь к природе побудила ее покинуть Москву и уехать куда-то на юг, где она приобрела кусочек земли и занялась пчеловодством. Конца ее я не знаю.

Рядом с Евгенией Альбертовной всегда вспоминается другая преподавательница — Вера Федоровна Федорова. Это большие подруги, вдвоем осуществившие идею создания гимназии и вместе несшие всю тяжесть ведения школьного дела. Они были совсем не похожи друг на друга, и в то же время дополняли одна другую. Рядом с представительной, породистой Евгенией Альбертовной, явно заботящейся о своем внешнем облике, Вера Федоровна совсем терялась. Маленькая, с изъеденным оспой лицом, в скромной юбке и кофте, в башмаках на пуговицах, юркая и подвижная. В ней чувствовался подлинный демократизм. Такими представляешь себе разночинок-революционерок (хотя Вера Федоровна никогда не была причастна к революционному движению). С учениками Вера Федоровна обращалась, пожалуй, строже, чем Евгения Альбертовна. Могла на них и на шуметь, и накричать,

но это нравилось больше, чем сдержанность Евгении Альбертовны, от которой отдавало холодком. И любили Веру Федоровну те, кажется, больше. Преподавала Вера Федоровна русский язык и естествознание. И ее облик как-то сросся в моем представлении с кипой ученических тетрадей, которые она несет из класса или в класс. У Веры Федоровны был подлинный педагогический талант. Ее ученики легко и быстро постигали все премудрости грамматики и синтаксиса русского языка, писали правильно и литературно, овладевали живой разговорной речью. Естественные науки Вера Федоровна преподносила увлекательно. Ее рассказы про птиц, пчел, муравьев действовали на разум и на воображение. При этом на уроках всегда демонстрировались картины, таблицы, разные экспонаты. А время от времени совершались прогулки в зоологический сад, в ботанический, на Воробьевы горы. Не выходит из памяти один позорный для меня случай. На уроке вызывает меня Вера Федоровна и, указывая на большой плакат на стене с изображением птиц разных пород, велит назвать эти породы. А я не знаю. Она молчит, но мне стыдно. И стыдно до сих пор.

После Октябрьской революции Вера Федоровна не ушла из своей школы и продолжала преподавать до конца своей жизни. А умерла она в конце 20-х годов. Масса ее учеников, и кончивших, и кончающих, и только начинающих школу, шли за ее гробом. На похороны приехала и Евгения Альбертовна. Когда она стояла у гроба, то являла собой воплощение скорби. И скорбь была искренняя, ибо она оплакивала не только Веру Федоровну, но и лучший отрезок своей жизни, посвященный любимому благородному делу воспитания человека. После похорон отправились все в школу, которой отдала свою жизнь Вера Федоровна, и здесь состоялся вечер воспоминаний о ней. Выступления не были подготовлены, говорил кто хотел, кто — хорошо, кто — плохо, но искренне.

Из других учителей я любил Надежду Николаевну Хорошкевич, преподавательницу истории²². Это была еще совсем молодая девушка, хорошо владевшая предметом и увлекательно рассказывавшая. Проходили мы историю первобытного общества (с привлечением этнографического материала), античную, русскую. Иногда вместо уроков ходили в музеи: имени Александра III, Румянцевский. Мне кажется, на занятиях у Надежды Николаевны я впервые почувствовал интерес к исторической науке. Надежда Николаевна заставляла нас писать сочинения на исторические темы по пройденному материалу. Я помню мне пришлось писать о первобытном человеке. Я серьезно готовился, и папа дал мне почитать Ранке (иллюстрированное издание). Надежда Николаевна похвалила мою писанину, и я был горд. Когда я уже стал профессором, в одном из моих семинаров на Историческом факультете Московского университета я увидел девочку, еще в школьной форме, Асю Хорошкевич, оказавшуюся племянницей Надежды Николаевны. Сейчас это талантливый и очень образованный научный работник, автор ряда серьезных трудов по истории, Анна Леонидовна Хорошкевич²³.

Географию у нас преподавала Серафима Дмитриевна Менделеева — дочь великого русского ученого. Предмет свой она знала, но ее преподавание меня что-то

не увлекало. Слишком много приходилось запоминать названий рек, городов, гор и т. д., причем эти названия как-то не воплощались в живые образы. Что касается карт, в том числе и исторических, я в общем и сейчас не чувствую к ним влечения.

Хорошее воспоминание осталось о молоденькой учительнице математики — Ольге Ильинишне (фамилию забыл). Объясняла она толково, понятно, математику я всегда любил, занимался ею охотно, и шла она у меня хорошо.

Единственным мужчиной, преподававшим в нашем классе, был Николай Николаевич Кошкарлов, учитель латинского языка. Мне почему-то запомнилась его прическа: гладкая, на пробор, но одна прядь волос все время выбивается и торчит в сторону. Он был какой-то не собранный. Ребята над ним подсмеивались. Особым шиком считалось, если преподаватель повернется к тебе спиной, потихоньку наставить ему над головой рожки двумя пальцами. Маневр этот требовал ловкости и был опасен. Но с Николаем Николаевичем он обычно удавался.

Во время войны Николая Николаевича призвали в армию. Потом его быстро освободили, но некоторое время у нас в классе латынь преподавал мой отец. Он был очень строг. В классе добивался полнейшей тишины. Потом ребята меня изводили, и мне было очень неприятно. Все свободно вздохнули, когда вернулся Николай Николаевич.

Из репмановской гимназии вышли люди, много давшие науке. Со мной в одном классе учился скромный мальчик Вадя Трапезников²⁴, лицо в веснушках, голова острижена под машинку, ходил в коротких штанишках. Учился хорошо, но ничем особенным не выделялся (или мне так казалось). Теперь это выдающийся ученый, академик, Герой Социалистического Труда. Крупнейшего || (тетр. № 5) математика академика Андрея Николаевича Колмогорова я знал как Андрюшу Колмогорова²⁵. В репмановской гимназии он был класса на два старше меня. Мальчик немного мешковатый, заикающийся, не озорной. Недавно скончался доктор филологических наук Петр Саввич Кузнецов, с которым мы довольно часто встречались и в Академии наук, и в университете и вспоминали то время, когда вместе учились в гимназии Репман. Он был старше и меня и Андрюши — своего родственника. Высокий, сутулый, некрасивый, с губами, плохо закрывающими рот, откуда постоянно показывалась слюна пузырями, но темпераментный и даровитый. Судьбы многих своих школьных товарищей я не знаю, тем более, что ушел из гимназии Репман скоро, из четвертого класса.

Увлекаться девочками я начал рано, но всегда держал это в тайне, страшно боялся, что об этом догадается та, кем увлекся, или же кто-либо другой. В одном классе со мной была Зина Шен, блондинка с круглым лицом и великолепными белокурыми косами. Идти домой ей надо было так же, как и мне (через Арбат и Старокопюшенский переулок). Я поджидал ее, чтобы возвращаться вместе, но всегда при этом старался, чтобы это получилось незаметно, чтобы она не подумала, что я ее ждал нарочно. А когда я болел и не ходил в гимназию, то в часы окончания уроков подходил к окну и смотрел, не покажется ли Зина на улице.

Другая девочка, в которую я влюбился, — Зоя Киселева, дочь профессора химии, классом моложе меня. Цветущая, розовощекая, с большими глазами. Зоя мне нравилась в школьном возрасте, а затем я ее встретил студентом, и она мне показалась совсем красавицей. Я долго бредил ей. Решился, написал ей письмо с признанием в любви, ответа не получил. Потом узнал, что она серьезно заболела туберкулезом. А может быть, и румянец, и цветущий вид и были признаками болезни?

Совсем недавно, зимой 1970 г., нескольким выпускникам репмановской гимназии пришла в голову мысль собрать бывших гимназистов и гимназисток разных выпусков из тех, кого можно было найти в Москве. Собрались в Академии педагогических наук. Пришло человек сорок. Старики и старухи, которым захотелось вспомнить детство и юность и себя в детстве и юности. Пришла и Зоя. Было в этом что-то светлое, хорошее, и в то же время грустное, тяжелое. Уж слишком стали мы непохожи на тех, кем были.

Школа поглощала лишь меньшую часть жизни, бóльшая ее часть проходила дома. Родители, люди занятые, дома бывали редко, и значительную часть времени я был предоставлен самому себе. Пока Таня жила в Рязани, я чувствовал себя особенно одиноко. Постоянной собеседницей была Феклуша. Я заходил к ней на кухню, и мы часто вместе коротали вечера. Когда Таня с Варварой Алексеевной переехали в Москву, мое одиночество было нарушено.

С детства я много читал, много и бессистемно. Родители и знакомые дарили мне книги, и у меня собралась неплохая библиотека. Я увлекался «Жизнью животных» Брэма, рассказами Э. Сетона-Томпсона, Кипплингом, Фенимором Купером, «Хижиной дяди Тома» Бичер-Стоу, меня захватывали приключения Тома Сойэра, Геккельбери Финна, лорда Фаунтлероя*, увлекали сказки Андерсена. Нравилась мне «Легенды о Христе» Сельмы Лагерлёф. В круг моего детского чтения входили и немного слащавые книги Луизы Олькотт: «Маленькие женщины», «Маленькие женщины, ставшие взрослыми», «Маленькие мужчины», «Маленькие мужчины, ставшие взрослыми» и сентиментально-институтского пошиба сочинения Лидии Чарской. Особо следует выделить исторические романы, например «Царь Иван Грозный», «Царь и опричники» Льва Жданова и, уж конечно, «Князь Серебряный» Алексея Толстого.

Сравнительно рано (лет 8-ми) я познакомился с классиками русской литературы: Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Некрасовым, заучил и декламировал многие лермонтовские, пушкинские, некрасовские стихотворения, выучил наизусть (правда уже позднее) почти всего «Евгения Онегина».

Как многие ребята, я сам возмнил себя писателем. Пробовал писать стихи и даже начал сочинять роман — «Смелый раб». Фабула такова: крепостной бежит от жестокого помещика и благодаря смелости и упорству добивается свободы. Помню, что писал этот роман в тетрадях, на обложках которых были напечатаны портреты царей и императоров дома Романовых (такие тетради продавались

---

* В рукописи описка: «Фаунтельроя».

в 1913 г. в связи с трехсотлетием Романовых). Временами я начинал выпускать журнал — один или с Вадимом Рындиным. Делалась разрисованная обложка, переписывались красивыми буквами рассказы, стихи, повести — собственного сочинения, и помещались рисунки — также своего изделия. Правда дальше одного-двух номеров дело обычно не шло, а затем выход журнала прекращался вплоть до нового творческого порыва.

Родители решили меня учить музыке. Инструмента у нас не было, поэтому пианино взяли на прокат. Пригласили учительницу Ольгу Никаноровну — ученицу Шора. Она ходила ко мне раза два в неделю. Примерно раз в год меня водили на показ к Шору с тем, чтобы он проверил мои успехи. Проверая мой слух, Шор нажимал клавишу и заставлял угадать, что это за нота. Почему-то все считали, что у меня большие музыкальные способности и чуть ли не абсолютный слух. Жизнь показала, что это не так. Способности если и были, то весьма ограниченные, и слуха, мне кажется, никакого. Однако известные плоды уроки музыки дали. В юности я играл даже Мендельсона, Шопена, Бетховена, Чайковского. А затем убедился, что играю плохо даже для любителя (а музыку-то я очень любил и люблю), и решил, что нечего профанировать искусство. Вот уже сорок с лишним лет, как я не подходил к роялю, и сейчас вряд ли пробренчу даже «чижика».

По желанию родителей я брал также уроки танцев. Происходили они на квартире Алексея Ивановича Яковлева (он жил там же, где и Рындины). У Алексея Ивановича были две дочери, Наташа и Оля, и было решено обучать нас вместе. В качестве преподавательницы была приглашена балерина из Большого театра. Раз в неделю, по воскресеньям, меня отводили к Яковлевым, приходил туда еще один мальчик, их знакомый, и в течение часа или часа с лишним мы выделывали разные па. Танцевали парами. Моей дамой была Оля. В дальнейшем уроки были перенесены в другой дом, к каким-то приятелям Яковлевых. Там пар было уже больше. Должен сказать, что с танцами дело для меня обернулось еще хуже, чем с музыкой. Пока дело шло о «польках» и «венгерках», я еще кое-как справлялся. Но когда дошло до вальса, я оказался совсем неспособным, одолеть его не смог. Полученные мной уроки я в дальнейшем применить никогда не пытался и нигде, ни на каких вечерах не танцевал.

На дом ко мне ходила преподавательница французского языка, француженка по национальности. Веселая, добрая, несколько экзальтированная женщина. Я ее в грош не ставил, безбожно хулиганил, но уроки ее мне в жизни очень пригодились. Почему-то припоминается мне она на другой или третий день после Февральской революции. Пришла на урок сияющая с красным бантом и стала всех поздравлять шумно, экспансивно.

В театр меня водили редко. Вспоминаю, что в детстве я был дважды в Большом театре на балетах «Конек-горбунок» и «Спящая красавица». А когда наш класс ходил в Художественный театр на «Царя Федора Иоанновича», меня не пустили — не знаю почему: то ли потому, что еще «мал», то ли потому, что в театре можно «заразиться». Мнение, что в театре обязательно подхватишь детскую болезнь, было

весьма распространено. У моих родителей оно укрепилось особенно после одного случая. Я и Вадим Рындин были как-то на спектакле «Степка-Растрепка» (где — не помню), встретили там Вадима Трапезникова. А через некоторое время все трое заболели корью. Явно схватили ее в театре, судили домашние.

Особо мягким цветом окрашены воспоминания о праздниках, которые всегда отмечались в нашей семье: Рождество, Пасха. Привлекала не церковно-обрядовая их сторона, а поэтическое содержание, которое в них вкладывалось. Для ребят — это каникулы, длительный отдых, цепь развлечений. Задолго до Рождества начиналась подготовка к елке, сами мастерили игрушки, золотые и серебряные цепи. А затем в доме появлялось громадное дерево, ростом чуть ли не до потолка, все в зеленых иглах. Оно украшалось блестками, разноцветными шариками, бусами, наверху укреплялась звезда. Наступал сочельник — 24 декабря по старому стилю. Праздник начинался с появления первой звезды на небе, возвещавшей, по преданию, рождение Христа. На сочельник приходились именины Евгении Алексеевны Рындиной, и родственники, в том числе и дети, обычно собирались у нее. Там, как и во всех семьях, также устраивалась елка. Когда съезжались гости, на елке зажигались свечи, электрический свет гасили, становилось поэтично, красочно, радостно. У Рындиных обычно собиралось много ребят разного возраста — и Катиного, и Вадиного. Подруги Кати развлекались «взрослыми» играми — в фанты, мнения. Мы же с Вадей особенно любили игру в Змея-Горыныча, которой дирижировал Федя. Он изображал из себя Змея-Горыныча, который страшно рычал, разыскивал и пожирал попрятавшихся детей. Бывали мы с сестрой и «на елке» у Шибаевых. Там было богато, помпезно (на елке, например, возжигались не свечи, а редкие еще тогда электрические многоцветные лампочки), но менее интересно, потому что шибаевский Вадя был еще слишком мал и мне не товарищ. В один из рождественских дней родственники сходились «на елку» к нам. Елка простаивала в доме долго, обычно до нового года по старому стилю, т. е. до 14 января. Под конец она начинала осыпаться и имела жалкий вид.

Пасха несла свои радости. Задолго начинали красить, а иногда разрисовывать красками яйца. Соревновались между собой, кто сделает это искуснее. Заранее же выращивали в каком-нибудь широком сосуде овес. Затем яйца укладывались в зеленую поросль. В обилии пеклись куличи, изготовлялись пасхи. В пасхальное воскресенье христосовались друг с другом, обменивались яйцами, катали яйца с деревянной горки.

В нашей семье любили животных, и всегда у нас были собаки, кошки, иногда птицы. Мне кажется, это хорошая черта. Мне всегда было неприятно видеть, как некоторые родители старались не допустить общения своих детей с животными, боясь заразы или из-за брезгливости, а скорее всего вследствие своей душевной черствости. От того московского периода моей жизни, о котором сейчас идет речь, мне запомнились две чудесные собачки, у нас жившие, — две смешные таксы, черномазые, с висячими ушами, с растопыренными лапами. Их звали Кролик и Нолик. Они были членами семьи и вносили в нее много радости.

На каникулы мы с сестрой часто уезжали в Рязань к моим новым бабушке и дедушке, родителям мачехи. Отец Марии Иосифовны, Иосиф Соломонович, — врач. Он служил в Рязанской городской больнице и еще в какой-то больнице заводской. Кроме того, занимался частной практикой, принимал и у себя, и сам ходил по вызовам по домам. Врач Иосиф Соломонович был очень хороший, опытный и репутацией пользовался прекрасной. Уже с утра, до его ухода в больницу, в квартире у него собирались пациенты. На дворе можно было видеть телеги крестьян, приехавших из окрестностей. Вечером дедушка отправлялся с визитами к больным, которые его приглашали. Ходил обычно пешком, иногда за ним приезжали на извозчике. Закончив трудовой день, дедушка вынимал заработанные рублевки, трояки и пятерки и производил подсчет дневной выручки, а затем заносил получку в специально предназначенную для этой цели записную книжку. Совсем как чеховский врач из повести «Цветы запоздалые». Зарабатывал Иосиф Соломонович неплохо, но был прижимист. Семью он вполне обеспечивал, она ни в чем не || (тетр. № 6) нуждалась, но излишеств не допускал. Каждая копеечка была на счету.

Иосиф Соломонович был человеком разносторонним, интересовался общественными науками. У него в библиотеке были книги по истории, социологии, политэкономии, истории революционного движения: и Карамзин, и Ключевский, и Туган-Барановский, и Лемке, и Тун, и Каутский... Сотрудничал в «Энциклопедическом словаре» братьев Гранат. В политических вопросах у Иосифа Соломоновича, как и у многих тогдашних интеллигентов, твердой линии не было. По-видимому, был близок к бундовцам, хотя ни в какую партию прямо не входил.

Внешне это был человек некрасивый, небольшого роста, с брюшком, со шрамом на голове, усаый.

После Октябрьской революции Иосиф Соломонович продолжал жить так же, как и раньше: больница, амбулатория (теперь уже советской системы здравоохранения), частная практика. Умер он в конце 20-х годов. Поехал лечиться в Кисловодск, в ванне с ним случился удар, с трудом доставили его в Рязань, несколько месяцев пролежал он в постели, утратил речь и так и не поправился. Хоронили его с почетом. Много рязанцев шло за гробом — ведь не одно поколение он вылечил.

Жена Иосифа Соломоновича, моя новая бабушка, Любовь Самуиловна, была женщина красивая, видная, но очень больная, с хроническим пороком сердца, с отечным лицом. Она большей частью лежала в постели. Возили ее и в Москву, помещали там в лечебницу. Характер у бабушки был суровый, неприветливый, капризный. В этом она отличалась от дедушки, более доброжелательно относившегося к людям. Может быть, это происходило от болезни. Умерла Любовь Самуиловна еще не очень старой, в 1918 г.

Меня бабушка недолюбливала и этого даже не скрывала. Все ее симпатии принадлежали Тане. Это ее первая и любимая внучка. Говорят, что последним словом Любви Самуиловны перед смертью было «Таня» — призыв к девочке, которой в тот момент при ней не было. На меня же бабушка смотрела как на обузу, как на неприятную нагрузку, которую приходится терпеть. И я ей отвечал неприязнью.

С Иосифом же Соломоновичем отношения у меня были хорошие. Он интересовался моей жизнью, расспрашивал об учебе, о гимназии. Летом брал меня с собой купаться на Оку. Мы шли лугами, свежими, широкими. Захватывали с собой дедова пса. Дед был охотником и всегда держал у себя собаку, конечно, не такую, как наши московские, полуигрушечные, а крупную, охотничью (пойнтера либо сеттера). Кормил он собак хорошо, но за непослушание взыскивал строго, бил и жестоко. Мне это всегда доставляло много горя — не могу видеть, как бьют животных или детей.

Когда я бывал в Рязани, я виделся там с бабушкой Анной Николаевной. К Идельсонам она не ходила, а меня водили к ней, в дом к Варваре Михайловне Латышевой, где она жила²⁶. Уютный провинциальный домик с садом, где много и фруктовых деревьев, и цветов. Сама Варвара Михайловна — маленькая старушка, во всем темном, в очках, литературно образованная, начитанная, любившая порезонерствовать, поучить молодежь. Знаю, что по своему сословному происхождению она дворянка, что у нее было небольшое имение — Шелудино, но были ли у этой дворянки какие-либо средства — не знаю. Думаю, что нет, потому что она содержала пансион для гимназисток, родители которых жили не в Рязани, т. е. сдавала им комнаты с полным содержанием. К тому же, будучи женщиной культурной, Варвара Михайловна и репетировала своих пансионеров по некоторым предметам, особенно по иностранным языкам.

Вместе с Варварой Михайловной жил ее брат Дмитрий Михайлович, старик, слепой то ли от рождения, то ли с раннего детства. Он был женат на простой, совсем необразованной женщине и имел от нее двух детей — сына и дочь.

В доме Латышевых было всегда шумно, весело, всегда молодежь. За столом обычно много народа. Поэтому я любил там бывать. Кроме того, меня ласкали, жалели, что мне худо живется в доме мачехи (хотя мне жилось совсем не плохо).

На летние месяцы я с сестрой, Марией Иосифовной и Варварой Алексеевной обычно уезжали к Шибаевым в их имение Аргамаково, находившееся в Чембарском уезде, Пензенской губернии. Уже свыше пятидесяти лет прошло с того времени, а я и сейчас так наглядно представляю себе этот чудесный уголок, как будто побывал в нем вчера. Поездом от Москвы мы доезжали до станции Титово, куда из Аргамаково высылали две тройки лошадей. Одной тройкой управлял кучер Федот, другой — Василий (его тройка считалась получше). Верст двадцать отделяли железнодорожную станцию от Аргамакова. Ехали чудесной дорогой, полями и лугами, откуда веяли одуряющие ароматы цветов. Через высокие ворота въезжали на территорию имения. Здесь расположены два дома: старый — большой, какой-то неуютный, производящий холодное впечатление, и новый — чистенький, привлекательный, приветливый. Новый дом Глеб Исидорович выстроил для своей семьи, которая проводила здесь несколько месяцев в году, в летнее время. В старом доме останавливались бывавшие в Аргамакове наездами другие братья (долго они здесь не жилали). Перед окнами нового дома росли громадные кусты сирени, на большом пространстве были разбросаны клумбы с цветами: обилие маков, анютиных

глазок, резеды, левкоев, астр, георгин. Очаровывали розы разных сортов, которые разводила Елена Иосифовна. Трудно было окинуть взором нескончаемые ряды грядок с клубникой, целые заросли малины, множество вишневых, яблоневых, грушевых деревьев. Громадный парк со скамеечками на аллеях спускался к небольшой речушке, у которой была сооружена купальня.

Жизнь в Аргамакове представляется каким-то сплошным праздником: гуляли, играли в крокет, теннис, купались. Ходили в лес за грибами и ягодами, а иногда устраивалось чаепитие в лесу, и кто-нибудь из кучеров отвозил заранее туда на телеге самовар, посуду, яства. Взрослые занимались верховой ездой, и я пробовал ездить верхом. Отец любил ловить рыбу, и когда приезжал в Аргамаково, то весьма этим увлекался. В нашей речушке рыбы не было, и отец отправлялся в шарабане или на дрожках на реку, расположенную в отдалении. Иногда он брал и меня с собой и заражал меня своим увлечением.

Из местной интеллигенции в дом к Шибаевым заходили сельская учительница, еще молоденькая девушка (кажется, ее звали Антонина Александровна), земский врач. Иногда бывал поп со своей матушкой, но это случалось редко, вроде визита вежливости. Моими приятелями были сын экономки мальчик Петя, чуть постарше меня, и две девочки — дочери управляющего имением Петра Васильевича Шишкова, Настя и Лида. Особенно я был близок с Лидой, и она написала мне в альбом такое стихотворение:

О Лева, друг мой неизменный,
Могу ли я тебя забыть,
Когда отец и царь небесный
Велели век тебя любить.
Любить тебя есть цель моя,
Забыть тебя не в силах я,
Люби ж меня, как я тебя,
И будем мы с тобой друзья.

Страшная бесвкусица, но мне тогда понравилось. Всего у Петра Васильевича было пять дочерей: еще Маня, девушка, только что кончившая гимназию, Люба — старше Насти и Лиды, и младшая Тоша — Антонина. Они тоже были в нашем обществе.

Сейчас мне странно и дико, что живя каждый год по несколько месяцев в помещицьем имении, я не знал деревни, не знал крестьян, их отношений с барами. Я видел мужиков и баб на сельских работах (косили, жали, возили урожай), бывал иногда (очень редко) со взрослыми на селе, где встречались нам крестьяне, которые почтительно раскланивались, где попадались босые ребятишки с любопытными и боязливymi глазами. Однако до меня не доходила вся несправедливость аграрного строя. А ведь я читал Некрасова, Григоровича — читал, задумывался и переживал. Но книги оставались сами по себе, жизнь сама по себе, не умел я сочетать в сознании то и другое. Моя теория аграрных отношений была очень несложная:

есть помещики хорошие и есть плохие, хорошие и к крестьянам относятся хорошо. Шибаевых я относил к числу хороших помещиков: как же, они заботятся о школе, о больнице для крестьян. Больница была построена в память одного из братьев Шибаевых — Петра Васильевича, кончившего жизнь самоубийством. Я помню день открытия больницы, сначала молебен, затем обед, прямо в парке, где было расставлено много столов, богато убранных. Съехалось большое общество, что было редкостью (Шибаевы жили вообще довольно уединенно). Мы, дети, конечно, не присутствовали ни на молебне, ни на обеде, и все это видели издали, гуляя в той части парка, где не было гостей.

Когда я стал разбираться в классовой структуре общества, мне много мучительных переживаний доставил вопрос, — как же мне относиться к Шибаевым: они близкие моей семье люди, они сделали нам много хорошего, но они принадлежат к общественной группе, которая живет за счет других.

Я был в Аргамакове, когда возникла империалистическая война. Мне было тогда 9 лет. Началась мобилизация. И первое впечатление от войны воплотилось в фигуры людей, призванных в армию и отправляющихся воевать. Впечатление было столь сильно, что сохранилось до сих пор. Вот идет Федот (не кучер, другой), молодой парень, работавший в домашнем хозяйстве Шибаевых. Идет понурый, растерянный, в низких сапогах, в вещевом мешком. А вот кучер Василий. Он живет с семьей в половине домика рядом с конюшней. Когда-то заливхатский кучер, в алой рубашке, в бархатной жилетке с серебряными пуговицами, в шляпе с перьями, он любил лихо подкатить к подъезду. Сейчас он жалок и подавлен, прощается с женой и маленькими детьми. Вот, может быть, когда я впервые понял, что самые тяжелые испытания всегда падают на трудовой народ. И на этот раз в Москву я возвращался с тяжелым чувством.

А кругом распространялся шовинистический угар. Лозунг войны до победного конца в кругах либеральной интеллигенции был силен и действовал на умы. И мы, мальчишки, играли в войну. А гимназисты постарше иногда бежали на фронт. В первом же номере моего «военного» рукописного журнала я поместил стихотворение, в котором было такое четверостишие:

Объявлена война, объявлена!
И все за родину идут
И иго доблести несут.

Получилось мало того, что пошло и безграмотно, но еще и двусмысленно, ибо я-то словами «иго доблести» хотел выразить беззаветную храбрость, а выходила храбрость поневоле.

Недостаточное знание русского языка проявилось и в другом стихотворении, где я написал такую фразу:

Солдаты все кричат ура
И в тыл несутся на врага.

Очевидно, я плохо разбирался, что такое тыл и что такое фронт. Моя двоюродная сестра Катя Рындина высмеяла меня и объяснила что к чему.

В Москву стали прибывать поезда с ранеными. Открывались лазареты. Мария Иосифовна работала в военном лазарете в Серебряном переулке, на Арбате. Там же работали некоторые наши родственники: жена моего дяди Александра Алексеевича (сам он был на фронте) Любовь Ивановна была сестрой милосердия, ее брат Иван Иванович Стебаев — санитаром. Сестрой милосердия стала Лёля Бернацкая.

В Рязани я видел целые эшелоны беженцев из юго-западных областей. Преимущественно еврейское население. Рязанская еврейская интеллигенция, в том числе семья Идельсон, проявила большую деятельность в организации помощи беженцам, обеспечении их жилищами, одеждой, деньгами.

Становилось все труднее с продовольствием, возникали очереди. Но жизнь шла, несмотря на ужасы войны. Появились новые романсы вроде романса Вертинского:

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
|| (тетр. № 7)
Кто послал их на смерть недрогнувшей рукой?
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в вечный покой.

Романс этот стал столь же модным, как ранее «Ямщик, не гони лошадей».

Популярность приобрели лотереи в пользу раненых. Поветрие это захватило и меня. У меня было много всякого добра — игрушек, открыток, украшений и т. д. Я отбирал ряд безделушек, которые пускал в розыгрыш, составлял билеты — как выигрышные, так и проигрышные — и распродал их родным и знакомым по фиксированной, конечно недорогой, цене. После розыгрыша вещей полученная сумма (хоть и небольшая) переходила в фонд помощи раненым. Какими путями это делалось — не помню, но знаю, что деньги поступали по назначению.

Февральская революция запомнилась мне как знаменательный праздник: красные флаги и красные банты, улыбки, объятия, поздравления. А затем вспоминаются речи, политические выступления, споры. Их можно было слышать и на улицах, и на бульварах, и дома. Э. Н. Бурджалов, написавший книгу по истории Февраля 1917 г., не так давно говорил мне, что среди архивных документов нашел материал о выступлении моего отца в то время на каком-то собрании, от служащих Румянцевского музея²⁷. Спорили о форме государственного устройства, о земле и фабриках, о войне, об Учредительном собрании, о Керенском, Корнилове и т. д. Я слышал о партиях — кадеты, эсеры, большевики, меньшевики, но плохо понимал, что все это значит, хотя у себя дома видел представителей всех этих течений. Ведь мне только что минуло 12 лет. Однако я хотел выработать свое политическое кредо. Еще до Февральской революции мне приходилось вести политические дискуссии со своим двоюродным братом Вадимом Рындиным. Он, убежденный

своим отцом, выступал безоговорочным противником монархического режима. Я же, на уроках истории недавно познакомившись с материалом об избрании на царство Михаила Федоровича Романова, защищал монархию. Доводы мои были примерно такие: ведь сами выбрали государя, выбрали добровольно и всенародно, взяли с него запись с обязательствами, следовательно, правят и он и его потомки на законном основании²⁸. Словом, был я поборником легитимизма, но недолго. Моя убежденность была скоро поколеблена рассказами, которые приходилось слышать от окружающих, о разложении царского режима, о распутинской клике, о произволе и беззакониях, о казнях и ссылках. Тогда я решил, что правы кадеты — нужна конституционная монархия. Поделился этим с сотрудницей моего отца, молодой женщиной Ольгой Андреевной Старосельской (впоследствии она стала серьезной исследовательницей французской революции). Та мне язвительно заметила: «Я думала, ты умнее. Предоставь защищать эту партию дядям с толстыми животами и тугими карманами». Мне стало неловко, и мой «кадетизм» как рукой сняло. Но верный политический компас я нашел еще не скоро.

Весной 1917 г. произошло несчастье в нашей семье. Seriously заболела туберкулезом Мария Иосифовна. Отец совсем растерялся. Алексей Иванович Яковлев рассказывал мне как-то, что Владимир Алексеевич пришел к нему, разрыдался и стал рассказывать о своем горе. Врачи посоветовали отвезти маму сначала на кумыс на Волгу, а затем отправить ее в санаторий в Крым. Нужны были деньги, как будто их дал взаймы Алексей Иванович. Мама провела лето в Самарской губернии, а осенью отец отвез ее в Ялту и поместил в санаторий «Славати». Он был расположен высоко, в горах, за дачей Чехова, на Верхней Аутке. Чудесное место и хорошо оборудованное лечебное учреждение. Владельцами санатория были доктора Блох и Друскин, первый — специалист по болезням уха, горла и носа, второй — терапевт. Оба они — хорошие специалисты, но люди совершенно разные. Блох — рыжий, юркий еврей, жуир, любитель анекдотов. Впоследствии он перевелся в Москву. Друскин — солидный, с размеренными движениями человек, с окладистой бородой, напоминающий раввина. Он погиб в гетто во время оккупации Крыма фашистами. При фашистах было уничтожено (не знаю — как и зачем) и здание санатория «Славати». Когда я побывал в Ялте уже много времени спустя после войны, я нашел на месте «Славати» одни развалины.

Срочно принятыми мерами легочный процесс у Марии Иосифовны удалось приостановить. А то отцу уже казалось, что ее ожидает такой же финал, как и первую его жену — мою родную мать.

Меня с Таней было решено на лето 1917 г. отправить в Рязань к Идельсонам. В Аргамаково Шибаевы в этом году не поехали. Управляющий Петр Васильевич писал Глебу Исидоровичу об «аграрных беспорядках» в Пензенской губернии. В Рязани мы пробыли недолго. Любви Самуйловны там не было, она лежала в больнице (как будто — в Москве), Иосифу Соломоновичу возиться с нами не хотелось, и он решил устроить нас на лето к своей сестре, бывшей замужем за земским врачом Григорием Яковлевичем Фейгиным, который работал в селе

Мурмине под Рязанью. Это была хорошая, трудовая семья, и время, в ней проведенное, я и сейчас вспоминаю с удовольствием.

От Рязани до Мурмина ехать надо было на лошадях, верст двадцать. Ехали, конечно, не на такой шикарной тройке, как в Аргамаково, а в простой извозчицкой пролетке, запряженной парой или одной лошадью. Но удовольствия было не меньше. Жили Фейгины при больнице, в небольшом домике с садиком и огородиком. Было и свое хозяйство, корова, свинья, домашняя птица. Все это, конечно, в миниатюрных размерах по сравнению с Аргамаковым, причем все в основном дело рук своих; чужой труд если и использовался, то не для наживы. Была одна домашняя работница, кроме того, когда мы там были, в хозяйстве работал еще пленный австриец.

Григорий Яковлевич жил с женой Сесилью Соломоновной и дочерью Александрой Григорьевной (Шурой). Был еще старший сын Илья Григорьевич (Лёша), то ли студент-выпускник, то ли только что кончивший медик. Он находился на войне. Григорий Яковлевич — толстый, с брюшком, с отвислыми губами, добродушный человек, остряк и балагур. С раннего утра, обязательно искупавшись в озере, он бежал в больницу, затем приходил на короткое время позавтракать — и снова туда. И так весь день и изо дня в день. Больничный двор был всегда заполнен приходящими и приезжавшими пациентами. Это тип благородного земского врача, преданного своему делу, работяги. Вел он здоровый образ жизни, не пил, не курил, ходил в простой рубашке, подпоясанный ремешком, чуть ли не до заморозков обязательно купался в озере по два или три раза ежедневно.

Сесилия Соломоновна, нездорово полная женщина, в пенсне и с усиками на верхней губе, вся отдалась хозяйству, заботам о муже и семье. Ей было трудно двигаться, но она все время находилась в хлопотах.

Хорошая семейная жизнь Фейгиных разрушилась со смертью Сесилии Соломоновны. Она умерла в конце 20-х годов, преждевременно, когда ей было лет пятьдесят с чем-то. Вышла утром в сад, упала, потеряла сознание и в себя уже не пришла.

Скоро последовало новое несчастье. Так же внезапно умер сын Григория Яковлевича Илья, после приезда с фронта живший в Рязани. Это был другой человек, чем его отец. Внешне он даже был похож на отца, но характером — нет. Любил общество, застолье, много курил, попивал, увлекался карточной игрой. Не укладывался в те средства, которые давали врачебная практика и отцовская поддержка, и, не раз случалось, запутывался в долгах. Быть должным он считал явлением обыденным. При всем том человек интересный, даже даровитый. Увлекался женщинами. Первая жена была красавица, но разошлись, и она ушла к какому-то работнику торгпредства в Париже, где погибла под автомашиной. Илья женился вторично, у него появилась дочь Наташа. И вот он пошел с ней купаться и на пляже умер, прожив едва ли до сорока лет.

Оставалась дочь Шура. Но ее судьба совсем плачевна. Страшно избалованная, не приученная к труду, хотя пример трудовой жизни был у нее перед глазами,

не знавшая цены деньгам и не умевшая их зарабатывать, она не получила никакой специальности.

Пока были живы родители, Шура жила на их деньги, а после их смерти ей стало совсем плохо, т. к. муж ее бросил, а надо было растить сына. Кроме того, она была нездорова психически. Трудно сказать, что от чего зависело: нездоровье от образа жизни или образ жизни от нездоровья. Но финал печальный: большую часть времени Шура уже давно проводит в психиатрической больнице Кашенко.

Но это забег вперед. А в 1916 г.²⁹ я, Таня, Варвара Алексеевна провели лето в обществе Григория Яковлевича, Сесилии Соломоновны, Шуры. Я каждый день ходил с дядей Гришей купаться. Научился плавать, и это значительно увеличило удовольствие от пребывания в воде. С Шурой днем мы гуляли в лесу, а вечером катались на лодке. Пробовал удить рыбу (теперь один, без отца), но неудачно. Я острее и глубже, чем раньше, стал воспринимать природу. Восход и закат солнца, лунная дорожка на озере, молодая нежная зелень березок, серебристые ветви елей, красно-оранжевый отлив рябины, все это доставляло неизъяснимое наслаждение, заставляло биться сердце. Очевидно, стал взрослее, и природа к тебе приблизилась, заговорила с тобой по-иному.

В Мурмине жила и у Фейгиных бывала какая-то вдова. Совершенно не помню, ни как ее зовут, ни кто она, ни откуда. Но хорошо помню, что у нее были дочери, и одна из них, Ирина, анемичная блондинка с тонкой просвечивающей кожей, заставила сильнее биться мое сердце. Опять любовь (или влюбленность). Опять стремление сохранить свою тайну от всех. Но кругом уже намеки, насмешечки, добродушные, но все же раздражающие.

У Фейгиных был хороший подбор классиков русской литературы. И этим летом я очень много читал. Прочел всего Тургенева, Толстого, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Мельникова-Печерского, Гарина-Михайловского, Чехова. Меня особенно трогало тургеневское описание природы, русской природы средней полосы. Оно было как-то созвучно моему собственному восприятию мира. Из иностранных классиков я больше всего читал Диккенса.

Приехал я в Москву какой-то обновленный и еще более повзрослевший. На одном из первых уроков Вера Федоровна задала нам сочинение на тему: «Как я провел лето, и была ли от меня какая-нибудь польза». Я попробовал изложить впечатления, навеянные деревенской жизнью. Получилось, по-видимому, неплохо. Вера Федоровна признала мое сочинение одним из лучших и сказала, что в нем много художественных описаний. Я, конечно, был весьма польщен.

В октябре 1917 г. отец уехал в Крым навестить Марию Иосифовну. Чтобы мне с Таней не было скучно, а Варваре Алексеевне с нами слишком трудно, он попросил остаться с нами нашу старшую двоюродную сестру Катю Рындицу. Она переехала с Волхонки в Староконюшенный переулок на все время отсутствия отца. Это был канун Великой Октябрьской революции.

Отец вернулся как раз к победе Советской власти. Когда в Москве начались бои с юнкерами, его еще не было. В квартире оставались две женщины (Варвара

Алексеевна и Феклуша), две девочки (Катя и Таня) и я. Я помню стрельбу, помню, что окна закрывали одеялами, иногда мы спускались по лестнице на нижний этаж и сидели там, спали в коридорчике вдали от окон. Женщины молились, нам с Таней было и страшно, и интересно. Отец вернулся в Москву, когда бои не закончились, и шел пешком от вокзала домой.

Советская власть победила. Как к этому отнеслись мои родные, близкие? Сейчас, через полстолетия, очень трудно ответить на этот вопрос. Конечно, значения этого акта никто из них не понимал. Но он не был встречен недружелюбно. Скорее была некоторая растерянность, ощущение неясности, раздумье, куда же дальше || (тетр. № 8) поведет история, сколь прочна новая власть.

Отец считал, что в это сложное и ответственное время детей лучше отвезти к матери. Ему одному в Москве будет легче. Итак, решено было ехать в Крым. Устройству там помог отцовский приятель Моисей Абрамович Неусыхин. Его жена (или бывшая жена) Вера Ивановна Слива жила у своего отца, владевшего земельным участком в Магараче (между Ялтой и Никитским садом), где он занимался виноделием. Моисей Абрамович предложил остановиться там.

В конце декабря 1917 г. отец, Варвара Алексеевна, Таня и я уехали из Москвы. Никто не знал — насколько. Оказалось — надолго. Начался новый период моей жизни, период ранней юности, о котором каждый человек вспоминает с совершенно особым чувством. Ялта стала как бы моей второй родиной, и когда я теперь бываю там (а случается это, к сожалению, очень редко), я переживаю многое-многое заново.

Отъезд из Москвы мне тогда не казался страшным или тяжелым. Ребят манит все новое. Кроме того, я любил железную дорогу, поезда, шум колес, путешествие. Отец взял в Румянцевском музее то ли отпуск, то ли командировку, и мы сели на поезд Москва — Симферополь, в квартире оставалась Феклуша.

В Симферополе мы переночевали в гостинице, а на другой день автомашиной направились через Алушту в Ялту. С нами вместе ехал очень симпатичный интеллигентный мужчина, который получил известие, что в Алуште, в военном госпитале, скончался от ран его сын. Война шла за нами. В Алуште перед нами развернулось необъятное, безбрежное, чудесное море. Я не помню моего первого впечатления от этой картины. Но сколько раз потом мне ни приходилось видеть море, я никогда не мог остаться к нему равнодушным. Постоянно меняющаяся гамма красок, шум прибоя, то лелеющий, убаюкивающий, то угрожающий, то куда-то зовущий, лунная дорожка на водной поверхности — все это настолько необычно, таинственно, чарующе. Я мог сидеть у моря часами — и просто смотреть.

И другие красоты Крыма постепенно раскрывались передо мной. Горная гряда в сизой дымке облаков, вдали зубцы Ай-Петри, громада Медведь-горы, спускающаяся в море, темные фигуры наблюдающих друг друга скал — Диво и Монах, — я вижу побережье, усеянное курортными городами и местечками, дачами, виллами, утопающими в зелени виноградников и садов, — картина величественная и в то же время мягкая, душевная. Ливадия, Ореанда, Алупка, Гурзуф, дворцы и парки,

фонтаны и мраморные изваяния, аллеи кипарисов, и цветы, всюду цветы, бесконечно цветы, — розы, глицинии, дразнящие магнолии. От них приторно-нежный запах. Когда я вспоминаю Крым, я сейчас же снова ощущаю этот запах, от которого так приятно кружилась голова, так блаженно становилось во всем теле. Это запах молодости, юности, свежести.

Этот благословенный край, на протяжении тех трех с лишним лет, что мы в нем пробыли, являлся местом борьбы политических сил, куда устремлялись германские оккупанты, куда совершила два похода Антанта. Советская власть не сразу отвоевала Крым от белогвардейщины и интервентов. Она была вынуждена уходить, но снова приходила, пока в конце 1920 г. не стала там твердой ногой. Это время описано Вересаевым в романе «В тупике». Ялта тех лет вспоминается мне, и когда я читаю или смотрю на сцене «Любовь Яровую» Тренева.

По прибытии в Ялту из Симферополя мы провели несколько дней в санатории «Славати», администрация которого оказала нам гостеприимство. Больные, изолированные от внешнего мира, прискучившие самим себе и друг другу, были рады появлению в их среде двух ребят. Я помню, что с нами возились, заставляли читать стихотворения, меня — играть на рояле.

И в дальнейшем, во время пребывания в Крыму, мне приходилось часто бывать в «Славати» и общаться с людьми, заброшенными туда судьбой. Я видел много страшного, видел, как неумолимая болезнь подтачивала силы человеческие и сводила в могилу тех, кто, по существу, только начинал жить и должен был еще жить. В то время медицина еще часто оказывалась бессильной перед недугом, в просторечии именуемым чахоткой. Молодая девушка, нежная и ласковая, лет 18, а по повадкам совсем еще ребенок, — все ее звали уменьшительным именем: Ольгуша, Олечка, Оленька. Ее комната находилась рядом с комнатой Марии Иосифовны, и они очень привязались друг к другу. Сначала Ольгуша ходила, затем больше сидела в кресле на веранде, наконец, болезнь приковала ее к постели, и она целыми днями лежала, бедная и беспомощная, с горячечным румянцем на лице. Мария Иосифовна часами сидела у ее постели. Вызвали отца Ольгуши, по-моему, кубанского казака в каком-то офицерском чине. Он застал дочь живой, и ему даже подавали надежду, но, вероятно, больше по врачебному долгу, чем по правде. Скоро молодая девушка умерла, и он повез морем ее тело в оцинкованном гробу куда-то к себе на родину.

А вот другая девушка — повзрослее и годами, и характером, и чувствами, и интеллектом — Сусанна. Стройная, гордая, независимая, одетая во что-то темно-зеленое, шедшее ей к лицу. Говорили, что у нее есть жених, что он ждет ее выздоровления. И она погибла.

В то время я все еще считал себя писателем и начал обдумывать тему повести о молодой девушке, болеющей чахоткой и обреченной. Образ этой девушки складывался из черт Ольгуши и Сусанны. Но в литературное произведение эта тема так и не вылилась.

Но многим больным санаторий помог. Так было с Марией Иосифовной, которая полностью вылечилась от этой болезни. Так было с Глебом Анатольевичем

Бонч-Осмоловским, с которым Мария Иосифовна познакомилась в «Славати» и который потом стал другом нашей семьи. В то время это был человек лет 30-ти, студент-этнограф, выбитый из привычной колеи революцией и начавшейся вскоре гражданской войной. В санатории он явно томился, ибо она не отвечала его жизнедеятельной натуре. Я помню, он приручил белочку, которая жила у него, а когда он куда-нибудь шел, то нес ее на плече или в кармане. Впоследствии Глеб Анатольевич стал крупным ученым, открывшим палеолитические стоянки в Крыму³⁰. Несколько лет тому назад я прочел в «Новом мире» воспоминания женщины, которая любила Глеба Анатольевича, а он любил ее, и нашел в них много мне знакомого о крымском периоде его жизни.

То, что я написал сейчас о «Славати», носит несколько обобщенный характер. По времени я отошел уже далеко от того момента, когда вместе с сестрой впервые переступил порог санатория. Но вернусь к этому времени. Из «Славати» отец через несколько дней отвез нас и Варвару Алексеевну в Магарац, где находился участок Сливы и где мы должны были жить. Это было верстах в семи от Ялты (в дальнейшем я часто проделывал этот путь пешком). Мария Иосифовна осталась в санатории, Владимир Алексеевич через некоторое время уехал в Москву.

Семья Сливы состояла из старика-отца, занимавшегося виноградарством и виноделием, трех его дочерей — Веры Ивановны, Татьяны Ивановны и Екатерины Ивановны — и двух внуков — детей Веры Ивановны — Таты и Марика. Младшая из сестер Слив — Екатерина — то ли кончала гимназию, то ли училась на каких-то курсах в Ялте, и каждый день уезжала в город, сама запрягая лошадь в коляску. Две другие сестры, по-видимому, помогали отцу в хозяйстве. Жил в Магараце еще один молодой человек лет 20 с лишним, говорили, что это побочный сын Красина. Его положение в семье Сливы было не совсем ясным. Шла молва, что у него связь с Верой Ивановной, хотя на людях они были на «вы» и держались официально, просто как знакомые.

Сначала мы жили в Магараце втроем — я, Таня и Варвара Алексеевна. Затем сюда подъехали из Москвы Шибаевы — Глеб Исидорович, Елена Иосифовна, Вадя и его бонна. Приехала с ними также сестра Глеба Исидоровича Мария Исидоровна с мужем Федором Федоровичем. Нам и Глебу Исидоровичу с семьей Сливы предоставили половину своего дома (по-моему, комнаты четыре), Мария Исидоровна с мужем жили во флигельке.

Мария Исидоровна была экспансивная женщина, уже начинавшая стареть, но упорно этого не хотевшая признавать и молодящаяся. Стриженная, с волосами, повязанными бархатной лентой, с большим, сильно напудренным носом, с резкими движениями, всегда с папиросой в руках, она производила вокруг много шума. Ее муж, напротив, больше молчал. Елена Иосифовна и Глеб Исидорович относились к нему пренебрежительно как к плебею, т. к. он был по профессии печником и из любовников Марии Исидоровны стал ее мужем. До этого у нее были и другие мужья, но с фамилиями (например, Мамонтов), а то вдруг печник!

Положение Шибаетых, когда-то богатых людей, теперь изменилось. И все больше и больше сквозь оболочку цивилизованного европейского барства стала проглядывать мелкая купеческая торгашеская жилка. Начались постоянные разговоры о ценах на продукты, о дороговизне, расчеты, кто сколько должен платить за обед (питались сообща). А в это время в стране происходили крупнейшие события. Побеждала революция. Крым хоть и на короткое время стал советским. Мы же жили в Магараче как на острове, оторванные от жизни. Обрывки памяти сохранили какие-то разорванные эпизоды. В городе идет стрельба, с моря слышны залпы орудий. Это отзвуки борьбы за революцию. Мы сидим в подвале сливинского дома и ждем, что будет. Всплывает в памяти другая картина. Матросы вытаскивают из сливинского подвала бочки с вином и вскрывая их, выплескивают прямо на двор ароматную жидкость. Образуются уже не стоячие лужи, а бегущие винные ручьи. В них плескаются* и пьянеют куры. Не могу сейчас осмыслить эту картину: что за матросы, чего они хотели. Но мирный покой усадьбы был нарушен.

В это время я был лишен сверстников. Сестра, Вадя, Марик и даже Тата (самая старшая среди них) были моложе меня и мало меня удовлетворяли. Основным моим занятием являлось изучение материала за четвертый класс гимназии. Родители считали, что, где бы я в дальнейшем ни стал продолжать учение, в Москве ли, Ялте ли, год у меня пропал и я должен буду опять идти в четвертый класс (в котором был накануне отъезда из Москвы). Я с этим не соглашался. Я решил, что сам изучу все, что проходится в четвертом классе, и буду держать экзамен (в Москве или в Ялте) в пятый класс. Я привез из Москвы учебники, с утра уходил куда-нибудь подальше от дома и на свежем воздухе зубрил-зубрил.

Вокруг сливинского дома были раскинуты большие поля виноградников и парк. Усадьба была расположена высоко на горе, и оттуда вдаль виднелось море. Я выбирал укромное место, читал учебники, затем откладывал их и наслаждался той красотой, которая была вокруг меня. Нападал на меня и поэтический порыв — начинал писать стихи, как всегда плохие. Стал сочинять новый роман. Фабула примерно такая: море выбрасывает на берег труп неизвестного человека; у него сложная судьба, которая лишь постепенно раскрывается; лишь постепенно выясняется, что человек кончил жизнь самоубийством и почему он так поступил. Но и этот роман, как многое другое в жизни, я забросил, по-настоящему и не начав.

Чувство любви к природе побудило меня попробовать свои силы в живописи. Я стал писать красками, конечно, не масляными, а акварельными. Об этом сейчас стыдно даже вспоминать, ибо где-где, а уж здесь-то моя бездарность слишком очевидна. || (тетр. № 9) Не сразу привык к новой природе. Трудно было раньше себе представить Рождество без снега, без мороза. Однако елку достали и зажгли, хотя и маленькую. А первая Пасха в Крыму вспоминается как победоносное шествие весны, южной весны, благоухающей неведомыми мне ранее запахами и красками цветов. Я ходил к пасхальной заутрене (первый раз в своей

---

* Так в рукописи.

жизни) с Варварой Алексеевной и Марией Исидоровной в церковь, находившуюся в Никитском саду. И блеск свечей, и звуки церковных песнопений как-то особенно торжественно воспринимались на сказочном фоне собранных здесь чудо-растений и деревьев.

К весне выяснилось, что мне придется держать вступительные экзамены в Ялтинскую гимназию. Отец, приезжавший к нам еще раз из Москвы и снова туда уехавший, меня с собой не взял³¹, так что все счета с репмановской гимназией для меня были покончены. В основном я к экзаменам был подготовлен. Смущали иностранные языки, изучать которые самостоятельно было трудно. Особенно это относится к немецкому языку, ибо французский я знал лучше благодаря домашним занятиям в Москве. Совсем плохо дело обстояло с математикой. Здесь я чувствовал потребность в руководстве. Руководитель нашелся. Какая-то пожилая женщина, знакомая Марии Иосифовны, приехала с ней в Магарач, провела здесь несколько дней и все время со мной занималась алгеброй и геометрией. Я не помню, ни как ее зовут, ни какова ее профессия (то ли учительница, то ли медичка), но предмет знала прекрасно, объясняла толково и явно. Конечно, в несколько дней изучить годичный курс трудно, но основы все же я одолел.

Весной 1918 г. наступили экзамены. Они продолжались дней десять. Все это время я прожил в санатории «Славати» у мамы в комнате. Утром шел в гимназию, сдавал очередной экзамен, а вечером готовился к следующему. Весь санаторий интересовался, как у меня идут дела. До гимназии было идти далеко, ибо «Славати» находился за городом, в горах, а гимназия была расположена ближе к набережной. На первый экзамен меня отвела мама, на последующие я ходил сам.

Итак, в середине 1918 г. я впервые вошел в здание Ялтинской мужской гимназии, сделавшееся затем для меня на ряд лет родным домом. Оно помещалось на Верхней Аутке, против улицы Боткина. Большое каменное двухэтажное здание. Перед ним обширный двор, огороженный каменным же забором. Внутри двора другой, меньшего размера, дом (когда-то там было общежитие для гимназистов-пансионеров, а в мое время жили некоторые учителя) и гимназическая церковь. Посредине двора — какое-то очень высокое и развесистое дерево (сейчас не помню — какое), а вокруг скамеечки: на переменах на них восседали торговки с корзинами бубликов. Уже в пожилом возрасте, бывая несколько раз в Ялте, я обязательно всегда заходил во двор своей гимназии, где потом помещался винодельческий техникум. В общем все осталось по-старому и, казалось, сейчас зазвенит звонок на уроки. В здание вели два входа: один, центральный, парадный (крыльцо, широкие двери), — для учителей, другой, боковой (ступеньки вниз, в полуподвальный этаж, где раздевалка и затем наверх, в классы), — для учеников. Парадный вход охранял пожилой, бородатый, хорошей выправки, швейцар.

Первый экзамен был письменный, по математике. Дали задачу по алгебре. Я в ней запутался и решил ее, только заглядывая в тетрадь соседа. На втором письменном экзамене, по русскому языку, экзаменатор прочел какой-то литературный текст, и надо было написать его изложение. Это сошло у меня хорошо. Хорошо

прошел диктант по-французски, хуже, но тоже благополучно — по-немецки. Настных экзаменах я отличился по истории. Экзаменовал Дмитрий Федорович Азбукин (о котором я расскажу потом), оставшийся очень довольным моими ответами по античной истории. Географию я сдал, но сам признался преподавателю (чего мог и не делать), что не успел как следует пройти разделы, относящиеся к Кавказу. Хуже всего оказалось с математикой (этого и следовало ожидать). По геометрии я еще кое-как ответил, а по алгебре совсем запутался. Экзамен принимал Григорий Григорьевич Знаменский, старый (еще рязанский) приятель отца. Он меня пропустил, поставил тройку, но остался мной очень недоволен и долго выговаривал мне за плохое знание предмета, считая, что это результат небрежного отношения к делу. Когда мама ему рассказала, как я готовился, имея в распоряжении лишь несколько дней, он сменил гнев на милость.

Экзамены кончились, и я стал учеником пятого класса мужской гимназии города Ялты. Родные гордились, что я добился этого, занимаясь сам, без репетитора. У меня же все время оставалось какое-то неприятное чувство, что знания мои неполноценны, что я прошел на экзаменах при помощи случайности.

Лето 1918 г. я с сестрой и с семьей Шibaевых провели в Мисхоре, чудесном местечке на побережье Черного моря. Я много купался, научился хорошо плавать и заплывал далеко-далеко в море, долго лежал на водной поверхности, смотря в небо. Рядом с той дачей, которую мы снимали, жила скрипачка, молодая девушка, некрасивая, толстая, но хорошая музыкантша. Я всегда любил музыку, но здесь, на фоне чудесной крымской природы, я с особым чувством наслаждения воспринимал игру на скрипке. Довелось мне слушать исполнителя и более высокого класса: в Крыму тогда оказались пианист Нейгауз, скрипач Сибор, и я бывал на их концертах.

В то время в Мисхоре сосредоточилось много бывших людей из разных городов России, и прежде всего из Москвы: представителей аристократии, чиновничества, буржуазии. Их пребывание накладывало отпечаток какой-то праздности и легкой жизни. Это утомляло, и я был рад, когда наступил учебный год.

Осенью 1918 года Мария Иосифовна ушла из санатория, и мы стали жить в Ялте отдельно от Шibaевых. Сняли две комнаты в домике, принадлежавшем Ергиным, совсем недалеко от «Славати». Ксения Петровна Ергина, старуха, вдова генерала, жила со своей дочерью, Верой Михайловной, женщиной тоже не первой молодости, балзаковского возраста. По рассказам матери и дочери, они когда-то проживали в Петербурге, но генерал Ергин заболел туберкулезом и, выйдя в отставку, приобрел кусочек земли в Ялте, построил дачу и поселился тут с семьей. Участок земли крошечный — маленький виноградник и садик. Домик также небольшой — четыре комнатки. Не знаю, как было при жизни генерала, но когда мы поселились у Ергиных, жили они бедно. Средств не было, сдавали комнаты, а кроме того, занимались преподаванием, учили дошкольников и репетировали школьников. Преподавали все предметы младших классов, кроме того, старуха — музыку, а дочь — французский язык. Вели занятия группами. Много у них было среди учеников детей греков — владельцев табачных и других плантаций.

Педагоги Ергины были, по-моему, никудышные. Главные педагогические приемы видели в подзатыльниках, пощечинах, дранье за уши. Поэтому и поступали к ним в ученики преимущественно дети не интеллигенции, а торговцев, предпринимателей, людей малокультурных, в семьях которых господствовали такие же методы воспитания.

Я и сестра Таня брали у Ксении Петровны уроки музыки (у нее в доме был рояль). Вера Михайловна репетировала Таню по предметам первых двух классов гимназии (потом сестра держала в гимназии экзамен). К нам они прикладывать руки не решались (им бы это не позволили), но на крики не скупились.

В области музыки Ксения Петровна дала мне мало. Она не столько учила, сколько следила, чтобы я просиживал ежедневно положенные мне часы за роялем и проигрывал те ноты, которые она мне подбирала. Иногда она сама садилась за рояль — играла так, как обычно умели играть светские дамы в своих гостиных: для любителя — ничего, от профессионала очень далеко.

Ученики толпились в доме Ергиных целый день: с утра — дошкольники, днем и вечером — школьники. Некоторые мне запомнились. Две сестры-гречанки (кажется, их фамилия — Панайоти): Люба, лет 12-13, прыщавая, некрасивая, хитрая и разбитная, и Клёпа (Клеопатра), лет 10-11, миловидная, курчавая, с вздернутым носиком. Родители их, зажиточные табакоты, люди необразованные, хотели, чтобы дочери окончили гимназию, но тем наука давалась тяжело, и вот дополнительно они проходили «школу» Ергиных: испытывали и шлепки, и колотушки, цепкие пальцы воспитательницы не раз закручивали девочкам волосы. Люба была хитрее, и ей попадало меньше, а Клёпе по ребячьему простодушию реже удавалось отвести от себя возмездие. А вот девочка еще постарше — Дуся, дочь бедной вдовы, державшей маленькую бакалейную лавчонку. Дусе удалось попасть в гимназию, а Ергины репетировали ее бесплатно, «из милости», хотя, по-моему, она в этом не нуждалась, т. к. училась хорошо. В «благодарность» Дуся должна была выполнять всю черную работу по дому и саду. Ее подкармливали, но денег не платили. Зато оплеух она получала больше, чем кто-либо из детей, да постоянно еще ее упрекали в том, что она не ценит оказываемых ей благодетелей.

Что это? Жестокость? Думаю, что нет, хотя добрыми Ергиных назвать нельзя. Скорее, это отсутствие настоящей культуры (у людей, считавших себя культурными) и убежденность, что иначе нельзя с детьми, иначе нельзя с теми, кто прислуживает. Так поступать казалось естественным. И Ксения Петровна, отлупив по щекам ту же Дусю, через некоторое время разговаривала с ней спокойным голосом, как будто ничего не случилось. Да она и думала, что ничего не случилось. А финал был плачевным. Дуся взбунтовалась и ушла от своих «благодетельниц». Они ее всячески корили, говорили про нее, что она потеряла девичью честь, стала вести вольный образ жизни. Не знаю, так ли было на самом деле, но если и так, то виноваты в этом в конце концов сами Ксения Петровна с Верой Михайловной.

Хорошо, что значительная часть моей жизни протекала не в доме Ергиных, а в гимназии, где я полностью прошел три класса (пятый — седьмой). В течение

трех лет ежедневно (кроме праздников) я проделывал значительный путь от ергинской усадьбы до улицы имени Боткина и обратно. Выйдя утром за калиточку этой усадьбы, расположенной высоко над городом, окидывал взором панораму Ялты, иногда в тумане, иногда в ярком освещении, любовался морем, каждый день другим, не таким, как вчера, видел очертания мола и судов в порту. Спускался по длинной лестнице на Верхнюю Аутку, проходил мимо дачи Чехова, греческой церкви, мечети, мимо ворот, ведущих в парк Эрлангер. И вот гимназия!

Каждый раз потом, приезжая в Ялту человеком, уже имеющим за собой десятки прожитых лет, я еще и еще раз проходил все тот же, столь памятный с юности путь. И как будто возвращалась юность, и не хотелось садиться ни в какие автобусы, которых ведь в мои годы еще не было. Подходил и к ергинскому участку. Там теперь какой-то санаторий, а самый домик пустой и полуразрушенный. Во всяком случае так было, когда я приехал в Ялту вскоре после Отечественной войны.

Мне пришлось учиться в гимназии в то время, когда мои московские товарищи репмановцы учились уже в советской школе. В Крыму, захваченном к концу 1918 г. германскими интервентами, тип среднего учебного заведения оставался старый, дореволюционный. Причем казенная гимназия этого времени была консервативнее репмановской даже дореволюционных лет. Обучение мальчиков и девочек было раздельным. Помимо мужской гимназии, куда поступил я, имелись еще казенная и две частных женских гимназии. Форма в те годы уже не требовалась, но гимназисты, учившиеся с первых классов, обычно ходили в форменной одежде, с фуражкой, украшенной гербом в виде двухглавого орла. Другие гимназисты носили штатскую одежду, поэтому была пестрота. Я, например, ходил в коротких штанишках (почему-то длин || (тетр. № 10) ных брюк мне долго не шили). Надо мной мальчишки смеялись. Тогда я потребовал дома, чтобы мне сделали длинные брюки. Время было тяжелое. Денег не хватало, приобрести материал тоже было трудно. Поступили упрощенно, удлиннили мои белые штаны (дело было весной), надставив материал книзу, от колен до пяток. Но шов оказался заметным, и смеху было еще больше.

Учеников было много, значительно больше, чем в гимназии Репман. Надо иметь в виду, что помимо местного населения, в Ялте в это время проживало много приезжих из разных городов России людей. Потому наряду с основными классами (под литерой «а») создавались параллельные (под литерой «б»). Я поступил в пятый «а». Не знаю, случайно или в результате намеренного подбора, в классах «а» культурный уровень гимназистов был выше. Классы были просторные, не такие, как в гимназии Репман. В каждом классе имела учительская кафедра (у Репман были столы). В обращении учителей с учениками господствовал официальный тон: преподаватели вызывали гимназистов по фамилиям, а не по именам (к чему я привык в Москве), обращались к ним на «вы» (хотя кое-кто и сбивался на «ты»). Не сразу я привык к тому, что за каждый ответ на уроке выставлялась отметка (по пятибалльной системе).

Много внимания уделялось обрядово-религиозной стороне воспитания. Трудовой день в гимназии начинался общей молитвой, происходившей в большом

актовом зале. На нее (без четверти девять или половина девятого утра) должны были явиться все ученики и те учителя, у которых были первые уроки. Обычно являлись и директор, и инспектор. Гимназический священник (его называли «батюшка») прочитывал перед большой иконой, находившейся в зале, соответствующие молитвы, ученический хор подпевал. Затем все расходились по классам.

При гимназии была, как я уже говорил, своя церковь. Говорят, что ранее гимназисты должны были посещать ее в праздничные и воскресные дни и присутствовать на богослужении. В мое время такой обязательности уже не существовало, но делать это рекомендовалось. В Великий пост гимназистам надлежало говеть, исповедываться и причащаться. И вот 13-ти лет мне пришлось исповедываться перед нашим батюшкой в своих грехах. Я выполнил эту процедуру впервые в жизни (т. к. в Москве ранее никогда этого не делал). Главным моим грехом батюшка и посчитал, что я первый раз попал на исповедь.

Необычным для меня был институт классных надзирателей (у Репман он отсутствовал). В обязанности этих людей входило наблюдение за порядком. Они не вели никакой педагогической работы, а болтались среди гимназистов на переменах по коридорам, заглядывали в классы, следили за поведением, подслушивали разговоры и о всем замеченном доносили по начальству. Надзирателем в старших классах был Александр Васильевич (по прозвищу Косой), фамилию не помню. Пронрыливый человек в пенсне, с острой бородкой, немного поднятой вверх, все время что-то выглядывающий, к чему-то прислушивающийся. Многие гимназисты обязаны ему доносами. Я помню такой случай. Был у нас в классе ученик Иванов, отпетый болван и похабник. Как-то на перемене он прижал меня к парте и стал нести какую-то похабщину, сопровождая свои слова не очень пристойными жестами. Я отбивался, но был слабее и сделать ничего не мог. В это время заглянул в класс Александр Васильевич, что-то увидел, что-то услышал и побежал к нашему классному наставнику Дмитрию Федоровичу Азбукину жаловаться: Черепнин и Иванов непристойно себя ведут. После уроков Азбукин нас вызвал и отчитал. Мне было очень неприятно, ведь я-то ни в чем не был виноват, и мне не хотелось, чтобы преподаватель, которого я уважаю, думал обо мне плохо. Но и сказать о своей невинности я тоже не мог, мешало чувство товарищества: подвел бы Иванова. Когда в Крыму укрепились советская власть и восторжествовала советская школа, все надзиратели были отменены и оказалось, что Александру Васильевичу нечего делать, т. к. он ничего не умеет. Пристроился он в гимназическую библиотеку: стал выдавать и принимать книги.

Директором гимназии был Сабин-Гус, чопорный чиновник, с крашеными волосами и бородкой, державшийся с сослуживцами холодно и отчужденно. У нас он преподавал географию, преподавал скучно, неинтересно. При советской власти он был расстрелян: очевидно, вел какую-то контрреволюционную работу. Не помню фамилию инспектора. Это был человек в другом роде: маленький, кругленький, какой-то шарообразный, вроде как не имевший собственного лица.

Из преподавателей наиболее яркой фигурой был Дмитрий Федорович Азбукин, учитель истории. Он кончил Петербургский университет, учился у Платонова.

Как будто, перед ним открывалась перспектива быть оставленным при университете. Но заболел туберкулезом и вынужден был искать службы на юге, в Крыму. Попал в гимназию в Ялту. Человек, несомненно, и умный, и очень образованный. У него была своя личная библиотека, в которой имелись редкие книги по истории и вообще гуманитарным наукам. Уроки его были трудными для восприятия. Преподавал он несколько сухо. Не столько воспроизводил образы, живые картины прошлого, сколько разбирал правовые, политические институты, анализировал социальные структуры. До учеников средней школы это не всегда доходило. Сейчас я вижу, что он многое брал из курса лекций Ключевского. Иногда вместо того, чтобы рассказывать самому, приносил на урок какую-нибудь книгу и заставлял читать вслух того или иного ученика. Часто выбор падал на меня. Помню в частности, что читались отрывки из «Книги по истории средних веков» под редакцией Виноградова.

Пытался Дмитрий Федорович втянуть учеников во внеклассные занятия, на которых бы читались и обсуждались специально подготовленные (сверх гимназической программы) рефераты.

Это было нечто вроде исторического кружка. Я помню два таких занятия. На одном из них сделал доклад о крестовых походах Заляйс, учившийся в одном классе со мной, юноша серьезный, всегда имевший хорошие оценки. Оппонентами у него были я и мой товарищ Борис Асеев. Помню, что я много готовился, но выступал не очень удачно, придирался к каким-то мелочам. Интереснее, по-моему, прошло обсуждение доклада другого моего одноклассника — Ставровского (как будто, звали его Николай) о значении принятия Русью при Владимире-князе христианства. Ставровский был человек необычайно самоуверенный и самолюбивый. Всех товарищей своих он ставил ниже себя и по уму, и по знаниям, и по способностям. Его за это не любили, и оппонентам хотелось сбить с него спесь. А оппонентами были Борис Лапкин, Ваня Салтановский и снова я. Мы стали изучать письменный текст доклада. Доклад был интересный, но написан в духе Ставровского, как бы методом больших цифр, с пренебрежением к мелочам. Подготовка критических замечаний по докладу помогла мать Вани Салтановского, которой руководили некоторые субъективные побуждения. Дело в том, что она работала под началом отца Ставровского, бывшего крупного петербургского чиновника, занимавшего теперь видный пост в Ливадии и не пользовавшегося симпатией подчиненных. Через сына она хотела кольнуть отца. Диспут получился любопытный. Помню, что мы возражали против положения Ставровского о том, что с принятием христианства влияние Византии на Русь закончилось. Но особые возражения вызвал тезис Ставровского, что со времен введения христианства произошел в России раскол между интеллигенцией и народом. Этот тезис оспаривал зашедший на кружок учитель математики Григорий Григорьевич Знаменский.

Еще один случай — и комичный, и одновременно нехороший. Был у нас в классе ученик Яша Бих, небольшого роста, но достаточно великовозрастный по сравне-

нию со своими одноклассниками юноша, неглупый, но лодырь и бездельник страшный. В гимназию он, во избежание неприятных разговоров с отцом, приходил, но затем убегал с уроков и разгуливал по набережной с знакомыми девушками — любимое времяпрепровождение. Когда случайно оказывался в классе и его вызывали, получал двойки за двойками. Желая побудить Яшу к учению, Дмитрий Федорович предложил ему написать реферат и даже дал тему — история раннего иудейства. Бих согласился, как он охотно соглашался на все, чтобы только отвязаться от приставания. Когда через некоторое время Дмитрий Федорович спросил Яшу, как дела с рефератом, тот ответил, не задумываясь, что он готов. Дмитрий Федорович поразился, но был весьма обрадован — педагогический опыт удался. Но время шло, реферат не поступал, несмотря на все напоминания, и наконец Азбукин понял, что его обманывают. После этого он совершенно разочаровался в Бихе.

По инициативе Дмитрия Федоровича, в 1920 г. был устроен общегимназический вечер в связи со столетием со дня рождения С. М. Соловьева. Были три доклада: Дмитрия Федоровича — об общих исторических взглядах Соловьева, мой — о взглядах Соловьева на реформы Петра I и моего одноклассника Мини Дитерихса — биография Соловьева. Прошло очень торжественно. Присутствовали директор и учителя с женами, ученики и их родители (была и Мария Иосифовна). Доклады вышли удачными. Мне было тогда 15 лет. Это первое мое публичное выступление на научную тему. После доклада должна была быть неофициальная часть — танцы что ли. И тут произошел неприятный инцидент. На доске был водружен большой портрет Соловьева. Считая, что он больше не нужен, гимназисты схватили его, чтобы убрать, и беззастенчиво повернули вверх ногами. Азбукин был очень шокирован, рассердился, кричал.

Личная жизнь Дмитрия Федоровича, по-видимому, не сложилась, хотя он был красив, представителен, элегантен, хорошо одевался. Было в его внешности что-то от Блока, что-то от Надсона. Говорили, что он разошелся с женой, то ли она от него ушла, то ли он от нее. В Ялте он жил один, недалеко от гимназии, вниз по направлению к набережной. Иногда брал к себе в качестве жильца какого-нибудь гимназиста. Но жить с ним было трудно. Характер неуживчивый, капризный, требовательный. По уши влюблена в него была учительница литературы, преподававшая в женской гимназии, Янина Ивановна, некрасивая, длинная, неуклюжая, с лицом, изрытым оспой. Не знаю, был ли у них роман, но ухаживания Янины Ивановны Азбукин принимал, и для гимназистов и гимназисток это было предметом сплетен и насмешек.

Политически Азбукин был правым, настроен консервативно. Революции вообще не признавал, никакой. С иронией говорил о том, что Керенский гордился бескровной революцией, но она стала кровавой. С марксизмом был знаком больше понаслышке, но нам, гимназистам, его критиковал. При советской власти его арестовывали, но выпускали. Однако из Ялты он почему-то решил уехать и в 1921 г. переехал в Харьков. Что с ним было дальше — мне неизвестно.

Хорошие воспоминания остались у меня о преподавателе латинского языка Александре Владимировиче Шашкине. Был он похож на римлянина. Худой,

стройный, с голой головой, с энергичными выразительными чертами лица. Жил в гимназическом доме, со старушкой-матерью и братом-гимназистом. С женой, как и у Азбукина, произошла когда-то размолвка, разошлись. Была у него страсть к театру, выступал в любительских спектаклях, особенно в пьесах Островского, — и неплохо. В неучебное время читал часто нам, гимназистам, произведения Чехова, Аверченко, Саши Черного — читал с профессиональным мастерством. Молодежь любил и много уделял ей внимания и в классе, и после занятий, и в праздничные дни, и в дни каникул. Он очень любил прогулки, далекие, загородные. Соберет нас, учеников, человек пять-десять, и отправляемся с ним в воскресенье куда-нибудь в горы, к водопаду Учан-Су или еще куда-либо. Просто было с Александром Владимировичем, хорошо, не было той натянутости, как с Азбукиным. || (тетр. № 11)

Литературу в моем классе преподавал Федор Алексеевич Благоданов. Он производил какое-то неопрятное впечатление: весь обросший волосами, как будто никогда лица его не касалась бритва, а головы ножницы, неряшливо одетый, в засаленном пиджаке, в нечищенных башмаках. Говорили, что у него большая семья, несколько человек малых детей, он один кормилец, поэтому ему трудно в жизни и не до заботы о своей внешности. Предмет он знал, но старался не выходить за пределы программы и учебника Саводника. Гимназисты сравнивали его с другим словесником, учителем старших классов — Солохиным, и сравнение было не в пользу Федора Алексеевича. Говорили, что Солохин шел значительно дальше гимназической программы, знакомил учеников с новыми и современными литературными течениями, с писателями XX века — Чеховым, Горьким, Андреевым, Куприным, с символистами, футуристами и т. д. Интересна и дальнейшая судьба двух педагогов — совершенно различная. После того, как Крым стал советским, Федор Алексеевич постригся в священники, а Солохин был назначен заведующим трудовой школы, в которую была преобразована ялтинская мужская гимназия, и в последующие годы сделал много полезного в области народного просвещения. По-моему, Солохин потом вступил в Коммунистическую партию, но точно не знаю.

Интересно на уроках Федора Алексеевича было то, что он заставлял иногда учеников делать небольшие устные выступления на темы, встававшие в связи с тем курсом, который проходил. Такие выступления выпадали и на мою долю — о Белинском, Достоевском (в то время я уже читал Белинского и увлекался Достоевским). Особенно по душе подобные мероприятия были Ставровскому. Он рисовался перед своими одноклассниками эрудицией, оригинальностью суждений, своеобразием речи. Но Федору Алексеевичу, человеку умному, такая рисовка не очень нравилась, и однажды, когда Ставровский по собственной инициативе захотел выступить не в очередь, он ему бросил реплику: «Нет, пора уж и честь знать». Ко мне Ставровский относился свысока, хотя и дружелюбно-снисходительно, мои докладчики считал наивными и компилятивными и как-то бросил мне сочувственно-презрительно: «Ты, Черепнин, уж не собираешься ли когда-нибудь диссертацию защищать? Не надо! Все равно провалят». Самого себя Ставровский

видел в будущем, бесспорно, профессором и даже министром просвещения. И как ни странно, этот профессор, готовящийся занять кафедру и принять министерский пост, при всей своей внешней импозантности неграмотно писал по-русски и поэтому не мог получить у Федора Алексеевича, любившего проводить в классе письменные сочинения, пятерку. А я прошел в Москве школу Веры Федоровны в репмановской гимназии, поэтому и в Ялте всегда получал за сочинения пять.

Весьма колоритен облик учителя математики Павла Павловича Волошина. Гимназисты почему-то называли его Афоней, почему именно Афоней — не знаю. Внешний вид его был непрезентабельным: дряблое лицо с красными прожилками, подергивающаяся щека, говорил как-то быстро, скороговоркой. Он страдал алкоголизмом, периодически на него нападал запой, продолжавшийся несколько дней, он выбивался из колеи, на уроки не ходил, а затем месяцами не брал в рот спиртного, до тех пор, пока опять не срывался. Говорят у него была тяжелая судьба. Его ждала блестящая научная карьера (ибо он был превосходный математик), но тут ушла жена (при этом рассказчики добавляли — красавица), и он запил, опустился. Не знаю — почему, но ялтинским педагогам с женами явно не везло.

В трезвом виде «Афоня»* преподавал свой предмет блестяще, но ребята, зная его слабость, уже не воспринимали его серьезно и над ним подшучивали. Был такой случай. Павел Павлович раза два употребил термин «биссектриса». В классе фыркнули. Учитель недоуменно отвел взор от доски, где писал что-то мелом, посмотрел на класс и внушительно заявил: «В чем дело? Что смешного? Биссектриса — слово вполне приличное». Тогда уже загоготал весь класс. После этого случая гимназисты сочинили такую песенку:

Прежевальский-мудрец,
Чтоб Афоне помочь,
Сочинил логарифмы табличные,
А Афоня подлец,
Чтоб урок объяснить,
Говорит нам слова неприличные.

Физику преподавал Григорий Григорьевич Знаменский, уроженец Рязанской губернии, где еще в молодости подружился с моим отцом. Отец называл его Гришка и обращались они друг к другу на «ты». В Ялту Григория Григорьевича загнал, как и многих других, туберкулез. Жена его умерла (не ушла от него, как жены некоторых его коллег), и он жил один в гимназическом доме (там же, где Шашкин и Волошин). Одиночество его разделяла лишь собачка Зайка, беленькая, толстенькая, маленькая, гладенькая, которая следовала за ним всюду, куда бы он ни шел. Григорий Григорьевич был высокий, худощавый, представительный блондин, с большим лбом, густыми бровями, следил за своей внешностью, хорошо одевался. В компании был великолепный собеседник, хороший рассказчик,

---

* Так в рукописи, имя дано в кавычках.

живой, занимательный. Я знаю это, потому что он запросто бывал у моих родителей в ергинском доме.

Физику преподавал интересно, наглядно. В гимназии имелся хорошо оборудованный физический кабинет, находившийся в ведении Григория Григорьевича. Занятия по физике обычно происходили в кабинете, а не в классной комнате и сопровождались опытами. У Григория Григорьевича было два-три постоянных помощника из числа гимназистов, проявивших особый интерес к предмету и проводивших под его руководством специальные практические занятия. Нечто вроде лаборантов. Григорию Григорьевичу очень хотелось и меня сделать таким помощником, но у меня особого влечения к физике не было. Это вызвало с его стороны известный холодок в отношении ко мне. По-видимому, он меня не очень долюбивал. Однако я написал у него какой-то реферат по вопросам воздухоплавания.

Гимназисты всегда совали нос в личную жизнь учителей. Не оставили они без внимания в этом отношении и Григория Григорьевича. В Ялту приехала откуда-то с Северного Кавказа, кажется, из Краснодара, девушка по имени Зоя с большими легкими. Она была знакомой моей матери и поселилась в доме рядом с ергинским, сняв там комнату. Такая кругленькая, черненькая, смешливая украинка. Через Марию Иосифовну познакомилась с Григорием Григорьевичем. Он стал к ней ходить вместе с Зайкой. Явно намечался роман. Гимназисты гадали — женится или не женится. Не женился, а она уехала домой. Но ребятам на долгое время было занятие и развлечение.

Не помню я фамилию учителя психологии: слишком недолго я у него учился. А жаль, что не помню, уж очень интересный человек и очень его любили ученики. Молодой, белокурый, энергичный, с приветливым лицом. Он был с гимназистами как равный с равными. Преподавание психологии он поставил на подлинно научную основу, связав ее с физиологией, биологией. Это был по-настоящему материалистический подход. Свои уроки он сопровождал опытами. И самая методика преподавания у него была не стандартная, не казенная. Он никогда не соединял на одном уроке опрос пройденного и объяснение нового материала. И всегда предупреждал, что будет в следующий раз: станет ли он спрашивать учеников или будет рассказывать сам. В день опроса он начинал не с вызова гимназистов по журналу, а с предложения, обращенного ко всему классу: кто первый хочет отвечать. И только если желающих не находилось, тогда он уже сам называл ту или иную фамилию. Но обычно находились. Из научных положений, им развиваемых, мне запомнилось одно: о «закоренелом консерватизме». Суть его заключается в том, что в человеке рано развивается чувство невосприимчивости нового, боязнь нового, и надо с этим чувством бороться, преодолевать его, чтобы оно не укрепились. А ведь верно!

А вот полная противоположность психологу — учитель географии Данила Иванович Правдин (в нашем классе был не он, а Сабин-Гус, но его знала вся гимназия). Звали его гимназисты Данила Сало, ибо был он толстый и как бы лоснящийся. Уроки были для него службой, которую он выполнял добросовестно. Зада-

вал «от сих до сих», потом спрашивал заданное. Вот и все. Изо дня в день, из года в год. Тоже что-то неладное было в семейной жизни: жил вдвоем с сыном, таким же толстым и бездарным. Утром можно было их всегда видеть вместе: вдвоем идут на уроки в гимназию.

Преподававший гигиену врач Воскресенский кончил плохо. В качестве медицинского эксперта при белых дал ложное заключение о возрасте одного юного участника подпольной организации, превысил его возраст и тем самым погубил: он был казнен. При советской власти Воскресенского постигла кара: его расстреляли.

Преподаватели иностранных языков менялись, и часто. Немецкому обучал сначала Картофль. Я, впервые услышав такое наименование, подумал, что это прозвище. И сказал себе: хорошее прозвище, он, действительно, похож на картофель, круглый, шарообразный человечек. Но оказалось — фамилия. Мое первое близкое знакомство с ним было такое. Он дал домашнее задание: прочитать какой-то немецкий текст и рассказать его своими словами. Я подготовился при помощи словаря. Картофль меня вызвал, я ответил неплохо. Преподаватель, выслушав, заметил: «Вы, вероятно, изучали немецкий язык дома и поэтому неплохо им владеете». Я дома немецким языком не занимался, воспользовался лишь тем, что получил в гимназии Репман, да прибег к словарю. Так и надо было ответить. А я промолчал и потом долго мучался: хоть прямо и не соврал, однако в молчании моем было желание скрыть правду. Но Картофль, конечно, скоро сам разгадал, что мои познания в немецком языке не выходят за рамки гимназических требований.

Картофля сменил в нашем классе в качестве преподавателя немецкого языка Микау. Худощавый немец с большими усами — хороший учитель и хороший семьянин, на всех торжествах, праздниках, собраниях показывался с женой фрау Микау и дочкой Эммой, белокурой девочкой с русой косой.

Еще чаще менялись преподаватели французского языка. Фамилии одного из них не помню, но его самого помню хорошо: уж очень он походил на приказчика какого-нибудь галантерейного магазина, с черными усиками и черными бачками. Ерник, любитель шуточек с садистским оттенком. Обращался к гимназистам — «деточка», «золотце мое», «дуся», но все это с издевкой, с ехидцей. Вызовет жертву, мучает ее, мучает, а затем: «Ну что ж, золотце мое, придется вам поставить двоечку, да еще придется папочку в гимназию вызвать, а папочка вернется домой, да положив сыночка на диванчик, рубашонку подымет, да чик-чик по голенькому месту». Некоторых такие шуточки забавляли (особенно подхалимов), но большинство раздражали.

Иным был месье Куртэн, другой преподаватель. Рыжий, в пенсне, с тараканьими усами, в каком-то зеленом френче. По-видимому, чахоточный и поэтому крикливый, раздражительный. Малейшая ошибка в ответе, незначительное нарушение дисциплины — и он стучал кулаком по столу, наливался кровью и сквозь кашель грозил визгливым голосом, на высоких нотах: «Я этого не потреплю, я этого, знаете, не допущу». Сначала его пугались, а потом, напротив, стали дразнить.

И, наконец, третья учительница французского — полная, рыжая мадам, написавшая прежде всего на произношение. По многу раз заставляла повторять одни

и те же фразы, а ребята коверкали их безбожно, и потому что так у них получалось и потому что потешались над мадам. Но ее переиграть было || (тетр. № 12) трудно, и в классе только и слышалось: «Рэпэтэ», «Рэйпэйтэ».

Осталось сказать о батюшке. Крупный, плотный, с густой гривой, в добротной рясе, с нательным крестом, медлительный, самодовольный, он как бы олицетворял собой незыблемые устои старорежимной школы. Но к урокам своим он относился довольно безразлично. Был неписанный закон, согласно которому четвертным баллом по закону божью должна быть пятерка, в крайнем случае четверка. И он этот закон выполнял, учеников своей «наукой» не притеснял, поэтому мы были им довольны.

А в общем надо сказать, что преподавательский состав в Ялтинской гимназии был хороший, в большинстве своем — люди знающие и опытные педагоги. С благодарностью могу сказать — гимназия дала мне много. Учился я хорошо, обычно на все пятерки, проскальзывали и четверки. Но был с ленцой и иногда приходил в класс с невыученным уроком. Судьба миловала, как-то интуитивно чувствовал, что сегодня не спросят. Рисковал и обычно не попадался. Однако сидеть и ожидать — вызовут или не вызовут было всегда мучительно. И сейчас еще иногда вижу во сне: класс, идет урок, учитель заглядывает в журнал, водит пальцами по фамилиям, я дрожу — и просыпаюсь.

Теперь о гимназистах. Самым близким моим товарищем (мы и сидели на одной парте) был Борис Асеев. Оригинальная внешность: молодое лицо и седая голова (он поседел еще в юности). Моя сестра, а вслед за ней родители, называли Бориса (в нашей семье он был своим) — Бошей. Жил Боша еще выше нас, на Исарах. Там у его родителей, добродушных, милых, пожилых людей, был (как и у многих других крымчан) домик с фруктовым садиком. Два старших брата Бориса попали в белую армию (один погиб, другой остался за границей). Младший брат Глеб учился, как и Борис, в гимназии (классом или двумя моложе), и оба впоследствии стали хорошими трудовыми советскими людьми. Так нередко бывало в семьях того времени: жизненные пути у сыновей оказывались разными.

Учился Борис прилично, но особыми способностями не блистал. Шел на тройках и четверках. Дома много работал по саду и любил это дело. Собственно на нем и Глебе лежало все хозяйство. В доме у Асеевых снимала комнату одна москвичка, женщина уже немолодая, некрасивая. Получилось так, что Борис, бывший намного моложе ее, при этом парень видный, красивый, близко с ней сошелся, а затем и женился на ней. Говорили, что через нее хотел попасть в Москву, но сплетен всегда ходит много. Во всяком случае по окончании средней школы Борис переехал с женой в Москву, кончил здесь какой-то животноводческий вуз и стал работать, по-моему, в Наркомземе. Часто бывал у нас, дружба наша продолжалась. Жenu свою с собой не брал, всегда появлялся один. Конец его был трагический. Он бросился в лестничный пролет и разбился до смерти. Причина самоубийства так и осталась неизвестной. Объясняли это тем, что Бориса должны были отправить на работу на периферию, в сельскую местность, а он якобы этого не хотел.

Не верится. Он постоянно разъезжал по стране, бывал в длительных командировках, условия сельской жизни были ему хорошо известны и никогда его не смущали. Говорили также, что он не совсем здоров психически: когда-то болел тифом, в качестве рецидива был менингит — и вот через много лет опять психическое заболевание.

Как бы ни было, погиб хороший человек, преждевременно и нелепо. Случилось это, как будто, в 1940 г., совсем накануне войны. Осталась дочка Ксения, сейчас она — научный работник, как будто биохимик, кандидат наук. Глеб стал художником и архитектором, умер совсем недавно.

Другой мой близкий приятель — Миня (Михаил) Дитерихс. Верзила, большого роста, упитанный, с маленькими заплывшими глазками и ломающимся голосом. Иронически его звали крошка Миня. Он был сыном профессора-хирурга Михаила Михайловича Дитерихса³². Семья Дитерихсов приехала в Ялту из Киева, и находилась здесь как и многие тогда, временно. Семья состояла из отца, матери и двух детей (у Мини была сестра Ира, немного помоложе, такая же громоздкая и полная, как и он). Жила у них еще и бонна-немка Ольга Федоровна. Я бывал у Мини, он у меня, а затем через нас познакомились и взрослые, наши родители, и стали также ходить друг к другу.

Несмотря на то, что учился Миня неплохо, был он, думается мне, парнем довольно ограниченным. Воспринял от отца, человека домостроевского склада, консервативные убеждения и уверовал в них: патриархальная отцовская власть дома, сильная власть в стране, верность православию. Рассказывал мне, как в детстве его секли, причем говорил об этом не с горечью, не протестуя, а с удовольствием: вот так и надо. Запомнил я и другой его рассказ — о своем прадеде. Он тоже был хирург (эта профессия пользовалась в роду Дитерихсов популярностью), хирургом хотел стать и его сын — дед Мини Дитерихса — и даже научился делать легкие операции. Но после одной такой любительской операции родитель его жестоко выпорол и заставил изменить врачебную специальность на профессию инженера. У Мини это вызывало лишь чувство юмора и уважения к своему предку, а отнюдь не протеста. Неприятно поражали в Мине антисемитские настроения — вероятно, это тоже не свое, а внушенное дома. Вообще же Миня был неплохой парень, веселый, жизнерадостный, компанейский.

В жизни Мине пришлось нелегко. Душой дитерихсовской семьи была мать — красивая, хорошая женщина. В начале 20-х годов она умерла от тифа — и семья распалась. Михаил Михайлович скоро стал подумывать о новой женитьбе. Начал ухаживать за Верой Михайловной Ергиной и делал ей предложение. Та — ни да, ни нет, по-видимому, набивала себе цену и в результате осталась не при чем. Михаил Михайлович уехал в Москву, стал там работать и там вторично женился. Миня по окончании средней школы учился в университете — сначала в Симферополе, затем в Ленинграде, сперва — на историческом факультете, затем — на медицинском, стал врачом, начал работать, а затем надолго судьба уготовила ему горькую долю в концлагерях. Когда начала законности в стране были восстановлены,

Миню полностью реабилитировали. Он вступил в Коммунистическую партию: жизнь подсказала ему, где правда. Последнее время работал хирургом в больнице в Раменском районе. Мы виделись неоднократно и вспоминали Ялту. Но вот уж несколько лет Миня не показывается. Что с ним? Жив ли?

Дружил я с Борей Лапкиным, сыном инженера, мальчиком хорошо воспитанным, интеллигентным. Меня влекло к нему еще то, что у него была сестра Нина, которая мне нравилась. По дороге в гимназию и обратно мне приходилось проходить по Аутке мимо дома, где жили Лапкины, и иногда я встречал Нину, иногда видел ее на балконе. Те дни, когда это случалось, считал для себя удачными. А как-то летом Боря Лапкин пригласил меня и Бориса Асеева в Гурзуф, где его родители снимали дачу, и я провел два или три дня в обществе Нины. Правда, я почти с ней не говорил, старался даже на нее не смотреть, избегал ее общества, чтобы кто-нибудь не догадался, что я влюблен. Так всегда протекала моя влюбленность.

Первым учеником в классе считался Володя Ланда-Безверхий. По возрасту он был старше ряда своих товарищей. Небольшого роста, сутулый, близорукий, не произносил букв «р» и «л», поэтому речь его была какой-то шепелявой. Как-то заметили, что у него на парте ножом вырезаны изображения женских ножек. Сенсация! Первый ученик, и вдруг такое! Связали это со сплетнями о том, что он ухаживает за гимназисткой Фолометовой — дочерью зубной врачихи. По этому случаю я сочинил четверостишие:

Наш Янда Вовочка Безвейхий,
Свои подняв гъязенки квейху,
О Фоометовой мечтает,
На пайте ножки выезает.

Я уже упоминал Ставровского. Некрасивый, прыщеватый, с мелкими чертами лица, с пробивающейся растительностью на подбородке, губах, щеках. Я говорил, что он был сыном какого-то крупного чиновника, приехавшего из Петербурга и работавшего в Ливадии. В гимназию Ставровского и его младшего брата привозили на лошадях, в коляске, кучер приезжал за ними и к концу занятий. К своим товарищам Ставровский относился надменно. Ему платили тем же. Любил вспоминать петербургскую жизнь: визиты, ложи в театре, коробки шоколадных конфет, букеты. Трудно было сказать, где вранье, где правда, но и правду было столь же противно слушать, что и вранье. Взгляды Ставровского были самые черносотенные, о большевиках говорил с ненавистью.

Будучи очень о себе высокого мнения, Ставровский решил перескочить через класс: то ли из пятого в седьмой, то ли из шестого в восьмой, подготовившись дома и сдавши осенью соответствующие экзамены. Ему разрешили. Чтобы обеспечить успех, отец пригласил к нему лучших преподавателей гимназии (они же должны были быть и экзаменаторами). Некоторые согласились, другие (вроде Азбукина, который не любил Ставровского) отказались. Выдумка Ставровского окончилась неудачно. Он сдал все экзамены за исключением... письменного

русского, по которому схватил двойку. Говорят, что отец его обращался к министру просвещения, и тот вмешался, но педагогический совет остался при своем мнении; а решения педагогического совета якобы неподвластны и министерской воле. Так это или не так, но Ставровский был посрамлен к большому удовольствию всех гимназистов.

Интересный юноша был Сема Прик, армянин, с горбатым носом. Очень талантливый, юморист, рисовал, писал стихи. Был затейник и выдумщик. Постоянно носился с идеями каких-либо вечеров, театральных зрелищ, сатирических листков. Увлекался футуризмом, носил какие-то кофты из мешка, разрисованные красками. Впоследствии Сема женился на Эмме Микау.

Лодыри, двоечники, второгодники обычно сидели на камчатке, на задних партах. Среди них были тоже разные люди. Вот Миша Петренко. Уже совсем зрелый мужчина, модно одетый в пиджачную пару, с галстуком, хорошо расчесанным пробором. Хорошо играл на пианино, любил легкую музыку, оперетку. Устраивал часто в перерывах между уроками на камчатке концерты. Гимназисты исполняют какую-либо музыкальную вещь пристукиванием ног, хлопаньем руками, битьем досками от парт, игрой губами на гребенке и пр. А Миша дирижирует. И получается неплохой оркестр. Или под управлением Миши затянут какую-либо песню хором. Была в то время популярная песня «Оружьем на солнце сверкая...». Ребята исполняли ее, прибавляя к каждой строчке стиха поочередно слова: «В штанах» и «Без штанов». Получалось очень скабрёзно, но забавно:

Оружьем на солнце сверкая
в штанах,
Под звуки лихих трубачей
без штанов,
По улице пыль подымая
в штанах,
Проходил полк гусар-усачей
без штанов.
А там чуть подняв занавеску
в штанах,
Лишь пара голубеньких глаз
без штанов,
Смотрела, и чуют гусары
в штанах,
Что тут будет немало проказ
без штанов... И так далее.

Учиться Мише не хотелось, было скучно, он томился и плелся из класса в класс медленно, с остановками. Как-то уже в середине 20-х годов я встретил его в Москве. Пристроился к какому-то оркестру, джазу, нашел себя.

Симпатичный малый был Григорьев, подвижный, || (тетр. № 13) непоседа. Когда появлялся в классе, приветствовал всех обычно одной и той же фразой:

«Здорово, люди, звери, птицы». Учился плохо, с уроков часто убегал, прятался в уборной или где-то за пределами гимназии. Я сочинил про него стишки:

Наш быстрый, резвый козлик Гришка
Он бегает всегда вприпрыжку.
Есть компас у него переверный,
Когда идет он утром в класс,
Коль психологии примерно
Урок быть должен в этот час,
То компас держит прямо к двери.
«Здорово, люди, птицы, звери».
Так он здоровается с нами,
Своими семеня ногами.
А коль истории урок,
То компас держит на восток,
То есть направо, в круглый зал,
Где все сидят, кто опоздал.

Среди камчатников были и совсем неприятные люди вроде Ковако. Угрюмый, мрачный парень в тельняшке, глядел на всех исподлобья. Многие его побаивались и сторонились.

Из ялтинской гимназии вышли и люди, впоследствии получившие известность. Классом старше меня учился Чемберджи Коля, ставший видным композитором. К сожалению, он очень рано скончался³³. Сейчас в одном доме со мной, на улице Дмитрия Ульянова, живет Вацик Кремович, учившийся в Ялте при мне в одном из младших классов. Ныне он крупный ученый, биохимик, член-корреспондент Академии наук³⁴. А женат он на Ане Каджак, когда-то ялтинской гимназистке, хорошенькой армяночке с двумя косами. За ней очень ухаживал Миня Дитерихс, но победил Вацик.

К сожалению, в гимназии не было прослойки из настоящего рабочего класса. Или дети интеллигенции — либеральной, а то и консервативной, или сыновья лавочников, табаководов, мелких собственников. Это накладывало сильную печать обывательщины на наши настроения, поведение. В гимназии в то время не сложился передовой социальный коллектив, хотя ребята в основном были хорошие, добрые, честные.

Мои гимназические годы мне часто вспоминаются, когда я читаю и перечитываю «Гимназистов» Гарина-Михайловского, повести Кассиля, драматургию Тренева. Нахожу много общего между тем, как жили герои этих произведений и мы. Несмотря на уважение и даже любовь, которые мы испытывали к ряду учителей, преподавательский состав как таковой представлял в наших глазах чуждый, враждебный лагерь. Лихачеством, ученической доблестью считалось обмануть учителя, провести его. Запрещалось курение, но большинство мальчишек курило, кто из озорства, кто потому, что уже втянулся. Но старались не попасться преподавателям. Поэтому когда на переменах из ранцев и портфелей вынимались папиросы, кто-либо из ребят

посылался на разведку и должен был своевременно подать голос: «Афоня идет», «Сало идет» и т. д. «Разведка» была одним из проявлений гимназического корпоративного духа.

Формой противодействия гимназической дисциплине был обычай «ходить на сократы». Это значило пропустить урок или ряд уроков всем классом или группой. Почему это, не очень достойное, мероприятие связывалось с именем выдающегося философа древности — не знаю. Уходили обычно в парк Эрлангера и там проводили несколько часов или целый день. Уклонение от этого мероприятия осуждалось. Я помню четверостишие Семы Прика, направленное в мой адрес:

Заслужить поэта чин,
Хочет Лева Черепнин,
Он не ходит на сократы
И читает рефераты.

Эпиграмма была, во-первых, ответом на некоторые мои стихотворные произведения, в которых затрагивались отдельные гимназисты, и, значит, реваншем, а во-вторых, укором мне за то, что я когда-то, видимо, не проявил достаточного чувства коллективизма.

Но, конечно, наша самостоятельность проявлялась не только в том, что мы обманывали учителей или «ходили на сократы». Присущее молодежи стремление к творчеству выразилось в попытке создания кружка, который мы назвали «Юнтеа» — юный театр. Его задачей была подготовка не только театральных представлений, но и музыкально-литературных вечеров. Хотелось объединить всех, кто играл на каком-либо музыкальном инструменте, пел, декламировал, мог выступать на сцене. Душой этого дела был Сема Прик, неутомимый, изобретательный, неистощимый на выдумки. С большой охотой откликнулся на наш призыв помочь нам Александр Владимирович Шашкин, которого артистическая деятельность привлекала, пожалуй, более, чем преподавание латинского языка. Было это в седьмом классе, оказавшемся для нас выпускным, ибо восьмой класс ликвидировали с превращением гимназии в советскую трудовую школу. Поэтому развернуться Юнтеа не успел. Но это было хорошее юношеское начинание.

Тот же Сема Прик явился и инициатором литературно-публицистического журнала в нашем классе. Это тоже относится к тому времени, когда на базе гимназии возникла советская трудовая школа. В журнале тогда уже можно было ставить вопросы о школьной программе, характере преподавания и т. д.

Устраивались суды над литературными персонажами. Я помню суд над Анной Карениной. Происходил он в женской гимназии. Зал был переполнен гимназистами и гимназистками. Обвинителем выступал юноша, защитницей — девушка. Но речи держали не только эти, заранее выделенные лица, но и все, кто хотел из присутствующих. Помню, что попросил слова и я, и заговорил — глупо, нудно, тягуче, доказывая вину Анны Карениной. Получилось очень плохо, я это почувствовал по реакции зала и, скомкав и так корявую речь, ушел с кафедры. Это было

то, что называется «провал», настоящий провал. Я долго не мог об этом забыть, и всякий раз, вспоминая, покрывался краской. Суд сформулировал свое решение в ряде пунктов. Общий смысл был таков: если Анна в чем-то и виновна, то заслуживает снисхождения.

В период интервенции в Крыму в Ялте существовало религиозно-философское общество. Его председателем являлся священник отец Сергей. По общим отзывам, он был человеком истинно верующим и высокой нравственности. Самое близкое отношение к обществу имели Дмитрий Федорович Азбукин и Григорий Григорьевич Знаменский. Я присутствовал на одном заседании общества, когда делал доклад С. Н. Булгаков, автор известной книги «От марксизма к идеализму»³⁵. Темой доклада был вопрос о религиозном воспитании молодежи. И вот выступил один интеллигентного вида человек и стал задавать Булгакову вопросы. Их было несколько, но все они сводились к одному: как совместить религию с наукой. Докладчик пытался отделаться общими фразами, но оппонент не удовлетворился этим и прямо сказал, что на свои вопросы ответа не получил.

В годы интервенции и белогвардейщины в Ялте всячески раздувались лозунги «свободной, великой, неделимой» России, насаждались антибольшевистские настроения. Проводились митинги, манифестации, молебны о победах «доблестному русскому воинству», панихиды о погибших «на поле брани» и т. д. Иногда в этих церемониях заставляли участвовать и учеников и учениц гимназий, конечно, лишь в качестве зрителей и слушателей. Я помню торжественное отпевание убитых на гражданской войне белых офицеров в ялтинском соборе, где присутствовала масса военщины. Помню другое отпевание какого-то белогвардейца в нашей гимназической церкви (не знаю, какое отношение покойник имел к гимназии). Совсем молодой попик (не наш «батюшка», а священник из какой-то воинской части) произнес истерическую речь, призывая к борьбе с «красными». Вспоминаю также, как всех гимназистов и гимназисток старших классов повели (сейчас уже забыл, по какому поводу) с музыкой в городской сад и в здании театра заставили слушать выступления ряда ораторов (и военных, и штатских) о «большевиках-провоках».

Какое впечатление производили все эти приемы белой пропаганды на юношей и девушек? С тех пор прошло уже более пятидесяти лет, и трудно восстановить психологию свою и своих товарищей тех лет. Но все же я не ошибусь, если скажу, что все, что нам говорили, не убеждало большую часть нас в правде белого движения, не вызывало к нему сочувствия. Однако были ребята, которые потянулись за белыми. Так мой одноклассник Телепчи, по-видимому, татарин по национальности, ушел в белую армию чуть ли не из пятого или шестого класса. Что его побудило? Юношеская страсть к приключениям, авантюризм или идея? Боюсь сказать. Но товарищ он был хороший, и мы жалели, когда пришло известие о его гибели. Помню урок закона божьего. Приходит батюшка и говорит: «Убит ваш товарищ. Давайте отслужим по нем панихиду». А гимназист Кратт, известный своим юмором, граничащим с цинизмом, бросает реплику: «Сейчас, вместо урока?» Батюшка сразу награждает его эпитетом: «Дурак».

Отслужили панихиду по Телепчи (конечно, не на уроке, а в гимназической церкви, во внеклассное время). А скоро пришлось служить вторую панихиду, по Дерюжинском, тоже нашем однокласснике, добровольно ушедшем в ряды белых и убитом. Вспоминаю тоже тяжелую картину. Идет какой-то урок. Открывается дверь класса и входит Дмитрий Федорович Азбукин (наш классный наставник), а с ним пожилой, небольшого роста мужчина. Дмитрий Федорович представляет его как отца Дерюжинского, и тот благодарит гимназистов за память о его сыне — благодарит со слезами, с дрожью в голосе.

До нас доходили слухи о подпольных организациях большевиков, об участии в них молодежи. Но крымские власти делали все возможное для того, чтобы скомпрометировать подпольщиков. Клеветали на них, говоря, что они не революционную работу ведут, а устраивают оргии, проводят ночи в разврате и непотребстве. А мы, гимназисты, тогда совершенно еще не представляли себе большевиков, верили и не верили тому, что о них говорят, и боялись их.

Значительная часть моей жизни протекала не в гимназии, а дома. Мама почти совсем поправилась и стала даже работать в лаборатории одного врача. Отец вторично вернулся из Москвы и оставался с нами уже до конца интервенции. Он работал в музее. Кроме того, организовал на паях вместе с некоторыми своими знакомыми комиссионный магазин антикварных вещей, знатоком которых он всегда был. Жил отец не с нами на Аутке, а в самом городе, где снимал комнатку. К нам же приходил в свободное время.

Я очень много читал. Особенно в это время увлекался Достоевским. Прочитал также Андреева, Гаршина, Короленко, из иностранных писателей Виктора Гюго, Бальзака, Ибсена, Кнута Гамсуна, Гауптмана и многое-многое другое. Хорошая библиотека художественной литературы была у Ергиных, и я ею пользовался.

В это время я стал серьезно подумывать о своей будущей специальности. Колесания были значительные. Я увлекался литературой и историей. Но я любил также математику, и она давалась мне легко. Меня прельщала и профессия адвоката. В конце концов победил интерес к истории. Я начал читать книги на исторические темы. Прочитал «Лекции» Ключевского и был потрясен железной логикой его рассуждений, образностью воспроизведения прошлого, силой чисто эмоционального воздействия. Приступил к изучению двадцатидевятитомной «Истории России» Соловьева, но по-настоящему освоил только первый и тринадцатый тома. Для гимназиста и это много! Особенно привлекал меня тот раздел исторической науки, в котором она соприкасалась с литературой — история общественной мысли. Помимо сочинений Белинского, я изучил труды по истории русской интеллигенции и национального самосознания Овсяннико-Куликовского, Иванова-Разумника, некоторые ра || (тетр. № 14) боты о славянофильстве. Меня захватывала тема «духовного мещанства» и борьбы с ним. Прочитав книгу Татищева об Александре II, я подумал, что хорошо бы написать работу о царствовании Александра III и Николая II. В подборе научных книг мне во многом помог Дмитрий Федорович Азбукин.

Мой политический идеал в то время был очень бесформенен. Он складывался, с одной стороны, на основе художественной литературы, с другой — на основе исторических трудов, причем все это я как-то проецировал в современную действительность. Меня потрясли произведения Леонида Андреева — «Рассказ о семи повешенных», «Губернатор», укрепив ненависть к режиму произвола и уважение к тем, кто с ним ведет борьбу. В пьесе «Дни нашей жизни» меня брало за живое противоречие между светлой мечтой о том, что должно быть, и мерзостью того, что есть. И я рисовал себе какой-то идеальный строй, при котором все будут равны, все будут работать, всем будет хорошо. А как этого достичь, я плохо себе представлял. Все это было наивно, несерьезно, но по-юношески честно.

И опять (уже который раз в жизни) я стал сочинять роман. Назвал его «Где выход?». Я хотел заклеить в нем белогвардейщину и написать о большевиках как о чем-то пока неизвестном, несущем много страшного (пугало уже одно слово Чека), но неизбежном. Написал я всего несколько страниц. Как мне казалось, они были списаны с живой действительности. Дело в том, что одна из моих хозяек Вера Михайловна Ергина и ее подруга Александра Владимировна Даровская поступили в качестве официанток в кафе «Чашка чая» на набережной, в городском саду. Педагогического заработка, очевидно, не хватало. Кроме того, в кафе подкармливали. В кафе постоянно бывала военщина, и русская, и иностранная. Обе женщины жаловались на солдафонство, грубость, бесцеремонность посетителей. В результате этих рассказов и появилась единственная сцена моего романа, в которой «Чашка чая» выступала как некое олицетворение режима «белых» и интервентов.

Чем больше мы, ялтинские гимназисты, выросли, тем большее значение в нашей жизни приобретало взаимоотношение с девушками, прежде всего, конечно, с ученицами женских гимназий. У разных парней оно принимало разные формы. Были и сальные анекдоты, и пошлые ухаживания, и циничные предложения, и назойливые приставания. К счастью, меня и моих ближайших друзей все подобное не привлекало, а отталкивало. Но у нас был свой кружок, в котором были и девушки; мы с ними дружили, и у каждого была своя любимая. Трое юношей и четыре девушки: Борис Асеев и Ерина* Дитерихс (сестра Мини), я и Нина Дворецкая, Миня Дитерихс и... внимание Мини раздваивалось между двумя армянками — резвой, жизнерадостной блондинкой Маней Захарато и томной стройной шатенкой Аней Каджак. Мы были неразлучны. Много и подолгу гуляли (обошли Ливадию, Ореанду, Никитский сад, Аутку), купались в море и часами загорали на пляже, беседовали, мечтали, спорили.

Все считали, что я и Нина Дворецкая любим друг друга. Но мы никогда в любви друг другу не объяснялись. Отношения были самые бережные и платонические. Поцеловались раз в жизни, вернее, она меня поцеловала перед отъездом из Ялты в Москву (я уехал позднее) и подарила мне маленького слоника, которого я берег и смотря на него, испытывал какое-то нежное чувство. И в то же время вместе

---

* Так в рукописи, видимо, правильно: «Ирина».

с образом Нины Дворецкой меня преследовал и другой образ, другой Нины — Панкиной*. Думаю, что любви никакой не было, была потребность любви, и она облагораживала.

Нина — смуглая девушка с темной косой и большими красивыми глазами. Портит ее нижняя часть лица, слишком выдавалась вперед челюсть. Дружба с Ниной продолжалась и в Москве, долго, много лет, и мы все думали и не могли решить: только ли это дружба. А раз думали, раз сомневались, значит, ничего другого и не было. Дальнейшая жизнь Нины сложилась не очень счастливо. Где-то в середине двадцатых годов она вышла замуж за Владимира Михайловича Лавровского, известного медиевиста, историка Англии. Как будто был у них ребенок, но умер. Затем они развелись. Разводом кончился и второй брак Нины, от которого у нее был мальчик. Пришлось ей испытать и другие невзгоды: репрессировали ее отца, на войне погиб брат. И сама она, еще совсем не старая, умерла от рака.

Уже с шестого класса гимназии я стал собственным трудом зарабатывать деньги. Занимался репетиторством, готовил ребят к поступлению в гимназию, подтягивал двоечников, главным образом, по математике, латинскому языку, русскому. Дело это мне удавалось. Я приобрел даже на данном поприще в Ялте известную репутацию. Преподаватели меня рекомендовали, родители учеников ценили. Для самого же меня это была прекрасная школа. Я приучался к труду, приобретал профессиональные навыки и начинал ценить честный трудовой заработок. Деньги я отдавал Марии Иосифовне, и это было подспорье семье, ибо жизнь в то время была дорогая, трудная. Случалось и так, что давал уроки за обед, и это была тоже помощь семье, т. к. продукты доставались нелегко: дороговизна, очереди, скачки цен.

Имелся у меня еще один источник заработка, настолько культурного, что и заработком-то его назвать как-то неудобно. Выше нас, на даче, расположенной в горной местности, жил один слепой интеллигентный человек. Забыл его фамилию и точно не могу назвать профессию — журналист, критик, литератор, вообще работник умственного труда. Он пригласил меня к себе секретарем, и я ходил к нему несколько раз в неделю, на два-три часа. Я читал ему книги и журналы, писал под его диктовку статьи, стихи. Случайно мне запомнилось одно его четверостишие:

Тик-так, тик-так — часы считают
Минуты жизни прожитой.
Тик-так, тик-так — им глухо отвечает
В усталом сердце звук пустой.

А чаще всего мы просто беседовали, и для меня это было дороже всего. Темы затрагивались самые разнообразные: и литература, и философия, и история, и просто жизнь. Обмен мнениями представителей двух поколений, причем как равного

---

* Чтение неуверенное, можно прочесть и как «Лапкиной».

с равным. Если уроки-репетиции на дому являлись для меня школой, то это была настоящая академия.

Я приближаюсь к тому моменту, когда советская власть твердой ногой стала в Крыму. Еще в апреле 1919 г. войска интервентов были вынуждены эвакуироваться из Крыма, но затем начался второй поход Антанты, и лишь к концу 1920 г. этот многострадальный край сделался советским. Началось повальное бегство белогвардейцев и тех, кто ожидал поражения Советского государства. Через Черное море, в Константинополь, затем в Париж отправлялись эмигранты. В числе их были и Шибаевы. Мы распрощались с ними навсегда. Сначала Елена Иосифовна писала отцу, Марии Иосифовне, но вести становились все реже и реже и наконец прекратились. Судя по всему, не так-то легко им было в Париже. Вспоминается мне один разговор с Иосифом Соломоновичем, моим дедом по мачехе: «Насколько умнее Матвей Исидорович Шибаев оказался, чем Глеб. Магазинным приказчиком работает, зато на родине. Зачем Глеб уехал? Остался бы, ну, конечно, посидел бы, а затем выпустили бы и стал бы работать».

Советская власть внесла много нового в нашу гимназическую жизнь. На смену гимназии пришла Советская трудовая школа II ступени с семилетним обучением. Поэтому восьмые классы были ликвидированы. Я в это время учился в седьмом классе, который стал теперь выпускным. Таким образом, весной 1921 г. я завершил среднее образование. Ликвидировали некоторые предметы школьной программы: закон божий, латынь. Я все же очень благодарю судьбу за то, что она дала мне возможность по-настоящему изучить латинский язык, без знания которого не могу себе представить гуманитария. Ставить латынь на одну доску с Законом Божиим (а тогда так делали), мне кажется, по меньшей мере несерьезно. Ввели и новые предметы, например, политическую экономию. Преподавать ее стал один присяжный поверенный с хорошо подвешенным языком, но, по-моему, не с очень глубокими знаниями. Женские и мужские гимназии объединили, перетасовав ребят и девочек, так что получилось несколько школ совместного обучения. Старшие же, седьмые, классы решили не трогать, очевидно, потому, что слишком велика была разница в программах. Нам, гимназистам-семиклассникам, это очень не понравилось, и мы обратились со специальным ходатайством к комиссару народного образования (или — народного просвещения) Конапасевичу* объединить и нас с гимназистками. Ходатайство это успеха не имело.

Гимназию слили также с ремесленным училищем. Это мероприятие было очень полезно, но проводилось несколько болезненно. Ремесленное училище по своему составу было более демократическим, пролетарским. Поэтому обучавшиеся там парни относились к гимназистам с недоверием, а иногда и враждебностью, как к людям, чуждым рабочему классу, политически вредным. Но общий культурный уровень гимназистов был выше (это естественно), и они это не раз бестактно подчеркивали. Затаенная глухая вражда иногда перерастала в открытые стычки,

---

* Чтение неуверенное, можно прочесть и как «Конопасевичу».

потасовки. Запомнился мне один довольно показательный эпизод (он, конечно, не был единственным). Борис Асеев носил гимназическую фуражку с гербом — двухглавым орлом. Это заметил один «ремесленник», подошел к Борису, рванул герб и подчеркнуто вежливо, на «вы», и в то же время грубо и громогласно заявил: «Сейчас Вам не царский режим, если я еще раз увижу это безобразие, то немедленно отправлю Вас в Особый отдел». Борис отнюдь не был поборником царского режима и форменную фуражку носил не из пиетета к царизму, а просто потому, что другой у него не было и в голову не пришло сменить головной убор. А обвинили его по существу в политической, антисоветской, демонстрации.

Гимназический педагогический совет был преобразован в учебный комитет (учком), куда должны были входить и выборные представители от учащихся. Это было встречено школьниками с большим удовлетворением и воодушевлением. Но сколь «сознательно» мы отнеслись к выборам, видно из того, что многие выдвинули кандидатуру Яши Биха. Очевидно, казалось, что человек, плевавший на начальство и вместо того, чтобы сидеть на уроках, разгуливавший по набережной под ручку с барышнями, сумеет защитить интересы товарищей.

Вспоминаю первую встречу с представителями советской власти. В гимназию к нам приехали два комиссара, фамилию одного я уже называл: Конапасевич*. Другой — Дмитрий Михайлович Смолин³⁶: с ним я впоследствии часто встречался в Москве как с литератором-драматургом, автором пьес, без удержу восхвалявших Ивана Грозного. Каково было служебное взаимоотношение между Смолиным и Конапасевичем — не помню. Нас созвали в актовый зал, куда мы когда-то каждодневно сходились утром перед уроками на молитву и где еще и сейчас находился большой образ. Смолин начал свою речь примерно так: «Вам, вероятно, много страшного рассказывали про большевиков, и вы, наверное, очень боялись увидеть кого-нибудь из них живьем. Так вот знайте. Перед вами живой, настоящий большевик. Это я. Ну что-ж, страшно?» Далее Смолин говорил о необходимости школьных реформ. Критиковал учебные программы. Специально остановился на программе по истории. Указал, что целые отрасли исторического знания остаются за ее пределами: прошлое Китая, Индии. Коснулся и методологических проблем: необходима борьба с идеализмом; история должна изучаться на базе материализма.

В своей речи оратор оказал теплые слова о тех молодых людях, которые вместо учебы пошли на фронт, в рядах Красной армии добивались победы революции и сложили свои головы за нее. Он предложил почтить их память вставанием. Туг поднялся один старшеклассник и предложил со своей стороны помянуть и тех гимназистов, кто погиб, сражаясь на стороне || (тетр. № 15) белых. «Нам важно, — сказал он, — что и те и другие боролись честно, отстаивая идеалы, в которые верили». Это было политически и неверно и бестактно, но вряд ли являлось сознательным выпадом. Просто юношеская память не могла вычеркнуть прежних друзей (таких, как Телепчи), обманутых и вставших на ложный путь. Но для комиссара,

---

* См. выше, с. 62, подстрочное примечание.

державшего политическую речь, это были только враги (иначе он не мог думать), и он резко заявил, что нельзя одинаково оценивать тех, кто стоит на разных сторонах баррикады, и важны не субъективные побуждения борющихся, а объективный смысл борьбы. Это был хороший, хотя и суровый, урок для молодежи, вызвавший разные чувства.

Я тоже вступил в дискуссию со Смолиным, по другому, весьма нелепому, поводу. Я уже говорил, что родители, равнодушные к религии, и меня не воспитывали в религиозном духе, внушая в то же время, что надо относиться к религиозным убеждениям других с уважением. Смолин развивал в своем выступлении атеистические идеи. Я спросил его: считает ли он, что надо уважать религии разных народов? Он ответил положительно. Я задал второй вопрос: почему же Вы пришли в фуражке в комнату, где икона? Он ответил, что уважает идеи, а не деревяшки и картинки. Надо прямо сказать, что диспут получился не очень содержательный, а с моей стороны было глупо его поднимать. И руководствовался я соображениями далеко не серьезными. Желал порисоваться перед гимназистками, и в этом деле успел. Заронил лишний шанс в сердце Нины Дворецкой.

Вскоре после установления в Крыму советской власти в Ялте было проведено широкое собрание молодежи. Организовал его Комитет комсомола. В городском театре, где так недавно мы слушали контрреволюционные речи, теперь выступили перед нами парни из числа рабочих, крестьян, красноармейцев, призывавшие к революционной перестройке общества. Круг поднятых вопросов был широк. Говорили и о международном, и о внутреннем положении молодого советского государства, о задачах коммунистического строительства, народного образования. Все это было ново, интересно, захватывало, брало за живое. Чувствовали себя активными членами общества. Беспартийная молодежь как бы приобщалась к коммунизму.

Речи комсомольцев вызывали и ответные реплики: «Зачем вы нас агитируете?» В ответ следовало: «Мы не агитируем, мы убеждаем». Или: «Да, мы агитируем, но агитируйте и вы». Резкую отповедь комсомольцев получил один вопрос, поднятый мною на собрании. Недавно был арестован Дмитрий Федорович Азбукин, Григорий Григорьевич Знаменский и некоторые другие преподаватели просили нас, школьников, чтобы мы спросили на совещании, нельзя ли поскорее разобраться в его деле. Я сказал об этом, когда принималась резолюция, предложил включить в нее пункт о скорейшем расследовании материалов об Азбукине. Конечно, этого делать не следовало, ибо это не подлежало компетенции собрания. Меня осадили, указали: «Обратитесь в Особый отдел». И друзья потом мне пеняли, что я проявил политическую бестактность. А Азбукина скоро освободили, ни в каких действиях против Советов он не оказался замешан.

Первые месяцы после освобождения Крыма Красной армией (конец 1920 г. — начало 1921 г.) вспоминаются сейчас как время какого-то обновления. Как бы подул свежим ветром. Чувствовалось, что мы идем навстречу новой жизни. Пока же еще жилось трудно, голодно. Выдача хлеба была строго нормирована. Школьники получали хлебный паек — каждый класс свою порцию, которая потом делилась

по числу учеников. Разрезал хлебную буханку на отдельные куски «веселый козлик Гришка»; у него хорошо получалось. Каждый из нас готов был проглотить свой паек сразу, есть хотелось, но проявляли выдержку и несли хлеб домой: ведь там тоже было голодно, родные тоже ощущали потребность в еде. Школьный хлебный паек был как бы материальным воплощением великого лозунга: «Кто не работает, тот не ест».

Иногда выдавали и другие продуктовые пайки, например, рыбный. В то время наблюдался громадный наплыв на побережье Черного моря комсы — мелкой рыбешки — жирной и очень вкусной. Ее ловили сетями и прямо руками. Комсу варили, жарили, коптили, вся набережная была усеяна рыбьей чешуей. Если не хватало пайка, то шли в горы, где в татарских деревнях можно было на мануфактуру, обувь, другие вещи выменять крупу, макароны, мясо. Обычно эта миссия возлагалась на Бориса Асеева, хорошо знавшего ялтинские окрестности. Он брал то, что имелось в доме, а также те вещи, которые ему давали мы и Дитерихсы, и возвращался хотя бы с небольшим запасом. Но подобные путешествия были и опасными, т. к. в горах скрывались банды «зеленых». В поисках хлеба насущного естественно все пообносились. Ходили в «котурнах» — обуви на деревянной подошве с прибитыми к ней гвоздями ремнями, а то и просто босиком.

Я помню один случай с моим отцом, относящийся к этим голодным месяцам. У него был приятель, артист, Гаврила Михайлович Субботин, милейший человек, который и в жизни воспринимался как артист, т. к. все слова и жесты, которые для него являлись совершенно естественными, окружающим казались такими, как бывает на сцене. У Субботина в свою очередь был приятель, крымский абориген, живший где-то в окрестностях Ялты — в Массандре или в каком-то другом местечке. Настала Пасха 1921 г. И вот Гаврила Михайлович пригласил отца навестить этого приятеля: местный житель, вероятно, у него можно подзакусить и винца выпить. Идти надо было пешком, транспорта не было, дорога дальняя, и так голодные, а теперь совсем измучились, пришли совершенно изможденные. Хозяева встретили приветливо, но занимали разговорами, угощать не угощали, а время шло. И уж когда гости дошли до полубоморочного состояния, накрыли праздничный стол, появились пасха, кулич, прекрасное крымское вино, т. е. все то, о чем только можно мечтать. Гаврила Михайлович рассказывал об этом необычайно красочно, с эпическим спокойствием, пронизанным глубоким юмором.

Время было суровое. Люди исчезали в Чека. Это была логика классовой борьбы, закономерная и неизбежная. Но нам трудно было ее понять, особенно применительно к живому человеку, с которым только вчера мы пили чай, шутили, смеялись. Был такой военный Евгений Иванович Даровский, полковник царской армии, поклонник Веры Михайловны Ергиной, дядя ее подруги Александры Владимировны³⁷. Я привык его видеть у Ергиных чуть ли не ежедневно. Его сын Женя учился вместе со мной, только в другом классе, дочь Нина — гимназистка. Полковника вызвали в Чека, он пошел туда, а оттуда не вернулся. Это лишь один случай, а их было много. Шли разговоры о жестокостях Чека (преимущественно шепотом).

Я впервые по-настоящему ощутил, что это не просто жестокость, а политическая акция, ответ противнику, когда увидел похороны жертв белого террора. Вверх по Аутке, по направлению к ялтинскому кладбищу, шли толпы людей, над их головами плыли красные гробы. Пели траурный гимн: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Это было не столь помпезно, как отпевание в соборе убитых на войне белых офицеров, но более величественно, сурово и правдиво. Тогда же я пришел к мысли (и говорил об этом Мине Дитерихсу), что надо не сворачивать с пути, указанного большевиками, а всем на него становиться; общими силами мы сумеем устранить и все то темное, что сопутствовало революции. Хорошо сейчас понимаю, сколь несерьезны эти рассуждения мальчишки из интеллигентной семьи, взявшегося «поправлять» революцию. Но я принял ее искренне и не хотел быть с теми, кто против нее выступал.

Весной 1921 г. я закончил Ялтинскую советскую трудовую школу II ступени. Получил временное свидетельство о ее окончании. В дальнейшем оно должно было быть заменено постоянным по образцу, который надлежало утвердить Крымскому наробразу. Но об этой замене я впоследствии не позаботился, и до сих пор у меня хранится и остается документом о получении среднего образования удостоверение 1921 г.³⁸ Отпраздновали окончание, устроив выпускной вечер, к которому очень долго готовились, но о котором у меня сохранились очень смутные воспоминания.

Пришел конец гражданской войне. Было решено вернуться в Москву. План был такой: сначала поедет отец, а когда устроится, то приедет за нами или вызовет нас к себе³⁹. Помню день, когда мы его провожали. Я, Таня, Мария Иосифовна стояли на молу, откуда отошел пароход в Севастополь.

Вскоре после выпуска из школы я поступил на работу в Ялтинский порт. Занимал должность конторщика при портовом продовольственном магазине. С этого времени началась моя общественно-трудовая жизнь. Хотя я прослужил (до отъезда в Москву) всего несколько месяцев, но воспоминания о них сохранил самые хорошие. Не помню, к восьми или девяти часам надо было попасть на работу, но путь был дальний, с одного конца города на другой. Поэтому вставал рано. Тратил на дорогу не меньше часа, вероятно. Обязанности мои были несложные. Составлял ведомости на выдачу пайков сотрудникам порта и экипажу судов, ставил в этих ведомостях отметки о получении продуктов. Работа не творческая. Но в магазине все время народ, шумно, интересно, разговоры, споры, ссоры. Приходят и уходят матросы, грузчики, служащие. Чувствуешь себя в самой гуще городской жизни. Мой непосредственный начальник, заведующий продмагом, — полный деловой мужчина средних лет, не интеллигентный, но достаточно грамотный, человек, на которого можно положиться. Затруднительно я себя чувствовал в те дни, когда его не было на работе, по болезни ли, по другой ли какой причине. Тогда мне приходилось исполнять не только свои, но и его обязанности: резать хлеб, развешивать продукты. К делу этому я был непривычен и страшно боялся кого-нибудь обмерить или обвесить. Еще у меня был один предмет беспокойства. В штате

продмага числился еще один подсобный рабочий: ездил за продуктами, грузил их, привозил. Довольно хитренький мужичонка. В отсутствие заведующего продмага он, идя на обед, запускал руку в мешок с сухарями и забирал целую горсть. Я видел и старался не видеть, и не знал, как мне быть. Сказать ему — как-то неудобно, мальчишка учит человека много старше себя, еще облает. Пожаловаться начальству — ябедничать не привык. Лучше всего не замечать, но и это страшно, а вдруг его поймает на месте преступления не я, а кто-то другой или ревизия обнаружит недостачу, подумают — сговор. К счастью, как-то все обходилось.

В порту я чувствовал себя по-настоящему членом трудового советского коллектива. Бывал на производственных совещаниях, принимал участие в субботнике. Возвращаясь из порта домой, заходил на набережной в столовую, подавал талон и получал обед, чувствуя, что его заработал. Иногда съедал тут же, чаще брал домой. Приходил к себе усталый, но довольный. От частных уроков стал отказываться — не успевал. И опять-таки чувствовал себя довольным: не я ищу уроков, а меня ищут ученики, а мне этого не нужно. Но это уж, конечно, было мелко.

В конце лета пришло известие от отца. Из Москвы приехал некий Шварцман, присяжный поверенный. Он так же, как и отец, ездил в Москву «на разведку» и теперь вернулся за женой, оставшейся в Ялте. Отец просил его взять с собой и нас (Марию Иосифовну, Варвару Алексеевну, Таню, меня), помочь нам в дороге. Он обещал.

Стали собираться. Было и жалко расставаться с Ялтой, здесь прошли годы, принадлежащие к числу лучших в жизни. Но сильнее было другое чувство, манило будущее: Москва, университет, вся жизнь, открывавшаяся впереди. А Ялта — это уже прошлое. И не думалось, что не раз ее вспом || (тетр. № 16) нишь и пожалеешь, что прошли годы, в ней проведенные.

Пароходы в то время ходили очень нерегулярно. Пришлось долго ждать, пока пароход придет из Севастополя, потом ожидать на пристани в Ялте, когда он отойдет обратно в Севастополь. Нелегкое дело было и поручить в Севастополе билет до Москвы. На это ушло несколько дней. Мама с Таней остановились в Севастополе у своего знакомого патологоанатома доктора Гаршина, племянника или внука известного писателя. Я с Варварой Алексеевной ночевали на пристани. С раннего утра становились в кассу в очередь за железнодорожными билетами. Осматривать Севастополь времени не было, хотя немного по городу я походил, поглядел на знаменитую панораму его обороны в Крымскую войну. Билетов в конце концов добились, но они оказались фикцией, т. к. стоило подойти к платформе поезду, так к нему бросилась толпа, стала осаждать окна, двери, лезла на крышу. Шварцман как-то втиснул нас в вагон, который скоро оказался набитым сверх всякой возможности. Духота, повернуться невозможно, со всех сторон давят — так мы ехали несколько дней (сколько — не помню) до Харькова. Там нас выгрузили, и мы снова ночуем на вокзале, пока не удастся прокомпостировать билеты. От Харькова до Москвы ехали уже в нормальном плацкартном пассажирском поезде. И вот Москва, опять Москва, родной город, с которым так много связано и где начнется новая жизнь.

Отец обосновался в том доме на Никитском бульваре, где была репмановская гимназия (там я когда-то учился), Евгения Альбертовна отдала ему одну из своих комнат на первом этаже. У нее с матерью и с Верой Федоровной остались еще две комнаты. Наверху, на втором этаже продолжала действовать гимназия, вернее — теперь уже не гимназия, а советская трудовая школа. Одной комнаты на пятерых: (причем все, кроме Тани, взрослые), явно не хватало⁴⁰. Поэтому родители решили отправить меня с Таней и Варварой Алексеевной в Рязань к деду Иосифу Соломоновичу, мне это совсем не нравилось, ибо я мечтал о Москве и об университете, но правом голоса я тогда еще не обладал. Те полторы-две недели, что мы провели в Москве до отъезда в Рязань⁴¹, я с сестрой и с Варварой Алексеевной ночевали у папиного приятеля Виктора Сергеевича Нагаева (его семья была на даче и квартира оставалась свободной).

Я повидал своих бывших одноклассников. Дело в том, что когда-то в гимназии Репман учились две сестры — Лиза и Оля Септерс. Будучи сиротами, они и жили у Евгении Альбертовны на полном пансионе. Продолжали жить и теперь. Лиза, очень красивая девушка (Мария Иосифовна находила, что она похожа на Книппер), была со мной в одном классе. Как-то она пригласила наших соучеников и соучениц. Позвала и меня. Прошло четыре года с тех пор, как мы расстались, причем таких лет в жизни каждого человека, когда он особенно меняется. Встретились как будто другие люди. Сначала разговор не вязался, лишь потом немного освоились.

В Москву постепенно стали съезжаться родственники и знакомые, в свое время отсюда разъехавшиеся. Как-то явился к нам Федор Константинович Рындин, пробывший четыре года в Воронеже. Семья еще оставалась там, а он прибыл первым, нашел работу, обосновался на старом месте жительства, на Волхонке, против храма Христа Спасителя. Рассказал о своих детях. Вадя стал художником, увлекся тоже художницей, Наташей Бессарабовой⁴², женщиной значительно старше его, разведенной. Женился на ней. Сложная судьба была у Кати Рындиной. Ее первым мужем был адъютант Шкуро, вторым — краснодарский чекист Константин Маркуцкий.

В свою прежнюю квартиру на Волхонку вернулся Алексей Иванович Яковлев, бывший в предыдущие годы ректором Симбирского университета. Всем известно, что отец Алексея Ивановича Иван Яковлевич в дореволюционное время вел в Симбирске большую просветительскую работу, его знал отец Ленина Илья Николаевич Ульянов, семьи Яковлевых и Ульяновых были близки между собой, и Ленин интересовался в начале революции судьбой Ивана Яковлевича. Мне говорили, что когда Алексей Иванович снова обосновался в Москве, ему удавалось иногда попасть к Ленину и обращаясь к его помощи, добиваться освобождения арестованных или восстановления на работе уволенных лиц. С Марией Ильиничной Ульяновой Яковлев* был близок до ее смерти и также пользовался ее поддержкой в трудных ситуациях, в которые попадал сам или близкие ему люди.

---

* В рукописи описка: Ленин.

Отец вернулся на работу в Румянцевский музей, мать — в больницу имени Боткина. Устроившись, родители отвезли нас с сестрой в Рязань. Дед к тому времени овдовел. Любовь Самуиловна умерла несколько лет тому назад. Жил Иосиф Соломонович с домашней работницей Катей. Собственно это была больше, чем домашняя работница. Скорее ее следовало бы назвать домохозяйкой или домоправительницей. Женщина властная, капризная, избалованная. Деда держала в руках. Но обслуживала его не спустя рукава, а по-настоящему о нем заботилась, создала ему домашний уют. А когда он слег, пораженный злой болезнью, и тяжелый недуг приковал его к постели, Катя ухаживала за ним как самая внимательная нянька.

Ко мне с Таней Катя относилась хорошо, но с Варварой Алексеевной уживалась плохо, все боялась, что та перехватит власть в доме.

В Рязани я поступил в Институт народного образования⁴³ — какой-то политехникум, полувуз, каких в то время много возникало в разных городах. Провинция желала приобщиться к большой культуре. Институт помещался в здании бывшего епархиального училища. Учился я на историческом отделении (или факультете). Обучение было поставлено неплохо. Преподавались основы педагогики, психологии, исторические и литературоведческие дисциплины. Здесь я впервые познакомился с Николаем Георгиевичем Бережковым⁴⁴, вместе с которым мне потом много пришлось работать в Москве. Я не знаю, как он попал в Рязань, где служил в Архиве и преподавал в Институте. Он читал у нас курс древней русской истории. Читал внешне невыразительно, сухо, монотонно, но обладал большой эрудицией и давал очень богатый и хорошо обработанный материал. Источниковедческая база его была очень разнообразной и добротной. Когда я читал Ключевского, мне казалось, что русская история начинается с Киевской Руси, а до этого — лишь небольшая предыстория, а Николай Георгиевич приводил массу сведений из античных, восточных и других авторов о прошлом нашей страны, систематизировал археологические данные. Он по-настоящему широко раздвинул завесу, скрывающую древнейшие судьбы родины. Он назвал ряд новых для меня, доселе неизвестных мне книг: лекции Любавского⁴⁵, Багалея, труды Грушевского⁴⁶. Я попросил отца достать эти книги в Румянцевском музее и прислать мне в Рязань. Отец исполнил мою просьбу, и я обогатился новыми познаниями.

Но больше всего я благодарен Николаю Георгиевичу за то, что он первый открыл мне Шахматова⁴⁷. Он вел практические занятия по истории и дал студентам темы рефератиков по монографии Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах». В рязанских библиотеках этой книги не было, и Николай Георгиевич предложил мне свой экземпляр. Я прочитал, и был буквально подавлен. Мне думается, я правильно передам свое настроение того времени, если скажу, что я впервые познал величие науки, мастерство историка-исследователя. Какой-то рефератик я написал, но дело не в нем, а в том, что Шахматов во многом определил мою дальнейшую научную работу, мою исследовательскую методику. Оттого я часто возвращаюсь памятью к этому моменту моей жизни.

В то время я, конечно, не мог еще воздать Николаю Георгиевичу должное в той мере, в какой он этого заслуживает. Но с течением времени он все больше и больше открывался мне как человек и ученый. Внешне он ничем не выделялся, скорее, терялся среди других, более выразительных лиц. Некрасивый, застенчивый, какой-то неуклюжий, слегка сгорбленный, немного лопухий — таким он остался в моей памяти. Но это был ученый редкой добросовестности. Мерилом научной ценности труда была для него степень точности содержащихся в нем исторических фактов. Для достижения этой точности сам он был готов затратить столько труда, сколько необходимо, работал, не жалея сил. Быстро он работать не умел, исторические изыскания шли у него медленно. Но зато всему, что выходило из-под его пера, можно было верить безусловно. Он публиковал только то, что было им проверено много раз. Его книги о Литовской метрике и о хронологических системах русских летописных сводов по своему характеру отвечают человеческому облику автора. Они невыразительны по видимости, но по существу это результат затраты колоссальной человеческой энергии и точнейший аппарат для производства дальнейших научных исследований. Метод и темпы работы Николая Георгиевича были таковы, что он не укладывался ни в какие производственные планы. Его за это ругали, он очень огорчался, но переделать себя не мог, ибо это бы означало бы для него отказаться от своей научной методики. И поэтому он рано ушел на пенсию, раньше, чем это делают другие. Теперь никто его не дергал, никто не торопил, и он еще и еще раз проверял хронологические расчеты по летописям и может быть до сих пор не выпустил бы своей книги в свет, если бы... не смерть, прекратившая авторский творческий процесс и передавшая рукопись в руки друзей, которые ее опубликовали⁴⁸.

Неизгладимое впечатление производил еще один преподаватель рязанского института — Николай Павлович Сидоров. Он читал курс, который назывался «поэтика». Насколько я сейчас вспоминаю лекции Николая Павловича, это была теория или методология литературы. Курс был глубоким по содержанию, выразительным по форме. Над ним приходилось думать, и он доставлял чисто эстетическое наслаждение.

Вот два ученых педагога — Бережков и Сидоров, — которые сразу приобщили меня к науке. Но были преподаватели и другого типа. Например, историю древнего мира (Греции, Рима) читала одна томная дама с большой муфтой, в которой все время держала руки. Как будто, она училась в ленинградском университете, слушала Платонова, но я не мог почерпнуть из ее лекций чего-нибудь свежего.

Из лиц, учившихся в институте, я ближе всего познакомился с двумя. Во-первых, с Колей Мордовченко, который служил в городской библиотеке. Впоследствии он вырос в крупного ученого-литературоведа, автора трудов о Белинском и других. Когда я стал работать в Москве, в рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, Николай Иванович Мордовченко⁴⁹, перебравшийся тогда уже в Ленинград, приезжал к нам заниматься рукописными текстами. К сожалению, он преждевременно умер от рака.

Другой юноша, бывший вместе со мной в институте — Володя Сидоров, сын Николая Павловича, несколько прихрамывающий, с не очень выразительной внешностью, спокойный, выдержанный. Он специализировался в области филологии, истории русского языка, стал кандидатом наук (не знаю — достиг ли докторской степени), работал в системе Академии наук в Москве⁵⁰.

Как-то, уже по окончании Отечественной войны, в Москве, на улице 25 Октября, недалеко от Историко-архивного института, меня остановил какой-то стройный, подтянутый человек средних лет, в дипломатической форме. Оказалось, что это Виктор || (тетр. № 17) Захарович Лебедев, сотрудник Министерства иностранных дел. Когда-то он учился в Рязани, в Институте народного образования, сейчас меня узнал. И в моей памяти тут же возникла сцена. Мы, студенты, встречаем в институтском здании новый, 1922, год. Инсценируем гадание — кого что ждет в будущем году. Прорицательница, шестидесятилетняя горбатая старуха (тогда в студенты принимали людей любого возраста, считалось, что науке, как и любви, все возрасты покорны) принимает за занавесом участников новогодней встречи и рассказывает им грядущие судьбы. Виктору Захаровичу было сказано, что его ожидает большая карьера в Москве. И оправдалось. Стал государственным деятелем, был послом в Финляндии, Польше. Не так давно я прочитал в газете известие о его смерти.

Помимо занятий в институте, я брал частные уроки французского языка. В этой связи не могу не вспомнить один комический, а в то время для меня довольно трагический, случай. Французенка эта жила в одной квартире с женщиной — зубным врачом. Был у них общий коридор, где стояла вешалка, и на нее вешали свои пальто и пациенты одной, и ученики другой. Однажды я пришел на урок, разделся, повесил шубу (дело было зимой), зашел в комнату французенки. Урок кончился, выхожу — вешалка пустая, шубы нет. Купить новую в те времена было не по средствам.

Продолжал я и занятия музыкой, также ходил к учительнице. Родные все еще продолжали верить в меня как в музыканта. Но сам я все более и более разочаровывался в своих возможностях,

В Ялте я привык сам зарабатывать деньги. Думал, что так же будет и в Рязани. Но оказалось, что это не просто. Устроиться на службу было очень трудно, пробовал — не выходило. Попробовал получить частные уроки, но как это сделать? В Ялте меня знали гимназические преподаватели, могли рекомендовать, да и сам я уже завоевал определенную репутацию. А в Рязани я никому не был известен. Наклеил на оконное стекло объявление: даю частные уроки. Никто не откликнулся. Наконец, с помощью знакомых удалось получить урок. Был приглашен репетитором к одному мальчишке лет восьми-деяти. Но тут возникли для меня новые осложнения. В Ялте я учил, не мудрствуя лукаво, по учебникам, принятым в старых гимназиях. В новой школе начались педагогические искания, вводились методические новшества («дальтон-план» и прочее). Среди этих исканий и нововведений было много свежего, здорового, разумного, но много и такого, что жизнь

затем отменяла. Я же вообще всем этим еще не овладел. А мать моего ученика оказалась женщиной «просвещенной», «передовой». И она решила, что я консерватор в педагогике, пользуюсь устарелыми методами. Ее поддерживала дочь-старшеклассница, тоже «новатор». Мальчишка к тому же был тугоумный, ленивый, успевал плохо. Винават был, конечно, я. Словом, неприятностей было достаточно.

Из родственников моих жила в это время в Рязани, в старом черепнинском доме на углу Никольской и Семинарской, семья Бернацких. Жилось им трудно, Екатерина Алексеевна где-то служила. Таня училась дома и сдала экстерном экзаме́н на аттестат зрелости. Лёля вышла замуж за Александра Евгеньевича Телишева, юриста, работавшего в то время, по-моему, в военкомате. Впоследствии он стал членом коллегии защитников и завоевал известность и хорошую репутацию как адвокат. У них родилась дочка Женя, лохматая, черноволосая и черноглазая девчоночка, похожая на цыганенка. Бабушка Анна Николаевна стала совсем старенькой. Обычно проводила время за вязанием на спицах, непрерывно курила. Часто заговаривалась, но по-прежнему любила резонерствовать. Оставалась верной себе — революцию не приняла как насилие. Уверяла, что большевики пришли ненадолго, а когда ей возражали, что после революции прошло уже более четырех лет, отвечала, что во Франции революцию от Наполеона отделяет еще больший отрезок времени.

Рязань была для меня лишь станцией на жизненном пути. Скоро явилась возможность переехать в Москву. Отец получил вторую комнату в том же доме на Никитском бульваре. Там до этого жила Евгения Альбертовна с матерью, но мать ее умерла, тогда она переселилась к Вере Федоровне и свою комнату отдала нам. Было это в начале 1922 года. Сначала уехали в Москву Таня с Варварой Алексеевной, а я немного задержался в Рязани и сдал институтские экзамены за первый семестр⁵¹. Но вот я снова в Москве.

Я поставил себе целью поступить в университет. Исторического или историко-филологического факультета тогда не было. Был факультет общественных наук и в его составе — общественно-педагогическое отделение: там и преподавались исторические науки. Для поступления в университет надо было получить командировку от какого-либо учреждения. Для меня это оказалось невозможным, т. к. я нигде не работал. Отец от своего учреждения тоже достать мне командировки не смог. Я написал в Рязань деду — просил его зайти в Институт народного образования и узнать там, не может ли меня командировать тамошнее руководство. Дед охотно выполнил мою просьбу и ответил, что институт может мне дать рекомендацию — не больше, правом командировать он не располагает. Рекомендацию мне дали — и хорошую, но ее оказалось недостаточно. Мне было очень обидно. Я хочу учиться, у меня есть для этого способности, готов держать какой угодно экзамен. Почему же меня не пускают? Мы попробовали использовать так называемые «связи». Об этом вслух говорить не полагается. Но перед самим собой надо быть честным. Да я и не вижу здесь ничего плохого. Ведь я же добивался не чего-либо недостойного и делал это не за счет других. Но «связи»-то оказались уж очень

эфемерными. Отец вспомнил, что в Москве живет и работает в системе народного образования его старый приятель, а мой учитель латинского языка — Николай Николаевич Кошкарлов. Он член Коммунистической партии. Может быть, что-нибудь сделает. Я пошел к Николаю Николаевичу. Он встретил меня очень приветливо и дал письмо к Вячеславу Петровичу Волгину, бывшему в то время ректором университета⁵². В письме он просил, если можно, помочь мне, причем лично обо мне не писал ничего, а указывал, что мой дед был серьезным ученым и это дает основание думать, что и мой интерес к науке не случаен. Пошел в университет на прием к ректору. Прочитав письмо, Вячеслав Петрович сказал мне в резкой форме, что ничего для меня сделать не может. Впоследствии я довольно близко познакомился с Вячеславом Петровичем, он всегда хорошо относился ко мне, благоприятно отзывался о моих работах, поддерживал мою кандидатуру на академических выборах, и, конечно, ему и в голову не приходило, что он имеет дело с человеком, который еще мальчишкой просился у него в университет, а он его прогнал. Говорю это не в укор Вячеславу Петровичу. Он поступил так, как должен был поступить. Но просто подумал: сложны человеческие судьбы и их переплетения.

Вопрос о поступлении в университет — старый Московский университет — отпал. Но в то время в Москве возник еще один, так называемый второй, государственный университет (в силу чего старый университет на Моховой и Никитской стал называться первым). Второй университет помещался в здании бывших Высших женских курсов, на Девичьем поле — по старой терминологии. В его составе был образован педагогический факультет, на котором было общественное отделение. Туда поступить было легче, командировка не требовалась. Но меня туда не тянуло. По ряду причин. С «первым»* университетом были связаны лучшие традиции передовой русской науки и общественной мысли. Там и сейчас были сосредоточены крупные научные силы (а я уже в этом хорошо разбирался и хотел слушать профессоров, имена которых знал по их книгам). Наконец, меня совершенно не устраивало, что на педагогическом факультете первый курс был общеобразовательным, общим для всех факультетов. Я должен был слушать физику, химию, анатомию, физиологию, психологию и т. д. Мария Иосифовна считала, что это большой плюс, что это расширит кругозор, что слишком ранняя специализация вредит. Мне же хотелось уже целиком погрузиться в изучение гуманитарных наук.

Но выбора не было, и я подал заявление о приеме меня в число студентов Второго Московского государственного университета. Пришлось держать вступительный экзамен. Я не помню, как официально именовался тот предмет, по которому производился экзамен, но по существу это было что-то вроде основ обществоведения (элементы истории, исторического материализма, политэкономии). Экзаменовал меня кто-то из студентов старших курсов. По-моему, он сам чувствовал себя не очень твердо в исторической науке. По крайней мере, когда речь зашла о декабристах, и я назвал Николая Тургенева, он меня переспросил: знаменитый романист?

---

* Так в рукописи.

Экзамен сошел благополучно, и я стал студентом Второго Московского государственного университета. Первое, что сделал, купил студенческую фуражку, их тогда еще носили (конечно, далеко не все). Могу по совести сказать, что к моменту поступления в университет, я уже много прочитал по истории и был достаточно подготовлен к слушанию курсов и к семинарским занятиям. С момента приезда в Москву я стал регулярно посещать Румянцевский музей (затем — Государственную библиотеку имени В. И. Ленина), просиживал там часами и читал запоем. Вот уже полвека моя жизнь неразрывно связана с Ленинской библиотекой. Круг моего чтения был широк, разнообразен и в то же время бессистемен. Новинки русской истории (Шахматов, Павлов-Сильванский⁵³, Пресняков⁵⁴), социология, философия истории (Спенсер, Конт, Кареев, Виппер) и прочее и прочее.

Моя дальнейшая учебная жизнь сложилась как-то странно. Официально я был студентом педагогического факультета Второго Московского государственного университета⁵⁵. Но я не расстался с мыслью учиться в первом — «настоящем», как я считал, — университете, где читались курсы, велись семинары, преподавали профессора, которые меня привлекали. И я решил посещать интересовавшие меня лекции и семинары, не будучи студентом. Института вольнослушателей официально не существовало, но фактически я был таким вольнослушателем. И чем дальше, тем больше я связывал свою жизнь с факультетом общественных наук Первого университета, и тем формальнее, халатнее, безразличнее начинал относиться к педагогическому факультету Второго университета.

Университетский режим в те годы был весьма либеральным. Посещение лекций не контролировалось, и я почти не слушал такие курсы как физика, химия, биология, т. е. предметы естественного цикла. Зато ходил иногда на лекции по истории или литературе, которые читались на втором курсе. Из специалистов по русской истории во Втором университете работали Михаил Николаевич Коваленский⁵⁶ и Валентин Николаевич Бочкарев⁵⁷. Первый был не столько исследователем, сколько популяризатором. Методологически тянулся к марксизму. Лекции его мне как-то не запомнились. Запомнилось другое — как он ставил зачеты (экзаменов тогда вообще не было, как не было отметок, оценивающих знания). Вот завершен полугодовой или годовой курс. По правилам должен быть опрос каждого студента, после чего профессору надлежало расписаться в студенческих зачетных книжках. Коваленский никого не спрашивал. Студенты подавали ему свои книжки, и он не глядя на фамилии, проставлял зачеты. Поскольку каждому студенту хотелось освободиться скорее, образовывалась толпа. Одни протягивали руки с книжками через головы других, а то и || (тетр. № 18) просто зашвыривали книжки на профессорский стол. И этот кавардак назывался приемом зачетов. Я часто говорю шутя, что мне в жизни повезло в том отношении, что мало пришлось сдавать экзаменов и зачетов. Эпоха была такая. Пренебрежение к экзаменам и зачетам считалось как бы признаком передового мировоззрения преподавателя: студенту надо доверять, а студент должен понимать, что ему доверяют, и обязан учиться. Так поступал не один Коваленский. Похоже, хотя и с некоторыми вариантами, действовал Корнилов⁵⁸, профессор

психологии, декан нашего факультета. Он беседовал с каждым студентом, но зачет проставлял заранее, до беседы, и потом уже ничего в зачетной книжке не менял, независимо от того, знал ли студент предмет или не знал. Но были и профессора-«консерваторы» вроде профессора химии Крапивина. Он старался задать студенту какой-нибудь каверзный вопрос, рассчитанный на сообразительность, и если тот не отвечал, то прогонял его сразу, больше вопросов не ставил.

Но я уклонился в сторону. Я говорил о Коваленском. Он трагически погиб. Ехал из Москвы на дачу с портфелем, набитым корректурами, а бандиты где-то недалеко от станции поджидали какого-то бухгалтера, который тоже должен был прибыть московским поездом. Коваленского приняли за бухгалтера и убили. Такая передавалась версия.

Валентина Николаевича Бочкарева я впервые увидел и услышал во Втором государственном университете*. В дальнейшем в течение многих лет я неоднократно с ним встречался, нам приходилось вместе работать, и я достаточно его узнал. Это был человек сложной судьбы, слепой от рождения или, во всякой случае, с раннего детства. Какой-то маленький отблеск света, быть может, до него и доходил, потому что иногда можно было видеть, как он вынимает часы и подносит их близко-близко к глазам. Но это именно только крупинка света, потому что ни читать, ни писать он не мог. Помогали ему или родные, или секретари. Природный дефект был причиной того, что исследователем Валентин Николаевич не стал (хотя у него есть печатные работы и неплохие, он написал даже докторскую диссертацию и защитил ее). Но основным жизненным делом Валентина Николаевича была лекционная работа. Через его аудиторию прошли тысячи, а то и десятки тысяч студентов. Перед студентами держался он очень своеобразно. Стоял или сидел, опираясь на палку и все время обводил аудиторию глазами слева направо, как будто хотел удержать в поле своего зрения всех слушателей. Конечно, это был лишь привычный жест, потому что видеть он никого не мог. Выступал с лекциями он, конечно, без каких-либо конспектов или записей, ибо отсутствие зрения не позволяло ему ими пользоваться. Но лекции были настолько отработаны, что казалось, он читает по готовому тексту. Любил он также выступать (и делал это много раз в своей жизни) в качестве оппонента по кандидатским и докторским диссертациям. Всегда производило впечатление, что ссылаясь на какое-либо место диссертации, он точно называл наизусть страницу. Оппонент был он всегда очень благожелательный. Я помню всего один случай, когда Валентин Николаевич при мне проявил несвойственную ему жестокость в оценке диссертации. Случилось это на диспуте Константина Васильевича Сивкова⁵⁹. Это всех тогда поразило, ибо труд Константина Васильевича был серьезный, а с Валентином Николаевичем они были не в плохих отношениях. У меня Валентин Николаевич выступал оппонентом по кандидатской диссертации.

Свою докторскую диссертацию Валентин Николаевич защищал в годы Отечественной войны в Москве, на заседании ученого совета Городского педагогического

---

* Так в рукописи.

института. Ему уже было за шестьдесят. Москва была затемненной, и помнится, я прямо с диспута пошел на какое-то дежурство. Темой диссертации была феодальная война на Руси во второй четверти XV в. Оппоненты — Владимир Иванович Пичета⁶⁰, Алексей Иванович Яковлев, Павел Петрович Смирнов⁶¹. Помню, Пичета долго и сильно щипал диссертацию по разным поводам. Но, конечно, для слепого ученого написать исследование, в котором проведено скрупулезное (хотя и не лишнее изъяснение) сличение летописных текстов, было подвигом.

Семейная жизнь Валентина Николаевича сложилась не очень удачно. Он был женат, имел дочь и внуку. А после смерти первой жены очень быстро женился на своей секретарше (злые языки говорили, что она тут же перевела его сберкнижку на свое имя). Произошел разрыв с первой семьей, и это сильно отразилось на личной жизни Бочкарева. Отшатнулась от него сестра Зинаида Николаевна, очень культурная женщина, которая была для него и чтицей, и переплетчицей, и вообще правой рукой во всех научных делах. От второго брака было двое детей — сын и дочь — близнецы. Валентин Николаевич пережил и другую супругу. Умер глубоким и в общем одиноким стариком. Я был на его гражданской панихиде в здании бывших Высших женских курсов, где когда-то он выступал в качестве профессора Второго государственного университета, и где теперь помещается Государственный педагогический институт имени Ленина. Присутствовала горсть преподавателей и ни одного студента. А поехал ли кто-либо в крематорий — я вообще не знаю. Когда-то же, через тот зал, где он лежал в гробу, толпы студентов проходили в аудиторию на его лекции. Может быть не нужно слишком задерживаться на этом свете!

Лекции по всеобщей истории нового времени читал Алексей Макарович Васютинский⁶², старец с седой окладистой бородой, в каком-то длинном допотопном сюртуке. Читал на высоких нотах, голоса не хватало. Полную противоположность Васютинскому представлял Григорий Михайлович Пригоровский, специалист по истории древней Греции, молодой, очень интеллигентный, с мягкими манерами, свидетельствующими о большой воспитанности, европейски образованный, талантливый. От него так и веяло настоящей культурой. Каким ужасным злом было нарушение законности, погубившее и этого великолепного человека.

Очень недолго проработал во Втором университете крупнейший русский медиевист Дмитрий Моисеевич Петрушевский⁶³. У него произошел конфликт со слушателями. Кто-то из студентов без разрешения профессора то ли ушел из аудитории, то ли вошел в нее во время лекции. Дмитрий Моисеевич вспылил, стукнул об пол своей палкой, прекратил лекцию, обругал слушателей «хамами» и ушел. Потом в студенческой среде оживленно обсуждался этот инцидент. Часть студентов настаивала на том, что надо извиниться перед профессором и направить к нему для этого делегатов. Он выдающийся ученый и потерять его было бы неосмотрительно. Другие говорили, что профессор сам оскорбил студентов, что же касается знаний, то они получены им за народный счет, значит, нечего возноситься. Победила первая точка зрения, перед Дмитрием Моисеевичем извинились, и он возобновил чтение курса. Но брешь между ним и аудиторией осталась, и он скоро

ушел из университета. После него историю средних веков преподавал там Николай Павлович Грацианский⁶⁴.

В области истории литературы наиболее крупным специалистом из числа преподававших во Втором университете был, конечно, Николай Калиникович Гудзий⁶⁵, тогда еще молодой, в расцвете творческих сил, любимец студентов. Он обладал очень широким кругозором и читал курсы по разным эпохам. Я бывал на его лекциях по древней русской литературе и по истории русской литературы XIX века. Почему-то запомнился мне его мастерский сравнительно-поэтический анализ двух стихотворений: Блока («О доблести, о подвигах, о славе я забывал на горестной земле...») и Пушкина («Я помню чудное мгновенье...»).

Я упомянул тех профессоров, которых мне пришлось слышать во Втором университете. Но я уже сказал, что Второй университет, студентом которого я официально числился, не был тем учебным заведением, где мне хотелось бы учиться. Бывал я там редко и не систематически. За первый курс у меня образовалась задолженность и на второй я перешел с «хвостами». Если первый курс был общеобразовательным, то со второго начиналась специализация. По своим интересам мне следовало бы идти на общественное отделение, но в его программе чисто исторические дисциплины были сведены до минимума, и я решил, что мне делать там нечего. Пошел на литературное, приняв намерение историей заниматься в первом университете. Но скоро я понял, что готовиться сразу по двум специальностям и трудно, да и нецелесообразно. Кроме того, постановка дела на литературном отделении педфака второго университета меня мало удовлетворяла. Семинары по истории литературы вел Николай Николаевич Фатов⁶⁶. Тема (творчество Белинского) интересная, но преподаватель, по-моему, бездарный, склонный к вульгаризации. Словом, я все больше и больше склонялся к мысли оставить Второй университет. А тут, в 1924 г. подошла «чистка» высших учебных заведений. У меня был ряд минусов (конечно, не социального характера, здесь мне предъявить было нечего), а в плане учебной дисциплины: «хвосты», непосещение занятий и т. д. И в беседе с членами комиссии я не проявил интереса к задачам факультета. В результате я был представлен к отчислению с мотивировкой примерно такого характера: «вследствие отсутствия данных для педагогической работы». Меня решение комиссии вполне удовлетворило, и когда через некоторое время вышло правительственное постановление о том, что все отчисленные из вузов по «чистке» могут подавать заявления о восстановлении, я этим постановлением не воспользовался.

Сейчас могу оценить решение комиссии спокойно и объективно. Для работы в средней школе у меня действительно особых данных не было. Да и преподавал я в средней школе за свою жизнь и очень мало и не очень хорошо. Но в высшей школе я проработал порядочно и, как будто, показал себя здесь не столь уж неспособным.

Настоящую научную подготовку историка я получил на факультете общественных наук Первого московского государственного университета, где в течение около трех лет (1922—1924) посещал лекции и семинары. Раздумывая о прошлом,

я могу сказать, что находился, пожалуй, в лучшем положении, чем лица, зачисленные туда студентами. Они должны были строго следовать программе и учебному плану, я же сам составлял себе расписание занятий, посещал те из них, которые меня интересовали.

Больше всего из профессоров первого университета дали мне Сергей Владимирович Бахрушин⁶⁷ и Алексей Иванович Яковлев. Они явились моими непосредственными учителями. Под их воздействием я стал специализироваться на изучении истории древней и средневековой Руси. Учебный план на историческом факультете в то время строился несколько иначе, чем теперь. Так, не читался сплошной курс отечественной истории, а объявлялись отдельные тематические курсы, и студент сам выбирал, что ему слушать по тому или иному периоду. У Сергея Владимировича я прослушал два цикла лекций: «Удельная Русь» и «Московское государство XVII века». Семинары тогда тоже были более разнообразны, чем сейчас (когда на первом курсе занятия обязательно начинаются с комментирования Русской Правды). Отличие от современной системы преподавания заключалось еще и в том, что семинары были внекурсовые; каждый из них объединял студентов разных годов обучения. В течение трех лет я проработал в семинарах, которые вел Сергей Владимирович, на темы: «Удельный период русской истории», «Русские летописи», «Повести и сказания о Смутном времени»*.

Сергей Владимирович был человеком очень представительной, запоминающейся внешности. Большой, громоздкий, полный (но не тучный) || (тетр. № 19) с круглым лицом, коротко остриженной головой, он напоминал татарина. Голос у него был тонкий, не соответствующий громоздкости фигуры. Ходил всегда, и зимой, и осенью, и весной, в какой-то накидке. Не знаю, как ему не было холодно. Лишь однажды я видел его в меховой шубе, а вообще он этого вида одежды избегал. Сергей Владимирович очень много знал, оригинально мыслил, у него всегда была склонность к обобщениям. В лекциях его присутствовал сильный историографический элемент. Особенное внимание он уделял тем работам, которые появлялись недавно, вызывали споры: трудам Шахматова, Павлова-Сильванского, Преснякова. Но свой курс строил на первоисточниках и любил цитировать летописные тексты или акты.

Доклады в семинарах Сергей Владимировича требовали очень большой и серьезной подготовки. Он давал большой список литературы и источников. Я написал в его семинарах в разное время три доклада: «Монастырское землевладение и хозяйство в XIV—XV вв.», «Летописец Даниила Галицкого» и «Состав и происхождение Нового летописца». Для первого доклада я изучил почти все издания Археографической комиссии и другие публикации актового материала, труды Милютина, Горчакова, Арсения и т. д. От этого семинарского доклада пошел мой интерес к проблемам феодальной собственности в период раздробленности.

---

* В рукописи названия большинства семинаров и курсов даны со строчных букв.

Сергей Владимирович особенно добивался, чтобы доклады носили (конечно, в рамках, возможных для студентов) исследовательский характер, и ценил самостоятельность мысли. Задачей его семинара по летописанию являлось овладение шахматовской методикой в применении к различным летописным текстам. В семинаре, посвященном литературным произведениям Смутного времени, производился опыт источниковедческого анализа памятников русской публицистики той эпохи. Мои доклады, написанные в этих семинарах, послужили основой двух статей, появившихся впоследствии в печати⁶⁸.

Обсуждения докладов происходили всегда серьезно и интересно, а в своих заключительных словах Сергей Владимирович не просто подводил итоги прениям, а всегда излагал и свою точку зрения по поднятым вопросам. При этом всегда говорил что-либо оригинальное, в литературе неизвестное. Со студентами Сергей Владимирович обращался как с людьми себе равными, которых он уважает. Я еще застал то время в университете, когда профессора (в том числе и Сергей Владимирович) обращались к студентам: «господин такой-то», но это скоро вывелось. Обычно Сергей Владимирович называл своих учеников по имени-отчеству. Первоначальная сдержанность в отношениях с теми, с кем он был не очень еще знаком, с течением времени, по мере того, как он узнавал учеников, превращалась в сердечность. Семинары свои Сергей Владимирович проводил не только в университете (в старом здании, на Моховой), но и у себя дома. Мне приходилось довольно часто бывать у Сергея Владимировича не только на семинарских занятиях. Он стал близким мне человеком, я заходил к нему запросто, на протяжении многих лет у нас сохранялись самые теплые отношения. Собеседник он был очень интересный, живой, остроумный, беседы с ним всегда обогащали.

Когда я познакомился с Сергеем Владимировичем, он жил в Денежном переулке на Арбате (теперь улица Веснина) со своей матерью. Принимал посетителей он обычно в своем просторном кабинете со старинной мебелью. У него была огромная, редкая библиотека, все стены заставлены полками с книгами. К матери Сергей Владимирович относился трогательно, нежно. В то время он официально не был женат. Впоследствии я узнал, что у него был тогда роман с Елизаветой Ивановной Заозерской⁶⁹. Затем Сергей Владимирович женился на вдове своего покойного брата, усыновил его дочь, свою племянницу, а когда та выросла и у нее появился ребенок, усыновил и того. В 30-х годах Сергей Владимирович женился вторично тоже на вдове (звали ее Вера Дмитриевна), у которой были взрослые дети (сын и дочь). С новой семьей он жил в академическом доме на Калужской улице. Оттуда мы провожали его в последний путь на Новодевичье кладбище.

Жить и работать Сергею Владимировичу было не так легко. Купеческое происхождение, то, что он был гласным Московской городской думы — все это вызывало подозрительное, настороженное к нему отношение в тех учреждениях, где протекала его деятельность. Имела распространение версия о его причастности к кадетской партии. Мне трудно говорить о политической эволюции Сергея Владимировича с момента Октября, у меня нет для этого данных. В моей памяти он остается как

человек политически честный и как представитель передового научного мировоззрения. Он раньше, чем многие другие дореволюционные историки, усвоил марксистскую методологию и на ее основе попытался создать концепцию отечественной истории. Сергея Владимировича очень огорчало, что его не избирали в академики, т. к. при наличии огромного числа работ у него не было крупных монографий.

Другой мой учитель — Алексей Иванович Яковлев. Его я знал с детства, т. к. он был приятелем моего отца. И по внешности и по внутреннему облику он был совсем непохож на Сергея Владимировича. Высокий, статный, хорошо сложенный мужчина, с красивыми чертами лица, с бородкой под художника, которую он сам подстригал. Сергей Львович Утченко⁷⁰ говорил про Яковлева, что якобы он получил на каком-то международном конкурсе приз за красоту. Но у Сергея Львовича трудно уловить, где кончается правда и начинается фантазия. Алексей Иванович был несколько небрежен в одежде, но как-то изящно небрежен, что также делало его похожим на художника. Легко лежащийся на тело белый летом или серый зимой (он предпочитал светлые тона) пиджак, как-то наскоро повязанный галстук, торчащие в стороны концы воротничка от рубашки, легкая шляпа на голове — все это создавало общий колорит: простоты и элегантности.

Алексей Иванович был европейски образованным человеком. Он являлся учеником В. О. Ключевского и всегда с большим пиететом относился к памяти своего учителя. В его кабинете висел портрет Ключевского, написанный женой Алексея Ивановича — Ольгой Петровной (кстати сказать, один из лучших портретов знаменитого историка). Памяти Ключевского Алексей Иванович посвятил большой очерк и был очень обижен и рассержен, когда В. Т. Пашуто⁷¹ опубликовал на него рецензию, где возражал против тезиса автора о близости Ключевского к марксизму.

Алексей Иванович хорошо знал европейские языки, много читал, бывал за границей и был эрудитом в самых разнообразных разделах исторической науки. С ним одинаково интересно было говорить и о гомеровской Греции, и о крестовых походах, и о Французской революции. Особенно интересовали его проблемы методологии истории. В течение сорока с лишним лет он работал над трудом на эту тему, озаглавив его «Эгерсис» (греческое слово — воскрешение мертвых), Алексей Иванович говорил мне, что у него имеется уже много редакций и вариантов этого труда. Один из вариантов (краткий) он подарил мне. Текст этот и сейчас хранится у меня. Но каюсь, его содержания я не понял, настолько оно сложно и отвлечено, причем все теоретические понятия почему-то передаются древнегреческими терминами. Методологически мировоззрение Алексея Ивановича было вне марксизма. В то же время марксистскую теорию он считал официальной доктриной, а цитаты из классиков марксизма — обязательной принадлежностью всех публикуемых трудов. И он следовал этому «обязательному» положению. Но так как труды классиков марксизма знал плохо, то обычно просил меня «подобрать» ему цитаты по определенной теме. Такую подборку я ему сделал, например, для книги о холопстве. Но вставленные механически в готовый текст цитаты выглядят там странно.

Алексей Иванович был хорошим организатором. Он сумел организовать издание целого ряда документов и тем самым несомненно принес пользу нашей науке. Для этого он использовал имевшиеся у него связи с государственными деятелями, от которых зависело финансирование научных начинаний: М. Н. Покровским⁷², Ф. Н. Петровым⁷³, Л. Б. Каменевым⁷⁴ (когда тот был в силе). Совсем беспримерный случай: в сороковых годах, когда В. Н. Молотов был на недосягаемой высоте, Алексей Иванович непрерывными звонками в секретариат этого крупнейшего представителя власти добился, что в его персональное распоряжение для подготовки к публикации таможенных книг были предоставлены четыре штатные единицы в Институте истории Академии наук. Алексей Иванович заполнил эти единицы по своему усмотрению. Два его ставленника оказались на высоте: Зинаида Николаевна Бочкарева, честная труженица (сейчас ее уже нет в живых) и Лев Никитич Пушкарев, способный молодой человек, ныне доктор исторических наук⁷⁵. Две же женщины, привлеченные Алексеем Ивановичем, представляли собой явный балласт: одна старушка (фамилии не помню), бывшая когда-то провинциальной актрисой (от нее институт вскоре сумел отделаться), и жена профессора Александра Антоновича Савича⁷⁶, непроходимая дура (она до сих пор отягощает институтские штаты).

Наблюдая упорство, с каким Алексей Иванович добивался средств для проведения своих научных начинаний, одни говорили о его «пробивной силе», другие о «делачестве». И многие его за это не любили. Но достиг он не мало. Отношения Алексея Ивановича с людьми были вообще сложными. У него были приятели, и даже друзья, не только среди людей своей профессии, и не только в академической или университетской среде. Его другом являлся, например, знаменитый художник М. В. Нестеров. А в то же время масса врагов. Весьма неприязненно относился Алексей Иванович к Борису Дмитриевичу Грекову⁷⁷. Причиной этого послужило то, что в бытность Алексея Ивановича в ссылке под редакцией Б. Д. Грекова вышла публикация актов вотчинного архива боярина Морозова, которые сначала готовились к печати под руководством Яковлева. Терпеть не мог Алексей Иванович Яковлев Виктора Ивановича Шункова⁷⁸, Николая Владимировича Устюгова⁷⁹ и других. Его оценки людей были очень субъективными.

В семье Алексея Ивановича царил культ отца. Его обожали и жена, и две дочери, и сын. Но он не был деспотом. Напротив, он проявлял о семье большую заботу. Я помню еще и родителей Алексея Ивановича: отца — дряхлого, седого как лунь, и мать — еще бойкую, общительную, разговорчивую старушку. Сначала они жили вместе с сыном, а затем, после смерти отца, Алексей Иванович получил для матери комнату в другом доме. Как и Бахрушин, Алексей Иванович очень заботился о матери.

Я работал в нескольких семинарах, которыми руководил Алексей Иванович: «Псковская Судная грамота», «Государственный строй и политические проекты первой четверти XIX в.», «Земское положение 1864 г.». Больше всего мне дал семинар по Псковской Судной грамоте. Сначала мы прочли и прокомментировали

под руководством Алексея Ивановича этот памятник, а затем стали обсуждать написанные на его основе доклады. Состав студентов оказался очень сильный, поэтому комментирование проходило интересно, творчески. У Алексея Ивановича была своеобразная система ведения семинариев. Он составлял подробные протоколы всех заседаний, записывал все, что говорил каждый выступавший. Резюмируя, он пробежал глазами свои записи и старался отметить наиболее существенное. Мне памятна так же его техника. Он вынимал из письменного стола чистые листы бумаги, большие ножницы, суровые нити, шильце, дощечку. Затем обрезал бумагу по краям, складывал, клал на доску, прокалывал шильцем дырочки и сшивал тетради. Листы прокладывал копировальной бумагой, потому что каждый протокол составлял в трех экземплярах. Писал всегда карандашом. Я сделал в семинаре доклад о происхождении Псковской Судной грамоты. Он был встречен сочувственно. В дальнейшем я много занимался этим памятником и много напечатал о нем работ, и || (тетр. № 20) все это благодаря тому, что семинар Алексея Ивановича пробудил у меня интерес к судной грамоте.

Более незаметно прошли для меня два других семинара Яковлева. В семинаре по политической истории Александровского царствования я прочитал доклад о проектах Сперанского. Помню, что главное внимание обратил на выяснение иностранных их источников. В этом семинаре произошел один инцидент, показательный для характеристики Яковлева. Факультетское начальство стало усиливать контроль за работой семинаров и ввело институт секретарей, которые должны были информировать деканат о том, как проходят занятия. На одном занятии Алексея Ивановича, как только пришел профессор, встал студент Ярошевский и заявил: «Надо утвердить секретаря» (сам он и предназначался к этой роли). Алексей Иванович ответил: «Я составляю подробный протокол каждого занятия. Считайте, что вашим секретарем является Ваш руководитель». Ярошевский был и обижен, и смущен, и уязвлен. Конечно, потом Алексею Ивановичу объяснили, в чем дело, и все уладилось. Но Ярошевский долго ходил надутый, и когда к нему обращались как к секретарю семинара, отвечал: «Идите к Яковлеву, ведь он ваш секретарь».

Семинар по земскому положению большого впечатления на меня не произвел. Очевидно, для понимания этого документа у меня не было еще должной подготовки, знания эпохи, общественной борьбы и общественного движения того времени.

Из лекционных курсов, читанных Алексеем Ивановичем, самым интересным был курс методологии истории. Яковлев прочел его только один раз, затем его передали другому лектору — М. О. Гордону. Содержание лекций Алексея Ивановича было доступнее, чем его «Эгерсис». В них много внимания уделялось методике источниковедения. По своим задачам лекции в значительной мере приближались к «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского⁸⁰. Прослушал я также лекционный курс Алексея Ивановича, посвященный русской истории XIX века. Построен он был довольно своеобразно, в виде живых картинок быта, нравов того времени. Кто-то из студентов сказал, что это больше всего похоже на введение к курсу

истории литературы. Совершенно иначе строил свои лекции по истории России XIX века Михаил Николаевич Покровский, стремившийся показать закономерности развития социально-экономических отношений, государственного строя, идеологии, формы классовой борьбы, революционного движения.

Бывал я на лекциях Михаила Михайловича Богословского⁸¹ о Московском государстве. Низенький, седенький старичок несколько благообразного вида приходил в психологическую аудиторию, где происходили лекции, в шубе с котиковым воротником и в плоской котиковой шапочке. В аудитории было холодно, поэтому читал не раздеваясь. Лекции были доходчивы — живой, простыми словами рассказ. Посещал я и семинар Михаила Михайловича по Русской Правде. Основную роль в комментировании памятника профессор отводил себе. Самодеятельность студентов отступала на второй план. Михаил Михайлович приносил с собой какие-то тетрадки, очевидно, с постатейным комментарием Правды и подробно разбирал статью за статьей.

Из профессоров всеобщей истории наиболее сильное впечатление на меня произвел Дмитрий Моисеевич Петрушевский, о котором я уже говорил, касаясь Второго государственного университета. Это был старик с сердитой внешностью, тяжелым характером, но с чистой и благородной душой. Он глядел на всех исподлобья, глазами, на которые нависли седые пряди бровей, говорил отрывисто, низким голосом, как бы выбрасывая отдельные скупые фразы. Был упрям, раздражителен и внешне суров. Но за всем этим скрывалась большая принципиальность, честность и бескорыстие в научных вопросах, доброта и отзывчивость к людям. Потому-то так преданы были ему его ученики.

Слушать Дмитрия Моисеевича было очень трудно из-за его манеры говорить как бы с закрытым ртом. Поэтому его курс Средних веков посещало обычно немного студентов. Но сам курс был очень интересен и оригинален. В нем сочетались мастерство источниковедческого анализа и широта и глубина философского синтеза.

Весьма своеобразно был организован семинар Дмитрия Моисеевича, посвященный двум большим проблемам социально-экономической истории средневековой Европы — феодальному поместью и городу. Семинар этот был не годичный, а продолжался непрерывно, из года в год, причем ежегодно в него могли включаться новые студенты. Некоторые студенты (например, Александр Иосифович Неусыхин) работали у Дмитрия Моисеевича по несколько лет подряд. Естественно поэтому, что семинар являлся прекрасной научной школой. Дмитрий Моисеевич давал студентам большой список литературы по аграрному строю Средневековья и требовал ее прочтения. Почти вся литература была на иностранных языках (особенно на немецком) и рекомендуя ее, профессор не спрашивал, какими языками студент владеет. Предполагалось, раз хочешь заниматься западноевропейским Средневековьем, должен иностранные языки знать. Для работы над источниками требовалось овладение вульгарной средневековой латынью. Главным источником являлся Полиптик аббата Ирминона. Я начал ходить на семинар Дмитрия Моисе-

евича еще в университетские годы, но активно там стал работать уже в бытность аспирантом РАНИИОНа*.

Из других медиевистов мне удалось еще слышать Дмитрия Николаевича Егорова⁸², читавшего лекции по истории крестовых походов. Широкий, кряжистый, с холеной бородой, в каком-то френче, он читал несколько жеманясь и как бы любясь собой.

Я застал еще в университете таких выдающихся представителей в области психологии и логики как Челпанов⁸³ и Шпет⁸⁴. Но сейчас мне трудно воспроизвести впечатление от их лекций. Оно как-то рассеялось.

Оглядываясь еще раз на университетские годы, я должен сказать, что многим обязан университету в своем духовном развитии. Мои университетские учителя значительно пополнили мой запас научных знаний, повысили общий культурный уровень, научили профессиональному мастерству, источниковедческой методике. Но в то время я еще не воспринял марксистско-ленинской методологии. Я еще находился в плену иллюзий, полученных от своих учителей, о «чистой науке». В занятиях историей я не руководствовался принципом партийности. Мне казалось, что политика — это одно, а наука — другое, и всякое вмешательство политики в науку лишь помешает установлению исторической истины. Так думали тогда многие университетские ученые. Внедрение марксизма в область научных исследований только развешивалось.

Среди студентов, работавших вместе со мной в университетских семинарах, было много интересных людей. С некоторыми из них я сошелся довольно близко, подружился. Надо сказать, что товарищи по семинарам даже не подозревали, что я работаю там факультативно, думали, что я такой же студент, как и все они, и были очень удивлены, узнав, что это не так.

Учился тогда в университете Иван Сергеевич Макаров, внешне малозаметный блондин, бледный, болезненного вида. Работая в семинарах и Яковлева, и Бахрушина, и Петрушевского, он приобрел довольно широкий взгляд на явления, общие как Руси, так и Западной Европе**. Обладая неплохим знанием иностранных языков, он следил за работами по русской истории, выходившими на Западе (например, за трудами Гётца). С течением времени Иван Сергеевич специализировался, по совету Бахрушина, на изучении таможенных книг Сольвычегодска. Судьба Ивана Сергеевича была печальной. Он побывал в ссылке (как и многие историки в 30-х годах), вернулся, работал, но что-то с ним произошло, образовался какой-то психический надрыв. Он вообразил себя поэтом, чтобы иметь время на написание стихотворений, бросил даже постоянную службу, стал жить переводами. И тут случилось несчастье — утонул на даче в реке. До меня весть об этом дошла нескоро, через некоторое время после похорон. И вместе с вестью о смерти стала распро-

---

* Российская ассоциация научно-исследовательских институтов по общественным наукам; бытовали оба варианта сокращенного обозначения — РАНИОН и РАНИИОН.

** Так в рукописи.

страняться и версия — самоубийство. Так или не так — кто знает. Сейчас в Институте археологии работает дочь Макарова — Татьяна Ивановна, Таня. Вспоминаю, как когда-то я приезжал на дачу к Ивану Сергеевичу, Таня была еще малюткой и капризничала. А отец нежно говорил ей: «Танюша, свет мой ясный». Я заходил к Макаровым и после смерти Ивана Сергеевича, беседовал с его супругой, она дала мне некоторые его рукописи, и кое-что мне удалось опубликовать⁸⁵.

Другой мой соучастник университетских занятий — Николай Владимирович Устюгов. Уроженец какого-то из сибирских городов, сын священника и воспитанник семинарии, он побывал на гражданской войне и пришел в университет уже зрелым человеком. И по возрасту и по жизненному опыту он отличался от своих конкурентов. Жил он бедно, ходил в простой черной рубашке, подпоясанной ремнем. И учился и работал (в какой-то библиотеке). Часть заработка посылал отцу. Те, кто знал Николая Владимировича в недавние времена (а знали его все), помнят его с бородой. В те годы, о которых сейчас идет речь, бороды у Николая Владимировича не было, подбородок выдавался вперед, и облик был иной. Николай Владимирович был оригинальный человек, с острым языком. У него в запасе всегда имелось много избранных слов, эпитетов, сравнений, олицетворений, фабул и анекдотов, заимствованных из литературы разных времен и народов, и он умел метко «припечатать» кого-нибудь или что-нибудь, с ехидцей отметить чей-либо промах, сочно смаковать чьи-то слабые места. И в лице его появлялось что-то ехидное. Но если Николай Владимирович кого-то любил, то готов был сделать для него все.

Николай Владимирович первоначально специализировался по русской истории XIX века (лишь потом перешел на XVII век) и своим главным учителем считал Владимира Ивановича Пичету. Но он посещал и семинары Бахрушина, Яковлева, Петрушевского. По окончании университета Николай Владимирович прошел большой научный и гражданский путь: защитил кандидатскую и докторскую диссертации, был профессором и создал большую школу, всю Отечественную войну провел в рядах Советской армии. Умер несколько лет тому назад в Вильно, во время одного заседания аграрного симпозиума, на котором председательствовал.

В университете я познакомился со студентом Сергеем Владимировичем Киселевым⁸⁶, впоследствии крупным археологом. Тогда это был еще совсем мальчик, только что окончивший среднюю школу, крупный, большеротый, говоривший густым басом, часто раздражавшийся раскатистым смехом.

Два моих товарища погибли очень рано и почти не оставили следов в науке. Дмитрий Михайлович Банин умер от тифа в начале 30-х годов. Николай Алексеевич Трескин скончался в 40-х годах, перенес какое-то сложное психическое заболевание.

Из студенток я был дружен с Надеждой Ивановной Приваловой⁸⁷, сестрой известного ученого-математика. Некрасивая и неумная девушка, она была предана науке и отличалась трудолюбием в собирании и обработке материала. Впоследствии она работала в Горьком, в музее. Где сейчас и жива ли — не знаю.

Но особенно большой след в моей памяти оставила Татьяна Алексеевна Бакунина⁸⁸. Она была дочерью известных московских хирургов Алексея Ильича и Эмилии Николаевны Бакуниных. У них была лечебница на Остоженке и там же они жили. Как мне знаком этот дом! И не только потому, что там проводил один из своих || (тетр. № 21) семинаров Алексей Иванович Яковлев (так мы договорились с ним, потому что у Бакуниных была удобная квартира). Но и потому, что я не раз ходил под окнами бакунинского дома, поджидая, не выйдет ли Таня, в которую я был влюблен. Я ловил ее не только на улице, но старался ходить одновременно с ней в Ленинскую библиотеку, на научные заседания, происходившие в различных учреждениях и т. д.

Таня была способная девушка. Ее основными учителями были Алексей Иванович Яковлев и Владимир Иванович Пичета. Под их руководством она довольно скоро после окончания университета написала монографию о вотчинном хозяйстве Куракиных (по архивным материалам, хранившимся в Историческом музее). Впоследствии эта монография вышла за границей на французском языке.

В отношениях с девушками я был по-прежнему застенчив и боязлив. Поэтому я не посвящал Таню в тайну своей влюбленности, но все время искал ее общества. Я помню, что был счастлив, когда мне удалось пойти вместе с ней в театр — Камерный театр (на «Лохматую обезьяну»), и обратно мы шли вместе по бульварам на Остоженку. Особенно светлой была для меня весна 1925 года. Ряд студентов, вместе с которыми я учился, окончил университет. Группа в человек десять (и я вместе с ними, хотя студентом и не был) решила отметить это событие. В квартире одной девушки, на Арбате, устроили прощальный вечер с винами и закусками, а перед этим долго катались на лодках по Москве-реке. Лодочные прогулки понравились, и мы стали их повторять, теперь уже совсем небольшой компанией; Таня, Ирина Муравьева, дочь присяжного поверенного, председателя комиссии по расследованию преступлений царских сановников, высокая, полная девушка, Сергей Дмитриевич Минеев, работавший в Наркомате обороны и одновременно учившийся в университете, и я. Возвращались засветло и разводили по домам девушек. Я скоро заметил, что Минеев неравнодушен к Тане столь же, сколь и я. Ирина же для нас обоих была просто спутницей.

Во второй половине 20-х годов семья Бакуниных уехала за границу, в Италию. Чем был вызван отъезд — точно не знаю. Впоследствии, когда я встретил Таню в Париже, она говорила мне, что ее отцу грозил арест. Уезжая, Таня уверяла меня, что это временно, что она вернется. Но я не верил и был прав — не вернулась. Покидали Москву всем домом, с двумя собаками — чудными сеттерами. С Бакунины мы отправилась за границу и старшая дочь Алексея Ивановича — Наташа. Для лечения, как говорил отец. Чем она была больна — не знаю. Провожали Бакуниных масса друзей и знакомых. Но я на вокзал не пошел. Мне было и грустно, и досадно: как можно уехать из России? И зачем? Первое время Таня мне писала — из Италии, потом из Парижа, прислала свою книгу. Я отвечал, но как-то неохотно. Постепенно переписка оборвалась. Сведения о Тане доходили до меня отрывочные. Вышла

замуж за Осоргина — эмигранта, журналиста, кадета или эсера, человека, вдвое старше ее. Окончила Сорбонну. Работает в Национальной библиотеке в Париже. Когда в 50-х годах связи с заграницей стали более нормальными, Таня дала опять о себе знать. Прислала привет с побывавшей во Франции Ниной Александровной Сидоровой, с профессором Порталем⁸⁹. Наконец, я сам попал в Париж и встретился там с нею, через тридцать лет после ее отъезда из Москвы. От прошлого уже ничего не осталось, напротив, веяло от нее чем-то чужим.

Университетские годы — это обычно счастливая пора в жизни человека. О них вспоминают с теплым чувством. Могу сказать это и про себя и своих товарищей. Мы усердно учились, много думали, любили науку и стремились овладеть ею. В то же время нам вредило то, что среда наша была замкнутая, интеллигентская, мы почти не соприкасались с рабочей молодежью, не были органически втянуты в ту работу по перестройке общественных отношений, которая шла в стране. Может быть, это зависело не только от нас самих, но и от некоторых руководящих университетских работников, которые проявляли подчеркнуто недоброжелательное отношение к интеллигенции. Например, декан Сережников. Накануне чистки он неоднократно акцентировал на студенческих собраниях внимание на необходимости «гигиены в социальной сфере». Мысль сама по себе верная, но в высказывании ее декан не всегда соблюдал должный такт.

В университетские годы мне приходилось бывать на научных заседаниях в Историческом обществе, в Обществе истории и древностей российских, в обществе «Старая Москва», в Комиссии по истории материальной культуры. Особенно импозантно происходили заседания Общества истории и древностей российских. Шли они в старом здании университета. Члены Общества, в большинстве своем седовласые старцы, рассаживались за длинным столом, накрытым зеленым сукном. Посредине сидел председатель, Матвей Кузьмич Любавский, рядом — докладчик, напротив — ученый секретарь Михаил Михайлович Богословский. Когда начиналось заседание, в зал входил старый глухой швейцар, Василий Иванович, за ним женщина несла поднос со стаканами крепкого чая. Не обращая никакого внимания на то, что происходит в зале, швейцар громким голосом отдавал распоряжения своей спутнице — кому, в каком порядке подносить чай. Соблюдалась строгая иерархия чинов. Начинали с председателя, которого Василий Иванович титуловал «Ваше превосходительство». Те, кто сидел не за столом, а на стульях у стен, как бы во втором ряду, чая вообще не получали. Василий Иванович наблюдал за чаепитием, и если видел у кого-либо опустевший стакан, и данный член Общества, по его представлению, был достоин второй порции, то подходил к нему и спрашивал, опять-таки не снижая голоса: «Не угодно ли еще?»

Из докладов в Обществе истории и древностей российских я запомнил доклад Ивана Александровича Голубцова⁹⁰, сделанный в начале 1927 г., об описи Посольского приказа 1626 г., содержащей сведения о ряде очень важных исторических документов Смутного времени, до нашего времени не сохранившихся. Где-то в середине 20-х годов меня избрали сначала членом-соревнователем,

а затем действительным членом Общества. В это время Общество вообще стало утрачивать свой замкнутый характер и пополнило свой состав молодежью. Я был, конечно, очень горд. Сделал доклад об откликах московского стрелецкого восстания 1682 г. на юге России.

В Историческом обществе мне запомнилось заседание, посвященное памяти Александра Николаевича Савина⁹¹, безвременно скончавшегося в Лондоне от гриппа. Я лично не знал, даже никогда не видал этого выдающегося ученого и с интересом прослушал выступления с характеристикой его научной и педагогической деятельности.

Одно время я работал в качестве сверхштатного сотрудника в Историческом музее, в историческом отделе, руководимом Михаилом Михайловичем Богословским⁹².

В двадцатых годах я стал работать в архиве. Направил меня туда Алексей Иванович Яковлев. Он давно лелеял мысль об издании документов по истории крестьян и холопов в России в XVII в. Сначала он предполагал осуществить издание типографским способом, но для этого в то время условий не было. Тогда Алексей Иванович выдвинул другой план: размножать копии документов на пишущей машинке, примерно в двух десятках экземпляров, переплести их и рассылать по библиотекам. Через М. Н. Покровского ему удалось выхлопотать государственные ассигнования на это дело. Кроме того, по плану Алексея Ивановича, библиотеки должны были за получаемые экземпляры копий платить с тем, чтобы выручаемые от продажи средства шли на новое копирование. Я помню, как, по поручению Алексея Ивановича, ходил для переговоров в ряд библиотек: Государственную библиотеку имени В. И. Ленина, библиотеки Исторического музея, Института красной профессуры и др.

Издание получило название «Памятники истории крестьян и холопов в Московском государстве XVII в.». Редакторами выступали Алексей Иванович и Алексей Андреевич Новосельский⁹³. Подготовкой материалов к публикации занялись я и Дмитрий Михайлович Банин, мой товарищ, которого я уже упоминал. Решили начать с документов Разрядного приказа. Алексей Иванович дал мне «Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции», я просмотрел опись всех столов Разряда (как известно, весьма детальную), отмечая значками на полях указания на дела о крестьянах. Затем составил собственную опись этих дел. И пошел в архив⁹⁴. Тогда он назывался Древлехранилище, теперь — Центральный государственный архив древних актов. Заведовал им Матвей Кузьмич Любавский. Работали такие крупные архивисты, знатоки своего дела, как Н. П. Чулков⁹⁵, В. В. Шереметевский. Постоянными посетителями были М. М. Богословский, Ю. В. Готье, А. Н. Филиппов (историк русского права). На моих глазах им приносили пачки столбцов или толстые книги в кожаных переплетах. Все это внушало благоговейный трепет.

Изучил учебник скорописи Беляева и приступил к чтению столбцов. Помогал мне Алексей Андреевич Новосельский. Человек среднего роста, с простым русским лицом, широким носом, бородкой клинышком, в сером рабочем халате, он

располагал к себе. Он был одним из тех, кто понимал по-настоящему значение архивов для историка. Прошло много лет, и вот в 1967 г. мне пришлось встретиться с Алексеем Андреевичем снова в здании все того же архива. Это была последняя в моей жизни с ним встреча. Было заседание, посвященное пятидесятилетию Октября. Делал доклад о достижениях архива за пятьдесят лет Вениамин Николаевич Шумилов⁹⁶. И вот выступил Алексей Андреевич. Он был уже очень болен, говорил тихим голосом, но говорил проникновенно. Его речь была впечатляющая. Он вспоминал самоотверженную работу архивистов прошлого, сделавших так много в подготовке архивных богатств к историческому исследованию. Говорил, что не может считать себя историком тот, кто не работает каждодневно в архиве. Это прозвучало как завет ученого, уходящего от нас. И скоро его не стало.

Но в 20-х годах Алексей Андреевич был молод и полон сил. Он много помог мне в овладении документальной скорописью и тонкостями археографии. В течение ряда лет мы подготовили несколько томов «Памятников» и разослали их по библиотекам, выразившим желание приобрести это издание. Не знаю почему, но сейчас его нельзя найти почти ни в одной библиотеке.

В середине 20-х годов Алексей Иванович стал инициатором разработки и издания материалов еще одного архива — Троице-Сергиева монастыря. И на это дело он сумел получить средства. К руководству работой он привлек Степана Борисовича Веселовского⁹⁷. Я стал помощником обоих. Работали они по-разному. Алексей Иванович снял летом дачу в Хотькове, вблизи Троицкой лавры, и наезжал временами оттуда в лавру, больше интересуясь ходом работы, чем непосредственно в ней участвуя. Степан Борисович прожил в самой лавре, не выезжая оттуда, два или три лета и с утра до ночи сам занимался копированием документов.

В недавно вышедшей книге Степана Борисовича об опричнине помещен его портрет. Он неплохо передает облик историка. Очень худой, с морщинистым, лишенным растительности лицом, с желтыми прокуренными зубами, с лоснящимися паклеобразными волосами, он внешне производил какое-то тусклое впечатление. За одеждой своей не следил. Пиджаки, воротнички, галстуки — все это было старого покроя и отмечено следами времени. Когда его избрали академиком и он должен был явиться в какое-то ученое собрание, то пришел туда в старомодном сюртуке. После этого Борис Дмитриевич Греков позвонил жене Степана Борисовича || (тетр. № 22) вича и попросил сшить ему новый костюм для официальных выходов. Когда-то Степан Борисович был женат на очень богатой женщине, владелице дома на Арбате и дачи под Москвой. От нее он имел шесть или семь сыновей. Затем развелся, на детей обращал внимания мало, и судьба некоторых из них была не очень хорошей. Алексей Иванович Яковлев, идеальный семьянин, всегда с осуждением говорил об отношении Степана Борисовича к семье. Но они были совершенно разные люди и вряд ли могли понять в этом отношении друг друга.

Когда я жил и работал вместе со Степаном Борисовичем в Троицкой лавре, у него начался новый роман с Ольгой Александровной Бессарабовой. Она проживала где-то в Сергиеве Посаде, и Степан Борисович повел меня к ней. Вспоминаю,

что у нее в комнате горела лампадка. И она спросила Степана Борисовича: «А вы не погасите мою лампадку, когда мы будем вместе?» Он ответил: «Я никогда не был гасителем того, что дорого другим». Ольга Александровна, выйдя замуж, родила Степану Борисовичу дочь. Тем самым исполнилась его мечта: он хотел дочь, ибо от предыдущего брака все были сыновья. Но жилось Ольге Александровне со Степаном Борисовичем трудно. Он, отдаваясь весь науке, зарабатывал мало, одно время не работал совсем, и чтобы не быть ему в тягость, Ольга Александровна некоторое время служила воспитательницей в детском доме и жила там вместе с девочкой.

Степан Борисович был прекрасным знатоком архивного документального материала допетровской Руси. До революции, обладая средствами, он заказывал большое количество копий с архивных документов сестрам Шуйским, славившимся знанием древней скорописи и точностью и аккуратностью в ее передаче. В результате у него собрался собственный громадный архив копий разных исторических источников. Преимущественно это были материалы XVII в. С 20-х годов Степан Борисович основное свое внимание устремил на акты землевладения XIV—XVI вв. Начало этому было положено его работой в архиве Троице-Сергиева монастыря, где хранились и подлинные акты и особенно книги копий с них.

Монастырь в то время был уже закрыт, но отдельные монахи там еще оставались. Иногда можно было видеть их мрачные фигуры. Они смотрели исподлобья, с недоверием. Я жил вместе со Степаном Борисовичем в большой комнате, бывшей ранее монашеской кельей. Там же мы и работали. Материал из монастырского архива нам приносили в изобилии и по первому требованию. Рабочий день Степана Борисовича начинался с раннего утра еще до утреннего завтрака, до тех пор, пока вскипит чайник. Работа продолжалась и во время утреннего чая. Отрываясь на минуту от материалов, он откусывал кусочек от бутерброда, отпивал из стакана глоток... и продолжал читать и писать. От стола он не отрывался до обеда. Обедали мы обычно в небольшом и достаточно грязном трактирчике в Сергиевом Посаде, против ворот Лавры. Небольшой отдых — что-нибудь около часа, — и Степан Борисович снова за столом. Вечерами иногда гуляли, заходили далеко, туда, где были расположены троицкие скиты. Это чудесные места, живописные, кое-где совсем дикие. Во время прогулок Степан Борисович изучал топонимику тех районов, где когда-то были расположены земельные владения Троице-Сергиева монастыря, старался приурочить к определенным пунктам названия сел и деревень, встречающиеся в троицких грамотах (кое-где эти названия уцелели до настоящего времени). А то и просто беседовали. Степан Борисович был человеком достаточно разносторонним. Сначала мне казалось, что, кроме архивного документа, его ничто больше не интересует. Но я очень быстро убедился, что я совсем не прав. Он знал хорошо художественную литературу — русскую и иностранную — и наизусть цитировал отдельные, далеко не столь уж общеизвестные, произведения. И сам Степан Борисович писал небольшие стихотворные отрывки, главным образом маленькие пародии. Ужинали в келье. Что-нибудь легкое, как и утром, — чай, бутерброды. На ночь

Степан Борисович любил выпить две-три рюмки водки. Иногда выливал их в чай и выпивал с чаем. Очень много курил — с утра до вечера, во время как работы, так и отдыха. Поэтому в келье нашей был всегда острый табачный запах.

Для своей работы Степан Борисович употреблял всегда очень хорошую бумагу: первосортной выделки, плотную и в то же время нежную (на нее хорошо ложились чернила), какого-то розоватого или синеватого оттенка. У него были даже целые переплетенные книги очень большого формата из такой бумаги, и он переписывал в эти книги документы. Акты Степан Борисович копировал, как правило, целиком, не в выдержках. Копии делал чернилами. За работой Степан Борисович любил поговорить. Сидим с ним вместе — он в одной стороне кельи, я в другой, он пишет, я пишу. Потом вдруг отложит перо, возьмет папиросу, закурит, затаится — и начнет говорить, как бы продолжая прерванную беседу. Мне кажется, что иногда ему был нужен не столько собеседник, сколько человек, который бы его слушал.

Вспоминаю с большой теплотой время, проведенное со Степаном Борисовичем в лавре. Это было своего рода затворничество, но затворничество деятельное, заполненное трудом. Каждый день был насыщен до предела, а каждый скопированный акт открывал что-то новое, ранее неведомое.

А через несколько лет, в 1929 или 1930 г., когда я работал в Ленинской библиотеке, в Отделе рукописей, мне было поручено перевести архив Троице-Сергиевой лавры в Москву. Я поехал туда с несколькими рабочими библиотеки. В течение двух-трех дней я принимал по описи рукописи (среди них были толстенные фолианты), а рабочие паковали. Этот ценный груз мы сдали в багаж, но по неопытности я отправил его малой скоростью. Вернулся в Москву с сознанием выполненного долга. И вдруг в Москву пришла только часть рукописей, а часть... пропала. В библиотеке переполох. Заместитель директора библиотеки Дмитрий Николаевич Егоров меня отчитал, вежливо-ядовито заметив: «Вы испортили себе всю карьеру». Я хотел было ему так же вежливо и так же ядовито ответить, что работаю не для карьеры. Но промолчал. Ведь ругая меня, Егоров, конечно, был прав⁹⁸. Нашел пропавший груз Григорий Петрович Георгиевский⁹⁹, мой непосредственный начальник по Отделу рукописей. Он отправился на розыски по подмосковным станциям и обнаружил на одной из них мешки с троическими фолиантами. Их почему-то сгрузили до Москвы, и они лежали в каком-то железнодорожном сарае. Таким образом, все кончилось благополучно, но я от волнения заболел желтухой, ходил несколько недель весь желтый и ослабел.

Строическими рукописными книгами мне вообще не везло. Еще раньше Алексей Иванович Яковлев получил разрешение взять некоторые из них для работы в Москву. Доставку он поручил мне и одной из своих учениц, зарабатывавшей деньги копированием архивных текстов, Зинаиде Евграфовне Аллендорф. Было какое-то затруднение с пассажирским движением, пассажирского поезда надо было долго ждать, и мы пристроились на платформу товарного. Был мороз и пронзительный ветер, руки и ноги коченели. И тут вдруг я вспомнил о железнодорожном билете, стал его искать и не нашел. Очевидно, где-то обронил. А денег у меня оставалась

какая-то мелочь, на уплату штрафа не хватило бы. На ближайшей остановке слез и пошел в железнодорожную кассу взять билет, а поезд в это время отправили. Мне пришлось ждать следующего, и долго. Все время волновался, как Зинаида Евграфовна одна управится с рукописями, да еще при таком морозе. Вернулся в Москву с очередным поездом поздно, почти ночью. Сразу помчался к Зинаиде Евграфовне. Оказалось, все благополучно. Она добралась вместе с рукописями и была уже дома. Самое интересное, что и она, и Алексей Иванович считали меня не растяпой, а лицом пострадавшим. Сочувствовали.

Теперь о моих делах и моих друзьях вне университета, вне науки, вне учебы. Я был очень дружен с моим двоюродным братом Вадимом Рындиным. Он стал художником. Сначала поступил во ВХУТЕМАС, но затем его бросил. Писал же много, очень много. Входил в общество художников «Маковец», принимал участие в выставках, устраиваемых этим обществом, выставлял свои картины, этюды. У него бывали художники Романовский, Максимов, Жегин, Синегубкин, Вера Ефремовна Пестель¹⁰⁰. Вадя познакомил меня с ними со всеми. Я бывал на их собраниях, творческих вечерах, вернисажах. Сейчас много прошло времени, и мне трудно вызвать в памяти те произведения живописи, которые создавали люди, объединившиеся под таким выразительным знаменем — «Маковец». Могу только сказать, что я многого не понимал, многое мне казалось далеким от жизни. Но когда я это говорил, то меня или обрывали, или, чаще, добродушно надо мной посмеивались как над профаном. Что ж, так оно, несомненно, и было.

Но меня тянуло в эту компанию, мне нравились ее богемские нравы, дружеские вечеринки, вернисажи, после которых обычно устраивались встречи в ресторанах, а чаще просто в пивнушках (их много развелось во время нэпа). Не раз бывали в Доме Герцена — клубе-кабачке работников искусства на Тверском бульваре. Как-то видел там Маяковского, одиноко сидящего за столиком и мрачно смотревшего на окружающих. А однажды приехал с какой-то дружеской компанией Есенин, уже выпивший, и читал свои стихи.

Вадя в это время испытал личную драму. Его первая жена и, как видно, большая любовь, Наташа Бессарабова ушла от него. Он сильно переживал, а потом повел жизнь оживленную, встречаясь с людьми, собирая у себя друзей. Он был красив, талантлив, умен, любознателен. У него было много романов. Женщинам он нравился. На моих глазах произошло трагическое событие. У Вадима была знакомая девушка или молодая женщина Марочка. Черненькая, худенькая, нервная, эксцентричная. Любила гадать, по линиям рук предсказывать судьбу. Не знаю, что у нее было с Вадимом. Он за ней ухаживал, но была ли любовь, и с обеих ли сторон, и как далеко зашли отношения, — я не знаю. Но случилось ужасное. Марочка бросилась из окна, переломала все кости, однако ее спасли, она осталась жить изуродованная, на коротких ногах. Через некоторое время Марочка повесилась.

У Рындиных часто бывала Наташа Яковлева, старшая дочь Алексея Ивановича. По-видимому, она тоже была влюблена в Вадима. Среднюю школу она кончила, но дальше нигде не училась. Родители считали, что у нее не в порядке нервная

система, что ей надо лечиться. Вела она довольно праздный образ жизни: поздно вставала, никаким трудом не занималась. Придя к Рындиным, садилась на диван в Вадиной комнате и сидела часами, закутанная в шерстяной платок. Очевидно, ей казалось, что так она выглядит загадочно и таинственно. Я уже писал, что она уехала за границу вместе с Бакуниными. Когда я был в Париже, то виделся не только с Таней Бакуниной, но и с Наташей. Она специально приехала из Лиможа, где жила, в Париж со своей дочкой, уже взрослой девушкой лет двадцати. Зашла ко мне в отель, а затем мы посидели в ресторанчике. Оказалось, что она кончила в Париже медицинский факультет, вышла замуж за француза-врача, в Лиможе у нее с мужем свой госпиталь, имеют четыре дочери и сына. Ругал я ее за то, что никто из ее детей не знает ни одного слова по-русски. Но вообще я за Наташу порадовался — болезнь как рукой сняло, занимается полезным делом. Очевидно, была не столько болезнь, сколько причуда.

Бывала у Рындиных и двоюродная сестра Наташи, дочь сестры Алексея Ивановича, Катя Некрасова, краснощекая толстушка. Впоследствии Екатери || (тетр. № 23) на Алексеевна Некрасова стала искусствоведом, доцентом Исторического факультета Московского университета. Замужем она за египтологом Павловым¹⁰¹.

И еще одна родственница Яковлевых — Нюта, анемичная блондинка. Вадим посвятил ей стихотворение, которое начиналось так:

Она стояла у рояля
И нежно гладила цветок.
Ее глаза мой взгляд поймали,
Она закуталась в платок.

В жизни Нюте пришлось плохо. У нее был роман с писателем Анатолием Корнилиевичем Виноградовым¹⁰². Из-за нее он бросил семью, от него у нее был ребенок. Роман кончился плохо — Виноградов застрелил Нюту, ребенка, застрелился сам. Говорят, у него была водянка мозга. Похоронили его втихомолку, без всяких почестей. Из союза писателей никто не пришел.

Я говорил пока о Вадиной компании. Но у Рындиных я встречал много интересных людей и из друзей Федора Константиновича. Его большими приятелями были писательница Настасья Романовна Крандиевская и ее муж Василий Афанасьевич¹⁰³. Настасья Романовна — не молодая, но молодящаяся дама с лорнеткой, глухая и поэтому разговаривающая со всеми чрезвычайно громко, причем визгливым голосом. Ее муж — спокойный, уравновешенный, просто одетый и скромный инженер, влюбленный в свою жену. У них были две дочери: одна замужем за скульптором Фейдышем (вероятно — Файдыш) и сама скульптор, другая — поэтесса, жена Алексея Толстого. Это было время, когда Толстой должен был возвратиться в Москву. Его ждали и разговор все время шел о нем.

Очень близка к семье Рындиных была другая писательница, Валентина Иововна Дмитриева. Она постоянно жила в Сочи, где у нее имелась своя дача. Но месяца четыре в году, зимой, она проводила в Москве и останавливалась всегда у Рындиных.

Очень хорошая, маленькая старушка, стриженная, в очках. Внешний облик народницы. Но ум живой. Большой интерес к современности. Желание найти в ней свое место. Она еще что-то писала, ходила по каким-то редакциям. Известно, что ее ценил, хорошо к ней относился Николай Островский.

С рядом ярких людей мне приходилось встречаться и в доме своего отца. Большим его приятелем и вообще другом нашего дома был Сергей Константинович Шамбинаго¹⁰⁴, интересный ученый и человек. Большой, грузный, громоздкий, с шапкой густых, всклокоченных волос, с умным и на вид сердитым взглядом из-под пенсне, которое он все время снимает и протирает, — таким встает в моей памяти образ Сергея Константиновича. Он напоминал одновременно и величественного льва и добродушного бульдога. Он был неперменным гостем у нас по воскресеньям, к обеду. Он любил хорошо выпить и вкусно поесть. А наша Варвара Алексеевна, державшая в руках все хозяйство, хорошо готовила и великолепно пекла пироги. И вот подавался графинчик водки, настоящий на лимонной и апельсиновой корочке, и к нему со вкусом, с пониманием, священнодействуя, прикладывался Сергей Константинович. А после обеда подавалось пиво, раскупоривались бутылки и надолго затягивалась застольная беседа, в которой обычно принимал участие и я. Сергей Константинович был великолепный рассказчик. Тематика его рассказов была очень многообразной. Он вспоминал о своем тяжелом детстве: потеряв отца, он жил с матерью в такой бедности, что иногда из-за отсутствия обуви не мог ходить в гимназию. Рассказывал о своей службе в Архиве Министерства юстиции, где заведовал отделом Литовской метрики, о таких мастиных архивистах, как Самоквасов¹⁰⁵ или Цветаев¹⁰⁶. Интересны были его рассказы о Московском университете, где он долгое время работал, о профессуре и студентах. Он знал многих артистов и театральных деятелей — Южина, Немировича-Данченко, Ермолову и перебирал в памяти встречи с ними. Наконец, очень увлекательными были его воспоминания о своих зарубежных поездках.

Сергей Константинович был очень прямолинеен, определен и односторонен в оценках людей. К одним он относился с симпатией, к другим с антипатией, середины у него не было. Для тех, кому он симпатизировал, у него имелось ласковое слово «голубок», для тех, к кому относился отрицательно, весьма звучное определение «сволочь первозданная». Основы его симпатий и антипатий уловить было очень трудно. Здесь было много субъективного. Так он терпеть не мог Николая Калининича Гудзия и очень зло передразнивал его, изображая его манеру держаться и говорить. Очень недоброжелательно относился Сергей Константинович к Шахматову как к человеку и критиковал его научную методику. Здесь, конечно, мог сыграть роль критический отзыв, данный в свое время Шахматовым о диссертации Сергея Константиновича, темой которой явилось «Сказание о Мамаевом побоище». И еще один характерный штрих: Сергей Константинович ненавидел кадетов и клеймил всех тех, кого подозревал в принадлежности к ним. Но так как в политических течениях он разбирался плохо, то к кадетам готов был отнести всех, кто ему не нравился. (Политически Сергей Константинович был совершенным младенцем, но страшный

критикан. Он критиковал все, что происходило вокруг него: государственный строй, порядки, людей. В начале 30-х годов его сажали, но подержали месяца два и выпустили.)

У нас в семье Сергея Константиновича называли ласково дедушкой. Отец шутиливо звал его: Шамби. Его тянуло к нам, вероятно, потому, что у него не было своей семьи, вернее, в своей семье он был чужим. У него была жена, Татьяна Алексеевна, маленькая, кругленькая, веселая, общительная женщина; была дочь Елена Сергеевна, вышедшая замуж за профессора Сергея Николаевича Каптерева, одновременно философа и геолога, была внучка Татьяна, которую Сергей Константинович очень любил. Они жили в большой пяти- или шестикомнатной квартире на Арбате. А затем в эту семью вошел еще один человек, большой друг Сергея Константиновича, — Сергей Никифорович Василенко, известный композитор. И получилось что-то уродливое. Татьяна Алексеевна стала женой Сергея Никифоровича. Сергей Никифорович сделался хозяином квартиры Сергея Константиновича и ее официально закрепили за ним, как за заслуженным деятелем искусств, постановлением Моссовета, в пожизненное пользование. А Сергей Константинович превратился в приживальщика в доме своего друга и своей бывшей жены. Нельзя даже сказать — в нахлебника, потому что его не кормили дома, он кормился по ресторанам. Ему досталась одна комната, выходя из которой, он должен был пройти через столовую, когда-то свою, теперь чужую, где члены его прежней, а теперь чужой, семьи обедали, завтракали, принимали гостей. Иногда приглашали Сергея Константиновича, иногда же нет. Совсем как король Лир.

И то ли философский склад ума, то ли неисчерпаемый запас добродушия, но Сергей Константинович сохранял по-прежнему самые лучшие отношения и с Сергеем Никифоровичем, которого он, вслед за одним из персонажей Островского, называл Ла Серж, и со своей Таней. Но дома были у него две особые привязанности — маленькая Таня, внучка (он ласково звал ее Филька), и попугай (про ум и сообразительность которого он мог говорить часами).

Но время шло. Внучка Филька стала взрослым человеком, вышла замуж и все более отходила от деда (это, очевидно, закон природы). Умерла Татьяна Алексеевна, и тогда ее и Сергея Константиновича дочь Елена Сергеевна стала женой Сергея Никифоровича (здесь, очевидно, сыграл роль расчет, связанный с видами на наследство). От голода, во время войны, в нетопленной квартире умер попугай. Сергею Константиновичу стало совсем одиноко.

Я был у него во время войны. Он оставался совсем один. И Сергей Никифорович, и вся семья были в эвакуации. Сергей Константинович не хотел никуда уезжать из Москвы. В квартире стужа, на стенах и мебели изморозь. Он весь заросший, небритый, в шубе с надвинутым на лицо воротником, мрачный, угрюмый, сидит в своем кабинете в глубоком кресле.

Затем стало несколько легче, материальное положение научных работников улучшилось. А одиночество оставалось долго. Самое тяжелое время он перенес

один, и в это время он работал, читал лекции студентам-филологам. Это ведь тоже героизм.

Он умер лет семидесяти семи, уже после войны. За несколько лет до его кончины я не раз слышал от него: «Скоро уже я помру». А когда я пытался отвести его от этой мысли, говорил, что надо жить, что жизнь становится все интереснее и богаче, он отвечал: «Пережить самого себя хуже, чем умереть; у меня уже совсем не осталось сверстников, все ушли, на этом свете я уже одинок; и я не понимаю многого и многих, и меня не понимают». И вот настал день, когда мне позвонила по телефону Елена Сергеевна и сообщила — «папа скончался». Оказывается, он еще накануне был в ресторане Союза писателей (на улице Воровского), обедал там, выпил обычную свою порцию водки, а когда пришел домой — случился сердечный приступ, и ночью его не стало.

Его хоронили по-православному. Он лежал в гробу, в своем кабинете, и священник просил господ «успокоить душу раба своего новопреставленного Сергия».

Сергей Константинович и отец были в очень близких отношениях с князем Василием Дмитриевичем Голицыным¹⁰⁷. До революции он был директором Румянцевского музея. После революции директором стал Анатолий Корнильевич Виноградов, но на службе в музее Голицына оставили и вследствие его политической лояльности, и потому что он был человеком весьма знающим. У него была аристократическая внешность, немного он напоминал Николая I. Одевался на английский манер. Хорошо знал искусство. Сам писал масляными красками. Была у него еще одна маленькая страсть — самому готовить, причем умел делать тонкие блюда, варить глинтвейн. Комично было видеть, как этот породистый аристократ надевал фартук на свой изящный костюм и орудовал на кухне (он делал это не только дома, но и в гостях). Мой отец и Мария Иосифовна называли Василия Дмитриевича «князь» или «ваше сиятельство». В этом не было иронии, но не было и пиетета к титулу. Просто этот титул как-то органически прирос к нему как к лучшему представителю русской аристократии, не столько по происхождению, сколько по духу. Умер Голицын в середине 20-х годов. Отпевали его в церкви, когда-то стоявшей на Знаменке (теперь улица Фрунзе). На похоронах были и искренно сожалели о нем многие служащие Румянцевского музея (тогда уже Библиотеки имени Ленина), в том числе и простые люди — рабочие, уборщицы.

Бывал у отца в доме Аполлон Аполлонович Грушка¹⁰⁸, когда-то декан историко-филологического факультета Московского университета, блестящий знаток классических древностей, прекрасный оратор. Высокий, сухопарый, с резко очерченными чертами лица, он сам как бы появился из античного мира. И полная противоположность ему — другой представитель филологического научного цикла, в данном случае славянской филологии — Александр Сергеевич Орлов¹⁰⁹ — не римлянин, а русак, с поповской бородкой, с брюшком, с лицом, изрытым оспой, не столько оратор, сколько говорун и рассказчик. Любил декламировать стихи собственного сочинения. Запомнился мне отрывок из одного его стихотворения:

Пусть смеется как шальная
Над моим порывом.
Я как перепел гуляю
По душистым нивам.

Потом Орлов стал академиком, переехал в Ленинград и много сделал для отдела древнерусской литературы Пушкинского дома. Но Шамбинаго рассказывал мне, что Варваре Павловне Адриановой-Перетц¹¹⁰ пришлось с Орловым несладко. Был он матерщинник || (тетр. № 24) и даже дам не очень стеснялся.

В середине 20-х годов отец ушел из Румянцевского музея (Публичной библиотеки имени Ленина). В чем-то он не поладил с Виноградовым. Мария Иосифовна обратилась к своей подруге О. П. Ногиной (женщине-врачу) с просьбой помочь Владимиру Алексеевичу устроиться на другую службу. При содействии мужа Ногиной — В. П. Ногина¹¹¹ — отец поступил на службу в текстильный синдикат, где стал заведовать библиотекой. В связи с изменением в дальнейшем ведомственной структуры он занял должность заведующего библиотекой Наркомата легкой промышленности, в которой и проработал много лет. Теперь и друзья пошли иные — не ученые, а практические работники, инженеры. Пожалуй, наиболее близким приятелем отца стал Николай Константинович Вереин, инженер-текстильщик, выходец из Касимова, веселый, остроумный, любит[ел]ь выпить (свидетелем этого был его багрово-красный нос).

Мария Иосифовна, помимо Боткинской больницы, работала в лаборатории, основанной еще до Октябрьской революции группой врачей и помещавшейся на Арбате. Среди них: Александр Павлович Савельев, видные впоследствии патолого-анатомы Алексей Иванович Абрикосов и Михаил Александрович Скворцов, жена Скворцова Екатерина Андреевна Кост¹¹², в дальнейшем много лет возглавлявшая Лабораторное общество. Все они бывали у нас в доме. Знакомые, бывало, смеясь говорили, что в семье Черепниных скрещиваются две специальности: гуманитарии и медики. Надо сказать, что одно время пытались сделать медиком и меня. Когда у меня не ладилось дело с поступлением на факультет общественных наук, мамыны друзья уговаривали меня идти на медицинский, обещая всякое содействие. Но медицина меня никогда не привлекала. Пользуясь тем, что Мария Иосифовна была патологоанатомом, прозектором, я из любопытства раза два присутствовал на производимых ею вскрытиях трупов, но, кроме отвращения, это у меня ничего другого не вызвало. Зато Таня, сестра моя, стала врачом.

Уже в Ялте я привык своим трудом зарабатывать деньги. Меня интересовал и заработок (ибо у юноши всегда есть потребность в деньгах), мне важно было и сознание, что я живу не только на чужой, но и на свой счет. У меня опять появились уроки, хотя и не в таком количестве, как в Ялте. В Москве это было труднее. Но помню, что я репетировал, например, одного очень симпатичного и нежного мальчика лет семи, сына юриста (весьма состоятельного) Адамовича. В школе он еще не учился, и я преподавал ему русский язык, арифметику, основы естествознания и истории. Приходил я к нему утром, занимался, потом завтракал вместе с ним

(таково было условие). Я привязался к мальчишке, старался сделать свои уроки поинтереснее, читал для этого «Детскую энциклопедию».

Федор Константинович придумал мне еще один источник заработка. Он посоветовал составить передвижную библиотечку новейшей художественной литературы — русской и переводной иностранной, создать круг читателей и разносить им раз в неделю книги, меняя прочитанные на новые. Каждый подписчик должен был платить небольшую сумму в месяц, и чем больше набиралось подписчиков, тем значительнее был оборотный капитал на приобретение новой литературы. Часть полученных денег составляла мою зарплату за труд по разноске. В те времена организовать подобное предприятие можно было, не вызывая каких-либо подозрений со стороны милиции или финансовых органов. Вновь выходящие книги тоже достать было легче, чем сейчас. Я последовал совету Федора Константиновича и начал работать. Моя передвижная библиотечка существовала несколько лет. Воспоминание об этом сохранил двойственное. С одной стороны, было интересно. Знакомился со всей появляющейся на книжном рынке литературой. Были интересные подписчики. Среди них, например, поэтесса Вера Инбер. Она, конечно, меня не помнит, а я ее вспомнил, прочитав недавно в газете приветствие ей в связи с восьмидесятилетним юбилеем. Посмотрел ее портрет: нет, тогда была совсем другая, молодая, стройная. Хуже обстояло дело с финансовой и организационной стороной. Денег на покупку книг, чтобы состав библиотеки был разнообразным, явно не хватало. Читателям приходилось довольствоваться тем, что есть, а у них были свои запросы. Обращались книги медленно, и некоторых книг подписчикам приходилось ждать очень подолгу. Клиенты были постоянно недовольны, предъявляли претензии.

Надо сказать, что Федор Константинович Рындин вообще был одержим идеей, что надо всячески развивать личную инициативу и изобретательность, и сам всегда носился с планами каких-то начинаний, долженствующих принести трудовой заработок. Обычно эти планы прогорали. Помню один из его проектов. Обеспокоенный несколько беспорядочным образом жизни своего сына Вадима в Москве, он решил превратить его в фермера. Для этого он приобрел кусочек земли с домиком и садом где-то около Сочи, поселил там одного своего знакомого в качестве кого-то вроде управляющего, а в отношении Вадима решил: пусть он делает так же, как Валентина Ивовна Дмитриева, зиму проводит в Москве и занимается живописью, а весной, летом и осенью обрабатывает землю в Сочи. Вадим попробовал, но ничего, конечно, у него не вышло, хозяйство прогорело, и он вернулся к прежней жизни. Мы долго потом над ним смеялись: вот хотел «сесть на землю» — и не сумел.

Конечно, такой катастрофы, как с рындинским имением, с моей библиотекой не было. Она даже сыграла определенную положительную роль в моей жизни, расширив круг прочитанных книг и круг людей, с которыми приходилось общаться.

Еще с ранней юности я полюбил театр. В Ялте бывал и на любительских спектаклях и на постановках профессиональных актеров. Помню гоголевского «Вия»,

«На бойком месте» Островского, «Александра I» Мережковского. Но в Ялте возможности, конечно, были небольшие. В Москве их стало намного больше. Правда, бюджет нашей семьи был очень незначительный, тратить деньги на театр было не под силу. Тут пришла на помощь Антонина Акимовна Ставровиц. Работая где-то в государственном аппарате, она доставала мне пропуска в ложу Совнаркома в Большом театре. Так из бывшей «царской» ложи я увидел и услышал «Евгения Онегина», «Пиковую даму», «Бориса Годунова» и другие оперы. Ходили к Мейерхольду на «Трест ДЕ», «Даму с камелиями», «Лес» и т. д., к Вахтангову на «Принцессу Турандот», во Второй МХАТ на «Дело» Сухово-Кобылина (с Чеховым¹¹³) и проч.

На рубеже 1925 и 1926 годов начался новый, РАНИИОНовский, период моей жизни. Я держал экзамены в аспирантуру Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Ассоциация возникла в связи с проектом сосредоточить в одном месте подготовку научных работников высшей квалификации в области общественных наук¹¹⁴. В состав Ассоциации входил целый ряд институтов, помимо исторического: экономики, права, литературы, археологии и т. д. В конце 1925 г. был объявлен конкурс на поступление в аспиранты. Все поступающие должны были представить какую-нибудь научную работу и сдать экзамены по политической экономии и диалектическому и историческому материализму. Кроме того, лица, не имевшие высшего образования (а таковые тоже допускались к конкурсу), экзаменовались дополнительно по историческим дисциплинам в объеме вуза. Такой усложненный экзамен предстояло держать и мне. Список литературы был довольно значительный. Готовился я долго и усердно. Недели две летом провел в Мурмане, у Фейгиных, вспомнил детство. Но и там не прекращал работы.

Настал день экзаменов. Политэкономия и исторический материализм сдавались в один день, хотя и разным комиссиям. Была поздняя осень. Перед экзаменом зашел к Алексею Ивановичу Яковлеву, который весьма интересовался моей судьбой. Тут же заглянул к Рындиным, благо жили они в одном доме с Яковлевыми. РАНИИОН помещался на углу Волхонки и Пречистенского бульвара (теперь там находится Институт русского языка). От Рындиных и Яковлевых рукой подать. Экзамен мой продолжался очень недолго и кончился весьма плачевно. Попал к Ивану Дмитриевичу Удальцову¹¹⁵. Он попросил меня рассказать о цене производства. Об этом у Маркса — во II томе «Капитала», а в списке литературы данного тома не было. Я сказал это Удальцову, он ответил, в общем, резонно: «Вы идете в аспирантуру, а боитесь выйти за пределы заранее намеченного». Я попросил задать другой вопрос в объеме рекомендованной литературы. Он отказал, и со своей точки зрения, тоже резонно: ведь экзаменуется человек, потенциально являющийся научным работником, а знания у него в лимитах, строго ограниченных, нехорошо это. И в то же время что-то и сейчас во мне восстает против моего экзаменатора и «неуда», который он мне так быстро и так просто поставил. Ну а что, если бы мой провал вообще бы преградил мне путь в науку, выиграла бы она или нет?

Я не хочу быть нескромным и понимаю свое место в науке, весьма ограниченное, но все же кое-что ведь я сделал. И поэтому думаю, что Иван Дмитриевич Удальцов мог бы поговорить со мной более внимательно. Когда много лет спустя мне пришлось встречаться с сыном Ивана Дмитриевича — Иваном Ивановичем, занимавшим весьма ответственные посты (директор Института славяноведения, работник ЦК КПСС, советник советского посольства в Праге)¹¹⁶, мне не раз хотелось рассказать ему о моем знакомстве с его отцом в 1925 г., но я всегда воздерживался. Зачем? Что будет для него здесь поучительного?

Провалившись на политэкономии, я уже не стал сдавать диалектический и исторический материализм. Уйдя из РАНИИОНа, зашел к Алексею Ивановичу Яковлеву, коротко сообщил ему о постигшей меня неудаче и отправился домой. Дома у нас было неблагополучно. Мария Иосифовна тяжело болела брюшным тифом и лежала в больнице. Это было ее второе серьезное заболевание (первое — туберкулез), когда ожидали даже смертельный исход. Отцу, конечно, было очень нелегко. А тут я еще должен был его порадовать своими успехами. В поведении человека в трудную минуту познается его характер. Я никогда не забуду, как отец отнесся к моему сообщению. Так, как будто ничего не случилось. Только был со мной в этот вечер особенно внимателен и ласков.

Алексей Иванович поднял перед начальством РАНИИОНа вопрос о разрешении мне вторично держать экзамен по проблемам марксистской теории. Составленное им ходатайство подписали также Бахрушин, Веселовский, Готье, Богословский, Любавский. Удальцов, узнав об этом, говорил Яковлеву: «Если бы вы раньше мне сказали, что считаете Черепнина достойным кандидатом в аспирантуру, я, конечно, не стал бы мешать вам и пропустил бы его».

Разрешение на вторичную сдачу экзаменов было дано. Второй раз все сошло благополучно. Политэкономию я держал у Позднякова, диалектический и исторический материализм у Деборина и Карева.

Письменную работу я представил на тему: «Закрепощение служилых людей на юге России в XVII в.»¹¹⁷. Речь шла об обращении в крепостную зависимость тех беглых крестьян, которые избыли ее, перейдя в южных городах в разряд стрельцов, воротников, пушкарей и других военных людей по прибору. Работа была основана на новых архивных материалах, которые я изучил в процессе подготовки издания «Памятников истории крестьян и холопов». Предварительно я сделал доклад на эту тему на заседании секции русской истории Института истории РАНИИОН. Это было первое мое выступление на научном заседании с результатами своей исследовательской работы. Встречено оно было очень положительно.

|| (тетр. № 25) Экзамен по истории пришлось сдавать большой комиссии, куда входили представители различных участков исторической науки, специалисты по разным ее разделам. Председательствовал Д. М. Петрушевский, директор Института. Членами комиссии (которых я помню) были М. М. Богословский¹¹⁸, Н. А. Рожков¹¹⁹, В. П. Волгин¹²⁰, Г. М. Пригоровский¹²¹, П. Ф. Преображенский¹²² и кто-то еще. Мне было очень страшно. Кроме того, я столько прочитал за последнее время, что

все в голове путалось. Чувствовал себя разбитым и больным. Вопросы задавались по разным дисциплинам отдельно. Михаил Михайлович Богословский сказал, что он от экзамена по русской истории отказывается, поскольку Черепнин делал публичный доклад в секции, где имел возможность показать свои знания. Пригоровский поставил вопрос по древней истории, близкий к истории Руси: о греческих колониях Причерноморья. Петрушевский спросил что-то по феодализму, Волгин экзаменовал по Французской революции. Отвечал я, волнуясь, и поэтому — коряво, хотя вопросы были в общем несложные. Получил четверку (поскольку был конкурс, то знания оценивались по пятибалльной системе), и был доволен отметкой, хотя очень недоволен своими ответами.

И так я стал аспирантом Института истории, причем штатным, со стипендией (были еще аспиранты сверхштатные, которые стипендии не получали). Стипендия выплачивалась в сумме восемьдесят рублей. По тогдашним ценам это была сумма, на которую вполне можно было прожить. Надо было выбрать себе научного руководителя. Я еще с университетских времен привык считать, что у меня два учителя: Бахрушин и Яковлев. Отдавать кому-нибудь из них предпочтение мне казалось бестактным по отношению к другому, да и самому себе я нанес бы этим ущерб, т. к. оба многу меня научили. Я поговорил с Алексеем Ивановичем и Сергеем Владимировичем, и с их согласия поставил перед начальством вопрос о прикреплении меня к обоим как научным руководителям. Это удалось сделать.

Я считаю, что Институту истории РАН ИИОН принадлежит выдающееся место среди тех учреждений, которые занимались разработкой проблем исторической науки и подготовкой кадров в этой области. Это был институт исследовательский и в то же время готовящий преподавателей для высшей школы. Научные штаты Института состояли из трех категорий: действительные члены (если перевести на привычную сейчас терминологию, то доктора, профессора); научные сотрудники первого разряда (по своей квалификации соответствующие кандидатам, доцентам); научные сотрудники второго разряда (это название было вскоре заменено термином «аспиранты»).

Сотрудники и аспиранты Института распределялись в зависимости от специальности по секциям. Научной деятельностью всего Института руководил ученый совет, председателем которого являлся директор Института Дмитрий Моисеевич Петрушевский. Совет регулярно (два раза в месяц) устраивал научные заседания, где делались доклады на разнообразные темы и всеобщей, и отечественной истории. Дмитрий Моисеевич требовал, чтобы на совет секции выносили наиболее интересные доклады, на наиболее существенные темы. В анналах РИИИОНа сохранились два случая, когда Дмитрий Моисеевич буквально отчитал как мальчишек докладчиков на совете, которые дали материал описательно, без должных обобщений. Об одном случае я знаю по наслышке, другому сам являюсь свидетелем. Первый доклад делал В. И. Авдиев¹²³ (что-то из истории древнего мира), второй — И. А. Витвер¹²⁴ (из истории русско-украинских отношений в XVII в.). Дмитрий Моисеевич заявил, что заседания ученого совета должны рассматриваться как

праздник науки, и нельзя ставить на них сырые сообщения. На И. А. Витвера «разнос» так подействовал, что, говорят, послужил причиной, по которой он переменял специальность: перестал заниматься историей и перешел сначала на экономику, потом — на экономическую географию. Я этому не верю. Думаю, что здесь другое. Витвер был человеком самолюбивым и склонным к карьере. Он искал такую область, где бы легче было продвинуться. А история вскоре стала совсем не модной наукой. Но в области экономической географии он действительно сделал много полезного.

И еще один эпизод невольно всплывает в памяти в связи с деятельностью Дмитрия Моисеевича как председателя совета. Он терпеть не мог Илью Николаевича Бороздина¹²⁵ (археолога), считая его не ученым, а халтурщиком и не очень морально чистоплотным человеком. Не берусь судить, был ли он прав. Но помню, что одно заседание Дмитрий Моисеевич не хотел открывать, увидев в зале Бороздина. Время идет, все ждут и никто не понимает, в чем дело. А Петрушевский через ученого секретаря требует, чтобы Бороздин покинул зал. Ему объясняют, что это требование незаконное, что заседания все открытые. Он ничего не слушает, стучит палкой, стоит на своем и уже громко бросает в зал реплику: «Пусть посторонние удалятся». Не знаю уж, что подействовало, но, наконец, он, весь красный, сердитым голосом объявил заседание открытым.

Помню празднование в РАНИИОНе юбилея Дмитрия Моисеевича. Было очень торжественно и очень тепло. Происходило это еще до появления в печати книги Петрушевского с теоретическим предисловием в духе Макса Вебера, вызвавшей резкую критику историков-марксистов. Поэтому приветствовали его одинаково уважительно и представители старой «академической» науки, и те, кто стоял на позициях марксизма (В. И. Невский, А. Д. Удальцов¹²⁶, Н. М. Лукин¹²⁷). Но в приветствиях были свои оттенки. В. И. Невский сказал, что по книге Петрушевского об Уотте Тайлере он и его товарищи учились делать революцию. А М. М. Богословский заявил, что юбиляр в своих исследованиях никогда не покидал платформы академизма, всегда был «академичнейшим из академичных» ученых, а если и давал когда «уроки» революции, то лишь в частных разговорах. Запомнилось мне, что Дмитрий Моисеевич отвечал, вставая с места, на приветствие каждого из выступавших. Вообще-то как-то принято отвечать в конце чествования всем сразу. Но манера Дмитрия Моисеевича придавала какую-то особую непосредственность его отношениям с выступавшими, тем более, что его ответы им не были формальными: о каждом он сам говорил что-то хорошее, причем подчеркивал то, что характерно именно для данного лица.

В составе Института были следующие секции: русской истории, древнего мира, Средних веков, новой истории, этнологии. Я естественно входил в первую секцию, председателем которой был Михаил Михайлович Богословский, ученым секретарем Алексей Андреевич Новосельский. Богословского считали историком-эмпириком, ученым, не способным на синтетические обобщения. Когда он умер, в «Вечерней Москве» появился краткий и бессодержательный некролог, в котором

говорилось, что он был чужд обобщений. Что это не так, знает каждый, знакомый с его исследованиями о земском самоуправлении на Русском Севере в XVII в. или об областной реформе Петра I. Но после Октябрьской революции Михаил Михайлович действительно стал на путь изучения преимущественно фактической истории прошлого. Сама тема, им избранная, о Петре I, давала основание для постановки больших исторических проблем. Но он изучал ее лишь в плане воссоздания биографии этого крупнейшего государственного деятеля и оставил несколько томов биографических материалов, где подробнейшим образом регистрируются события жизни царя. Над этим трудом он работал в течение многих лет, каждый день бывал в архиве (образцом для него здесь являлся Сергей Михайлович Соловьев), но смерть пришла, когда до конца было еще очень и очень далеко.

Богословский оставался во власти представления о том, что наука должна быть «чистой», свободной от политики, и видел в марксизме угрозу «свободе» научного исследования. Может быть, если бы он пожил подольше, он преодолел бы свои иллюзии, но тогда они у него были очень сильны и вызывали раздражение у марксистов. Я вспоминаю его манеру полемизировать, какую-то нарочито упрощенную, как бы снисходящую до уровня понимания оппонента. Как-то при мне он говорил с М. Я. Феноменовым¹²⁸ о роли личности в истории. Тот доказывал решающую роль масс, прибегая в качестве аргументов к ряду теоретических положений и исторических иллюстраций. Михаил Михайлович слушал-слушал, а затем как-то спокойно-наивно возразил: «А вы посмотрите, Михаил Яковлевич, ведь многое зависит от председателя научного заседания, один ведет его интересно и держит всех в руках, а у другого и скучно, и порядка нет». Вот другой эпизод. Был доклад аспиранта Гайсиновича о крестьянской реформе по материалам какого-то вотчинного архива. Михаил Михайлович, резюмируя прения (а во время прений естественно поднимались теоретические вопросы), заявляет: «Ведь вот что хорошо у докладчика, другие при описании крепостного права принимают сразу прокурорский тон, а он просто описал то, что было». И сказал он это опять-таки с какой-то наивностью, то ли естественной, то ли наигранной. Был в секции научный сотрудник первого разряда Пчелин¹²⁹, человек довольно бездарный. Он выступил с докладом о Псковской судной грамоте. Доклад он построил в плане общей характеристики явлений, памятником запечатленных, но в процессе общего обзора, конечно, давал и интерпретацию отдельных статей грамоты. И вот как только он привел свои комментарии к одной из статей, Михаил Михайлович его сразу прервал: «Подождите, давайте разберемся более детально». И предложил всем присутствующим высказаться по поводу пчелинского комментария. Это заняло довольно много времени. «Ну, а теперь давайте еще какую-либо статью», — говорит Богословский, обращаясь к Пчелину. И снова следует источниковедческая дискуссия. Так дело и свелось по существу к комментированию всеми присутствующими отдельных текстов Псковской грамоты, а доклад Пчелина был сведен на нет.

Умер Богословский неожиданно. Перед смертью незадолго он понес очень большую утрату: утонул у него взрослый сын. Это его потрясло и ускорило собственную кончину. Хоронили его по православному обряду. Отпевали в Никольской церкви, в конце Арбата, недалеко от Смоленского рынка. Было митрополичье служение. Михаил Михайлович преподавал ранее в Духовной академии, и его отпевал митрополит — его ученик. На похоронах присутствовало много аспирантов. Потом в «Крокодиле» появилась некрасивая заметка, в которой говорилось о митрополичьей службе и о том, что аспиранты молились, а аспирант Ш. (потом мы гадали: кто это? Шунков?) даже крестился. К чему это?

После смерти Богословского в секции русской истории стало коллективное руководство: В. И. Невский и два его заместителя, по двум периодам (деление по формациям еще не вошло в силу), — С. В. Бахрушин и С. А. Пионтковский¹³⁰.

В момент моего поступления в РАНИИОН план аспирантской подготовки строился таким образом, что каждый из нас за три года должен был написать шесть исследовательских докладов на исторические темы (три по непосредственной специальности и три по смежным). Доклады обсуждались на соответствующих секциях Института, и в случае их одобрения аспирант получал зачет. Кроме того, каждому аспиранту полагалось сделать доклады в семинарах по политической экономии и историческому материализму. В аспирантский трехгодичный план входила, наконец, подготовка и защита диссертации. Но скоро аспирантская нагрузка была облегчена. Число исследовательских работ по истории было сокращено до четырех. Обсуждать их можно было не только на секциях, но и на специально организуемых семина || (тетр. № 26) рах по историческим проблемам.

Я остановился на следующих темах: по русской истории — «Побеги и сыск крестьян в Русском государстве XVII в.»; «Новый летописец как памятник историографии Смутного времени»; «Из истории Прохоровской мануфактуры»; по всеобщей истории — «Римский колонат»; «Состав и происхождение „Capitulare de villis“»; «Французские крестьяне в период Великой революции». Доклад о крестьянских побегах был подготовлен на основе архивных материалов (преимущественно — документов Разрядного приказа) и прочитан на заседании нашей секции. Выступали как будто Богословский, Веселовская, Готье, Яковлев, Бахрушин (точно не помню). Запомнилось одно замечание Веселовского. Я мимоходом коснулся какого-то утверждения М. А. Дьяконова¹³¹ и отверг его без особо детального разбора. Веселовский отозвался о подобном приеме злоиронически: «Задел рукавом чашку, она упала и разбилась, а чашка-то дорогая». Я страшно покраснел.

Много я работал над темой о Новом летописце. Начало этой работы восходит еще к семинару Сергея Владимировича. Будучи аспирантом, я изучил много рукописных списков Нового летописца (в Историческом музее, Публичной библиотеке имени Ленина, Древлехранилище и т. д.), ездил даже в Ленинград и обследовал тамошние собрания. В результате получилось исследование, кото-

рое я доложил на секции русской истории. Через несколько лет оно было опубликовано¹³².

Тему о Прохоровской мануфактуре я выбрал потому, что Николай Александрович Рожков поставил вопрос о разработке материалов по истории этого предприятия коллективными силами аспирантов. И мне был отведен определенный участок. Я стал даже ходить в архив (бывшей Синодальной типографии) на улице 25 Октября, где находились прохоровские материалы. Но благодаря сокращению аспирантского плана с шести тем до четырех работы этой я не завершил.

По всеобщей истории мне удался доклад о *Capitulare de villis*. Идя вслед за немецким ученым Мейером, который поставил вопрос о сложном составе памятника, и пользуясь шахматовским методом, я попытался выделить в тексте *Capitulare* отдельные части, существовавшие когда-то самостоятельно, а затем соединенные вместе. Доклад был сделан на заседании секции истории средних веков. Присутствовали Д. М. Петрушевский, Н. П. Грацианский, Е. А. Косминский, А. И. Нусыхин, И. С. Звавич и другие. Мои выводы произвели впечатление. Меня очень хвалили. Дмитрий Моисеевич сказал, что если бы мое исследование появилось в каком-нибудь из немецких журналов, то оно вызвало бы ряд откликов. Николай Павлович Грацианский предложил посвятить обсуждению доклада еще одно заседание, чтобы члены секции могли познакомиться с письменным текстом, ибо на слух он воспринимается с трудом. Второе заседание состоялось и прошло также интересно. Впоследствии статья о *Capitulare de villis* была напечатана в «Известиях Академии наук»¹³³.

Предполагавшиеся мною работы по древней и новой истории я не писал. Вместо этого выступил в секции этнологии с докладом о древнерусских колдовских процессах. В качестве источника я привлек архивные документы — судебные дела по обвинению в колдовстве. Анализируя их, попытался поставить некоторые общие теоретические вопросы: о характере первобытной магии, о происхождении народных суеверий и т. д. Для этого пришлось изучить большую иностранную литературу. Статья моя была опубликована в журнале «Этнография»¹³⁴.

Итак, четыре плановых темы по истории я выполнил. Все они были зачтены мне на соответствующих секциях. Но я посещал и семинарские занятия. По русской истории семинар для аспирантов вел Николай Александрович Рожков. Он тогда только что вернулся из ссылки, из Пскова, с молодой женой Марией Константиновной, тоже поступившей в аспирантуру. Это был период наиболее активной творческой, научной, педагогической, организационной деятельности Рожкова. Он отрешился от своих меньшевистских воззрений и включился в строительство марксистской исторической науки. Работал в целом ряде учреждений. Внешне он был мало похож на профессора. Небольшого роста, с простым русским лицом, добродушный, с усами и небольшой бородкой, он напоминал учителя, земского деятеля. В памяти остались какая-то простота и приветливость. Академическая профессура его не очень любила. Не прощали политической деятельности, не жаловали за марксизм.

Рожков недолго работал с аспирантами. Вдруг мы узнали, что он заболел и находится в больнице, а скоро пришла весть и о его кончине. На гражданской панихиде М. Н. Покровский произнес речь, которая была понята по-разному. Сказав о меньшевистском прошлом Николая Александровича, он подчеркнул, что это именно прошлое, а хоронить мы его должны как большевика. Я расценил это как акт своего рода реабилитации покойного. Но Бахрушин, например, вынес другое впечатление. «Какая бестактность, — говорил он мне, — у открытого гроба сводить политические счёты».

В качестве руководителя аспирантского семинара Рожкова сменил Александр Евгеньевич Пресняков. Постоянно он жил в Ленинграде и на занятия должен был специально приезжать. По внешнему облику он отличался от своего предшественника. Какая-то особая ленинградская выправка, интеллигентность, сдержанность. Не любили его московские профессора, пожалуй, еще больше, чем Рожкова. Во-первых, здесь сказался извечный антагонизм московской и ленинградской (петербургской) исторических «школ». Во-вторых (и это, пожалуй, наиболее существенно), Пресняков был одним из первых ученых старой формации, убежденно отдавших свои знания делу подготовки новых кадров историков-марксистов. Он преподавал не только в РАНИИОНе, но и в Институте красной профессуры. Его считали за это отщепенцем. Чинили препятствия его выборам в академики. Пресняков, как и Рожков, рано ушел из жизни. Он умер от страшной болезни — кажется, рака горла.

Объявил в РАНИИОНе семинар по историографии Михаил Николаевич Покровский. Но провел он, по-моему, только одно занятие, на которое пришел вместе с И. И. Минцем (своим ассистентом). Дальнейшему помешала болезнь.

По западноевропейскому Средневековью шли семинарские занятия под руководством Дмитрия Моисеевича Петрушевского. По существу это был семинар, перенесенный из университета в РАНИИОН. И состав участников был в основном тот же самый: бывшие студенты, по окончании университета ставшие аспирантами, или же почему-либо не смогшие попасть в аспирантуру, но не желавшие терять научную связь с Дмитрием Моисеевичем.

В первый год пребывания в аспирантуре мы должны были пройти обязательный семинар по политэкономии. Вел его Поздняков. Я сделал доклад на тему «Теория денег Маркса»¹³⁵. Он прошел удачно, был одобрен и зачтен. Но ничего исследовательского в нем не было, да и не могло быть. Как-то впоследствии, когда в Институте обострилась идейно-теоретическая борьба и мои исторические работы стали считать немарксистскими, в стенгазете появилась статья, в которой имелся такой афоризм в мой адрес: «О деньгах глаголь по Марксу, об истории по Соловьеву (о присутствующих не говорят)». Это означало, очевидно, что доклад о теории денег я сделал в соответствии с учением Маркса, а в исследованиях на исторические темы разделяю концепции С. М. Соловьева и его последователей, работающих в Институте (т. е., видимо, тех же Богословского, Бахрушина, Яковлева и др.). Я сильно переживал, ибо упрек был несправедлив.

Конечно, я тогда еще не овладел марксистской методологией исторического исследования и моя идейная зависимость от моих непосредственных учителей, не являвшихся марксистами, была достаточно сильной. Но для меня это было время большой работы мысли, идейных исканий, я стремился к изучению проблем социально-экономического развития, классовой борьбы, и все это вело и должно было привести к марксизму. Говорю это не в оправдание (напротив, сознаю все издержки своего теоретического роста), а с тем, чтобы прояснить историческую перспективу.

Тяжело прошел для меня доклад в семинаре по историческому материализму на третьем году обучения. Семинаром руководил Александр Дмитриевич Удальцов, брат Ивана Дмитриевича, провалившего меня на экзамене по политэкономии при вступлении в Институт. Александр Дмитриевич всегда производил на меня какое-то странное впечатление, и если бы сейчас меня спросили, что это за человек, я бы затруднился ответить. Внешне он выглядел каким-то полинявшим — лучше, пожалуй, не скажешь. Какой-то белесый, с клиновидной бородкой, с невыразительными чертами лица. Бездарно сделанное изображение Христосика. А глаза светло-голубые, и взгляд такой холодный и, может быть, даже жестокий. Когда с ним говоришь, он весь как-то ежится, подергивает плечами, пощипывает бородку. Никогда ничего не скажет прямо, все обиняками, намеками. Вроде как говорит наполовину того, что знает. Запуганный что ли? И в то же время страшный. Лучше с ним не ссориться. Запомнит, не простит, воздаст сторицей. Как ученый Александр Дмитриевич начинал неплохо. Ученик Дмитрия Моисеевича Петрушевского, он опубликовал небольшие, но ценные труды по аграрной истории Средневековья, ценные особенно своей конкретностью. А затем переметнулся в область теоретических проблем, занялся этнологией, этногенезом, и ничего действительно стоящего не создал. Его избрали членом-корреспондентом Академии наук. Говорят, что Волгин высказался по этому поводу так: не изберем, всему Отделению истории жить не даст. Стал Удальцов и директором Института археологии. По этому поводу тоже острили: с археологами он скорее поладит, чем с историками. А в Институте археологии добродушный басистый Сергей Владимирович Киселев, заместитель Удальцова, обычно отчаявшись добиться от него чего-нибудь членораздельного, принимал сам научные решения. Последние годы жизни Удальцова были омрачены дискуссией по вопросам языкознания, во время которой Сталин высказался против учения Марра. А Удальцов был марристом и на этом делал карьеру. Но его нечленораздельность и умение говорить обиняками и здесь помогли. Помню собрание историков по поводу появления статей Сталина, на котором Анна Михайловна Панкратова попросила Удальцова высказать свое отношение к Марру. И вот он, оставаясь верным себе, стал говорить так, что понять что-либо было трудно: если он и маррист, то не обычный маррист, и скорее даже не маррист... и все в том же духе.

Ну это уже Удальцов на закате. А в 1928 г. аспирантским семинаром руководил Удальцов молодой, всех своих потенциалов еще не развернувший. Я делал

доклад на тему «Методология Макса Вебера и марксизм». Тема эта приобрела тогда остроту в связи с выходом в свет книги Д. М. Петрушевского по социальной и политической истории Средневековья, во введении к которой автор заявил себя приверженцем взглядов Вебера и подробно развернул систему этих взглядов. Книга (и особенно введение к ней) подверглась резкой критике в печати и на собраниях (в Обществе историков-марксистов, в Институте красной профессуры и т. д.). Но некоторые из учеников Петрушевского — Косминский, Неусыхин — находили известные точки соприкосновения между веберьянством и марксизмом (подчеркивая, конечно, противоположность этих учений в основных моментах). В моем подходе к теме сказалось непонимание принципа партийности в исторической науке. Я добросовестно сопоставил высказывания Вебера с трудами Маркса, но сделал это формально, путем сличения отдельных цитат. Я показал, в чем отличие подходов Макса Вебера и Маркса к истории, но и это получилось у меня объективистски. Наконец, я ограничился Марксом и не взял Ленина. И все же я считаю, что этот доклад (текст его у меня цел¹³⁶) являлся для меня шагом по пути овладения марксистской методологией, хотя шагом очень и очень беспомощным.

Иначе рассудили участники семинара. Меня раскритиковали, и здорово раскритиковали. Назвали || (тетр. № 27) доклад «немарксистским».

Особенно резко выступил аспирант Зельцер¹³⁷, который издевался над «идеиной Троицей»: Петрушевский — Неусыхин — Черепнин. Удальцов поддержал оппонентов. И тут я не могу не помянуть Удальцова добрым словом. Когда потом возник вопрос о моем поступлении в докторантуру, он не только не вспомнил о моем выступлении в его семинаре, но, напротив, поддержал мою кандидатуру, хорошо отозвался о моих работах. Правда, это было уже через десять с лишним лет.

Еще одно начинание в РАНИИОНе, в котором я принимал участие, хочется мне упомянуть. Это работа по составлению библиографического указателя текущей литературы по истории СССР. Группа аспирантов просматривала «Книжную летопись», разносила на карточки исторические книги, затем знакомилась с ними и составляла к ним аннотации. Руководителем этого был научный сотрудник Иван Иванович Полосин¹³⁸. Человек очень приятной внешности, с хорошо расчесанным пробором, с пенсне на красивом носу, с галстуком-бантиком на белоснежном воротничке, он выделялся среди окружающих. Он по своему произносил буквы «л» и «р», и это получалось привлекательно, немного жеманно. Он хорошо говорил и любил говорить, причем слегка рисовался. Любил парадоксы, смелые гипотезы и в науке был слегка фантазером. Владимир Иванович Пичета назвал его как-то представителем «гипотетического направления» в истории. Что-то было у Полосина от его учителя Алексея Ивановича Яковлева. Только полет фантазии безудержнее, а игра ума своя, индивидуальная. Научная карьера Ивана Ивановича, человека бесспорно одаренного, началась блестяще. Ряд талантливых статей и докладов и особенно публикация записок немца-опричника Генриха Штадена обеспечили ему известность и признание. Но тут появилась на его горизонте белокурая женщина. Как-то в комнату, где должно было состояться заседание и где

находилось пока лишь несколько человек, вошла, робко озираясь, она. Иван Иванович рванулся ей навстречу, и они поцеловались. А затем она стала приходить на все его доклады. И мы узнали, что это Ольга Васильевна, его жена. С ней он прошел через всю жизнь. Затем появилась девочка — Леночка. А потом она выросла. И мать, и дочь не всегда были достаточно умерены в своих потребностях. А Иван Иванович стремился их удовлетворить, поэтому без конца читал лекции, читал где только можно и сколько можно: и студентам, и учителям, и детям. Нужны были деньги. Лектор же он был прекрасный. Силы изматывались, но ни мать, ни дочь его не останавливали. Впрочем, надо быть справедливым: тут играла роль не только погоня за деньгами, засасывал успех, увлекала сама работа. А наука явно страдала, он не дал ей того, что мог бы. И вот однажды он пришел вечером домой, и в ванной случился инсульт. Сначала поправился, затем снова заболел, и последние годы жизни провел уже в своей постели, парализованный. Хоронили же его несколько человек родственников, а ученые — друзья, ученики — даже не знали, что он умер.

У Ивана Ивановича была изобретательская жилка. Всю жизнь он стремился организовать какие-то коллективные начинания: то разработку уставных грамот в целях изучения отмены крепостного права, то составление хронологии событий мировой истории, то еще что-нибудь. Одним из таких мероприятий был и библиографический указатель, над которым мы работали. Мы сделали много, но все это так и осталось в архиве РАНИИОН.

Теперь об общей РАНИИОНовской идейной обстановке. Идеологическая борьба, шедшая в стране, захватила и наш Институт. Я уже говорил, что там были собраны крупные научные силы. Работали люди большой культуры и больших знаний. Но они не могли сразу приобщиться к марксизму. А наступление на них в этом отношении вызывало реакцию, ибо казалось посягательством на свободу научного творчества. Прослойка марксистов среди действительных членов и научных сотрудников первого разряда была не столь велика. И люди при этом были разные. Были беспартийные ученые, пришедшие к марксизму в результате большой научной работы. Таков, например, Евгений Андреевич Морозовец, добрый, корректный, исключительно порядочный человек, с громадной бородой. К числу беспартийных историков-марксистов принадлежала Милица Васильевна Нечкина¹³⁹, даровитый ученый, увлеченно работавшая над новой тематикой, выдвинутой революцией (революционное движение, декабристы). Другие ученые — члены партии, имевшие за собой большой путь революционной борьбы. Среди них выделялась яркая фигура Владимира Ивановича Невского¹⁴⁰. Пропагандист, оратор, борец за идеи коммунизма, он старался увлечь этими идеями старую профессуру, заставить ее теоретически перестроиться. И надо сказать, что это ему в значительной степени удавалось. Во всяком случае он завоевал симпатии Яковлева, Бахрушина и других. Но были среди ученых-коммунистов и такие, которые считали, что профессоров прежней формации надо не перевоспитывать, а устранять с тем, чтобы их места занимали марксисты. К числу таких историков принадлежали Ванаг¹⁴¹

и Пионтковский. Их дальнейшая судьба была очень печальной: оба стали жертвой нарушения законности. Тем большая осторожность и справедливость нужны в их оценке сейчас. Но, мне думается, в их деятельности было много отрицательного. Они заняли руководящее положение в Институте, но у них не было достаточной профессиональной подготовки, а в теоретической области проявлялись левацкие загибы, ликвидаторские настроения в отношении дореволюционного научного наследия, стремление установить прямую зависимость научных идей от классовых интересов. Подобное упрощенчество не убеждало, а отталкивало. А их поведение — резкость, грубость — не способствовало идейному сплочению коллектива.

Неоднороден был и состав аспирантов. Вообще говоря роль РАНИИОНа в подготовке научных кадров очень велика. И Институт истории, просуществовав лишь несколько лет, выпустил из своих стен целую плеяду выдающихся исследователей и профессоров, на долгие годы занявших ведущее положение в исторической науке и обеспечивших ее высокий уровень. Достаточно назвать имена Дружинина¹⁴², Неусыхина¹⁴³, Зельина¹⁴⁴, Ерусалимокого¹⁴⁵, Поршнева¹⁴⁶, Манфреда¹⁴⁷, Смирин¹⁴⁸, и многих-многих других. В большинстве это представители беспартийной демократической интеллигенции, прошедшие хорошую профессиональную школу под руководством крупных ученых старшего поколения и осваивавшие марксистскую методологию. Конечно, освоение это произошло не сразу, были поиски, срывы, но путь был для всех один. Потому не правы те, кто хотел представить РАНИИОН как рассадник антимарксистского мировоззрения. Марксизм не хотели принимать на веру, особенно когда его внедряли люди, сами теоретически не слишком сильные, подменявшие его догматизмом. Названные и не названные мною по фамилиям аспиранты были люди культурные, они знали и иностранные языки, читали иностранную литературу — все ее модные новинки (Шпенглер, Трёлч и т. д.). Это молодежь ищущая, хотевшая сама разобраться в вопросах теории и сознательно приходившая к убеждению в правоте марксистской идеологии.

Наиболее интересными среди аспирантов, пришедших в РАНИИОН из университета, были, по-моему, в области русской истории Николай Михайлович Дружинин, в области всеобщей — Александр Осипович Неусыхин. Николай Михайлович был много старше всех нас. Он пришел в РАНИИОН обогащенный большим опытом — и научным, и революционным. Об этом он рассказал в недавно выпущенных автобиографических записках. Участник революционного движения в 1905 г., Николай Михайлович, будучи человеком очень целеустремленным, решил в дальнейшем, что нельзя совмещать революцию с наукой, и целиком отдался последней. Он овладел двумя специальностями (историк и экономист). Человек необыкновенно пунктуальный, точный, целеустремленный, умевший распределять свое рабочее время и не тратить ни минуты, он всегда успевал сделать больше, чем другие. Высокий, стройный, очень выдержанный и подтянутый, умевший держаться просто и с достоинством, Николай Михайлович производил обаятельное впечатление. Большой багаж знаний, широта кругозора и способность синтетически подходить к изучаемым явлениям выделяли его как ученого. Ему была присуща большая

принципиальность, и недаром о нем позднее стали говорить как о «совести исторической науки». Он уже в РАНИИОНовские годы был убежденным марксистом. Но независимость мысли, прямота суждений, отрицательное отношение к штампам были причиной того, что его взгляды брались под обстрел. Его критиковал М. Н. Покровский.

Интересным событием в РАНИИОНе была защита Дружининым диссертации. Вообще говоря, только два РАНИИОНовских аспиранта защитили диссертации — Дружинин и Неусыхин. Тем большее значение приобретают эти диспуты. На диспуте Дружинина¹⁴⁹ председательствовал В. И. Невский. Оппонентами были М. В. Нечкина и С. А. Пионтковский. Выступал также С. И. Мицкевич. Других выступавших не помню (в частности запамятовал, говорил ли что-либо Ваня). Народу было масса. Зал был переполнен. В качестве диссертации была представлена монография Дружинина о Никите Муравьеве. По-моему, это блестящее исследование, яркая страница декабристоведения. Меня особенно поразил мастерский, просто ювелирный текстологический анализ редакций «Конституции» Никиты Муравьева. На эту сторону дела обратил мое внимание Сергей Владимирович Бахрушин, сказав: «Смотрите, вот применение шахматовского метода к источникам нового времени». Но на диспуте говорилось не столько о профессиональном мастерстве Николая Михайловича, о достоинствах его труда, являющегося вкладом в науку, сколько о несоответствии диссертации требованиям марксистской методологии. Это утверждали и Нечкина, и Пионтковский. Я не помню всех их аргументов, но один момент запечатлелся в памяти. Милица Васильевна сказала, что понятие «аграрный капитализм», которым пользуется Дружинин, немарксистское. Николай Михайлович в своем ответе убедительно показал несостоятельность этого возражения и в частности сказал: «Я ссылаюсь на авторитет, который даже Вы, Милица Васильевна, должны будете признать, на авторитет В. И. Ленина; он же рассматривает сельско-хозяйственный капитализм». В зале раздались громкие аплодисменты, под их воздействием Пионтковский в своем выступлении бросил: «Термином аграрный капитализм пользоваться можно». Сказано это было настолько менторским тоном, что зал ответил смехом. Видя реакцию аудитории, Нечкина сделала вывод: «Среди присутствующих прошел фронт классовой борьбы». В спор с Милицей Васильевной вступил старый большевик С. И. Мицкевич. Он сказал примерно так: «Я знаю Николая Михайловича давно как убежденного последовательного марксиста, из замечаний же М. В. Нечкиной мне стало ясно, что она сама в марксизме разбирается довольно слабо».

В те времена ученые степени не присуждались. Результатом защиты диссертации являлось признание за соискателем права на работу в научно-исследовательских учреждениях и преподавание в вузах. Такое право получил Николай Михайлович (но, как будто, с какими-то ограничениями).

Вспоминая теперь тот большой, плодотворный путь, который на моих глазах прошел Николай Михайлович от аспиранта до академика, я многое, происходившее на его диспуте конца 20-х годов, расцениваю как следствие, во-первых, незре-

лости самой нашей науки, а во-вторых, нездорового характера критики. Я глубоко уважаю Милицу Васильевну Нечкину, сейчас тоже академика и яркого ученого, и хотя я несколько не сомневаюсь, что в своем выступлении на диспуте Николая Михайловича она была абсолютно искренна, думаю, что теперь она вспоминает об этом выступлении с чувством некоторой досады на себя.

Александр Иосифович Неусыхин — любимый и самый даровитый ученик Дмитрия Моисеевича || (тетр. № 28) Петрушевского. Обладатель фамилии, которая вызывала усмешки, внешне очень незаметный, маленький, невзрачный, немного неряшливо одетый, подслеповатый, в очках, он вызывал к себе несколько ироническое отношение тех, кто его близко не знал и не слышал его выступлений. Но стоило ему заговорить, и сразу становилось ясно, что это незаурядный ученый. В том, что он говорил и писал, всегда чувствовались большой интеллект, крепкая логика, ясная мысль. Он был силен в анализе источников и владел даром их обобщений, ибо у него был философский склад ума. Он начал не с истории. Первоначально готовился к профессии врача, и прошел несколько курсов медицинского факультета. Не знаю, как и почему это случилось, но знаю, что историком он был прирожденным, а медицина явилась отступлением в сторону от основного пути. В процессе научного творчества он шел к марксизму, но овладение этой теорией не было для него актом механическим и единовременным. Догматики же поискам предпочитали усвоение готовых формул и именовали Александра Иосифовича немарксистом. Где-то в конце 20-х годов Зельцер говорил, что его скоро нельзя будет использовать на педагогической работе. Он защищал в качестве диссертации монографию об общественном строе древних германцев. Там были положения (по вопросу о германской общине), от которых Александр Осипович потом сам отказался, но его и на диспуте и много лет после диспута упрекали в допшианстве. Сейчас уже Александр Иосифович умер, и вряд ли он нуждается в посмертной защите. За него говорят его дела, его книги, его ученики. И вспоминая сейчас о нем как аспиранте конца 20-х годов, я хочу лишь сказать, сколь поспешны иногда были в то время оценки.

Александр Иосифович был человеком большой культуры. Он хорошо знал художественную литературу, поэзию. Любил и цитировал Блока. Постоянно бывал на концертах в консерватории.

Жил он очень скромно и не только тогда, когда был аспирантом, но и когда стал доктором исторических наук, профессором, ученым мирового калибра. Две небольших комнатки на Малой Бронной (район-то какой хороший, старый студенческий), уставленные книгами, простая обстановка. До последнего времени не было даже телефона. На всем обиходе чувствовался отпечаток культуры. Дома между собой (он, жена, дочь) часто говорили по-немецки, чтобы не забывался язык. На стене большой портрет Дмитрия Моисеевича Петрушевского, которого Александр Иосифович глубоко любил и уважал, которому следовал в науке, в жизни. В этой маленькой квартирке Александра Иосифовича часто бывали друзья, ученики. Ученикам он давал очень много, с ними у него была крепкая связь — научная и чисто человеческая.

А. И. Черепнин,
дед Л. В. Черепнина

А. Н. Черепнина (урожд. Сабурова),
бабушка Л. В. Черепнина

В. А. Черепнин,
отец Л. В. Черепнина (ок. 1904)

Л. В. Черепнин
с мачехой М. И. Черепниной
и сестрой Т. В. Черепниной (ок. 1912)

Л. В. Черепнин
с сестрой Т. В. Черепниной (ок. 1914)

Л. В. Черепнин с мачехой М. И. Черепниной
и сестрой Т. В. Черепниной (Ялта, июль, 1919)

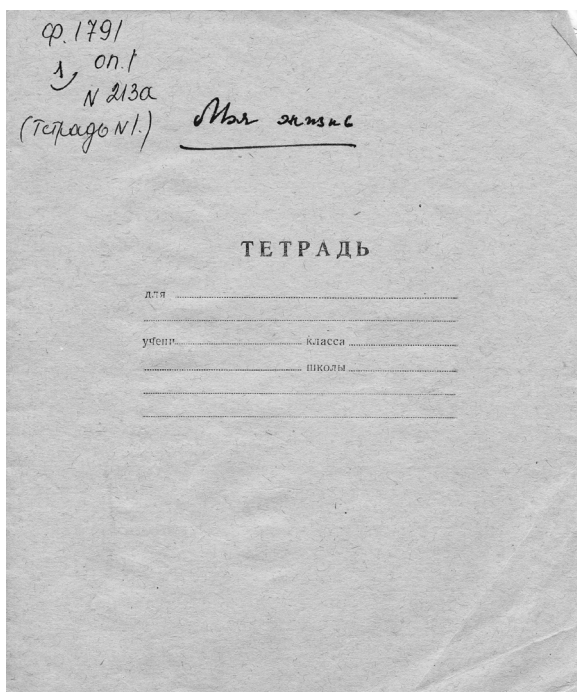

Л. В. Черепнин с женой Е. В. Гальпериной
на ВДНХ (нач. 1970-х)

Е. В. Гальперина

Обложка первой тетради
с заголовком текста воспоминаний Л. В. Черепнина

Л. В. Черепнин во время турпоездки
в Объединенную Арабскую Республику (Египет) 1963

1

Я давно уже собирался написать записки о
своей жизни. Замет? Не знаю. Вероятно, тем более,
чтобы еще раз пережить все прошедшее. Но сестра
накажет писать было трудно, и я все откладывал.
Теперь, дальше уже откладывать нельзя, ибо
не далеко от нас, когда будет поздно. Надо садиться
и пробовать.

Я родился 30 марта 1905 г. (по царскому сти-
лю) в Рязани, в доме моих дедушки и бабушки -
Алексея Ивановича и Анны Николаевны Черепни-
ных, находившейся на углу улиц Никольской и
Сотнической (ныне Октябрьской революции от быв-
шей Черепневова в честь Карла Маркса и Фри-
дриха Энгельса). Я давно не был в Рязани, говоря,
что она сильно изменилась. Но в своем намерении
был доверчивее, чем Иван. Житием губернский
Гвардейско-купеческий город. Непроходимый город, се-
ред которого находились провинции от бывшего в
указанном углу - Почтовый и Астраханский.
В центре - каменное здание Гвардейского собрания,

Первая страница первой тетради текста воспоминаний
Л. В. Черепнина «Моя жизнь»

распространение с 528

в углу с ним по саду. Захватывали при этом
и все в комнату свою... и не дожидаясь им - уверя-
сать, ссориться. Говорят, что много несправедли-
вости А. М. Писаревым А. Д. Сидоров, разбившие
ее отбили и тем самым ускорили ее смерть. Во-
звращаясь мне об этом А. Д. Мити. Так-им же не знаю
Человек секретарь в Мити отоме год
(при Грехове) был Виктор Иванович Шумков.

Последняя страница воспоминаний Л. В. Черепнина
(44-я тетрадь)

Чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлев,
учитель Л. В. Черепнина
(сер. 1940-х)

Чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушин,
учитель Л. В. Черепнина
(сер. 1940-х)

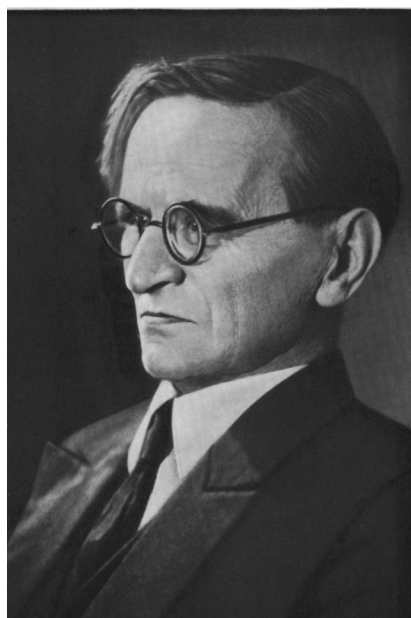

А. И. Яковлев (сер. 1930-х)

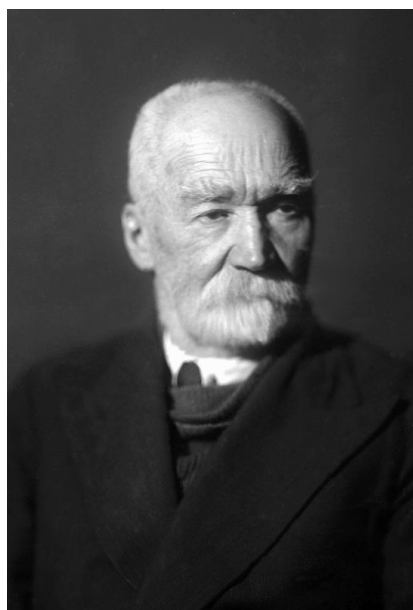

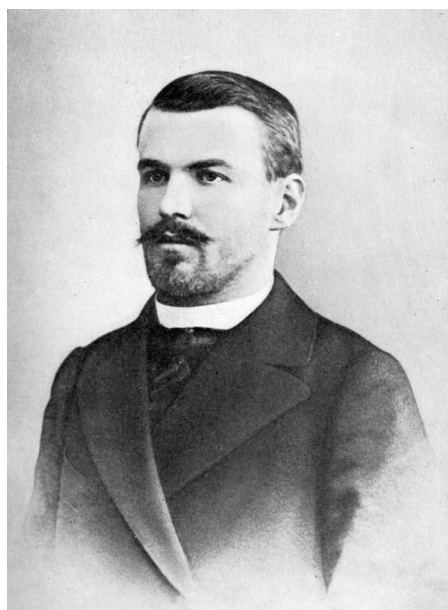
Портрет С. Б. Веселовского.
Рисунок его сына Евгения (1923)

Академик С. Б. Веселовский
(сер. 1940-х)

Академик Д. М. Петрушевский
(сер. 1930-х)

Н. П. Павлов-Сильванский

Академик А. А. Шахматов

Чл.-корр. АН СССР А. Е. Пресняков

И. К. И.

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
Научно-Исследов. Институтов
Общественных наук

13 мая 1930

г. МОСКВА, Волхонка 19
Телефон 5-45-36

СПРАВКА.

Дана Л.В.ЧЕРЕПНИНУ в том, что он в 1925 году сдал приемные испытания в объеме ВУЗа для зачисления в число аспирантов Института Истории Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов Общественных наук /РАНИОН/ и представил письменную работу по русской истории "Закрепощение служилых людей в 17 веке", признанную удовлетворительной.

Секретарь Отдела Подготовки РАНИОН: *Г. Рыбкин* /РЫБКИН/

Справка Института истории РАНИОН от 13.05.1930 г.
о сдаче Л. В. Черепниним приемных испытаний в объеме ВУЗа в 1925 г.
при поступлении в аспирантуру

Академик А. С. Лаппо-Данилевский
(нач. 1900-х)

Академик С. Ф. Платонов
(сер. 1920-х)

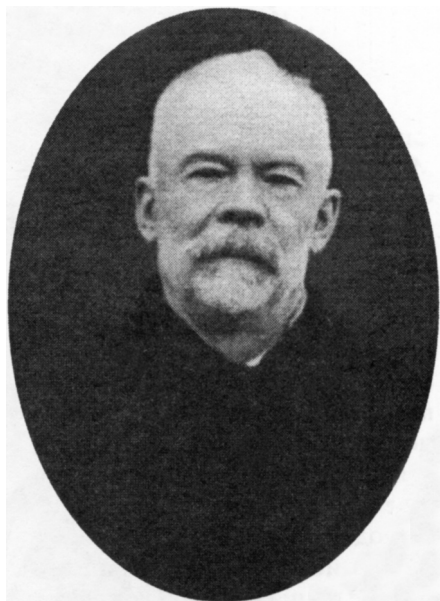

Академик Н. П. Лихачев
(нач. 1900-х)

Профессор П. Г. Васенко

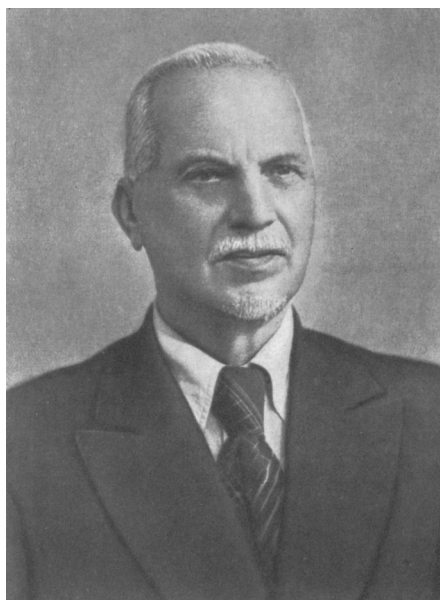

Академик М. М. Богословский
(нач. 1920-х)

В. И. Невский
(ок. 1910)

Чл.-корр. АН СССР
С. К. Богоявленский (сер. 1940-х)

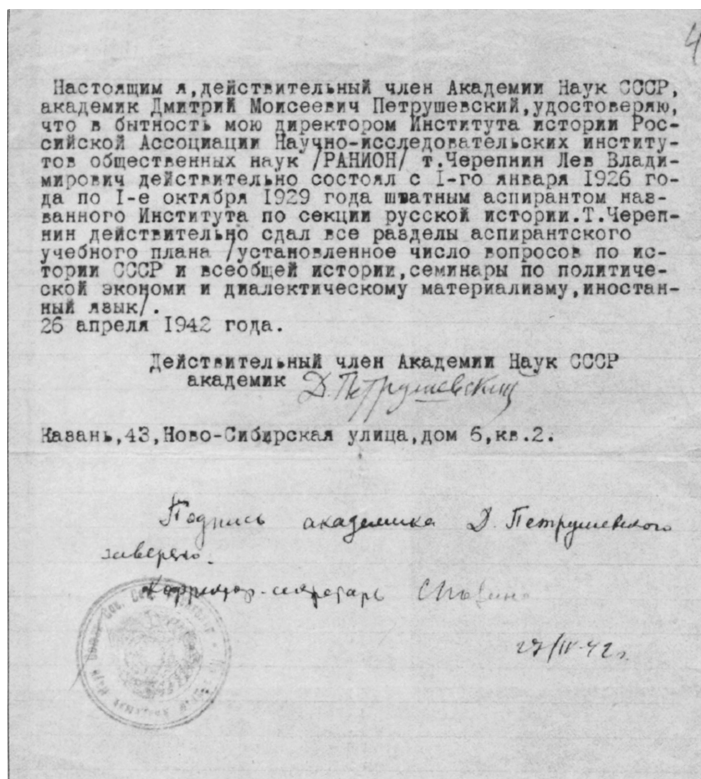

С. Н. Валк (1960-е)

Л. В. Черепнин (сер. 1940-х)

Письмо-справка академика
Д. М. Петрушевского от 26.04.1942 г.
с его заверенной подписью, подтверждающая
выполнение Л. В. Черепниным всех разделов
аспирантского курса в Институте истории
РАНИОН

Профессор П. П. Смирнов
(кон. 1930-х)

Профессор А. Н. Сперанский
(кон. 1930-х)

Профессор А. И. Андреев
(сер. 1940-х)

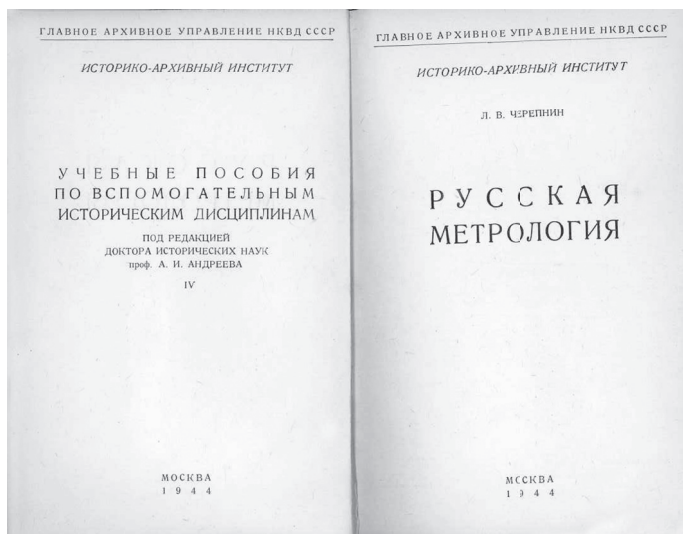
Л. В. Черепнин выступает
на заседании Ученого совета МГИАИ
(сер. 1940-х)

Заседание кафедры вспомогательных
исторических дисциплин
летом 1949 г. в «Теремке».
В центре В. И. Самойлов (зав. кафедрой),
справа от него Л. В. Черепнин,
А. Т. Николаева, второй слева С. О. Шмидт

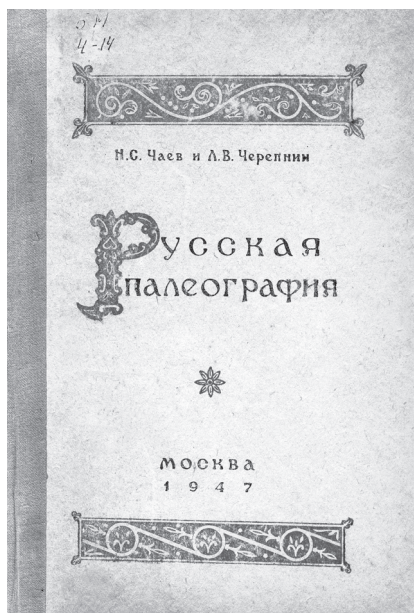
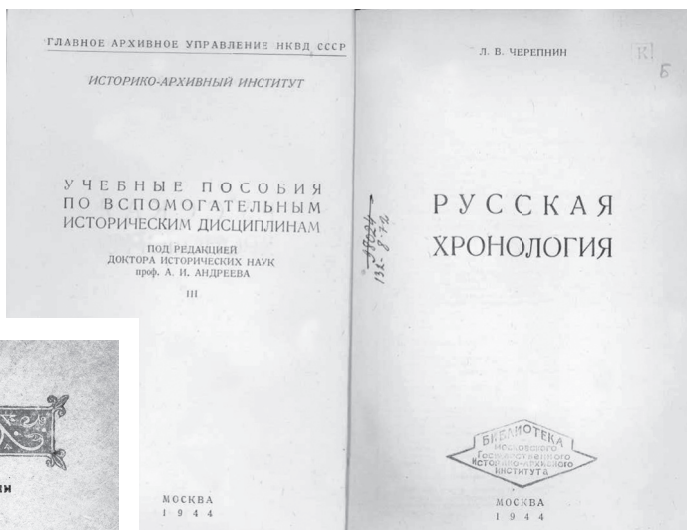

Черепнин Л. В.
Русская метрология.
Учебное пособие.
М., 1944. Титулы

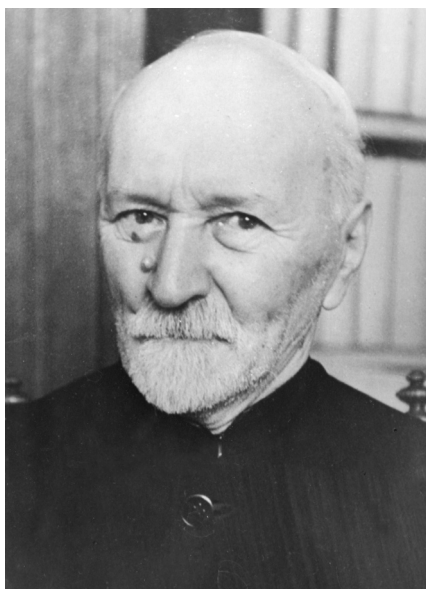
Черепнин Л. В.
Русская хронология.
Учебное пособие.
М., 1944. Титулы

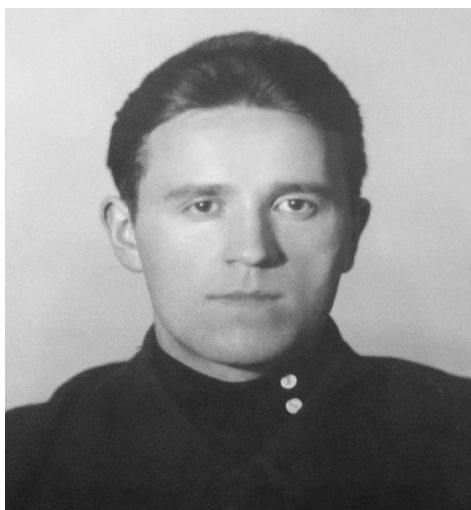
Чаев Н. С., Черепнин Л. В.
Русская палеография. М., 1947. Обложка

Профессор И. И. Полосин
(сер. 1940-х)

Доктор исторических наук
И. А. Голубцов (1950-е)

В. Н. Шумилов (ок. 1940)

Умер Александр Иосифович недавно. В это время ему было уже за семьдесят. Я не присутствовал на похоронах, находился в это время далеко от Москвы, в Риме¹⁵⁰. Но мне рассказывали потом, что последние проводы были овеяны большой теплотой и какой-то душевной чистотой.

Вернусь к РАНИИОНу, к его аспирантам. Ведущая роль в Институте, естественно, принадлежала членам партии (хотя численно беспартийных было больше). У некоторых аспирантов руководителями были историки-коммунисты. Эта партийная и беспартийная молодежь и составляла кадры воинствующих марксистов. Среди них были разные люди. Некоторые очень способные: таковы, например, Парадизов¹⁵¹, ученик В. И. Невского, занимавшийся декабристами, или Ульянов¹⁵², написавший потом неплохую книгу об истории коми, или Троицкий, с успехом изучавший летописи (особенно новгородские), последователь Шахматова. Серьезно работал над тематикой XVIII—XIX вв. Гайсинович. Были и люди довольно заурядные, с небольшим запасом знаний, с недостаточной культурой, но стремившиеся восполнить эти недостатки. Таким встает в моей памяти аспирант Анатолев. Были, наконец, люди просто тупые, вроде Буркина¹⁵³ (он впоследствии, как будто, работал в Смоленске). Вели себя аспиранты по-разному: одни стремились взять из старой науки все полезное, другие держали себя по отношению к старым ученым непримиримо. Иногда подобная непримиримость (в принципиальных вопросах) была нужна, иногда же приносила вред. Значительный вред лежит, по-моему, на совести двух аспирантов — Бернштейна и Зельцера. Один занимался всеобщей историей, другой — русской.

Бернштейн был первым мужем Энны Адольфовны Желубовской¹⁵⁴, тогда тоже аспирантки РАНИИОНа. Это был человек неглупый, с хорошо подвешенным языком, довольно смазливый (именно, смазливый, а не интересный или красивый). Он стремился сделать карьеру, хотя как человек хитрый, делал ее умело, не выявляя слишком открыто своих намерений. Он старался обострять отношения среди аспирантов, между аспирантами и профессурой, и делал это искусно, используя ту идеологическую борьбу, которая в действительности шла¹⁵⁵.

Такое же поведение характерно для Зельцера, только у него все это получалось грубее. И внешний облик был более неприятный. Весь сгорбленный, слезящиеся глаза, прыщеватая кожа, засаленные, в перхоти волосы, мелкие черты лица. Он приехал в Москву откуда-то из провинции. Высшего образования у него не было и вообще был очень необразован, не говоря уже о том, что не получил никакой школы работы с источниками. Но от природы был неглуп, обладал хваткой, умел быстро ориентироваться в обстановке и найти выгодную для себя позицию. Он присвоил себе роль марксистского лидера, хотя сам в своих работах применял марксистскую методологию не творчески, был начетчиком. Его «воинственность» в разоблачении ряда профессоров и аспирантов как немарксистов дала отрицательные результаты, ибо проявлялась в грубых формах и исходила от лица неквалифицированного. Многих аспирантов, особенно коммунистов, захватила трагедия конца 30-х годов, они были репрессированы и больше не вернулись. Уцелели, вроде

Буркина, немногие. Странной была судьба Ульянова. Он преподавал в Ленинградском университете, затем был посажен, как-то попал на войну, а сейчас — профессор в Соединенных Штатах Америки. Там его встретил бывший в командировке В. В. Мавродин. По словам Мавродина, Ульянова привлек к научно-педагогической деятельности Вернадский.

В РАНИИОНовские годы я много работал в архивах. О работе в Центральном государственном архиве древних актов я уже говорил. Много времени я проводил также в рукописном собрании Исторического музея. Там я изучал списки Нового летописца, там же перекопировал книгу копий с актов Московской митрополичьей кафедры. Ее мне рекомендовал изучить Степан Борисович Веселовский, и я предполагал написать на ее основе диссертацию (о митрополичьем землевладении), которая требовалась для окончания РАНИИОНа. Тогда я этого сделать не успел. Но позднее диссертацию на указанную тему написал и защитил ее в 1942 г. Воспоминание о работе в Историческом музее приятно для меня еще и потому, что связано с личными воспоминаниями. В архиве Музея, помещавшемся над рукописным собранием, занималась в то время Таня Бакунина, готовившая работу о хозяйстве Куракиных. Я старался попасть в Музей в одно время с ней, чтобы уйти оттуда вместе с ней. Иногда удавалось, иногда нет.

Зал рукописного собрания не изменился с тех пор до наших дней. Те же большие столы с пюпитрами для рукописных книг. Те же рукописные богатства по стенам. Так же, как и раньше, музейные служащие работают в одном зале вместе с читателями. Только люди в большинстве уже другие. В годы, о которых идет речь, за крайним столом налево сидел заведующий рукописным отделом Михаил Нестерович Сперанский¹⁵⁶, судя по снимкам, очень похожий на своего брата, известного педиатра. Перед ним всегда лежала какая-нибудь рукопись, которую он изучал. Следующий стол, ближе к двери, занимал Александр Дионисьевич Седельников, маленький, худенький, болезненный, заикающийся, но проникновенный ученый, в дальнейшем репрессированный и загубленный. Первый стол влево от двери принадлежал Марфе Вячеславовне Щепкиной¹⁵⁷. Была она естественно намного моложе, но характер, по-моему, столь же неприятный, Несколько особняком, за одним из столов, общих с читателями, помещался заведующий синодальным собранием Николай Петрович Попов, колоритный, кряжистый старик, обросший волосами, в сапогах. Иногда все они сидели молча, погрузившись в рукописи. А иногда, устав молчать, вдруг начинали говорить, причем говорили громко, на весь зал, не стесняясь читателей, здесь бывавших. Правда читателей обычно сидело немного. А темы разговоров выбирались разные, не только научные, но и бытовые, житейские. Стесняться им было нечего. Они находились у себя дома, ибо рукописный отдел являлся для них домом.

Желая просмотреть как можно больше списков Нового летописца, я в 1926 или 1927 году решил съездить для этого и в Ленинград. Правда, это была лишь одна из причин, а может быть, скорее повод. Главное же, мне вообще хотелось увидеть этот город. В Ленинграде жила сестра моей покойной матери Елизавета Ивановна

(с ней когда-то был роман у Федора Константиновича Рындина, для нее он бросал семью). Теперь она была замужем за Ильей Соломоновичем Гривниным, юристом по образованию, и имела от него трех сыновей. Характерно, что отец Елизаветы Ивановны, мой дед, архиерей, дал свое согласие на брак, хотя будущий зять был еврей. Я написал письмо тетке и просил у нее разрешения остановиться. Получил ответ — очень теплый, любезный, приветливый. Писала, что рада будет меня видеть. И я поехал. Жили Гривнины на Петроградской стороне в пятикомнатной квартире. Одну комнату занимала младшая сестра Елизаветы Ивановны — Татьяна Ивановна, моя другая тетка. Больше с этой семьей (хорошей семьей) мне видиться не пришлось. Знаю, что накануне Отечественной войны все они еще были живы, что случилось с ними во время войны и Ленинградской блокады — не знаю¹⁵⁸.

В Ленинграде в тот раз я пробыл около двух недель. Изучил город и полюбил его. Когда ходил по Ленинграду, то переносился мысленно во времена то Петра, то Пушкина, то Блока. Много я видел впоследствии городов — и Париж, и Лондон, и Стокгольм, и Бухарест, и Бейрут — но ни один не затмил в моем сознании красоты Ленинграда. Трудно сказать, что хуже, что лучше, но не сравним Ленинград ни с чем. И красота Невы не померкнет перед Темзой или Сеной. Я познакомился со всеми памятниками, побывал в музеях и был полон впечатлений. Есть у меня особенно любимые уголки в Ленинграде: памятник Петру («Медный всадник»), Летний сад, — когда приезжаю, всегда провожу там (если есть возможность) несколько часов.

Поездка была продуктивной и в научном отношении. Поработал в Публичной библиотеке, в Академии наук. Нашел неизвестные мне списки Нового летописца. У меня были рекомендательные письма Алексея Ивановича Яковлева, и я познакомился с С. В. Рождественским¹⁵⁹, А. И. Андреевым¹⁶⁰. Был в особняке Н. П. Лихачева¹⁶¹ (теперь там Ленинградское отделение Института истории), и этот маститый старец сам водил меня (мальчишку) по своему собранию, показывал свои богатства. Платон Григорьевич Васенко¹⁶² пригласил меня к себе домой в гости. Жил он бедно. Остался вдовцом с большой семьей. За чайным столом сидели маленькие девочки, за ними присматривали две пожилые женщины — сестры хозяина. Царила патриархальность. Чувствовалось почтение к хозяину дома, главе семьи. После чая не только дочери, но и сестры благодарили его: «Спасибо, Платон». С письмом от Яковлева был у Сергея Федоровича Платонова¹⁶³. В моем представлении того времени это был классик. И то, что я сижу у него в кабинете и он запросто со мной беседует, казалось чудом, чем-то нереальным. Ему, вероятно, было жалко терять на меня время, но он был вежлив, холодно приветлив, как человек воспитанный, выполняющий долг гостеприимства || (тетр. № 29) имства. Расспрашивал о моей работе над Новым летописцем, просил рассказать о моих наблюдениях. Очень подтянут, очень умеет себя держать. В фигуре, в осанке что-то петербургски-чиновничье, в лице что-то лисье. В целом колоритный облик главы петербургской школы историков, ученого, занимающего высокий пост и поэтому в какой-то мере бюрократа.

Теперь скажу немного о своих родственных отношениях. Семья Бернацких переехала в Москву. Таня вышла замуж за биохимика Николая Владимировича Сабурова. Свадьбу справили в Рязани накануне переезда, отпраздновали шумно, по всем правилам старины. Венчали их в Никольской церкви, находившейся рядом с черепнинским домом, там, где венчали, крестили, хоронили многих представителей семьи Черепниных. Я ездил на свадьбу в Рязань и был шафером. Перед этим я побывал в Рязани в связи с событием печальным — смертью бабушки Анны Николаевны. Отпевали ее в той же самой церкви.

В Москве Таня с мужем и матерью поселились вместе с Александром Алексеевичем Черепниным, моим дядей, и его женой. Николай Владимирович работал в Институте народного хозяйства имени Плеханова, впоследствии стал доктором наук и профессором. Таня училась и тоже получила специальность биохимика. С течением времени у них появились три дочери — Оля, Наташа, Таня. Сейчас это уже взрослые люди, имеют свои семьи. От родителей они унаследовали склонность к точным наукам. Второй муж Таниной матери, Павел Павлович Карякин, военный медик, жил отдельно, но опекал всю семью, трогательно о ней заботился. Александр Алексеевич служил по финансовой части. Я часто бывал в доме Сабуровых. Они были очень гостеприимны, особенно в дни семейных торжеств. В Екатеринбург день, Татьянин день, Николин день справляли именины тетки, Тани, Николая Владимировича, собирались гости, родственники, бывало шумно, весело.

Старшая дочь Екатерины Алексеевны Ольга Николаевна Телишева переехала вместе с мужем Александром Евгеньевичем и дочкой Женей в Касимов. Александр Евгеньевич работал там в адвокатуре. Касимов — маленький городишко, полутатарский-полурусский, на берегу Оки. Это прекрасное место для летнего отдыха. Особенно приятно путешествие туда водой, на пароходе, по рекам Москве и Оке. Я бывал не раз у Телишевых. Первый раз поехал туда в 1926 или 1927 г. с теткой Екатериной Алексеевной, двоюродной сестрой Таней Сабуровой и моей приятельницей по университету Надеждой Ивановной Приваловой, которая хотела поработать в касимовском архиве над темой о торговле города Касимова. Я прожил там недели две, а затем, оставив родственников в Касимове, поплыл с Надеждой Ивановной в Нижний Новгород (она уроженка этого города), а оттуда отправился поездом в Москву. В Нижнем я пробыл дня два, осмотрел город, кремль, побывал в монастыре, расположенном вдали от города.

По-прежнему у меня сохранялись очень дружественные отношения с Вадимом Рындиным. Он женился второй раз. В Сочи познакомился с молоденькой девушкой Ниной, дочерью ленинградского врача, и предложил ей стать его женой. Она ничего собой не представляла ни внешне, ни по содержанию, не имела никакой профессии, получила лишь среднее образование, но Вадиму после первого брака с уже пожившей женщиной, после довольно сумбурной жизни в среде богемы, сопровождавшейся частыми винными возлияниями, ночными сборищами, беспорядочными отношениями с женским полом, казалось, что хорошая, чистая девушка поможет ему обновиться, стать другим, изменить свое поведение. Здесь было мно-

го наивного и слегка истеричного. Но Вадим был вообще фантазером и при своем огромном даровании всегда отличался некоторой неуравновешенностью. Так, чтобы сделать свой брак с Ниной более крепким и идеальным, он — сын человека, всегда иронизировавшего по поводу религии и попов, и сам не принадлежавший к числу верующих христиан, — решил освятить его венчанием в церкви. По душе это пришлось естественно матери Вадима — Евгении Алексеевне, которая ездила на свадьбу в Ленинград. Но венчание не помогло сделать новый брак крепким и счастливым. Первое время Вадим чувствовал удовлетворение, стал строить семью. Родилась у него дочка Маша, похожая на него и, как потом оказалось, имевшая тоже художественное дарование. Но скоро семейная жизнь стала Вадима тяготить. Он не терпел однообразия. Ему все время нужна была смена впечатлений. А Нина его не удовлетворяла. Она не была интересным человеком. В ней было много мещанского. А тут еще раздражали материальные недостатки. Новая семья проскрипела однако несколько лет и распалась, когда Машке было уже лет шесть-семь. Бросил Вадим Нину некрасиво (это один из нехороших его поступков). Нина уехала с Машей в Ленинград к больному отцу. Проводив их на вокзал, Вадим сразу привез к себе в квартиру (он жил тогда уже не на Волхонке, а на Покровке) новую жену, а Нине послал письмо, чтобы она больше в Москву не возвращалась. Когда ему указывали, что он поступил непорядочно, он отвечал, что в такого рода делах сохранить порядочность невозможно. А мне он говорил про Нину: «Ведь я никогда ее не любил». Я напоминал ему другие слова, им сказанные в то время, когда Нина была еще его невестой: «Эта чистая девушка поможет мне переродиться». Он или улыбался, или досадливо махал рукой. Когда все улеглось, я не раз подшучивал над Вадимом, что он хотел «спастись» при помощи идеальной «юницы», но ничего не вышло, ибо пороки были слишком сильны.

Где-то в середине 20-х годов Вадим поступил в Камерный театр. Здесь он нашел свое призвание в качестве мастера театральной живописи. Таиров¹⁶⁴ сразу оценил дарование Вадима, понял, какой это крупный художник. Вадим ввел и меня в среду Камерного театра. Благодаря ему я просмотрел все прогремевшие тогда постановки: «Адриена Лекуврер», «Жирофле-Жирофля» и другие. Читая растянувшиеся в журнале «Театр» на ряд номеров и даже лет записки Алисы Георгиевны Коонен¹⁶⁵, я воссоздавал в своей памяти просмотренные мною спектакли. Некоторые из них шли очень недолго, например «Багровый остров» Михаила Булгакова. Но я не только смотрел постановки из зрительного зала, а познакомился и с закулисной стороной. Бывал на сцене до или после спектаклей, заходил в артистические уборные. Принимал участие и в устраивавшихся в театре товарищеских вечерах, ужинах. Помню одно такое чествование какого-то старого рабочего. В фойе был накрыт длинный стол. За столом собрались все артисты и работники театра. В центре — Таиров и Коонен. Напротив их — юбиляр с женой. Речи, тосты, поздравления. После каждого выступления юбиляр с супругой встают и благодарят. Юбиляр прочувственно говорит: «Все, что имеем сейчас мы, рабочие люди театра, дала нам советская власть; спасибо ей». Поднимается Таиров: «Да, все мы

любим и ценим советскую власть, я хочу только сказать, что наш театр всегда, и до революции, и до победы советской власти, шел в ногу с рабочим классом, работал для народа». Вспоминаю и другое застольное сборище (не помню только по какому поводу). Таиров получает тут же, за столом, срочное известие, поднимается и говорит: «Товарищи, прошу встать; скончалась Мария Николаевна Ермолова». И произносит горячее слово ее памяти.

Вадим познакомил меня с рядом артистов. Особенно близок он был с Федоровским, Ганшиным, а также с заведующим осветительной частью Самойловым. У Вадима была при театре своя мастерская, там часто собирались артисты и устраивали (надо быть откровенным) небольшие (а иногда и большие) кутежи. Таиров заходил туда редко, а Лукьянова (режиссера), попыхивающего трубкой, я встречал там довольно часто.

Это было время расцвета Камерного театра. Он считался передовым, новаторским, совершил ряд поездок по стране и за границу.

В РАНИИОНовские годы я впервые побывал на Кавказе. Один раз ездил летом отдыхать в Сочи, другой — на минеральную группу*, в Кисловодск, Пятигорск. Повидал местные красоты и достопримечательности. Оба раза возвращался полный впечатлений. Но все грандиозное величие Кавказа не затмило в моем восприятии красот Крыма. Кавказ подавляет своим величием, а Крым чарует мягкостью, нежностью. И даже море, одно и то же Черное море, кажется неодинаковым у кавказских и у крымских берегов. Крым мне ближе, роднее, может быть, потому, что с впечатлениями от него связаны воспоминания о моей юности.

К началу 1929 г. заканчивался срок пребывания в аспирантуре. Но всем аспирантам, принятым вместе со мной, его продлили до 1 октября 1929 г. Свой план работ по историческим проблемам и вопросам марксистской теории я выполнил. Прошел также полагающуюся для окончания педагогическую практику: кажется, в 1928 г. меня направили в Первый государственный университет, где я должен был ассистировать Сергею Владимировичу Бахрушину в его семинаре. Обще-ственно-педагогического факультета в то время уже не было, существовал, помнится, факультет историко-этнологический, где Бахрушин и проводил занятия. Случилось, что тема семинара была та же, по которой и мне когда-то пришлось работать у Бахрушина в университете в качестве вольнослушателя: «Повести о смутном времени»**. Это было удачно, так как я оказался достаточно подготовленным к роли ассистента. Я консультировал студентов во время подготовки ими докладов, а на обсуждении Сергей Владимирович предоставлял мне слово после того, как выступят все студенты, а затем уже сам подводил итоги. Всегда был очень тактичен, учитывал мое мнение, ссылаясь на него, а если был в чем-нибудь со мной не согласен, то не противопоставлял свое мнение моему, а говорил, что возможны две точки зрения, вел научный спор. Как-то во втором полугодии Бахрушин сказал,

---

* Так в рукописи.

** В рукописи описка: «временем».

что хочет передать мне семинар полностью, чтобы я довел его до конца самостоятельно. Но тут же от этого намерения отказался: «Нет, уж давайте вместе, я ведь очень люблю работать со студентами».

Итак, пройдена и педагогическая практика. Я полностью выполнил свои аспирантские обязательства. Правда, остается диссертация, но по новой программе она была выведена за пределы аспирантского срока. Значит все? Нет не все. Тут-то и начинаются мои неприятности. Уже при переаттестации 1928 г. (нас переаттестовывали ежегодно) возник вопрос о моем отчислении из института. Мотивировалось это тем, что я не марксист. Формальных данных для такого суждения не было. При обсуждении докладов их методология не критиковалась (доклад о марксизме и веберьянстве я делал уже после переаттестации, когда впервые официально меня объявили немарксистом). Предложение об отчислении основывалось, очевидно, на общем обо мне представлении. Правильно ли оно было? Сейчас я обязан ответить на этот вопрос искренне, ибо с тех пор прошло уже много лет, и я могу говорить спокойно и объективно. Да, я тогда еще не овладел по-настоящему марксистской методологией и вообще недостаточно работал над теоретическими проблемами. Я больше был озабочен усовершенствованием своей источниковедческой техники и восстановлением исторического прошлого в его конкретности. Но этому были причины. Меня пугали обобщения, не подтверждаемые достаточным количеством фактов, то, что потом стало называться «голой социологизацией». Меня не удовлетворяло применение стандартных отмычек (типа «торгового капитала») к объяснению сложных явлений. В то время марксистская концепция русской истории вообще отождествлялась со схемой Покровского, а в его схеме было много вульгаризаторского. Но я шел к марксизму, шел путем изучения социальных процессов. И в моих работах того времени не было ничего плохого. На них ссылаются и сейчас. Я считаю, что объективных данных для того, чтобы изгонять меня из науки, не было. Но мои субъективные качества и поступки были, очевидно, не всегда правильными. Я был слишком самоуверен и не прислушивался к замечаниям ряда работников института из числа коммунистов (того же Ванага или Пионтковского), не говоря уже о своих товарищах (вроде Зельцера). При всех их отрицательных чертах, и научных, и чисто человеческих, они, как убежденные марксисты, что-то могли и дать. Вячеслав Петрович Волгин говорил мне тогда: «Ведь вы понимаете, что при решении вопроса о переаттестации голос аспирантов играет большую роль: почему у вас такие ненормальные отношения с товарищами?» Да, я был не прав, позволяя себе высмеивать некоторые попытки дать марксистское понимание тех или иных вопросов истории при недостаточном знании источников и фактов. Нужна была товарищеская помощь, а не наскоки, к которым я иногда прибегал и которые воспринимались как наскоки на марксизм.

Мое положение при переаттестации 1928 г. было очень подударным. Но за меня вступились. Не говоря уже о Петрушевском, настаивавшем на моем оставлении, поддержали меня Невский, Волгин. Долго упорствовал Ванаг, потом и он сдался, и я остался.

Тогда же я стал думать об устройстве на работу. Алексей Иванович Яковлев, бывший в то время директором Научно-технической библиотеки ВСНХ, взял меня к себе. Работа там была малоинтересная. И литература от меня далекая, и обязанности далеко не творческого характера: выдача книг читателям, инвентаризация и т. д. Но рабочая атмосфера была хорошая. Коллектив дружный. Алексей Иванович, кроме меня, привлек и других историков: Сергея Александровича Никитина, Сергея Сергеевича Годзяцкого. Работали в библиотеке Алла Дмитриевна Егорова — дочь профессора Дмитрия Николаевича Егорова, молоденькая девушка Валентина Антоновна Вержбицкая, ставшая женой Годзяцкого (впоследствии она была лаборанткой в Институте славяноведения). Между тем окончился мой срок пребывания в аспирантуре — октябрь 1929 г.¹⁶⁶ Аспирантов одного со мной года поступления в РАНИИОН распределили для преподавательской деятельности по высшим учебным заведениям: московским и провинциальным. За мной осталась квалификация «не марксист», и мне выдали только справку о прохождении аспирантуры и оставили без распределения. Владимир Иванович Невский взял меня в библиотеку имени В. И. Ленина, где он был директором. Навсегда я сохраняю благодарную память о Владимире Ивановиче, этом прямом, честном, доброжелательном человеке, коммунисте, чуждом перестраховок, верившем людям и стремившемся им помочь. Коммунисты типа Пионтковского Невского не любил. «Криклив и демагогичен», — говорил мне о нем Пионтковский. А это была не крикливость и не демагогия, а постоянная, откровенная связь с людьми, желание говорить с ними полным голосом и обо всем, что их волновало.

Меня назначили помощником заведующего отделом рукописей Григория Петровича Георгиевского. Фигура любопытная! Небольшого роста, с подслеповатыми глазами, с морщинистым лбом, он ходил как-то крадучись, говорил, наклоняясь к собеседнику, полупшепотом, чего-то не договаривая, как будто сообщал секрет, но сообщал неполностью. Постоянно потирал руки. Даже не знаю, кого он напоминал: то ли Смердякова, то ли Иудушку Головлева. При царизме был он черносотенцем, говорят, даже членом союза Михаила, архангела. После Октябрьской революции его сажали, но обычно ненадолго, скоро выпускали. Был Григорий Петрович религиозен, соблюдал праздники. В то время учреждения работали по скользящей пятидневке, поэтому воскресенья часто были рабочими днями. Но Григорий Петрович как по воскресеньям, так и по другим церковным праздникам обязательно шел с утра в церковь и только по окончании обедни приходил на службу. Приходил какой-то благообразный, елейный, приодетый и еще больше, чем в будни, потирал руки. Его главная работа заключалась в приеме посетителей и разговорах с ними. Попасть в отдел рукописей можно было, пройдя в здание библиотеки через двор в Ваганьковском переулке и минуя гардероб, через дверь направо. Дверь была всегда заперта, и читатели должны были звонить. На звонок выходила уборщица Наташа (женщина уже немолодая, Наташей ее звали по старинке), отпирала дверь и проводила посетителя через длинный коридор в комнату, где за столом сидел Григорий Петрович. В следующей комнате был читальный зал отдела руко-

писей, и там сидел я (в мои обязанности входило и заведование читальным залом). Рабочий день Григория Петровича проходил в разговорах с посетителями, причем заходили к нему не только читатели, но и служащие библиотеки. Часто бывали Шамбинаго, Готье. Меньше всего говорили о делах или о науке. Главные же темы — политика в обывательском преломлении, библиотечные и просто жизненные сплетни. В полдень Григорий Петрович уходил обедать домой (он жил рядом, в доме библиотечных служащих) и возвращался часа через полтора. Ключи от рукописных хранилищ Григорий Петрович никому не доверял, даже мне — своему помощнику. И если его не было на месте, то читатель нужных рукописей получить не мог. Вообще на читателей Григорий Петрович смотрел как на зло (хотя и неизбежное). Главной целью своей деятельности считал выдать им рукописей как можно меньше, а скрыть от них рукописных богатств как можно больше. В тех случаях, когда имелись печатные описания коллекций, он, конечно, поделаться ничем не мог, а то, что не было описано, прятал. Была у Григория Петровича одна чисто человеческая привязанность — внук, сын его дочери от первого брака с сыном хирурга Мартынова. Счастливый мальчик! Оба деда души в нем не чаяли. Григорий Петрович отдавал ему все свое свободное время, летом брал его с собой в отпуск на юг, а на службе постоянно о нем рассказывал.

Среди служащих отдела рукописей сразу привлекал внимание Евтихий Иванович Усов. Старообрядец-начетчик, говоривший на «о». Старец иконописного типа, высокий, высохший, с длинными белыми волосами, с остроконечной большой бородой. Ходил он в сапогах и какой-то поддевке. Сидел в особой комнате и разбирал старообрядческие рукописи.

Над читальным залом помещалась комната, где хранились рукописные материалы Толстого — в просторечии «толстовский кабинет». Им заведовал старичок Грузинский, который вскоре после моего поступления в библиотеку умер.

Совсем в другом конце библиотеки оторванно от читального зала находились владения Николая Михайловича Мендельсона¹⁶⁷ и Елизаветы Николаевны Коншиной. Когда-то этот филиал отдела рукописей именовался «комнатой 40-х годов». Там были материалы по истории литературы и общественной мысли XIX в. Николай Михайлович — милейший человек, щепетильный, деликатный, какой-то трогательный, ученый большой добросовестности, не требующий от науки ничего лично для себя. Елизавета Николаевна Коншина — большой труженик, которому наука обязана описанием ряда рукописей писателей и общественных деятелей и ценными публикациями. По-моему, она еще и сейчас работает в библиотеке.

Одновременно со мной в отдел рукописей поступил Андрей Александрович Сабуров. Он вместе же со мной был принят в РАНИИОН и вместе со мной его окончил. Поскольку он (как и я) держал экзамен по истории, очевидно, исторического вуза он не закончил. Как будто, он кончал высшее учебное заведение какого-то другого профиля: видимо, литературного. В РАНИИОНе ему не очень повезло. Его научный руководитель Михаил Михайлович Богословский от него отказался.

Попал под опеку Алексея Ивановича Яковлева, но ушел от него сам. Наконец, перешел к третьему руководителю Александру Евгеньевичу Преснякову, написал доклад, который на секции разгромили как поверхностный. А человек он был совсем не бездарный, скорее даже яркий. Просто, очевидно, привлекала его не сфера социально-экономических отношений, а идеология, культура, общественная мысль. Когда я вспоминаю РАНИИОНовские времена, в моей памяти встает Сабуров не только как аспирант, но и как теннисист. Увлекался теннисом и на теннисной площадке нашел свою судьбу — девушку, на которой женился. Как-то встретил его живого, оживленного, с теннисной ракеткой, начал разговор о каких-то аспирантских докладах, а он мне — реплику: «Знаете что, в пятьдесят лет голова может быть занята одними докладами, а в двадцать пять лет только этим жить нельзя». Ну я понял, что сейчас его голова занята действительно другим. Семейная жизнь, по-видимому, удалась. В отделе рукописей, где мы с ним работали, много говорил о маленькой дочке. Затем сказал, что ждет сына. Но оказалась опять дочка. И это его тоже обрадовало. «Когда рождается новый человек, — делился Андрей Александрович со мной и Григорием Петровичем, — то забываешь, кого ждал — мальчика или девочку, радуешься вообще появлению новорожденного». В научной области Сабуров перешел на историю литературы. Изучал записки Печорина, потом писал о Толстом, о «Войне и мире». Из отдела рукописей ушел — почему, не знаю; мои пути с ним разошлись с 1930 г. Умер он очень рано, лет пятидесяти, и опять-таки не знаю, чем вызвана была такая ранняя смерть.

Из служащих отдела рукописей остается сказать еще несколько слов о Наташе. Кроме выполнения обязанностей привратницы, она еще нумеровала карандашом листы рукописных книг. Делала это необычайно тщательно, пунктуально, аккуратно. Помню, Сергей Владимирович как-то наблюдая ее работу, пошутил: «Смотри-те, а Наташа-то ваша рукописи изучает».

В отделе рукописей бывало много интересных людей — ученых, работавших над разными темами. Перед моими глазами прошла целая плеяда пушкинистов. Маститый Цявловский¹⁶⁸ и его жена изящная Татьяна Зенгер с милой улыбкой. Молодой Бонди¹⁶⁹, увлекающийся, проникающий в глубины пушкинского творчества, волшебным воспроизводящий капризный полет музыки великого поэта, скрытый от читателя под напластованием текстов. Несколько нервный, немного взвинченный Оксман. Толстовский кабинет систематически посещала группа исследователей, готовившая издание трудов замечательного русского писателя. Внучка Толстого — Анна Ильинична, солидная женщина, с таким же, как у него, носом. Ее муж Павел Сергеевич Попов, философ, с очень интеллигентным лицом и манерами. Толстовскими рукописями занимался в это время и Гудзий. Изучались и древние и средневековые славяно-русские рукописные книги. Для занятий ими заглаживал к нам Вячеслав Федорович Ржига¹⁷⁰, вдумчивый ученый и необычайно скромный человек. Он открыл ряд замечательных исторических памятников. Бывал славист Ильинский, жизнь которого скоро трагически оборвалась. Он был посажен, затем его выпустили, но через несколько дней он повесился.

Много можно было бы назвать еще имен. Отдел рукописей Ленинской библиотеки являлся местом, где можно было встретить ученых самых разных специальностей и возраста. Здесь находили материал для своего творчества и историки, и историки литературы, и лингвисты, и искусствоведы, и художники. Я обязан был по своей должности обслуживать их, и общение с ними давало богатейший материал моему уму да и сердцу. Я благодарю судьбу, что она хотя бы на короткий срок бросила меня в эту среду.

Моя производственная работа, помимо заведования читальным залом, заключалась в описании новых поступлений. Так я описал || (тетр. № 31) рукописи библиотеки Генерального штаба (богатое собрание материалов различного времени и разного содержания), бумаги архива кн. М. С. Волконского (сына декабриста) и др. Не так давно Валентина Григорьевна Зимина, заместительница заведующей в настоящее время рукописным отделом Ленинской библиотеки (теперь этот отдел возглавляется женщинами)¹⁷¹, попросила меня зайти, т. к. у нее возник какой-то вопрос по фондам, мною описанным. Я зашел. Она принесла и положила передо мной толстую переплетенную книгу конторского типа. Интересно было посмотреть работу, выполненную в 1929—1930 гг.*, т. е. около 40 лет тому назад. Как бы возвращаешься в прошлое. Но не из-за этого субъективного ощущения заговорил я о встрече с Зиминой, а потому что я к этому времени уже забыл, что мною было сделано, а оказывается, сделано довольно много. Правда Валентина Григорьевна нашла дефекты в моей работе с точки зрения современных требований. Ну что же, время идет, и человеческая деятельность совершенствуется. Но все же мне приятно было узнать, что к моему описанию прибегают, что оно приносит пользу.

Работал я в 1929—1930 гг.** и над карточным каталогом рукописей. И здесь кое-что успел сделать за год. Я помню также, что в то время очень актуальным был вопрос о нормах выработки для библиотечных работников. Особенно трудно его было решить применительно к тем, кто работал над рукописными текстами, потому что в этой области достаточно большую роль играет научно-исследовательский момент, не так просто подчиняющийся нормированию. Но помнится, что я пытался разработать нормы и для нашего отдела. Теперь, как будто, нормировка труда архивистов проводится широко и, говорят, настолько жестко, что у них не остается времени для собственной научно-исследовательской деятельности. Когда я служил в рукописном отделе Ленинской библиотеки, было значительно легче, и мне думается, это шло на пользу делу, ибо, по-моему, каждый архивист должен быть в какой-то мере и исследователем.

В Ленинской библиотеке я стал довольно много заниматься общественной работой. Меня избрали в бюро секции научных работников. Возглавлял это бюро профессор Максим Владимирович Сергиевский¹⁷², входили в него, кроме меня, Ольга Ивановна Шведова, очень некрасивая и немного туповатая женщина, типич-

* В рукописи «в 1929—30 гг.»

** В рукописи «в 1929—30 гг.»

ная библиотечная деятельница, видевшая в классификационной схеме центр мироздания, и весьма заурядная личность — Матвеев (не помню имени и отчества). Работа была довольно нервная, потому что в это время началась чистка аппарата советских учреждений, в том числе и Ленинской библиотеки. Была назначена специальная комиссия, члены которой проверяли разные отделы библиотеки. Вопрос о некоторых служащих, если, по мнению комиссии, это было необходимо, выносился на общее собрание сотрудников, где они и отчитывались. Накануне чистки выяснилось, что библиотечный работник, которого предназначали в секретари комиссии, скрыл в анкете, что служил в белой армии. Когда его кандидатура отпала, одно время секретарем хотели сделать меня. Потом нашли другое лицо¹⁷³.

Память сохранила лишь некоторые эпизоды чистки. Большой читальный зал в старом здании библиотеки, заполненный служащими. Чистку проходит заместитель директора Дмитрий Николаевич Егоров. Биографию свою рассказывает напыщенно, с пафосом. Говорит, что вся его жизнь проходила под знаком одной идеи — идеи труда; трудом он достиг степеней и званий, в труде воспитывал своих детей. Вероятно, он говорит правду, вероятно, так все и было, но тон какой-то неестественный, нет простоты.

Александр Александрович Борзов¹⁷⁴, географ, ученый с мировым именем. Держится по-иному, без пафоса, без рисовки, просто, с достоинством. Ему задают вопрос: правда ли, что он высказывался против переименования Румянцевского музея в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина. Он отвечает, что ему всегда казалось неуважением к памяти Ленина, когда имя этого великого человека присваивалось то спичечной фабрике, то еще какому-либо предприятию подобного типа, но против того, чтобы связать с именем Ленина такой крупнейший просветительский центр как всесоюзная библиотека, никто не вправе возражать. Борзову задают другой вопрос: правда ли, что он человек верующий. Ответ таков: он считает большим достижением советской власти отделение церкви от государства и признание за каждым гражданином свободы совести в религиозных вопросах.

Григория Петровича Георгиевского на общее собрание комиссия по чистке не поставила. Но вопрос о его дочери, также служившей в библиотеке, комиссия разбирала. Говорилось о ее религиозности, о том, что она ходит в церковь, а в то же время берется за выполнение поручений культурно-просветительского порядка. Попало и нашему бюро секции научных работников за то, что оно давало дочери Георгиевского такие поручения.

Работала в библиотеке дочь Шварца, царского реакционного министра. Ее обвиняли в том, что в анкете на вопросный пункт о социальном происхождении она отвечала «дочь служащего», а не «дочь министра». В то время была она уже старухой, приносила библиотеке пользу, т. к. была человеком очень культурным, знала иностранные языки.

Владимир Иванович вел себя во время чистки очень активно и смело, отстаивал своих сотрудников. Насколько помнится, каких-либо особых увольнений в ре-

зультате чистки не последовало. Были некоторые внутренние перемещения в пределах библиотеки.

Еще до чистки, когда началась коллективизация и из московских учреждений поехали в деревню люди для содействия этому делу, библиотека собиралась послать в колхоз на какой-то срок и меня. Этому весьма сочувствовал и Владимир Иванович. «Это будет для вас очень полезно, — говорил он, — и вы на практике покажете как были не правы те, кто выступал против вас в РАНИИОНе. Марксизм — это не только теория, но и практика». Но поездка не осуществилась. Библиотеку от посылки людей освободили.

При Ленинской библиотеке были библиотечные курсы с двух- или трехгодичным обучением, готовившие квалифицированных библиотекарей и библиографов. Я поступил на эти курсы, чтобы пройти всю библиотечную премудрость. Превратился как бы опять в студента. Ходил на лекции, хотя и не очень аккуратно (занятия происходили по вечерам два или три раза в неделю), выполнял практические работы, сдавал зачеты и экзамены.

В 1929 году началась моя педагогическая деятельность на рабочих курсах по подготовке в высшие учебные заведения. Устроил меня на работу Андрей Александрович Сабуров, который сам там тоже преподавал и сказал мне, что требуются еще преподаватели. На курсах я познакомился в числе преподавателей с Николаем Васильевичем Водовозовым, который оказался любимым учеником Шамбинаго. В доме Шамбинаго мы потом часто встречались. Я вел занятия в нескольких группах по русскому языку и литературе. Проводил диктовки, давал сочинения, разбирал предусмотренные программой произведения русских писателей: Пушкина, Толстого, Островского и др. С аудиторией нашел общий язык. Ребята ко мне относились хорошо. По преимуществу учились парни, девушек было совсем немного. Занятия происходили в вечерние часы, курсы находились на Тверской-Ямской, и я дважды или трижды в неделю совершал хорошую вечернюю прогулку от дома до курсов и обратно. Когда сталкивались часы собственной учебы библиотечному делу и преподавательской деятельности, отдавал предпочтение последней. Я любил педагогическую работу, почувствовал к ней призвание.

В области исследовательской передо мной все более вырисовывалась тема о народных движениях в России в XVII в. В процессе работы в архиве над подготовкой «Памятников истории крестьян и холопов» я нашел ряд документов о социальных волнениях на юге Русского государства в 1682 г. в связи со стрелецким восстанием в Москве. Думал продолжить изыскания. Мне виделось широкое полотно, на котором мною будет изображено и хронологически, и пространственно развитие классовой борьбы за сто лет. Конечно, это была утопия, происходившая от незнания материалов и от непонимания широты и сложности задач. Сколько с тех пор уже появилось монографий по отдельным вопросам данной темы, а она все еще не исчерпана. Свое исследование я уже вполне осознанно мыслил в марксистском плане, но считал, что мало хотеть быть марксистом, надо еще уметь. Так рассуждать заставлял меня пример скороспелых и крикливых марксистов типа

Зельцера. Так отвечал я беседовавшему со мной во время чистки товарищу из Института Ленина, входившему в состав комиссии. Я стремился изучать и писать историю по-марксистски, но не был уверен, готов ли к этому. Мне кажется, я был прав в своих суждениях. Будущее показало, сколько зла принесли те, кто видел в марксизме догму, а не творческий метод.

Мелькала у меня в сознании и другая тема, источниковедческая: систематический обзор источников, относящихся к феодальному периоду на Руси, вернее, периоду раздробленности XIV—XV вв. Это какой-то прообраз моих будущих «Феодальных архивов».

Словом, планов было много. Но над историками стала нависать угроза. Пошли аресты. Начались они с Ленинграда. Был арестован Платонов, за ним другие: Тарле, ученики Платонова. В чем дело? В Москве питались слухами. Говорили, что Платонов скрыл от советской власти какие-то важные секретные документы, хранившиеся в архиве Академии наук. Был и другой слух: якобы в бытность в Париже Платонов имел беседу с бывшим великим князем Кириллом Владимировичем, своим учеником, по поводу принятия им царского престола в России. Было тревожно, беспокойно, хотя мне и другим историкам моего поколения в голову не приходило, что волна эта может дойти до нас¹⁷⁵.

Летом 1930 г. я уехал в отпуск в очень радужном настроении. Совершил поездку по чудесному маршруту. Поездом доехал от Москвы до Горького, оттуда пароходом по Волге до Астрахани, затем Каспийским морем до Баку, из Баку в Тбилиси, из Тбилиси в Батуми, из Батуми Черным морем в Одессу, и оттуда вернулся в Москву¹⁷⁶. Повидал много нового. Накопил массу впечатлений. Думал: до чего же хорошо жить на свете, сколько кругом красоты. В Астрахани повстречался с Сергеем Андреевичем Пионтковским, с ним вместе ехал на пароходе до Баку и пробыл несколько дней в бакинской гостинице, и даже его общество не показалось мне назойливым — так чудесно было кругом. Напротив, мы много и в общем по-дружески говорили, я рассказал ему о моих научных планах и поисках, его заинтересовала тема о народных восстаниях, и он просил меня зайти к нему в Москве в Ком-академию, где мы посоветуемся об издании документов на эту тему. По-хорошему спрашивались.

Когда я вернулся в Москву, застал дома одного отца. Мама с Таней отдыхали в Крыму. Он рассказал мне, что арестован ряд московских профессоров-историков, в том числе и мои учителя: Яковлев, Бахрушин, Любавский, Готье, Егоров. Явилась у меня мысль: «Не ждет ли и тебя та же участь». Но тут же и сам даю успокоительный ответ: «Ну а за что? Не возьмут же зря». Стал работать: в рукописном отделе, на курсах. Жизнь затягивала. Беспокойство исчезало. И вот наступило 14 сентября 1930 г. — день, перевернувший мою жизнь.

Вечером шли занятия на курсах. Проходило все как-то удачно, интересно. Вечер теплый, осенний. Настроение хорошее. Легкая усталость. Думаю: приду домой, поужинаю, почитаю на ночь || (тетр. № 32) и лягу спать. Подхожу к двери, звоню. Открывает какой-то юноша в военной форме, рядовой. Вежливо говорит:

«Пожалуйста». Сразу не соображаю, в чем дело: в оттенках форм войск разных родов не разбираюсь. Иду по коридору. У дверей одной из наших комнат — еще один военный, тоже рядовой. В голове что-то начинает проясняться. Наконец, вхожу в комнаты. Там третий военный (из командного состава) производит обыск. Смотрит на меня, обращается к Марии Иосифовне (отец в отъезде): «Это ваш сын?» Она отвечает утвердительно, он продолжает свое дело. Обыск длится долго, часов до трех (начался, вероятно, часов в девять). Обыскивающий перебирает все книги, бумаги, опустошая шкафы, заглядывает под матрацы, кровати. Призванный в качестве понятого парень из нашей же квартиры томится, но вынужден сидеть. Наконец, обыск закончен. Военный, его производивший, звонит по телефону, просит прислать машину. Машина прибывает, и меня увозят на Лубянку. Там меня сдают дежурному, обыскивают догола, перебирая все белье, и отправляют в предварительную камеру.

Первое впечатление, конечно, очень тяжелое. Тусклый электрический свет падает на нары, где выделяются фигуры заключенных. Совсем как изображают в театре: священник в рясе, интеллигент в коротком пальто (инженер? врач? адвокат?), какой-то подозрительный тип в сапогах и т. д. Тесно. Тяжелый, спертый воздух. В углу параша. В двери глазок. Время от времени дверь отворается и впускает кого-либо еще из арестованных в эту ночь.

Наутро арестованных распределяют по подследственным камерам Лубянской тюрьмы. Я попадаю в камеру человек на шесть. Сравнительно просторно и чисто. У каждого своя койка. Кормят невкусно, но достаточно. Утром чай, в полдень — обед из двух блюд (суп — обычно с мясом и каша с подсолнечным маслом), на ужин опять какая-нибудь каша. Хлеб и сахар дают сразу на день — не помню сколько, но вполне хватает. Первое время есть вообще совершенно не хочется. Хлебнешь ложку супа или проглотить ложку каши, и чувствуешь, что не идет в горло, и не потому, что плохо приготовлено, а потому, что аппетит пропал, настроение тяжелое. Первые дни я все время лежал на койке, накрывшись своим пальто, старался заснуть, но не мог. Настроение было страшно подавленное, брало отчаяние. Чувствовал себя бессильным перед кем-то или чем-то неизвестным, в одно мгновение изменившим мою судьбу.

Дня через три меня вызвали на допрос. Следовательницей оказалась женщина по фамилии Брауде, весьма мужеподобная, рыхлая, в пенсне, с лепешкообразным лицом. Пронизывающе всматривается в тебя, как будто знает твою тайну, но хочет, чтобы ты выдал ее сам. Допрос начинается с подробнейшей анкеты: кто ты? когда, где родился, учился? кто такие отец, мать и т. д. и т. д. А затем вопрос ребром: «Вы знаете, почему я велела (именно так: “я велела”*) Вас арестовать?» — «Конечно, не знаю». — «Может быть, Вы думаете, что я привлекла Вас только как свидетеля?» — «Я ничего не знаю и не думаю». — «Напрасно, лучше сами расскажите о Вашей принадлежности к тайной контрреволюционной организации

---

* В рукописи второе «я» подчеркнуто автором.

ученых-историков». Этого я уж совсем не ждал. Говорю, что ни в каких организациях не состоял. — «Ну что ж, идите в камеру, подумайте». Возвращаюсь морально совсем разбитый. Обвинение чудовищное. Но на чем же оно основано? Неужели можно такое просто выдумать? Кажется, нельзя, но ведь это действительно выдумка.

Через несколько дней новый допрос. Брауде предъявляет мне официально в письменном виде обвинение в участии в контрреволюционной организации — «Союз борьбы за возрождение свободной России» (или что-то в этом роде — точно не помню). Говорит, что мое имя как участника организации назвали Готье и Егоров, показывает какую-то, напечатанную типографским шрифтом, брошюрку в розовом переплете, содержащую материалы по делу историков. Я естественно обвинение отрицаю. Опять предложение «подумать». Следовательница действует напористо, настаивает на признании. Но никаких насильственных методов не применяет (а о них постоянно слышишь в камере). Не только побоев, но даже окриков, ругани я не испытал. Корректность полная.

Еще один допрос, а затем как-то ночью меня вызывают с вещами, и в тюремной машине («черном вороне» — как ее именовали) переправляют в Бутырскую тюрьму. На Лубянке я провел дней десять. Обычно арестованных держали там до тех пор, пока они были нужны для постоянных допросов, а затем, когда потребность в допросах становилась меньше и они проводились реже, посылали в Бутырки. Режим в Бутырках был несколько свободнее, но условия существования много хуже. Прежде всего страшная скученность. В камере, куда я попал, помещалось человек семьдесят. Отдельных коек не было. Спали заключенные на нарах, находившихся в длину двух стен камеры, от окна до дверей и на полу между нарами (в два ряда). Был принят определенный порядок размещения. Вновь прибывший заключенный получал место на полу, у самой параша. Затем, по мере выбытия заключенных (на этап, в другую камеру, редко — на свободу), остававшиеся соответственно передвигались, и каждый, начав свой путь по полу от параша, мог рассчитывать дойти до окна, оттуда опять возвратиться к параше, но уже не на пол, а на нары, и на нарах продвинуться снова к окну.

Кормили примерно так же, как и на Лубянке, но здесь не было индивидуальной посуды. Суп и кашу давали в громадных металлических мисках, рассчитанных человек на восемь. Среди заключенных существовали более или менее постоянные группы людей (конечно, они обновлялись в связи с прибытием одних и убытием других), которые своими деревянными ложками хлебали из одного и того же общего котла. Заключенные имели право получать из дома передачу как продуктами, так и деньгами (в определенной сумме). При тюрьме существовал ларек, где можно было купить белый хлеб, сахар, конфеты, колбасу и т. д. Но передачи получали не все. У одних не было родственников, другие постоянно жили не в Москве, а здесь лишь велось следствие по их делу. Наконец, некоторых лишали передач следователи. Такие люди именовались в тюрьме «беднотой», причем в помощь ей был организован так называемый «комитет бедноты». Он следил за тем, чтобы получавшие

передачу заключенные делали (определенное неписаными тюремными правилами) отчисление (как продуктами, так и деньгами) на неимущих, и распределял между ними то, что удавалось собрать. Некоторые родственники заключенных, знавшие о тюремных порядках, делая передачу своим близким, также переводили что-нибудь в «фонд бедноты». Наконец, если кому-либо из арестованных удавалось выйти на свободу, то и он считал своим долгом отправить «бедноте» деньги, булки, конфеты и пр.

При тюрьме была библиотека с неплохим подбором художественной литературы. С разрешения следователя можно было писать письма родным и получать от них. Ежедневно арестованных водили на прогулку. Делали это покамерно. Под наблюдением надзирателя ходили с полчаса кругом, один за другим, по большому тюремному двору. Примерно раз в две недели водили нас в баню. Но теснота в камере была такая, что это не спасало от вшей.

Я очень скоро выяснил, кто из историков арестован, кроме меня. Во-первых, из окна было видно, как гуляют другие камеры. И в первые же дни я увидел на прогулке Николая Михайловича Дружинина, Ивана Ивановича Полосина, Михаила Николаевича Тихомирова¹⁷⁷, Ивана Сергеевича Макарова, Андрея Александровича Сабурова, Ивана Александровича Голубцова и многих других. Ясно было, что под арестом находится большая группа лиц моей специальности. Мы стали перебрасываться друг с другом словами через открытую форточку. Были и другие способы общения. Заключенных ежедневно водили покамерно в туалет. Идя по коридору, можно было встретить людей из других камер (например, привлеченных к уборке помещения) и через них передать кому-нибудь из товарищей записочку. Ежедневно два раза (утром и вечером) кто-либо из заключенных выносил парашу (в этом деле соблюдалась известная очередность), что тоже давало возможность общаться с соседними камерами. В изыскании средств связи проявлялся известный спортивный азарт. И в то же время не оставляло чувство обиды. Мы, советские люди, не сделавшие ничего плохого, сидим под замком и должны изощряться, чтобы передать друг другу весточку. Ведь не затем же мы перебрасываемся словами или записочками, чтобы договориться, как обмануть следователя, как что-то скрыть от него. Нам некого обманывать, нам нечего скрывать. Мы просто хотим ободрить друг друга, ибо верим, что правда восторжествует. Она и восторжествовала, но не очень скоро.

Через камеру в Бутырской тюрьме, где я находился, прошло при мне много людей. Они приходили, другие уходили. Были и такие, которых я уже застал и они еще оставались, когда я отправлялся в ссылку. Уголовников почти не было. Правда, помню одного парнишку, сидевшего по уголовному делу. Он мечтал, когда его сошлют, бежать в Англию и поэтому обучался английскому языку у одного преподавателя Лангена (говорят, что его расстреляли). Помню также сидел при мне валютчик. Были сектанты. Но все это единицы. А основной состав — интеллигенция: инженеры, агрономы, врачи и т. д. Тогда как раз проходил ряд политических процессов. В тюрьме шутили, что в Бутырках собрался весь цвет советской

интеллигенции. Казалось, что на воле жизнь вообще должна была замереть, ибо там никого не осталось. Конечно, это было смещение перспективы. Жизнь без нас шла полным ходом, и отсутствие наше замечали, вероятно, лишь родные, друзья, близкие. Но через тюремные очки все виделось в мрачном свете.

Некоторые люди, с которыми мне пришлось сидеть, особенно мне запомнились. Это прежде всего Борис Алексеевич Куфтин — профессор-этнограф, еще молодой, но с большой окладистой бородой. Необычайно мягкий, уступчивый, готовый всем помочь, услужить: уступить свое место на нарах, поделиться провиантом. Большой души человек. Он недавно женился и часто вспоминал свою жену-пианистку. Был он вегетарианец, противник войн и насилий. Его сослали, а вернувшись из ссылки, он работал в Тбилиси, открыл замечательную древнюю грузинскую культуру в Триалети, получил за это открытие Сталинскую премию. А затем случилось несчастье. Отдыхал где-то в горах с женой, во время прогулки наткнулся на остроконечную палку, повредил внутренности — и умер. Жена не вынесла потери и через некоторое время повесилась.

Сидел вместе со мной врач из Боткинской больницы Клиновштейн. Очень интеллигентный еврей, маленький, с каким-то страдальческим выражением на лице. Моя мама говорила, что это очень квалифицированный терапевт. Потом я встречал его на воле. Еще нестарым он умер от рака. Другой врач — Алексеев (кажется, Михаил Алексеевич) племянник Станиславского. Какую-то долю дарования, присущего его дяде, природа отпустила и ему. Он великолепно рассказывал, был остроумен, артистически изображал в лицах различные сцены. Как будто, из тюрьмы он не вернулся. У него было какое-то заболевание, и он умер в Бутырской больнице.

Весьма импозантная фигура — старик-инженер Идельсон, украшенный серебристой шевелюрой, с серебряной бородой, спадающей на грудь. Он напоминал раввина. Хотя как старожил он имел право уже на место на нарах у окна, он любил себе другой пункт: посредине камеры. И сидел, устроив какое-то возвышение на нарах, курил и бросал язвительные замечания по адресу и следователей, и тюремного аппарата, и заключенных. Знал три иностранных языка и охотно беседовал по-английски, французски или немецки с теми, кто на этих языках говорил.

Побывали в моей камере журналист Гарри, инженер-текстильщик Жаворонков, химик Поварнин и || (тетр. № 33) ряд других людей. Однажды просыпаюсь — мне говорят: сегодня ночью привезли старика, который Вас знает. Смотрю — Евтихий Иванович Усов. Но, по-видимому, здесь была не политика, а искали у него какие-то ценности. Скоро выпустили.

Запертые в четырех стенах, арестованные, в своем большинстве культурные интеллигентные люди, искали любой возможности удовлетворить хоть как-нибудь свои интеллектуальные интересы. Газет нам не давали, поэтому мы набрасывались на каждого вновь прибывающего в нашу камеру человека: каковы политические новости? Устраивались лекции, беседы: специалисты по разным вопросам рассказывали о том новом, что им известно в их области. Просто обменивались анекдотами. И вот сидим, слушаем, смеемся, как будто забываемся, а время от времени

открывается дверь и стражник вызывает: «такой-то, на допрос», «такой-то с вещами», «такой-то без вещей». И снова на сознание, на психику давит тюрьма.

Все заключенные говорили о своей невинности, жаловались на несправедливость. Конечно, виновные были, и верить многим жалобам было бы неправильно. Но, несомненно, что уже тогда получило распространение то нехорошее явление, которое впоследствии стали называть нарушением законности. Связывать его только с именем Берии нельзя: тогда был не Берия, а Ягода. Часто ли люди давали ложные показания под давлением? Не знаю. Я лично такого давления не испытал. Слышать же, что на подследственных воздействовали физически и морально, приходилось.

Людям свойственно всегда на что-либо надеяться. Надеялись на что-то все время и арестованные: то на амнистию, то на изменение уголовного законодательства, то еще на что-нибудь.

Когда я уже был в Бутырках, как-то вечером, часов в одиннадцать, меня опять вызвали на допрос. Думал — Брауде. Прихожу — нет, следователь — мужчина: молодой, небольшого роста, белобрысый, в пенсне, фамилия, если не ошибаюсь, Петров. Начинает развертывать тему о моем участии в нелегальной организации. Я его спрашиваю: «Скажите, а могу ли я Вам задать вопрос?» — «Что ж, задавайте!» — «Ну зачем мне нужно было связываться с какими-то тайными организациями, когда мне при советской власти были предоставлены все пути научного роста, а я ведь прежде всего научный работник?» — «Кто Вас знает, может быть, мечтали об офицерском чине. Впрочем, мы идем не путем логических умозаключений, а путем анализа фактических данных, а факты против Вас». — И вдруг неожиданный оборот беседы: «Передачи получаете?» — «Получаю». Пишет распоряжение о лишении меня передач. Затем коротко, от моего имени резюмирует результаты допроса: я заявляю, что никогда ни к каким антисоветским организациям не принадлежал. Дает подписать. На прощание бросает: «Скоро мы Вас отправим туда, где нет никаких классовых противоречий». Это настолько нелепо, что на меня никакого впечатления не производит. А передачи я получать перестал и до того времени, пока не отправился из Бутырок в ссылку, пользовался помощью «Комитета бедноты»*.

Следующий допрос был днем, в обед. Только что принесли миски с супом, я достал свою ложку и примостился со своей обеденной группой, чтобы начать трапезу, как послышался вызов к следователю. На этот раз снова Брауде. Неожиданно заявляет: «Теперь уже получены показания Готье и Егорова, и выяснилась Ваша невинность. Вы действительно об организации историков не знали». Я уж не стал спрашивать, почему же раньше она говорила другое, утверждала, что Готье и Егоров показывали против меня. Бог с ней, с Брауде, хорошо, что обвинение снято. Ожидаю, что со дня на день меня выпустят. В камере также в этом уверены. Но время идет, а освобождение не приходит. Вместо этого — третий допрос. Опять новый следователь — молодая, привлекательная девушка. Говорит не о контрреволюционной организации. Просит рассказать о сборах студентов и аспирантов

---

* Так в рукописи.

у Бахрушина. Да, Бахрушин еще в мои студенческие годы иногда проводил семинары у себя дома, позднее у него собирались и аспиранты, беседовали, делились впечатлениями о новых книгах, рассказывали о своих архивных находках. Она резюмирует: «Значит, Бахрушин создал вокруг себя группу молодежи?» Такая формулировка меня сразустораживает. «Группа» — «группировка» — есть в этом какой-то одиозный оттенок. Парирую: «Какая же это группа?» Она в ответ: «Как же прикажете вас называть? Стадом?» В общем тоже резонно. Каждое слово имеет разные оттенки, и трудно уберечься от того, кто в простые слова вкладывает тайный смысл. А вообще беседа протекает спокойно, вопросы как бы невинные, обыденные, скрывать мне нечего, бывал у Бахрушина, но плохого там ничего не видел, не слышал и сам не делал. И в то же время чувствую: наступил последний этап моего дела. Оно уже не расследуется, по нему оформляется решение. Окошечко на свободу, несколько приоткрытое Брауде, опять захлопнулось. Меня не хотят отпускать на волю, но стремятся сделать так, чтобы все выглядело законно.

Мое ощущение оказалось правильным. Через несколько дней меня вызвали к врачу. Он спросил: как я себя чувствую, на что жалуюсь? Я ответил, что жалоб нет. Врач немного меня постучал, послушал мое сердце. Я сразу понял: значит, или концлагерь, или ссылка. Идущих на свободу медицинскому осмотру не подвергают. И действительно, через несколько дней вызывают с вещами и объявляют приговор по статье 58, пункт 11 (все же значит — организация): ссылка на три года в Северный край с зачетом срока предварительного заключения (просидел я два с половиной месяца)¹⁷⁸.

Так закончилось дело историков. Оно велось одновременно в двух местах: в Ленинграде и Москве. При этом под следствием в Ленинграде находились не только тамошние ученые, но и наиболее крупные историки из числа москвичей: Любавский, Готье, Яковлев, Бахрушин и др. Верхи ленинградской и московской профессуры получили по пять лет ссылки и были отправлены в разные города. Многие из них выхлопотали разрешение вернуться до истечения пятилетнего срока. Большую часть среднего звена историков — людей менее известных и более молодых — направили в концлагерь или в ссылку на три года. Как правило, им пришлось много труднее, чем их учителям, и не только в годы высылки, но и позднее. Их не прописывали в Москве и Ленинграде, не брали на работу, в то время как академики, члены-корреспонденты, профессора сохранили свои ученые звания и легче возвращались к прежней жизни. Ряд историков, арестованных в 1930 г., репрессирован не был, следствие о них прекратили и их освободили. Это, например, Дружинин, Сивков, Тихомиров, Сабуров. Какими соображениями руководствовались в каждом отдельном случае следственные органы, судить не берусь. Мне важнее другое: сейчас известно, что дело 1930 г. не имело реальных оснований. Моя же совесть была чиста с самого начала.

В моей жизни 1930-й год открыл новый, чрезвычайно тяжелый, этап: два с половиной месяца тюрьмы, три года ссылки и около девяти лет существования с пятном судимости, мешавшим нормально жить и работать. Всего 12 лет, и из них

наиболее мучительные, пожалуй, последние девять, ибо для тюрьмы и ссылки существовали какие-то сроки, а сколь долго будет сохраняться их отпечаток — кто знал? Все это вспоминается как кошмарный сон, причем сон, который продолжается и до сих пор. Часто и теперь вижу во сне себя в тюрьме или в ссылке, в какой-то отдаленной деревушке, причем самое страшное — это ощущение своего бессилия, невозможности что-либо изменить. Бывает во сне и такое: срок ссылки окончен, я свободен, и вдруг кто-то власть имущий делает так, что все начинается сначала, а я ничего не могу поделать. Страшно. Хотел бы избавиться от таких снов, но боюсь, что они не прекратятся до смерти.

От сновидений вернусь к реальной действительности 1930 г. После объявления приговора меня перевели из подследственной камеры в пересыльную. Там я встретился с И. И. Полосиным, И. С. Макаровым (обоих их приговорили на три года в концлагерь) и И. А. Голубцовым (он должен был отбыть трехгодичную ссылку где-то на Урале). Мне еще не приходилось говорить об Иване Александровиче Голубцове. Он был сыном профессора Духовной академии, занимавшегося церковной археологией. Детство и отроческие годы провел в Сергиеве Посаде, у Троицкой лавры. Семья была очень религиозная, причем эта религиозность доходила до фанатизма. Два брата Ивана Александровича стали священниками, а один даже новгородским митрополитом. Религиозным был и сам Иван Александрович, но являясь человеком сдержанным, открыто это не проявлял. По окончании Московского университета он работал в архивных органах. Бывал на заседаниях в РАНИИОНе, в Обществе истории и древностей российских, где я его и встречал. Жилось ему трудно. После смерти отца ему пришлось подымать братьев и сестер (он был старшим), а затем появилась и своя семья, требовавшая особого ухода: жена и две девочки болели туберкулезом. Семьянин он был прекрасный, а о себе думал мало. Бедно одевался. Летом ходил в черной рубашке, подпоясанной ремнем, зимой в какой-то коричневой тужурке. Знал я Ивана Александровича в общей сложности свыше сорока лет, и по-моему, за все это время он носил одно и то же пальто. В конце концов оно совсем выцвело и засалилось. По внешнему виду он напоминал благообразного христосика, но в глазах мелькала хитринка, а улыбка была ироническая. Человек он был очень эрудированный, научных замыслов у него было много, но тяжелые условия жизни мешали научно-исследовательской работе. Уже совсем стариком в 60-х годах он защищал диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а присудили ему степень доктора.

В пересыльной камере я пробыл вместе с Полосиным, Макаровым и Голубцовым несколько дней, пока формировались этапы. Ехать нам надлежало в разные стороны, поэтому попадали мы в разные этапы. Первым отбыл я. Мы тепло распрощались, расцеловались. Перед отъездом я получил из дома большой чемодан и мешок, набитые теплыми вещами и продуктами. Были и фуфайки, и валенки, и меховые перчатки, а из съестных припасов сахар, печенье, колбаса, сыр и многое другое. Перевели и деньги. Получил и всплакнул. Тронула забота, вспомнил дом, семью — все то, что теперь мне было уже недоступно. Но свиданья с родными мне

почему-то не дали, уехал я, никого не повидав. Не знаю, почему так получилось. К Ивану Ивановичу Полосину приходили жена с девочкой.

Вечером к ночному поезду меня и других приговоренных отвезли в особой машине на Северный вокзал. Очень трудно было расставаться с Москвой. Позволил себе на прощанье мысленно съязвить: «Ну что ж, сегодня ночью Москва уже сможет спать спокойно, такого преступника, как я, в ее пределах уже не будет». Приехали на вокзал, всех нас вывели к поезду на перрон. Окружала стража. И вдруг я вижу мою сестру Таню, которая вместе со своим поклонником Женей Белостоцким (оба они учились на медицинском факультете) хочет ко мне пройти. Стражник их не пускает. Мне и приятно видеть сестру, и обидно за нее: зачем она приехала? Наконец Таня уговаривает стражника передать мне коробочку папирос и записочку. Папиросы я тут же кому-то отдаю (ибо и тюрьма не научила меня курить). В записочке — доброе напутствие от всех близких.

Сажают нас в загон. Окна за решеткой. Нары в три этажа. Я попадаю на второй этаж. Можно только лежать. Встать нельзя — стукнешься головой о верхние доски. Выпускают под охраной по || (тетр. № 34) нужде. Питание — сухим пайком: хлеб, сушеная вобла. В кружке дают заваренный кипяток. Так едем до Архангельска.

В Архангельске всех выпускают из вагона. И вдруг — мы сразу на свободе. Стража остается в поезде. Полная иллюзия «вольной высылки», как именуется разновидность постигшей нас кары. Но эта иллюзия скоро пропадает: мы вынуждены идти не куда вздумается, а за человеком, который нас встречает и от которого, как видно, зависит наша судьба. Мы идем по глубокому снегу, мороз щиплет лицо, чемодан и мешок сковывают меня, я не могу шагать в ногу с другими, отстаю, догоняю рысью этап, спотыкаюсь. Какой-то добрый человек, а может быть, и не добрый, а просто рассчитывающий на вознаграждение, берет у меня мешок. Я потом, конечно, ему плачу. Приводят в барак — большой, нары в два этажа. Натоппен тепло. Уже ночь. На нарах тесно. Нахожу местечко, пристраиваюсь, засыпаю. На утро испытываю удовольствие уже от того, что могу выйти из барака без спросу, пройтись по архангельским улицам, зайти в какую-то чайную. Там нет ничего особенно вкусного, ведь 1930 год, страна живет трудной жизнью, с продуктами плохо, но даже выпить чашку какого-то суррогата за свой собственный счет — и то приятно.

В ближайшие дни нам объявляют: кто хочет работать на лесопильном заводе, останется в Архангельске, кто не хочет, того отправят в Холмогорский район. Я никогда не работал на заводе, не знал, что такое физический труд, сейчас, после тюремной жизни, я не мог и думать о том, чтобы снова жить в бараке, где столько людей — и все чужие. Я мечтал снять угол где-нибудь в деревне, в крестьянской избе, и немного прийти там в себя, а затем найти какую-то работу в школе, в библиотеке, еще где-нибудь. Утопические мечты!.. Но я не понимал этого. Сказал, что поеду в Холмогорский район. Предлагалось на выбор — или ехать самому, за свой счет, или отправиться по этапу. У меня были деньги, и я имел возможность сам оплатить дорогу. Нашел попутчиков — какого-то попа, какого-то плотного

телосложения обывателя (не знаю уж, кто он по профессии). Наняли возчика — и втроем пустились в путь.

Помню, был сильнейший мороз. Санные полозья скрипели. Все лицо покрылось инеем. Ноги заоченели. Продвигались по Двине, останавливались в какой-то деревне, в крестьянской избе, пили там чай, затем немного отдохнули и поехали дальше. К утру прибыли в Холмогоры. Небольшой районный городок, ранее — село. Крепкие, добротные дома. Очевидно, здесь жили зажиточные поморы. Явились к коменданту, под надзором которого находились ссыльные. Совсем еще мальчик, лет двадцати с чем-нибудь, но полон достоинства, ходит с портфелем, одет в добротную шубу с меховым воротником, на голове шапка-ушанка. Указал дом, где мы должны остановиться. Просторная изба. Живет там только одна женщина с маленькими ребятами, но к ней направляют на постой всех ссыльных. Так что получается опять что-то вроде барака. Несколько десятков ссыльных располагаются прямо на полу, со своими вещами. Мне еще повезло, поскольку я сумел устроиться на сундуке. Люди кругом разные, один пожилой бухгалтер, молоденький скрипач, часовых дел мастер, а больше все крестьяне, раскулаченные.

Оказывается, Холмогоры — это только временное наше пребывание, а отсюда нас отправят куда-то в район. Пока же мы должны были являться на отметку к коменданту. Вероятно, он был неплохой малый, семьянин, имел молоденькую жену, ребенка. Но уж очень он был в упоении от собственной власти и любил нас воспитывать. Как начнет нам внушать, что мы «присланы на исправление» и «должны стремиться исправиться», так уж и не может остановиться. Он напоминал мне одного охранника из Бутырской тюрьмы. Дежурит бывало он вечером, ходит по коридору, скучно ему, зайдет к нам в камеру, как бы наблюдая за порядком, и начнет резонерствовать: «Вот скоро мы разберемся, кто из вас что заслужил, одних рыбу пошлем ловить, других лес пилить». Особенно умирительно звучало это «мы». Он и себя причислял к тем, кто судит и карает.

Холмогорский комендант как-то ночью устроил у нас обыск. Явился с двумя помощниками и стал у всех рыться в вещах. Мы переполошились, стали нервничать, что это за налет, что мы сделали такого непозволительного? Оказывается, это просто мероприятие профилактически-охранительного характера.

Днем мы немного работали, пилили дрова в пекарне, получали за это хлеб. Работа была сдельная, случайная, не систематическая. Времени оставалось много, томило одиночество, одолевали грустные мысли. Выручала природа. Выйдешь вечером на окраину деревни: полная тишина, кругом раскинулось белое снежное полотно, снег хрустит и переливается искорками, небо усеяно звездами. Чувствуешь величие мироздания, и одиночество воспринимается уже не по-человечески болезненно, а философски.

Стал даже думать о науке. Не было ни книг, ни источников, но мысль работала, особенно когда ночью не спалось на своем сундуке. И я начал в уме решать проблему происхождения Псковской Судной грамоты, а затем все расширял тематику, и в голове вырисовывался черновой проект книги по источниковедению XIV—

XV вв. Да, так действительно было, я не выдумал это сейчас, и это не позднейшее восприятие и осмысление прошлого. Под зелеными переплетами моих «Феодалных архивов» есть нечто, восходящее к холмогорской ссылке.

Но вот пришлось покинуть и Холмогоры. Начальство распорядилось стариков, уже не способных к труду, отправить в деревню Матигоры, где им выдавался ежедневно иждивенческий хлебный паек по 200 граммов в день. Всем работоспособным назначалась в качестве местожительства деревня Курья, где строился племхоз и где была нужда в рабочих. Я долго не мог привыкнуть к принудительному труду. Мне казалось, что идея трудовой повинности в определенном месте и в определенной форме (чернорабочий) не совместима с понятием «вольной ссылки». Чем же она отличается тогда от концлагеря? На этот вопрос один из местных блюстителей порядка ответил мне так: «А тем, что в уборную ты ходишь не под винтовкой» (он выразил свою мысль более грубо, нецензурно). Но за трехлетнее пребывание на Севере я убедился, что меня действительно могут в любой момент послать на любую работу в любое место. И мне это казалось уже естественным.

Из Холмогор в Курью мы шли пешком, расстояние было небольшое, километров восемь, только вещи везли на санях.

В Курье нас сначала также поселили всех вместе в одной избе (принадлежавшей раньше какому-то раскулаченному), а затем нам было разрешено снимать помещения у крестьян частным образом. Я вместе со скрипачом Арефьевым снял небольшую комнатку у одного крестьянина, работавшего плотником на строительстве племхоза. Он жил с женой и маленьким приемным сынишкой, болезненным мальчиком, который скоро умер.

Я стал чернорабочим. Первое, что мне было поручено, это рыть ямы под какое-то строение. Было непривычно, и поэтому страшно трудно. Земля промерзла, и ее приходилось долбить ломом на большую глубину, потом действовать железной лопатой. Перед ссылкой из Москвы на Север родители прислали мне в Бутырскую тюрьму прекрасные кожаные на меху рукавицы. Они скоро все износились, а на руках образовались кровавые мозоли. Рабочий день продолжался с раннего утра до темна. Было какое-то чувство обиды: за что меня наказали, заставив заниматься таким непривычным делом, изнурительным, тяжелым? Но старался сохранить собственное достоинство, не опускаться. Почему-то в голову все время приходили пушкинские стихи: «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье. Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье». В письме к родным пользовался чеховским образом и выражал надежду, что еще увижу «небо в алмазах». Постепенно же я стал не только привыкать к физическому труду, но и находить в нем известное удовлетворение, потому что ощущал его целесообразность, воочию видел, как на том месте, где когда-то был лес, воздвигаются строения под новое хозяйство и сознавал, что здесь есть доля (хотя очень небольшая) и моих усилий.

Помимо земляных работ, приходилось мне выполнять и другие: пилку и рубку леса, сплав бревен по Двине и т. д. Все это очень утомляло, и тем не менее я

впервые в жизни испытал и бодрость, которую вселял труд на свежем, морозном, лесном воздухе, и радость отдыха, когда ломит все тело, на нем нет живого места, глаза слипаются, а сон беспробудный, без сновидений. Одно время меня сделали табельщиком, и тем самым я освободился от физических работ. Но это продолжалось недолго. Я оказался неспособным к выполнению этой, в общем несложной, должности по двум причинам. Во-первых, в силу моей природной безалаберности я не сумел добиться строгого учета как строительных материалов, так и рабочей силы. А во-вторых, я иногда сквозь пальцы смотрел на прогулы рабочих, невольно испытывая к ним симпатию и жалость как к таким же ссыльным, как и я сам. Меня снова перевели в разряд чернорабочих, и надо сказать, что я об этом не жалел, ибо в роли табельщика становился как бы над ссыльными, приближался к начальству и тем самым вызывал известное недоверие, недоброжелательство. Лучше не выделяться из общей среды, не попадать в привилегированное положение.

Внешние условия в этот первый период моего пребывания в ссылке были вполне приличными. Мы получали хлебный паек, иногда молочные продукты, рыбу, нас кормили обедом. Кроме того, я регулярно получал посылки от родителей. Правда, очень часто по почте приходили пустые ящики, а их содержимое куда-то исчезало. Местные крестьяне жили в значительной степени тоже рабочим пайком, получаемым на лесозаготовках, сплаве, строительстве совхоза. Был у них свой скот — великолепные холмогорские коровы. Продавать молоко они не любили, но охотно меняли его на чай и сахар — продукты, являвшиеся здесь редкостью. Я выменивал также на молоко пайковую махорку, не нужную мне в силу того, что я никогда не курил.

Крестьянские избы были чистые, светлые, просторные, теплые, ибо лес был рядом и материала на топливо искать не приходилось.

Не хватало духовной пищи. Иногда присылали какие-нибудь книжки или журналы родители, а так читать было нечего. Правда, за день настолько уставал, что по возвращении с работы было уже не до чтения, но все же без печатного слова было очень тоскливо. Интеллигентных людей среди ссыльных не было. Помимо лишь одного моего сожителя Арефьева. Но к нему весной приехала жена с маленьким сынишкой, и он перебрался на другую квартиру. Подавляющее большинство ссыльных — раскулаченные. Не мне судить, насколько их ссылка была целесообразной и оправданной. Для этого надо знать, что они представляли собой на воле. Здесь же они выглядели жалко: грязные, плохо одетые, болезненные. Были озлоблены, но работали, как правило, безотказно, в том числе и старики. || (тетр. № 35) Правда трудно было сказать, кто здесь молодой, кто старик. Почти все отпустили бороды, обросли волосами. Бриться было некогда и нечем. И у меня отросла борода — противная, жидкая, рыжая.

Я стал понемногу привыкать к жизни в Курье, хотя все время не терял надежды в скором времени выйти на волю, то ли в результате досрочного освобождения, то ли в силу амнистии, то ли, наконец, благодаря пересмотру дела. Родители в своих письмах меня обнадеживали, вероятно, не столько потому, что у них были

для этого какие-то реальные основания, сколько желая меня морально поддержать. Но меня не только не освобождают, а осенью 1931 г. перебрасывают в другое место, где условия были значительно хуже. Это камнеразработки Орлецкого управления нерудодобываемых. Туда потребовалась рабочая сила. Холмогорское начальство распорядилось перебросить определенное количество ссыльных, набрав их из разных мест, в том числе сняв часть рабочих со строительства племхоза. Конечно, те, кто стоял во главе строительства, отдали худших чернорабочих, а я принадлежал к таковым, ибо хотя и втянулся уже в работу, но нормы не выполнял. И вот новое пешее путешествие на расстоянии, значительно (вероятно, вдвое) больше*, чем от Холмогор до Курьи.

Снова попадаю в барак, от которого уже успел отвыкнуть. Работа много тяжелее той, которую выполнял в Курье. На берегу Двины известняковые залежи. Производится бурение, кладется взрывчатка, каменные глыбы расщепляются, отлетают. При помощи лома и топора камень извлекается из глубин и дробится. Часть камнедобычи грузится на баржи, часть идет на известь, которая выжигается в специально устраиваемых для этого печах. Известь также погружается в баржи и сплавляется по Двине. Я выполнял различные работы — и камнедобычу, и погрузку. От трудовой деятельности того времени у меня остался след на теле на всю жизнь. Как-то весной я грузил известь. На ногах были портянки и лапти, ибо кожаную обувь (сапоги, башмаки) известковая пыль проедала. После работы решил пойти в лес, поискать в траве прошлогоднюю клюкву, и заблудился. Плутал долго, всю ночь. Вернулся домой лишь к утру, ноги промокли, известковая пыль, смешавшись с водой, произвела сильные ожоги на ногах. Проболе́л долго, с месяц, двигаться не мог, лежал, а раз не работал, то не получал и хлеба. Пытался доказать, что пострадал на производстве, но начальство возражало: не надо было ходить по ягоды. Что ж, резонно!

На камнеразработках я прожил до окончания срока ссылки. Несколько раз за это время нас партиями посылали то на неделю, то на две, то на месяц в другие места — или на лесозаготовки, или на сплав леса, или на выколку бревен, замерзших в Двине. Потом возвращали обратно. При отправке никто не считался с желанием ссыльных. Отдавался приказ — и ему надлежало следовать.

Подчинялись мы местной администрации камнеразработок. Надзирал за нами также постоянно проживавший там милиционер по фамилии Широкий, очень добрый, простой, бесхитростный малый. Периодически наезжали из Холмогорского районного управления ОГПУ коменданты. Один носил фамилию Пугачев, другой — Чернышев. Проводили с нами душевспасительные беседы, очевидно оправдывая этим свою зарплату. Почти не было среди ссыльных уголовников. Помню лишь одного — Алексеева. Тип очень своеобразный. Мрачный, низкорослый, коренастый, с низким лбом, с широкими надбровными дугами. Ненавидел всякое начальство: десятников, комендантов, милиционеров. Часто отлынивал

---

* Так в рукописи.

от работы и целыми днями лежал на койке. Когда пытались его заставить работать, начиналась самая отвратительная изощренная ругань. Других ссыльных Алексеев в трезвом виде не трогал. Интеллигенцию даже уважал. В пьяном же виде начинал безобразничать, драться, ко всем приставать. Иногда дело доходило до поножовщины. Помню, как однажды Алексеев спяна* запустил ножом в ссыльного железнодорожника Никиту Андреевича Егорова, человека очень тихого и спокойного. Только случайно нож не задел глаз и попал в лоб. Человек мог бы стать слепым. Пьяного Алексеева приходилось связывать, но справиться с ним могло лишь несколько человек. О ранении Егорова он, проспавшись, не вспомнил, а когда ему рассказали, был смущен. Извиниться не позволяла спесь, но всем своим поведением старался показать, что о поступке своем сожалеет.

А вот никак я не думал, что уголовником является некто Шор, человек, выдававший себя за румына, сосланного по обвинению в причастности к троцкизму. По внешности, по акценту, вероятно, действительно был он выходцем из Румынии, может быть, из Бессарабии. Любил подчеркивать свою близость к Раковскому. Внешность Шора была непредставительная: маленький, тощий, чернявый, с горбатым носом. Но манеры изящные: извивался, расшаркивался, женщинам целовал ручки. А женщинам — ссыльным, окрестным крестьянкам — это было непривычно. Одни смущались и жеманились, другие хихикали, третьи прятали руки под фартук. Но никого это не оставляло безразличным, женщина всегда остается женщиной, и Шора окружала атмосфера поклонения. Помню, как он увивался вокруг жены Широкого — бабенки молоденькой и собой недурной. В отсутствие мужа она приглашала Шора к себе домой. Ничего не думаю плохого, говоря об этом.

Шор как-то сразу поставил себя в привилегированное и независимое положение по сравнению с другими ссыльными. Физическим трудом ни на лесозаготовках, ни на камнеразработках он не занимался, а сделался чем-то вроде культорга, точнее — режиссера самодеятельного театра. Произошло это совершенно незаметно, и всем казалось естественным. На территории камнеразработок было нечто вроде клуба, и Шор ставил там небольшие пьески. Артистами выступали и ссыльные, но преимущественно молодые парни и девушки из числа «вольных», работавшие по найму на камнеразработках или жившие в соседних деревнях. Постепенно Шор стал расширять поле своей деятельности и разъезжать с труппой по окрестностям, выступая то здесь, то там. Стал выписывать из Москвы костюмы, парики, пьесы. Откуда брал на это деньги — никто не знал, но посылки к нему приходили часто.

Ко мне Шор относился почтительно, старался сблизиться. Подчеркивал, что только мы с ним здесь культурные люди, и поэтому надо держаться ближе друг к другу. Чтобы доказать свою интеллигентность, заговаривал по-французски, по-немецки, и было видно, что эти языки, хоть и поверхностно, но знает. Скоро на камнеразработках появился еще один ссыльный из числа интеллигенции —

---

* Так в рукописи.

студент четвертого курса филологического факультета Ленинградского университета Абельсон. Вот мы и проводили часто время втроем. Шор, опять какими-то неведомыми путями, добыл себе отдельную комнату, поселил с собой Абельсона. Звал и меня, но я по какой-то интуиции отказался, остался в общем бараке и хорошо сделал. Привлек меня Шор, конечно, и к своему театру. В артисты я не годился, и стал выполнять функции суфлера и частично режиссера. Слухи о шоровских успехах дошли и до Холмогор, и там была даже идея пригласить нас в районный центр для руководства драматическим кружком. Но от этого быстро отказались, очевидно, потому, что мы все же были ссыльными, следовательно, людьми неблагоденственными.

Во время разъездов по деревням шоровская труппа иногда останавливалась в крестьянских избах на ночевку. Крестьяне встречали нас гостеприимно, кормили, укладывали спать. Но постепенно обнаружилось нечто странное: там, где побывал Шор, пропадали вещи: то часы, то кольцо, то просто деньги. Сначала подозревать его никому и в голову не приходило. Но постепенно подозрения росли, особенно среди мужчин. А женщины своего любимца защищали: недаром он был дамский угодник.

Прославился Шор еще в одном деле. Время было голодное. Продовольственное снабжение постоянно прерывалось. Люди часто ходили без хлеба. А у Шора всегда был не только избыток хлеба, но водилось и сало. Объяснял он это тем, что крестьяне давали ему продукты за театральные постановки. При этом Шор охотно делился и хлебом, и салом с другими ссыльными. Был очень щедр, и это опять-таки всех к нему привлекало. Когда продукты кончались, Шор исчезал на ночь-другую, а затем появлялся с саночками, на которых лежали хлебные буханки, мешок картофеля или что-либо иное. Он стал даже торговать хлебом среди ссыльных, но продавал его по сходной цене, не дорожась, а деньги тратил на улучшение театрального оборудования.

И вот однажды все разъяснилось. Шор был задержан при попытке ограбления продовольственного склада далеко от камнеразработок, в той черте, где работали не ссыльные, а вольнонаемные лесорубы. Оказывается, это уже не первое его дело. Но до сих пор все сходило с рук. Теперь он попался. Разъяснилась и тайна похищения крестьянских вещей после театральных постановок. Жил и действовал среди нас не разоблаченный троцкист, а типичный вор-профессионал.

К нам Шор больше, естественно, не вернулся. А я получил от него письмо из архангельской тюрьмы. Писал так, как будто ничего не случилось. Жить, мол, и здесь можно, жалко, что вас нет со мной, мы что-нибудь выдумали бы, чтобы было сытно и весело. Я, конечно, страшно перепугался: мало мне того, что попал неизвестно за что в холмогорские дебри, не хватает только еще быть привлеченным по уголовному делу!

Зимой 1932 года я тяжело заболел сыпным тифом. Случилось это, когда меня с партией ссыльных отправили на лесозаготовки, далеко от Орлеца. Жили мы в ужасных условиях. Холодный барак, сплошные нары, страшная скученность, грязь, масса вшей. Вспыхнула эпидемия. Больницы вблизи не было. В одной

из деревень устроили нечто вроде стационара. Лечил фельдшер, по-видимому, знающий, опытный. Врач изредка наезжал из Холмогор. Кое-кого тиф задавил на смерть. Я уцелел в значительной мере потому, что получал продуктовые посылки из Москвы, из дома, и хорошо питался.

Самое тяжелое время ссылки падает на зиму и весну 1933 года. Тогда там, где я был, наступил настоящий голод. Люди днями ходили без хлеба. Ели мясо падших лошадей, собак, кошек (я лично ни кошатины, ни собачины попробовать не решился). Началась страшная, повальная смертность. Каждый день в бараке умирало по несколько человек. Происходило это как-то удивительно буднично. Ходит ссылный, работает, остались кожа да кости, и все-таки работает, а затем вдруг сляжет и больше не встанет. Трупы закапывали в землю без гробов, хотя леса кругом было полно. Просто не было времени делать гробы, да и сил на это не хватало. Это был действительно самый настоящий мор.

Несколько легче стало к весне, когда открылась навигация, что облегчило подвоз хлеба. Можно было также ловить в реке рыбу. Приближался конец ссылки, и нарастало волнение. Никто не верил, что нас освободят. Думали, что или продлят срок, или вообще оставят на постоянное поселение. Волновали и слухи о введении паспортной системы: если и освободят, пустят ли в Москву?

И вот получаю вызов из Холмогорского районного управления ОГПУ. Отправляюсь туда с вечера вместе с двумя другими ссылными, которых вызвали одновременно со мной. Было это в сентябре 1933 г., дней за десять до того, как формально кончался срок моей ссылки. В районном управлении ОГПУ получаю справку об отбытии ссылки — «вольную», — так мы ее называли. На вопрос коменданта: «Куда поеду на постоянное жительство?» — отвечаю: «В Москву». — || (тетр. № 36) «К кому?» — «К родителям». Он так и пишет в справке: «Едет в Москву по месту жительства родителей». «Что ж, — думаю, — чудесно, никакие паспортные системы мне не страшны». Как я был наивен!

Итак я свободен! Странное все же существо человек! Сколько тяжелого было пережито за три года! Как я томился, оторванный от дома, от родных, друзей, от привычной обстановки, от любимого дела! Как рвался в Москву! Как горько было сознавать, что ты в неволе! А вот получил свободу, и вдруг жаль стало уезжать. Как-то новыми глазами огляделся вокруг и стал видеть то, что раньше не замечал или замечал недостаточно. Суровая, но величественная природа. Девственные леса. Широкая полоса Двины с разбросанными по ее берегам деревнями. И местные жители здесь суровые, но крепкие, трудолюбивые. Природа и жизнь их не баловала. Отсюда угрюмость, замкнутость, хмурость. Сжился я и со ссылными, многие из которых еще оставались. Разные среди них были люди, но всех постигло несчастье, а несчастье сближает.

Вот те чувства, которые я испытывал. Но, конечно, их поглощали другие: радость свободы и тяга домой, к своим. И вот я еду пароходом в Архангельск, а затем оттуда поездом в Москву. Непривычно сидеть в четырехместном купе, непривычно идти оттуда в вагон-ресторан, заказывать себе по вкусу завтрак, обед, ужин.

Наслаждаюсь свободой. Но скоро узнаю, что радоваться поторопился. Призрак ссылки следует за мной. В купе со мной едут еще три пассажира — двое военных, один штатский. Разговорились. Каждый рассказывает: кто он, откуда, куда и зачем следует. Рассказываю и я, рассказываю без обиняков: был в ссылке, освобожден, возвращаюсь домой — и вдруг замечаю, как сразу меняется ко мне отношение. Соседи мои насторожились, непринужденность пропала, ее заменила настороженность. И до Москвы мы уже больше молчали.

Вот и Москва, вот и дом. Мама с Таней, оказывается, в Крыму, в санатории. Дома лишь отец и Варвара Алексеевна. Три года тому назад, когда меня арестовали, у нас был еще один член семьи: чудесный песик Мишка, белая лайка, пушистая, веселая. Он очень был ко мне привязан. Узнаю, что после моего ареста он сильно тосковал, почти не сходил с моей кровати и скоро на ней и умер.

Немного пришел в себя, освоился. Надо было думать о прописке и об устройстве на работу. Естественно, прежде всего явился в ОГПУ и предъявил свою справку об освобождении. В ней было написано, что она подлежит обмену на постоянный вид на жительство, т. е. на паспорт. Но дежурный, к которому я обратился, ответил безразлично и равнодушно: уезжайте за сто километров от Москвы, там и получите паспорт. Я апеллирую к справке, в которой сказано, что мне разрешено ехать на жительство в Москву. Никакого впечатления это не производит. Наконец, я начинаю понимать, что дальнейшие разговоры вообще бесполезны. Пробую действовать через районное отделение милиции — получаю предписание покинуть Москву в течение десяти суток. Обращаюсь в Главное управление милиции Москвы — тот же результат.

Узнаю, что на Кузнецком мосту находится организация Красного креста, во главе с Пешковой, которая содействует бывшим ссылным в получении паспортов¹⁷⁹. Для этого надо заручиться справкой от какого-нибудь учреждения, что оно готово взять тебя на работу в случае получения московского паспорта. Иногда добиться паспорта удастся, иногда нет. Но где взять такую справку? Алексей Иванович Яковлев, вернувшийся из ссылки раньше меня и прописавшийся в Москве, пытается мне помочь через В. П. Волгина. Но тот дать справку от Академии наук отказался. Иду к Невскому, под началом которого работал когда-то в Ленинской библиотеке. Тот также не решается написать, что согласен взять меня на службу. Время идет. Уже и Таня с мамой вернулись из Крыма, уже и зима наступила, а я все хожу неустроенным, неприкаянным. Ощущаешь себя человеком на нелегальном положении. Ночевать дома опасно. По ночам бывают проверки документов. За ночевку без прописки — по закону штраф, а в повторном случае — новая ссылка. Наконец, отцу удается договориться в каком-то технически-проектном учреждении о согласии принять меня на работу после получения прописки в Москве. Мне дают соответствующую справку, я отношу ее в Красный крест, а через некоторое время мне сообщают, что в выдаче московского паспорта мне отказано.

Очевидно, дальнейшие хлопоты бесполезны. В Москве больше делать нечего. Надо уезжать в какой-то другой город. Переживаешь страшную обиду. За что

все это? Что я сделал дурного? На семейном совете решено, что мне лучше всего поселиться в Рязани. Это моя родина, там у меня остались дальние родственники, знакомые. Они помогут мне устроиться. Действительно, мне удалось снять в Рязани комнату. Там я получил и паспорт. Как будто легализовался. Возник вопрос о работе. И тут снова осечка. И учреждения, где я мог бы работать, имеются, и работники, как будто, нужны. Но как только узнают, кто я и что я, — сразу вежливый отказ. Ткнулся в Педагогический институт, в Исторический музей — результат всюду один: не берут. Очень тяжело так жить.

Занимался литературной работой. Делал кое-какие переводы, печатал отдельные статьи. В это время издательство «Academia», которое тогда возглавлял Л. Б. Каменев, задумало, по инициативе А. М. Горького, издание серии книг по истории старинных русских городов. А. И. Яковлев помог мне оформить с этим издательством договор на написание книги о Рязани¹⁸⁰. Труд предполагался большой, листов в 25. Помню, как я зашел в издательство к Каменеву. Он сидел у себя в кабинете, грузный, самодовольный и с аппетитом уписывал большой бутерброд с ветчиной. Разговаривал со мной с набитым ртом.

На данном этапе моей жизни работа над «историей Рязани» — это, пожалуй, лучшее дело из того, что можно было придумать. Не говоря уже о том, что я описывал прошлое того города, где жил в настоящее время, я как бы продолжал дела своего деда, семейную традицию Черепниных — рязанских уроженцев. Я много часов проводил в историческом музее, где была неплохая библиотека, и в рязанском архиве, а также просто бродил по Рязани, изучая старину. Познакомился я с рядом местных краеведов, которые помогали мне в моей работе. Из них в первую очередь вспоминается Дмитрий Дмитриевич Солодовников¹⁸¹, преподаватель истории. Я слушал его лекции еще в 20-х годах в рязанском Институте народного образования, где недолгое время учился. Теперь, встретившись с ним снова, не раз прибегал к его научной консультации. Он хорошо знал прошлое своего города, посвятил ему ряд трудов: некоторые были опубликованы, другие хранились в рукописном виде в музее. Жил он, по-видимому, бедно, плохо одевался, за собой не следил, но был энтузиастом своего дела.

В рязанском музее тогда работал Георгий Карлович Вагнер¹⁸², занимавшийся историей искусства. Он был очень молод, лет двадцати пяти, получил только среднее образование, но обладал талантом и большой эрудицией. Он познакомил меня с рядом своих рукописных статей, посвященных архитектуре рязанских церквей. В них проявился присущий искусствоведам того времени социологизм — тенденция выводить эволюцию архитектурных форм непосредственно из изменений общественных отношений. Но все работы Вагнера были яркими и творческими.

В дальнейшем Вагнеру пришлось пережить много тяжелого. Уже после моего отъезда я узнал, что он был арестован и сослан куда-то на Север. По возвращении он стал работать в Москве, в Институте археологии. Там я встретил его снова. Несмотря на большие знания, он занимал должность вспомогательного сотрудни-

ка, т. к. у него не только не было ученых степеней и званий, но он не закончил даже высшего учебного заведения. Поэтому ставка была маленькая, существовать на нее было трудно. Но он много трудился, написал новые исследования. Наконец, администрации Института археологии удалось добиться для него у Высшей аттестационной комиссии права защищать диссертацию, не имея диплома о высшем образовании. Совсем недавно Вагнер стал доктором наук.

Из рязанских знакомых того времени вспоминаю еще Владимира Николаевича Мещерина¹⁸³. Как будто он нигде не служил и жил частными уроками. Вероятно, потому, что в прошлом был эсером или меньшевиком. Очень бедствовал, зимой и летом ходил в одном пальтишке, старом, потрепанном, холодном, в рваных башмаках и без калош. Сам весь заросший рыжей щетиной, всклокоченный, какой-то пришибленный и жалкий. Когда-то, в годы первой русской революции, принимал участие в нелегальных кружках в Рязани и делился со мной своими воспоминаниями, чтобы я воспользовался ими для книги.

Постоянно я бывал в доме Латышевых. Старушка Варвара Михайловна, приятельница моей бабушки, к тому времени уже умерла. Из латышевской семьи остались только племянники Варвары Михайловны — дети ее покойного брата Дмитрия Михайловича — Анатолий и Наталья. Наталья Дмитриевна была учительницей, преподавала в школах, а Анатолий, недоучившийся студент, был инвалид. В молодости заразился сифилисом, затем его хватил паралич, и хотя подлечился, оправился, но страшные последствия остались — ходил весь скрюченный, хромотал, тряся. А энергии было много. Тратил ее на общественные дела в качестве выборного и доверенного лица от какой-то инвалидной организации. Все куда-то ходил, о чем-то или о ком-то хлопотал, чего-то добивался. Кончил плохо: по каким-то общественным делам вошел в конфликт с председателем рязанского горсовета, его забрали — и пропал.

В доме Латышевых меня встречали очень приветливо. Я был там своим. А это было мне важно, потому что чувствовал я себя в Рязани очень одиноко. По просьбе Анатолия Дмитриевича читал ему отдельные отрывки из книги о Рязани: он был патриотом своего города.

Книгу я закончил года в два. Описал историю города с древнейших времен до середины 30-х гг. XX в. Ее послали на рецензию Десницкому¹⁸⁴, который являлся редактором всей серии книг о русских городах. Рецензия была положительная. Но мой труд, как и другие труды, предназначавшиеся для этой серии, света не увидели. После ареста Каменева все планы в «Academia» были пересмотрены, а скоро издательство закрыли. Авторский гонорар я получил по решению народного суда.

Рукопись книги о Рязани и сейчас лежит у меня в шкафу. Теперь я вижу, насколько она несовершенна, сыра, рыхла, слаба теоретически. Но в ней собран интересный и обильный материал. И я часто мечтаю еще раз вернуться к своей работе, переделать ее, завершить. Не знаю, удастся ли. Ведь так уж мало осталось времени. Но надеяться хочется.

Из встреч той поры не могу не вспомнить еще одну: с Верой Николаевной Фигнер¹⁸⁵. Она отдыхала летом в Касимове, и я приехал туда погостить к моей кузине Ольге Николаевне Телишевой. Вера Николаевна вместе со своей двоюродной сестрой, тоже старушкой, прибывшей из Москвы, часто заходила к моим родственникам. Ко мне она отнеслась очень хорошо, мы много с ней гуляли, разговаривали. Меня поразили ее благородная старческая красота, подтянутость, выдержка, живой интерес ко всему окружающему, внимание к людям, такт. Для меня, да и для всех окружающих, она была легендарной фигурой и в то же время живым, обаятельным в своей простоте человеком. Недели две, прожитые в Касимове в обществе Веры Николаевны Фигнер, обогатили меня духовно.

|| (тетр. № 37) Из Рязани я не раз наезжал в Москву, хотя ночевать там было рискованно, по ночам милиция часто ходила по квартирам, проверяла документы. Если бы застали меня, и я бы пострадал, и родителей бы подвел. В конце 1934 г. я познакомился с девушкой, которая стала моей женой — Евгенией Вениаминовной Гальпериной, Геней¹⁸⁶. Вместе с моей сестрой Таней она работала в лаборатории Боткинской больницы. Жила в Старокозихинском переулке, где у нее была маленькая комнатка.

Моя Геня, моя жена — это самое большое и светлое, что послано мне в жизни судьбой. И в то же время это настолько личное чувство, что его трудно передать бумаге, оно должно таиться глубоко в себе. И в радости, и в горе Геня всегда со мной. Мне трудно представить себе сейчас, как я жил, когда еще не знал ее, когда ее не было около меня. Я знаю, что много горя принес ей своим характером, мнительным, обидчивым, капризным. Ей не раз приходилось очень нелегко. За многое я себя корю и виню, но я никого не любил так, как ее, вернее — не было у меня другой подруги, которую бы я любил.

Мы познакомились и стали мужем и женой в такое время, когда все казалось бесперспективным. У меня не было постоянной работы, московской прописки, ничего хорошего я не видел и впереди. Каждая ночь, которую я проводил в Гениной комнате, грозила ей неприятностями со стороны домоуправления, соседей, милиции. Ее ничто не испугало. И даже когда она плакала, то старалась это делать без меня. Она отдала мне свою большую душу, которой я не стоил.

Наших отношений мы сначала не оформляли, сделали это много позднее, в 1942 г.¹⁸⁷ Но жизнь стали строить вместе с середины 30-х годов. Из Рязани мне захотелось переехать поближе к Москве, и я снял себе комнату в Кашире. Комнатка небольшая, проходная. Спал я на сундуке. Хозяйка — Юлия Ивановна Пашкова, женщина полуинтеллигентная, вдова какого-то чиновника, у нее три взрослых дочери — две замужние, внуки. Весь этот народ, и стар и мал, проходил через меня в течение всего дня. Приходилось мириться. В Кашире вообще комнату было достать трудно. А Кашира привлекала своей близостью к Москве. Всего три часа езды. Поездов много. При желании можно было обернуться из Каширы в Москву и обратно в один день.

Постепенно я стал включаться в научно-исследовательскую работу, выполняя ее по договорам. В это время историческая наука переживала период подъема.

Вводилось преподавание гражданской истории в средней школе. Открывались исторические факультеты в университетах. Началась подготовка учебников для средней и высшей школы. Передавались рассказы о том, как Сталин решил проэкзаменовать по истории своего сына-школьника, пришел в ужас от его познаний, вернее, от полного незнания, и после этого якобы началась перестройка исторического образования. А в «Крокодиле» был напечатан фельетон про «папу — старого большевика» и сына «старого пионера». Папа допытывается у сына, «какую должность занимала Екатерина II», а тот знает о ней лишь то, что она является «продуктом разложения торгового капитализма».

Мои учителя Бахрушин, Яковлев и другие историки ходили окрыленными. Их стали привлекать к работе по специальности. Бахрушин рассказывал мне, что он слышал, как будто Сталин говорил Ванагу: «Не справитесь с учебником, обойдемся и без вас, у нас есть старые специалисты».

Но скоро на историческом фронте начались новые осложнения. Усилившиеся с 1934 г. и принявшие особенно широкие размеры в 1937 г. нарушения законности захватили и историков. Только теперь репрессиям подвергались преимущественно члены партии, часто старые большевики. Их объявляли врагами народа, и они исчезали надолго, а то и навсегда. Лишь немногие уцелели до тех пор, пока были восстановлены начала законности, и вернулись к нормальной жизни. В газетах писали страшные вещи о заговорах, шпионаже, подрывной деятельности членов подпольных организаций. Мы старались и не могли понять, в чем дело, жили все время в страхе.

Поскольку ряды историков-коммунистов очень и очень поредели, ведущее положение в исторической науке заняли ученые старой школы, лишь начинавшие приобщаться к марксизму. Наиболее крупные из них стали академиками (Б. Д. Греков, Ю. В. Готье, В. И. Пичета и др.), членами-корреспондентами (С. В. Бахрушин и др.), профессорами университета. Почти все серьезные историки стали работать в созданном заново в системе Академии наук Институте истории. Я нигде на службе не состоял, но работу на договорных началах мне давали.

Так, небольшая группа сотрудников Института (А. Н. Сперанский, Н. В. Устюгов, В. И. Шунков) готовила сборник документов по истории ремесла в Московском государстве XVII в. Мне было поручено составить для этого издания библиографический указатель опубликованных материалов. Получилась довольно большая работа. Во время Отечественной войны она пропала, где-то затерялась.

Еще до войны в Институте истории стал подготавливаться коллективный труд по истории СССР с древнейших времен до наших дней. Меня привлекли к написанию статей по истории ряда нерусских народов (ибо в то время было нелегко найти авторов по этой тематике). Я писал главы по истории Карелии, Коми, Молдавии, Крыма, народов Поволжья и т. д. для разных томов, посвященных разным периодам. Как известно, задуманное издание не осуществилось в том виде, как оно мыслилось первоначально, и мои статьи в разных вариантах залегли в моем архиве, света не увидели. Но на материале тех же статей были написаны некоторые

разделы для второго тома вузовского учебника по истории СССР, опубликованного под редакцией М. Б. Нечкиной¹⁸⁸.

А. И. Яковлев привлек меня к подготовке многотомного издания документов по истории Мордовской АССР (до войны вышли три тома). Организовал эту работу Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории в Саранске, но фактически велась она в Москве. Получал я также заказы из Большой советской энциклопедии. Были и другие работы. Словом, заработок я имел, хотя и небольшой, и непостоянный. И в печати мои труды стали появляться. На рубеже 30-х и 40-х годов, до Отечественной войны, ряд статей мне удалось напечатать в «Исторических записках». Это по преимуществу те, что я написал еще в университетские и РАНИИОНовские годы: исследование о побегах крестьян на юг и классовой борьбе там в 1682 г., перевод Псковской Судной грамоты и комментариев к памятнику, статью о летописце Даниила Галицкого. Сам я придавал особенное значение большой статье «Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв.»¹⁸⁹. Основным для нее источником послужили документы московского митрополичьего дома, сохранившиеся в составе ряда копийных книг, древнейшей из которых являлась книга из Синодального собрания Государственного Исторического музея. Я всю ее перекопировал и переписал на машинке еще в бытность аспирантом, а теперь подверг исследованию. Очерк, опубликованный в «Исторических записках», представлял собой краткое изложение будущей кандидатской диссертации. Я попытался дать марксистское понимание структуры феодального землевладения. Постарался также сопоставить основные черты феодальных отношений в средневековой Руси и на Западе. Осуществлению последней задачи много помогли уроки, полученные в результате участия в течение ряда лет в семинаре Дмитрия Моисеевича Петрушевского. У каждого человека среди его работ есть наиболее любимые. Для меня одним из любимых собственных трудов является исследование о митрополичьей вотчине.

В моей творческой биографии, особенно на первых шагах научной деятельности, большую роль сыграли «Исторические записки». Я вообще считаю, что это одно из капитальнейших исторических изданий нашего времени. А его душой в течение ряда лет был Исаак Уриелевич Будовниц¹⁹⁰. Почти один, с помощью, может быть, только секретарши, он нес на своих плечах тяжелый груз подготовки к выпуску ежегодно до четырех томов «Записок», редактировал, правил, вел корректуру и оставил после себя многотомное наследство. Вообще это был очень интересный человек. По наружности невзрачный, маленький еврей, шупленький, болезненный, с большими ушами, он отличался живым умом, острым языком, юмором, любил шутку. Старый газетный работник, он сравнительно поздно пришел в науку, пришел благодаря Борису Дмитриевичу Грекову, который привлек его на работу в Институт истории. Редактируя «Исторические записки», Будовниц сам занимался научными исследованиями, писал по истории культуры, общественной мысли феодальной эпохи. Но говорил он лучше, чем писал, живее,

более творчески, оригинальнее. Все же, что им написано, добротное, добросовестное, и в то же время лишено настоящего огонька, пресно.

Интересен был Исаак Уриелевич в жизни. Любил людей, природу, стремился познать быт разных слоев населения в разных частях страны. Летом, во время отпуска, часто отправлялся пешком в длительное путешествие на дальнее иногда расстояние, тратя на это месяц и более. Возвращался грязный, оборванный, весь заросший волосами, но полный впечатлений от встреч, от виденного, от того нового, что узнал в пути. Спутником Будовница не раз бывал Николай Иванович Павленко.

В домашней обстановке был любителем преферанса. Его партнерами по пульке бывали и Михаил Николаевич Тихомиров, и Аркадий Лаврович Сидоров¹⁹¹, и Николай Иванович Павленко¹⁹², и Вадим Александрович Александров¹⁹³. Не прочь был Будовниц выпить. На вечеринках ставил около себя поллитровку водки и, одолев ее, с гордостью заявлял: «Ну вот я и окончил монографию». А выпив, не прочь был и похвастаться своими любовными похождениями и тем, что жена, зная о них, только за него радуется: «Пусть Бусенька (так его звали в домашней обстановке) развлекается».

Шестидесяти с небольшим лет Будовниц ушел на пенсию, чтобы целиком отдаться научной работе. Но прожил недолго. Умер Исаак Уриелевич от тяжелой болезни, то ли от водянки, то ли от рака мозга. Лежал в больнице с жестокими головными болями, мозг умирал, а тело еще было живо. Гражданская панихида была в крематории. Меня попросили выступить на ней, но я отказался. Вспомнил, как Исаак Уриелевич при жизни не одобрял эти панихиды, усматривал в них часто и фальшь, и лицемерие, и неискренность. Говорил, шутя, про себя: моя специальность редактирование, но ритуал своих похорон я отредактировать не смогу, поэтому говорю заранее — не надо загробных речей. Но речи были, я же их не слушал.

В получении работы в Институте мне много помогал Семен Кузьмич Бушуев¹⁹⁴, занимавший там какой-то административный пост. Я ему навсегда останусь благодарным, ибо забыть помощь, оказанную в тяжелые дни, нельзя. Но человек это был совершенно другой, чем Будовниц, — не очень знающий, большой карьерист и мало принципиальный исследователь. Печальную известность он приобрел работами о Шамиле. Сначала изобразил его движение как национально-освободительное, затем после статьи Багирова изменил свою точку зрения и охарактеризовал Шамиля как англо-турецкого агента, но эта точка зрения недолго продержалась в литературе. Говорили о Бушуеве как о человеке не очень морально чистоплотном. Не знаю за что, но на ряд лет он был исключен из партии, восстановили его уже после XX съезда.

Еще в довоенные годы я стал бывать в Институте истории на заседаниях. Правда, делал это не очень часто, ибо без постоянной работы, без прописки в Москве, с судимостью за плечами чувствовал себя неполноправным человеком. Мне все время казалось, что мои товарищи, знакомые или жалеют меня (а жалость всегда унижает), или же, наоборот, побаиваются и избегают моего присутствия. Было,

конечно, и то и другое, но справедливость требует сказать, что || (тетр. № 38) большинство относилось ко мне просто и доброжелательно.

Из событий научной жизни того времени мне запомнилась защита докторской диссертации Михаилом Николаевичем Тихомировым. Пожалуй, это первая защита по новому положению об ученых степенях и званиях, на которой я присутствовал (не беру в расчет РАНИИОНовские времена). Защищал Михаил Николаевич свое исследование о Русской Правде, тогда еще не опубликованное (напечатано оно было позже). Дело происходило на Волхонке, незадолго до войны. Оппонентами выступали Борис Дмитриевич Греков, Алексей Иванович Яковлев, Сергей Владимирович Бахрушин. В качестве неофициального оппонента выступила одна не совсем нормальная старуха (по фамилии, кажется, Леонтьева), которая считала себя знатоком Русской Правды и постоянно, к случаю и не к случаю, высказывала свои соображения (обычно довольно сумбурные) об этом памятнике. Диссертант тогда еще не был таким небожителем, как впоследствии, когда стал академиком, держался и отвечал просто, да на него особенно и не нападали. Все прошло тихо и спокойно, и по контрасту я невольно вспомнил о бурной защите Николая Михайловича Дружинина в РАНИИОНе.

Вспоминаю, что вокруг докторской диссертации Тихомирова большой шум поднял Викторин Павлович Любимов. Это юрист по образованию. В 1905 г. он принимал участие в революционном движении, как будто был большевиком или человеком, близким к большевикам. В 20-х годах, уже немолодым человеком, он ходил на занятия на факультет общественных наук Московского университета, не знаю — в качестве студента или вольнослушателя. Там я познакомился с ним в семинаре по Русской Правде, который вел М. М. Богословский. С тех пор Русская Правда сделалась объектом постоянных научных исследований Викторина Павловича. Когда под руководством Б. Д. Грекова образовалась группа по подготовке академического издания Русской Правды, в нее, наряду с Чаевым¹⁹⁵, Гейермансом, Кочиным¹⁹⁶, Тихомировым, Лавровым¹⁹⁷, вошел и Любимов¹⁹⁸. И после завершения академического издания Любимов продолжал изучать Русскую Правду, но умер, так и не завершив своего труда. Самое же печальное, что рукописи его куда-то исчезли.

Когда Тихомиров представил к защите докторскую диссертацию, Любимов весьма возмущенно говорил, что он не имел права этого делать до завершения работы над Русской Правдой всего коллектива, в который он входил. Я сам слышал, как Викторин Павлович излагал свои жалобы А. И. Яковлеву, а тот, будучи довольно безразличным к вопросам приоритета, увещевал Любимова: «Ну что из того, что Тихомиров написал о Русской Правде труд? Вы напишите другой, тема широкая, на всех хватит».

У самого Алексея Ивановича возник также конфликт с Б. Д. Грековым по поводу издания актов боярина Б. И. Морозова. Это издание было подготовлено Яковлевым вместе с А. А. Новосельским еще в конце 20-х годов и должно было выйти под маркой Археографической комиссии. В 1930 г. Яковлев был арестован, после

чего типографский набор был рассыпан, а Морозовские акты вышли в свет под редакцией Грекова. Возвратившись из ссылки, Яковлев был этим обстоятельством очень огорчен и раздражен и добился нового издания морозовских документов под своим именем в качестве редактора. А к Грекову до конца своей жизни Алексей Иванович относился недружелюбно.

Середина 30-х годов — это время, когда стала восходить звезда Грекова. Его избрали академиком. Скоро он стал директором Института истории и на долгие годы сделался руководителем исторического фронта. Несомненно, успехам Грекова весьма содействовала общая ситуация, сложившаяся тогда среди историков. Массовые репрессии, постигшие марксистов и коммунистов, очень оголили ряды деятелей исторической науки. Многие же ученые старой школы только что вернулись из ссылки и доверием еще не пользовались. А нужны были силы как для научно-исследовательской, так и для педагогической работы. Греков принадлежал к числу наиболее молодых представителей старой дореволюционной науки. Поэтому он был более, чем некоторые из его старших товарищей, восприимчив ко всему новому. Он не был репрессирован в 1930 г. и поэтому на нем не лежало пятно ссылки. Был в его биографии один компрометирующий факт, когда во время гражданской войны, находясь в Крыму и являясь профессором Симферопольского университета, он участвовал в какой-то встрече местной интеллигенции с Врангелем. Но об этом не вспоминали.

После избрания академиком Греков быстро пошел в гору. Он был секретарем Отделения истории и философии Академии наук СССР, депутатом Верховного Совета РСФСР, а затем Верховного Совета СССР, членом президиума Советского комитета защиты мира. Говорят, что Грекова лично знал Сталин и советовался с ним по вопросам присуждения Сталинских премий. Сталинским лауреатом был и сам Греков.

Греков мог печататься столько, сколько хотел. По несколько изданий выдержали его книги «Киевская Русь», «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века». Его концепция истории русского феодализма считалась общепринятой и чуть ли не официально утвержденной. Редко кому из историков выпадала на долю такая полная, яркая жизнь.

Относились и сейчас относятся к Грекову по-разному. Одни считают, что он использовал свое положение в интересах исторической науки, и если бы не он, то в годы господства культа личности условия для работы историков были бы значительно хуже. Другие, напротив, усматривают отрицательную роль Грекова в том, что господство в науке его концепции подавляло все другие точки зрения и стесняло свободу творческой мысли. Юшков¹⁹⁹, например, просто не терпел Грекова, считал его своим лютым недругом. Я считаю, что Греков сделал много полезного и для науки, и для ученых. В значительной мере его заслугой является, что в трудные годы культа личности, когда весьма процветало администрирование в науке, в Институте истории сложился хороший, творческий коллектив ученых, там создавались ценные монографии, оставившие значительный след

в науке. Привлекали к Борису Дмитриевичу мягкость, интеллигентность, умение обращаться с людьми. Но к своим научным концепциям Борис Дмитриевич был действительно ревнив, а так как в его руках были неограниченные возможности печатания, он широко и настойчиво распространял свои взгляды. Научным противникам Грекова, не обладавшим такими возможностями, было, конечно, много труднее.

Недавно в журнале «Октябрь» была опубликована повесть Бондарева «Родственники». Там изображен профессор Греков — приспособленец, в целях карьеры предавший собственную сестру. Не думаю, чтобы Бондарев не знал о том, что был реальный профессор Греков — Борис Дмитриевич. Не случайно ряд деталей из бондаревской повести напоминает некоторые моменты из жизни Бориса Дмитриевича. Зачем же уважаемый советский писатель присвоил своему малосимпатичному персонажу фамилию, которую носил уважаемый советский ученый? Для того, чтобы набросить посмертно тень на его доброе имя? Нехорошо это.

Моя личная жизнь в предвоенные годы оставалась неустроенной, ибо я кочевал между Каширой и Москвой. Летние месяцы я с женой иногда проводил у ее родителей в Сокольниках, где милиция была менее бдительна в отношении нарушения паспортного режима. Мой тесть, Вениамин Сергеевич, был ремесленником-часовщиком из Калуги. Сейчас он уже почти не работал, брал только мелкую починку. Жил в основном на иждивении сына. Интересный был старик: щепетильный, мнительный, все время боялся, как бы не затронули его самолюбие. Он был необразован, но очень тянулся к знаниям, увлекался политикой, газету прочитывал от начала до конца. И сам пробовал писать в стенной газете. Был поклонником Сталина, портрет которого в шинели и сапогах висел у него на стене.

Теща моя — Берта Ефимовна — очень красивая старуха. Простая женщина, она вся отдалась детям — Гене и ее брату, жила их жизнью и ничего не хотела для себя.

Жили Вениамин Сергеевич и Берта Ефимовна в старом деревянном доме, без уборной и водопровода. На втором этаже у них была комната с террасой, где летними ночами и спали мы с Геней.

Другую комнату на втором этаже занимал Генин брат, Герман Вениаминович, с женой Софьей Владимировной. Герман Вениаминович был военнослужащим, работал в Сокольническом военном госпитале в качестве начальника финансовой части.

Дом был перенаселенный, население пестрое, в основном малокультурное. Постоянно шум, сплетни, ссоры, драки. Приезжая сюда из Москвы, как бы переселялись в другой мир. Много гуляли по Сокольникам и как бы сроднились с ними.

Во время летнего Гениного отпуска мы обычно каждый год отправлялись в речное плавание по разным рейсам: от Москвы до Уфы, или до Перми, или до Астрахани. Мы полюбили водные путешествия. Вода действует освежающе и облагораживающе. Сидишь на палубе, и перед тобой разворачивается панорама, все время меняющаяся, дающая все новые и новые впечатления. А как хороши нежные

огоньки на реке ночью! Какая волшебная картина раскрывается перед глазами, когда в темноте подплываешь к незнакомому городу, и он встречает сотнями ослепительных огней! А сколько городов проезжаешь: в каждом выходишь, гуляешь, смотришь достопримечательности. Наконец, на пароходе чувствуешь себя таким же человеком, таким же гражданином, как и все остальные, ибо не надо думать ни о каких прописках.

Зимой мы много бывали в театрах. Театр всегда играл большую роль в моей жизни. И сейчас я сохраняю к нему большую любовь и на старости лет продолжаю посещать театральные постановки, хотя многие надо мной и подсмеиваются.

В последние годы перед Отечественной войной моих близких стала посещать смерть. Умерла жена моего дяди Александра Алексеевича Черепнина — Любовь Ивановна. Умер дядя Павел Алексеевич Черепнин. Смерть его была тяжелая, от рака желудка. Снимал у кого-то угол, лежал весь изможденный, исхудавший, почти скелет. Родственники приносили ему пищу, по очереди у него дежурили, а он все ждал выздоровления. Но не дождался. Умер и Федор Константинович Рындин после операции предстательной железы. А был до операции бодр, жизнерадостен. Много занимался литературной работой. Выпустил книгу по истории Клинцовской мануфактуры; специально собирал для нее материал в местном фабричном архиве, приезжая туда в летние месяцы из Москвы. Помню на похоронах Любви Ивановны он мне говорил: «Странно устроена жизнь. Годам к шестидесяти человек достигает полной зрелости, набирается мудрости, тут бы и обобщить жизненный опыт, продумать его, а надо умирать. Вот если бы были сейчас, как раньше, монастыри, я ушел бы в монастырь и многое бы осмыслил из своей жизни, многое бы записал». Но судьба уготовила ему другое.

Всех моих родственников хоронили по церковному обряду, отпевали в церкви на Даниловском кладбище. Особенно запомнились мне похороны Федора Константиновича. Его сын Вадим достиг уже в то время большой известности и много зарабатывал. Он хотел проводить отца из этой жизни особенно торжественно. Был великолепный хор, масса цветов (белых роз), которые меняли в гробу, чтобы они были свежими. Всегда в торжественное и печальное вкрадывается что-то низменное и смешное. И вот рядом со скорбными фигурами вдовы и детей Федора Константиновича мне видится согбенный стан и подобострастная улыбка какого-то комиссионера или подрядчика по похоронному делу, ждущего новых поручений от Вадима.

|| (тетр. № 39)

На Даниловском кладбище скоро вырос небольшой городок, где нашли последнее прибежище некоторые представители нашей семьи. В дальнейшем число их увеличивалось.

Много горя испытала и моя жена Геня. У нее был еще один брат МIRON. Он окончил техникум и работал в Иванове на какой-то текстильной фабрике. Там обзавелся и семьей: женой и маленькой дочкой. МIRON был спортсмен, увлекался футболом. Во время одного состязания противник нанес ему неосторожно сильный удар ногой

и повредил мочеполовые органы. Результат — туберкулез почек и медленная смерть. Геня очень переживала. Дважды мы ездили с ней в Иваново: один раз, когда Мирон лежал в больнице, а другой — уже на похороны. Своей маленькой осиротевшей племяннице Берте (или Бете, как мы ее звали) Геня помогла встать на ноги, поддерживала ее и материально, и морально. Время от времени она подолгу жила у нас в Москве или на даче под Москвой. Сейчас она уже взрослая, окончила педагогическим институт, вышла замуж, живет в Саратове и преподает там в школе, у нее у самой две дочери — одна даже школьница²⁰⁰. Так идет время, жизнь не прекращается, несмотря на смерти.

Вскоре после Мирона умер Вениамин Сергеевич. Он страдал болезнью печени, желчного пузыря. Случился сильный припадок, вызвали скорую помощь, отвезли его в Боткинскую больницу, и через несколько дней его не стало. Похоронили на Востряковском еврейском кладбище.

Весной 1939 г. скончалась Мария Иосифовна. Произошло это совершенно неожиданно. Она была на работе у себя в больнице, производила вскрытие. Сразу ей сделалось плохо, потеряла сознание и прожила лишь несколько часов. Оказалось — кровоизлияние в мозг. Ее похоронили на армянском кладбище, которое уже давно перестало быть чисто армянским, стало интернациональным²⁰¹. Похороны были гражданские. Она всегда была чужда религии.

Вспоминая сейчас Марию Иосифовну, должен сказать, что жизнь ее была не легкая. Пожалуй, самыми хорошими были для нее те годы еще до революции, когда она жила в Москве. А затем в 1917 г. тяжелое заболевание туберкулезом, отъезд в Крым — все это сломало сложившийся жизненный уклад. По возвращении же в Москву как-то разладился семейный быт. Отец стал удаляться от дома, у него были увлечения на стороне, сложилась своя компания вне дома. Самым близким человеком маме была моя сестра Таня. И вот она тяжело заболела пиелитом (болезнь почек). Мария Иосифовна, отдававшая Тане всю душу, переживала невероятно. Постепенно ее характер становился все более замкнутым, она уходила в себя, в обращении с окружающими проявлялась угрюмость, резкость, раздражительность. Многие ее поэтому не любили. Но в то же время человек она была добрый, отзывчивый, когда было нужно, многим оказывала помощь и делала это незаметно, без лишних слов и рисовки. Я знаю это по себе. Я испытал заботу мамы и на Севере, куда регулярно поступали ко мне из дома посылки, и в Москве, где она многое сделала, чтобы помочь мне восстановиться в правах.

После смерти Марии Иосифовны семья распалась совсем. Я уже давно судьбой был изгнан из родительского дома. Таня продолжала жить с папой, но они становились все менее близки друг другу. Несколько связывала семью Варвара Алексеевна, которая заботилась и об отце, и о Тане. И все же это был лишь призрак семьи.

И вот в наше существование вторгся такой страшный фактор, как война. День, когда она началась, 21 июня 1941 г., застал меня в Москве. Проснувшись мы с Геней в своей комнатке в Малом Козихинском переулке, настроение было доброе, летнее.

Хотели ехать в Сокольники. А затем последовала по радио речь Молотова — и все изменилось: и настроение, и планы, да и вообще вся жизнь. Надо было думать, как строить ее дальше.

К началу войны я был снят с военного учета вчистую по болезни. Имел на руках так называемый «белый билет»: медицинская комиссия нашла у меня сердечно-сосудистое и нервное заболевание. Думаю, что это было вызвано не столько действительным состоянием здоровья, сколько тем, что в 30-х годах в армию старались не брать лиц, имеющих судимость. Когда в Кашире началась запись в народное ополчение и я явился в военкомат, чтобы записаться, там посмотрели на мой билет и вернули, сказав, что если понадобится, меня вызовут.

Приходилось думать о работе. Возможность продолжать ее в Москве отпадала не только потому, что с началом войны свертывались все те мероприятия, к которым я был привлечен по литературным договорам, но и в силу того, что въезд в Москву был запрещен, в поездках шла проверка документов, и я должен был не покидать Каширы. Мне удалось получить работу в средней неполной школе в Белопесочке (напротив Каширы, на другом берегу Оки). Каждый день отправлялся туда ранним утром, еще затемно, а возвращался вечером, когда тоже уже начинало темнеть. Преподавал историю в нескольких классах. Скоро обнаружил, что я совершенно не гоюсь для преподавания в средней школе. Я не умел приспособиться к возрасту, не мог просто, доходчиво, интересно, доступно для понимания ребят изложить исторический материал. Меня не слушали, по лицам я видел, что то, что я говорю, не доходит. Кроме того, я совершенно не знал, как поддержать в классе дисциплину. Ребята делали, что хотели, издевались надо мной, шумели, строили рожи, дрались, а я был бессилен. Я и кричал, и выгонял из класса, и уговаривал — ничто не помогало. Особенно обидно мне было видеть, как в классе моментально восстанавливалась тишина, стоило только войти директору или завучу. Причем ребята замолкали и принимали приличный вид сами, без окриков и угроз. Почему же я не могу этого добиться? Очевидно, чего-то мне не хватает. Но и отрицательный опыт важен. По крайней мере, я убедился, что в школьные учителя не гоюсь. Примерно к тому же выводу я пришел несколько позднее, когда Анна Михайловна Панкратова²⁰² уговорила меня принять участие в написании учебника по истории для средней школы, я попробовал, но у меня ничего не вышло.

В соответствии с общими нормами военного времени я прошел цикл занятий по противовоздушной обороне. По ночам выходил на дежурство по той улице, где проживал. Когда вечерами на Москву совершала налеты фашистская авиация, из Каширы были видны огни наших зениток, встречавших противника. Война была совсем рядом. Как-то около Каширы был пойман немецкий парашютист, и его по улицам города провели в районное управление НКВД. Был момент, когда немецкие войска уже совсем приближались к Кашире, вражеские самолеты начинали бомбить город, жители сидели по бомбоубежищам. Местные власти приступили к эвакуации Каширы. Но этого не понадобилось. Город не был взят неприятелем.

Тяжело было все это время (начиная с июня) жить в отрыве от Москвы, от семьи. Правда с Геней я нашел способ встречаться, хотя и редко. У моей двоюродной сестры Тани Сабуровой была дача в Белых Столбах, по Московско-Каширской дороге, примерно на полпути от Москвы до Каширы. Семья Сабуровых уехала в эвакуацию в Касимов, а мне Таня разрешила пользоваться дачей. Раза два в месяц мы с Геней туда наезжали и проводили там то день, то два. Последний раз мы встретились в октябре, затем она эвакуировалась в Куйбышев, и я остался совсем один.

И вот я решил попытаться еще раз получить разрешение на проживание в Москве. На это раз попытка удалась. В начале 1942 г. разрешение было получено, и я уехал из Каширы. В тот дом на Никитском бульваре, где жили мой отец и Таня, попала бомба, он был полуразрушен, жить больше там было нельзя, и всех жильцов переселили в соседний дом — поляриков, в квартиры эвакуированных. Отец и Таня попали в разные квартиры. Я до возвращения Гени из Куйбышева поселился вместе с Таней, а когда приехала Геня, стал жить вместе с ней, в ее комнатке в Малом Козихинском переулке. Итак, только к 1942 г. завершилась моя легализация в Москве, из которой я был изгнан двенадцать лет тому назад, в 1930 г. Тогда же мы официально зарегистрировались с Геней в загсе.

Надо было думать о работе. Передо мной открылись две возможности. Во-первых, я мог устроиться в Ленинскую библиотеку, правда уже не в рукописный отдел, а в исторический отдел систематического каталога. Я беседовал с тогдашним директором Библиотеки* Николаем Никифоровичем Яковлевым, и он соглашался на мое зачисление. Брали меня также в Историко-архивный институт²⁰³ в качестве заведующего кабинетом кафедры вспомогательных исторических дисциплин. Я выбрал Институт и начал работу в «теремке» — так называлось в просторечии здание во дворе дома на улице 25 Октября, где помещалась кафедра вспомогательных исторических дисциплин.

В Историко-архивном институте только-только возобновлялась нормальная жизнь после разгрома гитлеровских войск под Москвой. Многие преподаватели были в эвакуации. Директорские обязанности временно исполнял Павел Петрович Смирнов²⁰⁴. Это был очень яркий и оригинальный человек, полный новых мыслей, свежих идей. Студенты очень любили его лекции, чуждые какого либо шаблона. Я слышал, например, много разговоров по поводу той характеристики, которую Павел Петрович давал Петру III, рисуя его, вопреки традиции, крупным государственным деятелем. За свою монографию (докторскую диссертацию) — «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.» — Павел Петрович получил Сталинскую премию, которую полностью внес в фонд обороны (так поступали тогда обычно лауреаты). В тот день, когда стало известно о премиях, я зашел к Павлу Петровичу (квартира у него была в здании Института), чтобы поздравить его. Он был искренно обрадован, и в этой радости сквозило что-то юношески чистое. Потом, когда Павел Петрович получил благодарственное письмо

---

* Так в рукописи.

за подписью председателя Государственного комитета обороны И. В. Сталина, состоялся общепрофессиональный митинг. Павел Петрович выступал как-то трогательно тепло. А в беседах с друзьями все интересовался: собственноручная ли на письме подпись Сталина, или это гриф.

Директором Павел Петрович пробыл недолго. Он стал во главе Института в трудное для него время, когда надо было налаживать дело, а выполнив свою задачу, отошел. Директором стал Павел Борисович Жибарев²⁰⁵, человек мягкий, добрый, порядочный, но в общем посредственный. Павел Петрович продолжал работу в качестве заведующего кафедрой истории СССР. Он читал много лекций не только студентам, но и в воинских подразделениях. Помню, он, Жибарев и я ездили как-то в какую-то подмосковную танковую школу, проводили там конференцию, посвященную Суворову.

Павел Петрович был по-русски гостеприимен. Пока он жил в Институте, его квартира была всегда полна: и преподаватели, и студенты, и просто знакомые. Затем ему дали квартиру где-то в новых домах, вдали от Института. Сюда институтский народ приходил, естественно, уже реже. Но и здесь Павел Петрович иногда собирал товарищей по Институту, был хлебосол, за столом было шумно, весело, чувствовали себя свободно.

Неожиданно мы узнали, что Павел Петрович болен. Его положили в больницу, оперировали, вырезали значительную часть желудка. Затем стали поступать благоприятные сообщения из больницы: поправляется, чувствует себя бодро, обдумывает новую статью о происхождении русской народности. И вдруг совершенно неожиданно — Павел Петрович скончался. Утром поднялся, пошел умыться — и умер. В качестве заведующего кафедрой истории СССР его сменил Алексей Андреевич Новосельский.

Кафедрой вспомогательных исторических дисциплин, на которую я поступил в 1942 г., заведовал Александр Николаевич Сперанский²⁰⁶. Я его знал еще по РАНИИОНу, где мы вместе проходили аспирантуру. Он был много старше меня, человек пожилой и, судя по всему, много испытавший. Он происходил из духовного || (тетр. № 40) звания, и весь облик его был типично русский, может быть, даже семинарский: низкого роста, слегка сутулый, зачесанные назад волосы, большой открытый лоб, всегда на лице какая-то растительность. Образ жизни он вел нездоровый: работал по ночам, спал днем. Если позвонить ему по телефону в час дня, то рискуешь застать его в постели. Работал Александр Николаевич очень медленно. Собственно за всю свою жизнь он создал только один труд, напечатанный еще в изданиях РАНИИОНа — книгу о Приказе каменных дел²⁰⁷. У Сперанского был острый ум, но ум какой-то иронический. Он был человеком с юмором, но и юмор-то мрачный. Незадолго до войны у него умерла жена. Это наложило новый рубец на психику, и так нездоровую.

В Историко-архивном институте Сперанский читал курсы палеографии, дипломатики, истории государственных учреждений. Однажды он не пришел на лекцию. На другой день я пошел к нему домой. Он жил на Малой Бронной. Домашняя

работница Александра Николаевича сказала мне, что утром нашла его мертвым у него в постели. Я помню, было очень трудно с похоронами. На определенный час в Институте назначили гражданскую панихиду. В институтском зале собралось много народа. А гроб с телом не смогли доставить вовремя из морга. Время было военное, машин недостаток. Пришлось долго ждать, а когда гроб привезли, попросили всех удалиться, чтобы его убрать. Приезжала на похороны из провинции сестра Сперанского и в Москве тоже умерла. Родственников у нее не было, и похороны пришлось организовать тоже Институту.

После Сперанского кафедрой вспомогательных исторических дисциплин стал заведовать Александр Игнатьевич Андреев. Он коренной ленинградец, во время блокады Ленинграда был в эвакуации, и вернулся оттуда в Москву, ибо ленинградская его квартира была разбомблена, прекрасная библиотека погибла. Поселился он с женой в здании Института. Ему отвели небольшую комнату, где ранее велись семинарские занятия. Жить там было трудно, ибо по коридору бегали и шумели студенты, пронзительно звенел звонок к лекциям и с лекций. Александр Игнатьевич был библиофилом и сразу стал заводить себе новую библиотеку. Книги заполнили всю комнату. Негде было повернуться. А он был человек общительный. Постоянно принимал коллег, студентов.

Внешне Александр Игнатьевич производил не очень приятное впечатление: некрасивый и какой-то колючий. Большой широкий нос, большой рот, приподнятые вверх как бы сердито брови, оспины на лице, гладкая, чем-то напоминающая солдатскую стрижка. Глядел на собеседника как-то высокомерно, недоуменно подергивал плечами, загадочно хмыкал, часто фыркал, подсмеивался через нос, с закрытым ртом. Во многом это была защитная броня, к которой он прибегал из-за мнительности, из-за нежелания дать себя в обиду. А он был очень мнителен и самолюбив. Страшно переживал, например, что его не выбирают в члены-корреспонденты. Но сквозь защитные колючки иногда пробивалась мягкость, нежность, особенно в отношении тех, кто проявлял к нему добрые чувства. Он мог искренне привязаться к человеку, ему симпатичному.

Ученый это был незаурядный, но особого склада: слабый теоретик и сильный документовед. Он много знал по истории Севера, Сибири, по истории русской науки. Был знатоком петровского времени. Это были твердые знания, основанные на фактах, на первоисточниках. Но теория исторического процесса, методология источниковедения не были его сферой. А он считал себя теоретиком. Это его и погубило.

Сначала в Историко-архивном институте (так же, как в Институте истории Академии наук, где он тоже работал) к нему относились хорошо. В 1947 г. торжественно отпраздновали его шестидесятилетний юбилей. Чествование происходило в актовом зале Института истории на Волхонке. Было много народа. Речи, приветствия, подарки, поцелуи, аплодисменты (особенно хлопали студенты). Александр Игнатьевич был очень доволен, польщен. Ему так всегда нравилось, когда публично признавались его заслуги. Единственно, что его огорчило, это то, что

пригласительные билеты на его юбилей не были отпечатаны в типографии. Дирекция Историко-архивного института преподнесла Андрееву ковер стоимостью в шесть тысяч рублей, и на фоне этого ковра он сфотографировался с женой и котом.

Но прошло немного времени, и все переменялось. Началась борьба с объективизмом и космополитизмом, и Андреев стал объектом весьма сильной критики. Критиковали его за курс так называемого «общего источниковедения», который он строил целиком по Лаппо-Данилевскому (а тот был неокантианец). Критиковали выпущенный под редакцией Андреева сборник «Петр Великий», где в ряде статей находили проявления космополитизма. Сейчас, через двадцать лет, видно, что в этой критике наряду с правильным было много предвзятого. Тогда же Андреев стал одиозной фигурой. Его вывели из состава ученого совета Историко-архивного института. Я помню, каким тяжелым было заседание, на котором приняли это решение. Помню, что пробовал что-то сказать в защиту Андреева Новосельский, но безрезультатно²⁰⁸.

Помог Андрееву Н. И. Вавилов²⁰⁹, который его хорошо знал и ценил. При содействии Вавилова Андреев получил квартиру в Ленинграде и стал работать там. В Ленинграде с невероятной быстротой у него выросла новая прекрасная библиотека.

Во время Отечественной войны в Москве, кроме Андреева, появились на кафедре вспомогательных исторических дисциплин и другие ленинградцы. Одно время там работал Сигизмунд Натанович Валк²¹⁰. Жил он в еще более плохих условиях, чем Андреев. Его поселили в преподавательской, т. е. у него не было вообще своего угла. Но он не унывал. В его маленьком тщедушном теле жил большой дух. Я тогда впервые познакомился по-настоящему с этим большим ученым и прекрасным человеком. Это неисчерпаемый клад знаний, причем, кажется, не было ни одного вопроса из области истории, на который он не смог бы ответить, и ответить с точными ссылками на литературу, на источники. От Русской Правды до декретов Ленина — какой широчайший диапазон! Говорить с ним было трудно, т. к. говорил он скороговоркой и глотая слова, говорил в значительной степени себе под нос. Я не знаю, как он читал лекции. Для массовой аудитории он явно не годился. Это был профессор камерного типа. Но вряд ли у кого-либо можно было почерпнуть больше, чем у Сигизмунда Натановича.

Как он был непохож на Андреева, крупного, степенного, самодовольного, этот небольшой юркий человечек, с тараканьими усами, со спадающим пенсне, всегда бегущий, суеющийся, непоседливый.

Много лет прошло со времени, мною сейчас описываемого. Сигизмунд Натанович уже отметил три юбилея (шестидесятилетний, семидесятилетний, восьмидесятилетний), он испытал много тяжелого (умерла жена, остался один, болел, перенес операцию), но и сейчас все такой же. Годы идут, а он не меняется ни внутренне, ни внешне.

И еще один ленинградец пришел в то время к нам на кафедру вспомогательных исторических дисциплин — Владислав Крискентьевич Лукомский, знаток таких

редких предметов, как геральдика и генеалогия. Породистый старец, с детским румянцем на лице, с бархатым голосом и бархатыми манерами. В Ленинграде у него погибли ценнейшие коллекции, и он осиротел, действительно осиротел. Ему стало трудно жить и скоро мы его похоронили.

С такими людьми я начал работать в Историко-архивном институте. Весной 1942 г. я защитил кандидатскую диссертацию²¹¹. Представил на соискание ученой степени монографию о землевладении и хозяйстве московской митрополичьей кафедры. Защита происходила в Педагогическом институте имени В. И. Ленина, в здании бывших Высших женских курсов. Оппонентами были Алексей Иванович Яковлев и Валентин Николаевич Бочкарев. Председательствовал на совете Николай Павлович Грацианский. Он предупредил меня, чтобы мое вступительное слово продолжалось не более двадцати минут. Письменный текст, который я заготовил, и был рассчитан примерно на такое время, но специальное предупреждение Грацианского меня смутило, я скомкал то, что собирался сказать, и довел свое выступление до десяти минут, вместо дозволенных двадцати. Защита прошла вполне благополучно. Оба оппонента меня хвалили. Запомнилась одна «похвала» Яковлева, прозвучавшая как-то странно: «Марксизм Вы изучили назубок». Если бы это был не Яковлев, то здесь можно было бы заподозрить иронию, но Яковлев, очевидно, искренне полагал, что марксистскую теорию можно вы зубрить.

Печальна была судьба председательствовавшего на моей защите Николай Павловича Грацианского. Через несколько лет он погиб при довольно странных обстоятельствах. У него была дача под Москвой, в которой он жила летом и куда наезжал зимой. Однажды он поехал на дачу и не вернулся в обещанный срок, а затем в лесу нашли его труп. Признаков ограбления обнаружено не было. Убийц не раскрыли. Причин убийства не установили, ясно было только одно: человек застрелен. Но версии ходили разные. Говорили, что это месть со стороны каких-то рьяных приверженцев католицизма из Прибалтики за лекции, прочитанные там Грацианским с разоблачением папизма. Эту версию с многочисленными подробностями (причем каждый раз различными) усиленно распространял Бокщанин²¹² (известный пустоплет). Впоследствии, после разоблачения Берия, стали говорить, что якобы убийство Грацианского совершено было по его указанию. Словом, разговоров было много, а правда осталась скрытой.

После защиты диссертации меня послали на трудовой фронт. В это время я уже являлся военнообязанным, т. к. «белобилетников» всех переосвидетельствовали, и медицинская комиссия признала меня годным к несению военной службы. Но поскольку Историко-архивный институт находился в системе Главного архивного управления НКВД, я считался на учете в войсках НКВД и мобилизации не подлежал. Поэтому Институт использовал меня в качестве руководителя группы студентов, отправленных на лесозаготовки в местечко Орудьево (насколько я сейчас помню, где-то за Серпуховом). Жили мы в крестьянских избах. Должны были выполнять норму. Получали какую-то зарплату, паек, обед. Юношей в группе было совсем мало. В основном девушки с разными характерами, привычками, наклон-

ностями, вкусами. Держать в руках всю эту женскую армию, пользоваться у нее авторитетом было нелегко. На лесозаготовках мы пробыли несколько месяцев. Учебные занятия в этом году начались с большим опозданием, чуть ли не в ноябре. Я должен был заменить находившегося на фронте Н. В. Устюгова: читать студентам первого года обучения общий курс вспомогательных исторических дисциплин (хронологию, метрологию, сфрагистику, геральдику) и вести по ним практические занятия в группах. Палеография выделялась в особую дисциплину. Ее обычно преподавал Сперанский.

В Орудьева я начал готовиться к лекциям. Ходил по лесу и читал самому себе или окружающим деревьям.

Наступила первая лекция. На нее пришел Сперанский как заведующий кафедрой. Волновался я страшно. Заготовленный заранее текст лекции почти заучил весь наизусть. Но вдруг готовые формулировки выскочили из головы. Запись лежит передо мной, но нельзя же просто ее читать, это же не реферат. А как только оторву от нее глаза, так забываю, что я написал. Одно время было намерение сойти с кафедры и больше на нее не возвращаться. Пересилил себя — и остался. Решил отказаться от формулировок, которые были выношены, над которыми в свое время так много ломал голову, и просто рассказывать то, что помнил и знал. Пусть это будет коряво. Ничего, как будто получилось. Во всяком случае лекции не сорвал. Сперанский, конечно, видел, что первый блин комом, но как умный человек ничего мне не сказал.

В дальнейшем я как будто овладел лекторским искусством. Во всяком случае, студенты выражали всегда удовлетворение моими лекциями. И в профессорской среде я считался лектором неплохим. Готовым текстом я больше не пользовался, но всегда приготавливал подробный конспект, выделяя отдельные существенные положения, которые я давал под порядковыми числами. Чтобы эти положения всегда можно было сразу схватить, обратясь к конспекту, я обводил числа кружочками (для наглядности — красным карандашом). Конспекты обычно писал на листках бумаги, согнутых пополам, в два столбца. Исходил из расчета: на лекцию достаточно материала под 150 примерно номерами.

Мне кажется, лектор всегда чувствует реакцию аудитории на свое выступление: доходит или не доходит. По лицам студентов, по их глазам, улыбкам, зевкам, по || (тетр. № 41) напряженной тишине или легкому шуму и т. д. У каждого читающего курс бывают лекции хорошие и плохие, удачные и неудачные. И сам он всегда лучший себе судья. Никто не мог уверить меня, что лекция прошла хорошо, если не было собственной внутренней уверенности, что это так.

Усвоил я твердо, что никакими замечаниями, криками, угрозами нельзя заставить студентов быть внимательными. Все зависит от самой лекции. Практика выработала у меня такой прием. Как только в аудитории начинался гул, сначала едва заметный, затем все слышнее, я замолкал — и молчал: минуту, две, три, сколько нужно, чтобы опять воцарилась полная тишина. Эта пауза давала студентам возможность немного отдохнуть и снова мобилизовала их внимание, а мне

позволяла осознать, что в моей лекции не так, почему вдруг ослабело внимание студентов.

Сейчас я уже не читаю лекций и, вероятно, уж больше читать не буду. Бросать надо сразу, так же, как балерина бросает сцену. Но в свое время я очень любил лекционное дело, чувствовал к нему призвание. Но давалось оно мне нелегко. Каждая лекция стоила громадного нервного напряжения, и после нее я чувствовал себя совершенно разбитым, остаток дня пропадал.

В Историко-архивном институте я читал в течение ряда лет курсы вспомогательных исторических дисциплин (в том числе и палеографии), источниковедения. Особенно увлекла меня работа по подготовке курса источниковедения XIX века. Это был не просто обзор источников типа курса С. А. Никитина, а попытка применить методы различных вспомогательных исторических дисциплин к изучению памятников письменности нового времени. При этом я много внимания уделял рукописям классиков литературы (Пушкина, Гоголя, Чехова, Достоевского и др.), материалам судебной экспертизы (используя, например, мемуары Кони), нелегальной печати и т. д. Студенты любили этот курс. Я строил его заново, преподносил с увлечением, и лекции получили от студентов наименование: «Брызги шампанского».

Студенткой на заочное отделение Историко-архивного института поступила Елизавета Николаевна Данилова. Это правовед, и крупный. Одна из первых женщин-адвокатов. Но человек явно неуравновешенный, чтобы не сказать больше. На старости лет (ей было уже за пятьдесят) она рассорилась со своими юристами и решила переменить профессию — получить историческое образование. Конечно, из этого ничего не вышло — проучившись года два, Институт она бросила. Но для меня ее пребывание было полезно потому, что она слушала мой курс источниковедения XIX в., подробно его записала и записи выверила. Получился полный комплект лекций, который затем был переписан на машинке. К сожалению, у меня нет ни одного экземпляра.

В дальнейшем Андреев привлек Данилову к преподавательской работе по источниковедению. Из студентов она стала профессором (а в области юридических наук ей как будто официально было присвоено это звание). Но она же сыграла довольно некрасивую роль в кампании против Андреева²¹³.

Всегда интересно и живо проходили практические занятия по вспомогательным дисциплинам. Определение дня недели, на которое падает такое-то число в таком-то году, выяснение реального содержания той или иной метрологической единицы, локализация документа по печати, прочтение трудного текста — все это вызывало любознательность студентов. При этом мне казалось очень важным не просто загадывать им загадки, которые они должны отгадать, а наглядно убеждать их в том, что посредством вспомогательных дисциплин решаются в ряде случаев важные и сложные исторические вопросы.

Одна группа моих учеников, именно выпуск 1945 года — года победного, эпохального, усвоили хорошую традицию — собираться в дружеском кругу каждые

пять лет и отмечать дату окончания Института. На эти сборы бывшие студенты приглашают и преподавателей, у которых они учились. Я также бывал (правда, по ряду причин — не всегда) на этих встречах. За празднично накрытым столом вспоминаем прошлое. Женщины (в подавляющем большинстве это женщины, ибо в те времена мужчин в Институте почти не было) поют песни — прежние молодые. Я смотрю в их уже очень пожилые лица и постепенно узнаю в них прежних девочек. И каждая встреча сопровождается тем, что встаем, чтобы почтить память уходящих один за другим в вечность профессоров, преподавателей, которые когда-то работали в Институте. Их осталось совсем уже немного. Да, печальная эта традиция, которой придерживаются историки-архивисты, а в то же время хорошая, теплая.

Кроме лекций в Историко-архивном институте я читал еще время от времени курс источниковедения работникам архивов, которых периодически собирали в Москву в целях повышения их квалификации. Это была совсем иная среда, чем студенты. В основном мужчины. Возраст самый разнообразный. Были и пожилые люди, и молодежь. Очень пестрый уровень знаний и вообще культурный уровень: и люди с высшим образованием, и окончившие только среднюю школу (или вообще ничего не окончившие). В большинстве своем работники архивов были аттестованы по линии войск НКВД и считались на постоянной действительной военной службе. Для такой аудитории трудно было выработать программу курса источниковедения, в которой были бы предусмотрены и общие методологические, и методические проблемы, и обзоры конкретных источников. Если и не сразу, все же это удалось. Слушали с интересом. Всегда задавали много вопросов. А один слушатель как-то сказал: если бы я раньше прослушал этот курс, то, вероятно, смог бы избежать многих взысканий, которые получал от своего начальника. Не знаю, что он конкретно имел в виду, но, по-видимому, польза от курса все же какая-то была.

Когда кафедру вспомогательных дисциплин возглавлял Андреев, он задумал издание нескольких учебных пособий по тем предметам, которые там преподавались. Сам он вместе с Новосельским предполагал написать учебное пособие по дипломатике, Лукомский взялся за генеалогию²¹⁴. В Институте имелась рукопись учебного пособия по палеографии, составленного еще до войны Н. С. Чаевым (погибшим в Ленинграде во время блокады). Андреев поручил мне дополнить ее недостающими главами и отредактировать. Кроме того, я должен был написать учебные пособия по метрологии и хронологии. И из всего задуманного были доведены до конца и опубликованы три книги: «Палеография» моя и Чаева и мои «Хронология» и «Метрология»²¹⁵.

«Метрология» впоследствии доставила мне много горя. Дело в том, что лекции по метрологии до войны читал Н. В. Устюгов и его курс был размножен на стеклографе. Когда по возвращении с фронта он узнал, что опубликован мой курс, то был страшно обижен и до конца жизни мне этого не простил, хотя внешне мы и сохраняли корректные отношения и даже были на «ты». Осуждали меня и друзья

и ученики Устюгова. Поговаривали даже о плагиате (правда, не при мне, в глаза мне никто этого обвинения не высказывал). Очень на этом играл (недобросовестно и недостойно играл) Борис Александрович Рыбаков — плохой и нечестный человек, который каждый раз, как происходили академические выборы и выдвигалась моя кандидатура, начинал кампанию против меня, указывая на присвоение мною чужого труда (так мне рассказывали, ибо Рыбаков предпочитал играть закрытую).

Была ли моя вина в действительности? И в чем? Я не раз пытался ответить самому себе на этот вопрос откровенно. Формально я мог бы ответить: написать учебник мне поручила кафедра, которая знала и о курсе Устюгова и тем не менее не сочла возможным опубликовать его. Кафедра обсуждала мою рукопись и рекомендовала ее к печати, следовательно, никакого плагиата не видела. Но этого формального ответа, конечно, недостаточно. Он носил бы характер отписки. Нужно мое собственное отношение к вопросу.

Дело в том, что я понимал метрологию и строил свой курс иначе, чем Устюгов. Органической частью метрологии я считал и считаю систему денежного счета, и соответствующий материал занимает в моем пособии очень значительное место. У Устюгова его нет совсем. Второе мое отличие от Устюгова в моей книге много места уделено практическим задачам по метрологии на материале, взятом из первоисточников (писцовых книг и т. д.). Что касается системы мер и веса, то, конечно, данные, имеющиеся у меня, совпадают с тем, что есть у Устюгова, но эти данные имеются и в других печатных трудах по метрологии. А те новые сведения, которые Устюгов извлек из архива и привел в своей книге впервые, я не трогал. Конечно, при работе над учебным пособием по метрологии я пользовался лекциями Устюгова, но об этом сказано дважды: один раз — во введении к серии пособий по вспомогательным историческим дисциплинам, написанном А. И. Андреевым и напечатанном в первом выпуске серии «Хронология», второй раз — в обзоре литературы по метрологии. Следовательно научная этика соблюдена. Вот мои объяснения. Мне они казались и кажутся убедительными. Полезное дело было сделано и для студентов — они получили учебник.

И все же я жалею, что написал и выпустил в свет «Метрологию». Я был бы рад, если бы случилось так, что в свое время я этого не сделал. Очевидно, я должен был считаться с тем, что на эту тему писал уже другой человек, который находится на войне, и не надо было браться за дело, начатое им. Мне жаль, что я обидел Николая Владимировича и в наших, всегда дружеских, отношениях появилась серьезная брешь.

Вскоре после моего поступления в Историко-архивный институт преподавательский состав был приглашен на беседу на Лубянку, в Народный комиссариат внутренних дел, к министру (или тогда еще народному комиссару) Круглову²¹⁶. Возглавлял нашу группу генерал Никитинский²¹⁷ — начальник Главного архивного управления. Как изменчива человеческая судьба! Ведь так еще недавно меня привозили на Лубянку арестованного, раздевали догола и обыскивали, держали

взаперти в тюремной камере и водили на допрос под конвоем. А теперь я вхожу в это страшное здание свободно и безбоязненно, предъявляю свой пропуск — и никто меня не задерживает, напротив, стражник берет под козырек, а в кабинете министра всех нас рассаживают за стол, накрытый или покрытый зеленым сукном. К чему все это? Александр Николаевич Сперанский со свойственной ему ядовитой иронией назвал эту встречу «явлением Христа народу». Ясно, что высокий начальник хотел показать себя просвещенным меценатом. Все заведующие кафедрами рассказывали о педагогической и научной работе. Было это долго и утомительно. Начальник в процессе разговора хотел показать себя человеком широко мыслящим. Так он бросил, например, такую фразу: «А Вы интересовались, как при царе архивному делу учили? Ведь, вероятно, неплохо учили». Но он не проявил элементарной человеческой заботы о своих гостях. Не предложил хотя бы чашки чая. А ведь мы просидели у него несколько часов усталые и голодные. Время было военное. Правом на обед мы пользовались в определенной столовой, к которой были прикреплены, а она скоро должна была закрыться до завтра, и тогда мы рисковали остаться без обеда. А он сидит и не торопится и нас держит: он-то всегда успеет пообедать. На обед мы все же успели, хотя с Лубянки в столовую пришлось бежать.

Мне помнится, что все время, пока я работал в Историко-архивном институте, среди профессорско-преподавательского состава велись большие споры о его задачах, профиле, программе. Боролись между собой два направления. Одно, представляемое историками и источниковедами (А. И. Андреев, А. А. Новосельский, Н. В. Устюгов, медиевист М. М. Себенцова и др.) считало, что студенты должны получить широкое и глубокое историческое образование и овладеть серьезными навыками исследовательской работы над источниками: это главное. Что же касается чисто архивоведческих дисциплин, то они имеют прикладное значение; это сумма технических приемов и специальных знаний, которые историк-архивист должен усвоить дополнительно. Работники архивоведческих кафедр (В. В. Максаков, К. Г. Митяев, И. Л. Маяковский, А. В. Чернов), напротив, придавали вопросам архивоведения теоретическое значение и считали, что им должно быть предоставлено центральное место в системе преподавания. Дискуссии между сторонниками двух направлений принимали не раз очень || (тетр. № 42) заостренный характер. К сожалению, спорящие иногда сбивались с чисто принципиальных позиций и переходили на почву борьбы за учебные часы, за влияние на студентов и т. д.

Я в этих спорах занимал сторону историков и источниковедов. Мне казалось, что «архивистам» недостает общей культуры, широты кругозора, хотя в своем роде это были люди интересные. Весьма колоритную фигуру представлял собой Владимир Васильевич Максаков²¹⁸, заведовавший кафедрой теории и практики архивного дела. Он принадлежал к числу организаторов архивного дела в СССР, был в свое время правой рукой Покровского. Он хорошо знал архивы, их организацию, состав, но его попытки создать в этой области особую теорию как-то не убеждали.

Сам он производил впечатление человека ловкого, бывалого, незаурядного и в то же время лишенного подлинного интеллекта, глубоких знаний, свойственных настоящему ученому. Что-то в нем было от семинариста — недоучки, много нахватавшегося («тертый калач»), способного и на оригинальную мысль и на крепкое словцо, но не способного создать подлинно новое в науке. Человек Максаков был, как говорили, нехороший. Рассказывали, что он расправлялся со своими недругами плохими методами. Поэтому его боялись, избегали.

Илью Лукича Маяковского²¹⁹, заведовавшего кафедрой истории и организации архивного дела, я застал уже на закате его жизни. Он был ленинградцем, прибыл в Москву во время войны больным и дряхлым. Сначала ему отвели комнату в здании Историко-архивного института, затем он получил отдельную квартиру. При нем была жена (очевидно, это не первый брак), много моложе его, необыкновенно толстая, необыкновенно болтливая и необыкновенно глупая. Старалась всегда быть при нем, где надо и где не надо, и вмешиваться в его дела. А он смотрел на нее с подобострастием. Так, на юбилей Маяковского, после ряда приветствий супруга его взяла слово и, войдя на кафедру, стала говорить, что если Илью Лукича не будут щадить и будут далее загружать всякими поручениями, то он не выдержит и скоро умрет. А затем она подробно обрисовала картину: Маяковский в гробу. Юбилей превратился в поминки. Всем было неловко. А юбиляр сидел и наслаждался заботами о нем, проявленными его дородной половиной.

Вид у Маяковского был очень импозантный: седовласый с длинной бородой, белой как лунь, старец, в генеральском дипломатическом голубом мундире (он был экспертом по архивному делу в Министерстве иностранных дел СССР). По приезде в Москву он защитил докторскую диссертацию — очерки по истории архивного дела в СССР. Защита происходила на историческом факультете МГУ. Запомнился мне один инцидент. Официальный оппонент А. И. Яковлев сказал, что диссертант рассматривает явления «с птичьего полета». Он не имел в виду ничего плохого. Он лишь отмечал, что широкая постановка темы хронологически и проблемно не позволила автору многих вопросов коснуться детально. Это была скорее похвала, а не порицание. Но Маяковский понял Яковлева иначе, решив, что тот обвиняет его в верхоглядстве, и обиделся.

Маяковский был человеком образованным, знал несколько иностранных языков. Но что-то во всем его облике было казенно-чиновничье. Изучение исторических архивов он как-то не связывал с общими задачами исторической науки, и его кафедра по существу оставалась в стороне от этих задач.

Двойственное воспоминание сохранилось у меня о Константине Григорьевиче Митяеве²²⁰. В жизни это был один человек, в науке — другой. Он хорошо ощущал красоту жизни, любил поэзию, живопись. Знал наизусть массу произведений классической литературы, современных поэтов, любил их декламировать. Сам писал и рисовал. Когда мы с ним, будучи на дровозаготовках, возвращались ежедневно из леса, он читал мне стихотворение за стихотворением — хорошие, лирические, полные прелести, гармонировавшие с окружающей природой. И его лицо

с большой окладистой черной бородой — лицо Черномора — было мягким, задушевным, глаза из-под очков казались добрыми.

А когда он брался за науку, выходило сухо, неинтересно, а главное — путанно. Историк из него не вышел. Еще кандидатская диссертация, написанная на основе смоленских таможенных книг, получилась. А дальше он по существу забросил историю, забросил источниковедение, попытался создать новую науку — документоведение, но так и не сумел определить ее предмет, содержание, метод, задачи.

Анатолий Васильевич Чернов²²¹ заведовал кафедрой истории государственных учреждений. Это был больной человек. Он страдал туберкулезом, и насколько я его помню (а я его знал много лет), всегда был худой как скелет, восковое лицо с натянутой желтой кожей, с запавшими глазами. Живой покойник. Однако будучи уже не первой молодости, он сумел покорить сердце студентки Дреминой (его первый брак был неудачен) женился на ней, был счастлив, завел двух дочерей и вырастил их. Смерть его была внезапная: лег отдохнуть — и не проснулся.

Как ученый, Чернов, по-моему, был в высшей степени честным, в высшей степени трудолюбивым и очень бесталанным. Его докторская диссертация по истории военного дела в России XVI—XVII вв., полностью до сих пор не опубликованная, содержит большой материал, но в ней очень мало мыслей. Его курс по истории государственных учреждений — добросовестная сводка, которую можно заучить, но которую нельзя читать, нельзя над ней размышлять. Человек же был очень порядочный — в отношении к людям, к делу, ко всему, за что брался.

С конца 1942 г. я поступил в докторантуру Института истории Академии наук СССР, оставаясь в то же время доцентом Историко-архивного института. Рекомендовал меня туда А. И. Яковлев. В 40-х годах подготовка научных кадров через докторантуру приобрела большое значение. Из историков, кроме меня, докторантами стали А. А. Новосельский, Б. Б. Кафенгауз²²², С. А. Фейгина и др. Заведовали аспирантурой Института истории сначала Н. Г. Бережков, затем Е. Н. Кушева²²³. Сначала я предполагал взять для диссертации чисто историческую тему. Мне хотелось всесторонне осветить характер феодальных отношений на Руси в XIV—XV вв. (во всех сферах — от базиса до надстройки). Потом я убедился, что тема эта слишком широка и не имеет еще достаточно разработанной источниковедческой основы. И я стал заниматься актовым источниковедением. К этому меня влек давний интерес. Здесь у меня уже были известные заготовки.

Вначале было трудно с источниками. Часть архивов находилась в эвакуации. Но постепенно они стали возвращаться в Москву и делались доступными исследователям. Основным моим рабочим местом был Центральный государственный архив древних актов, где я изучал духовные и договорные грамоты великих и удельных князей и другие акты. Работал я также в рукописных отделах Государственного Исторического музея, Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Позже ездил в Ленинград.

Директором Центрального государственного архива древних актов был Джинчирадзе²²⁴, красивый самодовольный грузин, делец от науки. По-настоящему

помогал мне в розыске архивных материалов работник ЦГАДА Вениамин Николаевич Шумилов, великолепный знаток всех хранившихся там богатств. Это был очень знающий, молодой еще в то время архивист, преданный своему делу. Внешне он был несколько простоват, в нем как-то не чувствовалось культуры. Как и многие архивные работники, он настороженно относился к читателям, затрудняя для многих доступ к документам, но тем, кому верил, сам указывал источники, о существовании которых знал лишь он один. Ко мне он относился хорошо, мы с ним были дружны, и я ему многим обязан. Наши отношения с Вениамином Николаевичем стали еще ближе после того, как в конце 50-х годов мы вместе побывали в заграничной командировке в Швеции, работали там в архивах и в течение месяца прожили в гостинице в одном номере.

К сожалению, Шумилов был человеком психически неуравновешенным, и это заболевание все время прогрессировало. Большой ошибкой со стороны Главного архивного управления было назначение Шумилова директором ЦГАДА. Больная психика, мнительность, подозрительность привели к тому, что он испортил отношения со всеми сотрудниками, развалил коллектив. Когда же его сняли с поста директора, он совсем вышел из равновесия, попал в больницу, долгое время там пролежал, а затем кончил жизнь самоубийством — отравился. Это случилось совсем недавно. Свои исключительные знания документов ЦГАДа он унес в могилу, и сейчас уже не от кого получать справки по ряду фондов. Вот когда можно сказать, что ушел из жизни человек действительно незаменимый.

В рукописном отделе Исторического музея уже не было маститых старцев Сперанского, Попова, погиб тщедушный телом, но духовно богатый Седельников. Возглавлял теперь отдел М. Н. Тихомиров, а фактически в нем хозяйничала Марфа Вячеславовна Щепкина, женщина с невозможным характером, но безгранично преданная делу собирания, хранения и описания рукописей, что в ее сознании тесно сочеталось с культом ее отца профессора Вячеслава Николаевича Щепкина²²⁵. Малейшее критическое замечание в адрес последнего воспринималось его дочерью как поругание памяти покойного. От характера Марфы Вячеславовны (затем она стала заведующей рукописным отделом) страдали многие посетители отдела, ибо от нее зависело кому что дать и кому чего не давать (а у нее были читатели любимые и нелюбимые, «сыновья» и «пасынки»), ее зоркий глаз гвоздил к столу сидевших за столами, если она им не доверяла или они были ей не симпатичны. В то время я еще не попал в число нелюбимцев Марфы Вячеславовны. Это случилось позднее, когда было опубликовано учебное пособие по русской палеографии, написанное Н. С. Чаевым и мною. Она отнеслась к нему весьма критически, особенное ее негодование вызвала попытка пересмотреть некоторые теоретические положения В. Н. Щепкина. Вряд ли я ошибусь, если скажу, что с тех пор она меня возненавидела. Я также не чувствую к Марфе Вячеславовне особой симпатии, однако по справедливости должен сказать, что сейчас в СССР нет более крупного знатока славяно-русской палеографии, чем она.

В помещениях рукописного отдела Ленинской библиотеки по-прежнему можно было видеть мрачную фигуру Григория Петровича Георгиевского. Он все более старел, сутулился, смотрел все более исподлобья. Его время прошло, и он уже не был хозяином, как прежде. В 40-х годах возглавил рукописный отдел (правда ненадолго) Петр Андреевич Зайончковский²²⁶. Он только что вернулся из армии, был светски галантен, пленял всех своей утонченной любезностью, расшаркивался, раскланивался с подчеркнутой вежливостью. Нервный, легко возбудимый, раздражительный, он редко говорил спокойно, во все вносил элемент нервозности, иногда граничившей с истерией. У Зайончковского был вкус к источниковедению. Он особенно любил и ценил мемуарную литературу XIX в., и в этом отношении фонды Ленинской библиотеки дали ему очень много.

После ухода из рукописного отдела Зайончковского там началось царство женщин. Вот уже много лет управляют (и, по-видимому, неплохо) С. В. Житомирская и В. Г. Зимина.

Собирая и изучая источники в библиотеках и архивах, писал диссертацию я дома, в маленькой девятиметровой комнатке на Малой Бронной, принадлежавшей моей жене (прописан я был в квартире своего отца — квартире, фактически не существующей, ибо дом был разбомблен, а отец временно жил в другом доме на площади одного его эвакуированного*). Рабочим местом мне служил маленький круглый столик и миниатюрный диванчик. И стол, и диванчик были завалены книгами и || (тетр. № 43) копиями, которые все время падали. Очень страдала моя жена, которой совсем уже негде было приютиться, а ведь она работала, и ей надо было отдохнуть и хозяйством заняться. И все же это время я вспоминаю с теплым чувством. Оно было, пожалуй, наиболее творческим в моей жизни. Сейчас у меня совсем другие условия, для работы очень благоприятные (три большие комнаты, хорошая библиотека). Но лучшее из написанного мною («Русские феодальные архивы») относится к тому времени, когда этих условий не было.

С 1943 или с 1944 г. я стал работать в университете. Инициатива привлечения меня принадлежала С. В. Бахрушину. Приход в университет был для меня событием совершенно особого рода, более значительным, чем вступление в академическую докторантуру. Со студенческих лет я рассматривал университет как центр исторической науки. И вот теперь в этом храме, в котором я в юности впервые прикоснулся к научному творчеству, я сам буду учить молодежь. Это было и радостно, и страшно. Сумею ли я быть достойным преемником моих учителей? С чувством какого-то трепета и благоговения я ходил по университетским коридорам и аудиториям.

В то время Исторический факультет находился в расцвете. На кафедре истории СССР были сосредоточены крупнейшие силы (была одна единая кафедра, а не несколько, как теперь). Сейчас положение явно изменилось. Научным центром является уже Институт Истории СССР Академии наук СССР, где работают и наиболее

---

* Так в рукописи.

видные ученые, а университетский Истфак как-то захирел. Там не создают науку, а преподают ее студентам.

В 40-х годах, когда я пришел в университет, я застал там таких выдающихся ученых как Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, В. И. Пичета, Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина, М. Н. Тихомиров, К. В. Базилевич²²⁷, и многих-многих других. Возглавлял кафедру истории СССР И. И. Минц, его заместителем был Н. Л. Рубинштейн²²⁸, ученым секретарем — П. П. Елифанов²²⁹.

Мне было поручено чтение курса источниковедения истории СССР феодального периода, ведение семинаров по истории СССР на первом курсе, руководство практическими занятиями по палеографии. Ежегодно читал я и спецкурсы. Тематику старался разнообразить. Среди предлагаемых мною в первые годы работы в университете тем были такие, как феодальные отношения XIV—XV вв., феодальная война в XV в., русская публицистика XVI в., история русского летописания и т. д. Университетские спецкурсы были рассчитаны на небольшую аудиторию: редко свыше десяти человек. На мои лекции ходили обычно серьезные студенты: я ими был доволен, по-моему, они мною тоже.

Академия наук, Историко-архивный институт, университет! Я был предельно загружен работой — интересной, творческой, созидательной. Все мое время было заполнено. Я чувствовал, что я нужен людям, что меня ценят. Это было так необычно после стольких лет вынужденной изоляции от людей, отрыва от любимого дела, невозможности жить творческой жизнью. Но все же пятно прошлого оставалось, и нет-нет, то тот, то другой давали это почувствовать. Оставалось недоверие или элемент недоверия, ощущалась стена, отгораживающая тебя от других, не отмеченных никаким клеймом.

В начале 1945 г., совсем перед концом войны, произошли очень печальные события в моей жизни. Один за другим, на протяжении двух месяцев ушли из жизни моя сестра Татьяна 36 лет и отец. Таня давно, еще с детских лет, страдала болезнью почек — хроническим пиелитом. Не раз лежала в больнице, не раз вставал вопрос об операционном вмешательстве, но на эту меру все не решались. Наконец, решились. Операцию делал Фрумкин²³⁰. Она прошла благополучно, но через некоторое время сестра скончалась. Говорят, что во время операции в организм внесли какую-то инфекцию. Оплошности допускают и светила. Я навещал Таню в Боткинской больнице, где она работала, а теперь лежала в палате — бледная, измученная, но всегда собранная, аккуратная, чистоплотная (даже с маникюром). Она любила жизнь, но жизнь у нее была неустроенная. Не получилось семьи. Были романы, но в общем она оставалась всегда одинокой. Похоронили Таню на армянском кладбище, рядом с могилой Марии Иосифовны.

Когда Таня умерла, отец также находился в больнице имени Боткина. Он страдал язвой желудка и готовился в свою очередь к операции. Его судьба была схожа с Таниной. Операция прошла благополучно, хирурги восхищались даже — «сделана виртуозно». Но затем отец также подхватил инфекцию, заболел рожистым

воспалением — и вскоре на армянском кладбище появилась в нашем, черепнинском, участке третья могила.

Над жизнью отца нельзя не призадуматься. Был он человеком несомненно одаренным. Ждали от него многого, и для этого имелись основания. Первый удар жизнь нанесла ему в ранней молодости, когда так нелепо умерла любимая жена. От этого удара он оправился, начал новую жизнь, устроил новую семью. И тут — второй удар: болезнь другой жены, метание между Крымом и Москвой. Он не выдержал. Человек недостаточно стойкий, увлекающийся, темпераментный, стал пить, играть в карты. Это портило отношения с Марией Иосифовной, вносило разлад в семью. Смерть Марии Иосифовны совсем нарушила сдерживающие центры. А последние годы жизни были вовсе тяжелые: изнурительная болезнь, чужая квартира, одиночество, недостатки, наконец, кончина дочери. И при всем том сохранялись внутреннее благородство, красота души.

Еще при жизни отца и Тани скончалась Варвара Алексеевна. Последнее время перед смертью она жила отдельно от нас, в комнате, которую ей удалось получить. Тяжелое дифтерийное заболевание сделало ее инвалидом. Она ходила отечная, еле передвигала ноги, толстые и тяжелые, как бревна. Наконец сердце не выдержало. Так никого не осталось из нашей старой, черепнинской семьи, ибо Варвара Алексеевна была тоже членом семьи.

После смерти отца и Тани я получил жилплощадь в доме на Садовой-Кудринской — маленькую девятиметровую комнатку в квартире, где, кроме меня, жила еще семья одного летчика²³¹. Они занимали две комнаты. Фактически я там почти не жил и продолжал находиться у жены, на Малой Бронной.

Наступил победный 1945 год. Война кончилась. Все радовались, у всех стало лучше на душе. Когда я вспоминаю Институт истории этого времени, то в моей памяти прежде всего встает сияющая фигура Анны Михайловны Панкратовой — живая, подвижная, экспансивная. Она обнимает, целует, поздравляет Бахрушина, Тихомирова, других товарищей. Михаил Николаевич Тихомиров потом острит: «Я всегда знал, что она женщина неуравновешенная. Но как на людей бросается — вижу первый раз». Получилось грубо, несправедливо, т. к. Анна Михайловна действительно была полна радостью и хотела ее излить на других.

Второй послевоенный год был для меня ознаменован защитой докторской диссертации. Это было в июне 1946 г., в теплый летний день²³². Дело происходило в актовом зале Института истории, на Волхонке. Зал был переполнен. Кроме ученых, было много студентов — моих учеников по Историко-архивному институту, университету. Пришли также слушатели архивных курсов, съехавшиеся как раз в то время в Москву. С ними произошел у меня небольшой инцидент. Я волновался, нервничал, был смущен таким обилием народа. И не подумав, бросил кому-то из архивистов: «Ну а вы-то зачем сюда пришли?» Я не хотел никого обидеть. Я просто хотел как-то оградить себя, уж очень мне было неловко, жутко от обилия людей, на глазах у которых, как мне казалось, может совершиться мой провал. Но на меня обиделись, и не без основания. Ведь люди-то пришли в знак хорошего

ко мне отношения, не для того, чтобы быть свидетелями неудачи, а чтобы вместе со мной порадоваться успеху.

Накануне защиты я ходил на Ваганьковское кладбище и долго просидел у могил моих родных. Мне казалось, что это сообщит мне мужество, придаст бодрости духа, как-то поможет на следующий день.

Диссертация защищалась в рукописи. В ней было до полутора тысяч страниц, отпечатанных на машинке, на очень толстой бумаге. Получился чрезвычайно объемистый текст. Пришлось сделать несколько (четыре или пять) переплетов. Поскольку на столе президиума лежало три экземпляра диссертации, всего, значит, было 12-15 переплетов. Целая гора, которая сразу бросалась в глаза. Владимир Дорофеевич Королук²³³, склонный бравировать своим остроумием, определил размеры диссертации на метры и спешил со свойственным ему грубоватым юмором сообщить всем результаты своего измерения.

Ученый совет в те времена был численно незначителен. Присутствовало и голосовало, насколько я помню, 15 человек. Но были это люди маститые: Греков, Пичета, Косминский²³⁴, Бахрушин, Богоявленский²³⁵...

Оппонентами моими были Бахрушин, Андреев, Тихомиров. Все отзывы были положительные, возражения не столь крупные. Но я очень волновался, нервничал, отвечал занозисто, задиристо. Мне говорили, что моими ответами многие остались недовольны. В частности ворчал Тихомиров.

Неофициальными оппонентами выступили Константин Васильевич Базилевич и Серафим Александрович Покровский²³⁶. Выступление Базилевича было в основном хвалебное. Рыжебородый Покровский, бузотер, позер, демагог, болтун, получил печальную известность в ученом мире тем, что не упускал ни одного удобного случая, чтобы выступить и кого-то «разгромить». В данном случае он был умерен. «Излишеств» в своей полемике не допускал. Упрекал меня главным образом в импрессионизме, приводя в качестве примера мой текстологический анализ Псковской Судной грамоты.

Председателем счетной комиссии в то время обычно всегда выбирался Сергей Константинович Богоявленский как старейший член ученого совета. Он и на этот раз объявил результаты голосования: степень присуждена единогласно.

Были поздравления, были цветы — много цветов, ибо дело происходило летом. Особенно большую корзину цветов подарили мне мои ученицы, три участницы моего университетского семинара — Люся Авдеевская (впоследствии она стала Данилова) и ее подруги. Время было послевоенное, такси достать невозможно, и девушки наняли специального человека, который должен был доставить корзину ко мне домой. Домой я возвращался с женой и племянницей Женей Телишевой, и вместе с нами шел мужчина с цветами. А от Волхонки до Малой Бронной довольно все же далеко, корзина же тяжелая.

На другой день я получил поздравительные телеграммы от членов семьи Яковлева (по-моему, целых три) и пошел к нему, чтобы рассказать, как прошла защита. Сам Алексей Иванович по болезни на ученом совете не был. В тот же день я

посетил Сергея Константиновича Шамбинаго, который на защите присутствовал. Зная его привычки, захватил с собою бутылочку вина, и мы ее распили.

Несколько дней после защиты я находился в возбужденном состоянии, затем все улеглось: жизнь вошла в обычную колею.

Вскоре после защиты диссертации, летом того же 1946 г., я был принят на работу в Институт истории Академии наук СССР. Сначала работал в археографической группе, возглавляемой А. И. Андреевым, || (тетр. № 44) затем перешел в сектор истории СССР периода феодализма, во главе которого стоял С. В. Бахрушин. Вначале сектор именовался иначе: истории СССР до XIX в.

Вот уже двадцать пять лет, как я работаю в Институте истории. За это время переменялось пять директоров. Сначала был Греков. И сейчас вспоминается его осанистая фигура, львиная белоснежная грива волос, всегда хорошо отутюженный костюм. Когда он председательствовал на заседаниях ученого совета Института истории или бюро отделения исторических наук, от него как-то веяло интеллигентностью, благожелательностью, благодушием. В 1952 г. Греков отпраздновал свой семидесятилетний юбилей, а через год умер. Чествование происходило в актовом зале на Волхонке. Масса народа, горы всяких подарков, без конца речи и адреса. Поздравителей и адресов было так много, что Е. А. Косминский, который вел заседание, предлагал поздравителям объединяться в группы, от которых выступал кто-либо один. Помню, что кто-то преподнес Грекову как члену Комитета защиты мира белого голубя, и он с подвязанными лапами сидел на столе президиума,

А через несколько дней был банкет в Гранд-отеле человек на двести. В подборе гостей юбиляр проявил демократизм. Наряду с академической знатью были приглашены и рядовые сотрудники Института истории. Жизнерадостный, хохочущий Сергей Владимирович Киселев исполнил роль тамады и громким басом объявлял, кто будет выступать со следующим тостом. Как всегда отличался остроумием Сергей Львович Утченко. Борис Дмитриевич обходил многочисленные столы и старался каждому из гостей сказать что-либо приятное.

После юбилея Греков все более стал отходить от непосредственного руководства институтом. Это руководство все более забирал в свои руки Аркадий Лаврович Сидоров, его заместитель. Помню случай, который меня поразил. Греков был за границей. В его кабинете Сидоров проводил какое-то заседание по вопросу о том, как организовать работу по написанию «Очерков истории СССР периода феодализма». И вот на заседание входит только что вернувшийся в СССР Греков. Поздоровавшись, Сидоров начинает ему излагать суть совещания. Борис Дмитриевич не слушает и, обращаясь ко всем присутствующим, показывает им макет древнейшей кирилловской записи, привезенный из Румынии. А затем со словами: «Ну не буду Вам мешать» — уходит из кабинета. И досадно было на Бориса Дмитриевича, и жалко его. Директор института заявляет, что его присутствие может помешать обсуждению одного из важнейших вопросов научной работы! Что это: безразличие, равнодушие, наивность, старческая усталость? Что бы ни было — нехорошо.

А затем Борис Дмитриевич заболел: то ли инфаркт, то ли инсульт. Многие говорили, что довел его до такого состояния Сидоров: якобы уже при жизни Грекова откровенно стремился занять его место²³⁷. Жена Бориса Дмитриевича, Тамара Михайловна, Сидорова просто возненавидела. Не знаю, сколь основательны были эти слухи.

Греков медленно умирал. Я как-то спросил о его здоровье Калистова, его побочного сына. Тот ответил: у Бориса Дмитриевича теперь уже свой круг интересов, он больше всего мечтает о свежем огурчике, который сейчас невозможно достать.

И вот похороны Грекова. Гроб с телом установили в здании президиума Академии наук. Море цветов, венков. Венки всюду: у гроба, по стенам, на лестнице. Траурные речи — а так недавно я слышал речи юбилейные. Выносят гроб, перед ним идут академики и члены-корреспонденты, а в руках у них алые подушечки с орденами покойного. Грустно, торжественно-грустно, но бросаю взгляд на Тихомирова — и не могу не улыбнуться: уж очень на лице у него выступает самодовольство, что вот идет он, член-корреспондент Тихомиров, и все на него смотрят.

Грекова в качестве директора Института сменил Сидоров. Это был совсем уже другой человек. Старый партийный работник, прошедший сложный путь, испытывавший разные превратности. У него не было достаточной культуры, но был природный ум, здравый смысл. Он по-настоящему любил науку, хотя и не был в должной мере подготовлен к занятиям ею. Внешне это был высокий, долговязый, коротко стриженный, какой-то несурзанный человек. К людям Аркадий Лаврович относился очень субъективно: одних любил, других — нет. Но надо сказать, что часто его оценки бывали справедливы. Внутренним чутьем он умел отличить людей, преданных науке, от карьеристов. Недаром вокруг него сложилась целая школа талантливых учеников, направивших свои усилия на изучение истории России в период империализма.

Он правил Институтом в тяжелые годы, когда всюду, в том числе и в ученых кругах, царила подозрительность, нездоровые формы принимала критика. Администрируя в науке, как это делали тогда многие директора, он наломал немало дров, нажил много врагов. После «ленинградского дела» было решено закрыть Ленинградское отделение Института истории. Сидоров являлся не инициатором, а лишь проводником этого акта. Но все шишки посыпались на него. Во время академических выборов его кандидатуру в члены-корреспонденты провалили. А он был самолюбив и даже честолюбив. Неудача сильно на него подействовала. И в последующие выборы он проваливался раз семь. Резкий, властный, даже самодур, он не смог установить и нормальных отношений с партийной организацией Института. В конце концов его не выбрали и в партбюро. А для директора это означало выражение недоверия. С директорского поста пришлось уйти. А быть просто научным работником для Аркадия Лавровича было непривычно. И он скоро умер.

После Сидорова директором Института истории был Владимир Михайлович Хвостов²³⁸. Сын известного казанского профессора-античника Михаила Михайловича Хвостова, он получил хорошее образование в семье, свободно владел тремя

иностранными языками. Во второй половине 20-х годов он проходил аспирантуру в РАНИИОНе. Был моложе меня по курсу (на год или два). Я помню его в те годы, он не был тогда таким с иголочки одетым джентельменом, как впоследствии, ходил в какой-то весьма простоватой шинели. Затем долгие годы я Хвостова не видел. И вот он занял директорское место в нашем институте, пришел туда после долгой работы в МИДе, в ЦК. Его внешность не была привлекательной. Высокий, худой, сутулящийся, он ходил, как-то выбрасывая в стороны ноги, говорил в нос. Красил волосы. Веяло от него чем-то чиновничьим, бюрократическим. Любил казенные формулы вежливости, вроде: «Не смею Вас задерживать», «Простите великодушно». В то же время мог заставить посетителя часами ждать его у дверей кабинета. С подчиненными был грубоват, перед вышестоящими заискивал. Добиваясь академического звания, обхаживал академиков, ублажал их и своего добился — был избран в академики. Директорствуя в Институте истории, не оставлял мечты о МИДовской карьере, хотел стать заместителем министра иностранных дел — не удалось.

Хвостов был человеком культурным и образованным, но ученым-исследователем вряд ли его можно назвать. Кроме второго тома «Истории дипломатии», у него нет монографических трудов. Писал он много, но все это в основном публицистика.

В Институте истории Хвостова сначала побаивались. Затем все более стала нарастать оппозиция. Дело шло к тому же, что было при Сидорове. Не сними он сам свою кандидатуру в члены партбюро, его пожалуй тоже бы могли забаллотировать. В конце концов он почувствовал, что надо уходить из Института, и ушел сам вовремя, даже с благодарностью от президента Академии наук СССР.

И все же «хвостовская эра» сохранилась в моей памяти не только как время, отмеченное сильной печатью бюрократизма. Хвостов был умный человек, он понимал задачи и потребности науки (сказывались здесь, очевидно, и семейные традиции). Он поддерживал здоровые начинания, если они не вступили* в конфликт с его карьеризмом. Но был он очень осторожен, предусмотрителен, даже трусоват. Я помню, например, как он не хотел утверждать автореферат диссертации Я. Н. Щапова²³⁹, потому что она называлась «Церковные уставы князей». Как бы это название не вызвало нареканий! Он по многу раз рассматривал бумаги, которые должны были пойти из Института за его подписью, без конца заставлял перedelывать текст тех, кто его готовил. И такая мелочность сочеталась с достаточно широким научным кругозором.

На протяжении моего четвертьвекового пребывания в Институте истории мне пришлось встретиться и работать со многими людьми. Вспоминаю Анну Михайловну Панкратову, одно время замдиректора, необычайно шумную, подвижную, экспансивную женщину. Она всегда в движении, с кем-то спорит, кого-то опровергает, кого-то в чем-то убеждает. Профессиональный революционер, участница Одесской большевистской организации в годы гражданской войны, она занялась

---

* Так в рукописи.

затем наукой, стала академиком. Начала изучать историю рабочего класса в России, мечтала написать большое научное исследование на эту тему. Помогали ей переписчики в архиве, референты и, несмотря на это, работа завершена не была. Школы у Анны Михайловны не было никакой, но любовь к истории — большая. Человек Анна Михайловна была добрый. Помогала, кому могла и чем могла. Многих выручила из беды, устроила на работу. Но ее собственный жизненный путь был нелегкий.

В конце 30-х годов, когда шел пересмотр партийных кадров, А. М. Панкратова попала в число опальных, ее как будто исключили из партии, выслали в Саратов. Затем постепенно ее восстановили в правах, положение ее укрепилось, после XIX Съезда КПСС она стала членом ЦК, затем была делегатом XX Съезда. Я помню, как она с волнением, с одушевлением рассказывала о докладе Хрущева, развенчавшем культ Сталина. После XX Съезда А. М. Панкратова вся отдалась пропаганде его решений. Без конца выступала с докладами, с лекциями, рассказывая, как следует пересмотреть трактовку ряда исторических проблем, до сих пор излагавшихся с позиций культа личности. Пересмотр этот она пыталась осуществить и в журнале «Вопросы истории», в котором была ответственным редактором²⁴⁰. Ее заместителем по журналу был Бурджалов, который возомнил себя провозвестником новой эры в области развития исторической науки, вторым Покровским. Его лекции в Политехническом музее, в Исторической библиотеке по исторической проблематике приобрели сенсационный характер. В выступлениях и Панкратовой, и Бурджалова было много темперамента и много субъективизма. Их остановили. Последовало решение ЦК об ошибках журнала «Вопросы истории». Анне Михайловне было предложено исправить линию журнала. Бурджалова сняли с занимаемой должности.

Я был на обсуждении решения ЦК в Отделе науки. Присутствовали там члены редколлегии «Вопросов истории», а также Кукин²⁴¹, Островитянов²⁴², Жуков²⁴³, Сидоров и другие начальствующие лица. Председательствовал Кириллин. Бедной Анне Михайловне здорово попало. Помню безобразное выступление Епифанова. Этот алкоголик и ничтожный человек пытался выдать себя за борца за идейность и принципиальность. Анне Михайловне он буквально приклеивал политические ошибки. Бедная женщина разрыдалась тут же, при всех.

Затем она заболела. Лечилась в больнице, в санатории. Накануне выписки из санатория к ней приезжал какой-то человек, говорят, ее бывший муж. Она долго гуляла с ним по саду. Затем распрощалась с ним, попросила принести к себе в комнату чаю... и не дождавшись чая — умерла сразу, скоропостижно. Говорят, что много неприятностей доставил А. М. Панкратовой А. Л. Сидоров, раздувавший ее ошибки и тем самым ускоривший ее смерть. Говорил мне об этом А. Л. Минц. Так ли это — не знаю.

Ученым секретарем в Институте многие годы (при Грекове) был Виктор Иванович Шунков²⁴⁴.

КОММЕНТАРИИ

ВВЕДЕНИЕ К КОММЕНТАРИЯМ

Объем разноплановой информации, содержащейся в тексте мемуаров акад. Л. В. Черепнина, очень велик. Сотни людей разного происхождения, разных занятий и неодинакового социального положения в различных жизненных ситуациях, в тяжелые и редкие спокойные времена заполняют все пространство его мемуаров. Не приходится сомневаться — воспоминания Льва Владимировича будут широко востребованы в профессиональной среде историков и гуманитариев. Его имя значимо не только для тех ученых, чье профессиональное становление пришлось на 1970—1980-е гг., его работы актуальны и для молодых поколений историков. Но границы описываемых им реалий совсем не ограничиваются узкой средой исследователей средневековой Руси или ближайшим семейным окружением. Пространство фиксируемых памятью Льва Владимировича реалий заметно объемнее. Вот почему думается, что книга привлечет внимание многих читателей, интересующихся недалеким прошлым, временами наших отцов, дедов, прадедов. И не забудем: перед нами рассказ об одном из периодов новейшей истории страны, рассказанный в самом начале 1970-х гг. блестящим знатоком средневековой России.

Наши комментарии не ставят целью проверить все факты, обнаруживаемые в тексте мемуаров. Нередко это просто и невозможно сделать — нет соответствующих источников. Задача гораздо скромнее. Основываясь на исследовательской (по преимуществу историографической) литературе, справочниках, а также архивных документальных данных, дать необходимый при чтении такого рода текстов информационный контекст с отсылками на исследовательские и справочные издания, а в ряде случаев и на архивные документы. Какие же архивы и личные дела удалось привлечь?

Прежде всего речь идет о материалах, отложившихся в личном фонде акад. Л. В. Черепнина. Он хранится в Архиве Российской академии наук (ф. 1791) и был сдан вдовой Л. В. Черепнина, Е. В. Гальпериной в 1984 г. с ограничением доступа к тексту мемуаров «Моя жизнь» до недавнего времени. По описи хранится 467 дел, воспоминания по дополнительной описи 2015 г. получили свой номер (см. введение к мемуарам).

Естественен вопрос: использовал ли Лев Владимирович хранившиеся у него документы и тексты при написании воспоминаний? В отдельных случаях он, скорее всего, обращался к своему архиву. Приведем пример. В воспоминаниях окончание аспирантуры в Институте истории РАНИОН автор отнес к 1 октября 1929 г. Эту дату он, видимо, заимствовал из хранящейся в архиве справки, выданной в Институте в мае 1930 г. Позднее эта дата присутствует во всех известных нам анкетах и личных делах акад. Л. В. Черепнина. Но, с большой долей вероятия, это ошибка: в его личном деле в фонде Института истории РАНИОН хранится решение Президиума Института от 11 июня 1929 г. об отчислении из аспирантуры Л. В. Черепнина и еще двух лиц, а на его заявлении от 11 июня того же года с просьбой предоставить ему право подачи диссертации к 1 октября 1929 г. нет никакой резолюции (подробнее см. далее комментарий № 166). В архиве Льва Владимировича вообще единичны документы из его аспирантских лет, а документацией Института истории РАНИОН он не пользовался. Его память не удержала точных дат работы вместе с С. Б. Веселовским над владельческим архивом Троице-Сергиевой лавры и в Государственном Историческом музее под руководством С. В. Бахрушина. Но они устанавливаются из годовых отчетов аспиранта Л. В. Черепнина.

Равным образом совсем немного документов сохранилось в личном фонде Льва Владимировича о годах его работы в Московском государственном историко-архивном институте (ныне входит в состав Российского государственного гуманитарного университета). Частично он мог дополнить то, что хранила его память, текстами его выступлений на заседаниях кафедры вспомогательных исторических дисциплин и Ученого совета МГИАИ. В его личном фонде хранятся рукописные и машинописные тексты его докладов, сделанных в 1946—1947 гг. и посвященных юбилею А. И. Андреева, роли П. М. Строева в становлении отечественного источниковедения и вспомогательных дисциплин, о значении работ В. К. Лукошского. Определенную помощь ему, возможно, оказали тексты и стенограммы ряда его курсов по вспомогательным историческим дисциплинам, сохранившиеся в его архиве. Однако явных следов регулярного обращения автора к этим и аналогичным его работам в тексте воспоминаний нет. Формально данные о его переписке впечатляют: уцелело более 110 писем к нему, но, правда, всего лишь три его письма. Ознакомление с ними разочаровывает: от описываемых в воспоминаниях лет писем практически нет. Сюжетно же с мемуарами пересекается лишь крайне небольшая переписка с учениками гимназии Репман в конце 1960-х гг. Так что документальные пробелы в биографии Л.Ф. Черепнина было необходимо восполнять с помощью материалов иных архивов.

При подготовке комментариев использованы следующие личные дела акад. Л. В. Черепнина:

1) В архиве Института истории РАНИОН — Государственный архив Российской Федерации, ф. А-4655, оп. 2, д. 654 на 90 л., фактически на 108 л.;

2) В архиве Российского государственного гуманитарного университета, (учетный стол), д. 735;

3) В архиве Российской государственной библиотеки, оп. 22, ед. хр. 854 (на 11 л.);

4) В архиве читального зала Российского государственного архива древних актов, д. № 2.

В силу разных причин нам осталось недоступным личное дело акад. Л. В. Черепнина в архиве Института истории Академии наук СССР, а после его разделения в 1969 г. — Института истории СССР.

Личные фонды и личные дела членов семьи Л. В. Черепнина хранятся:

1) Алексея Ивановича Черепнина (деда Льва Владимировича) в Государственном архиве Рязанской области, ср. 1373 (21 дело, по преимуществу письма к нему разных лиц); письма А. И. Черепнина находятся также в фонде А. И. Селиванова (ГАРО, ф. 1368) и в фонде Шибанова (Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ, ф. 342, карт. 42, ед. хр. 36, девять писем за 1889—1903 гг.); эти материалы использованы нами на основании исследований В. А. Толстова или благодаря его устной информации;

2) Владимира Алексеевича Черепнина (отца Льва Владимировича) в архиве РГБ, оп. 40, ед. хр. 662, на 64 л. (фактически на 73 л.); отдельные его документы и тексты находятся в ф. 241 и 746 НИОР РГБ, а в ГАРФе находится его личное дело о полицейском надзоре (ГАРФ, ф. 102, оп. 97, д. 987).

Были просмотрены и частично использованы материалы личных фондов и личных дел учителей акад. Л. В. Черепнина (чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина и чл.-корр. АН СССР Яковлева) и ряда его коллег (академиков С. Б. Веселовского, Ю. В. Готье, Н. М. Дружинина, Д. М. Петрушевского, а также Б. Б. Кафенгауза, А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова и Е. Н. Даниловой). Эти документы и личные дела хранятся:

1) В архиве Института истории ГАРФ личные дела С. В. Бахрушина (ф. А-4655, оп. 2, д. 208 на 30 л.), А. И. Яковлева (там же, д. 405 на 28 л.), акад. С. Б. Веселовского (там же, д. 230 на 13 л.), Ю. В. Готье (там же, д. 248 на 25 л.; его весьма объемное личное дело находится также в архиве РГБ), Д. М. Петрушевского (ф. А-4655, оп. 2, д. 340 на 45 л.), А. А. Новосельского (там же, д. 330 на 38 л.);

2) В архиве Российской академии наук хранятся личные фонды С. В. Бахрушина (ф. 624, есть переписка с Л. В. Черепниным), А. И. Яковлева (ф. 665, есть переписка с Л. В. Черепниным и отзывы на его работы), Д. М. Петрушевского (ф. 493, есть упоминание Л. В. Черепнина в переписке), С. Б. Веселовского (ф. 620), Н. М. Дружинина (ф. 1604, есть переписка с Л. В. Черепниным и отзывы о его работах и научной деятельности), Б. Б. Кафенгауза (ф. 1580, есть переписка с Л. В. Черепниным), Н. В. Устюгова (ф. 1535, есть переписка с Л. В. Черепниным), А. В. Чернова (ф. 1819, есть отзывы Л. В. Черепнина);

3) В архиве РГБ хранятся личные дела С. В. Житомирской (архив РГБ, оп. 262, д. 187) и В. Г. Зиминной (там же, оп. 262, д. 469/а);

4) В архиве РГГУ хранится личное дело Е. Н. Даниловой (д. 176), благодаря ее усилиям был застенографирован ряд лекционных учебных курсов Л. В. Черепнина, прочитанных им в МГИАИ.

Бесспорно, предлагаемый читателям комментарий не претендует на полноту необходимого информационного контекста ни по лицам и событиям, упомянутым в мемуарах и откомментированным в нашем тексте, ни по содержанию. Воспоминания акад. Л. В. Черепнина содержат множество поводов, в том числе неучтенных нами, для историкографических, социологических и историографических наблюдений.

Считаем своим приятным долгом выразить искреннюю признательность коллегам, оказавшим большое содействие в подготовке издания: сотрудникам ГАРФ — С. В. Мироненко (директору), Л. Н. Малашенко; сотрудникам РГБ — М. В. Волковой, Л. И. Куглюковской, А. В. Кузьмину, Ю. Д. Рыкову; сотрудникам РГАДА — А. А. Булычеву, А. И. Гамаюнову, С. С. Ермолаеву, Е. Е. Лыковой, А. Г. Тюльпину, Ю. М. Эскину; сотрудникам Архива РАН В. Ю. Афиани (директору), Н. В. Калугиной, М. Ю. Киселеву, Е. В. Косыревой, И. Г. Таракановой; сотруднику Большой Российской энциклопедии А. П. Пятнову; проф. МГУ Н. В. Рындиной; проф. Европейского университета и сотруднику СПбИИ РАН В. М. Паняху; профессорам Петербургского университета А. П. Павлову и А. В. Сиренову, главному ред. журнала «Исторический архив» А. А. Чернобаеву; проф. Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского А. А. Кузнецову; доценту Рязанского государственного университета В. А. Толстову.

Особые слова благодарности за дружеские советы и постоянное содействие — сотруднику Института научной информации по общественным наукам РАН И. Л. Беленькому и доценту РГГУ Л. Н. Простоволосовой, а также старшему научному сотруднику Института всеобщей истории РАН Е. Л. Назаровой — за неоценимую и неизменную помощь в подготовке издания.

В. Д. Назаров

КОММЕНТАРИИ

¹ **Черепнин Алексей Иванович** (10(22).01.1841, Холм Псковской губ. — 20.09.(03.10).1905, Рязань) — дед академика Л. В. Черепнина, археолог и нумизмат. В 1853—1858 гг. обучался в мужской гимназии, в 1859—1861 гг. — студент естественного отделения физико-математического факультета МГУ, откуда уволен за участие в студенческих волнениях с запретом въезда в столичные города на 4 года. В 1872 г. окончил Петровскую земледельческую академию, кандидат сельского хозяйства. В 1873—1879 гг. — управляющий имений в Тульской губернии, с 1879 г. в Рязани, в течение ряда лет работал учителем Рязанского уездного училища. С середины 1880-х гг. благодаря наследству, полученному женой Анной Николаевной (из известного дворянского рода Сабуровых), целиком посвятил себя изучению рязанских древностей и метеорологических наблюдений. С 1890 г. — корреспондент по Рязани Главной метеорологической обсерватории Императорской Академии наук. С 29.03 (08.04) 1889 г. — член Рязанской ученой архивной комиссии (далее — РУАК), основанной в 1884 г., с 1891 г. — действительный член, с февраля 1896 г. — почетный член. Хранитель музея комиссии (апрель 1893 г. — сентябрь 1905 г.), товарищ председателя РУАК (апрель 1900 г. — декабрь 1903 г.), председатель — с декабря 1903 г. по сентябрь 1905 г. В 1895 г. получил чин почетного гражданина, немного позднее статус личного дворянства. В Государственном архиве Рязанской области есть его личный фонд (ГАРО, ф. 1353), в НИОР РГБ хранятся его письма к П. П. Шибанову (ф. 342, карт. 42). Фактический основатель археологических разысканий на Рязанщине, разработал стратегию раскопок курганных могильников финно-угорских племен (1892—1905 гг.), славянских племен (с 1895 по 1905 г.), начальной истории Рязанского княжества (1900—1905 гг.). Руководитель кружка археологов, своеобразного прототипа «рязанской археологической школы», читал публичные лекции по этой тематике и проводил обучающие занятия в Рязани и Тамбове. Один из наиболее известных нумизматов в России, полемизировал с В. О. Ключевским по вопросу перевода древних денежных единиц на современные деньги. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч. *Черепнин А. И.* О гривенной и денежной системе по древним кладам. М., 1900 (отдельный оттиск); *Он же.* Опыт перевода денежных единиц на современные деньги // Труды РУАК. Т. 20. Вып. 1, 3. Рязань, 1905; *Он же.* Очерк доисторического прошлого Рязанского края // Празднование 800-летия (1095—1895 гг.) Рязани. Рязань, 1896. О нём и его трудах см.: *Малченко В. С.* Алексей Иванович Черепнин (1841—1905). (Некролог) // Русский архив, 1906. Кн. 1.

С. 166—171; Черепнин Алексей Иванович // Библиографический словарь писателей, ученых и художников уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. Рязань, 1910. С. 295—297; Чекурин Л. В. Семья Черепниных в Рязани // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию Л. В. Черепнина. М., 1985. С. 9—14; Он же. Черепнин Алексей Иванович // Рязанская энциклопедия. Т. 2. Рязань, 2000. С. 638; Толстов В. А. Археологический кружок А. И. Черепнина в Рязанской Ученой архивной комиссии // Рязанская область и Центральный регион в контексте российской истории. Рязань, 2003. С. 292—297; Он же. Черепнин Алексей Иванович // Календарь знаменательных и памятных дат Рязанской области на 2011 год. Рязань, 2010. С. 64—75; Янин В. Л. Деньги и денежные системы // Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969. Ч. 1; Фомин А. В. «Безмонетный период» в Древней Руси // Деньги и кредит. 1988. № 12. С. 75.

² **Арциховский Артемий Владимирович** (13(26).12.1902, Петербург — 17.02.1978, Москва) — выдающийся отечественный археолог, в 1922—1925 гг. — студент факультета общественных наук МГУ, аспирант РАНИОН (1925—1929), кандидат исторических наук в 1929 г., заведующий Археологическим отделением ГИМ (с 1931 г.). С 1932 г. начал раскопки в Новгороде, основатель и глава Новгородской археологической экспедиции. С 1938 г. — заведующий кафедрой археологии и профессор исторического факультета МГУ. Доктор исторических наук с 1940 г. С 1945 г. — заведующий отделом Института археологии АН СССР, с 1956 г. — ответственный редактор журнала «Советская археология». В 1951 г. его новгородской экспедицией были открыты первые берестяные грамоты. Член-корреспондент АН СССР с 1960 г., лауреат Государственной премии СССР (1970). Сочинения: Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951—1976 гг.). М., 1953—1978 (совместно с др.). Труды А. В. Арциховского и литературу о нём см.: А. В. Арциховский. Материалы к библиографии ученых СССР. М., 1973; Авдусин Д. А. А. В. Арциховский как археолог // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1978. № 6; Он же. Артемий Владимирович Арциховский // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000; Кызласов Л. Р. Портреты учителей-создателей советской археологии // Там же. 1997. № 4; Дмитриева И. А. Арциховский А. В. // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 743—749.

³ **Милюков Павел Николаевич** (15(27).01.1859, Москва — 31.03.1943, Экс-ле-Бен, Франция) — видный историк и общественно-политический деятель в Российской империи, политический деятель и публицист в русской эмиграции. Студент (с 1877 г.), затем был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре В. О. Ключевского историко-филологического факультета Московского университета, магистр с 1892 г., приват-доцент Московского университета. Автор монографий: Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. М., 1892; Очерки по истории русской культуры. М., 1896—1903. Вып. 1—3 и др. В Рязань был сослан в 1894 г. после отчисления из университета за «намеки на общие чаяния свободы и осуждение самодержавия» на одной из лекций в Нижнем Новгороде. Один из организаторов и глава ЦК конституционно-демократической партии с октября 1905 г. После Февральской революции 1917 г. около 2-х месяцев был министром иностранных

дел Российской республики. В эмиграции с 1920 г. Автор мемуаров (*Милуков П. Н. Воспоминания (1859—1917)*. Нью-Йорк, 1955. Т. 1). См. о нём: *Думова Н. Г.* Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П. Н. Милукова. М., 1993. Ч. 1; П. Н. Милуков: историк, политик, дипломат. Материалы Междунар. науч. конф. М., 2000.

⁴ **Сторожев Василий Николаевич** (12(24)01.1866, Москва — 18.06.1924, там же) — российский археограф, архивист, историк, педагог. Учился на историко-филологическом факультете МГУ, который окончил в 1888 г., с 1888 по 1895 г. служил в Московском архиве Министерства юстиции. После выхода в отставку из-за конфликта с директором архива преподавал в частном коммерческом училище К. Мазинга в Москве, параллельно — секретарь финансов Московской городской думы. В 1918—1922 гг. — член коллегии Главного управления архивного дела, с 1922 г. — преподаватель факультета общественных наук МГУ. Член-корреспондент ряда обществ, в том числе Московского общества истории и древностей российских, ряда губернских ученых архивных комиссий. Основные его труды посвящены изданию различных источников по истории российского дворянства и землевладения в России XVI—XVII вв.: *Сторожев В. Н.* Опись десятин XVI и XVII вв. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Т. 7. М., 1890; Тверское дворянство XVII вв. Вып. 1—2. Тверь, 1891, 1895; Материалы для истории русского дворянства. Т. 1—2. М., 1891, 1903; Писцовые книги Рязанского края XVI в. Т. 1. Вып. 1—3. Рязань, 1898—1907.

⁵ Об отношениях **А. И. Черепнина** и **В. А. Городцова** (одного из основателей советской школы археологии) до отъезда последнего из Рязани в Ярославль в конце 1892 г., когда Черепнин был председателем археологического отдела РУАК, а В. А. Городцов — секретарем, см. *Толстов В. А.* Юность и начало научной карьеры В. А. Городцова // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Рязань, 2010. С. 6—14. В своем дневнике за 1928—1935 гг. В. А. Городцов упоминает А. И. Черепнина по разным поводам в связи с их раскопками Борковского могильника около Рязани (Василий Алексеевич Городцов: Дневники 1928—1941. Кн. 1. 1928—1935. М., 2014 (принт.). С. 102, 279).

⁶ Точный год смерти **А. Н. Черепниной** неизвестен, ее высказывание о действиях советской власти по «квартирному вопросу» зафиксировано под 1919 г. в дневниковых записях И. И. Проходцова (сообщено В. А. Толстовым).

⁷ **Повалишин Александр Дмитриевич** (15(27).07.1844 — 17(29).07.1899, Рязань). Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1868 г. Проживая в Рязани в 1874—1877, 1880—1886, 1889—1899 гг. состоял гласным Рязанского уездного и губернского земских собраний, в 1879—1882 гг. — гласным городской думы Рязани. С 1890 г. управлял рязанскими отделениями Дворянского и Крестьянского банков. С 1895 — председатель РУАК, его дар комиссии составил почти половину ее бюджета и значительно активизировал археологические работы под началом А. И. Черепнина и издательскую деятельность комиссии. Его книга, над которой он работал около 10 лет, была издана уже посмертно — *Повалишин А. Д.* Рязанские помещики и их

крепостные. Рязань, 1903. О нём см.: *Толстов В. А.* «Юрист в истории» А. Д. Повалишин // *Россия в Новое время: поиск формулы национальной истории.* М., 2001.

Яхонтов Степан Дмитриевич (19(31)12. 1853, Рязань — 06.01.1942, там же) — историк и краевед. Ученик В. О. Ключевского по Московской духовной академии. Преподавал в Екатеринославской и Рязанской духовных семинариях. Один из основателей рязанского Историко-археологического музея, в 1905—1918 гг. — председатель РУАК. Его архив хранится в личном фонде С. Д. Яхонтова (Государственный архив Рязанской области; ф. Р-2798), а значительная его часть — у родственников, в том числе дневники. О нём и его трудах см.: *Толстов В. А.* Яхонтов Степан Дмитриевич (к 160-летию со дня рождения) // *Календарь знаменательных и памятных дат Рязанской области на 2013 год.* Рязань, 2012. С. 152—170.

⁸ **Черепнин Владимир Алексеевич** (01(13).03.1880, Рязань — 01.04.1945, Москва), поступил на историко-филологический факультет МГУ в 1898 г., в 1899 г. исключен из университета и «подвергнут ссылке в Рязань» за участие в студенческих волнениях, где находился с июня по сентябрь. Затем продолжил обучение. За участие в студенческой сходке арестован и пробыл в тюремном заключении с 07.03. по 22.07.1902 в тюрьме г. Старая Русса, с 29.07.1902 находился в ссылке в Рязани. С 15.10.1902 г. получил разрешение на продолжение учебы (ГАРФ, ф. 102, оп. 97, д. 987; благодарю В. А. Толстова за указание на это дело). Полукурсовые испытания на историко-филологическом факультете Московского университета он сдавал в 1901 г., а окончательные — в апреле-мае 1904 г. Диплом 2-й степени с печатью и подписями датирован 31.12.1904. Осенью 1906 г. В. А. Черепнин поступил в Императорский археологический институт в Санкт-Петербурге. В мае 1909 г. получил аттестат и статус действительного члена института. В 1909—1911 гг. он прослушал и выдержал испытания по необходимому числу курсов на юридическом факультете Петербургского университета; свидетельство об этом датировано 02.06.1911 г., а диплом первой степени 29.12.1911 г. Копии этих документов находятся в личном деле В. А. Черепнина (Архив Российской государственной библиотеки (далее — РГБ). Оп. 40, ед. хр. 662. Л. 44—44 об., 45, 46, 49—49 об.).

⁹ **Бернацкий Николай Николаевич** (12.04.1860, Рязанская губ. — 13.01.1941, Варшава). В 1878 г. окончил военную гимназию в Орле, в 1880 г. — 3-е Военное Александровское училище. На службе с 1880 по 1884 г., окончил в 1891 г. по первому разряду Александровскую военно-юридическую академию; на военно-юридической службе с 1895 или 1896 г. С марта 1908 г. — военный судья Виленского военно-окружного суда, с декабря того же года — генерал-майор. После Октябрьской революции 1917 г. служил в армии гетмана Скоропадского, затем в вооруженных силах Юга России. В эмиграции с 1920 г. — сначала в Югославии, с 1936 г. — в Польше.

¹⁰ **Рындин Вадим Федорович** (02(15).01.1902, Москва — 09.04.1974, там же). Учился в Свободных художественно-технических мастерских (1918—1922 гг., Воронеж) и в Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАСе) (1922—1924 гг., Москва). Выдающийся театральный художник, народный художник СССР (1962), академик Академии художеств СССР (1964). Преподавал в Московском государственном академическом художественном институте им. В. И. Суриковского институте в Москве

(с 1965 г.). Главный художник Камерного театра (в 1931—1934 гг., работал в театре с 1925 г.), театра им. Е. Вахтангова (в 1935—1944 и в 1947—1958 гг.), Большом театре (с 1953 г.) Лауреат Сталинской премии (1950 г.). См. его работу: *Рындин В.* Художник и театр. М., 1966. См. о нём: В. Ф. Рындин. Альбом / Сост. Н. И. Соколова. М., [1941]; *Березкин В. И.* Вадим Рындин. М., 1974.

¹¹ Дед Л. В. Черепнина по матери, **Смирнов Иван Ксенофонтович** (24.08. (05.09).1844, с. Красно Муромского у. Владимирской губ. — 14.10.1919, Рязань) был сыном протоиерея Ксенофонта Прохоровича (получил в 1893 г. потомственное дворянство). Окончил Муромское духовное училище (1858 г.), Владимирскую семинарию (1863 г.), Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1867 г.). С марта 1868 г. работал в Рязанской духовной семинарии — преподавателем, инспектором (сентябрь 1875 г.), ректором (с апреля 1883 по июль 1901 г.). Рукоположен в иерея и возведен в сан протоиерея в мае 1883 г. Член РУАК с 1884 г. Магистр богословия (1869 г.), автор целого ряда сочинений по экзегетике т. наз. «малых пророков» Ветхого Завета, опубликованных в Рязани в 1874—1879 гг. (ротапринтно переизданы в Москве в 2004 г.). Принял постриг и возведен в архимандриты Троицкого монастыря в Рязани в сентябре 1901 г., хиротонисан в епископа Чебоксарского в апреле 1902 г., с февраля 1904 по июль 1910 г. — епископ Полтавский и Переяславский (инициатор создания Полтавского археологического комитета при Епархиальном управлении и Полтавского древлехранилища в 1906 г.), с августа 1910 г. по ноябрь 1917 — епископ (с 1912 г. — архиепископ) Рижский и Митавский, с конца ноября 1917 г. — архиепископ Рязанский и Зарайский. Участник Поместного собора Русской православной церкви в 1917—1918 гг. в Москве. Встреча Льва Владимировича с дедом в Москве состоялась, скорее всего, в сентябре — первой половине октября 1917 г. О И. К. Смирнове см.: Православная энциклопедия. Т. 23. М., 1910. С. 442—443.

¹² **Алпатов Михаил Антонович** (07(20).11.1903, х. Сибилёв, Ростовской губ. — 17.12.1980, Москва) — историк, кандидат исторических наук (1947), доктор исторических наук (1966). С 1948 г. совместитель, с 1954 в штате Института истории АН СССР (с 1969 г. — Института истории СССР АН СССР). Специалист в области историографии и методологии исторической науки. **Трусова Надежда Сергеевна** — историк, сотрудница Института истории СССР. О деле В. А. Черепнина в 1899—1902 гг. см. выше, комментарий № 8.

¹³ **Чюрлёнис Микалоюс Константинас** (10(22).09.1875, Варена, Виленской губ. — 28.03.(10.04).1911, предместье Варшавы) — литовский художник, родоначальник профессиональной литовской музыки. Музыкальное образование получил в Варшавском музыкальном институте (1894—1899 гг.) и в Лейпцигской консерватории (1901—1902 гг.), художественное — в Варшаве (1902—1905 гг.). Выставлялся с 1907—1908 гг., в январе — феврале 1909 г. на выставках «Мир искусства» экспонировалось 125 его картин. См. о нём: *Ландсбергис В.* Творчество Чюрлёниса. 2-е изд. Л., 1975.

¹⁴ **Черепнина (Идельсон) Мария Иосифовна** родилась в Рязани, ум. в мае 1939 г. в Москве, по профессии врач. Ее брак с В. А. Черепниным состоялся в 1908 г. Работала в Солдатенковской (позднее — Боткинской) больнице в клинической лаборатории под руководством Е. А. Кост с 1925 г. (см. комментарий № 112).

¹⁵ На работу в библиографический отдел Государственного публичного и Румянцевского музеев В. А. Черепнин был зачислен 04(17).10.1912 г. чиновником 10-го класса (в 1913 г. он произведен в чин коллежского секретаря, в 1915 г. — титулярного советника). Семья Черепниных до осени 1918 г. проживала в Москве сначала в Большом Афанасьевском переулке, затем в Староконюшенном переулке.

¹⁶ В личном деле В. А. Черепнина сохранилось письмо от 9 января 1913 г. владелицы («содержательницы») шестиклассной «обоих полов» прогимназии Е. А. Репман на имя директора Публичного и Румянцевского музеев о разрешении «во внеслужбное время» преподавать ему латинский язык в ее учебном заведении. Положительный ответ датирован 11(24) января 1913 г. (Архив РГБ. Оп. 40, ед. хр. 662, л. 50 и 51). Ученики прогимназии сохранили о В. А. Черепнине теплые воспоминания и давали высокую оценку его стилю преподавания. См.: *Герш Б. Г.* Школа, дававшая радость // Директор школы. 2005. № 6. С. 74—77.

¹⁷ **Яковлев Алексей Иванович** (18(30).12.1878, Симбирск — 30.07.1951, Москва) окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1900 г., магистерские испытания сдал в 1916 г., магистерская диссертация («Засечная черта Московского государства в XVII в.») издана в том же году в Москве, докторская диссертация («Приказ сбора ратных и даточных людей») защищена и издана в 1917 г. в Москве. Приват-доцент, позднее (с 1918 г.) — профессор Московского университета. Из младшего поколения учеников В. О. Ключевского. Преподавание в университете совмещал с чтением лекций на Высших женских курсах (по 1919 г.), Высших литературных курсах (в 1920-х гг.) и в других вузах. С 1922 г. — действительный член Института истории при факультете общественных наук Первого МГУ, с 1925 г. по 1929 г. — Института истории РАНИОН (его личное дело см.: ГАРФ, ф. А-4655. Оп. 2, дело 405). Один (из двух) научных руководителей аспиранта Л. В. Черепнина в Институте истории РАНИОН. В 1910—1920-е гг. сотрудничал с Публичным московским и Румянцевским музеем, избран членом-корреспондентом АН СССР (1929 г.). А. И. Яковлев был арестован в августе 1930 г. по «академическому делу историков» и перевезен для следствия в Ленинград. По приговору Особого совещания сослан на 5 лет в Минусинск, возвращен в Москву летом 1933 г. Преподавал в Московском университете, Московском библиотечном институте (заведовал кафедрой истории СССР), лауреат Сталинской премии (1943 г.) за книгу «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» (М., 1943). В 1948—1951 гг. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Под его научным руководством и с его деятельным участием в 1938 и 1940 гг., а затем в 1951 г. были изданы фундаментальные документальные публикации по истории России конца XVI в., но главным образом XVII в. (Новгородские записные кабальные книги; Хозяйственный архив боярина Б. Н. Морозова; Таможенные книги). В личном фонде А. И. Яковлева в архиве РАН (ф. 665) есть письма, отзывы и фотографии, связанные с Л. В. Черепниным. См. о нём: Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 528—529.

¹⁸ **Готье Юрий Владимирович** (18(30).06.1873, Москва — 17.12.1943, там же) окончил курс историко-филологического факультета Московского университета в 1895 г. с дипломом 1-й степени по кафедре В. О. Ключевского. С 1897 г. (один год он отбывал

воинскую повинность) служил в Московском архиве Министерства юстиции. В 1898 г. перешел в Публичный и Румянцевский музеи в отдел русских древностей. Затем долгие годы работал в библиотеке музея (с лета 1917 г. — библиотека Государственного Румянцевского музея, с января 1924 г. — Российская публичная библиотека им. В. И. Ульянова (Ленина), с февраля 1925 г. Государственная библиотека им. В. И. Ленина, с января 1992 г. — Российская государственная библиотека) в качестве ученого секретаря, хранителя, главного библиографа, заместителя директора 1920-е гг., в ноябре 1924 г. — январе 1925 г. входил в состав тройки управлявшей библиотекой, затем был заведующим отделом (*Андреева О. В., Куглюковская Л. И.* Из истории Московского Румянцевского музея (по воспоминаниям Н. Н. Ильина) // Книга в пространстве культуры. Вып. 1. М., 2005. С. 9, 23. Параллельно он вел интенсивную исследовательскую работу. Магистерские испытания выдержал в 1900 г., магистерская диссертация («Замосковский край в XVII в.») издана в 1906 г. С 1903 г. — приват-доцент Московского университета, читал курс по русской историографии, преподавал на Высших женских курсах (1902—1918 гг.), в университете Шанявского (1913—1918 гг.), Константиновском межевом институте (1907—1917 гг.). Докторскую диссертацию «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II» защитил в мае 1913 г. (книга вышла в Москве в том же году). Экстраординарный профессор Московского университета с апреля, ординарный — с сентября 1917 г. После Октябрьской революции вел преподавательскую работу во Втором Московском государственном университете, руководил аспирантами в Институте истории (первоначально при факультете общественных наук Первого МГУ с 1922 г., с 1925 г. в составе РАНИОН). В 1922 г. возглавил отдел русской истории XVIII в. в Государственном историческом музее (по 1937 г. с перерывами на годы ссылки). В 1922 г. избран членом-корреспондентом Российской академии наук. В июле 1930 г. на заседании комиссии по чистке в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина подвергся жесткой критике и несмотря на апелляцию был снят в августе с должности заведующего отделом (*Куглюковская Л. И.* Судьбы сотрудников Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в период чисток и репрессий (1918—1939 гг.) // Книга в пространстве культуры. Вып. 1 (4). М., 2008. С. 41). В том же августе 1930 г. Готье был арестован по «академическому делу историков» и этапирован в Ленинград для проведения следствия. По приговору Особого совещания получил 5 лет ссылки в Самару, был возвращен летом 1933 г. С 1934—1935 гг. преподавал в Московском государственном историко-архивном институте, Московском институте истории, философии и литературы, с 1939 г. — на историческом факультете МГУ. В январе 1939 г. избран действительным членом АН СССР. Дневники Ю. В. Готье за 1917—1922 гг., хранящиеся в США, на русском языке изданы: Вопросы истории. 1991. № 6—12; 1992. № 1—5, 11—12; 1993. № 1—5; *Готье Ю. В.* Мои заметки. М.: Терра, 1997. Личное дело Ю. В. Готье как действительного члена Института истории РАНИОН хранится в ГАРФе (ГАРФ, ф. А4655, оп. 2, д. 248), его объемное личное дело находится в РГБ (Архив РГБ. Оп. 22. № 178).

К 100-летию со дня рождения академика Ю. В. Готье Л. В. Черепнин выступил с докладом на заседании Ученого совета Института истории СССР. Нами издан текст по стенограмме с учетом 2-х рукописных текстов (датируются по обложкам тетрадей 4-м кварталом 1973 г.): *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв.

М., 1984. С. 315—320, 339 (наш комментарий). В личном фонде Л. В. Черепнина (Архив РАН, ф. 1791) хранятся подготовительные материалы для объемной статьи о Ю. В. Готье, планировавшейся в качестве раздела будущей книги Л. В. Черепнина «Школа В. О. Ключевского» (ряд разделов запланированной монографии в виде статей был издан в 1971—1977 гг.). См. о нём также: *Пичета В. И.* Академик Ю. В. Готье // Исторические записки. Т. 15. М., 1945; *Емельянов Ю. Н.* Готье Ю. В. // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 516—523; Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004.

¹⁹ **Ставровиц Анна Акимовна** (1880, Рязанская губ. — ?) — учительница, в 1920-е гг. активно работала в системе Наркомпроса. В начале 1930-х гг. сослана в Шенкурск, арестована осенью 1936 г. и лишена свободы решением тройки УНКВД сроком на 5 лет. Последующая судьба неизвестна.

²⁰ **Кернер (Идельсон) Анна Иосифовна** — сестра Марии Иосифовны Черепниной, певица (сопрано), в 1910-е гг. выступал в Большом театре, в 1921—1924 гг. солистка Петроградского тетра оперы и балета, затем много концертировала по России.

²¹ **Шибасев Сидор (Исидор) Матвеевич** (1825—1883, Богородск, Московской губ.), крупный промышленник (из старообрядцев), владелец и совладелец ряда предприятий, в разные годы владел тремя мануфактурами и фабриками, нефтепромышленник. Его сын Глеб одно время обучался на юридическом факультете Московского университета (курс не окончил), состоял в 1910-е гг. вместе с женой Еленой Иосифовной в Богородском обществе распространения «среднего» образования. После Октябрьской революции в 1920 г. эмигрировал из Крыма.

²² **Хорошкевич Надежда Николаевна** (16(28).08.1889, Москва — 20.02.1976, там же) первоначально обучалась в прогимназии Е. А. Репман, затем с 1912 по 1919 г. преподавала там же историю. В 1920-е гг. работала преподавателем в двух колониях для беспризорников, затем в нескольких ФЗУ (в 1920-е — начале 1930-х гг.), была ассистенткой в кабинете истории Коммунистического университета трудящихся Востока (1923—1924 гг.), работала ассистентом и научным сотрудником филиалов Государственного исторического музея (1931—1935 гг.), директором последовательно двух вечерних школ в 1935—1940 гг., с 1941 г. — на пенсии (сообщено В. К. Шахбазовой).

²³ **Хорошкевич Анна Леонидовна** (28.03.1931, Москва) окончила исторический факультет МГУ (1953 г.), кандидат исторических наук (1958 г.), доктор исторических наук (1974 г.). С 1959 г. работала младшим научным сотрудником, научным сотрудником, старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, с 1969 г. — Института истории СССР АН СССР (с 1992 г. — Института российской истории РАН), с 2000 г. — ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН. Специалист по истории России и Великого княжества Литовского в XIV—XVII вв., автор ряда монографий и серии публикаций записок иностранцев о России XV—XVII вв.

²⁴ **Трапезников Вадим Александрович** (15(28).11.1905, Москва — 02.03.1994, там же). Окончил Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана

(1928 г.), в 1930—1941 гг. преподавал в Московском энергетическом институте, звание профессора получил в 1939 г., с 1954 г. — заведующий кафедрой систем управления Московского физико-технического института. Работал во Всесоюзном электротехническом институте (1928—1933 гг.), Институте автоматики и телемеханики (позднее Институт проблем управления) с 1941 г. (с 1951 г. — директор). С 1965 г. — 1-й заместитель председателя Государственного комитета по науке и технике Совета Министров СССР (по 1981 г.). Член-корреспондент АН СССР (1953 г.), действительный член (1960 г.). Лауреат Государственной премии (1951 г.), Герой Социалистического Труда (1965 г.). Виднейший специалист по проблемам построения быстродействующих автоматических устройств и агрегатных автоматических систем, моделирования систем автоматического регулирования (соавтор первых в СССР электронных моделирующих установок).

²⁵ **Колмогоров Андрей Николаевич** (урожд. Катаев; 12(25).04.1903, Тамбов — 20.10.1987, Москва) — выдающийся советский математик, один из крупнейших математиков мира. Окончил механико-математический факультет МГУ, профессор МГУ (с 1931 г., где проработал всю жизнь, параллельно в ряде институтов АН СССР), действительный член АН СССР (1939 г.), действительный и почетный член 15 зарубежных академий (национальных и по отраслям знаний), ведущих математических и философских обществ, почетный доктор и профессор более 10 зарубежных университетов. Один из основоположников современной теории вероятности, получил фундаментальные результаты в не менее 20 областях высшей математики и ее приложений. Автор новаторских работ по философии и методологии преподавания математики. Занимал активную общественную позицию — в 1966 г. подписал письмо 13 деятелей науки, литературы и искусства в Президиум ЦК КПСС против реабилитации И. Сталина. См. о нём: Явление чрезвычайное. Книга о Колмогорове. М., 1999.

²⁶ В алфавитном списке домовладельцев г. Рязани, по данным окладной книги Рязанского дворянского депутатского собрания за 1913—1916 гг., за дочерью действительного статского советника В. М. Латышевой записан дом № 1250 Астраханской части Рязани. Не вполне понятно, о каких годах идет речь, поскольку в том же источнике Анна Николаевна Черепнина показана как владелица дома № 53 в 1-м квартале Московской части Рязани. Скорее всего, племянник В. М. Латышевой, Анатолий Дмитриевич (родился в дер. Шелудино Рязанской губ. в 1888 г.), был расстрелян в феврале 1938 г. и реабилитирован в январе 1989 г. (в мемуарах Л. В. Черепнин упоминает дер. Шелудино).

²⁷ **Бурджалов Эдуард Николаевич** (15(28).07.1906, Астрахань — 31.12.1985, Москва) получил высшее историческое образование в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ, 1932 г.). Кандидат исторических наук (1939 г.), доктор исторических наук (1968 г.). С 1932 г. преподавал в МИФЛИ, Высшей партийной школе (ВППШ), Московском государственном педагогическом институте (МГПИ). Профессор МГПИ с 1960 г. (с 1959 г. профессор Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина). Заместитель главного редактора журнала «Вопросы истории» с 1953 г. Был снят в 1957 г. за «отход от принципа партийности»

в своих работах. Специалист по истории революций 1917 г. и Гражданской войны. См. о нём: *Городецкий Е. Н., Иоффе Г. З., Аюбян Г. С., Кузнецов Н. Д.* Э. Н. Бурджалов — историк Февральской революции 1917 г. // *История СССР*. 1987. № 6.

²⁸ Вопрос о том, существовала ли ограничительная запись при избрании Михаила Романова на земском соборе 1613 г. русским царем, специально рассмотрен Л. В. Черепниным в его посмертно изданной монографии — *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 204—211.

²⁹ Здесь, скорее всего, описка — чуть выше Лев Владимирович говорил о лете 1917 г., связывая эту поездку с заболеванием Марии Иосифовны и началом ее лечения.

³⁰ **Бонч-Осмоловский Глеб Анатольевич** (03(15).11.1890, имение Блонь, Минской губ. — 01.11.1943, Казань) — русский и советский антрополог и археолог (специалист по раннему палеолиту); этнограф (народы Крыма и Кавказа); геолог, доктор исторических наук. Впервые в СССР в сентябре 1924 г. Бонч-Осмоловский обнаружил остатки неандертальского человека в гроте Киик-Коба (Крым), оказавшемся также древнейшим на территории СССР памятником эпохи мустье.

Окончил Минскую гимназию в 1909 г., поступил в Петербургский университет, но окончил его только после Первой мировой войны и революции, в 1923 г. В университете он интересовался палеолитом и этнографией. С 1909 г. участвовал в этнографических экспедициях Русского музея на Кавказ, в Осетию и Хевсуретию, был участником студенческого Эрмитажного кружка. Не окончив университет, ушел в 1915 г. добровольцем на фронт, был разведчиком. Из-за контузии и болезни (туберкулез) весной 1917 г. был отправлен на лечение в Петроград. В 1919—1924 гг. он участвовал в этнографических экспедициях и раскопках в различных районах Крыма, собирал сведения об обрядах крымских татар. В 1920—1921 гг. его назначают заведующим Крымским комитетом по делам музеев, занимавшимся национализацией и описью предметов искусства, брошенных в период революции в Крыму, создал Южнобережное книгохранилище на базе библиотеки Крымского горного клуба. Это помогло сохранить уникальные издания из коллекций национализированных дворцов и имений.

По возвращении в Петроград, с октября 1922 г. работал сотрудником этнографического отдела Русского музея. С 1924 по 1930 гг. Г. А. Бонч-Осмоловский — ассистент кафедры антропологии Ленинградского государственного университета, а в Русском музее занимал должность старшего помощника хранителя Русского музея по этнографическому отделу. С 1930 по 1933 гг. — старший научный сотрудник в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК, затем ИИМК), старший специалист и заведующий четвертичного отдела Геологического института АН СССР. Член Правления Ленинградского отделения РОПИК (Российского общества по изучению Крыма).

29.11.1933 г. арестован по обвинению в причастности к «националистической фашистской организации» (по «делу славистов»), в апреле 1934 г. осужден Особым совещанием на 3 года лагерей. Во время заключения находился в Воркуте, работал геологом рудника и бурколонны разведки угля; внес ряд новшеств в практику угле-разведки. Освобожден досрочно 25.02.1936 г., но без права проживания в крупных

городах. До марта 1941 г. когда была снята судимость, жил на станции Оредеж Ленинградской области. В мае 1936 г. направил главному прокурору А. Я. Вышинскому письмо, ходатайствуя об освобождении невинно осужденных, находившихся в Воркутинских лагерях. В 1936—1941 гг. работал по договорам с издательством АН и Институтом антропологии МГУ над двухтомной монографией «Палеолит Крыма» (первый том был издан в 1941 г., второй том — «Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба», за который ему без защиты была присуждена степень доктора исторических наук; 3-й том вышел посмертно в 1954 г.). В 1941 г. работал старшим научным сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК) и внештатным профессором Ленинградского университета. После эвакуации в Казань в 1942 г. и до внезапной смерти 1 ноября 1943 г. преподавал в Казанском государственном университете антропогенез.

³¹ В личном деле В. А. Черепнина сохранились его рапорт от 18.10.1918 г. на имя Ученой коллегии Публичного и Румянцевского музеев с просьбой о месячном отпуске по семейным обстоятельствам и удостоверение заведующего библиотечным отделом от того же числа с предоставлением 2-х недельного отпуска по решению коллегии (Архив РГБ. Оп. 40, ед. хр. 662, л. 5, 6).

³² **Дитерихс Михаил Михайлович** (10(22).11.1871, Петербург — 12.01.1941, Москва), окончил Императорскую Военно-медицинскую академию (1898 г.) и оставлен при клинике Н. А. Вельяминова; профессор Киевского университета (1912 г.), с 1934 г. — 3-го Московского медицинского института. Один из ведущих специалистов в области артрохирургии, в 1929—1934 гг. работал в Центральном институте курортологии в Москве, один из авторов методологии солнцелечения костного туберкулеза. Военно-полевой хирург, автор транспортной шины при переломах бедра. Автор 5 индивидуальных и коллективных монографий. Заслуженный деятель науки РСФСР (1936 г.).

³³ **Чемберджи Николай Карпович** (11(24).08.1903, Царское село (г. Пушкин) — 22.04.1948, Москва) — племянник композитора А. А. Спендиарова, у которого жил с 1905 г. Окончил Московскую консерваторию по классу композиции у А. Н. Александрова. Автор симфонических сюит, балета, оперы. См. о нём: *Чемберджи Вал.* В доме музыка жила. М., 2002.

³⁴ **Кретович Вацлав Леонович** (21.01(03.02).1907, Ялта — 17.02.1993, Москва) окончил биологический факультет МГУ (1931 г.), работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте зерна (1931—1941 гг.), с 1938 г. — в Институте биохимии АН СССР, с 1946 г. — профессор Московского технологического института пищевой промышленности. Лауреат Государственной премии (1972 г.), главный редактор журнала «Прикладная биохимия и микробиология» (с 1981 г.). Член-корреспондент АН СССР (1962 г.).

³⁵ **Булгаков Сергей Николаевич** (16(28).06.1871, Ливны Орловской губ. — 13.07.1944, Париж) — видный русский философ и богослов. Учился в духовном училище в Ливнах и в семинарии в Орле (до 1888 г.), затем в классической гимназии г. Ельца. В 1894 г. окончил юридический факультет Московского университета, позднее сдал магистерские испытания, преподавал политическую экономию в Московском

Императорском высшем техническом училище. После защиты магистерской диссертации в Московском университете в 1901 г. — ординарный профессор Киевского политехнического института. С 1902 г. под влиянием философии В. С. Соловьева разделяет взгляд на христианство как на организующий принцип общественного творчества, как высший синтез философской мысли. Сборник его десяти статей «От марксизма к идеализму» опубликован в Санкт-Петербурге в 1904 г. В 1904—1918 гг. — профессор Московского коммерческого института, депутат II Думы. Один из самых активных участников религиозно-философского общественного и интеллектуального движения, олицетворяемого сборником «Вехи» (1909), автор многочисленных статей и книг. С 1919 г. — в Крыму, где происходит еще один поворот в его интеллектуальных и нравственных поисках — к догматическому богословию, ибо в нём, как он считал, христианское умозрение способно выразить себя без внешних искажений. С декабря 1922 г. — в эмиграции, с мая 1923 г. — профессор церковного права и богословия в Русском научном институте (Прага), позднее переехал в Париж. О нём см.: С. Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения. М., 2003.

³⁶ **Смолин Дмитрий Петрович** (1891—1955) — драматург, окончил Московский коммерческий институт (1918 г.), участник Гражданской войны в Крыму, в 1920 г. — заместитель наркома просвещения Крыма. Позднее входил в состав комиссии (как консультант) по строительству Дворца Советов.

³⁷ **Даровский Евгений Иванович** (07(19).03.1871 — 07.12.1920, Ялта), из семьи потомственных военных. Окончил 3-е военное Александровское училище (1891 г.), полковник (с 06(19).12.1912 г.), участник Первой мировой войны, командир 495-го Ковенского пехотного полка. Расстрелян в Ялтинской ЧК. Его племянница Александра Владимировна Даровская — дочь генерал-лейтенанта В. И. Даровского (см.: <http://swolkov.org/doc/yalta/index.htm>).

³⁸ Архив РАН. Ф. 1791, оп. 1, № 214.

³⁹ Заявление В. А. Черепнина о зачислении в состав служащих библиотеки Государственного Румянцевского музея датировано 20.06.1921, но еще 16.06.1921 заключительное решение было принято Дирекцией в соответствии с решением библиотечной конференции. Восстановление В. А. Черепнина сопровождалось оживленной перепиской, в т. ч. обменом телеграммами с Ялтой (отделами просвещения и Управделами штата РККА в Крыму), копиями удостоверений и мандатов (о местах работы Черепнина в Крыму, о составе его семьи и т. п.), отношениями и запросами по поводу его местожительства и др. (Архив РГБ, Оп. 40, ед. хр. 662, л. 4—25).

⁴⁰ По этому поводу В. А. Черепнин получил от музея удостоверение в адрес дома о необходимости 2-й комнаты для выполнения срочной и неотложной работы на дому (Архив РГБ, Оп. 40, ед. хр. 662, л. 26 и др.).

⁴¹ Заявление об отпуске на 2 недели для поездки в Рязань для устройства «личных дел» датировано 02.01.1922 г. (Архив РГБ, Оп. 40, ед. хр. 662, л. 27); разрешение было получено тем же днем (там же, л. 28).

⁴² **Бессарабова Наталья Ивановна** (18(30).10.1895, Воронеж — 1981, Москва) — художница, художник-керамист. Училась в ВХУТЕМАСЕ (1919—1922 гг., Воронеж), художник Люберецкого завода, главный художник в хореографическом театре Центрального парка культуры и отдыха им. Горького (1937—1941 гг.), с 1945 г. активно занималась восстановлением гжельской и скопинской керамики (посуда, скульптура из фарфора, майолики, терракоты). Ее произведения в Государственном Русском музее, Государственном историческом музее и др.

⁴³ **Рязанский институт народного образования (РИНО)** образован в 1917 г. как Учительский институт, преобразован в 1919 г. в Рязанский институт народного образования, а в 1922 г. в Практический институт народного образования с задачей подготовки учителей для 7-классных школ. В мае 1923 г. ликвидирован с передачей функций педтехникуму.

⁴⁴ **Бережков Николай Георгиевич** (12(24).06.1886, Нижний Новгород — 12.03.1956, Москва) получил образование в Нижегородской гимназии, на историко-филологическом факультете Московского университета, который окончил в 1909 г. Ученик М. К. Любавского. Оставлен при Московском университете «для приготовления к профессорскому званию», параллельно до 1919 г. — сотрудник МАМЮ. В 1919—1920 гг. преподавал в Нижегородском университете, в 1920—1923 гг. в РИНО. В 1924—1935 гг. сотрудник Музея революции СССР, затем музея «Каторга и ссылка». С 1936 г. — научный сотрудник, старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Докторская диссертация (1946 г.). Специалист в области источниковедения средневековой Руси и Великого княжества Литовского, исторические хронологии. Монография «Хронология русского летописания» издана посмертно (М., 1963 г.). О нём см.: *Улащик Н. Н.* Н. Г. Бережков // Проблемы источниковедения. Сб. 6. М., 1958. С. 354—357.

⁴⁵ **Любавский Матвей Кузьмич** (01(13).08.1860, с. Можары, Рязанской губ. — 22.11.1936, Уфа) получил образование в Сапожковском духовном училище, затем Рязанской духовной семинарии (1878 г.). Окончил историко-филологический факультет Московского университета с золотой медалью (1882 г.), магистерские испытания сдал в 1886 г. С 1887 г. преподавал в ряде женских гимназий Москвы и на Высших женских курсах. Защитил в 1894 г. магистерскую диссертацию «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута» (книга вышла в свет в том же году и получила премии Императорской Академии наук и Общества истории и древностей российских Московского университета), в 1901 г. докторскую «Литовско-русский сейм» (М., 1901). Экстраординарный (1901 г.), ординарный профессор (1902 г.) Московского университета, в 1902—1904 гг. и 1906—1908 гг. — секретарь историко-филологического факультета, декан этого факультета (1908—1911 гг.), ректор Московского университета 1911 г. — март 1917 г. В 1910—1918 гг. издал курсы по истории Литовско-Русского государства (М., 1910), западных славян, истории России (М., 1911, 1913, 1915, издание 1915 г. переиздано в 2000 г.), образования государственной территории великорусской народности в связи с колонизацией (М., 1909). Последняя тема стала ведущей в его исследовательской работе в 1920-е гг. (см.: Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929).

Секретарь, а с 1917 г. — председатель Общества истории и древностей российских (по 1929 г.), член Московского археологического общества (с 1907 г.), Русского исторического общества (с 1913 г.), четырех губернских архивных комиссий (с 1894 г.). С марта 1917 по 1920 г. и позднее работал в структурах Главархива (Центраархива), один из разработчиков реформы по централизации губернских архивов, читал курсы в Московском университете, продолжал исследовательскую работу по проблемам исторической географии Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. Член-корреспондент Российской академии наук (декабрь 1917 г.), действительный член (1929 г.). По «делу историков» 1930 г. сослан на 5 лет в Уфу с лишением академического звания (в 1967 г. его имя восстановлено в списках академиков решением Президиума АН СССР), работал в Башкирском научно-исследовательском институте национальной культуры (1931 — январь 1935). О нём см.: *Карев Д. В.* Академик М. К. Любавский: Судьба и наследие // Наш радовод. Гродно, 1994. Кн. 6. Ч. 3; *Сидоров А. В., Старостин Е. В.* Любавский М. К. // Историки России: Биографии. М., 2001.

⁴⁶ **Грушевский Михаил Сергеевич** (17(29).09.1866, Холм (Хелм) Люблинской губ. — 25.11.1934, Кисловодск) — видный украинский историк, создатель системного украинского исторического нарратива, фактический создатель и глава «галицийской школы» украинских историков. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета (под руководством профессора В. Б. Антоновича) в 1890 г., оставлен для приготовления к профессорскому званию в 1891 г., магистерские испытания сдал в 1892 г., магистерскую диссертацию («Барское староство. Исторические очерки», Киев, 1894) защитил в 1894 г. С 1894 г. — профессор и глава кафедры истории Восточной Европы (фактически кафедра по истории Украины) в Львовском университете (Львов тогда находился в составе Австро-Венгерской империи). С 1897 г. возглавил Научное общество им. Т. Г. Шевченко, превратив его в подобие Украинской академии наук (по общественным дисциплинам), ответственный редактор «Записок» общества (шесть номеров в год). На основе авторских курсов по истории Украины создал фундаментальную «Історію України-Руси» (в 10 томах; последнее издание — Киев, 1989—1997). Активно участвовал в политической жизни (сторонник украинской автономии), выступал с публицистическими произведениями. Доктор по русской истории *honoris causa* Харьковского университета. В 1913 г. из-за разногласий подал в отставку с поста председателя Научного общества им. Т. Г. Шевченко и редактора «Записок...». После начала Первой мировой войны сумел окружным путем добраться до России (в ноябре 1914 г.). В заключении до февраля 1915 г. по подозрению в антироссийской пропаганде, сослан в Симбирск, позднее находился в Казани, с осени 1916 г. — в Москве. С марта 1917 г. — в Киеве, возглавил Центральную раду Украины (по апрель 1918 г.), с 1919 г. — в Праге, организовал Украинский социологический институт (в Вене), работал над многотомной историей украинской литературы. В 1924 г. получил разрешение вернуться на Украину, с марта 1924 г. — в Киеве, избран академиком Всеукраинской академии наук, глава ее историко-филологического отдела, с 1929 г. — академик АН СССР. Арестован в марте 1931 г., освобожден и жил в Москве (дело было прекращено осенью 1933 г.). См. о нём: *Сохань П. С., Ульяновский В. И., Кіржаєв С. М.* М. С. Грушевський і Academia. Ідея, змагання, діяльність. Київ, 1993; *Винар Л.* Михайло Грушевський: історик і будівничий нації. Київ,

1995; *Михальченко С. И.* Грушевский М. С. // *Историки России: Биографии.* М., 2001. С. 411—418.

⁴⁷ **Шахматов Алексей Александрович** (05(17).06.1864, г. Нарва Петербургск. губ. — 16.08.1920, Петроград) — выдающийся русский филолог и лингвист, основоположник историко-текстологической методологии в изучении русского летописания. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1887 г., приват-доцент в университете в 1890 г. (курс по истории русского языка). Адъюнкт Академии наук (1894 г.). За работу «Исследования в области русской фонетики» в качестве магистерской диссертации получил сразу степень доктора русского языка и словесности. Экстраординарный академик Императорской Российской академии наук в 1897 г., ординарный — в 1898 г.; профессор Санкт-Петербургского университета (1910 г.), заведующий кафедрой русского языка (с 1908 г.), член Археографической комиссии АН, председатель Отделения русского языка и словесности АН. Член трех зарубежных академий, доктор ряда европейских университетов. Параллельно с трудами в области истории русского языка (один из основных его трудов «Синтаксис русского языка» был издан посмертно в 1925—1927 гг.) обратился к проблемам истории русских летописей. Первая, и притом обобщающая, его работа («Общерусские летописные своды в XIV и XV вв.») вышла в свет в 1900—1901 гг. в журнале Министерства народного просвещения. Названная Л. В. Черепнинным монография А. А. Шахматова, хранившаяся в библиотеке Н. Г. Бережкова, вышла в свет в Санкт-Петербурге в 1908 г. Расширенный и дополненный текст под названием «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» опубликован посмертно (М.; Л., 1938). О нём см.: А. А. Шахматов. Л., 1930; *Обнорский С. П.* Акад. А. А. Шахматов // *Вестник АН СССР.* 1945. № 10—11.

⁴⁸ Л. В. Черепнин пишет о монографии Н. Г. Бережкова «Хронология русского летописания» (М., 1963), полностью сохраняющей до настоящего времени научно-информационную актуальность.

⁴⁹ **Мордовенко Николай Иванович** (25.09(08.10).1904, Рязань — 13.01.1951, Ленинград) получил образование на историческом отделении Рязанского института народного образования (1921—1923 гг.), затем на словесном отделении высших государственных курсов искусствоведения при Институте истории искусств в Ленинграде (1925—1929 гг.). С 1934 г. работал научным сотрудником Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Доктор филологических наук (1948 г.), преподавал в Ленинградском университете. Научные интересы Н. И. Мордовенко были сосредоточены на истории русской литературы второй четверти XIX в. и прежде всего на изучении становления русской литературной критики (его итоговая книга посвящена В. Г. Белинскому). Л. В. Черепнин проработал в отделе рукописей государственной библиотеки им. В. И. Ленина с августа 1929 г. по осень 1930 г. (см. ниже комментарии № 98 и № 166).

⁵⁰ Сын Н. П. Сидорова, **Владимир Николаевич** (1903, Рязань — 29.03.1968, Москва) окончил Московский университет в 1926 г., один из основателей Московской фонологической школы, до ареста (по «делу славистов» в феврале 1934 г., получил в итоге 5 лет ссылки) работал в НИИ языкознания, доцентом Московского педагогического

вечернего института, редактором в Учпедгизе. С 1944 г. и до кончины работал в Институте русского языка АН СССР, преподавал в МГУ. Доктор филологических наук *honoris causa* (1963 г.).

⁵¹ Удостоверение Государственного Румянцевского музея с ходатайством в адрес домкома в предоставлении В. А. Черепнину лишней комнаты для выполнения «на дому научной работы неотложного и срочного характера, требующей особого внимания и спокойной обстановки» датировано 09.11.1921 г. 02.01.1922 г. он запросил 2-х недельный отпуск для поездки в Рязань с целью устройства личных дел (отпуск был оформлен в тот же день). 23 января 1921 г. дирекция ГРМ выдала ему удостоверение о составе семьи для предоставления в домком по месту проживания (Архив РГБ, оп. 40, ед. хр. 662, л. 26—29). Таким образом, переезд в Москву сестры Л. В. Черепнина и ее няни состоялся в январе 1922 г., а сам он оказался в Москве в феврале или в начале марта 1922 г.

⁵² **Волгин Вячеслав Петрович** (02(14).06.1879, дер. Борщевка Рыльского у. Курской губ. — 03.07.1962, Москва) — историк, специалист в области изучения социалистических идей (главным образом XVIII — начала XIX в. во Франции), западноевропейской общественной мысли эпохи Просвещения. Окончил Московский университет в 1908 г. (обучался с длительными перерывами, вызванными арестами и ссылками из-за его активного участия в революционной деятельности). Действительный член АН СССР (1930 г.). Преподавательскую работу начал с 1914 г., в 1919—1930 гг. профессор Первого МГУ. Ректором Первого МГУ он был в 1921—1925 гг. Один из организаторов Института истории РАНИОН и других научных организаций. Вице-президент АН СССР в 1942—1953 гг., главный редактор журнала «Вопросы истории» (1945—1949 гг.), лауреат Ленинской премии (1961 г.). См. о нём: В. П. Волгин. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. история. М., 1954. Вып. 4; *Поршнев Б. Ф.* В. П. Волгин // *Волгин В. П.* Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М., 1975. С. 3—8.

⁵³ **Павлов-Сильванский Николай Павлович** (01(13).01.1869 Кронштадт — 17(30).09.1908, Санкт-Петербург) — видный отечественный историк второй половины XIX в. — начала XX в., родоначальник направления «феодалного периода» в истории России (с конца XII в. по середину XVI в.). Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1888—1892 гг.), ученик профессора С. Ф. Платонова. По окончании оставлен на факультете для приготовления к профессорскому званию, в 1893 г. начал службу в Министерстве иностранных дел, с 1895 г. — в Государственном архиве (имел чин VI класса). Параллельно с 1905 г. преподавал в различных «вольных» Высших курсах (в Высшей вольной школе П. Ф. Лесгафта, Высших женских курсах) и университетах. Параллельно, с 1895 г. вел исследовательскую работу, вылившуюся в серию статей 1897—1902 гг. и две итоговые в его творчестве монографии: «Феодализм древней Руси» (СПб., 1907) и изданную посмертно «Феодализм в удельной Руси» (СПб., 1910; текст Павлова-Сильванского был отредактирован и подготовлен к печати А. Е. Пресняковым). Павлов-Сильванский исследовал также ряд важных сюжетов политической истории, истории общественного движения в XVIII — первой четверти XIX в. См. о нём: *Чирков С. В.* История

русского феодализма: Н. П. Павлов-Сильванский // Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996; *Он же*. Николай Павлович Павлов-Сильванский // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000; *Он же*. Павлов-Сильванский Николай Павлович (1868—1908) // Историки России: Биографии. М., 2001.

⁵⁴ **Пресняков Александр Евгеньевич** (21.04(03.05).1870, Одесса — 30.09.1929, Ленинград) — видный отечественный историк, специалист по истории России X—XIX в. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета с золотой медалью (1893 г.), ученик С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского и др. Был оставлен при кафедре русской истории «для приготовления к профессорскому званию». По семейным обстоятельствам начал педагогическую работу с 1894 г. в двух частных гимназиях, в Екатерининском сиротском институте, на Педагогических курсах при женских гимназиях. Профессор Петербургского женского педагогического института с 1896 г., петербургских Высших женских курсов в 1908—1910 гг. С 1900 г. сотрудник Археографической комиссии Академии наук, с 1910 г. ее действительный член. С 1907 г. в качестве приват-доцента читал курс истории России в Петербургском университете. Магистерскую диссертацию («Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий». СПб., 1909) защитил в 1908 г., докторскую — в 1918 г. (опубликована в том же 1918 г. «Образование Великорусского государства», создана на основе университетского курса лекций). С 1918 г. декан археографического факультета Петроградского археологического института. Профессор Петроградского университета с 1918 г. Член-корреспондент российской АН (декабрь, 1920), в 1920-е гг. был профессором Института красной профессуры (с 1927 г.), преподавал и был директором, ректором, деканом ряда исследовательских институтов и вузов в Петрограде (Ленинграде). С 1926 г. действительный член Ленинградского отделения Института истории РАНИОН и сверхштатно того же института в Москве — по 1928 г. (его личное дело — ГАРФ, ф. А-4655, оп. 2, № 353 за 1926—1928 гг.). Посмертно в 1938—1939 гг. были изданы 2 тома его университетских курсов по истории России и Великого княжества Литовского. Вторым направлением научных разысканий Преснякова была история государственных институтов и общественной мысли в России XVIII — первой половины XIX в., биографические очерки российских императоров XIX в. Принимал активное участие в издании ряда томов Полного собрания русских летописей (в частности, в Симеоновской (т. 18) и Типографской (т. 24) летописей). В два последние десятилетия переизданы многие его работы. О нём см.: *Чирков С. В.* Александр Евгеньевич Пресняков // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000; *Он же*. Пресняков А. Е. // Историки России: Биографии. М., 2001.

⁵⁵ **Второй Московский государственный университет** был создан в 1918 г. на базе Высших женских курсов в Москве, неоднократно реформировался, окончательно закрыт в 1930 г. с образованием на его основе трех вузов. Историко-филологический факультет Второго МГУ был переведен в Первый МГУ (на факультет общественных наук). Педагогический факультет Второго МГУ был создан в 1921 г.

⁵⁶ **Коваленский Михаил Николаевич** (28.04(10.05).1874, г. Ефремов, Тульской губ. — 24.07.1923, Москва) — историк, окончил историко-филологический факультет

Московского университета в 1898 г. Учился у В. О. Ключевского, П. Г. Виноградова, В. И. Герье. В 1898—1915 гг. преподавал в средних учебных заведениях и на курсах в Москве, Коломне, других подмосковных городах. Параллельно активно участвовал в подготовке и публикации ряда научно-популярных и учебных пособий (Очерки всеобщей и русской истории. М., 1902; Из истории государственной власти в России. М., 1905; Русская история. Ч. 1. Вып. 1—2. М., 1907—1908; Ч. 2. Вып. 1. М., 1913; Русский ученый XVIII века: Страницы из жизни М. В. Ломоносова. М., 1915). В 1905—1906 гг. один из руководителей Всероссийского союза учителей. С 1915 г. — в Майкопе, в 1918—1920 гг. (при белых и при красных) один из руководителей народного образования в городе. В 1920—1921 гг. — член Совета народного образования Кубани, одновременно профессор, проректор Кубанского государственного университета и др. вузов. С лета 1921 г. — в Москве, член научно-политической и научно-педагогической секций Главного ученого совета Наркомпроса, профессор ряда вузов Москвы, в т. ч. Второго МГУ (с 1922 г.), Института красной профессуры и др. Член методологической комиссии Главполитпросвета. Автор учебника для средней школы 1-й ступени — *Вчера и завтра: Как и откуда взялась новая красная Россия*. (М., 1922; (выдержал до 1930 г. 17 изданий), научно-популярной книги — *Московская смута XVII века, ее смысл и значение: исторический очерк* (М., 1922; выдержала несколько изданий). О нём см.: *Ситник В. С.* М. Н. Коваленский — историк и педагог. Варенги, 1976; *Куценко И. Я.* Историк М. Н. Коваленский // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. [Краснодар], 2000. № 3—4. С. 18—30.

⁵⁷ **Бочкарев Валентин Николаевич** (04(16).02.1880, Москва — 17.01.1967, там же). Историк, окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1904 г. С 1905 г. преподавал на вечерних общеобразовательных курсах для рабочих, Высших женских курсах и др. Параллельно подготовил ряд научно-популярных публикаций — *История России XIX столетия* (М., 1912); *Московское государство XV—XVIII вв. по сказаниям современников-иностранцев* (СПб., 1914). С 1918 г. преподавал в Ярославском государственном педагогическом институте, Нижегородском государственном университете, с 1920 г. — профессор факультета общественных наук Первого МГУ (по 1923 г.), Второго МГУ (с 1921 г.). Затем преподавал во многих вузах Москвы и городов Московской области, главным образом педагогических, но также технических и военных. Докторскую диссертацию на тему «Феодальная война в удельно-княжеской Руси при Василии Темном» защитил на ученом совете исторического факультета МГУ в 1944 г. В 1920-е гг. опубликовал ряд научно-популярных работ, лекционных курсов по истории революционных движений в XVII — начале XX в., по политической истории Российского государства XVIII в., по истории отдельных регионов (Ярославского края) и др. Посмертно издано его учебное пособие — *Русская историческая драматургия XVII—XVIII вв.* (М., 1988). Текст докторской диссертации не опубликован. Большую помощь в его работе оказывала его сестра — Бочкарева Зинаида Николаевна (1884—1963), сотрудница Государственного Румянцевского музея, позднее Института истории АН СССР (В. Н. Бочкарев был практически слепым с раннего детства). О нём см.: *Бирючков М.* В трудную пору // *Наша жизнь*. 1991. № 12. С. 16—18.

⁵⁸ **Корнилов Константин Николаевич** (24.02(08.03).1897, г. Тюмень — 10.07.1957, Москва) — психолог, доктор педагогических наук, профессор. Учился в Тюменском городском училище, Омской учительской семинарии, на историко-филологическом факультете МГУ (1905—1910 гг.). Один из основателей материалистического направления в советской психологии. С 1912 г. работал в Психологическом институте МГУ, с 1916 г. — магистр и приват-доцент МГУ, в 1923—1930 гг. и вторично в 1936—1940 гг. директор Психологического института. Профессор с 1921 г., решением Наркомпроса назначен деканом педагогического факультета и заведующий кафедрой психологии Второго МГУ. Позднее — профессор и заведующий кафедрой психологии в Московском государственном педагогическом институте (по 1957 г.). Доктор педагогических наук в 1935 г. (без защиты). Академик педагогических наук СССР, ее вице-президент (по 1950 г.). Депутат Моссовета с 1923 г. О нём см.: Творческий путь видного отечественного педагога-психолога К. Н. Корнилова. М., 2005.

⁵⁹ **Сивков Константин Васильевич** (12(24).05.1882, г. Белгород Курской губ. — 12.12.1959, Москва), историк, специалист в области отечественной истории XVIII—XIX вв. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1906 г.). Работал преподавателем в ряде средних и высших (частных) учебных заведений с 1907 г. в Тифлисе, затем в Москве служил в Московском архиве Министерства юстиции. В 1919 г. — профессор Иваново-Вознесенского педагогического института. В конце 1920-х гг. работал в Государственном историческом музее, в Тверском педагогическом институте, Историко-архивном институте и др. С 1936 г. и до кончины — старший научный сотрудник Института истории АН СССР, с 1946 г. — профессор исторического факультета МГУ, профессор (1951 г.) Московского государственного историко-архивного института, Государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Доктор исторических наук (1945 г.). На базе диссертации позднее вышла в свет его книга — Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в. (М., 1951 г.). О нём см.: Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 418.

⁶⁰ **Пичета Владимир Иванович** (09(21).10.1878, Полтава — 23.06.1947, Москва), видный советский белорусский историк, специалист по истории Великого княжества Литовского в XIV—XVIII вв., истории восточных и западных славян, археограф и источниковед; родоначальник белорусской историографии. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1901 г.), ученик В. О. Ключевского, М. К. Любавского, П. Г. Виноградова. Преподавал в средних учебных заведениях Москвы (1901 г., вторично с осени 1905 г.), Екатеринослава (1902—1905 гг.). Сдал магистерские испытания (1909 г.), приват-доцент Московского университета (с 1911 г.), в 1911 г. ушел из университета в составе группы профессоров и доцентов в знак протеста против действий министра Л. А. Кассо. Читал курсы лекций на Высших женских курсах, в Практической академии коммерческих наук. С осени 1917 г. вернулся в университет, с 1918 г. — профессор Первого МГУ, защитил магистерскую диссертацию — Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. Т. 1. М., в 1918 г. и вскоре — докторскую (2-й том монографии). Первый ректор Белорусского государственного университета с момента его образования в июле 1921 г. и по сентябрь

1929 г., заслуженный профессор Белорусской ССР (1926 г.), академик АН БССР (1928 г.). Арестован по «делу историков» и был обвинен в «великодержавном шовинизме, белорусском буржуазном национализме, прозападной ориентации» (в предварительном заключении в Ленинграде провел около года). В августе 1931 г. выслан в ссылку в Вятку сроком на 5 лет с лишением академических званий. В сентябре 1934 г. переведен в Воронеж профессором местного педагогического института. Освобожден досрочно 26.04.1935 г. В 1935—1940 гг. преподавал на рабфаке Института хлебопекарной промышленности им. В. И. Ленина в Москве. Одновременно с 1937 г. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР, с 1938 г. — профессор МГУ и Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Возглавил созданный по его инициативе в 1939 г. сектор славяноведения в Институте истории, который стал позднее базой при организации Института славяноведения АН СССР в 1946 г., где Пичета работал заместителем директора, и кафедру истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ. Член-корреспондент АН СССР (1939 г.), восстановлен в звании академика АН БССР (1940 г.), действительный член АН СССР с 1946 г. (личный фонд академика В. И. Пичеты хранится в архиве РАН). О нём см.: *Досталь М. Ю.* Пичета В. И. // *Историки России: Биографии.* М., 2001.

⁶¹ **Смирнов Павел Петрович** (09(21).09.1882, Симбирск — 02.04.1947, Москва) — историк, специалист в области истории города и тяглого городского населения XI—XVII вв. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета с серебряной медалью в 1907 г., ученик профессора М. В. Довнар-Запольского. Вел преподавательскую работу в 1908 г. на Высших курсах (первоначально-вечерних, затем — дневных) в Киеве. Выдержал магистерское испытание в 1912 г. и тогда же защитил магистерскую диссертацию «Орловский уезд в конце XVI в. по писцовым книгам 1594—1595 гг.» (Киев, 1912). Приват-доцент Киевского университета, где читал курсы лекций (по 1917 г.), с 1915 г. заведующий Нумизматическим кабинетом и Археологическим кабинетом, с 1915 по 1918 гг. — в эвакуации с университетом в Саратове. В 1917—1919 гг. двумя частями в Киеве была издана его работа «Города Московского государства в первой половине XVII в. Формы землевладения, количество и движение населения». Позднее в течение многих лет тоже продолжал исследование данной темы, результатом стала фундаментальная работа «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века», защищенная в качестве докторской диссертации в МГУ в 1942 г. Профессор, проректор и ректор ряда вузов в Киеве с 1919 г. Арестован в 1923 г. по делу «Центра действий», был осужден, но через год освобожден. Вторично задержан и отбывал наказание до 1927 г. С осени 1927 г. в Ташкенте — профессор и заведующий кафедрой истории народного хозяйства, директор Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета. Арестован в 1931 г. и выпущен через 8 месяцев. С 1937 г. — в Москве, с 1938 г. — профессор кафедры Истории СССР Московского историко-архивного института Главного архивного управления НКВД СССР. В октябрьскую панику 1941 г. — когда руководство МГИАИ бежало из столицы, по инициативе П. П. Смирнова деятельность Историко-архивного института в Москве была восстановлена, а сам Смирнов приказом ГАУ НКВД был назначен директором Института в ноябре 1941 г. и оставался им по май 1942 г. Именно в это время на работу в Институте были приглашены А. И. Андреев, Л. В. Черепнин, вернулись в Москву ряд

его преподавателей. В конце ноября 1941 г. Институт возобновил свою работу. В январе—июне 1943 г. П. П. Смирнов, помимо основной работы профессором кафедры истории СССР, был заведующим кафедры вспомогательных исторических дисциплин. Параллельно был заведующим кафедры истории СССР в Государственном педагогическом институте. Лауреат государственной (Сталинской) премии 1943 г. (всю премию отдал на оборону страны). П. П. Смирнов еще при жизни сдал в издательство текст фундаментальной монографии, опубликованной уже после кончины автора — Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I—II (М., 1947, 1948). Его мемуары, записанные в феврале 1943 г., — «Война и Историко-архивный институт в 1941 г.» — хранятся в Отделе редких книг Библиотеки РГГУ и частично опубликованы: Московский ордена «Знак почета» Государственный историко-архивный институт. 1930—1980. Сб. документов и материалов. Пермь, 1984. С. 106—109. Его автобиографию от февраля 1945 г. см.: Гуманитарный университет в Москве. История идеи. М., 1912. С. 225—228; его личное дело в РГГУ — Архив РГГУ, л/с, д. 606. О нём см.: *Козлов В. Ф.* Материалы заседания Ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П. П. Смирнова // *Археографический ежегодник за 1980 год.* М., 1981. С. 243—247; *Он же.* Смирнов П. П. // *Историки и краеведы Москвы.* М., 1996.

⁶² **Васютинский Алексей Макарович** (1877—1947) — историк, профессор и председатель словесно-исторического (1922—1923 гг.), социально-экономического, затем общественно-экономического (1923—1926 гг.) отделений педагогического факультета Второго МГУ, с 1930 г. — в МГПИ, специалист по всеобщей истории.

⁶³ **Петрушевский Дмитрий Моисеевич** (01(13).09.1863, с. Кобрино, Киевской губ. — 12.12.1942, Казань) — видный историк, один из родоначальников социального направления в русской и советской медиевистике. Окончил Киевский университет (1886 г.), ученик профессора И. В. Лучицкого. Преподавал в Москве, Варшаве, Петербурге, с 1906 г. — профессор Московского университета, ушел из него в 1911 г. в составе группы преподавателей в знак протеста против действий министра просвещения. Классические работы Петрушевского посвящены средневековой истории Англии в X—XV вв., генезису феодальных отношений в Западной Европе, восстанию Уота Тайлера (печатались с 1897—1901 гг., в 1920—1930-е гг. выдержали от 2 до 5 изданий). На тексте курса, читавшегося не один год в Московском университете, в Институте истории РАНИОН, основана монография «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (М., 1928). С августа 1921 г. и по сентябрь 1924 г. — директор Института истории РАНИОН во всех его модификациях. Вернулся в Московский университет осенью 1937 г., после восстановления исторического факультета профессор и заведующий кафедрой средних веков (с 1937 г.). Член-корреспондент АН СССР с 1924 г., действительный член с 1929 г. Личное дело Петрушевского см.: ГАРФ, ф. А-4655, оп. 2, № 340; личный фонд хранится в Архиве РАН (ф. 483, оп. 1—5, 478 ед. хр.). О нём см.: *Мильская Л. Т.* Д. М. Петрушевский // *Портреты историков: Время и судьбы.* Т. 2: Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000.

⁶⁴ **Грацианский Николай Павлович** (19(31).10.1886, с. Ерлика, Скопинского у. Рязанской губ. — 04.11.1945, платформа Рассудово, Московская обл.) — историк, русский и советский медиевист, специалист по истории Франции X—XV вв.

Окончил историко-филологический факультет Казанского университета (1910 г.), ученик профессора В. К. Пискорского. Магистерские испытания выдержал в 1914 г., с того же года приват-доцент Казанского университета. Читал курсы и вел семинары в 1914—1921 гг., профессор с августа 1921 г. В 1922 г. переехал в Москву, с 1923 г. профессор кафедры всеобщей истории педагогического факультета Второго МГУ, с апреля 1923 г. — действительный член Института истории, РАНИОН (по 1929 г.), в 1929—1930 гг. — профессор Института истории при Комакадемии. С 1934 г. профессор и заведующий кафедрой Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина и Городского педагогического института, читал курсы лекций в Институте философии, литературы, истории (Москва), Институте красной профессуры. Доктор исторических наук (1938 г.), с 1938 г. — профессор исторического факультета МГУ по кафедре истории Средних веков. Его основной труд — «Бургундская деревня в X—XII вв. столетиях» (М., 1935). Убит двумя выстрелами по дороге на свою дачу, убийство осталось нераскрытым. О нём см.: *Иванов Ю. Ф.* Профессор Н. П. Грацианский // *Одиссей. Человек в истории.* 2007. М., 2007. С. 376—396.

⁶⁵ **Гудзий Николай Каллиникович** (21.04(03.05).1887, Могилев-Подольский — 29.10.1965, Москва) — видный русский и советский филолог, специалист по истории древнерусской литературы. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета в 1911 г.; еще в 1910 г. появилась его первая научная статья, ученик профессора В. Н. Перетца. Профессор по кафедре истории русской литературы Первого МГУ (с 1922 г.), заведующий кафедрой устного народного творчества (1941—1946 гг.). Преподавал также в Киеве, Симферополе. Заведующий отделом древнерусской литературы в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР в Москве (1938—1947 гг.), заведующий отделом русской литературы (1945—1952 гг.) и отделением древней украинской литературы (1952—1961 гг.) в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР в Киеве. Автор первого учебника по истории древнерусской литературы (М., 1938 г.) и первой хрестоматии с текстами сочинений X—XVII вв. (М., 1935 г.), многократно переиздававшихся позднее. Академик АН УССР (1945). О нём см.: К 70-летию Николая Каллиновича Гудзия // *Труды отдела древнерусской литературы.* Т. XIII. Л., 1957. С. 313—342.

⁶⁶ **Фатов Николай Николаевич** (1887—1961) — советский литературовед, филолог, критик и публицист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1910 г.), с 1918 г. преподавал в Первом МГУ, с 1921 г. — во Втором МГУ, в 1930-е гг. в Ставрополе и ряде других городов. Автор книг «Научная схема новой русской литературы» (Ч. 1—2. М., 1930), «О ленинском методе в литературоведении» (Ставрополь, 1933), яростный, «с классовых позиций» борец с «есенинщиной».

⁶⁷ **Бахрушин Сергей Владимирович** (08(20).10.1882, Москва — 08.03.1950, там же) — видный русский и советский историк, специалист по истории России XII—XVIII вв., отечественной историографии, археограф и источниковед. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1905 г.), ученик В. О. Ключевского. В 1909 г. выдержал магистерские испытания, приват-доцент Московского университета с осени 1909 г. В 1908—1912 гг. — гласный Московской городской думы. Профессор с осени с 1917 г. по факультету общественных наук Первого МГУ.

Действительный член с 1923 г. Института истории при факультете общественных наук Первого МГУ, а с 1925 г. — РАНИОН (по 1929 г.). Параллельно с 1925 г. по 1929 г. был заведующим отделением Северной и Средней Руси в обще-историческом отделе Государственного исторического музея, работал также в библиотеке Московского государственного (бывшего Румянцевского) музея, позднее в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в 1918—1922 гг. и в 1929—1930 гг. Там на заседании комиссии по чистке в конце июня 1930 г. он подвергся жесткой критике и рекомендован к увольнению. Арестован в начале августа 1930 г. по «академическому делу историков» как глава монархического заговора в Москве (вместе с кружком учеников), в 1931 г. по приговору Особого совещания сослан на 5 лет в Семипалатинск, возвращен в Москву досрочно летом 1933 г. С 1936 г. и до кончины работал в Институте истории АН СССР, в 1940—1950 гг. — заведующим сектором истории России до XIX в. С 1937 г. профессор исторического факультета МГУ, член-корреспондент АН СССР (1939 г.).

Основные направления исследований С. В. Бахрушина — история русского города, городских ремесленников и городской торговли в XV — начале XVIII вв. в большинстве ее коллективных и индивидуальных проявлений. Вторая тема — история колонизации Сибири в конце XVI—XVII вв. Подавляющее большинство его работ, публиковавшихся ранее и не издававшихся при жизни Сергея Владимировича, опубликованы в 4-х томах: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. I—IV. М., 1952—1959, а также: *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. Библиографию трудов Бахрушина см.: в первом и третьем (во 2-й части) томах «Научных трудов», дополнения — в книге 1987 г. Личное дело С. В. Бахрушина см.: ГАРФ, ф. А.-4655; оп. 2, № 208, за 1923—1929 гг. (на 30 листах); личный фонд С. В. Бахрушина хранится в Архиве РАН (ф. 624, оп. 1—5, 1832 ед. хр.). Частично опубликованы его мемуары: *Бахрушин С. В.* Из воспоминаний // Проблемы социальной истории Европы от античности до Нового времени. Брянск, 1995. С. 141—171, а также его письма времен ссылки: *Волков Л. В.* «Мне очень досадно и жаль, что я сейчас не в Москве»: Письма С. В. Бахрушина М. В. Сабашникову. 1931—1933 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 193—203. См. о нём: *Дубровский А. М.* С. В. Бахрушин и его время. М., 1992; *Он же.* «Историк и власть»: Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.). Брянск, 2005; *Андреева О. В.* Куглюковская Л. И. Из истории Московского Румянцевского музея (по воспоминаниям Н. Н. Ильина) // Книга в пространстве культуры. Вып. 1. М., 2005. С. 16, 27—28; *Куглюковская Л. И.* Судьбы сотрудников Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в период чисток и репрессий (1918—1939 гг.) // Книга в пространстве культуры. Вып. 1 (4). М., 2008. С. 41—42; *Тихонов В. В.* Московская историческая школа в первой половине XX века. М.; СПб., 2012.

О А. И. Яковлеве см. выше, комментарий № 17.

⁶⁸ См.: *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. [т.] 12; *Он же.* Смута в историографии XVII века // Исторические записки. 1945. [т.] 14. Выше Л. В. Черепниным упомянуты следующие работы: *Малютин В. А.* О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862; *Горчаков М. И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода. СПб., 1871; *Арсений,*

иеромонах. О вотчинных владениях Троицкого Сергиева монастыря при жизни его настоятеля, преподобного Сергия. М., 1877.

⁶⁹ **Заозерская Елизавета Ивановна** (07(19).08.1897, с. Леонтьевское Ярославской губ. — 03.04.1974, Москва) — историк. Училась в женской гимназии в Москве, окончила факультет общественных наук Петербургского университета в 1921 г. Преподавала на рабфаке им. Я. М. Свердлова в 1921—1924 гг., рабфаке им. В. И. Ленина в 1933—1937 гг. В 1924—1930 гг. — научный сотрудник и лектор Государственного исторического музея, тогда же опубликовала первые статьи, посвященные исследованию промышленных предприятий и купечеству. С 1937 по 1970 г. — научный сотрудник, старший научный сотрудник Института истории АН СССР (с 1969 г. — Института истории СССР). Кандидат исторических наук с 1947 г., доктор исторических наук (1951 г.), на основе диссертации в 1953 г. опубликована книга «Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в.». Следующая монография была посвящена классовой борьбе работников текстильных мануфактур в середине XVIII в. (М., 1960 г.), а последняя книга вышла в свет в 1970 г. — «У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII вв.». О ней см.: *Волков М. Я., Курмачева М. Д., Преображенский А. А.* Елизавета Ивановна Заозерская. Некролог // *История СССР. 1974. № 6.*

⁷⁰ **Утченко Сергей Львович** (01(14).12.1908, Петербург — 02.05.1976, Москва) — историк, окончил ленинградский госуниверситет (1935 г.), специализировался по истории Древнего Рима. Кандидат исторических наук (1939 г.), доктор исторических наук (1948 г.), профессор МГУ (1950 г.). С 1946 г. — ученый секретарь отделения исторических и филологических наук АН СССР, заместитель директора Института истории АН СССР в 1949—1953 гг., заведующий отделом древней истории ИИ (с 1969 г. Института всеобщей истории) в 1950—1976 гг. Параллельно преподавал в МГУ (по 1954 г.), Московском историко-архивном институте, где заведовал кафедрой (1954—1960 гг.), профессор Московского государственного педагогического института (1969—1976 гг.). Главный редактор журнала «Вестник древней истории». Специалист по истории Античности (история политических учений в древнем Риме, политическая история поздней Римской истории), историографии, методологии исторических исследований. О нём см.: *Павловская А. И. С. Л. Утченко // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000.*

⁷¹ **Пашуто Владимир Терентьевич** (19.04.1918, Петроград — 10.06.1983, Москва) — историк, специалист в области истории Древней Руси, Великого княжества Литовского, южных славян. Окончил исторический факультет Ленинградского университета (1941 г.), ученик М. Д. Приселкова и В. В. Мавродина. С мая 1944 г. слушатель Высшей дипломатической школы МИД, из-за доноса не был «утвержден в списках» на продолжение занятий. В аспирантуре Института истории АН СССР (1945 г.) под научным руководством академика Б. Д. Грекова. Кандидат исторических наук с 1950 г. («Очерки по истории Галицко-Волынской Руси». М., 1950), доктор исторических наук с 1959 г. («Образование Литовского государства». М., 1959). Руководитель сектора истории древнейших государств на территории СССР в Институте истории СССР АН СССР, инициатор и ответственный редактор серии «Древнейшие

источники по истории народов СССР» (ныне «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»), по его инициативе началось издание ежегодника «Древнейшие государства на территории СССР» (ныне «Древнейшие государства Восточной Европы»). Важным направлением научной деятельности В. Т. Пашуто были историографические разыскания (посмертно опубликована монография «Русские историки-эмигранты в Европе». М., 1992) и труды по истории внешней политики России. Член-корреспондент АН СССР с 1976 г. См. о нём: *Новосельцев А. П.* Владимир Терентьевич Пашуто // *Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000*; *Мельникова Е. А.* В. Т. Пашуто // *Историки России: Биографии. М., 2001*.

⁷² **Покровский Михаил Николаевич** (17(29).08.1869, Москва — 18.04.1932, там же), историк, один из основателей марксистской концепции истории России в отечественной историографии в 1900—1920-е гг., государственный, политический и партийный деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1891 г. с дипломом 1-й степени и был оставлен для подготовки к профессорскому званию сразу по двум кафедрам — русской и всеобщей истории. Учился у В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова, последнего считал своим учителем в методике исследовательской работы и анализа документальных и нарративных источников. Магистерские испытания сдал в 1894 г., приват-доцент (1894 г.), преподавал на Высших женских курсах и других учебных заведениях Москвы. Активно участвовал (автор ряда очерков) в издании «Книги для чтения по истории Средних веков» под редакцией П. Г. Виноградова (М., 1896—1899). С начала XX в. активно включился в общественно-политическую борьбу: с 1905 г. член РСДРП, участник событий революции 1905—1907 гг. С 1909 г. — в эмиграции (в Париже), там подготовил и издал 5-томную «Русскую историю с древнейших времен» в двух частях (М., 1915, 1918). В 1917 г. вернулся из эмиграции, после Октябрьской революции стал и формально, и по существу главой официальной (того времени) марксистской концепции российской истории, главой так называемой «Школы Покровского». С 1918 по 1932 г. был заместителем наркома Просвещения (сначала РСФСР, потом СССР), председатель Социалистической (с 1924 г. — Коммунистической) академии, ректор Института красной профессуры, глава Центрархива и ряда других учреждений. Был одним из инициаторов радикальных реформ (не всегда позитивных) в высшем и среднем образовании, в архивном, библиотечном и музейном деле: одной из главных задач считал установление жесткой связи между исследовательскими разысканиями и современной политической борьбой; борьбу с учеными, ориентирующимися на буржуазные концепции исторического процесса. Эта борьба активизировалась им, а в особенности его учениками, в конце 1920-х гг. В начале 1930-х гг. начал отходить от ряда прежних своих положений, в частности в истолковании понятия «торговый капитализм» и его применимости в периодизации русской истории. В 1920-е — начале 1930-х гг. было издано около 600 его книг, публикаций, статей, рецензий (в том числе переизданий ранее вышедших трудов). Действительный член АН СССР (1929 г.). «Школа Покровского» была подвергнута разгрому в 1936—1938 гг. (личный фонд М. Н. Покровского хранится в Архиве РАН). О нём см.: *Чернобаев А. А.* «Профессор с пикой» или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992.

⁷³ **Петров Федор Николаевич** (10(22).07.1876, Москва — 28.05.1973, Москва) — врач по образованию, советский государственный и партийный деятель. Окончил в 1902 г. медицинский факультет Киевского университета; с 1896 г. член РСДРП, участник революции 1905—1907 гг. в Киеве, после ареста в 1906 г. находился в заключении в Шлиссельбургской крепости (1907—1915 гг.), участник революционных событий в Сибири и на Дальнем Востоке, с ноября 1920 г. — министр здравоохранения Дальневосточной республики, с апреля 1921 г. — заместитель председателя Совета министров ДРВ, глава делегации республика на Дайренской конференции в 1921—1922 гг. Затем в Москве, в 1923—1927 гг. — начальник главного управления научных и учебных заведений Наркомата просвещения РСФСР. Позднее, с 1927 г. заместитель главного редактора, а в 1939—1949 гг. главный редактор издательства «Большая советская энциклопедия» (позднее член Главной редакции БСЭ).

⁷⁴ **Каменев Лев Борисович** (урожд. Розенфельд, 08(20).07.1883—25.08.1936) — советский государственный и партийный деятель. С сентября 1918 г. член президиума ВЦИК, с октября 1918 г. по май 1926 г. — председатель Моссовета; с марта 1919 г. — член Политбюро ЦК РКП(б). Заместитель председателя Совета народных комиссаров РСФСР и заместитель председателя Совета труда и обороны РСФСР с сентября 1922 г. С образованием СССР в декабре 1922 г. — член ЦИК СССР, с 1923 г. — заместитель председателя СНК и СТО СССР, с того же года директор Института Ленина. Осужден по делу «троцкистско-зиновьевского центра» и расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

⁷⁵ **Пушкарев Лев Никитич** (12.05.1918, с. Лобаново Ефремовского у. Тульской губ.) — историк и филолог. Учился на филологическом факультете Московского городского педагогического института, участник Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Аспирант филологического факультета МГУ, учителя — академик Н. К. Гудзий, В. Д. Кузьмина. Кандидат филологических наук в 1949 г. С 1949 г. — научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник-консультант в Институте истории АН СССР, Институте истории СССР АН СССР (с 1969 г.), Институте российской истории РАН. Доктор исторических наук с 1970 г. (диссертация «Типологическая классификация русских письменных источников по отечественной истории» опубликована в 1975 г.). Специалист по истории общественно-политической мысли в России XVII в., источниковедению, фольклористике. Дважды публиковал воспоминания о Льве Владимировиче с некоторыми разночтениями, см.: *Пушкарев Л. Н. Л. В. Черепнин человек и ученый // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина. М., 1987. С. 58—67; Он же. Лев Владимирович Черепнин — человек и ученый // Отечественная история. 2001. № 1. С. 175—183.*

⁷⁶ **Савич Александр Антонович** (01(13).03.1890, с. Переволока Гродненской губ. — 21.10.1957, Москва), историк, специалист в области социально-экономической истории России XIV—XVII вв., в особенности истории Пермского края и Урала в XV—XX вв. с преимущественным вниманием к проблемам колонизации и социальных движений. Один из основателей научного краеведения Пермского края, в середине 1920-х — начале 1930-х гг. создал школу пермских «историков-ураловедов». Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1917 г.), ученик

М. К. Любавского и В. И. Пичеты. В 1917—1920 гг. в Саратовском университете готовил магистерскую диссертацию, доцент (в 1921—1924 гг.) кафедры русской истории в Белорусском университете (Минск), в 1924—1930 гг. — доцент, профессор (1929 г.) Пермского университета (педагогический факультет), в 1931—1932 гг. — зав. кафедрой истории народов СССР Пермского индустриально-педагогического института. Первым начал читать курс лекций по истории края (1924 г.), в 1925 г. издал курс лекций «Прошлое Урала» (до конца XIX в.), в 1931 г. издал в Москве «Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв.». В 1927 г. в Перми издал книгу «Соловецкая вотчина XV—XVII в. (опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском Севере в Древней Руси)», сохраняющую актуальное научно-информационное значение. В 1932 г. был обвинен в «антимарксистских установках» в своих трудах и в «преподавательской деятельности», за что был снят с поста заведующего кафедрой и лишен звания профессора. Затем, однако, был переведен в Ярославский пединститут. Доктор исторических наук (1935 г.). В 1930—1940-е гг. работал в вузах Москвы и Минска, в Государственном историческом музее, в Институте истории АН СССР. О нём см.: Профессора Пермского университета. Пермь, 1991. С. 77—79.

⁷⁷ **Греков Борис Дмитриевич** (09(21).1882, г. Миргород Полтавской губ. — 09.09.1953, Москва) — видный отечественный историк, один из создателей в 1930-е гг. марксистской концепции истории России в IX—XVII вв. как историк феодального общества (феодальные формации). Окончил Варшавский университет (1905 г.). Ученик Д. М. Петрушевского, С. Ф. Платонова. Магистр Петербургского университета (1914 г., магистерская диссертация «Новгородский дом святой Софии» опубликована: Ч. 1. М., 1914; Ч. 2. М., 1927). Преподавал на Высших женских курсах в Петербурге, приват-доцент Петербургского университета. С 1916 г. — профессор историко-филологического факультета филиала Петербургского университета в Перми, в 1918—1920 г. профессор и декан историко-филологического факультета Таврического университета. С 1921 г. профессор Петербургского университета и член Историко-археографической комиссии АН, с 1928 г. — Археографической комиссии (с 1929 г. — ученый секретарь), с 1931 г. и по 1936 г. — Историко-археографического института АН СССР. Осенью 1930 г. арестован в связи с «делом историков», но вскоре был освобожден. С 1932 г. работал также в Государственной академии истории материальной культуры (с 1934 г. — заведующий сектором). Доктор исторических наук с 1934 г. (без защиты). Член-корреспондент АН СССР с 1934 г., академик с 1935 г. Директор Ленинградского отделения Института истории с весны 1936 г., с конца 1937 г. временно исполняющий обязанности директора, затем директор Института истории АН СССР (с переездом в Москву). Академик-секретарь Отделения историко-философских наук АН СССР. В 1940-е гг. преподавал в ряде вузов Москвы. Трижды лауреат Сталинской (Государственной) премии. Специалист по истории России IX—XVII вв., аграрной истории, истории южных и западных славян, археограф. Избранные труды Б. Д. Грекова в 4-х томах. М., 1957—1960. О нём см.: Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1998.

⁷⁸ **Шунков Виктор Иванович** (06(19).04.1900, г. Кузнецк Томской губ. — 09.11.1967, Москва). Окончил МГУ в 1925 г., ученик С. В. Бахрушина. Кандидат исторических наук в 1940 г., доктор исторических наук в 1954 г. Член-корреспондент

АН СССР с 1962 г. Участник Великой Отечественной войны. В 1936—1941 гг., а затем в 1945—1949 гг. работал в Институте истории АН СССР. С 1949 по 1967 г. — директор Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН. Параллельно в 1955—1960 г. главный редактор журнала «Исторический архив», а с 1959 г. — заместитель академика-секретаря отделения исторических наук АН СССР. Специалист по истории русской колонизации Сибири в XVI—XVII вв. О нём см.: *Окладников А. П. В. И. Шунков — историк Сибири // Русское наследие Поморья и Сибири (период феодализма): Сб. статей памяти В. И. Шункова. М., 1973.*

⁷⁹ **Устюгов Николай Владимирович** (11(23).12.1896, пос. Синеглазовский Челябинского у. Оренбургского края — 24.09.1963, Вильнюс; похоронен в Москве) — историк. Специалист в области социально-экономической истории России XVI—XVII вв., народов Приуралья и Средней Азии в XIII—XVII вв., специальных и вспомогательных исторических дисциплин, археограф. Окончил Оренбургскую духовную семинарию, работал учителем, из студентов Томского университета был мобилизован в Красную армию. В 1924 г. окончил общественно-педагогическое историческое отделение факультета общественных наук Первого МГУ. Учителя — В. Н. Пичета, Д. М. Петрушевский. С 1925 по 1935 г. работал в ряде библиотек Москвы, с 1935 г. — сотрудник Историко-археографического института в Москве, с 1936 г. — Института истории АН СССР. Кандидат исторических наук (1938 г.), диссертация посвящена ремеслам и занятиям посадских людей Восточного Поморья. Участник Великой Отечественной войны. Доктор исторических наук (1956 г.), монография на основе диссертации «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности» (М., 1957) вызвала долговременную дискуссию. Составитель и ответственный редактор целого ряда документальных публикаций по истории народов Казахстана, Башкирской АССР, Коми АССР. Научный руководитель многих аспирантов по данной проблематике. Доцент, затем профессор Московского государственного историко-архивного института по кафедре вспомогательных исторических дисциплин в 1938—1941 гг. и в 1946—1963 гг., читал курсы и вел занятия по всему набору этих дисциплин, автор целого ряда учебных пособий по этим дисциплинам (стеклографированные издания 1939—1940 гг.), руководитель студенческого научного кружка (с 1947 г.). Личный фонд Н. В. Устюгова хранится в Архиве РАН (ф. 1535. оп. 1—5), он активно используется в историографических публикациях (в том числе переписка Н. В. Устюгова). Скоропостижно скончался при подготовке пленарного заседания сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, деятельным участником которого он был. О нём см.: *Преображенский А. А. Н. В. Устюгов // Историки России: Биографии. М., 2001.*

⁸⁰ **Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич** (15(27).01.1863, имение Удалое Верхнеднепровского у. Екатеринославской губ. — 07.02.1919, Петроград) — отечественный историк, один из крупнейших специалистов в области теории и методологии исторического познания начала XX в., специалист по истории России XV—XVIII вв., положил начало актовой дипломатике как вспомогательной исторической дисциплине. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1886 г.) и был оставлен «для приготовления к профессорскому званию» по кафедре русской

истории. После сдачи магистерских испытаний защитил в мае 1890 г. магистерскую диссертацию, изданную в том же году — «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований». СПб., 1890 (премия АН им. графа Уварова). Приват-доцент (1890 г.) Петербургского университета, читал курсы по истории сословий, по истории России XVIII в., общественной мысли и культуры в эпоху просвещения, по русской историографии, по методике источниковедения и дипломатике частных актов. Несмотря на разносторонность курсов, многочисленные публикации в 1895—1909 гг. (в т. ч. «Очерки внутренней политики Екатерины II». СПб., 1898, «Служилые кабалы позднейшего типа». СПб., 1909) он так и не стал ординарным профессором университета. В декабре 1899 г. избран адъюнктом АН, в апреле 1902 г. — экстраординарным, в феврале 1905 г. — ординарным академиком.

Активно участвовал в работе ряда академических комиссий и особо деятельно в выработке и реализации издательских планов (уже после его кончины вышли в свет два тома «Сборника грамот Коллегии экономии»). В 1910—1913 гг. издал 2 тома «Методологии истории», неоднократно переиздававшуюся (последний раз в 1923 г.) работу, вызвавшую бурную полемику до настоящего времени. Целый ряд работ Лаппо был издан уже после его кончины — «Очерк русской дипломатики частных актов» (Птгр., 1920), «История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв.» (М., 1990; это первый том обширной монографии, составляющий не более трети общего текста книги). Личный фонд А. С. Лаппо-Данилевского хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (ф. 113, оп. 1—3). О нём см.: *Малинов А., Погодин С. А.* С. Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский и Петербургская историческая школа. Рязань, 2004.

⁸¹ **Богословский Михаил Михайлович** (13(25).03.1867, Москва — 20.04.1929, Москва) — русский и советский историк, видный специалист в области социально-экономической и политической истории России XVII — первой половины XVIII в. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1891 г., ученик В. О. Ключевского, испытал влияние П. Г. Виноградова. Оставлен «для приготовления к профессорскому званию». Частную службу (с 1892 г.) совмещал с научными занятиями. После сдачи магистерских испытаний и пробных лекций с 1897 г. — приват-доцент Московского университета, магистерскую диссертацию защитил в 1902 г., она опубликована — «Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719—1727». М., 1902 (премия АН им. графа Уварова, 1904 г.). Докторскую диссертацию защитил в 1909 г. — «Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.» Ч. 1—2. М., 1909, 1912 (премия Общества истории и древностей российских при Московском университете им. Карпова за 1910 г.). Экстраординарный профессор Московского университета с 1910 г., затем ординарный (по 1924 г.), заведующий кафедрой русской истории с 1911 г. Действительный член Русского исторического общества (1912 г.), член-соревнователь ОИДР (1904 г.), затем его действительный член и секретарь (1909 г.). После революции читал курсы лекций и вел семинары на историческом отделении факультета общественных наук Первого МГУ (по декабрь 1924 г.), работал в ГИМе, заведовал архивом Государственного архивного фонда. В 1917—1920-е гг. начал новую работу — создание детальной научной биографии Петра I (работа осталась незавершенной, после кончины ученого вышли в свет 5 томов: «Материалы для биографии Петра Великого». М.,

1940—1948. Т. 1—5). С 1921 г. возглавил секцию русской истории Института истории факультета общественных наук Первого МГУ, позднее с 1926 г. — Института истории РАНИОН. Член-корреспондент Российской АН с декабря 1920 г., действительный член АН — с апреля 1921 г. Его дневники и письма частично изданы: *Богословский М. М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987; *Он же.* Дневники 1913—1919. Из собрания ГИМа. М., 2011. Личный фонд М. М. Богословского хранится в архиве РАН (ф. 636). О нём см.: *Черепнин Л. В.* Академик Михаил Михайлович Богословский // *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984 (впервые статья напечатана в 1974 г.); Конференция, посвященная научному наследию М. М. Богословского и А. Е. Преснякова // *Археографический ежегодник за 2000 год.* М., 2001.

⁸² **Егоров Дмитрий Николаевич** (14(26).10.1878, г. Елец Орловской губ. — 24.11.1931, Ташкент). Окончил Московский университет в 1901 г., ученик П. Г. Виноградова. Смена научного руководителя (он ушел от В. И. Герье к П. Г. Виноградову) резко осложнила его университетскую карьеру. Преподавал на Московских высших женских курсах и немецкий язык в гимназии. В 1906—1911 гг. приват-доцент Московского университета, профессор в 1917—1925 гг. Магистерская диссертация (1915 г.), докторская (1916 г.) посвящены славяно-германским отношениям в Средние века. Член-корреспондент АН СССР с 1928 г. С 1919 г. — заведующий отделом всеобщей истории Московского Публичного и Румянцевского музея (затем Государственной библиотеки им. В. И. Ленина), в 1921—1930 гг. — заместитель директора. Летом 1930 г. на заседании комиссии по чистке был подвергнут жесткой критике несмотря на речь В. И. Невского в его защиту. Был снят с должности заместителя директора. В конце августа 1930 г. был арестован по «академическому делу историков», по приговору Особого совещания был сослан на 5 лет в Ташкент. Умер в ссылке (*Куглюковская Л. И.* Судьбы сотрудников Румянцевского музея и Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в период чисток и репрессий (1918—1939 гг.) // *Книга в пространстве культуры.* Вып. 1 (4). М., 2008. С. 41. Специалист по раннему Средневековью Германии, немецкой колонизации славянских территорий, по славяно-германским отношениям. В мемуарах Н. Н. Ильина, сотрудника библиотеки в 1920-е гг. характеристика личности и деятельности Д. Н. Егорова в библиотеке занимает значительное место (*Андреева О. В., Куглюковская Л. И.* Из истории Московского Румянцевского музея (по воспоминаниям Н. Н. Ильина) // *Книга в пространстве культуры.* Вып. 1. М., 2005. С. 9—10). В архиве РГБ хранится объемное личное дело Егорова — Архив РГБ. Оп. 22. № 239. О нём также см.: *Славяноведение в дореволюционной России.* Библиографический словарь. М., 1979. С. 154—156.

⁸³ **Челпанов Георгий Иванович** (16(28).04.1862, Мариуполь — 13.02.1936, Москва) — русский и советский философ, психолог. В 1887 г. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе, с последующим прикомандированием к Московскому университету. С 1890 г. — приват-доцент, преподавал философию в Московском университете, с 1892 г. в звании профессора начал преподавать философию в Киевском университете св. Владимира. С 1897 г. руководил психологической семинарией при Киевском университете. В 1907 г. переехал в Москву. Один из основателей Психологического института при МГУ, его директор с 1912 г.

по 1923 г. В 1920—1930-е гг. преподавал в ряде вузов Москвы (Первый и Второй МГУ и др.). Расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁸⁴ **Шпет Густав Густавович** (26.03(7.04).1879, Киев — 16.11.1937, Томск) — российский и советский психолог, философ, искусствовед, ведущий представитель феноменологии, а позднее — герменевтики в России. Профессор (с 1918 г.). В 1898 г. поступил на физико-математический факультет Киевского университета св. Владимира, в 1900 г. исключен за участие в революционной деятельности, находился в тюрьме, после выхода в 1901 г. поступил на историко-филологический факультет, принимал участие в работе психологического семинара Г. И. Челпанова. После окончания университета в 1905 г. преподавал в частных гимназиях, после 1907 г. преподавал в учебных заведениях Москвы, в том числе (с 1909 г.) на Высших женских курсах и в университете Шанявского, с 1910 г. — в Московском университете. В 1910—1913 гг. — командирован в Германию для углубленного изучения философии, посещал лекции Э. Гуссерля в Геттингене. Работал в библиотеках Парижа, Берлина, Эдинбурга. По возвращении защитил магистерскую диссертацию «История как проблема логики» (1916 г.), стал профессором на Высших женских курсах и приват-доцентом МГУ. С 1918 г. — профессор Первого Московского университета, в 1921 г., как и Челпанов, отстранен от преподавания, как «не придерживавшийся марксистской ориентации». Написанная им в 1918 г. работа «Герменевтика и ее проблемы» была опубликована только в 1989—1991 гг. В 1920 г. открыл в МГУ кабинет этнической психологии. В 1921 г. — действительный член Российской академии художественных наук, с 1923 г. возглавил ее философское отделение, с 1924 г. — вице-президент Российской академии художественных наук (Государственная академия художественных наук с 1927 г.). После ее закрытия в 1929 г. занимался переводами для издательства «Academia» и др. (он знал 17 языков), в частности перевел «Феноменологию духа» Гегеля (издана в 1959 г.). В 1932 г. по приглашению К. С. Станиславского стал проректором Академии высшего актерского мастерства. В 1935 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, сослан в Енисейск, а затем по его просьбе переведен в Томск. Позднее там был арестован вторично и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

⁸⁵ **Макаров Иван Сергеевич** (1901—1936) — историк, окончил историко-педагогическое отделение факультета общественных наук Первого МГУ, ученик С. В. Бахрушина. Арестован в октябре 1930 г., в январе 1931 г. приговорен к трем годам заключения, которое отбывал в концлагере в Вишлаг. По возвращению работал преподавателем Международного аграрного института (в Москве). Погиб в результате несчастного случая (утонул). Его дочь, Т. И. Макарова стала известным археологом, доктором исторических наук. О нём см.: *Ананьич Б. В., Панеях В. М.* Следствие в Москве по «Академическому делу». 1929—1931 гг. // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 3. С. 99—101. Опубликованные при содействии Л. В. Черепнина статьи И. С. Макарова см.: *Макаров И. С.* Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII века // Исторические записки. Т. 1. М., 1937. С. 193—219; *Он же.* Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в. // Исторические записки. Т. 14. М., 1945.

⁸⁶ **Киселев Сергей Владимирович** (04(17).07.1905, Мытищи Московской губ. — 08.11.1962, Москва) — русский, советский историк и археолог, с 1953 г. — член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной (Сталинской) премии в 1950 г. После

окончания историко-археологического отделения Первого МГУ учился в аспирантуре Института археологии и искусствоведения РАНИИОН. После защиты в 1930 г. кандидатской диссертации (на тему «Минусинский неометалл») начал работать в секторе археологии Института. С 1932 г. работал в московском отделении Государственной академии истории материальной культуры (в 1937 г. академия преобразована в Институт истории материальной культуры АН СССР, позже — в Институт Археологии АН). С этим институтом до конца жизни был связан по научной работе. С 1939 г. — профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ. В 1940—1950-х гг. возглавлял археологические раскопки в Сибири, Средней Азии, Туве, Монголии. В 1949 г. был назначен главным редактором журнала «Вопросы истории». См. о нём: С. В. Киселев // Вопросы истории. 1962. № 12; *Кызласов Л. Р.* Портреты учителей — создателей советской археологии (к 60-летию начала специализации по археологии) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1997. № 4.

⁸⁷ **Привалова Надежда Ивановна** (18.06(1.07).1900, г. Нижний Ломов, Пензенской губ. — 1987, Кировская обл.) — историк и археограф, специализировалась на истории Нижегородского края и соседней Рязанщины XVI—XIX вв. Высшее образование получила на историко-педагогическом отделении факультета общественных наук Первого МГУ, с 1927 г. — аспирантка академика М. М. Богословского (в Институте истории РАНИИОН). В 1930 г. была привлечена к «академическому делу историков», три года ссылки отбывала на Урале. После возвращения в Нижний Новгород работала в библиотеках города (в т. ч. в центральной городской), в музеях (прежде всего в музее «Домик Каширина»; собрала за 20 лет уникальный комплекс воспоминаний о А. М. Горьком), писала и издавала статьи по истории Второго земского ополчения 1611—1612 гг. (некоторые из них подготовлены к изданию А. А. Кузнецовым уже после кончины автора), непосредственно о Кузьме Минине и его семье. Она собрала необходимые архивные документы о месте рождения Н. И. Лобачевского в Нижнем Новгороде. Опубликовала серию статей по истории Касимова в XVII в. (посмертно вышла ее работа «Делопроизводство касимовских казаков и кружечных дворов в XVII в.» (Нижний Новгород, 2005)). Под руководством С. И. Архангельского подготовила том документов «Нижний Новгород в XVII в.» (опубликован в 1962 г.). В личном архиве Приваловой сохранились письма Л. В. Черепнина 1955—1961 гг. О ней см.: *Кузнецов А. А.* Материалы к биографии Л. В. Черепнина в фонде Н. И. Приваловой // Россия в XX в., общество и власть: проблемы региональной истории, историографии и источниковедения. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2008. С. 94—101.

⁸⁸ **Бакунина Татьяна Алексеевна (в замужестве Осоргина)** (22.01(4.02).1904, им. Прямухино Тверской губ. — 01.07.1995, Сен-Женевьев-де Буа, Франция) — исследовательница российского масонства XVIII—XIX вв. Внучатая племянница М. А. Бакунина. Получила образование на историко-педагогическом отделении факультета общественных наук Первого МГУ, ученица А. А. Кизеветтера и В. И. Пичеты. В марте 1926 г. семья Бакуниных (ее отец был хирургом) эмигрировала, осенью того же года Т. А. вышла замуж за писателя М. А. Осоргина. Была доктором Парижского университета (Сорбонна, 1929 г.), с 1930 г. более 30 лет проработала в Тургеневской

библиотеке (Париж). В 1934—1935 гг. издала две научно-популярные работы о российских масонах. К 1940 г. завершила подготовку биографического словаря русских масонов (3267 имен), который был издан малым тиражом, почти полностью погибшем в конце Второй мировой войны. Повторно был издан в 1967 г. Встреча Л. В. Черепнина с Т. А. состоялась в Париже в 1959 г. Т. А. Бакунина была второй женой известного русского писателя и журналиста **М. А. Осоргина (псевдоним)**, урожд. Ильина (07(19).10.1878, Пермь — 27.11.1942, г. Шабри, Франция). Первые его литературные опыты относятся к 1890-м гг., участник студенческих выступлений (повергся высылке из Москвы), в 1902 г. Окончил юридический факультет МГУ. Работал юристом, активно занимался общественной работой, член партии эсеров с 1904 г. Арестован в декабре 1905 г., выпущен из тюрьмы через полгода. Находился в Италии с 1906 по 1916 г., вышел публично из партии эсеров (1911 г.), в 1914 г. стал масоном. Летом 1916 г. вернулся полулегально в Россию, проживал в Москве, один из организаторов Всероссийского союза журналистов (председатель Союза с 1917 г.), Союза писателей после февраля 1917 г. При Советской власти арестовывался в 1919 и 1921 г., активно участвовал в работе Комиссии по помощи голодающим. Печатал очерки и рассказы, делал переводы пьес К. Гоцци («Принцесса Турандот») и К. Гольдони по просьбе Е. Б. Вахтангова, вместе с Н. Бердяевым открыл знаменитую книжную лавку в Москве. Осенью 1922 г. по решению Политбюро ЦЕ РКП(б) выслан на «пароходе философов». В эмиграции написал и издал несколько романов (в т. ч. широко известный «Сивцев Вражек»), сборников повестей, рассказов, эссе, а также воспоминания. Один из наиболее деятельных русских масонов в эмиграции, основатель ряда лож. О нём см.: *Поликовская Л. В.* Жизнь Михаила Осоргина. Строительство собственного храма. СПб., 2014. О Т. А. Бакуниной-Осоргиной см.: *Шахавской Д. М.* Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина // Из глубины времен. Вып. 10. СПб., 1998. С. 198—208; *Сысоев В.* Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина: Иллюстрированный биографический очерк. Тверь, 2005.

⁸⁹ **Порталь Роже Антонен Роббер** (06.05.1906, Амбер, Франция — 30.12.1994, Париж) — французский историк, специалист по истории и славянских народов, главным образом по социально-экономической проблематике XVII—XIX вв. Профессор Сорбонны и заведующий кафедрой истории и цивилизации славянских народов (с 1955 г.). Директор Национального института славянских исследований в 1959—1973 гг., президент Института изучения славян с 1959 г. Председатель Славянской комиссии при Международном комитете исторических наук с 1965 г. С конца 1950-х гг. активно участвовал в развитии франко-российских научных связей в области исторических наук. Член президентского совета общества «Франция — СССР». В Советский Союз приезжал несколько раз, его статьи публиковались в советских исторических журналах. Главный редактор коллективной работы французских историков «История России». Т. I—IV, созданной в 1971—1974 гг.

⁹⁰ **Голубцов Иван Александрович** (08(20).09.1887, Сергиев Посад Московской губ. — 04.11.1966, Москва) — русский и советский историк, археограф. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1910 г. Ученик В. О. Ключевского, М. М. Богословского, Ю. В. Готье, М. К. Любавского. Доктор

исторических наук (1963 г.), защита состоялась на Ученом совете Института истории АН СССР. В 1912—1919 гг. преподавал на Высших женских курсах, параллельно в 1914—1916 гг. сотрудник Московского государственного архива Министерства иностранных дел. С 1918 по 1930 г. работал в различных архивах, в т. ч. в Центрархиве РСФСР. В 1930 г. сослан в Кудымкар, после освобождения был несколько лет сотрудником бюро транскрипции НКВД в Кашире. С 1937 г. выполнял договорные работы по историческим картам. В 1946—1947 гг. — ассистент кафедры вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института, был сначала сотрудником на контракте, а затем штатным в Институте археологии АН СССР, а затем Институте истории АН СССР. Главный составитель классической, получившей мировое признание публикации актовых источников — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.». Т. 1. М., 1952; Т. 2. М., 1958; Т. 3. М., 1964. О нём см.: И. А. Голубцов // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968 (некролог); *Валк С. Н.* И. А. Голубцов // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 1. 1968. С. 307—312; *Черепнин Л. В.* И. А. Голубцов — ученый и человек // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 184—191; *Голубцов С. А.* И. А. Голубцов // Сплоченные верой, надеждой, любовью и родом. М., 1999. С. 61—90.

⁹¹ **Савин Александр Николаевич** (04(16).07.1873, с. Кондрово Медынского у. Калужской губ. — 23.01.1923, Москва) — русский историк, специалист по социально-экономической и политической истории Европы раннего Нового времени, прежде всего Англии. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1895 г. Ученик П. Г. Виноградова. Магистерскую диссертацию защитил в 1904 г., издана в 1903 г. — «Английская деревня в эпоху Тюдоров». Докторская диссертация («Английская секуляризация» М., 1906) защищена им в 1907 г. Профессор Московского университета с 1908 г. В научных командировках в Англии был в 1900—1902, 1904—1906, 1908 и в др. годы. Большой популярностью пользовались его лекционные курсы «Век Людовика XIV» (в 2-х выпусках, издания 1913 г. и 1930 г.), «Религиозная история Европы эпохи Реформации» (М., 1914), «Лекции по истории Английской революции» (М., 1924; 1937). О нём см.: *Сказкин С. Д.* А. Н. Савин // Исторический журнал. 1944. № 7—8; *Винокурова М. В.* А. Н. Савин // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000.

⁹² Остается неизвестным, работал ли Лев Владимирович в Государственном историческом музее до поступления в аспирантуру Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН или РАНИИОН) в 1926 г. Но после поступления в аспирантуру он параллельно был сверхштатным сотрудником ГИМа в обще-историческом отделе в отделении Северной и Средней России, участвовал в подготовке новой концепции постоянной экспозиции по XIV—XVII вв. и в научных заседаниях отдела и отделения (руководил отделением С. В. Бахрушин, его помощник — К. В. Базилевич). Об этом говорится в трех отчетах аспиранта Л. В. Черепнина от 29.08.1926 г. (ГАРФ, ф. А-4655, оп. 2, д. 764, л. 239 об.), от 31.05.1927 г. (там же, л. 21 об.), от 24.05.1928 г. (там же, л. 15 об.). В деле хранится также письмо ГИМа в учебный отдел Института истории с выпиской из протокола

заседания Обще-исторического отдела ГИМа с просьбой продлить на год прикрепление Л. В. Черепнина к этому отделу (там же, л. 4—4 об.).

⁹³ **Новосельский Алексей Андреевич** (16(28).10.1891, Тамбов — 29.10.1967, Москва) — советский историк, специалист по истории России XVI — начала XVIII в. Окончил Историко-филологический факультет Московского университета в 1915 г. с дипломом 1-го класса и золотой медалью, ученик А. И. Яковлева, оставлен при кафедре русской истории для «приготовления к профессорскому званию». В 1919 г. читал пробные лекции на должность приват-доцента. С 1918 г. многие годы работал в системе Центрархива — в Московском архиве министерства юстиции, позднее — Центральном государственном архиве древних актов (ныне — РГАДА). С 1922 г. — научный сотрудник 1-го класса и ученый секретарь по секции русской истории Института истории при факультете общественных наук Первого МГУ, позднее Института истории РАНИОН (по 1929). В 1930-е гг. работал в Государственной библиотеке им. Ленина (заведующий научно-библиографическим отделом), в музее антропологии при МГУ, читал лекции в ИФЛИ, ряде других вузов Москвы. Кандидат исторических наук с 1938 г. (без защиты диссертации). Еще в конце 1920-х гг. опубликовал серию исследовательских статей по истории дворянства южных окраин XVII в. и структурах уездных корпораций дворян, а также книгу «Вотчинник и его хозяйство в XVII веке» (М., 1929), основанную на богатом архиве стольника А. И. Безобразова. С 1942 г. — докторант Института истории АН СССР, в июне 1946 г. защитил докторскую диссертацию «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» (М.; Л., 1948). С 1946 г. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР, в 1950—1951 гг. — заведующий сектором истории СССР до XIX в., в 1951—1953 гг. — заместитель директора Института, а с 1953 г. и по 1963 г. — заведующий сектором публикации источников. По его инициативе и под его редакцией издано несколько серий по истории России XVII—XX вв., один из инициаторов возобновления периодического издания «Проблемы источниковедения». Параллельно преподавал в Московском историко-архивном институте: доцент кафедры вспомогательных исторических дисциплин в 1943—1946 гг.; профессор кафедры истории СССР в 1947—1956 гг. В 1994 г. был издан том не публиковавшихся ранее исследований Новосельского из его архива, в том числе значительные разделы из второй части его докторской монографии — *Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. Личное дело А. А. Новосельского за 1922—1929 гг. — ГАРФ, ф. А-4655, оп. 2, д. 330; личный его архив хранится в Архиве РАН, ф. 1714. О нём см.: Черепнин Л. В. Памяти А. А. Новосельского // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984 (текст впервые издан в сборнике памяти А. А. Новосельского: Дворянство и крепостной строй России XVI — XVIII вв. М., 1975); Преображенский А. А. Новосельский А. А. // Историки России: Биографии. М., 2001.*

⁹⁴ Порог здания архива на Большой Пироговской улице Лев Владимирович переступил, судя по дате заполнения им анкеты, 24 октября 1924 г. В ней он зафиксирован как безработный, т. е. к концу октября Лев Владимирович официально утратил статус студента Второго МГУ. При этом он оставался вольнослушателем Первого МГУ. В анкете он сообщил, что намерен работать «по документам Разряда

для научного исследования» и что он выполняет «задание научно-исследовательского Института при факультете общественных наук Первого МГУ» (архив читального зала РГАДА, д. 2, л. 4). В рамках данной темы Л. В. Черепнин проработал в архиве в 1925 г. 34 дня, изучив 78 столбцов Разрядного приказа по городам южной «Украины» России главным образом второй половины XVII в. (см.: *Автократова М. И., Сметанина С. И.* Полвека работы в архиве // *Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина.* М., 1987. С. 38—39). В воспоминаниях Лев Владимирович приводит более позднее и сокращенное название архива — «Древлехранилище», официально он осенью 1924 г. назывался так: I Московское отделение II Юридической секции Единого государственного архивного фонда (ныне Российский государственный архив древних актов, РГАДА).

⁹⁵ **Чулков Николай Петрович** (12(24).11.1870, г. Белосток Гродненской губ. — 04.11.1940, Москва) — видный российский и советский ученый-архивист, генеалог, библиограф. Историк Москвы. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1893 г., ученик В. О. Ключевского, П. Г. Виноградова, М. С. Корелина, А. Н. Веселовского. С 1893 г. работал в Московском архиве министерства юстиции, где прошел все должностные ступени от младшего помощника до начальника отдела (Разрядно-сенатского). После 1917 г. продолжал работать в системе архивных учреждений по 1930 г. С середины 1920-х гг. был старшим архивистом и заведующим Древлехранилища Московского отделения Центрального исторического архива (с 1931 г. — ГАФКЭ, с 1941 г. — ЦГАДА, с 1992 г. — РГАДА). В 1929—1931 гг. преподавал в МГУ, в 1931—1933 гг. — в Государственном историко-архивном институте. С 1930 г. работал в Центральном музее художественной литературы, критики и публицистики (одно время заведующим рукописным отделом, а с 1935 г. научным консультантом). Член-корреспондент, действительный член Московского археологического общества, ученый секретарь и председатель Историко-родословного общества в Москве в 1905—1922 гг., действительный член общества «Старая Москва», Русского библиографического общества, Общества изучения русской усадьбы и др. в 1920—1930-е гг. Член редколлегии и автор «Русского биографического словаря». Автор целого ряда историко-биографических очерков о деятелях, фамилиях, родах (в т. ч. купеческих) XVII — первой трети XIX вв., публикатор и составитель изданий документальных источников конца XVI в. и материалов о восстании декабристов. Объемный личный фонд Н. П. Чулкова хранится в Отделе рукописей Государственного литературного музея и активно используется современными учеными. В нём находятся родословные росписи более 500 фамилий, картотека Московского некрополя, содержащая собранные им данные с более чем 10 московских кладбищ и другие материалы. О нём см.: *Шокарев С. Ю.* Замечательный знаток всех московских родословных. Николай Петрович Чулков. 1870—1940 // *Краеведы Москвы: (Историки и знатоки Москвы): Сб. Вып. 3.* М., 1997. С. 253—271; *Наумов О. Н.* Чулков Николай Петрович // *Историки России XX века: Биобиблиографический словарь.* Т. 2. Саратов, 2005. С. 519.

⁹⁶ **96. Шумилов Вениамин Николаевич** (21.09(03.10).1914, д. Ермахино, Парфеньевского у., Костромской губ. — 07.09.1970, Москва) — видный советский архивист и археограф. В 1930—1932 гг. счетовод в колхозе, секретарь сельсовета в родной

деревне. В 1933—1934 гг. обучался в московском электромеханическом техникуме им. Л. Б. Красина, с 1934 г. студент исторического факультета МГУ, который окончил в 1940 г. С января 1940 г. и до конца жизни проработал в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА): в 1940 г. по август 1957 г. старшим научным сотрудником и заведующим отделом, с августа 1957 г. по февраль 1960 г. заместителем начальника (директора) ЦГАДА, с февраля 1960 г. по апрель 1969 г. директором ЦГАПДА, с апреля 1969 г. заведующим Древлехранилища. Последнее служебное перемещение привело к душевному заболеванию, в результате он покончил жизнь самоубийством. В. Н. Шумилов проделал большую работу по подготовке и изданию документальных обзоров и путеводителей по архивным фондам ЦГАДА: в изданиях «Путеводитель по ЦГАДА СССР» (Ч. 1. М., 1946; Ч. 2. М., 1947), «Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории г. Москвы» (М., 1947) он был ведущим составителем; в книге «Обзор документальных материалов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв.» (М., 1954) он был единственным составителем. Уже посмертно были опубликованы два подготовленные им издания: «Государственное Древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135» (М., 1971) и «Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. 1495—1718 гг.» (М., 1972; обе эти книги вышли в свет под ред. Л. В. Черепнина). В 1959 г. входил в состав делегации советских историков, командированной в Швецию для работы с российскими документальными собраниями в шведских архивах (прежде всего, с фондом Новгородской приказной избы конца XVI — начала XVII вв.).

⁹⁷ **Веселовский Степан Борисович** (04(16).09.1876, Москва — 23.01.1952, там же) — выдающийся отечественный историк. Окончил юридический факультет Московского университета в 1902 г. Ученик И. Х. Озерова, В. О. Ключевского. С 1903 г. специализировался на истории России XVII в.: за 1910—1917 гг. издал пять объемных томов документальных материалов — три выпуска в серии «Смутное время Московского государства» и 2 тома «Актów писцового дела Московского государства для истории землеустройства и прямого обложения в Московском государстве (1587—1649)». Доктор истории русского права *honoris causa* (1917 г.). Его двухтомная монография («Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства») издана в 1915—1916 гг. Профессор Московского университета (затем МГУ) в 1917—1925 гг. После 1917 г. был экспертом-консультантом в Наркомфине, с января 1922 г. по 1929 г. работал в Институте истории сначала при факультете общественных наук Первого МГУ, а затем РАНИОН в должности действительного члена Института. С 1936 г. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР, параллельно в 1938—1941 гг. — профессор Московского историко-архивного института. Член-корреспондент АН СССР с 1929 г., действительный член — с 1946 г.

В 1920-е гг. научные интересы С. Б. Веселовского сконцентрировались на проблемах аграрной истории страны в XIV—XVI вв., становления и развития вотчинного землевладения (светского и церковного), истории крестьянства, социально-политической истории, в т. ч. государственного управления в XV вв. При жизни С. Б. Веселовского были изданы в 1920—1940-е гг. три его монографии, из которых обобщающей была последняя — Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси (Т. 1. М., 1947).

Личное дело в Институте истории РАНИОН см. — ГАРФ, ф. А-4655, оп. 2, д. 230. Объемные личные фонды С. Б. Веселовского хранятся в Архиве РАН в Москве (ф. 620) и в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (ф. 29). Его переписка, дневники и воспоминания изданы (неполностью): Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001; *Веселовский С. Б. Дневники. Письма. Воспоминания*. М., 2002. Начиная с 1960-х гг. печатавшиеся и не публиковавшиеся ранее книги, очерки, статьи многократно издавались, в том числе: *Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины*. М., 1963; *Он же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев*. М., 1969; *Он же. Ономастикон*. М., 1974; *Он же. Дьяки и подьячие XV вв.* М., 1975; *Он же. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма*. М., 1978. В 1977 г. в Москве был издан сборник исследовательских работ, посвященный С. Б. Веселовскому (см. ниже). Неполную библиографию его трудов см. — Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 401—404. О нём см.: *Черепнин Л. В. С. Б. Веселовский (Творческий путь)* // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977 (статья переиздана: *Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв.* М., 1984. С. 154—179); *Кобрин В. Б., Аверьянов К. А. С. Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность*. М., 1989.

⁹⁸ В Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина Л. В. Черепнин проработал с 1 августа 1929 г. по 15 сентября 1930 г., когда был арестован по делу монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», его «Московской группы» (см.: *Ананьич Б. В., Панях В. М. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929—1931 гг.* // Русский исторический журнал. 1999. Т. 11. № 3. С. 93—113; о Л. В. Черепнине — С. 102—105, 107—110). Перевозка в Москву копийных книг владельческого архива Троице-Сергиева монастыря А. В. Черепниным состоялась в конце первой — начале второй декады февраля 1930 г.: 6 февраля датирована копия его командировочного удостоверения, выданного для исполнения данного поручения (Архив РГБ, оп. 22, ед. хр. 854, л. 7). Транспортировка рукописей шла весь 1929 г., но именно в феврале 1930 г. была перевезена основная часть рукописей, см.: Рукописное собрание Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Указатель. Т. I. Вып. 2. М., 1986. С. 217.

Один или два летних сезона работал Л. В. Черепнин под руководством С. Б. Веселовского в Троице-Сергиеве монастыре над его владельческим архивом, остается не вполне ясным. В заявлении о приеме на работу в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина он пишет о 1926 г., когда он «участвовал в обследовании древлехранилища бывшей Троице-Сергиевой лавры, ведшегося по заданию Главнауки под руководством профессоров С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева» (Архив Российской государственной библиотеки. Оп. 22, ед. хр. 854, л. 2). В его аспирантских отчетах за 1926 и 1927 гг. говорится о его участии в «разработке архива бывшей Троице-Сергиевой лавры» (ГАРФ, ф. А-4655, оп. 2, д. 764, л. 22, 29 об. — 30). Но прямых указаний на то, что работы велись в бывшем монастыре, в отчетах нет. С. Б. Веселовский в своем отчете от 15.10.1927 г. в Президиум Института истории РАНИОН пишет о том, что «подготовлено к печати около 1500 актов архива Троице-Сергиева монастыря с конца XIV до середины XVI в.» (ГАРФ, ф. А-4655, оп. 2, д. 230, л. 4). По совокупности прямых

указаний и косвенных данных полагаем, что разработка и копирование актов владельческого архива обители происходила и летом 1926 г., и летом 1927 г.

⁹⁹ **Георгиевский Григорий Петрович** (01(13).08.1866, с. Глинки Смоленской губ. — 14.02.1948, Москва). Окончил Петербургскую духовную академию в 1890 г., за дипломное сочинение получил звание кандидата богословия. В том же году поступил на службу в Московский публичный и Румянцевский музей, в котором он и проработал всю жизнь (Григорий Петрович скончался скоропостижно на рабочем месте). С 1893 г. — помощник хранителя Отдела рукописных и славянских старопечатных книг, с 1920 г. — главный хранитель Отдела рукописей, с того же года заведующий отделом. С 1918 г. — член местного комитета членов профсоюза в библиотеке, одно время возглавлял его. Член Общества истории и древностей российских с 1912 г. Профессор книговедения (1936 г.), один из ведущих знатоков рукописной традиции XIV—XVII вв., активно выступал со статьями в изданиях Русской православной церкви. Список его трудов см.: Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Вып. 45. М., 1986. С. 175—180. О нём довольно пространно говорит в своих воспоминаниях Н. Н. Ильин (*Андреева О. В., Куглюковская Л. И.* Из истории Московского Румянцевского музея (по воспоминаниям Н. Н. Ильина) // Книга в пространстве культуры. Вып. 1. М., 2005. С. 12, 24). О его архиве в контексте истории Отдела рукописей см.: *Довгалло Г. И.* Из истории отдела рукописей по материалам архива Г. П. Георгиевского // Записки отдела рукописей. Вып. 45. М., 1986. С. 61—87.

¹⁰⁰ **Объединение художников «Маковец»** возникло в 1921 г. и просуществовало по 1927 г., издавало нерегулярно альманах (журнал) «Маковец», организовывало художественные выставки в 1922, 1924, 1925 гг. Испытало влияние европейского романтического искусства, которое члены объединения пытались органично соединить с традициями русской средневековой живописи и русского лубка. Организаторы общества — не упомянутые в тексте Н. М. Чернышев, С. В. Герасимов и отчасти названный Л. В. Черепниным Л. Ф. Жегин, до 1915 г., когда он взял фамилию матери, перейдя в православие — Л. Ф. Шехтель, сын знаменитого московского архитектора Ф. Шехтеля. **Л. Ф. Жегин** (20.11(02.12).1892, Москва — 01.10.1969, там же) — художник, в 1913 г. иллюстрировал первую книгу В. Маяковского «Я», последовательно участвовал в ряде объединений художников: «Мир искусства», «Маковец», «Пути живописи» и др.

¹⁰¹ **Некрасова Екатерина Алексеевна** (16(29).03.1905, Москва — 17.02.1989, там же) — искусствовед, доктор искусствоведческих наук 1972 г. (диссертация посвящена течению романтизма в английском искусстве). Окончила факультет общественных наук Первого МГУ в 1929 г. Работала в Государственном историческом музее в 1936—1940 гг., в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, доцент, затем профессор Московского государственного университета с 1942 г. **Павлов Всеволод Владимирович** (20.01(01.02).1898, г. Путивль Черниговской губ. — 16.02.1972, Москва) — египтолог-искусствовед. Окончил факультет общественных наук Первого МГУ в 1929 г. С 1931 по 1971 г. работал в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, одно время преподавал на историческом факультете МГУ, доктор искусствоведения с 1944 г., заслуженный деятель искусств РСФСР с 1962 г.

¹⁰² **Виноградов Анатолий Корнелиевич** (28.03(09.04).1888, Полотняный завод, Калужская губ. — 26.11.1946, Москва) — русский и советский писатель, исторический романист. Окончил философское отделение историко-филологического факультета Московского университета в 1912 г., работать начал в библиотеке Публичного и Румянцевского музея внештатным сотрудником еще в студенческие годы, начиная с 1909 г. С 1912 г. — младший билиотекарь, в годы Первой мировой войны возглавлял полевые медицинские отряды. После осени 1917 г. был заведующим отделом, ученым секретарем библиотеки, исполняющим обязанности директора с 1919 г., а с марта 1921 г. до ноября 1924 г. — директором. Отзывы о нём как о руководителе библиотеки в мемуарах сотрудников см.: *Андреева О. В., Куглюковская Л. И.* Из истории Московского Румянцевского музея (по воспоминаниям Н. Н. Ильина) // Книга в пространстве культуры. Вып. 1. М., 2005. С. 8, 22, 30. С 1925 г. заведовал отделом славяноведения, с 1928 г. — научный сотрудник библиотеки. В апреле 1929 г. ушел по собственному желанию. При нём библиотека весьма значительно увеличила книжные фонды. С 1931 г. пишет и публикует исторические романы и повести, получившие большую популярность и переиздававшиеся после его смерти. После обучения в Ейской авиационной школе — летчик-наблюдатель и штурман авиации дальнего действия. В Отечественной войне — военный корреспондент ряда газет. Покончил жизнь самоубийством.

¹⁰³ **Крандиевская Анастасия Романовна** (1865—1938, Москва) — русская писательница, ее основные сочинения (повести и рассказы) печатались в конце XIX — начале XX в. После 1917 г. ее печатные тексты неизвестны.

¹⁰⁴ **Шамбинаго Сергей Константинович** (06(18).08.1871, Москва — 20.11.1948, там же) — русский и советский филолог, фольклорист, архивист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1896 г., ученик В. Ф. Миллера. Работал в конце XIX — начале XX в. в Московском архиве министерства юстиции (заведовал Отделом Литовской метрики). В 1909—1918 гг. преподавал на Московских высших женских курсах. Докторскую диссертацию по разряду филологических наук («Песни времени царя Ивана Грозного») защитил в 1914 г., профессор Московского университета с 1914 г. Исследователь и публикатор исторических песен и былин (1910—1930-е гг.), осуществил научное издание «Слова о полку Игореве». В 1920—1930-е гг. работал в библиотеке Московского публичного и Румянцевского музея с 1925 г. Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (с 1 января 1922 г. и по 1935 г.). Летом 1930 г. был подвергнут жесткой критике по шести пунктам и понижен в должности на заседании комиссии по чистке в библиотеке (*Куглюковская Л. И.* Судьбы сотрудников Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в период чисток и репрессий (1918—1939 гг.) // Книга в пространстве культуры. Вып. 1 (4). М., 2008. С. 40—41). Он также в эти годы преподавал в ряде вузов: Государственном педагогическом им. Ленина, Городском педагогическом, Областном педагогическом, Институте философии, литературы, истории (московском). О нём см.: *Гудзий Н. К.* Изучение русской литературы в Московском университете (дооктябрьский период). М., 1958. С. 58—61.

¹⁰⁵ **Самоковасов Дмитрий Яковлевич** (27.05(08.06).1843, хутор Самоковасов Новгород-Северского у. Черниговской губ. — 16(29).08.1911, Москва) — русский археолог, историк права, архивист. Окончил юридический факультет Петербургского уни-

верситета с отличием, получил степень кандидата в 1868 г. Ординарный профессор Варшавского университета в 1873—1892 гг., экстраординарный профессор истории русского права Московского университета в 1894—1911 гг., вел занятия в Московском императорском лицее. Директор Московского архива Министерства юстиции в 1892—1911 гг. Подготовил и издал два тома документов Новгородской приказной избы XVI в. Открыл погребение в кургане Черная могила на Черниговщине, свою большую коллекцию археологических артефактов передал в Исторический музей в 1891 г. Выступил одним из инициаторов реформы архивного дела — Архивное дело в России (М., 1902). О нём см.: *Щавелев С. П.* Историк русской земли: жизнь Д. Я. Самоквасова. Курск, 1998; *Хорхордина Т. И.* Д. Я. Самоквасов: консерватор-реформатор // Отечественные архивы. 2000. № 2.

¹⁰⁶ **Цветаев Дмитрий Владимирович** (1852, с. Дроздово Шуйского у. Владимирской губ. — 1920, Москва) — российский историк и архивист. Окончил Петербургскую духовную академию в 1871 г., педагогические курсы при Второй военной гимназии в Петербурге. Преподавал историю, словесность и ряд других предметов в средних учебных заведениях в Орле и в Москве. Магистерскую диссертацию («Из истории иностранных исповеданий в России XVI и XVII веках») защитил в 1886 г. в Москве (книга вышла в том же году), приват-доцент Московского университета с 1887 г., профессор Варшавского университета по кафедре рус. истории, с 1897 г. по 1900 г. — профессор Московского университета. В Варшаве подготовил и издал документальные материалы, главным образом из польских рукописных и документальных собраний о царе Василии Шуйском. С 1911 г. — управляющий Московского архива Министерства юстиции. С 1918 г. активно участвовал в подготовке реформы архивного дела.

¹⁰⁷ **Голицын Василий Дмитриевич, князь** (24.02(08.03).1857, Москва(?) — 24.02.1926, там же), из рода князей Голицыных. Окончил Пажеский корпус в 1877 г., участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Вышел в отставку с военной службы в 1883 г. в чине подполковника. Позднее был уездным (Новгород-Северским) и губернским (Черниговской губ.) предводителем дворянства. С 1908 г. — шталмейстер, в 1910 г. назначен директором Московского публичного и Румянцевского музеев. Добился казенного финансирования на комплектование фондов библиотеки Румянцевского музея (с 1913 г.). При нём были построены здание нового книгохранилища, читальный зал на 300 человек, были возвращены рукописи Л. Н. Толстого из Исторического музея и построен Кабинет Л. Н. Толстого. По его инициативе было создано «Общество друзей Румянцевского музея», был почетным членом Псковской и Тульской губернских архивных комиссий, действительный статский советник (с 1913 г.). Оставался директором (с 1918 г. — председателем Ученой коллегии комитета служащих) Государственного Румянцевского музея и библиотеки музея в 1917—1919 гг., параллельно работал в Музейно-бытовой комиссии Моссовета, организуя обследование личных собраний и библиотек. Арестован в марте 1921 г., но вскоре отпущен без предъявления обвинения. С мая того же года — заведующий художественным отделом музея (с 1925 г. — Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина; с мая 1992 г. — Российской государственной библиотеки). О нём см.: *Коваль Л. М.* Князь Василий Дмитриевич Голицын и Румянцевский музей. М., 2007.

¹⁰⁸ **Грушка Аполлон Аполлонович** (30.12.1869(11.01.1870), Санкт-Петербург — 20.09.1929, Москва) — российский и советский филолог-классик, специалист в области грамматики античной латыни, римской поэзии. Магистр (с 1900 г.), доктор (с 1906 г.) римской словесности. Экстраординарный (с 1907 г.), ординарный (в 1909—1921 гг.) профессор по кафедре классической филологии историко-филологического факультета Московского университета, секретарь (в 1909—1911 гг.), декан (в 1911—1918 гг.) факультета. Профессор Московских высших женских курсов (1900—1918 г.). Директор Института языковедения и истории литературы при факультете общественных наук Первого МГУ с 1921 г. Читал лекции и вел занятия в Литературно-художественном институте и на Высших литературных курсах в 1921—1929 гг. Член-корреспондент АН СССР (избран в 1928 г.). В 1925 г. подвергался кратковременному аресту. О нём см.: *Богословский М. М.* Дневники 1913—1919. М., 2011; *Скударь Е. В.* Декан историко-филологического факультета Московского университета А. А. Грушка и Музей изобразительных искусств // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 1. С. 67—73.

¹⁰⁹ **Орлов Александр Сергеевич** (23.01(4.02).1871, Москва — 06.03.1947, Ленинград) — российский и советский литературовед, специалист по истории древнерусской литературы. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1895 г. Трудовую деятельность начал в Московской синодальной типографии, в 1895 г.: библиотекарь (по 1896 г.), помощник управляющего (1896—1910 гг.) и управляющий (1910—1915 гг.). Магистр (1906 г.), приват-доцент и профессор Московского университета (1906—1931 гг.), действительный член Общества истории и древностей российских при Московском университете и ряде других обществ. Издал и исследовал тексты воинских повестей (Исторические и поэтические повести об Азове. М., 1906), вторую редакцию Домостроя, памятника середины XVI в. (Домострой по Коншинскому списку и им подобным // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1908. Кн. 2; 1911. Кн. 1), описание рукописных сборников библиотеки Синодальной типографии (Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1. Вып. 1. М., 1896). В 1920-е гг., помимо Первого Московского университета, преподавал в институтах РАНИОН, состоял действительным членом РАНИОН. Член-корреспондент АН (1921 г.), академик АН СССР с 1931 г. В том же году переехал в Ленинград, заместитель директора Института русской литературы (Пушкинский дом) в 1931—1933 гг., с 1933 г. заведующий сформированного им и рядом ведущих ученых (В. Н. Перетц, Н. К. Никольский) Отдела древнерусской литературы. Посмертно издана его книга «Язык русских писателей». М.; Л., 1948. Библиографию его трудов см.: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 5. Л., 1947; о нём см.: *Рождественская М. В.* Научная деятельность академика Александра Сергеевича Орлова (1871—1947) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 43. Л., 1990.

¹¹⁰ **Адрианова-Перетц Варвара Павловна** (30.04(12.05)1888, г. Нежин Черниговской губ. — 06.06.1972, Ленинград) — отечественный историк русской литературы XI—XVIII вв. окончила историко-филологический факультет Киевского университета в 1912 г. Как исследователь сформировалась в рамках работы знаменитого Семинария

по русской филологии профессора В. Н. Перетца (ее докладом в октябре 1907 г. началась деятельность семинара). Главными объектами ее исследований стали сатирические сочинения (Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937) произведения фольклора и древнерусские духовные предания и стихи (за фундаментальную книгу «Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности» (Птгр., 1917) получила Ломоносовскую премию). В 1914 г. переехала (вместе с мужем профессором В. Н. Перетцем) в Петроград. С 1933 г. — ученый секретарь, а с 1947 г. — заведующая Отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Профессор с 1917 г., член-корреспондент АН СССР с 1943 г. Список ее трудов см.: Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. литературы и языка. М., 1963. Вып. 4. О ней см.: *Еремин И. П.* Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1958. Т. 14; *Дробленкова Н. Ф., Лихачев Д. С., Панченко А. М.* Варвара Павловна Адрианова-Перетц // Известия отделения литературы и языка. 1973. Т. 32. Вып. 1. С. 100—103 (некролог); *Шмидт С. О.* В. П. Адрианова-Перетц // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 375—379.

¹¹¹ **Ногин Виктор Павлович** (02(14).02.1878, Москва — 22.05.1924, там же) — российский профессиональный революционер в 1898—1917 гг. (8 арестов, 6 побегов, 6 лет тюремного заключения). Руководитель московского Военно-революционного комитета в октябре 1917 г. Кандидат в член ЦК РКП(б) (в 1920—1921 гг.), председатель Центральной ревизионной комиссии РКП(б) в 1921—1924 г. В те же годы занимал посты комиссара труда Московской области, а затем заместителя наркома труда РСФСР.

В. А. Черепнин подал заявление об увольнении «в связи с переходом на другую работу» 6 сентября 1923 г. Резолюция об увольнении зафиксировала дату: «уволить с 1 окт. [19] 23 г.». 23 ноября 1923 г. в библиотеку поступил запрос общего отдела Всероссийского текстильного синдиката (новое место работы Владимира Алексеевича) с просьбой выдать «удостоверение о службе», а позднее — справку о доходах за август-сентябрь 1923 г. (Архив РГБ. Оп. 40, ед. хр. 662. Л. 34—39).

¹¹² **Абрикосов Алексей Иванович** (06(18).01.1875, Москва — 09.04.1955, там же) окончил медицинский факультет Московского университета в 1899 г. Выдающийся российский и советский патологоанатом. В 1920-е гг. профессор медицинского факультета Первого Московского государственного университета, с 1930 г. профессор Первого Московского медицинского института. Занимал ведущую позицию в своей специализации с 1920-х гг.: он руководил вскрытием тел В. И. Ленина (1924 г.), В. П. Ногина (1924 г.), М. В. Фрунзе (1925 г.), В. В. Куйбышева (1935 г.) и ряда других государственных деятелей. Основатель школы советских патологоанатомов. Академик АН СССР с 1939 г., академик Академии медицинских наук СССР с 1944 г., Герой социалистического труда в 1945 г. В начале 1950-х гг. в связи с «делом врачей-вредителей» подвергся репрессиям, в том числе вместе с женой был отстранен от работы в Кремлевской больнице. Автор более 100 научных публикаций, член многих международных медицинских обществ и ассоциаций, ряда зарубежных академий.

Скворцов Михаил Александрович (20.09(02.10).1876, Москва — 08.03.1963, Москва) окончил медицинский факультет Московского университета. Около трех лет работал земским врачом, затем с 1902 г. — ассистент кафедры патологической анатомии медицинского факультета Московского университета. С 1920 г. работал во Втором Московском медицинском институте, с 1939 г. — профессор, в 1942—1947 гг. профессор Первого Московского медицинского института. Параллельно с 1945 г., работал в двух институтах Академии медицинских наук СССР. Специалист в области патологической анатомии заболеваний детского возраста. Автор множества научных публикаций и учебника (выдержал 4 издания) по данной теме. Академик Академии медицинских наук СССР с 1945 г., заслуженный деятель науки РСФСР (в 1943 г.).

Его жена **Кост Екатерина Андреевна** (1888—1975, Москва) окончила медицинский факультет Московских высших женских курсов в 1898 г. В 1900-е — начале 1920-х гг. работала интерном, ординатором, ассистентом в ряде клиник Москвы. Кандидат медицинских наук с 1924 г., позднее доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РСФСР. В 1925 г. возглавила больничные лаборатории в больнице им. С. П. Боткина. С того же года начинается история кафедры клинической лабораторной диагностики Центрального института усовершенствования врачей, которую она организовала и возглавляла более 40 лет. М. И. Черепнина (Идельсон) работала много лет в клинической лаборатории больницы им. С. П. Боткина под ее руководством.

¹¹³ **Чехов Михаил Александрович** (17(29).08.1891, Санкт-Петербург, Россия — 01.10.1955, Биверли-Хиллз, Калифорния, США) — знаменитый российский и американский актер, театральный педагог, режиссер. Племянник А. П. Чехова. Заслуженный артист РСФСР с 1924 г. Автор известной книги «О технике актера», выдержавшей много изданий и переведенной на ряд языков. Учился с 1907 г. в театральной школе Петербургского Малого (Суворинского) театра, уже вскоре стал получать роли в спектаклях театра. В 1912 г. переехал в Москву, по приглашению К. С. Станиславского, поступил в Московский художественный театр, с 1913 г. в Первой студии МХТ, руководимой Л. А. Сулержицким и Е. Б. Вахтанговым, в 1922 г. Возглавил первую студию, преобразованную в 1924 г. во Вторую МХТ. Еще в 1918 г. создал собственную студию актерской психотехники. Эмигрировал в Германию в 1928 г., снимался в кино, работал в театре. С 1930 г. во Франции, выступал на сцене драматических театров ряда европейских стран. С 1939 г. в США, где создал актерскую школу, пользовавшуюся огромной популярностью.

¹¹⁴ **Исторический научно-исследовательский институт** при факультете общественных наук Первого МГУ организован по решению Наркомпроса от 04.08.1921. С созданием в мае 1924 г. Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук при Первом МГУ институт вошел в ее состав. С выведением Ассоциации из состава МГУ и ее переименованием институт стал именоваться Институтом истории РАНИИОН. В 1927 г. в Институте было 34 действительных члена и 32 научных сотрудника. Издавались «Ученые записки Института истории РАНИИОН». Структурно делился на 5 секций — древней, средневековой, новой русской истории, истории внеевропейских обществ и колониальной политики; последняя была объединена с секцией новой истории, а пятой стала секция этнологии. С 1926 г. в секции русской

истории образовалась подсекция новейшей русской истории (XIX—XX вв.). Бессменный директор института — Д. М. Петрушевский. В сентябре 1929 г. Институт истории РАНИИОН был передан в Комакадемию, с объединением Комакадемии с Академией наук СССР (февраль 1936 г.) Институт истории стал частью АН СССР. Подробнее см.: *Калистратова (Холина) Т. И.* Институт истории — факультет общественных наук МГУ — РАНИИОН. Нижний Новгород, 1992 г.

¹¹⁵ **Удальцов Иван Дмитриевич** (07(19).03.1885, Москва — 30.01.1958, Москва) — советский экономист и юрист. В 1902 г. поступил на юридический факультет Московского университета, с 1905 г. — на экономическом отделении факультета, член РСДРП с 1905 г. За участие в революционном движении отчислен в 1907 г. и выслан за пределы страны до 1910 г. Продолжил обучение в университетах Германии, по возвращении призван на военную службу. Сдал экстерном испытания за университетский курс в 1911 г., позднее занимался юридической практикой. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны. В 1921 г. направлен в Московский университет, профессор политэкономии, заместитель декана и декан факультета общественных наук (факультет общественных наук), факультета советского права (1921—1928 гг.). В 1928—1930 гг. — ректор Московского университета. Позднее возглавлял там же кафедры политэкономии (1934 г.), истории народного хозяйства и экономических учений (1947—1955 гг.), юридический факультет, основатель и бессменный декан экономического факультета МГУ (1941—1955 гг.). Параллельно преподавал в Московском государственном институте иностранных языков, а также в Государственном педагогическом институте им. Ленина. Работал в Институте экономики АН СССР, первый директор Института международных отношений (1944 г.).

¹¹⁶ **Удальцов Иван Иванович** (12.03.1918, Москва — 20.03.1995, там же) — советский и российский историк, дипломат и партийный работник. Окончил исторический факультет МГУ, участник Великой Отечественной войны. В 1945—1950 гг. аспирант и научный сотрудник Института славяноведения АН СССР, кандидат исторических наук с 1949 г. (диссертация — «Национально-политическая борьба в Чехии в 1848 г. и Ф. Палацкий»). С 1950 по 1959 г. работал в аппарате ЦК КПСС, 1952—1965 гг. — заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС. В 1959—1962 гг. — директор Института славяноведения АН СССР. В 1965 г. перешел на дипломатическую службу: советник-посланник посольства СССР в Чехословакии по 1970 г., с марта 1976 г. по сентябрь 1979 г. — чрезвычайный и полномочный посол СССР в Греции. В 1970—1976 гг. — председатель правления Агентства печати «Новости». С 1971 по 1976 г. — кандидат в члены ЦК КПСС. С осени 1979 г. и по 1988 г. — ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, доктор исторических наук с 1980 г. (диссертация «Историография чешского национального возрождения. Новейшие чехословацкие и советские исследования»). На материале диссертации изданы три книги. О нём см.: *Славяноведение в СССР. Биобиблиографический словарь*. N. Y., 1993. С. 444—445.

¹¹⁷ Рукопись работы Л. В. Черепнина «Закрепощение служилых людей в XVII в.» (автограф) хранится в его личном деле (ГАРФ, ф. А-4655, оп. 2, д. 764, л. 41а—90, по нумерации автора л. 1, 1—48). То, что речь шла о юге России, ясно из содержания работы.

¹¹⁸ Академик **М. М. Богословский** был председателем секции русской истории.

¹¹⁹ **Рожков Николай Александрович** (24.10(05.11).1868, Верхотурье, Пермской губ. — 02.02.1927, Москва) — российский и советский историк. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1890 г., учился у В. О. Ключевского и А. А. Кизеветтера. Магистерскую диссертацию защитил в 1899 г. (издана: «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899»). Приват-доцент Московского университета с 1898 г. Активный участник революционного движения в 1904—1908 гг., входил в состав руководящих органов РСДРП в Москве и Петербурге, неоднократно арестовывался и подвергался ссылке. Примыкал к меньшевистскому крылу партии, в 1917 г. — член ЦК партии меньшевиков. Еще в 1903—1905 гг. издал в 2-х частях «Обзор русской истории с социологической точки зрения» (М.), вел преподавательскую работу. После Октябрьской революции читал лекции и вел занятия по истории в Первом МГУ, Педагогическом институте, в Институте красной профессуры, Академии коммунистического воспитания. Директор Исторического музея. Действительный член Института истории РАН ИОН с 1925 г. Его работа «Русская история в сравнительно-историческом освещении» в 12 томах (Пггр.; М., 1918—1926) пользовалась популярностью в 1920-е гг. О нём см.: *Сивков К. В.* Материалы для библиографии трудов Н. А. Рожкова // Ученые записки Института истории РАН ИОН. М., 1928. Т. 5. С. 164—184; *Тарасова Н. Н.* О философских и теоретико-методологических взглядах Н. А. Рожкова (по работам 1905—1907 гг.) // История и историки. М., 1991; *Горелов И. Е.* Рожков Н. А. // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 455—461.

¹²⁰ Академик **В. П. Волгин** был председателем секции новой истории.

¹²¹ Профессор **Г. М. Пригоровский** был председателем секции древней истории. Пригоровский Г. М. (1884, Клиницы, Западная обл. — 05.12.1937, Томск (?)) — российский и советский историк. Специалист в области древней истории Восточного Средиземноморья, эпиграфист, переводчик. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, позднее приват-доцент и профессор с 1919 г., в 1921—1925 гг. кафедры истории античного мира факультета общественных наук Первого МГУ, в 1925—1930 гг. кафедры истории древнего мира этнологического факультета Первого МГУ. Действительный член Института истории РАН ИОН. в 1925—1929 г. В 1930-х гг. проживал в Томске. Арестован в мае 1937 г. Расстрелян.

¹²² Профессор **П. Ф. Преображенский** был председателем секции этнологии. Преображенский Петр Федорович (03.05.1894, Москва — 03.12.1941) — российский и советский историк. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1915 г., ученик Р. Ю. Виппера, магистр с 1917 г. В 1919—1921 гг. профессор Самарского государственного университета, с 1921 г. профессор Первого МГУ факультета общественных наук, Научно-исследовательского института социологии при этом факультете; профессор, заведующий кафедрой общей этнологии этнологического факультета, председатель Президиума этнографического отделения этого факультета. С 1934 г. по 1937 г. — заведующий кафедрой древней истории исторического факультета МГУ. Действительный член Института истории РАН ИОН. Организатор комплексных экспедиций в низовья Амурары и в область Древнего Хорезма в 1928—1929 гг.

Обладал широчайшей эрудицией: его работы посвящены Риму времен первых христиан, теоретическим проблемам этнографии и ее конкретным сюжетам, истории империализма в конце XIX — начале XX в. Кратковременно арестовывался в 1933 г., в 1937 г. репрессирован. О нём см.: *Иванова Ю. В. П. Ф. Преображенский // Этнографическое обозрение. 1994. № 4.*

¹²³ **Авдиев Всеволод Игоревич** (04(16).10.1898, Москва — 09.05.1978, там же) — советский историк-востоковед, специалист по истории древнего Египта и Ближнего Востока. Окончил историко-филологич. факультет Московского университета в 1920 г. В 1920—1924 гг. работал в Государственном Историческом музее и в Музее-институте классического Востока. В 1924—1941 гг. — научный сотрудник, затем заведующий восточным отделом Государственного музея изящных искусств, параллельно с 1930 г. преподавал в ряде институтов в Москве (Московском городском пединституте, Московском институте философии, литературы, истории и др.). В 1940—1944 г. — научный сотрудник Института истории АН СССР, с 1944 г. по 1960 г. работал научным сотрудником, заведующим сектором Древнего Востока, в 1953—1955 гг. — заместителем директора и директором Института востоковедения АН СССР. С 1942 г. и по 1978 г. профессор исторического факультета МГУ, заведующий кафедрой истории Древнего мира в 1951—1973 гг. Доктор исторических наук с 1943 г., лауреат Сталинской (государственной) премии 1951 г. Его учебник «История Древнего Востока» выдержал несколько изданий и переводился на многие языки. О нём см.: В. И. Авдиев // Вестник древней истории. 1978. № 4 (некролог).

¹²⁴ **Витвер Иван Александрович** (25.02(9.03).1891, с. Ильино Тверской губ. — 1966, Москва) — советский экономико-географ и страновед. Поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета в 1910 г., прервал обучение в 1913 г., вернулся в 1916 г. и окончил историко-филологическое отделение факультета общественных наук Первого МГУ в 1921 г. Аспирант Первого МГУ и сотрудник Института истории РАНИОН в 1922—1926 гг. В 1925 г. защитил магистерскую диссертацию. Работал в издательстве «Большая Советская энциклопедия» в 1925—1931 гг. С 1929 г. читал курсы лекций на географическом факультете МГУ, с 1933 г. — доцент факультета, с 1934 по 1954 г. — заведующий кафедрой экономической и политической истории капиталистических стран (первой в СССР). С 1935 г. — доктор географических наук и профессор МГУ (без защиты). В годы войны был деканом географического факультета МГУ в эвакуации; работу на нём продолжил и после 1945 г. Профессор Московского государственного института международных отношений в 1945—1954 гг. Заслуженный деятель науки РСФСР в 1961 г. О нём см.: *Вольский В. В., Бонифатьева Л. И. Ученый. Учитель. Человек. М., 1991.*

¹²⁵ **Бороздин Илья Николаевич** (04(16).11.1883, г. Ярославль — 13.10.1959, Воронеж) — российский и советский историк, археолог, востоковед. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1906 г., ученик П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевского. Преподавал в московской гимназии им. Медведниковых и Народном университете в 1907—1917 гг., секретарь Московского археологического общества с 1917 г. В 1920—1922 гг. профессор Военно-хозяйственной академии и Военно-педагогического института. В 1921—1930 гг. профессор Института восто-

коведения, член президиума Всероссийской (затем Всесоюзной) научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР, заведующий историко-этнологическим отделом ассоциации. Одновременно заведующий отделом Советского Востока музея Восточных культур, заведующий кафедрой Древней истории Московского государственного педагогического института (по 1935 г.), член Института истории РАНИОН. В те же годы заместитель председателя Археологической комиссии Московской секции Государственной академии истории материальной культуры. Член редколлегии ряда изданий, сотрудник Госплана. Арестован в 1935 г. и выслан в Алма-Ату, преподавал в местном Пединституте. Вторично арестован в 1937 г., отправлен на 10 лет в концлагерь, выпущен в 1942 г., реабилитирован в 1955 г. Работал в Педагогическом институте г. Ашхабада (1943—1948 гг.), был заведующим кафедрой всеобщей истории Воронежского государственного университета. О нём см.: *Бороздина П. А.* Жизнь и судьба профессора И. Н. Бороздина. Воронеж, 2000.

¹²⁶ **Удальцов Александр Дмитриевич** (02(14).05.1883, Москва — 25.09.1958, там же) — российский и советский историк-медиевист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1913 г. Участник революционного движения. Член-корреспондент АН СССР с 1939 г. Профессор Первого МГУ в 1919—1925 гг., действительный член Института истории РАНИОН в 1925—1929 гг., профессор Комакадемии в 1925—1935 гг. В 1935—1940 гг. профессор МГУ, параллельно заведующий сектором истории средних веков Института истории АН СССР (1938—1946 гг.). В 1946—1959 гг. — директор Института истории материальной культуры (Института археологии) АН СССР и параллельно заведующий кафедрой в Академии общественных наук при ЦК КПСС, главный редактор журнала «Вопросы истории» в 1949—1950 гг. Специалист по аграрной истории раннего Средневековья Европы. О нём см.: Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 462—463.

¹²⁷ **Лукин Николай Михайлович** (08(20).07.1885, с. Кусково Спасской вол. Московской губ. — 16.07.1940, Москва) — историк, специалист по Новой истории Западной Европы и Франции в первую очередь, основатель школы в советской историографии по истории революций и революционных движений в Европе XVIII—XIX вв. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1909 г., ученик Р. Ю. Виппера, Д. М. Петрушевского. Участник революционного движения в России в 1904—1917 гг. С 1910 г. работал на историко-филологическом факультете, магистр с 1913 г., с 1915 г. в качестве доцента читал спецкурсы. В 1920-е гг. профессор факультета общественных наук Первого МГУ, декан факультета (с 1921 г.), читал лекции и руководил семинаром по истории французской революции в Институте красной профессуры, читал лекции по истории армий в Академии генерального Штаба РККА. Действительный член Института истории РАНИОН в 1925—1929 гг. Академик АН СССР с 1929 г. С 1931 г. заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского института философии, литературы, истории, директор Института истории Комакадемии. В 1934 г. возглавил кафедру новой истории исторического факультета МГУ, в 1936—1937 гг. — директор Института истории АН СССР. Репрессирован. После реабилитации в 1960—1963 гг. изданы 3 тома его избранных трудов. О нём см.:

Дунаевский В. А. Н. М. Лукин // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 310—312; Историк и власть: Советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 199—250.

¹²⁸ **Феноменов Михаил Яковлевич** (1883 — ?) — историк и краевед. Окончил историко-филологического факультет в 1910 г., преподавал в Варшавской гимназии. С 1918 г. работал на факультете общественных наук Первого МГУ, Воронежском университете и других вузах. С середины 1920-х гг. доцент Высших педагогических курсов при Втором МГУ. Упомянут в дневниковых записях академика М. М. Богословского.

¹²⁹ **Пчелин Николай Николаевич** (1888 — ?) — магистрант (с 1916 г.), приват-доцент юридического факультета Московского университета. В 1925—1929 гг. научный сотрудник первого разряда Института истории РАНИОН.

¹³⁰ **Пионтковский Сергей Андреевич** (29.09(08.10).1891, Одесса — 08.03.1937, Москва) — советский историк. Окончил историко-филологический факультет Казанского университета в 1914 г. В 1912—1918 гг. занимался общественной и литературной деятельностью, участвовал в революционном движении. Член РКП(б) с 1918 г. Профессор Коммунистического университета с 1921 г., с 1922 г. — преподаватель, затем профессор МГУ, Московского института философии, литературы, истории, Института красной профессуры, Государственной академии истории материальной культуры, работал в Институте истории Комакадемии. Действительный член Института истории РАНИОН в 1925—1929 гг. Автор многочисленных работ по истории революции и Гражданской войны. Арестован 07.10.1936 г., расстрелян в марте 1937 г., реабилитирован в 1956 г. О нём см.: *Литвин А. Л.* Выбор судьбы и судьба выбора // *Литвин А. Л.* Без права на мысль: Историки в эпоху Большого террора. Казань, 1994. С. 95—121.

¹³¹ **Дьяконов Михаил Александрович** (31.12.1855(12.01.1856), Екатеринбург — 10.08.1919, Петербург) — окончил юридический факультет Петербургского университета в 1880 г., ученик В. И. Сергеевича. Магистр с 1889 г. (диссертация опубликована: «Власть московских государей». СПб., 1889), доктор с 1900 г. (диссертация опубликована: «Очерки по истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв.». СПб., 1900). Профессор истории права Юрьевского (Дерптского) университета с 1890 г. (издал 2 выпуска «Акт, относящихся к истории тяглого населения в Московском государстве». Юрьев, 1895, 1897). С 1904 г. — в Военно-юридической академии и Петербургского политехнического института. Действительный член Российской академии наук в 1912 г. О нём см.: *Пресняков А. Е.* Труды М. А. Дьяконова по русской истории // Русский исторический журнал. Птгр., 1921. Т. 7; там же список трудов М. А. Дьяконова, подготовленный В. Григорьевым.

¹³² *Черепнин Л. В.* «Смута» в историографии XVII века: Из истории древнерусского летописания // Исторические записки. 1945. Т. 14. С. 81

¹³³ *Черепнин Л. В.* К вопросу о составе и происхождении «Capitulare de villis» // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1934. №5. С. 359—386. В личном деле аспиранта Л. В. Черепнина сохранился отзыв на этот текст Д. М. Петрушевского

(ГАРФ, ф. А-4655, оп. 2, д. 764, л. 16; л. 13 об., копия отзыва Петрушевского с предложением размножить текст доклада и провести еще одно заседание с обсуждением доклада; на л. 17 об. сохранились тезисы доклада).

¹³⁴ *Черепнин Л. В.* Из истории древнерусского колдовства XVII в. // *Этнография*. 1929. № 2. С. 86—109.

¹³⁵ В личном деле Л. В. Черепнина Института истории РАНИОН сохранились тезисы доклада (ГАРФ, ф. А4655, оп. 2, д. 764, л. 24—25, 31—32).

¹³⁶ Текст хранится в личном фонде Л. В. Черепнина в Архиве РАН, ф. 1791. Оп. 1, д. № 1.

¹³⁷ **Зельцер Владимир Зельманович** (23.07(04.08).1905, г. Вознесенск Херсонской губ. — 08.10.1937, Магадан) — советский историк, специалист в области истории ВКП(б). В 1922—1925 гг. преподавал историю и экономику в совпартшколе г. Николаев. Аспирант Института истории РАНИОН в 1926—1929 гг., параллельно преподавал историю ВКП(б) и ленинизм на этнографическом факультете Первого МГУ, историю России в Рабочем университете при Втором МГУ и ряде иных вузов Москвы. Кандидат исторических наук с 1929 г. В 1929—1931 гг. — доцент и заведующий кафедрой истории СССР Нижегородского педагогического института. С 1932 г. в Москве, доцент в МГУ, старший научный сотрудник Института истории Комкадемии. Арестован 05.03.1935 и приговорен к трем годам в ИТЛ (прииск Таежный Севвостлага), повторно арестован 02.05.1937 и 10.09.1937 приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1957 г.

¹³⁸ **Полосин (Иванов) Иван Иванович** (29.09(11.10).1891, Москва — 1956, там же). Окончил в 1910 г. Московскую практическую академию коммерческих наук, в 1916 г. — историко-филологический факультет Московского университета, ученик А. И. Яковлева. Был оставлен при кафедре, с 1917 г. работал в ряде отделов библиотеки Румянцевского (позднее Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), один из организаторов справочно-библиографического бюро. В 1922—1929 гг. — научный сотрудник 1-го разряда Института истории при факультете общественных наук Первого МГУ, с 1925 г. — РАНИОН. Параллельно читал курсы лекций и вел семинарские занятия в пединститутах Твери и Ярославля. Опубликовал статьи по аграрной истории после отмены крепостного права в России, а также работы по истории его становления в конце XVI в. В 1925 г. издал комментированный перевод сочинений немца-опричника Г. Штадена. Выступал с докладами по ряду вопросов правления Ивана Грозного. Арестован по делу историков («Московский центр») в 1930 г., получил 3 года лагерей с трехлетним ограничением после отбытия срока мест проживания. В 1934—1940 гг. профессор Курского педагогического института. С 1940 г. и по 1956 г. профессор Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Его личный архив хранится в РГБ (ф. 428). Посмертно опубликован том его работ: *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963. Список его трудов см.: Там же. С. 380—382. См. также: *Черепнин Л. В.* И. И. Полосин как историк (вступительная статья) Там же, с. 3—33; переиздана: *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984. С. 180—203).

¹³⁹ **Нечкина Милица Васильевна** (12(14).02.1899, г. Нежин, Черниговской губ. — 16.05.1985, Москва) — советский историк. Окончила факультет общественных профессий Казанского университета в 1921 г. Ученица М. Н. Покровского. В начале 1920-х гг. преподавала в ряде вузов в Казани. С 1924 г. в Москве, вольнослушатель Института красной профессуры, преподаватель Первого МГУ, Коммунистического университета трудящихся Востока, доцент Второго МГУ. Параллельно в 1924—1929 гг. научный сотрудник 1-го разряда Института истории РАНИОН. С 1934 г. доцент, с 1935 г. профессор Исторического факультета МГУ, параллельно с 1936 г. заведующая сектором Института истории АН СССР (с 1969 г. Института истории СССР). В 1941—1943 гг. профессор Среднеазиатского университета в Ташкенте. С 1946 г. параллельно работе в Институте истории АН СССР и на историческом факультете МГУ с 1946 г. по 1958 г. — профессор, заведующая кафедрой истории СССР в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) (КПСС). Доктор исторических наук с 1936 г. (диссертация «А. С. Грибоедов и декабристы»). Академик Академии педагогических наук РСФСР с 1947 г., член-корреспондент АН СССР с 1953 г., действительный член с 1958 г. Основные труды по истории декабристов (А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947; Движение декабристов. М., 1955. Т. 1—2) и российской историографии XIX — начала XX в. (Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974). Лауреат Сталинской (Государственной) премии в 1947 г. Главный редактор документальных серий «Восстание декабристов» (с 1950 г.), «Полярная Звезда» (с 1979 г.). Председатель Научного совета «История исторической науки в СССР» при Отделении истории АН СССР с 1961 г., редактор сборников «История и историки». Список трудов см.: М. В. Нечкина. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. история. Вып. 17. М., 1987. О ней также см.: *Черепнин Л. В.* Академик М. В. Нечкина (творческий путь) // *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984 (впервые статья опубликована в 1974 г.); *Федоров В. А.* М. В. Нечкина // *Историки России: Биографии.* М., 2001 г. С. 691—696.

¹⁴⁰ **Невский Владимир Иванович** (Кривобоков Феодосий Иванович; 02(14).05.1876, г. Ростов-на-Дону — 26.05.1937 тюрьма в Суздале) — советский государственный и политический деятель, историк. Учился в Московском и Петербургском университетах, окончил Харьковский университет в 1910 г. по специальности физическая химия. Профессиональный революционер, член РСДРП, большевик. Вел активную революционную работу в целом ряде городов европейской части России, был делегатом почти всех партийных съездов и конференций. Один из организаторов Военной организации большевиков в 1917 г., активный участник Октябрьской революции. Впоследствии член Всероссийского центрального исполнительного комитета, ректор Коммунистического университета, действительный член и заведующий отделом российской истории Института истории РАНИОН в 1925—1929 гг., параллельно в 1925—1935 гг. директор Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. На названных должностях высоко ценил профессиональные качества университетских профессоров и их учеников из молодого поколения историков. Его решение было главным при принятии на работу в библиотеку сразу на штатную должность «не марксиста» Л. В. Черепнина в июле 1929 г. Примерно через год на заседании комиссии по чистке и общем собрании он выступил с высокой оценкой работы в библиотеке Ю. В. Готье, Д. Н. Егорова, С. В. Бахрушина, А. И. Яковлева (*Куглюковская Л. И.* Судьбы сотрудников Румянцевского музея и Государственной

библиотеки им. В. И. Ленина в период чисток и репрессий (1918—1939 гг.) // Книга в пространстве культуры. Вып. 1 (4). М., 2008. С. 37, 40—42). В июле 1933 г. намеревался поддержать обращения родственников о возвращении в Москву С. В. Бахрушина и Л. В. Черепнина. Один из организаторов исторической науки в 1920-е — 1930-е гг., возглавил выявление и издание документальных сборников по истории рабочего и революционного движения в России начала XX в., биографических материалов (Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период с 1880 по 1905 гг. М., 1923. Вып. 1). Главные его работы посвящены рабочему движению, истории партии в конце XIX — начале XX в., а также первой русской революции 1905 г. 5 февраля 1935 г. исполнилось 10 лет работы В. И. Невского на посту директора библиотеки и ровно через 2 недели он был арестован. Расстрелян в тюрьме г. Суздаля. Реабилитирован в 1955 г. Его личное дело см.: Архив РГБ. Оп. 51, д. 148. О нём см.: *Чесноков В. И.* В. И. Невский как историк русского революционного движения // История и историки. М., 1965; *Зеленов М. В.* Невский В. И. // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 557—563; *Коваль Л. М.* В. И. Невский: Директор главной библиотеки страны. М., 2006.

¹⁴¹ **Ванаг (Ванагс) Николай Николаевич** (09(21).12.1899, г. Рига — 08.03.1937, Москва) — советский историк. Окончил Институт красной профессуры в 1925 г., ученик М. Н. Покровского. В 1917—1918 гг. участник революционного движения в Латвии, в 1919 г. слушатель курсов при Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова и на партийной работе. В 1921—1925 гг. учился в Институте красной профессуры, одновременно продолжал учебу в Коммунистическом университете, и преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока, Втором МГУ. В 1925—1926 гг. профессор, заведующий кафедрой истории России и Украины Коммунистического университета им. Артема в Харькове. С 1926 г. — в Институте истории РАНИОН, с 1929 г. — заместитель председателя Президиума института. В 1930—1931 гг. заведовал историческим отделом Института красной профессуры, с 1932 г. — заместитель директора Института истории Коммунистической академии, профессор Института красной профессуры. С 1933 г. руководитель коллектива авторов по написанию учебника по истории СССР для школ. Был подвергнут критике «за отход от марксизма в трактовке событий российской истории» в проекте учебника 1934 г. Арестован в июне 1936 г., расстрелян. Реабилитирован. Основные работы посвящены особенностям финансового капитала в России, истории народов СССР (краткий популярный очерк). О нём см.: *Артизов А. Н.* Н. Н. Ванаг (1899—1937 гг.) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 95—109.

¹⁴² **Дружинин Николай Михайлович** (01(13).01.1886, г. Курск — 08.08.1986, Москва) — советский историк, видный специалист по истории России XVIII—XX вв. Окончил юридический факультет (экономическое отделение) Московского университета в 1911 г., историко-филологический факультет в 1918 г., ученик М. М. Богословского. За участие в революционном движении высылался в Саратов в 1905 г., в 1907—1909 гг. преподавал на курсах «Образование». Участник Первой мировой войны в 1916—1918 гг. В Красной армии служил с 1919 по 1921 г. В 1921—1924 гг. работал в Московском губполитпросвете, параллельно с 1921 г. аспирант (научный

сотрудник) в Институте истории при факультете общественных наук Первого МГУ, с 1926 г. — в РАНИОН. В 1929 г. защитил кандидатскую диссертацию (опубликовано: Декабрист Никита Муравьев. М., 1933). В 1929—1931 гг. работал ассистентом, затем доцентом этнологического факультета МГУ, параллельно ученым секретарем, заведующий отделом Музея революции СССР в 1926—1934 гг. С 1934 г. по 1952 г. профессор исторического факультета МГУ, с 1937 г. — старший научный сотрудник, заведующий сектором в Институте истории АН СССР. Докторская диссертация в 1944 г. (опубликовано: Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946. Т. 1; М., 1958. Т. 2). В 1943—1948 гг. профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы. Лауреат Сталинской (Государственной) премии в 1947 г., Ленинской в 1980 г. Список его трудов см.: Н. М. Дружинин. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории. М., 1987 г. Вып. 16. Его воспоминания — см.: *Дружинин Н. М. Избранные труды. Книга 4-я.* М., 1990. О нём см.: *Дмитриев С. С.* Академик Н. М. Дружинин: его творчество, опыт, суждения // Вестник АН СССР. 1986. № 6; *Литвак Б. Г.* (I), *Дружинина Е. И.* (II). Николай Михайлович Дружинин // Портреты историков: Время и судьбы. М., Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 347—367; *Федоров В. А.* Дружинин Н. М. // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 601—607.

¹⁴³ **Неусыхин Александр Иосифович** (07(19).01.1898 — 22.10.1969, Москва) — советский историк-медиевист. Окончил факультет общественных наук (историческое отделение) Первого МГУ в 1921 г., учитель Д. М. Петрушевский. В 1918—1919 гг. преподавал историю в средней школе, в 1920—1924 гг. работал хранителем кабинета истории германии библиотеки Института Маркса-Энгельса при ВЦИК. С 1924 г. по 1929 г. аспирант (научный сотрудник) Института истории при факультете общественных наук Первого МГУ, с 1926 г. — Института истории РАНИОН. Кандидатская диссертация в 1929 г. (издана: Общественный строй древних германцев. М., 1929). Параллельно в 1927—1931 гг. работал в редакции Большой советской энциклопедии, с 1927 г. по 1930 г. преподавал (исполняющий обязанности доцента) в Индустриально-педагогическом институте им. К. Либкнехта, в 1931—1934 гг. работал в Центральном музее народоведения и в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина. В 1934—1936 гг. — старший научный сотрудник Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры, в 1934—1941 гг. параллельно профессор, затем заведующий кафедрой средневековой истории Московского института философии, литературы, истории. С 1936 по 1968 г. старший научный сотрудник сектора Истории Средних веков Института истории АН СССР (в 1968—1969 гг. — консультант). Докторская диссертация 1946 г. (опубликовано: Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956; переведена и издана на немецком языке в 1961 г.). В 1941—1942 гг. преподавал в Томском государственном университете. С 1943 г. по 1959 г. профессор исторического факультета МГУ (с перерывами). В 1949 г. обвинялся в космополитизме. Посмертное издание его работ см.: *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма: Избранные труды. М., 1974. Список его трудов см.: Там же. О нём см.: *Мильская Л. Т.* А. И. Неусыхин // Портреты историков: Время и судьбы. М., Иерусалим, 2000. Т. II. Всеобщая история. С. 207—216.

¹⁴⁴ **Зельин Константин Константинович** (25.03(06.04).1892, Москва — 30.03.1980, там же) — советский историк-античник. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1916 г., учитель — Р. Ю. Виппер. Оставлен при университете «для приготовления к профессорскому званию» (1916 г.). В 1918—1935 гг. преподавал историю и русский язык в средних учебных заведениях Москвы, с 1921 г. по 1935 г. на рабфаке им. Артёма (русский язык и литературу). Параллельно — аспирант (научный сотрудник) Института истории РАНИОН в 1926—1929 гг. В 1932—1934 г. работал в Московском отделении Государственной академии истории материальной культуры. С 1934 по 1955 г. — доцент, затем профессор исторического факультета МГУ. Кандидатская диссертация в 1940 г. С 1949 г. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Докторская диссертация в 1963 г. (опубликовано: Исследования по истории земельных отношений в эллинистич. Египте. II—I вв. до н. э. М., 1960). Видный специалист по эллинистическому периоду Восточного Средиземноморья. О нём см.: Павловская А. И. К. К. Зельин // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 94—104.

¹⁴⁵ **Ерусалимский Аркадий Самсонович** (19.05(1.06).1901, г. Быховец Могилевской губ. — ноябрь 1965, Москва) — советский историк, специалист по истории международных отношений в XIX—XX вв., по новейшей истории Германии, советско-германским отношениям. Окончил факультет общественных наук Первого МГУ в 1923 г., ученик П. Ф. Преображенского. Зарубежные командировки (Берлин, Париж) в 1924—1925 гг. Аспирант (научный сотрудник) Института истории РАНИОН в 1926—1929 гг. Кандидат исторических наук по совокупности работ. В 1925—1941 гг. научный сотрудник, старший научный сотрудник Института красной профессуры в 1930—1932 гг., Московского института философии, литературы, истории в 1932—1939 гг., Высшей дипломатической школы в 1939—1941 гг. В 1941—1945 гг. начальник иностранного отдела газеты «Красная звезда». Профессор исторического факультета МГУ в 1944—1956 гг., параллельно старший научный сотрудник Института истории АН СССР (по 1965 г.). Докторская диссертация в 1948 г. (опубликовано: Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М.; Л., 1948). Лауреат Сталинской (Государственной) премии в 1949 г. Список его работ см.: Ежегодник германской истории. 1969. М., 1970. Посмертно опубликованы две книги: *Ерусалимский А. С. Бисмарк: Дипломатия и милитаризм*. М., 1968; *Он же. Колониальная экспансия капиталистических держав и освободительное движение народов Южной Африки и Китая в XVII—XIX вв.* М., 1974. О нём см.: *Гинцберг Л. И., Поздеева Л. В. А. С. Ерусалимский // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 345—358.*

¹⁴⁶ **Поршнев Борис Федорович** (22.02(07.03).1905, Петербург — 26.11.1972, Москва) — советский историк, специалист по истории Франции Нового времени, по теории и философии феодального общества. Учился в Петроградском университете (1921 г.), окончил факультет общественных наук Первого МГУ в 1925 г., учитель В. П. Волгин. Аспирант (научный сотрудник) Института истории РАНИОН с 1926—1929 гг. В 1930—1932 гг. доцент Северокавказского коммунистического вуза, Государственного политехнического института в Ростове-на-Дону. В 1932—1936 гг.

профессор Московского коммунистического университета, а также Института библиотековедения и ряда др. вузов. С 1935 по 1943 г. (с перерывом в 1941—1942 гг.) заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Московского областного педагогического института. С 1943 г. — профессор, с 1947 г. — заведующий кафедрой Новой истории исторического факультета МГУ. Параллельно старший научный сотрудник Института истории АН СССР (с 1969 г. — Института всеобщей истории), заведующий сектором с 1957 г. Докторская диссертация в сфере исторических наук в 1940 г. (издана: Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.; Л., 1948 г.), в сфере философских наук в 1966 г. (опубликовано: Феодализм и народные массы. М., 1964 г.). Посмертно переиздана в 1979 г. его книга «Социальная психология и история». М., 1969 г., и впервые опубликовано исследование: *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976 г. О нём см.: Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 374—376.

¹⁴⁷ **Манфред Альберт Захарович** (15(28).08.1906, Петербург — 16.12.1976, г. Москва) — советский историк, специалист по истории Франции XVIII — начала XX вв. Учился в Первом МГУ и РАНИОН (аспирант), ученик Е. В. Тарле, В. П. Волгина, В. М. Далина. Кандидат исторических наук в 1942 г., доктор исторических наук в 1950 г. (диссертация «От Франкфуртского мира до союза с Россией (1871—1891 гг.)»). В 1940—1948 гг. профессор, заведующий кафедрой Новой и Новейшей истории Московского областного педагогического института, в 1953—1958 гг. — профессор Московского государственного института иностранных языков. С 1948 по 1976 г. — старший научный сотрудник, заведующий сектором Новой и Новейшей истории Института истории АН СССР (с 1969 г. Института всеобщей истории). Член президентского Совета общества дружбы «СССР — Франция». Посмертно переиздана его книга «Наполеон Бонапарт» (впервые опубликовано: М., 1971, переиздавалась и при жизни автора), впервые опубликованы: *Манфред А. З.* Три портрета эпохи Великой Французской революции. М., 1977. О нём см.: Россия и Европа: Дипломатия и культура. М., 2002. Вып. 2. Памяти А. З. Манфреда.

¹⁴⁸ **Смирин Моисей Менделевич** (23.10(04.11).1895, г. Диена Виленской губ. — 20.05.1975, г. Москва) — советский историк, специалист по истории Западной и Центральной Европы позднего Средневековья и раннего Нового времени. Учился в Смоленском институте народного образования, окончил факультет общественных наук Первого МГУ в 1925 г. В 1926—1929 гг. — аспирант (научный сотрудник) Института истории РАНИОН. В 1930—1934 гг. преподавал в университете и педагогическом институте в г. Горьком, в 1935—1940 г. — в Московских педагогических институтах им. В. И. Ленина и К. Либкнехта. Параллельно с 1935 г. старший научный сотрудник Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры, а с 1938 г. по 1975 г. старший научный сотрудник сектора истории Средних веков Института истории АН СССР (с 1969 г. Института всеобщей истории). Кандидат исторических наук в 1938 г., доктор исторических наук в 1946 г. (диссертация опубликована: «Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война». М.; Л., 1947; 2-е изд. 1955; книга переведена на немецкий, венгерский, польский языки). Посмертно

издан сборник его работ: *Смирин М. М.* Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978. Список его трудов и работы о нём см.: Средние века. Вып. 39. М., 1975; Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 426—427.

¹⁴⁹ Защита состоялась в мае 1929 г.

¹⁵⁰ В Риме Л. В. Черепнин был осенью 1969 г.

¹⁵¹ **Парадизов Петр Павлович** (13(26).01.1906, с. Юдиново Жиздринского у. Калужской губ. — 20.06.1937, Москва) — советский историк, специалист по истории промышленности, рабочего движения и общественной мысли в России XVIII—XIX вв. Учился в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской в 1924—1925 гг. Аспирант (научный сотрудник) Института истории РАНИОН в 1926—1929 гг., ученик М. Н. Покровского и В. И. Невского. В 1928—1930 гг. преподавал на историко-этнографическом факультете Первого МГУ, член авторского коллектива по написанию работы о Прохоровской мануфактуре. В 1930—1931 гг. преподавал в Воронежском университете. С 1932 г. по 1935 г. в Институте истории Коммунистической академии один из руководителей группы по истории пролетариата в России, заместитель ответственного редактора сборников «Литературное наследие». Арестован в феврале 1935 г., расстрелян. Реабилитирован. О нём см.: *Никитин Е. Н.* Архив историка П. П. Парадизова // Археографический ежегодник за 1988 г. М., 1989; *Артизов А. Н.* Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х гг.) // Вопросы истории. 1994. № 7.

¹⁵² **Ульянов Николай Иванович** (10(23).12.1904, Гдовский у. Петербургской губ. — 07.03.1985, Нью-Хевен, США) — советский и американский историк, специалист по истории XVI—XVIII вв. Окончил историко-архивное отделение факультета языкознания и материальной культуры в 1925 г., ученик С. П. Платонова. В 1927—1929 гг. аспирант Института истории РАНИОН, в 1929—1930 гг. — Института истории Коммунистической академии. Преподавал в 1930—1933 гг. в Архангельском педагогическом институте, с 1933 г. — доцент Ленинградского института философии, литературы, истории, параллельно был научным сотрудником в Археографической комиссии при АН СССР. Арестован в 1936 г. в связи с разгромом школы Покровского, отбывал наказание в Соловецком лагере и в Норильске. В 1941 г. в окружении попал в плен и был вывезен в Германию, в 1945 г. оказался в американской зоне оккупации. В Марокко с 1947 г., в Канаде в 1953—1955 гг., с 1955 г. в Нью-Йорке, лектор по русской истории и литературе в Йельском университете в 1956—1973 гг. О нём см.: Отклики: Сб. статей памяти Н. И. Ульянова (1904—1985). Нью-Хейвен, 1986; *Багдасарян В. Э.* Историография русского зарубежья: Н. И. Ульянов. М., 1997; *Он же.* Ульянов Н. И. // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 758—763.

Мавродин Владимир Васильевич (9(22).02.1908, Кишинев — 20.11.1987, Ленинград) — историк, специалист по отечественной истории X—XVIII вв. Окончил ленинградский государственный университет в 1930 г. (факультет языкознания и материальной культуры), ученик Б. Д. Грекова. В 1930—1932 гг. работал в Ленинградском историко-лингвистическом институте, затем до конца жизни в Ленинградском университете: доцент с 1932 г., профессор и заведующий кафедрой с 1940 г. по 1983 г., декан

исторического факультета с 1940 г. по 1982 г. Доктор исторических наук с 1940 г., диссертация «Очерки истории левобережной Украины с древнейших времен до середины XIV в.» опубликована (Л., 1940). Основные работы посвящены истории Древней Руси, формированию древнерусской народности и государства (монографии 1940 г., 1946 г., 1971 г., 1978 г.), складыванию единого русского государства (книга 1951 г.), реформам и личности Петра I (монографии 1948 г., 1978 г., посмертно изданная книга 1988 г.), крестьянской войне XVIII в. (монографии 1961 г. и 1975 г.). Список его трудов см.: Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры: К 80-летию профессора А. Ю. Мавродина. Л., 1987. О нём см.: *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Мавродин В. В. // *Историки России: Биографии.* М., 2001. С. 773—782. Поездка В. В. Мавродина в США состоялась в апреле 1961 г. (сообщено А. Ю. Дворниченко).

¹⁵³ **Буркин Николай Георгиевич** (1894, д. Ольгино Вяземского у. Смоленской губ. — 08.04.1962, Чебоксары) — журналист, поэт, историк-краевед. Окончил Смоленский государственный университет. В 1926—1929 гг. аспирант Института истории РАНИОН. Кандидат исторических наук, доцент. Его книга «1905 г. в Смоленской губернии», основанная на архивных материалах и воспоминаниях участников событий, опубликована в 1926 г. После 1945 г. находился на научно-педагогической работе в Чебоксарах.

¹⁵⁴ **Желубовская Энна Адольфовна** (1898, Бобруйск — 09.01.1970, Москва) — советский историк, специалист по истории Франции XIX в. (монография «Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции» М., 1955), истории международного рабочего движения, Первого интернационала. Окончила факультет общественных наук Первого МГУ (1925), аспирантка Института истории РАНИОН под руководством В. П. Волгина и Н. М. Лукина. В 1930—1933 гг. преподавала в Горьковском университете. С 1933 г. сотрудник Института Маркса-Энгельса-Ленина, с 1935 г. — научный сотрудник Института истории АН СССР (с 1969 г. Института всеобщей истории). Доктор исторических наук в 1955 г.

¹⁵⁵ Научный сотрудник Института Маркса, Энгельса, Ленина был арестован в январе 1935 г., старший научный сотрудник Института истории Коммунистической академии — в феврале 1935 г.

¹⁵⁶ **Сперанский Михаил Нестерович** (07(19).04.1863, Москва — 12.04.1938, там же) — русский филолог, фольклорист, византист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета по славянскому отделению в 1885 г., сдал магистерские испытания в 1889 г., в 1890—1892 гг. продолжил научные занятия за рубежом, в 1895 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Апокрифические евангелия». Тогда же стал профессором Нежинского историко-филологического института кн. Безбородько. Докторскую диссертацию («Из истории отреченных книг») защитил в 1899 г. Профессор Московского университета в 1907—1923 гг. С 1902 г. — член-корреспондент Академии наук, в 1921—1934 гг. (до ареста) действительный член Академии наук СССР. Заведовал отделом рукописей Государственного Исторического музея с 1921 г. В апреле 1934 г. арестован по «делу славистов», приговорен к 3-летней ссылке в Уфу, приговор изменен на условный в ноябре 1934 г. Реабилитирован в 1990 г. О нём

см.: *Савельева Н. В.* Сперанский Михаил Нестерович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 5. С. 43—45.

¹⁵⁷ **Щепкина Марфа Вячеславовна** (18(30).03.1894, Москва — 23.02.1984, там же) — русский славист и палеограф. Окончила историко-филологический факультет Высших женских курсов в Москве в 1919 г. С 1919 по 1981 г. работала в отделе рукописей ГИМ, заведующая отделом — с 1954 г., с 1976 г. — научный консультант. Доктор исторических наук с 1964 г. Список ее работ см.: Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 38. С. 537—539.

¹⁵⁸ **Гривнин Илья Соломонович** (1883, Смоленск — февраль 1942 г., Ленинград) — скончался во время блокады Ленинграда (упомянут: Блокада, 1941—1944, Ленинград. Книга памяти. Т. 7).

¹⁵⁹ **Рождественский Сергей Васильевич** (25.08(06.09).1868, Петербург — 17.06.1934, Томск) — российский и советский историк, архивист. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1891 г., ученик В. Г. Васильевского и С. Ф. Платонова. Оставлен при университете «для приготовления к профессорскому званию», причислен на службу в Министерство народного просвещения с 1895 г., с 1903 г. — член Ученого комитета Министерства. Магистр с 1897 г. (диссертация опубликована: «Служилое землевладение в Московском государстве XVI в.». СПб., 1897). Профессор в Александровском лицее в 1907—1913 гг. Доктор с 1912 г. (диссертация опубликована: «Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX вв.» Т. 1. СПб., 1912 г.). Ординарный профессор историко-филологического факультета Петербургского университета в 1913—1918 гг. Параллельно профессор женского педагогического института в Петербурге в 1912—1917 гг. После Октября 1917 г. был заведующим кафедрой русской истории на факультете языкознания и материальной культуры Петроградского / Ленинградского университета в 1919—1927 гг., профессор Первого и Второго педагогических институтов. Параллельно в 1924—1927 гг. научный сотрудник Публичной библиотеки, в 1925—1929 гг. помощник, затем исполняющий обязанности директора библиотеки Академии наук. Член-корреспондент Российской академии наук с 1920 г. Арестован в 1929 г. по «академическому делу», в 1931 г. осужден к 5 годам ссылки в Томск. Реабилитирован. О нём см.: Груздева Е. Н. Историк-археолог-архивист: С. В. Рождественский // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002.

¹⁶⁰ **Андреев Александр Игнатьевич** (12(24).03.1887, С-Петербург — 12.04.1959, Ленинград) — российский советский историк и источниковед, специалист по истории России XVII—XIX вв. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1916 г., ученик А. С. Лаппо-Данилевского и А. Е. Преснякова. С 1911 г. (еще в годы учебы в университете) работал в Постоянной исторической комиссии Российской академии наук (после 1926 г. — Постоянная историко-археологическая комиссия), ее ученый секретарь с 1921 г. Читал курсы и вел семинары с 1917 по 1927 гг. в Археологическом институте, в Ленинградском государственном университете. В 1929 г. арестован по «академическому делу историков», приговорен к 5 годам

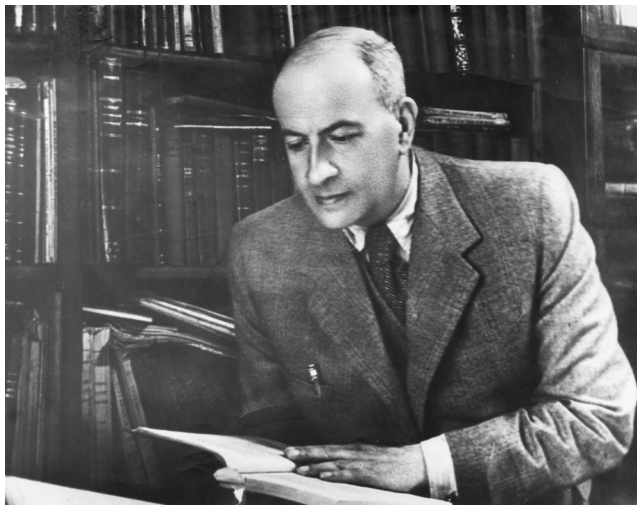
Л. В. Черепнин в комнате сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР (кон. 1960-х) Автограф

Черепнин

Л. В. Черепнин выступает с докладом на конференции (ок. 1954)

Профессор К. В. Базилевич
(кон. 1940-х)

Профессор А. А. Новосельский
(сер. 1930-х)

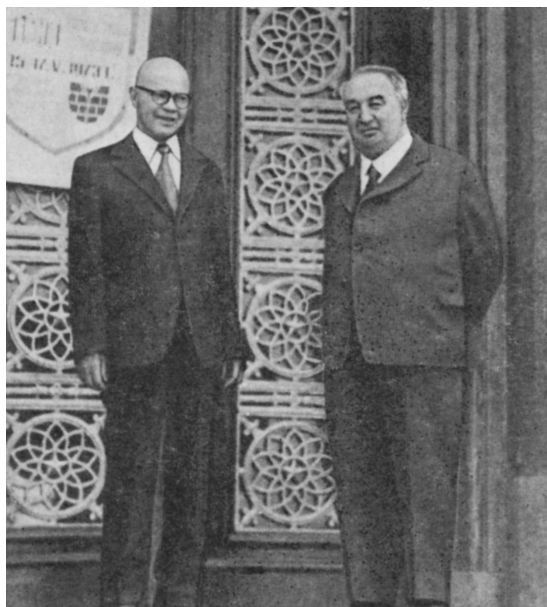
Л. В. Черепнин с учеником,
профессором
А. М. Сахаровым,
на кафедре истории СССР
до XIX в. истфака МГУ
(нач. 1950-х)

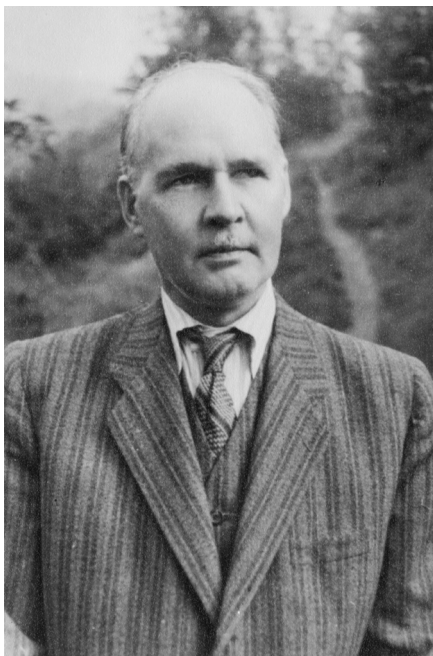
Л. В. Черепнин с группой молдавских историков.
Второй справа Н. А. Мохов, первый слева П. В. Советов (1-я пол. 1950-х)

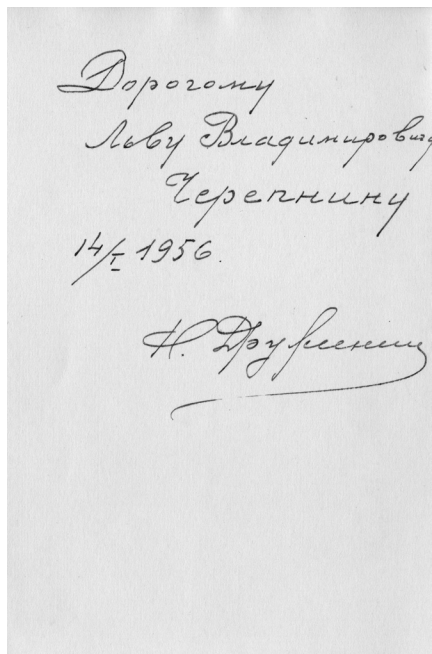
Л. В. Черепнин и чл.-корр. АН Молдавской
ССР Н. А. Мохов, май 1972, Кишинев

Л. В. Черепнин около здания
Саратовского краеведческого музея
(нач. 1970-х)

Академик Н. М. Дружинин (1956)

Дарственная надпись
на обороте фотографии.
Автограф Н. М. Дружинина

Л. В. Черепнин и Н. М. Дружинин (1975)

Л. В. Черепнин
и доктор исторических наук
Н. А. Горская.
Санаторий АН СССР «Узкое»
(нач. 1970-х)

Профессор исторического факультета МГУ
А. Д. Горский, ученик Л. В. Черепнина
(1983)

Л. В. Черепнин за своим рабочим столом в Институте истории АН СССР (нач. 1960-х)

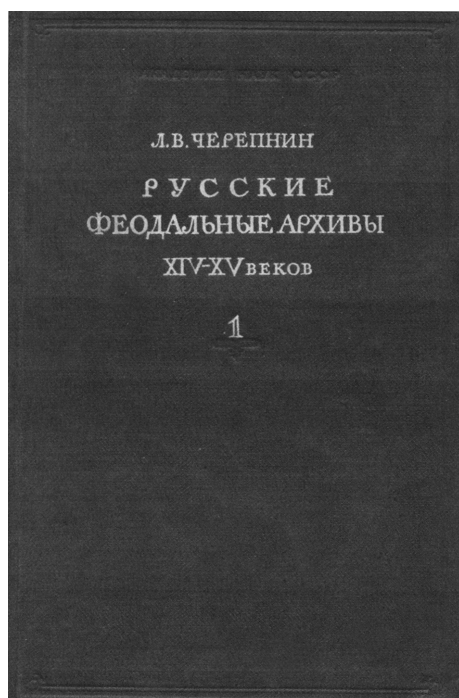
Л. В. Черепнин за своим рабочим столом в Институте истории СССР АН СССР (ноябрь 1971)

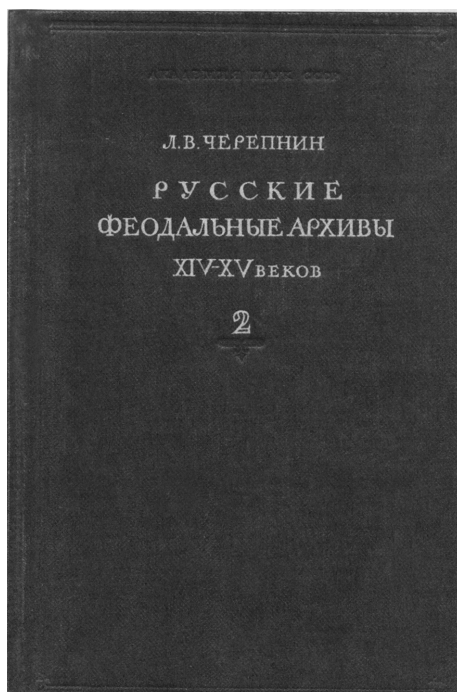
Л. В. Черепнин выступает на Ученом совете
Института истории АН СССР (нач. 1960-х)

Л. В. Черепнин в перерыве заседаний
Международного конгресса исторических наук в Москве
(август 1970)

Черепнин Л. В.
Русские феодальные архивы XIV—XV вв.
Ч. 1. М.; Л., 1948. Переплет тома

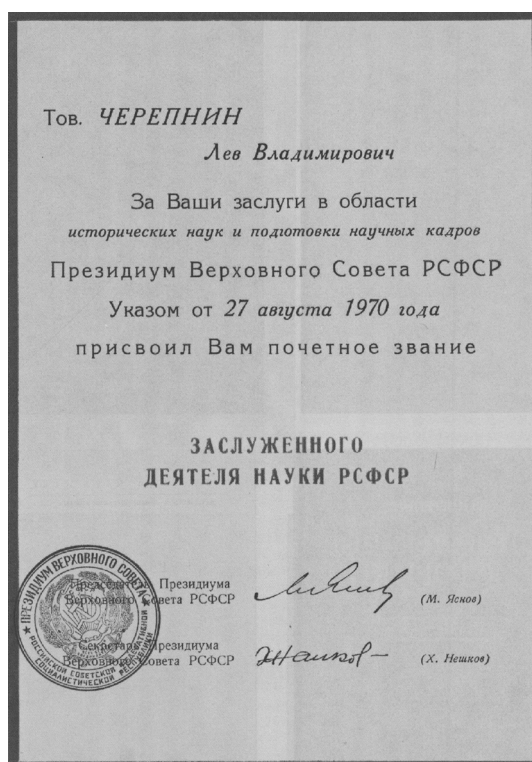

Черепнин Л. В.
Русские феодальные архивы XIV—XV вв.
Ч. 2. М., 1951. Переплет тома

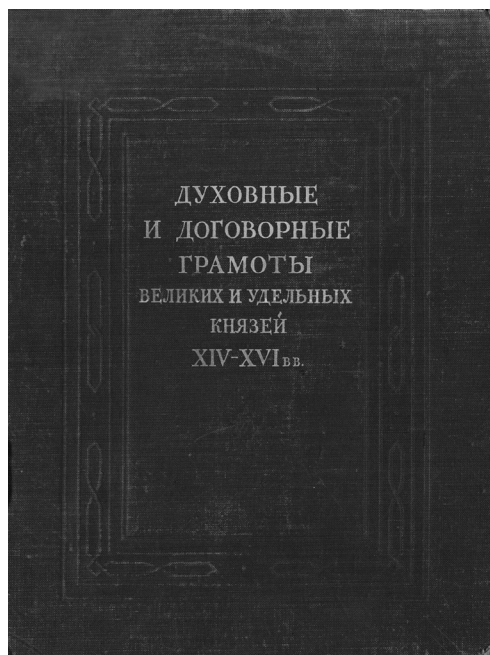

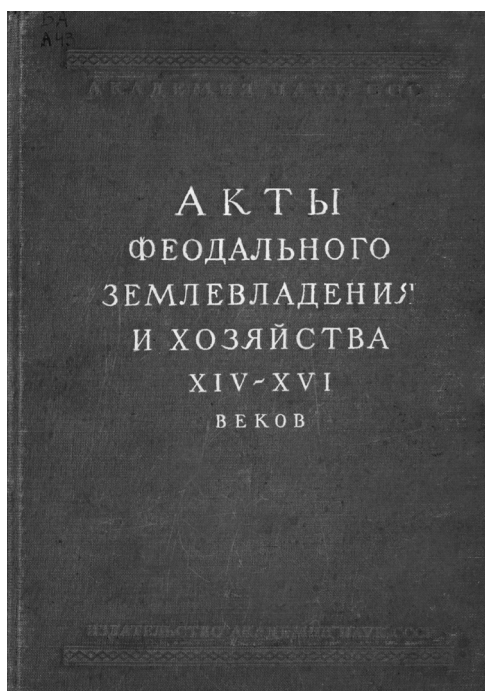
Л. В. Черепнин за своим столом в рабочем кабинете
Института истории СССР АН СССР (нач. 1970)

Грамота Президиума Верховного совета РСФСР
о присвоении Л. В. Черепнину почетного звания
«Заслуженного деятеля науки РСФСР»
(27 августа 1970)

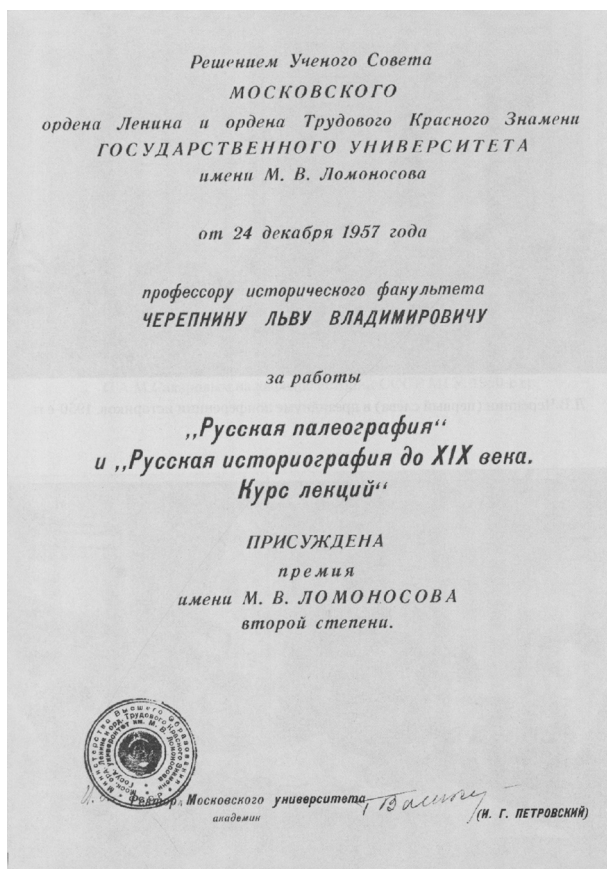
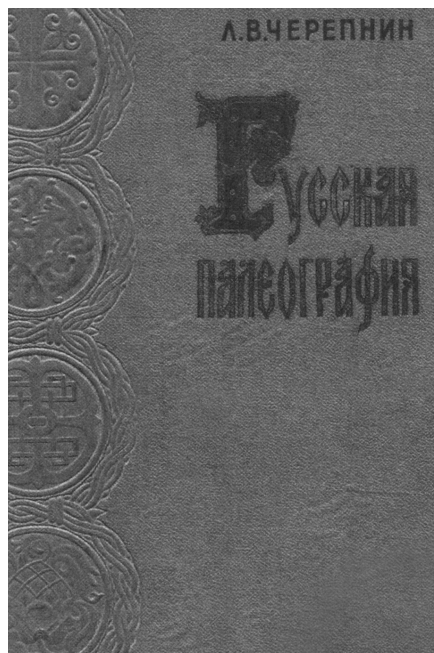
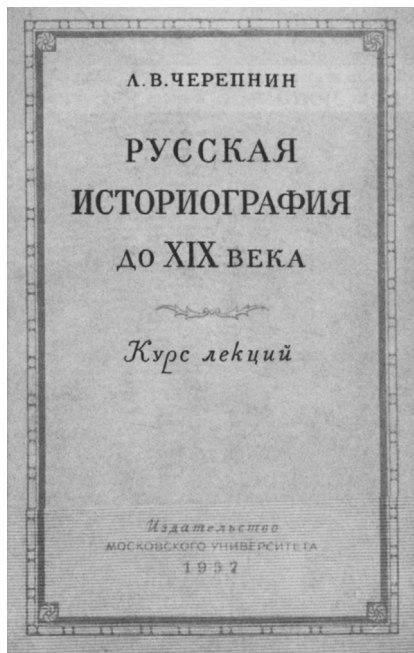

Духовные и договорные грамоты
великих и удельных князей
XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
Подготовил к печати Л. В. Черепнин.
Переплет тома

Акты феодального землевладения
и хозяйства XIV—XVI веков.
Ч. 1. М., 1951. Подготовил к печати
Л. В. Черепнин. Переплет тома

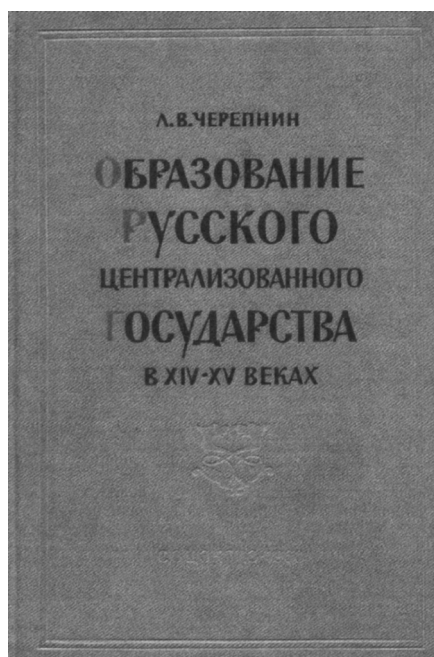

Черепнин Л. В.
Русская историография
до XIX века. Курс лекций.
М., 1957. Переплет книги

Черепнин Л. В.
Русская палеография.
М., 1956. Переплет книги

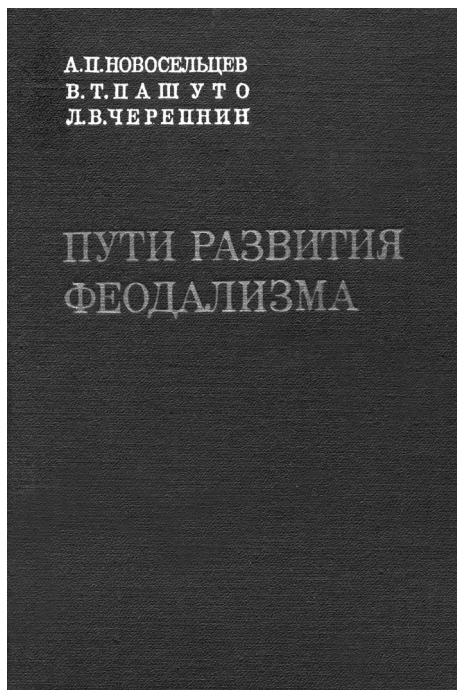
Диплом лауреата
Ломоносовской премии,
присужденной
Л. В. Черепнину решением
Ученого совета МГУ
(24 декабря 1957)

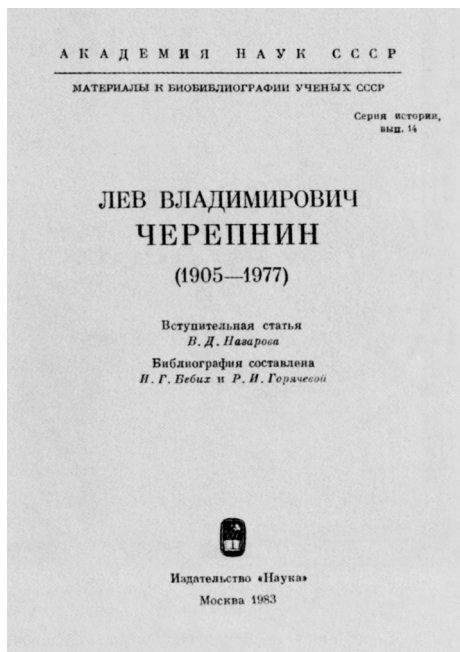
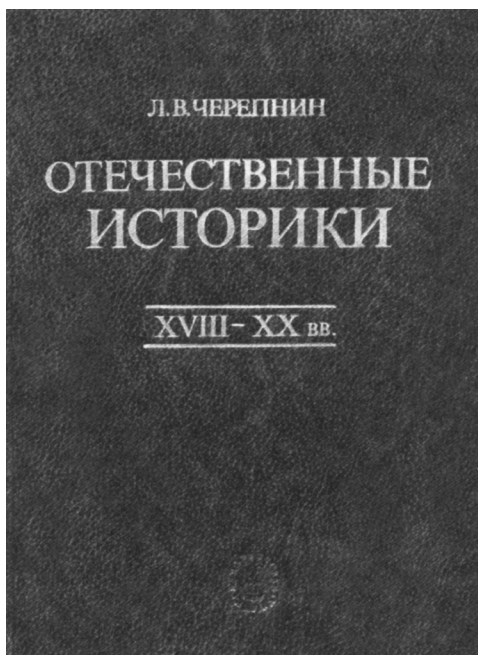
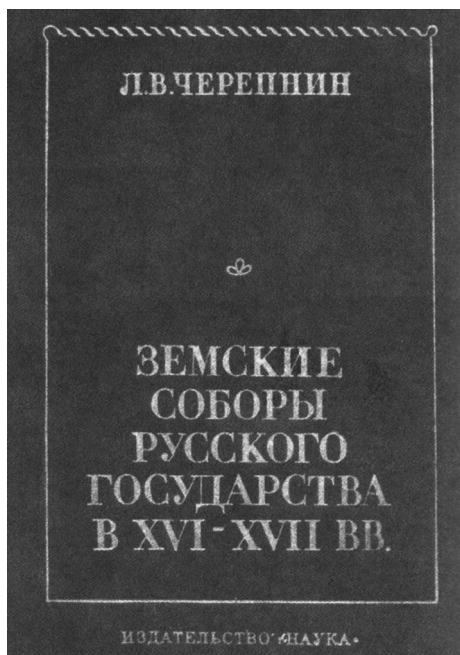

Черепнин Л. В.
Образование Русского централизованного
государства в XIV—XV веках.
М., 1960. Переплет книги

Черепнин Л. В.
Новгородские берестяные грамоты
как исторический источник.
М., 1969. Переплет книги

*Новосельцев А. Л., Пацуто В. Т.,
Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма.
М., 1972. Переплет книги

Черепнин Л. В.
Земские соборы Русского государства
в XVI—XVII вв. Переплет книги

Черепнин Л. В.
Отечественные историки XVIII—XX вв.
М., 1984. Переплет тома

Лев Владимирович Черепнин.
Материалы к библиографии ученых СССР.
Серия история. Вып. 14. М., 1983.
Обложка книги

**СОСЛОВИЯ, ИНСТИТУТЫ
И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ
В РОССИИ**

СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

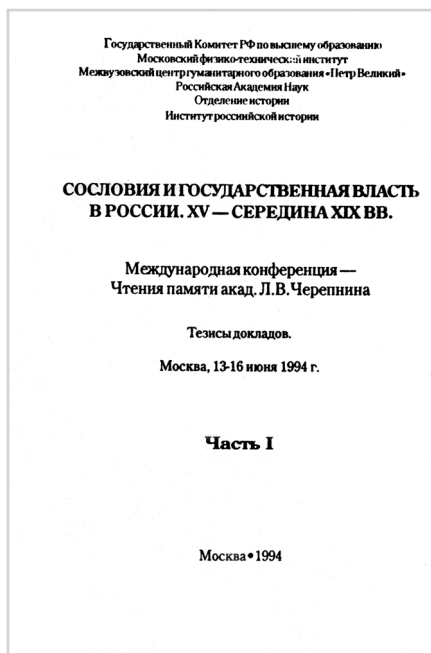
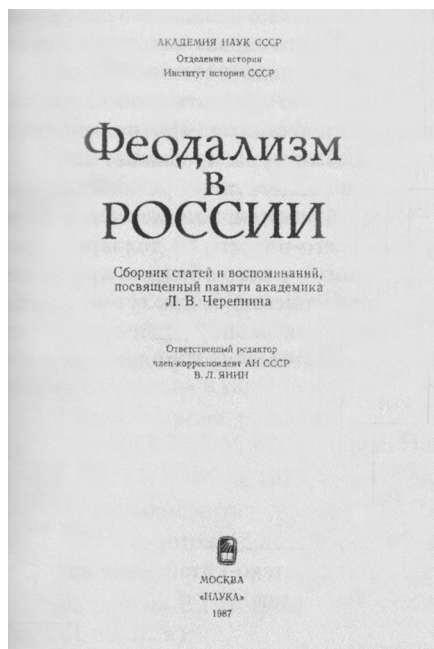
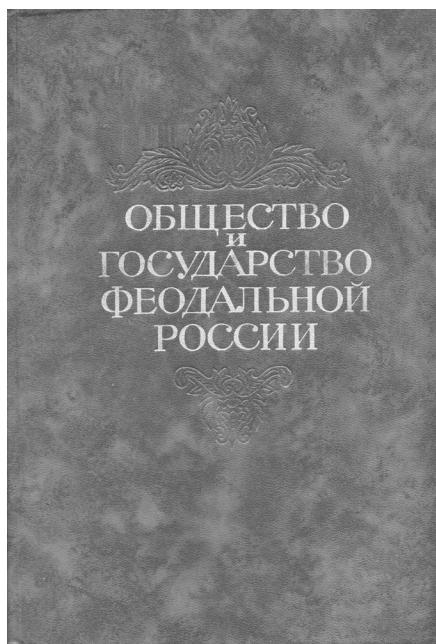
**СБОРНИК СТАТЕЙ ПАМЯТИ
АКАДЕМИКА Л. В. ЧЕРЕПНИНА**

Сословия, институты и государственная власть в России.

Средние века и раннее Новое время.

Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина.

М., 2010. Переплет тома

Общество и государство феодальной России.
Сборник статей, посвященный
70-летию акад. Л. В. Черепнина.
М., 1975. Переплет тома

Феодализм в России. Сборник статей
и воспоминаний, посвященный памяти
акад. Л. В. Черепнина. Титульный лист
книги.

Сословия и государственная власть в России.
XV — середина XIX вв.
Международная конференция —
Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина.
Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1994.
Титульный лист книги

Л Черепнин

Л. В. Черепнин за своим рабочим столом
в Институте истории СССР АН СССР (нач. 1970-х)

ссылки в Красноярский край. В 1933—1935 гг. — старший научный сотрудник Енисейского музея, описал ряд коллекций (нумизматическую, местной прессы и др.). Вернулся в Ленинград в 1935 г., в 1935—1941 гг. — старший научный сотрудник Института народов Севера и Института этнографии, с 1936 г. работал также в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. Доктор исторических наук с 1940 г. (диссертация опубликована: «Очерки по источниковедению Сибири. XVII в.» Л., 1940; 2-е изд. М.; Л., 1960). В эвакуации с 1942 г., в 1943 г. вернулся в Москву, работал старшим научным сотрудником Института истории, профессор (с 1945 г.) и заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин в Московском государственном историко-архивном институте (1943—1949 гг.). На заседаниях Ученого совета института в октябре 1948 г. и апреле 1949 г. подвергся в ходе кампании по борьбе с космополитизмом жесточайшей идеологической критике (еще в 1947 г. Е. Н. Данилова, принятая в штат института по рекомендации А. И. Андреева, написала на него донос в Свердловский райком ВКПб), он был обвинен в «преклонении перед Западом», в «Лапподанилевщине». В итоге в июне 1949 г. он был уволен, еще ранее в 1948 г., после аналогичных выступлений в Институте истории АН СССР с критикой в его адрес Андреев подает в отставку. Благодаря действиям президента Академии наук С. И. Вавилова вернулся в Ленинград, с 1949 г. работал в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники АН СССР, в 1956—1959 гг. был зав. библиотекой Ленинградского отделения Института истории. Член бюро Археографич. комиссии АН СССР. Его автобиография от 25 февраля 1945 г. опубликована (*Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 44—50.), автобиографию 1958 г. см.: С.Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 934. Оп. 2, д. 2. Список его работ см.: Археографич. ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 496—501. О нём см.: *Гольдберг Л. А.* А. И. Андреев как историк-географ // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 288—299; *Преображенский А. А.* Творческий путь А. И. Андреева // Археографич. ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 113—121; *Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин (МГИАИ). М., 1990.

¹⁶¹ **Лихачев Николай Петрович** (12(24).04.1862, г. Чистополь Казанской губ. — 19.04.1936, Ленинград) — российский и советский историк, выдающийся палеограф, археограф, генеалог, специалист по сфрагистике и истории древнерусской иконописи. Окончил историко-филологический факультет Казанского университета в 1884 г. Магистр в 1888 г. (диссертация опубликована: «Разрядные дьяки XVI в.». СПб., 1886), доктор в 1891 г. (диссертация опубликована: «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве: Историко-археографический очерк». СПб., 1891). В 1888—1892 гг. — приват-доцент Казанского университета, профессор Петербургского Археологического института в 1892—1922 гг. (основал в нём кафедру дипломатики и сфрагистики), параллельно приват-доцент в Петербургском университете в 1895—1903 гг. Член Археографической комиссии Академии наук с 1894 г., помощник директора Публичной библиотеки в 1902—1914 гг. Член-корреспондент Российской академии наук в 1912 г. Член-учредитель в 1897 г. и член совета Русского генеалогического общества (по 1918 г.). После 1917 г. научный сотрудник Государственной

академии истории материальной культуры с 1919 г., основатель и директор Музея палеографии АН СССР в 1925—1930 гг., который располагался в особняке, принадлежавшем ранее Н. П. Лихачеву. Обширные коллекции, собиравшиеся Лихачевым на личные средства на протяжении более чем 30 лет и стали фондами музея; ныне они включены в состав фондов Эрмитажа, Русского музея, Библиотеки Российской академии наук в С.-Петербурге, а также в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (ф. Н. П. Лихачева). Именно по этому дому Лихачев и водил аспиранта Черепнина. Действительный член Академии наук СССР с 1925 г. Арестован в 1930 г. по «академическому делу историков». Выслан на 5 лет в Астрахань. Возвращен в Ленинград в 1933 г. и работал по договорам. Реабилитирован. Посмертно в 1960 г., 1989—1991 гг. опубликовано шесть его статей (по преимуществу по вопросам сфрагистики), а также том: «Моливдовуки греческого Востока: К XVIII Международному конгрессу византистов». М., 1991. Личный фонд Н. П. Лихачева (более 1050 дел) хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 246). Значению работ Н. П. Лихачева в развитии источниковедения и специальных исторических дисциплин были посвящены международные конференции, организованные Санкт-Петербургским институтом истории РАН (см.: Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин: К 140-летию академика Николая Петровича Лихачева (1862—1936) и 100-летию Дома Н. П. Лихачева в Санкт-Петербурге. Тезисы докладов конференции. С.-Петербург, 3—5 декабря 2002 г. СПб., 2002; Тексты ряда докладов изданы: «Вспомогательные исторические дисциплины». Т. 29. СПб., 2008), а также Эрмитажем (2012 г.). Список его работ см.: *Простоловцова Л. Н.* Н. П. Лихачев: Судьба и книги: Библиографический указатель. М., 1992. О нём см.: *Янин В. Л.* К 100-летию со дня рождения Н. П. Лихачева // Советская археология. 1962. № 2; К 60-летию со дня смерти академика Н. П. Лихачева. СПб., 1998.

¹⁶² **Васенко Платон Григорьевич** (10(22).08.1874, Петербург — 10.04.1942, Владимир) — российский и советский историк, археограф. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1896 г. с золотой медалью, ученик С. Ф. Платонова. Магистр в 1904 г. (диссертация опубликована: «Степенная книга и ее значение в древнерусской исторической письменности». СПб., 1904. Ч. 1; вторая его монография о том же памятнике — «Составные части Книги Степенной царского родословия». СПб., 1908). Преподавал на Педагогических курсах при Мариинской женской гимназии в 1898—1903 гг., в двух женских гимназиях (в 1898—1907 гг. и в 1899—1913 гг.), экстраординарный профессор в Училище правоведения в 1913—1917 гг., преподаватель, затем профессор Женского педагогического института в Петербурге (1913—1920 гг.). Член Археографической Комиссии Российской академии наук с 1906 г., вместе с С. Ф. Платоновым издал «Новый летописец» (Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. XIV; фототип. переизд. М., 2000), автор и член авторского коллектива ряда исследований и научно-популярных изданий к 300-летию династии Романовых. Член Ученого комитета при Министерстве народного просвещения в 1913—1917 гг. Профессор Первого педагогического института в Петрограде в 1918—1920 гг., работал в Петроградском отделении Центрархива в 1918—1923 гг., в Библиотеке Академии наук в 1924—1929 гг. (последовательно библиотекарь, научный сотрудник, ученый хранитель), параллельно в 1926—1928 гг. профессор кафедры

Русской церковной истории на Высших богословских курсах. Уволен в декабре 1929 г., арестован в январе 1930 г., приговорен к 10 годам в лагере на Соловках. Возвращен весной 1933 г., проживал во Владимире. По заказу Государственного литературного музея пересказал услышанные им от разных лиц факты петербургской жизни (*Васенко П. Г. Мелочи прошлого быта: Анекдотические факты из жизни.* СПб., 2004) и составил первую часть мемуаров, см.: *Васенко П. Г. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / Подгот. к печати Н. П. Матханова.* Новосибирск, 2014 (в томе помещены тексты пересказа «анекдотов», писем П. Г. Васенко и наиболее полная его биография). Реабилитирован. К моменту встречи П. Г. Васенко с Л. В. Черепнинным скончалась в 1925 г. вторая его жена. С ним жили две его сестры, сын (от первого брака) и четыре дочери от второго брака.

¹⁶³ **Платонов Сергей Федорович** (16(28).06.1860, Чернигов — 10.01.1933, Самара). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1882 г., ученик К. Н. Бестужева-Рюмина, В. Г. Васильевского, В. И. Сергеевича. Оставлен в университете «для приготовления к профессорскому званию», параллельно преподавал историю в гимназиях. Магистр в 1888 г. (диссертация опубликована: «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник». СПб., 1888), приват-доцент, с 1890 г. — профессор кафедры русской истории на историко-филологическом факультете Петербургского университета, в 1900—1905 гг. — декан факультета. Доктор истории с 1899 г. (диссертация опубликована: «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.». СПб., 1899). Член-корреспондент Российской академии наук с 1909 г. Директор Женского педагогического института в 1903—1916 гг. Преподавал также в Петербургском Археологическом институте, Академии генерального Штаба, Александровской военно-юридической академии. После Октября 1917 г. — на руководящих постах в Главархиве (Петроградском отделении), с 1918 г. председатель Археографической комиссии. С 1920 г. — действительный член Российской академии наук. В 1925—1929 г. — директор Пушкинского дома (Института русской литературы) и одновременно в 1925—1928 гг. — директор Библиотеки Академии наук СССР. В 1929 г. — академик-секретарь отделения гуманитарных наук АН СССР. Арестован в 1930 г., сослан в Самару на 5 лет. Реабилитирован. Список работ см.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг., 1922; Список печатных трудов академика С. Ф. Платонова (с 1923 г.; подгот. В. А. Колобков) // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. О нём см.: Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1; *Цамутали А. Н.* Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // *Историки России. XVIII — начало XX века.* М., 1996; *Шмидт С. О.* Сергей Федорович Платонов // *Портреты историков: Время и судьбы.* Т. 1: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000. С. 100—135; Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: Исследования и материалы. СПб., 1911. В готовящемся к изданию собрании сочинений С. Ф. Платонова в 6 томах опубликованы: Т. 1. М., 2010 и Т. 3. М., 2012.

¹⁶⁴ **Таиров (Корнблит) Александр Яковлевич** (24.06(06.07).1885, г. Ромны Полтавской губ. — 25.10.1950, Москва) — актер и театральный режиссер. С 1904 г. играл

в разных театрах и труппах на сценах Киева, Петербурга, Риги, Симбирска. В 1913 г. поступил в Свободный театр К. А. Марджанова. В 1914 г. вместе со своей женой А. Коонен и группой молодых артистов основал Камерный театр, один из ведущих театров Москвы в 1920—1940-е гг. Таиров был снят с должности осенью 1949 г., а театр был закрыт в 1950 г. в ходе кампании по борьбе с космополитизмом. Таиров получил назначение в театр им. Вахтангова, но реально к работе не приступил.

¹⁶⁵ **Коонен Алиса Георгиевна** (05(17).10.1889, Москва — 20.08.1974, там же) — актриса. В 1905 г. поступила в Москов. художественный театр, училась у К. С. Станиславского. Дебют на сцене МХТ в 1906 г., первая большая роль — в 1908 г. В 1913 г. перешла в Свободный театр К. А. Марджанова. В 1914 г. с мужем (А. Я. Таировым) основала Камерный театр и проработала в нём до осени 1949 г., когда на последовала за мужем. Ее мемуары печатались в журналах «Театр» (1960, № 11) и «Театральная жизнь» (1961, № 11—13).

¹⁶⁶ В личном деле Л. В. Черепнина в текущем архиве РАНИОН хранятся следующие документы о последних месяцах его аспирантского периода: 1) Справка (копия) за № 77 от 16.01.1929 г. о том, что Л. В. Черепнин «состоит аспирантом Института истории и получает стипендию до 1 мая 1929 г., к каковому сроку заканчивает аспирантуру» (ГАРФ, ф. А-4655, оп. 2, д. 764, л. 23; подпись секретаря отдела подготовки РАНИИОН Рыбкина; 2) Отзыв о работе аспиранта Черепнина Л. В. в секции русской истории (подлинник, там же, л. 2); в отдельной графе учтено количество посещений заседаний секции (дата 11.05.1929), в другой число докладов и выступлений (дата 11.05.1929), в третьей графе оценка: «Прекрасный работник в области изучения источников» (автограф В. И. Невского с его подписью) и ниже карандашом: «не марксист» (автограф С. И. Пионтковского). Текст оценки повторен в машинописной копии перечня оценок работы Черепнина по всем секциям, где названы и Невский, и Пионтковский (там же, л. 13 об.); 3) Копия выписки из протокола заседания Президиума РАНИИОН от 11.06.1929 г.: «Считать, что аспиранты Макаров, Шунков, Черепнин выполнили учебный план неудовлетворительно ввиду неусвоения марксистской методологии. Считать Макарова, Шункова, Черепнина выбывшими из состава аспирантов Института» (там же, л. 9); 4) Тем же числом датировано заявление аспиранта Л. В. Черепнина о предоставлении ему права подачи диссертации до 1 октября 1929 г. (там же, л. 11; подлинник, автограф Черепнина с его подписью; на документе нет никаких резолюций).

То, что Л. В. Черепнин «выбыл» из числа аспирантов Института истории в июне 1929 г. подтверждает документ из его личного дела в РГБ. 18 июля 1929 г. датировано его заявление на имя директора Публичной библиотеки имени Ленина с просьбой зачислить на работу «по отделу рукописей» (Архив РГБ, оп. 22, ед. хр. 854. Л. 2). Это подлинник (рука Л. В. Черепнина и его подпись) с тремя резолюциями. Первая выполнена чернилами, автограф В. И. Невского: «Зачислить на временную работу на 2 месяца для составления списка рукописей с 1 августа 1929 г.», помета «согласовано с месткомом».

Вторая исполнена красным карандашом и также является автографом Невского и не упоминает о временном зачислении: «зачислить на место пом. зав. отд. рукопис[ей]

т. Черепнина. Согласовано с месткомом», дата 30.07.1929. Третья резолюция, месткома, датирована 31.07.1929 г.

Итак, Л. В. Черепнин был отчислен из Института истории РАНИОН не позднее 11 июня 1929 г. и зачислен на работу в Публичную библиотеку им. Ленина с 1 августа 1929 г.

Упомянутая чуть выше в тексте мемуаров Л. В. Черепнина его работа в Научно-технической библиотеке зафиксирована и датирована в его заявлении от 18 июля 1929 г. «С января текущего года работаю в качестве библиотекаря в Госуд. научной библиотеке НТЦ (научно-технического центра. — *В. Н.*) ВСНХ (Всесоюзного совета народного хозяйства. — *В. Н.*)». Это факт подтверждается запросом Публичной библиотеки им. В. И. Ленина в библиотеку НТЦ (датирован 25 октября 1929 г.) и ответом библиотеки НТЦ об отсутствии возражений против перехода Л. В. Черепнина (Архив РГБ, оп. 22, ед. хр. 854. Л. 2 об., 3, 4).

Никитин Сергей Александрович (12(25).06.1901, Москва — 05.12.1979, там же) — советский историк, специалист по истории южных славян и балканских народов, по источниковедению XIX в. Окончил факультет общественных наук при Первом МГУ в 1922 г., ученик С. Д. Сказкина и А. М. Селищева. Аспирант (научный сотрудник) Института истории РАНИОН в 1925—1929 гг. Арестован в 1930 г., возвращен из ссылки в 1932 г. В 1932—1935 гг. в организации «Союзоргучет», в 1935—1941 гг. работал в Московском историко-архивном институте и Московском институте литературы, философии, истории. Кандидат исторических наук с 1941 г. (диссертация «Источниковедение истории СССР, XIX в.» издана в том же году). В 1941—1961 гг. — доцент, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян (с 1947 г.) исторического факультета МГУ. Доктор исторических наук с 1947 г. («Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853—1856 гг.»). В 1947—1969 гг. заведующий сектором в Институте Славяноведения АН СССР, в 1969—1979 гг. научный сотрудник (там же). Вице-президент Славянской комиссии при Международном комитете исторических наук с 1965 г., президент с 1970 г. Список его работ: Балканские исследования. М., 1992. Вып. 14. О нём см.: Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 327—328; *Данченко С. И., Чуркина И. В. С. А. Никитин // Портреты историков: Время и судьбы. М., 2004. Т. 4. Новая и Новейшая история. С. 323—337.*

Гадзяцкий Сергей Сергеевич (06(18).06.1896 — 09.07.1946, Москва) — советский историк, специалист по истории Карелии и финно-угорского населения в Новгородской республике. Окончил факультет общественных наук Первого МГУ в 1924 г., позднее преподавал и работал в ряде библиотек. В 1941—1946 гг. был сотрудником Московского государственного историко-архивного института и вел занятия по кафедре вспомогательных исторических дисциплин, один из авторов учебного пособия по изучению русской скорописи XV—XVIII вв. (М., 1959 и 1974). Автор книг по истории Карелии. О нём см.: *Чернякова И. А. Гадзяцкий Сергей Сергеевич // Великий Новгород: История и культура IX—XVII веков. Энциклопедич. словарь. СПб., 2007. С. 132.*

¹⁶⁷ **Мендельсон Николай Михайлович** (1872, Иркутск — 1934) — педагог, фольклорист, историк литературы и общественный деятель в Иркутске в конце XIX — начале XX в. Окончил историко-филологический факультет Московского университета

в 1895 г. С сентября 1918 г. работал в библиотеке Публичного Румянцевского музея (затем Публичной библиотеки им. В. И. Ленина).

¹⁶⁸ **Цявловский Мстислав Александрович** (14(26).06.1883, Нижний Новгород — 11.11.1947, Москва) — российский и советский филолог и литературовед, выдающийся пушкинист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (словесное отделение) в 1910 г. С 1916 г. активно сотрудничал как автор и член редколлегии в журнале «Голос минувшего» (с 1923 г. — редактор журнала). Доктор филологических наук в 1940 г. Исследованию жизни и творчества А. С. Пушкина, судьбам его рукописей и архива в целом посвятил подавляющее большинство своих работ. Редактор и автор комментариев многих изданий собраний сочинений поэта и, прежде всего, «академического издания» (1937—1959 гг.). Был также редактором и комментатором собрания сочинений Л. Н. Толстого.

¹⁶⁹ **Бонди Сергей Михайлович** (13(25).06.1891, Баку — 29.08.1983, Москва) — российский и советский литературовед, текстолог, ведущий пушкинист. Окончил в 1916 г. историко-филологический факультет (словесное отделение) Петербургского университета. Активный участник пушкинского семинария С. А. Венгерова еще со студенческих лет. Первые печатные работы с 1918 г., исследовательские статьи о А. С. Пушкине публиковал с 1921 г. С 1941 г. — доцент Московского педагогического института им. В. П. Потемкина. Доктор филологических наук с 1943 г. («Вопросы ритмики стиха»). С 1950 г. — профессор кафедры истории русской литературы филологич. факультета МГУ. Автор более десяти книг и многих статей о творчестве и жизни Пушкина. О нём см.: *Селиванова С. Д.* Рядом с Пушкиным: О Сергее Михайловиче Бонди // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 367—370.

¹⁷⁰ **Ржига Вячеслав Федорович** (17(29).09.1883, Нижний Новгород — 18.07.1960, Москва) — российский и советский историк древнерусской литературы, филолог. Окончил историко-филологический факультет (словесное отделение) Московского университета в 1907 г. Первые работы изданы в 1908 г. Магистр и приват-доцент с 1914 г. (в Московском университете), один из основателей и секретарь Общества истории литературы при Московском университете. Преподавал также на Высших женских курсах в Москве. После 1917 г. работал научным сотрудником отдела Киевской Руси в Государственном Историческом музее в 1922—1929 гг. Затем профессор Москов. института философии, литературы, истории. В 1934 г. вместе с С. К. Шамбинаго подготовил и издал академическую публикацию «Слова о полку Игореве». В том же году арестован и приговорен к 5 годам лагерей в Свирьлаге, замененных в ноябре 1934 г. пятилетней ссылкой в Ташкент. Преподавал в Ташкентском педагогическом институте, затем в Сталинабаде (ныне Душанбе). Возвращен в 1939 г., профессор Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина и ряда других вузов. В 1950-е гг. был профессором МГУ. Основные работы посвящены «Слову о полку Игореве», «Задонщине», публицистическим сочинениям XVI в., повестям XVII в.

¹⁷¹ Речь идет о С. В. Житомирской (не названной прямо в тексте) и В. Г. Зиминой. **Житомирская Сара Владимировна** (28.12.1915(10.01.1916), г. Черкассы — 20.12.2002,

Москва) — советский и российский историк и архивист. Окончила исторический факультет МГУ в 1940 г. После возвращения из эвакуации завершила курс аспирантуры и в 1945 г. защитила кандидатскую диссертацию под руководством С. Д. Сказкина («Политические воззрения Франческо Гвиччердини»). С февраля 1945 г. — научный сотрудник Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, с 1952 г. заведующая Отделом рукописей, сменив П. А. Зайончковского. В этой должности она проработала почти четверть века. Ее главными принципами в организации работы Отдела стали: активный поиск и собирание новых личных собраний, фондов, отдельных рукописей и документов, бережное и ответственное хранение всего массива рукописей и документов Отдела, систематическое и последовательное описание наличных фондов и собраний с широкой информацией об этом, прежде всего в научной среде, доступность материалов Отдела для исследователей и публикаторов (в том числе в научных изданиях), как отечественными, так и зарубежными учеными. Последние два обстоятельства вызвали резко негативную реакцию и давление со стороны партийных инстанций и КГБ. В ноябре 1976 г. она была отстранена от должности заведующей Отделом и переведена на должность старшего научного сотрудника. В августе 1978 г. она была вынуждена подать заявление об уходе на пенсию. В 1985 г. были исключена из партии: в числе главных обвинений допуск ряда американских и европейских ученых к документам и рукописям фондов Булгакова, Достоевского, Шмелева (дореволюционный архив), Вяч. Иванова и др. Житомирская написала мемуары, опубликованные посмертно (*Житомирская С. В.* Просто жизнь. М., 2006; некролог см.: Археографический ежегодник за 2002 год. М., 2004. С. 475—477). **Зими́на Валенти́на Григо́рьевна** (20.12.1923, г. Ковров Владимирской области — 14.09.2013, Москва) — советский и российский архивист и историк. Училась в Ивановском педагогическом институте, затем на историческом факультете МГУ. На работе в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина с апреля 1946 г. и (с перерывами на рождение детей) по июль 1984 г. (была уволена по сокращению штатов). В 1950—1953 гг. — аспирантка при библиотеке, кандидат исторических наук с 1956 г. (научный руководитель П. А. Зайончковский). В Отдел рукописей на должность главного библиотекаря с обязанностями заместителя заведующей Отделом была переведена в ноябре 1959 г., с 1960 г. — заместитель заведующей Отдела и заведующая группой описания архивных фондов. Гонения на С. В. Житомирскую прямо сказались на В. Г. Зиминой; в августе 1978 г. она была освобождена от должности заместителя заведующей Отдела и заведующей группой описания, в июле 1984 г. сокращена (ее личное дело см.: Архив РГБ. Оп. 262, ед. хр. 469а).

¹⁷² **Сергиевский Максим Владимирович** (13(25).10.1892, Москва — 20.06.1946, Московская обл.) — российский и советский филолог и языковед. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1916 г., затем преподавал на разных факультетах МГУ, с 1924 г. профессор Московского государственного института иностранных языков. Научный консультант Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, одно время был одним из заместителей директора библиотеки. Ведущий специалист в области романского языкознания, истории французского и румынского языков, романских диалектов, а также цыганских и новогреческих диалектов, ареальных зон. Автор классического труда «Введение в романское языкознание».

¹⁷³ Этой теме посвящено исследование Л. И. Куглюковской: Судьбы сотрудников Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в период чисток и репрессий (1918—1939 гг.) // Книга в пространстве культуры. 2008. Вып. 1 (4). С. 28—46.

¹⁷⁴ **Борзов Александр Александрович** (29.07(10.08).1874, Воронеж — 06.03.1939, Москва) — российский и советский физико-географ, геоморфолог, картограф. Окончил физико-математический факультет Московского университета в 1900 г., ученик профессора Д. Н. Анучина. Оставлен в университете «для приготовления к профессорскому званию». Профессор Первого МГУ с 1918 г., доктор географических наук с 1935 г. (по совокупности опубликованных работ). Заслуженный деятель науки РСФСР в 1935 г. Почетный член географического общества СССР с 1939 г. Создатель школы геоморфологов в МГУ, исследователь русской равнины.

¹⁷⁵ Аресты в Ленинграде начались в конце 1929 г., но размах приобрели в январе-феврале 1930 г. Толчком послужило Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1929 г. Аресты московских профессоров имели место в середине августа 1930 г.

¹⁷⁶ В личном деле Л. В. Черепнина хранятся его заявления об отпуске с 20 июля 1930 г. сроком на 1 месяц и отношение заведующего отдела рукописей в «стол личного состава» о возвращении Л. В. Черепнина из отпуска 20 августа 1930 г. (Архив РГБ, оп. 22, ед. хр. 854. Л. 10, 11).

¹⁷⁷ **Тихомиров Михаил Николаевич** (19(31).05.1893, Москва — 02.09.1965, там же) — советский историк, специалист по истории России X—XVII вв. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1917 г., ученик С. В. Бахрушина, В. Н. Перетца. В 1918 г. сотрудник краеведческого музея в г. Дмитрове Московской губ., сотрудник библиотеки и преподаватель в Самаре. С 1923 г. учитель в школе и сотрудник общества изучения Московской губернии, внештатный сотрудник Государственного Исторического музея. Кандидат исторических наук с 1935 г. (диссертация опубликована: «Псковское восстание 1650 г.» М.; Л., 1935), доктор с 1939 г. (диссертация опубликована: «Исследование о Русской Правде». М., 1941), доцент (с 1934 г.), профессор (с 1939 г.) исторического факультета МГУ, параллельно с 1936 г. — научный сотрудник Института истории АН СССР. Ответственный редактор т. 25—30 Полного собрания русских летописей. Член-корреспондент АН СССР с 1946 г., действительный член — с 1953 г., академик-секретарь Отделения исторических наук в 1953—1956 гг. Инициатор восстановления Археографической комиссии АН СССР, ответственный редактор Археографического ежегодника. Основные труды посвящены истории средневековой Москвы (М., 1947), древнерусским городам (М., 1946; 2-е изд. М., 1956), России в XVI столетии (М., 1962). Посмертно переизданы и опубликованы непечатавшиеся ранее его статьи и сочинения в 6 томах. Список трудов см.: М. Н. Тихомиров. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. история. Вып. 6. М., 1963. О нём см.: *Шмидт С. О.* Михаил Николаевич Тихомиров // Портреты историков: Время и судьбы. М., 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 247—257; *Чистякова Е. В.* М. Н. Тихомиров и изучение всемирной истории // Там же. С. 258—271. Об аресте М. Н. Тихомирова

в сентябре 1930 г. и его освобождении см.: *Панеях В. М.* М. Н. Тихомиров в «Академическом деле» 1930 г. // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995.

¹⁷⁸ Лев Владимирович немного неточен: он был арестован 14 сентября 1930 г., решение «тройки» по нему состоялось 13 января 1931 г. («выслать в Северный край сроком на 3 года»). 27 января поступило предписание «отправить первым отходящим этапом в Архангельск», что и произошло 1 февраля 1931 г. (см.: *Ананьич Б. В., Панеях В. М.* Следствие в Москве по «академическому делу» 1929—1931 гг. // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 3. С. 105). Таким образом, Л. В. Черепнин пробыл в тюремном заключении в Москве 4,5 месяца.

¹⁷⁹ **Пешкова Екатерина Павловна** (урожд. Волжина, 14(26).07.1876, Сумы — 1965, Москва) — русский и советский общественный деятель, правозащитница. Первая жена писателя М. Горького (с 30.08.1896, разошлись в 1903 г.) В обществе «Красный крест» начала работу с 1913—1914 гг., с 1917 г. возглавила бюро Политического Красного креста (Московское общество Красного креста для помощи политическим заключенным), позднее заместитель председателя организации. С 1922 г. возглавила организацию помощи политическим заключенным (до 1937 г.). См. о ней: Екатерина Павловна Пешкова. Биография: Документы. Письма. Дневники. Воспоминания. М., 2012.

¹⁸⁰ Эта работа хранится в личном фонде Л. В. Черепнина, см.: Архив РАН, ф. 1791, оп. 1, д. 2—5.

¹⁸¹ **Солодовников Дмитрий Дмитриевич** (04(16).06.1872, Москва — 13.09.1944, Рязань) — историк и краевед, организатор музейной и краеведческой деятельности в Рязани. Окончил Вторую классическую гимназию в Москве с золотой медалью в 1890 г., историко-филологический факультет (историческое отделение) в 1894 г. С 1895 г. преподавал в приходских и средних учебных заведениях, участник революционного движения. Арестован в июне 1896 г., приговорен к 6-месячному заключению и 3-летней высылке в Рязань. С 1897 г. и до конца жизни проживал в Рязани. Преподавал историю и географию в ряде учебных заведений, в 1902—1917 гг. в Первой мужской гимназии. Параллельно в 1902—1918 гг. член-сотрудник, действительный член (с 1912 г.) Рязанской ученой архивной комиссии, заведующий ее библиотекой. После Октябрьской революции 1917 г. был председателем Общества исследователей Рязанского края в 1924—1927 гг., работал ученым секретарем областного краеведческого музея, преподавал в Рязанском институте народного образования до 1923 г., позднее в Рязанском педагогическом институте, где читал курс по истории Рязанского края и заведовал кафедрой краеведения. Автор ряда статей (в т. ч. по истории народного образования в Рязани) и научно-популярных книг — «О Переяславле Рязанском» (издания 1922 и 1995 гг.). О нём см.: *Богданович М.* Не угасайте духа своего // Утро. 2001; *Толстов В. А.* «Воспитание историей»: деятельность Рязанской ученой архивной комиссии в сфере народного образования // История дореволюционной России: мысль, события, люди. Рязань, 2001. С. 76—93; *Он же.* Деятельность Комиссии по изучению материалов о местных деятелях и уроженцах при Обществе исследователей Рязанского края // Шестые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 2012. С. 31—41.

¹⁸² **Вагнер Георгий Карлович** (06(19).10.1908, г. Спасск Рязанской губ. — 25.01.1995, Москва) — специалист по истории средневекового искусства, архитектуры Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. В 1930 г. окончил художественно-педагогический техникум в Рязани. С 1933 г. работал в областном краеведческом музее. Арестован в 1937 г., отбывал 10-летний срок на приисках Колымы. Вернулся в Рязань в 1947 г., в 1949 г. арестован вторично, получил административную высылку в Красноярский край на 5 лет. По возвращении и реабилитации стал работать лаборантом в Институте археологии АН СССР и практически сразу стал издавать монографии, посвященные изучению архитектурной скульптуры храмов Юрьева-Польского, Владимира, Боголюбова. Доктор искусствоведения в особом порядке с 1968 г., ввиду высокого качества и особой значимости его работы. Позднее заметно расширил ареал своих исканий. Лауреат Государственной премии СССР за 1983 г. Почетный гражданин Рязани с 1992 г. О нём см.: *Чугунов С.* Вагнер Георгий Карлович // Рязанская энциклопедия в 2-х томах. Рязань, 1999. Т. 1. С. 146.

¹⁸³ **Мещерин Владимир Николаевич** (ок. 1876 — ?) — участник революционного движения, член РСДРП с 1903 г. В 1920—1930-х гг. жил в Рязани, работал учителем. Какой была его жизненная ситуация в 1934 г. в момент встречи с Л. В. Черепниным, остается неясным. Но, судя по тексту воспоминаний, она вряд ли была благополучной.

¹⁸⁴ **Десницкий Василий Алексеевич** (18(30).01.1878, с. Покров Сергачского у. Нижегородской губ. — 22.09.1958, Ленинград) — революционер, после 1917 г. литературовед, преподаватель, «красный профессор». Активную политическую деятельность (он занимал высокие партийные и государственные должности) прекратил весной 1918 г. Профессор Петроградского Ленинградского университета в 1918—1946 гг. (с перерывами), с 1921 г. — член группы «красной профессуры». Преподавал также в Ленинградском педагогическом институте (был проректором и деканом факультета русского языка и литературы), в Коммунистическом университете, сотрудничал с Институтом русской литературы АН СССР, один из организаторов Горьковской комиссии при институте, ответств. редактор целого ряда изданий. Его близость к Каменеву восходила к их партийному общению.

¹⁸⁵ **Фигнер Вера Николаевна** (25.06(07.07).1852, дер. Никифорово Тетюшского у. Казанской губ. — 15.06.1942, Москва) — известная революционерка, член Исполнительного комитета «Народной воли». После 1917 г. занималась литературной работой (к 1932 г. было издано собрание ее сочинений в 7 томах), активно участвовала в работе Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В момент ее встречи с Л. В. Черепниным в Касимове ей было 82 года.

¹⁸⁶ **Гальперина Евгения Вениаминовна** (21.01(02.02).1902, Москва — 26.10.1992, там же) — врач по образованию, супруга Л. В. Черепнина. Работала в клинической лаборатории Боткинской больницы.

¹⁸⁷ Свидетельство о браке Л. В. Черепнина и Е. В. Гальпериной датируется 20 декабря 1942 г. В личном фонде Л. В. Черепнина в Архиве РАН хранится нотариально заверенная копия от 21.06.1977 г. (Архив РАН, ф. 1791, оп. 1, № 223).

¹⁸⁸ Л. В. Черепнин имеет ввиду следующее издание: История СССР. Т. 2. Россия в XIX в.: Учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1940; 2-е изд., испр. и доп. М., 1949. Л. В. Черепнину в первом издании принадлежат два раздела, а во втором — три раздела (см. список его трудов в настоящем издании под 1940 г. и под 1949 г.).

¹⁸⁹ Черепнин Л. В. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. // Исторические записки. М., 1940. Т. 9. С. 31—80.

¹⁹⁰ Будовниц Исаак Уриславич (26.12.1896(07.01.1897), г. Гриве-Самигаллене Курляндской губ. — 30.05.1965, Москва) — журналист, советский историк, издательский работник, специалист в области общественной мысли и литературы Древней и Московской Руси XII—XVI вв., истории монастырского землевладения. Окончил Институт народного хозяйства в Петрограде в 1922 г. В 1920—1930-х гг. сотрудник ряда петроградских / ленинградских газет, автор ряда книг и большого числа газетных и журнальных статей. С 1937 г. — сотрудник Издательства АН СССР. В 1938—1958 гг. — ответственный секретарь, затем редактор «Исторических записок», научный, затем старший научный сотрудник Института истории АН СССР, кандидат исторических наук в 1945 г. Уйдя в 1958 г. на пенсию, издал монографию «Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.)». М., 1960, а также завершил книгу, изданную посмертно: Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. (по «житиям святых»). М., 1966. О нём см.: Устюгов Н. В., Бутанов В. И. Исаак Уриславич Будовниц (1897—1963) // Исторические записки. 1963. Т. 74. С. 286—297; Черепнин Л. В. И. У. Будовниц как историк // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984. С. 204—217 (впервые напечатано как предисловие к книге И. У. Будовница 1966 г.).

¹⁹¹ Сидоров Аркадий Лаврович (27.01(09.02).1900, г. Починки Нижегородской губ. — 11.03.1966, Москва) — советский историк, специалист в области истории России конца XIX — начала XX вв. Окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова в 1923 г., Институт красной профессуры в 1927 г., ученик М. Н. Покровского. В 1929—1936 гг. на партийной работе, с начала 1937 г. на научной и педагогической работе в Москве. Преподавал в Московском государственном педагогическом институте в 1937—1941 гг., параллельно в МГУ. С февраля 1937 г. — руководитель группы в Институте истории АН СССР. Участник Великой Отечественной войны. Доктор исторических наук с 1943 г., профессор с 1946 г. В 1948—1952 гг. — проректор МГУ, в 1949—1955 гг. — заведующий кафедрой истории СССР там же. Заведующий сектором, заместитель директора в 1953 г. и директор в том же году и по 1959 г. Института истории АН СССР. Ответственный редактор «Исторических записок», член главной редакции «Большой советской» и «Советской исторической энциклопедий». Список его работ и статью о нём К. Н. Тарновского («Путь ученого») см.: Исторические записки. 1967. Т. 80; Воронкова С. В. Сидоров А. Л. // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 728—735.

¹⁹² Павленко Николай Иванович (02(15).02.1916, ст. Уманская Ейского отдела Кубанской области) — советский историк и писатель (член Союза писателей с 1987 г.),

специалист в области истории России XVII—XVIII вв. Окончил Московский государственный историко-архивный институт в 1939 г. Участник войны с Японией. Аспирант А. А. Новосельского. Кандидат исторических наук с 1949 г., доктор исторических наук с 1963 г. (диссертация опубликована: «История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы». М., 1962). В 1949—1975 гг. работал в Институте истории (с 1969 г. Институте истории СССР) АН СССР научным сотрудником, старшим научным сотрудником, заведующим сектором источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин с 1969 г. В 1975—1990 гг. профессор Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Автор более десяти научных и научно-популярных книг биографического характера по истории России XVIII в., по преимуществу первой его половины, впервые опубликованных в 1970-х гг., многие из них неоднократно переиздавались. Член авторского коллектива учебника для вузов «История России с древнейших времен до 1861 года» (первое издание в 1989 г.). О нём см.: *Андреев И. Л.* Мастер цеха историков: Николай Иванович Павленко // Преподавание истории и обществознания. 2003. № 3.

¹⁹³ **Александров Вадим Александрович** (29.11.1921, Москва — 13.02.1994, там же) — советский историк, источниковед, специалист в области социально-экономической истории России XVII—XVIII вв., этнограф. Окончил исторический факультет МГУ в 1944 г., ученик М. Н. Тихомирова. Кандидат исторических наук с 1947 г., доктор исторических наук с 1963 г. (диссертация опубликована: «Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв.» М., 1964). Работал в издательстве Министерства просвещения РСФСР в 1947—1952 гг., в Научно-исследовательском институте физической культуры — в 1952—1955 гг. С 1956 по 1993 г. научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, советник дирекции Института этнографии АН СССР. Активно участвовал в работе Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы. О нём см.: *Швейковская Е. Н.* Основные проблемы в исследованиях В. А. Александрова // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 191—217.

¹⁹⁴ **Бушуев Семен Кузьмич** (16(29).01.1906, д. Березовки Московской губ. — 23.08.1958, Москва) — советский историк. Окончил отделение обществ. наук Ленинградского педагогического института в 1931 г. В 1931—1936 гг. работал в системе Госплана Башкирской АССР, Госплана СССР, параллельно читал курс истории ВКП(б) в ряде технических вузов. Кандидат исторических наук с 1936 г., доктор исторических наук с 1941 г. (диссертация на тему «Борьба горцев Северо-Западного Кавказа за независимость (1828—1864 гг.)). Профессор с 1942 г. С 1936 г. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР, одновременно доцент, профессор исторического факультета МГУ. С 1940 г. — лектор ЦК ВКП(б). В 1943—1945 гг. директор Высшей дипломатической школы при Министерстве иностранных дел СССР, в 1946—1947 гг. эксперт-консультант. С 1947 г. — профессор МГУ. Главные работы посвящены внешней политике России во 2-й трети XIX в. и истории Северного Кавказа. Некролог см.: Вопросы истории. 1958. № 11.

¹⁹⁵ **Чаев Николай Сергеевич** (08(20).06.1897, Петербург — 27.02.1942, Ленинград) — историк-архивист, археограф и палеограф. Окончил факультет общественных наук Ленинградского университета в 1924 г. В 1918—1922 гг. работал в разных

учреждениях. В 1924—1927 гг. — архивист Ленинградского отделения Центрархива, с сентября 1927 г. — по июль 1936 г. — научный сотрудник Археографической комиссии АН СССР, затем Историко-археографического института, с 1934 г. заведовал его архивом. С 1935 г. преподавал в ЛГУ, Ленинградском институте философии, литературы, истории. В 1930 г. арестовывался, но не был осужден на высылку. Кандидат исторических наук. С августа 1936 г. старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР, с осени 1938 г. исполняющий обязанности профессора по кафедре истории СССР исторического факультета ЛГУ. Входил в группу ученых во главе с Б. Грековым, готовившую академическое издание Русской Правды. По договору с Московским государственным историко-архивным институтом готовил текст учебного пособия по русской палеографии. Он был значительно дополнен и заново отредактирован Л. В. Черепниным (*Чаев Н. С., Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1946*). О нём см.: *Алпатова В. Д. Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 250.*

¹⁹⁶ **Кочин Георгий Евгеньевич** (05(17).01.1897, д. Курьяноха Вологодской губ. — после 15.06.1963) — советский историк, археограф, специалист по аграрной истории средневековой Руси. Окончил факультет общественных наук ЛГУ в 1925 г., обучался на вечернем отделении. В 1916—1918 гг. — младший офицер русской армии, в 1919—1925 гг. служил в Красной Армии. С 1928 г. преподавал в школах Ленинграда и на рабфаках ряда вузов. С 1931 г. — научный сотрудник Историко-археографического института, затем ЛОИИ. Подготовил и издал том: *Материалы для терминологического словаря Древней Руси / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1937*. Вошел в группу ученых во главе с Б. Д. Грековым, подготовившую академическое издание Русской Правды (т. I—II). Кандидат исторических наук (без защиты). Участник советско-финской и Великой Отечественной войны. С декабря 1945 г. по 15.06.1963 — старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

¹⁹⁷ **Лавров Николай Федорович** (1891, Череповец Вологодской губ. — 1942, Ленинград) — историк, источниковед, палеограф, специалист по истории русского летописания. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, ученик С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова. В 1920-е — начале 1930-х гг. — научный сотрудник Центрархива (в Москве) и в ленинградском отделении. С 1934 г. — научный сотрудник Историко-археографического института, затем ленинградского отделения Института истории АН СССР. Кандидат исторических наук без защиты. Входил в состав группы ученых во главе с Б. Д. Грековым, подготовившей академическое издание Русской Правды (т. I—II). В 1935—1938 гг. — доцент исторического факультета ЛГУ, где читал курс по источниковедению. Умер от голода в блокаде. О нём см.: *Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследований русских летописей. СПб., 2011. С. 498—621.*

¹⁹⁸ Именно В. П. Любимов составил классификацию списков Пространной редакции Русской Правды на три группы, подразделявшихся в свою очередь на «виды» (изводы). От этой классификации и отталкивался М. Н. Тихомиров (также входивший в состав группы) в своем исследовании Русской Правды.

¹⁹⁹ **Юшков Серафим Владимирович** (04(16).04.1888, с. Трофимовщина Саранского у. Пензенской губ. — 14.08.1952, г. Малоярославец Калужской обл.) — советский историк, юрист, источниковед. Обучался на юридическом (в 1906—1910 гг.) и на историко-филологическом (в 1908—1912 гг.) факультетах Петербургского университета, ученик В. Н. Бенешевича. В 1913—1915 гг. совершенствовался во Фрайбургском университете. Магистр в 1916 г., приват-доцент Петербургского университета. В 1919—1927 гг. преподавал на историко-филологическом факультете Саратовского государственного университета, заложил основы саратовской школы истории права. В 1927—1930 гг. преподавал в ЛГУ, в 1930—1933 гг. — профессор кафедры Истории СССР Узбекской государственной педагогической академии в Самарканде, в 1933—1937 гг. — Дагестанского педагогического института в Махачкале, в 1934—1937 гг. преподавал в Свердловском государственном педагогическом институте и ряде других вузов города. Доктор юридических наук с 1935 г. без защиты. В 1938 г. в Москве преподавал в Московском юридическом институте и научный сотрудник Всесоюзного института юридических наук, член-корреспондент Украинской академии наук с 1939 г. В эвакуацию в Алма-Ате, профессор Первого государственного юридического института НКЮ, в 1944—1945 гг. — преподаватель юридического факультета МГУ, Военно-юридической академии. В 1946 г. — академик АН Казахской ССР и первый директор Института истории, археологии и этнографии. С 1948 г. старший научный сотрудник Всесоюзного юридического заочного института. Заслуженный деятель науки РСФСР с 1948 г. Основные исследования в области истории русского права XI—XVI вв., автор учебника для вузов «История государства и права СССР». М., 1940. Ч. 1 (4-е изд. М., 1961). Посмертно издан том ряда его основных работ: *Юшков С. В. Труды выдающихся юристов*. М., 1989; см. также в томе вступительную статью («Серафим Владимирович Юшков — основоположник науки истории государства и права СССР», там же. С. 7—27), список трудов С. В. Юшкова (С. 448—460) и перечень работ о нём (С. 460—462). См. также: *Черепнин Л. В.* К 60-летию со дня рождения С. В. Юшкова. 1948 г. // *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984. С. 293—303 (доклад на заседании Ученого совета юридического факультета МГУ весной 1948 г.).

²⁰⁰ **Дикарева Берта Мироновна** (урожд. Гальперина, 18.06.1934, Иваново — 02.12.1995, Саратов) — преподаватель физики в средней школе; **Ляхова Марина Вячеславовна** (урожд. Дикарева, 25.11.1960, Саратов) — по специальности врач; **Дикарева Лариса Вячеславовна** (07.10.1967, Саратов) — преподаватель в детской музыкальной школе в Москве.

²⁰¹ Ныне это филиал Ваганьковского кладбища. Позднее на участке Черепнинных были захоронены Черепнина Т. В., Черепнин В. А., в 1977 г. — академик Черепнин Л. В., в 1992 г. — Гальперина Е. В.

²⁰² **Панкратова Анна Михайловна** (04(16).02.1897, Одесса — 25.05.1957, Москва) — советский историк, специалист в области истории рабочего и революционного движения в России в XIX — начале XX вв., истории революций в России. Окончила историко-филологический факультет Новороссийского университета в 1917 г., Институт красной профессуры в 1926 г., научные командировки в Германию, Францию в 1925—1926 гг., ученица М. Н. Покровского. С 1926 г. по 1934 г. на преподаватель-

ской и научно-организационной работе в Ленинграде и Москве (курс истории СССР в Коммунистическом университете, Институте истории Коммунистической академии, Институте красной профессуры, член правления Института истории при ЛГУ, ответственный редактор журнала «История пролетариата СССР»). Доктор исторических наук с 1931 г. без защиты. В 1934—1937 гг. заведующая кафедрой истории СССР исторического факультета МГУ, аналогичной кафедры Саратовского государственного университета в 1937—1940 гг. С 1940 г. заместитель директора Института истории АН СССР, член-корреспондент АН СССР с 1939 г., академик Академии педагогических наук с 1944 г., академик АН СССР с 1953 г. Председатель Национального комитета советских историков, член бюро Международного комитета исторических наук с 1955 г. В 1953—1957 гг. ответственный редактор журнала «Вопросы истории». Учебник «История СССР. Учебник для 8—10 классов средних школ» впервые был издан в 1940 г. и по 1963 г. выдержал 22 переиздания. Панкратова А. М. — ответственный редактор и член авторского коллектива. О ней см.: *Черепнин Л. В.* Об А. М. Панкратовой // *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984. С. 306—310; *Сидорова Л. А.* Панкратова А. М. // *Историки России: Биографии.* М., 2001. С. 685—690. Список трудов А. М. Панкратовой см.: *Историк и время: 20—50-е гг. XX в.* А. М. Панкратова. М., 2000.

²⁰³ Постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 30.09.1930 г. был создан Институт архивоведения, практически начавший работу весной 1931 г. В 1932 г. Институт был переименован в Историко-архивный институт и входил в систему Главного архивного управления. В 1947 г. институт был передан из системы Главного архивного управления Министерства внутренних дел в Министерство высшего образования СССР и был подчинен Главному управлению университетов. С 1947 г. он именовался Московским государственным историко-архивным институтом. Стал основой при создании в 1991 г. Российского государственного гуманитарного университета.

²⁰⁴ Обязанности директора Историко-архивного института П. П. Смирнов исполнял с 12 ноября 1941 г. по 15 мая 1942 г. Подробнее см.: *Гуманитарный университет в Москве. История идеи* / Автор-сост. И. И. Хорхордина. М., 2012. С. 58—60, 225—227.

²⁰⁵ **Жибарев Павел Борисович** (06(19).12.1906, с. Новое Ярославской губ. — ?). С 1926 по 1930 г. — на партийной работе, член ВКП(б) с 1926 г. Окончил исторический факультет Ленинградского института философии, литературы, истории в 1934 г., там же в аспирантуре по 1936—1937 гг. С ноября 1937 до марта 1941 г. — директор Челябинского педагогического института. С марта 1941 г. — заведующий кафедрой истории СССР Историко-архивного института. В июне 1941 — марте 1942 г. исполнял обязанности начальника Научно-издательского отдела Главного архивного управления НКВД в Саратове. Кандидат исторических наук с 1940 г., директор Историко-архивного института с 17 мая 1942 г. по октябрь 1944 г. См.: *Гуманитарный университет в Москве. История идеи.* М., 2012. С. 229—230.

²⁰⁶ **Сперанский Александр Николаевич** (9(21).11.1891, г. Ростов Ярославской губ. — 9.01.1943, Москва) — советский историк. Обучался в ростовском духовном

училище, затем в духовной семинарии (4 общих класса). В 1914 г. окончил историко-филологический факультет Варшавского университета (ученик проф. И. П. Козловского), а затем Педагогический институт им. П. Г. Шелапутина (историческое отделение) в Москве в 1916 г. В 1916—1918 гг. на военной службе. В 1918—1921 гг. на преподавательской и организационной работе в советских учреждениях в ряде украинских городов — Могилеве Подольском, Виннице, Киеве. С 1922 г. в Москве на преподавательской и просветительской работе, в том числе в Центральной высшей школе профдвижения, кооперативных курсах им. Пятой годовщины Октябрьской революции. С 1926 г. по 1929 г. аспирант (научный сотрудник) Института истории РАНИОН, работал под руководством С. Б. Веселовского. Одним из результатов его исследований стала книга: «Очерки по истории Приказа каменных дел» (М., 1930). В 1930—1934 гг. научный сотрудник Международного аграрного института в Москве, ученый секретарь Всесоюзной ассоциации сельскохозяйственного института в Москве, ученый секретарь Всесоюзной ассоциации сельскохозяйственной библиографии и заведующий редакцией «Ежегодника аграрной сельскохозяйственной литературы». С 1934 г. на постоянной работе в Историко-архивном институте преподавателем и заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин с начала 1938 г. и до конца жизни. А. Н. Сперанский был фактическим основателем кафедры. Параллельно работал старшим научным сотрудником в Институте истории АН СССР (в 1934—1938 г.) и преподавал в Институте истории Института красной профессуры (в 1935—1938 г.). Кандидат исторических наук с 1935 г. (без защиты диссертации). Специалист по социальной и экономической истории России середины — второй половины XVII в. О нём см.: *Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 11—14. В его автобиографии от 20 марта 1942 г. приведены все напечатанные при его жизни труды — Там же. С. 39—42.

²⁰⁷ *Сперанский А. Н.* Очерки по истории приказа Каменных дел. М., 1930.

²⁰⁸ Об атмосфере вокруг А. И. Андреева в период с июня 1947 г. по апрель 1949 г., в том числе о заседании Ученого совета Историко-архивного института 23 октября 1948 г. подробнее см.: *Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 26—34.

²⁰⁹ Речь идет о С. И. Вавилове, президенте АН СССР в 1945—1951 гг., с которым А. И. Андреев был знаком с 1920-х гг.

²¹⁰ **Валк Сигизмунд Натанович** (01(13).12.1887, Вильна — 05.02.1975, Ленинград) — историк, источниковед, архивист, текстолог, библиограф, специалист по истории России XII—XX вв., публикатор актов и документов XII—XX вв. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1913 г., ученик А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Семецкого, А. Е. Преснякова. Участник Первой мировой войны. В 1918—1926 гг. — научный сотрудник Петроградского историко-революционного архива (ныне РГИА), параллельно с 1923 г. преподавал в Петроградском университете, с 1924 г. — сотрудник института им. В. И. Ленина (затем ИМЛ). С 1932 г. — сотрудник Института книги, документа и письма, с 1936 г. — Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Доктор исторических наук с 1936 г. (без защиты), профессор

с 1946 г. — публикатор-составитель, редактор, автор статей и комментариев фундаментальных публикаций: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932; Декреты Октябрьской революции. М., 1933. Т. 1; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949; Дела петрашевцев. М.; Л., 1951; «История Российская» В. Н. Татищева: В 7 т. М.; Л., 1962—1968. Посмертные издания: *Валк С. Н.* Избранные труды по археографии: Научное наследие. СПб., 1991; *Он же.* Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. М., 2000. Список его трудов см.: Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвящ. 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 504—513; *Бакланова И. А.* Список научных трудов С. Н. Валка за 1963—1972 гг. // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 291—292. О нём см.: *Черепнин Л. В.* Памяти С. Н. Валка // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 306—309 (переизд.: *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984. С. 243—248; *Чернуха В. Г., Ганелин Р. Ш.* Сигизмунд Натанович Валк // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000. С. 272; *Чернуха В. Г.* Валк С. Н. // Историки России: биографии. М., 2001. С. 617—623.

²¹¹ Здесь небольшая ошибка памяти. В личном деле Л. В. Черепнина в текущем архиве Московского государственного историко-архивного института сохранилась нотариально заверенная копия выписки из протокола заседания Ученого совета Московского государственного педагогического института от 27 июля 1942 г., утвердившего решение Ученого совета исторического факультета от 16 июля 1942 г. (т. е. дня защиты) о присуждении Л. В. Черепнину ученой степени кандидата исторических наук. (Личный листок Л. В. Черепнина. Л. 4.)

²¹² **Бокшанин Анатолий Георгиевич** (15(28).03.1903, Москва — 24.01.1979, там же) — советский историк. Окончил факультет общественных наук Первого МГУ в 1923 г., ученик А. Ю. Виппера, А. Н. Савина, В. С. Сергеева, специалист по истории Древнего Рима. Учитель истории в средней школе, преподаватель в ряде вузов Москвы в 1931—1934 гг. Аспирант исторического факультета МГУ в 1934—1937 гг. Кандидат исторических наук с 1937 г., доцент кафедры истории Древнего мира с 1938 г., доктор исторических наук с 1965 г., профессор кафедры истории Древнего мира с 1966 г. См. о нём: *Кузищин В. И.* А. Г. Бокшанин (1903—1979) // Вестник Древней истории. 1979. № 4.

²¹³ **Данилова Елизавета Николаевна** (05(17).09.1891, Москва — ?). Работала в штате Историко-архивного института с февраля 1947 г. Получила высшее юридическое и экономическое образование в 1911 г. и 1913 г., в 1920—1930-е гг. — в Совете Всероссийского кооперативного съезда, ВЦСПС, наркомате труда, а с 1925 г. — на разных значимых должностях в Верховном суде РСФСР и Госарбитраже СССР. Выйдя на пенсию в мае 1941 г., она вскоре поступила в заочную аспирантуру Историко-архивного института. С 1944 г. до февраля 1947 г. работала в Институте по договорам. В штат института она была принята во многом благодаря усилиям А. И. Андреева как заведующего кафедрой, причем она сохранила профессорское звание юриста. В июне 1947 г. она написала донос на него, обвинив в немарксистских концепциях в источниковедении, дипломатике, приложив конспект студента курса лекций Андреева по источниковедению.

Позднее активно участвовала в погромных заседаниях Ученого совета института. Подробнее см.: *Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 26—31.

²¹⁴ **Лукомский Владислав Крескентьевич** (05(17).07.1882, Калуга — 11.07.1946, Москва) — российский и советский геральдист, историк, генеалог, историк, архивист. Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1905 г. и Петербургский археологический институт в 1909 г., ученик Н. П. Лихачева, А. К. Маркова, Д. Я. Самокусова, С. М. Середонина. С 1906 г. работал в Министерстве юстиции с откомандированием в департамент геральдики Правительствующего Сената, в том же департаменте на разных должностях по 1918 г. В 1919—1939 гг. — на разных должностях в разных учреждениях архивного дела. Кандидат (с 1938 г.) и доктор (с 1944 г.) исторических наук без защиты, профессор с 1945 г. В 1943—1946 гг. — профессор кафедры истории вспомогательных исторических дисциплин, в 1945—1946 гг. — старший научный сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР. В 1913—1925 гг. читал лекции по генеалогии, геральдике и сфрагистике в Петрограде (Ленинграде) в Археологическом институте, в Ленинградском университете и др. Специалист в области источниковедения, геральдики, генеалогии. О нём см.: *Каменцева Е. И., Наумов О. Н.* В. К. Лукомский. Жизнь и деятельность. М., 1994; *Наумов О. Н.* Отечественная историография геральдики. М., 2008. Ч. I.

²¹⁵ *Черепнин Л. В.* Русская метрология. М., 1944; *Он же.* Русская хронология. М., 1994.

²¹⁶ **Круглов Сергей Никифорович** (19.09(02.10).1907, д. Устье Зубцовского у. Тверской губ. — 06.07.1977, Пушкинский р-н Московской обл., около станции Правда) — советский государственный деятель. На советской общественной работе в 1924—1929 гг., в армии в 1929—1930 г., с 1931 г. — в Московском индустриально-педагогическом институте, переведен в 1934 г. слушателем японского отделения особого сектора Московского института востоковедения, в 1935—1937 гг. — в ЦК ВКП(б), с ноября 1938 г. — особоуполномоченный НКВД СССР, в 1939—1941 гг. — замнаркома по кадрам, в 1941—1943 гг. — замнаркома НКВД, позднее первый замнаркома, нарком НКВД (МВД) в 1945—1956 гг. Так что в момент встречи с историками он был заместителем наркома.

²¹⁷ **Никитинский Иосиф Илларионович** (1905—1974) возглавлял в 1938 г. комиссию по проверке архивных органов, созданную по личному поручению Л. П. Берия. В 1939—1947 гг. возглавлял Главное архивное управление НКВД (с 1941 г. Управление госархивами).

²¹⁸ **Максаков Владимир Васильевич** (27.06(09.07).1886, с. Можары Рязанской губ. — 19.09.1964, Москва) — советский историк, архивист, археограф. Окончил общественно-юридический факультет университета Шанявского. В 1919—1920 гг. уполномоченный Главного управления архивного дела. В 1920—1934 гг. — управляющий Центральным государственным архивом Октябрьской революции и заместитель заведующего Центральным архивным управлением СССР, параллельно в 1920—1926 гг. заместитель заведующего Истпарта ЦК РКП(б) / ВКП(б), преподавал в Первом МГУ

и др. вузах. В 1934—1938 гг. — директор Библиотеки АН СССР. С 1931 г. — доцент Историко-архивного института, с 1938 г. — кандидат исторических наук (без защиты), с 1938 г. — профессор, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела Историко-архивного института. О нём см.: *Литвак Б. Г.* Об актуальности научного наследия В. В. Максакова // *Археографический ежегодник за 1986 год.* М., 1987; *Романова В. Ю.* Новые документы ГА РФ о В. В. Максакове // *Вестник архивиста.* 2001. № 4—5.

²¹⁹ **Маяковский Илья Лукич** (06(18).12.1878, с. Новопавловск Екатеринославской губ. — 15.02.1954, Москва) — советский историк, архивист. Окончил Петербургский университет в 1903 г., ученик А. И. Линниченко, А. С. Лаппо-Данилевского. В 1903—1912 г. преподавал в гимназиях Одессы, лектор Высших курсов в городе. С 1913 г. в Петербурге, преподаватель первой гимназии (по 1918 г.) В 1919—1929 гг. ученый секретарь отдела в Главном управлении Архивного дела (с 1922 г. Ленинград. отделения Центрархива), параллельно преподавал в ряде институтов Ленинграда. В 1929—1934 гг. — профессор Всесоюзного Коммунистического университета им. И. В. Сталина, в 1934—1936 гг. заведовал отделом рукописей Института русской литературы АН СССР. В 1937—1941 гг. — ученый консультант областного управления архивным делом. В 1942—1954 гг. — профессор Московского государственного историко-архивного института, заведовал в 1946—1953 гг. кафедрой теории и практики архивного дела. Доктор исторических наук с 1943 г. (диссертация опубликована: «Очерки по истории архивного дела в СССР». М., 1941). О нём см.: *Хорохордина И. Т.* «Неизвестный» Маяковский. М., 2001.

²²⁰ **Митяев Константин Григорьевич** (1902—1969) — историк, архивовед, документовед. Выпускник аспирантуры Московского государственного историко-архивного института, кандидат исторических наук. Основатель кафедры истории и организации делопроизводства в СССР в 1952 г., основатель факультета государственного делопроизводства и его декан в 1960—1969 гг.

²²¹ **Чернов Анатолий Васильевич** (02(20).11.1901, д. Стригино Балахнинского у. Нижегородской губ. — 01.01.1966, Москва) — советский историк, архивист, археограф, специалист по истории армии государственных институтов в России XV—XVII вв. Окончил Нижегородский государственный педагогический институт в 1930 г. В 1931—1934 гг. работал заведующим историческим архивом нижегородского архивного бюро. Аспирант Историко-архивного института в 1934—1938 гг., кандидат исторических наук с 1939 г. С 1925 по 1969 г. — ассистент, преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой истории государственных учреждений и делопроизводства (с 1959 г.), заместитель директора МГИАИ в 1945—1948 и в 1951—1955 гг. Доктор исторических наук с 1951 г. (диссертация опубликована лишь частично: «Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв.». М., 1954). О нём см.: *Курникова И. А.* Обзор материалов к творческой биографии А. В. Чернова // *Археографический ежегодник за 1980 год.* М., 1981.

²²² **Кафенгауз Бернгард (Борис) Борисович** (19.06(01.07).1894, г. Проскуров Подольской губ. — 27.06.1969, Москва) — историк, специалист по истории России

XV—XIX вв. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1920 г., ученик М. М. Богословского, Ю. В. Готье. Оставлен «для приготовления к профессорскому званию», сдал магистерские экзамены в 1924 г. В 1920-е — середине 1930-х гг. работал, с одной стороны, в системе Наркомторга, в т. ч. в его научно-исследовательском институте и преподавал в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, а с другой — экскурсоводом по Москве с собственной разработкой маршрутов. Позднее переходит на преподавательскую работу: доцент (профессор с 1948 г.) исторического факультета МГУ с 1936 г., доцент в Московском институте философии, литературы, истории в 1937—1941 гг. С 1945 г. и по 1965 г. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Кандидат исторических наук с 1938 г. (диссертация посвящена И. Т. Посошкову и его сочинению; в 1937 г. издал его «Книгу о скудости и богатстве»); доктор исторических наук с 1946 г. (диссертация опубликована: «История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии». М.; Л., 1949. Т. 1). Другие его монографии посвящены исследованию внутреннего рынка России в первой половине XVIII в., особенностям социального и государственного устройства средневекового Пскова. О нём см.: *Павленко Н. И.* Творческий путь Б. Б. Кафенгауза // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 1964; Там же см. список работ Б. Б. Кафенгауза. См. также: *Черепнин Л. В.* Б. Б. Кафенгауз — историк и источниковед // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971 (статья перепечатана: *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII вв. М., 1984. С. 236—242).

²²³ **Кушева Екатерина Николаевна** (24.04(06.05)1899, г. Петровск Саратовской губ. — 19.02.1990, Москва) — советский историк, специалист по истории России XVI—XVIII вв. Окончила факультет общественных наук Саратовского государственного университета в 1922 г., учителя П. Г. Любомиров, С. Н. Чернов. Была оставлена при университете для подготовки к научной и преподавательской деятельности, вела занятия в Саратовском университете. С 1929 г. — в Москве, в 1929—1935 гг., работала в издательстве Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-переселенцев, в 1935—1936 гг., научный сотрудник Московской группы Историко-археографического института АН СССР, в 1937—1941 гг. доцент кафедры истории СССР в Московском государственном педагогическом институте им. Либкнехта. Кандидат исторических наук с 1938 г. (без защиты диссертации). С 1936 г. по 1969 г. — старший научный сотрудник сектора истории России до XIX в. в Институте истории АН СССР. Доктор исторических наук с 1964 г. (диссертация опубликована: «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией; 2-я половина XVI — 30-е годы XVII в.». М., 1963). Список научных трудов Е. Н. Кушевой см.: Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. Частично изданы ее мемуары (Отечественная история. 1993. № 4), введена в научный оборот ее переписка с Б. А. Романовым.

²²⁴ **Джинчарадзе Владимир Захарович** (1907 — 05.1977, Москва) — историк и архивист. Окончил аспирантуру Историко-архивного института в 1938 г., в конце 1930-х гг. и до 1941 г. читал курс лекций в институте по истории государственных учреждений после 1917 г. Участник Великой Отечественной войны. С сентября 1944 г. и по апрель

1953 г. — начальник (директор) Центрального государственного архива древних актов (ныне РГАДА), имел звание майора (архив как часть Главного архивного управления входил тогда в структуры Народного комиссариата внутренних дел). Кандидат исторических наук, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. читал курс лекций в Историко-архивном институте.

²²⁵ **Щепкин Вячеслав Николаевич** (25.05(06.06).1863, Москва — 21.05.1920, там же) — историк, палеограф, искусствовед, языковед. Окончил историко-филологический факультет в 1886 г. Магистр с 1899 г. (диссертация опубликована: «Рассуждение о языке Савиной книги». СПб., 1901). С 1887 г. — хранитель Императорского Российского исторического музея (ныне Государственный Исторический музей). Профессор с 1907 г. в Московском университете и на Московских Высших женских курсах. Автор знаменитого пособия: Учебник русской палеографии. М., 1918. Переиздан под названием: Русская палеография. М., 1967. Список его трудов см.: Там же. С. 216—220. О нём см.: *Бернштейн С. Б.* В. Н. Щепкин. М., 1955.

²²⁶ **Зайончковский Петр Андреевич** (05(18).09.1904, Уральск, Уральской обл. — 10.09.1983, Москва) — ведущий советский историк по отечественной истории XIX в., исторической библиографии. Окончил экстерном исторический факультет Московского института философии, литературы, истории в 1937 г., ученик Ю. В. Готье. В 1914—1919 гг. учился в первом Москов. и Киев. (с 1918 г.) кадетских корпусах. Систематического высшего образования в силу социальных ограничений не получил, в 1920-е — середине 1930-х гг. работал пожарным, на железной дороге, рабочим на машиностроительном заводе. Кандидат исторических наук с 1940 г. (диссертация «Кирилло-мефодиевское общество (1846—1847)» в расширенном объеме опубликована: М., 1959). Участник Великой Отечественной войны. С 1944 г. по 1952 г. заведующий отделом рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (возобновил издание «Записок отдела рукописей», ряда справочных изданий по фондам отдела и публикациям воспоминаний, дневников). С 1940 г. (с перерывом на войну) преподавал в Московском областном педагогическом институте. С 1948 г. преподавал в МГУ. Доктор исторических наук с 1950 г. (диссертация «Военные реформы 1860—1870-х гг. в России»), профессор исторического факультета МГУ с 1951 г. Параллельно в 1952—1954 гг. — директор научной библиотеки МГУ, в 1959—1961 гг. — главный редактор журнала «Научные доклады высшей школы. Сер. исторических наук», профессор Горьковского университета в 1959—1972 гг. Почетный член Ассоциации американских историков в 1967 г., член Британской академии с 1973 г. Главные труды П. А. Зайончковского посвящены истории России середины второй половины XIX в., ряд из них выдержал несколько изданий: *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1954—1968 гг. (три издания); *Он же.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М., 1973; *Он же.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. По его инициативе и под его редакцией был издан в 1976—1989 гг. в пяти томах аннотированный указатель книг и публикаций «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях». Список его трудов см.: П. А. Зайончковский. Библиографический указатель / Ред. Л. Г. Захарова. 2-е изд. М., 1995. О нём см.: *Мироненко С. В., Шевырев А. П.* Памяти учителя // Вестник МГУ.

Сер. 8. История. 1984. № 6; П. А. Зайончковский, 1904—1983: Статьи, публикации и воспоминания о нём. М., 1998; *Захарова Л. Г.* Петр Андреевич Зайончковский // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000. О С. В. Жирмунской и В. Г. Зиминной см. выше, комментариев № 171.

²²⁷ **Базилевич Константин Васильевич** (12(24).05.1892, Киев — 03.03.1950, Москва). Окончил факультет общественных наук Первого МГУ в 1922 г., ученик С. В. Бахрушина. Специалист по отечественной истории XV—XVII вв. В 1922—1929 гг. работал научным сотрудником в Государственном Историческом музее. С 1930 г. преподавал в ряде вузов Москвы, с 1935 г. и по 1950 г. — на историческом факультете МГУ. Кандидат исторических наук (без защиты диссертации), профессор с 1935. Доктор исторических наук с 1946 г. (диссертация частью опубликована: «Образование Русского централизованного государства. Иван III». М., 1946). Работы 1930-х гг. посвящены актуальным проблемам социально-экономической истории России середины — второй половины XVII в.: «Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г.». М.; Л., 1936; цикл статей о восстаниях горожан в 1648 г., таможенных книгах, дворцовых ткачах и др. Автор курса лекций «История СССР. От древнейших времен до конца XVII в.». М., 1949 г., прочитанного в Высшей партийной школе и МГУ. Библиографию его работ см.: Вопросы истории. 1950. № 7. О нём см.: *Черепнин Л. В.* К. В. Базилевич // Ученые записки МГУ. 1952. Вып. 56; *Он же.* К 10-летию со дня смерти С. В. Бахрушина и К. В. Базилевича, 1960 г. // *Черепнин Л. В.* Отечественные историки. XVIII—XX вв. М., 1984. С. 303—306 (рукопись выступления Л. В. Черепнина на заседании ученого совета исторического факультета МГУ 3 марта 1960 г.; опубликована впервые).

²²⁸ **Рубинштейн Николай Леонидович** (12(24).12.1894, Одесса — 26.01.1963, Москва). Окончил Новороссийский университет (преобразован в Институт народного просвещения) в 1922 г., ученик П. М. Бицилли, И. Л. Маяковского, Е. Н. Щепкина. В 1920-е гг. работал в архивных учреждениях Одесской области, с 1931 г. в Москве руководил группой истории Научно-исследовательской библиографии, с 1933 г. по 1939 г. — сотрудник Государственного издательства социально-экономической литературы. Параллельно преподавал, доцент, затем профессор (с 1938 г.) в Московском областном педагогическом институте, Московском институте философии, литературы, истории (с 1936 г.), в МГУ (с 1937 г.). Доктор исторических наук с 1940 г. (диссертация опубликована: «Русская историография». М., 1941). В 1941—1942 гг. — профессор, заведующий кафедрой, декан исторического факультета Саратовского университета. В 1942—1949 гг., профессор МГУ и параллельно заместитель директора по научной работе Государственного Исторического музея, в 1949 г. отстранен от работы в МГУ и Государственном Историческом музее в ходе кампании «по борьбе с космополитизмом». В 1949—1957 гг. — профессор Московского государственного библиотечного института, в 1957—1959 гг. — профессор Московского государственного историко-архивного института. Список его работ см.: История СССР. 1963. № 3. О нём см.: *Дмитриев С. С.* Памяти Н. Л. Рубинштейна. 1894—1963 // История СССР. 1963. № 3; *Цамутали А. Н.* Н. Л. Рубинштейн // Историческая наука России в XX в. М., 1997. С. 465—479.

²²⁹ **Епифанов Петр Павлович** (20(23).03.1909, пос. Урда, Уральской обл. — 06.03.1992, Москва). Окончил Московский областной педагогический институт в 1938 г., аспирант исторического факультета Московского института философии, литературы, истории в 1940—1941 гг. Участник Великой Отечественной войны. С 1944 г. — преподаватель, доцент, профессор (с 1970 г.) исторического факультета МГУ, член Ученого совета по координации научных исследований Института военной истории Министерства обороны СССР, Ученого совета Министерства культуры РСФСР, Лауреат премии СССР (1982 г.). Кандидат исторических наук с 1944 г. (диссертация: «Военные реформы Петра Великого (создание регулярной армии в России)», не издана), доктор исторических наук с 1969 г. (диссертация «Очерки по истории армии и военного дела в России второй половины XVII — первой половины XVIII в.», не издана). О нём см.: Энциклопедический словарь Московского университета: Исторический факультет. М., 2004. С. 131—132.

²³⁰ **Фрумкин Анатолий Павлович** (08(20).04.1897, г. Рославль Смоленской губ. — 06.10.1962, Москва) — известный хирург-уролог. Окончил медицинский факультет Первого Московского университета в 1921 г., ученик П. Д. Соловова. В 1924—1926 гг. ассистент кафедры госпитальной хирургии Второго МГУ. С 1926 г. в больнице им. С. П. Боткина, один из инициаторов и первый руководитель урологического отделения больницы. Кандидат медицинских наук с 1935 г. (по совокупности работ), доктор медицинских наук в 1939 г. (диссертация «Внутривенная пиелография»). Активный хирург-уролог, автор более 150 научных публикаций. В годы Великой Отечественной войны — главный уролог советской армии. С 1946 г. возглавил Всесоюзное общество урологов, с 1947 г. — профессор, заведующий кафедрой урологии Центрального института усовершенствования врачей. Создал систему постдипломного образования врачей-урологов. Заслуженный деятель науки РСФСР в 1957 г.

²³¹ В личном листке по учету кадров Л. В. Черепнина, заполненном 7 октября 1946 г. назван следующий адрес: [Москва] Садово-Кудринская [улица], д. 16, кв. 4. См.: Архив Московского государственного историко-архивного института, л/с, д. 735 Черепнин Л. В., л. 2 об.

²³² Защита состоялась 27 июня 1946 г. Название диссертации: «Очерки по истории русских феодальных отношений XIV—XV вв. (Феодальные архивы и их история)». Под немного измененным названием и в дополненном виде издана: *Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв.* М.; Л., 1948. Ч. 1; М., 1951. Ч. 2.

²³³ **Королук Владимир Дорофеевич** (28.02.1921, Кутаиси — 26.12.1981, Москва). Окончил исторический факультет МГУ в 1943 г., ученик В. И. Пичеты. С 1947 г. — научный сотрудник, старший научный сотрудник (с 1951 г.) Института славяноведения АН СССР (с 1968 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР), с 1970 г. — заведующий сектором истории Средних веков в Институте. Кандидат исторических наук с 1948 г., доктор исторических наук с 1965 г. (диссертация издана: *Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв.* М., 1964). Посмертно издана монография: *Королук В. Д. Славяне и восточные Романцы в эпоху раннего средневековья.* М., 1985. Список его трудов см.: Там же. О нём см.: *Флоря Б. Н. В. Д. Королук: (Очерк творческого пути)* // Там же.

²³⁴ **Косминский Евгений Алексеевич** (21.10(02.11).1886, Варшава — 24.07.1959, Москва) был студентом Варшавского университета в 1904—1905 гг., окончил Московский университет в 1910 г., ученик А. Н. Савина, Д. М. Петрушевского. Магистерские экзамены сдал в 1915 г. Преподавал с 1912 г. на Варшавских высших женских курсах. С 1915 г. преподавал в Московском университете, с 1918 г. в Первом МГУ, с 1930 г. в МГУ, в 1934—1949 гг. заведовал кафедрой средних веков Исторического факультета МГУ. Параллельно в конце 1920—1930-х гг. преподавал в Институте красной профессуры, в Институте философии, литературы, истории (московском), заведовал кабинетом истории Англии в Институте Маркса-Энгельса. С 1922 г. действительный член Института истории при факультете общественных наук Первого МГУ, с 1925 г. по 1929 г. — того же института в составе РАНИОН. Доктор исторических наук с 1936 г. Член-корреспондент АН ССР в 1939 г., действительный член — в 1946 г. Академик Академии педагогических наук РСФСР с 1945 г., заслуженный деятель науки РСФСР с 1947 г. В Институте истории АН СССР работал с 1936 г., в 1947—1952 гг. заведовал сектором истории средних веков в Институте, в 1942—1958 гг. — ответственный редактор регулярного издания «Средние века». Основные труды Косминского посвящены аграрной истории Англии в эпоху средневековья (его классическая монография по аграрной истории Англии в XIII в., изданная в Москве в 1947 г., была переведена на английский язык и издана в Оксфорде в 1956 г.) и Английской буржуазной революции середины XVII в. Косминский один из главных авторов и редактор учебников по истории Средних веков для школ и для вузов. Посмертно изданы: *Историография средних веков (V — середина XIX вв.): Лекции*. М., 1963; *Проблемы английского феодализма и историографии средних веков: Сб. статей*. М., 1963. В этом томе приведена библиография работ Е. А. Косминского. О нём см.: *Гутнова Е. В.* Е. А. Косминский // *Историки России: Биографии*. М., 2001. С. 608—616.

²³⁵ **Богоявленский Сергей Константинович** (17(29).02.1872, Москва — 31.08.1947, там же) окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1895 г., ученик В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова. В 1895—1896 гг. участвовал в археологических раскопках в Прибалтике, позднее — в Московской губ. (Волоколамский у.). С 1898 г. по 1930 г. работал в московских архивах: в 1898—1917 гг. в Московском главном архиве Министерства иностранных дел России, с 1918 г. в учреждениях Центрархива (в Древлехранилище). В 1900—1920-е гг. издал около 40 исследований и документальных публикаций, серийных и единичных, по истории России XVI—XVII вв., в том числе по истории приказов и дьяческой службы, по истории Москвы, по истории русского театра при Алексее Михайловиче и Петре I, по истории одного из периодов Смуты начала XVII в. В 1929 г., до защиты докторской диссертации (защитил ее в 1943 г.) был избран членом-корреспондентом Академии наук. Арестован в 1930 г. по «академическому делу историков», сослан на 5 лет в Новосибирск. Возвращен в 1933 г., с образованием Института истории АН СССР работал в нём первоначально по срочным договорам, с 1940 г. — штатным старшим научным сотрудником. В 1946 г. издал классический труд — справочник «Приказные судьи XVII в.» М.; Л. Посмертно изданы две книги: *Богоявленский С. К. Научное наследие*. О Москве XVII века. М., 1980; *Он же. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков*. М.: Языки славянской культуры, 2006. Список его трудов см.: *Крайнева Н. Я.* Список научных трудов С. К. Богоявленского // *Археографический ежегодник*

за 1972 год. М., 1974. С. 286—290. О нём см.: *Черепнин Л. В.* С. К. Богоявленский как историк // *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. Сб. статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 132—144 (впервые опубликовано в 1974 г.); *Шохин Л. И.* С. К. Богоявленский в РГАДА // *Археографический ежегодник за 1995 год.* М., 1997. С. 365—371; *Дмитриева И. А.* Богоявленский С. К. Историки России: Биографии. М., 2001. С. 502—509.

²³⁶ **Покровский Серафим Александрович** (1905, Тула — ?). Окончил факультет педагогических наук ЛГУ в 1929 г., учился в перерывами. Преподавал в ряде ленинградских вузов в 1928—1932 гг. С 1932 г. по 1934 г. работал на разных должностях в публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Арестован в 1934 г. и выслан на 3 года в Уфу (позднее реабилитирован). С 1941 г. и до конца 1960-х гг. — научный сотрудник Института права АН СССР, в начале 1970-х гг. — доцент Всесоюзного юридического заочного института. Кандидат юридических наук с 1946 г. (диссертация: «Абсолютная монархия в России XVIII века», не опубликована). О нём см.: *Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь.* СПб., 2003. Т. 3. С. 445—446.

²³⁷ О действиях А. Л. Сидорова и А. А. Панкратовой в эти месяцы см.: *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 178—179 и след.

²³⁸ **Хвостов Владимир Михайлович** (11(24).06.1905, Казань — 09.03.1972, Москва) — советский историк, специалист по истории международных отношений и внешней политики России и СССР в XIX—XX вв. Окончил Казанский государственный педагогический институт в 1926 г., аспирант (научный сотрудник) Института истории РАНИОН в 1927—1929 гг., ученик П. Ф. Преображенского. Преподавал с 1927 г.: в Московском индустриально-педагогическом институте в 1927—1930 гг., Смоленском педагогическом институте в 1930—1932 гг., Московском институте философии, литературы, истории в 1933—1935 гг. С 1935 г. — доцент в МГУ, доктор исторических наук с 1938 г. (диссертация: «Последние годы канцлерства Бисмарка (очерки внешней политики Германского империализма)»; издана частями в ряде обобщающих трудов), профессор МГУ с 1939 г., параллельно с 1936 г. сотрудник Института истории АН СССР. В 1941—1944 гг. — на службе в Советской армии, участник Великой Отечественной войны. В 1944—1945 гг. работал в ЦК ВКП(б). В 1945—1957 гг. работал директором Высшей дипломатической школы при Наркомате, затем в Министерстве иностранных дел СССР (с 1945 г.), начальником Архивного управления Министерства иностранных дел СССР (с 1946 г.), членом коллегии министерства (в 1948—1953 гг.), заведующий кафедрой международных отношений Академии общественных наук при ЦК КПСС (в 1946—1954 гг.). В 1957—1959 гг. работал в аппарате ЦК КПСС. Член-корреспондент АН СССР в 1953 г. С 1959 г. по 1967 г. — директор Института истории АН СССР. Академик АН СССР в 1964 г., заместитель академика-секретаря Отделения истории АН СССР в 1959—1967 гг. Академик (с 1967 г.) и первый президент в 1967—1971 г. Академии педагогических наук СССР. Академик-секретарь Отделения истории АН СССР в 1971—1972 гг., председатель Национального комитета историков СССР в 1972 г. Лауреат Сталинских (Государственных) премий в 1942 г. и в 1946 г. Член ряда иностранных академий, международного Пагоушского комитета. Посмертно

издано два тома его работ: *Хвостов В. М.* Проблемы истории внешней политики СССР и международных отношений. Избранные труды. М., 1976; *Он же.* Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX — начале XX вв. Избранные труды. М., 1977 (библиографию его трудов см. в этом томе на с. 390—402). О нём см.: *Гинцберг Л. И.* В. М. Хвостов // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2. Всеобщая история. С. 382—392.

²³⁹ **Щапов Ярослав Николаевич** (06.05.1928, Москва — 31.08.2011, там же) — советский и российский историк, специалист по истории Древней Руси, православной церкви и каноническому праву, текстолог, палеограф. Окончил исторический факультет МГУ в 1952 г., ученик Б. Д. Грекова. В 1952—1957 гг. работал в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, с 1957 г. (по приглашению Л. В. Черепнина) — научный сотрудник сектора истории России до XIX в. Института истории (с 1969 г. Института истории СССР, с 1992 г. Института российской истории) АН СССР, с 1992 г. — Российской академии наук. Кандидат исторических наук с 1964 г. (диссертация «Церковь как феодальная организация в Древней Руси»), доктор исторических наук с 1975 г. (диссертация опубликована: «Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв.», М., 1978). Автор книги «Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв.» (М., 1972), составитель и ответственный редактор публикации «Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.» (М., 1976), публикатор и ответственный редактор ряда других публикаций. Его книга «Государство и церковь в Древней Руси XI—XIII вв.» (М., 1989) переведена на английский язык и издана в Нью-Йорке (1993 г.). Был основателем и первым руководителем Центра по истории религии и церкви Института истории СССР в 1988—2001 гг. Член-корреспондент АН СССР в 1987 г., почетный член российского Императорского православно-го Палестинского общества. Советник президента РАН с 2000 г. Лауреат премии РАН им. Б. Д. Грекова в 1992 г. Список его работ на 1992 г. см.: *Славяноведение в СССР*. N. Y., 1993. С. 495—496. О нём см.: *Щапов Я. Н.* О моих занятиях историей России // *Историки России о времени и о себе*. М., 1997. Вып. 1. С. 58—66; *Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет*. М., 2004. С. 517—518; *Памяти Ярослава Николаевича Щапова (1928—2011) // Отечественная история*. 2012. № 1. С. 203—205.

²⁴⁰ А. М. Панкратова была ответственным редактором журнала «Вопросы истории» в 1953—1957 гг.

²³⁹ **Кукин Дмитрий Михайлович** (10(23).05.1908, с. Заречье Орловской губ. — 17.10.1983, Москва) — советский историк, специалист по истории ВКП(б)/КПСС. Учился в Краснодарском государственном педагогическом институте, Первом МГУ. Аспирантуру окончил при Академии наук Белорусской ССР. В 1938—1954 гг. — преподаватель, начальник кафедры, заместитель начальника Военно-политической академии при Наркомате (затем Министерстве) обороны СССР, В 1954—1962 гг. сотрудник аппарата ЦК КПСС и в этом качестве он участвовал в описываемом заседании. Позднее, в 1962—1973 гг. — зам. директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, с 1972 г. — профессор кафедры в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

²⁴⁰ **Островитянов Константин Васильевич** (18(30).05.1892, с. Бычки Тамбовской губ. — 09.02.1969, Москва) — советский экономист и общественно-политический деятель. Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического факультета МГУ в 1943—1953 гг. Член-корреспондент АН СССР в 1939 г., академик в 1953 г. Директор Института экономики АН СССР в 1947—1953 гг. Главный редактор журналов «Вопросы экономики» в 1948—1954 гг., «Вестник АН СССР» в 1953—1963 гг. Вице-президент АН СССР в 1953—1962 гг., курировавший цикл общественных и гуманитарных наук. В этом качестве участвовал в описываемом заседании. О нём см.: Островитянов Константин Васильевич. М., 1978.

²⁴¹ **Жуков Евгений Михайлович** (20(23).10.1907, Варшава — 09.03.1980, Москва) — советский историк-востоковед, специалист по истории международных отношений в XIX—XX вв., по проблемам методологии исторической науки. Кандидат исторических наук с 1936 г. (без защиты диссертации), доктор исторических наук с 1940 г. (диссертация «История японской военщины»). С 1929 г. преподавал в ЛГУ и других ленинградских вузах. В 1939—1941 гг. — научный сотрудник Института истории АН СССР. В 1941—1943 гг. — начальник отдела, заместитель председателя Государственного комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете народных комиссаров СССР. В 1943—1950 гг. — директор Тихоокеанского института АН СССР, в 1950—1953 гг. — директор Института востоковедения. С 1946 г. — заведующий кафедрой в Академии общественных наук, параллельно работал в Институте истории АН СССР. Член-корреспондент с 1946 г., академик с 1958 г. Заместитель академика-секретаря Отделения истории АН СССР, затем академик-секретарь Отделения в 1957—1971 гг. и в 1975—1980 гг. Директор Института всеобщей истории АН СССР с 1968 г. Председатель Национального комитета советских историков в 1972—1980 гг., президент Международного комитета исторических наук в 1972—1980 гг. В совещании участвовал, представляя Отделение истории АН СССР.

²⁴² На этой фразе текст воспоминаний Л. В. Черепнина обрывается. Причины, по которым Лев Владимирович прекратил работу над текстом мемуаров, остаются неясными. О В. И. Шункове см. выше, комментарий № 77.

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ Л. В. ЧЕРЕПНИНА

В личном фонде А. И. Яковлева в архиве РАН (ф. 665) сохранились пять писем к нему от его ученика, акад. Л. В. Черепнина. Из них четыре относятся в 1941—1943 гг. Первое письмо — его текст публикуется ниже — не имеет точной даты. Однако, время его написания определяется довольно просто и вполне определенно. В нем упомянут Татьянин день (т. е. 25 января), когда Черепнин очень короткое время находился в Москве. Его единокровная сестра была Татьяной и, скорее всего, этот день, помимо университетских традиций, отмечался в семье. Речь безусловно идет о 1934 г. В письме Лев Владимирович просил Алексея Ивановича «связать» его с издательством «Academia». Как известно из его личных дел и из его мемуаров (см. выше), он заключил договор с издательством, по которому он обязывался подготовить издание «Рязань. Исторический очерк» (рукопись хранится в личном фонде Л. В. Черепнина). Работу над книгой он начал в 1934 г. Из сказанного ясно, что письмо было написано и отправлено из Рязани в последние три-четыре дня января 1934 г.: недавний ссыльный в Северный край, осужденный «по академическому делу историков» формально по условиям освобождения не мог находиться в Москве более суток, а не формально, меняя адреса пребывания, более двух-трех дней.

Письмо весьма невелико по объему текста, но емко, можно сказать почти зримо характеризует обстоятельства жизни Льва Владимировича через четыре с небольшим месяца его возвращения из ссылки.

Текст письма подготовил к печати В. Д. Назаров

[конец января 1934 г.]

л. 1   Дорогой Алексей Иванович!

Прошу Вас извинить меня, что кратковременность моего приезда, совпавшего к тому же с Татьяниным днем, лишила меня возможности зайти к Вам лично. Очень прошу Вас, если явится возможность связать меня с издательством «Academia», оказать мне содействие в этом направлении. У меня много свободного времени и я очень хотел бы получить работу, которая дала бы мне некоторый заработок. Может быть, Вы не отказали бы мне помочь в приискании какого-нибудь перевода, который, наряду с практикой в иностранных языках, также обеспечил бы мне возможность некоторого заработка.

Простите меня за беспокойство и не откажите в моей просьбе. Мой привет Ольге л. 1 об. Петровне, Ивоч//ке и Олечке.

Ваш Л. Черепнин

Мой адрес переменялся: Рязань, 1ая Пролетарская ул., д. № 9 Чудинова, кв. 1. Черепнину

Архив РАН. Ф. 665, оп. 1, № 504. Л. 1—1 об. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ, НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАД. Л. В. ЧЕРЕПНИНА*

Лев Владимирович Черепнин родился 30 марта (12 апреля) 1905 г. в Рязани; скончался 12 июня 1977 г. в Москве.

1913—1917 гг. май. Учился в московской частной шестиклассной прогимназии Е. А. Репман.

1917 г. декабрь. Вместе с семьей переехал в г. Ялта.

1918 г. сентябрь — 1921 г. май. Ученик классической гимназии, преобразованной в конце 1920 г. в трудовую школу II ступени г. Ялта.

1921 г. май — август. Конторщик в припортовом продовольственном магазине в г. Ялта.

1921 г. сентябрь или октябрь. Возвращение с семьей в Москву (отец вернулся раньше).

1921 г. октябрь — ноябрь — 1922 г. февраль. Студент Рязанского института народного образования.

1922 г. сентябрь — 1924 г. весна. Студент педагогического факультета Второго Московского государственного университета.

1922 г. сентябрь — 1925 г. весна. Вольнослушатель факультета общественных наук Первого Московского государственного университета; активный участник семинаров проф. С. В. Бахрушина и А. И. Яковлева.

1924 г. 24 октября. Впервые переступил порог Московского центрального исторического архива (Древлехранилища; впоследствии Центрального государственного архива древних актов, ныне Российского государственного архива древних актов) для выполнения задания Научно-исследовательского института при факультете общественных наук Первого Московского государственного университета и с письменной рекомендацией проф. А. И. Яковлева.

---

* Раздел подготовлен В. Д. Назаровым.

- 1925 г. Работал в архиве: выявление и копирование материалов из фонда Разрядного приказа.
- 1925 г. Декабрь. Сдал экстерном экзамены за вузовские курсы, представил исследовательскую статью при поступлении в аспирантуру Института истории Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
- 1926 г. 1 января — 1929 г. 11 июня. Аспирант (научный сотрудник) Института истории Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
- 1926 г. лето, 1927 г. лето. Работа по обследованию и копированию актов и грамот, писцовых и «свозных» книг владельческого архива Троице-Сергиева монастыря в Сергиевом отделении Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Сергиевом Посаде совместно и под руководством С. Б. Веселовского и А. И. Андреева.
- 1926 г. — 1929 г. зима. Внештатный практикант отделения Северо-Восточной и Новгородской Руси общеисторического отдела Государственного Исторического музея.
- 1927 г. — 1929 г. зима. Ассистент в семинарских занятиях проф. С. В. Бахрушина и А. И. Яковлева на этнологическом факультете Первого Московского государственного университета.
- 1928 г. Опубликованы две первые печатные работы аспиранта Л. В. Черепнина: исследовательская статья и учебное пособие по Русской Правде.
- 1929 г. 1 февраля — июль. Библиотекарь Государственной научной библиотеки научно-технического центра Всесоюзного совета народного хозяйства.
- 1929 г. 1 августа — 1930 г. 14 сентября. Старший помощник заведующего Отделом рукописей Публичной библиотеки им. В. И. Ленина, с 1 марта 1930 г. — библиотекарь Отдела рукописей.
- 1930 г. 6 февраля. Командирован в Сергиевское отделение Государственной библиотеки им. В. И. Ленина для приема, упаковки и перевозки в Москву рукописей бывшего Лаврского собрания и бывшей Духовной академии.
- 1930 г. 20 июля — 20 августа. Очередной отпуск.
- 1930 г. 14 сентября. Арест на квартире по «Академическому делу историков» («Московского центра»).
- 1930 г. 14 сентября — 1931 г. 1 февраля. Следствие, предварительное заключение первоначально в следственном изоляторе на Лубянке, затем в Бутырской тюрьме; приговор о 3-хлетней ссылке в Северный край с последующим запретом пребывания в Москве, Ленинграде и других крупных городах; высылка по этапу.

- 1931 г. февраль — 1933 г. сентябрь. Чернорабочий в Холмогорском районе Северного края, в т. ч. на камнеразработках Орлецкого управления нерудоископаемых.
- 1933 г. сентябрь. Возвращение в Москву, определение в качестве места жительства г. Рязань.
- 1933 г. октябрь — 1934 г. май. Литературная работа по срочным договорам в издательстве «Север»; подготовил вступительную статью к мемуарам С. Я. Унковского (издана в 2004 г.).
- 1934 г. Знакомство с Е. В. Гальпериной.
- 1934 г. май — 1935 г. май. Литературная работа по срочным договорам в издательстве «Academia».
- 1934 г. Опубликована первая после возвращения из ссылки исследовательская статья в «Известиях Академии наук СССР» Отделение общественных наук.
- 1935 г. июнь — 1941 г. июль. Научный сотрудник по срочным договорам Института истории Академии наук СССР.
- 1938 г. — 1941 г. Издал одиннадцать научных публикаций: персональных статей, коллективных трудов, рецензий.
- 1941 г. сентябрь — 1942 г. март. Учитель истории средней школы в Каширском районе Московской области.
- 1942 г. март. Преподаватель Московского государственного историко-архивного института Главного архивного управления Народного комиссариата внутренних дел СССР.
- 1942 г. июль — 1947 г. май. Доцент Московского государственного историко-архивного института Главного архивного управления Народного комиссариата внутренних дел СССР.
- 1942 г. 18 июля. Защитил диссертацию на ученую степень кандидата исторических наук «Древнерусская церковная феодальная вотчина XIV—XVI вв. (Очерки по истории землевладения московской митрополичьей кафедры)» на заседании Ученого совета Исторического факультета Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.
- 1942 г. ноябрь — 1946 г. июль. Докторант Института истории Академии наук СССР.
- 1942 г. 20 декабря. Заключен брак Л. В. Черепнина и Е. В. Гальпериной.
- 1942 г. — получил комнату в коммунальной квартире в Москве и московскую прописку.
- 1944 г. сентябрь — 1947 г. май. Доцент Исторического факультета МГУ.
- 1946 г. 8 мая. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

- 1946—1947 гг. Доцент Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел СССР.
- 1946—1959 гг. Член ученого совета кафедры истории СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС.
- 1946 г. 27 июня. Защитил диссертацию на ученую степень доктора исторических наук по теме «Очерки по истории русских феодальных отношений XIV—XV вв.» на заседании Ученого совета Института истории Академии наук СССР. Текст диссертации с немного измененным названием издан в двух томах: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1; М., 1951. Ч. 2.
- 1946 г. 1 июля — 1948 г. май. Научный сотрудник сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР.
- 1947 г. 5 апреля. Утвержден в ученой степени доктора исторических наук Высшей аттестационной комиссией при Министерстве высшего образования СССР.
- 1947 г. 17 мая. Утвержден в ученом звании профессора Высшей аттестационной комиссией при Министерстве высшего образования СССР.
- 1947 г. — 1960 г. Профессор Исторического факультета МГУ.
- 1947 г. — 1952 г. Профессор Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел СССР.
- 1947 г. май — 1949 г. июль. Профессор Московского государственного историко-архивного института Главного архивного управления Народного комиссариата внутренних дел СССР.
- 1947—1951 гг. Член Ученого совета МГИАИ.
- 1947—1955 гг. Член Научного совета Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им В. И. Ленина.
- 1948 г. 27 апреля. Награжден медалью «В память 800-летия Москвы».
- 1948 г. 27 мая. — 1951 г. октябрь. Старший научный сотрудник сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР.
- 1949 г. июль. Освобожден от постоянной работы в качестве профессора МГИАИ по повторной просьбе Л. В. Черепнина в связи с отказом Института истории АН СССР дать разрешение на совместительство.
- 1950—1955 гг. Член секции «История СССР» Ученого совета Института истории АН СССР.
- 1950—1977 гг. Член Научного совета Центрального государственного архива древних актов.
- 1951—1962 гг. Член Ученого совета исторического факультета МГУ.

- 1951 г. 19 октября — 1969 г. Заведующий сектором истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР.
- 1953—1958 гг. Член главной редколлегии издания «Очерки истории СССР. Период феодализма».
- 1953—1969 гг. Член Большого Ученого совета Института истории АН СССР.
- 1954 г. 10 мая. Награжден медалью «За трудовую доблесть».
- 1954 г. Командирован в Польшу на юбилейную научную сессию, посвященную 500-летию воссоединения Поморья с польскими землями и 10-летию освобождения Польши от немецкого фашизма; первый выезд за пределы СССР.
- 1954—1957 гг. Член редколлегии продолжающегося издания «Исторические записки».
- 1956—1960 гг. Председатель Киевского районного отделения Общества по распространению политических и научных знаний.
- 1957 г. Вступил в Коммунистическую партию Советского Союза.
- 1957 г. 27 декабря. Присуждена премия им. М. В. Ломоносова второй степени МГУ за работы «Русская палеография» и «Русская историография до XIX в.»
- 1957—1960 гг. Член редколлегии журнала «Вопросы истории».
- 1957—1969 гг. Член главной редакции издания «История Молдавии. Документы и материалы».
- 1957—1977 гг. Член редколлегии журнала «История СССР».
- 1958 г. Командирован в Румынию на сессию, посвященную истории развития румыно-русских и румыно-советских связей.
- 1958 г. Командирован в Бельгию на сессию Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений.
- 1958—1977 гг. Член Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений при Международном комитете исторических наук.
- 1959 г. Командирован в Швецию во главе делегации советских историков и архивных работников для работы в архивах Стокгольма и Упсалы.
- 1959 г. Командирован во Францию для чтения лекций в Высшей школе практических знаний при Парижском университете [Сорбонна].
- 1959—1966 гг. Ответственный редактор многотомного издания «Соловьев С. М. История России с древнейших времен».
- 1960 г. Командирован в Швецию на XI Международный конгресс исторических наук.
- 1960—1977 гг. Член Научного совета Главного архивного управления (ГАУ) при Совете Министров СССР.

- 1961—1976 гг. Редактор-консультант «Советской исторической энциклопедии».
- 1962 г. Награжден Почетной грамотой Главного архивного управления при Совете Министров СССР за безупречную работу на благо архивного дела.
- 1962—1977 гг. Заместитель председателя Научного совета «История исторической науки» АН СССР.
- 1963 г. Командирован в Англию на III конференцию советских и английских историков.
- 1963 г. Командирован во Францию на VII Международный семинар по проблемам гуманизма.
- 1964 г. Командирован в Румынию в связи с подготовкой совместного издания «Исторические связи народов СССР и Румынии».
- 1964—1977 гг. Заместитель председателя секции «Генезис и развитие феодализма» Научного совета «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» АН СССР.
- 1965 г. Командирован в Австрию на XII Международный конгресс исторических наук.
- 1965 г. Командирован в Швецию в связи с подготовкой совместного издания «Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.»
- 1965—1977 гг. Член редколлегии издания «История и историки».
- 1965—1977 гг. Член Международной ассоциации по славянским исследованиям.
- 1966—1968 гг. Член редакционной комиссии первой серии многотомного издания «История СССР с древнейших времен до наших дней».
- 1967—1969 гг. Член Ученого совета Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела.
- 1968—1977 гг. Член Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР.
- 1969—1977 гг. Заведующий отделом истории докапиталистических формаций на территории СССР Института истории СССР АН СССР.
- 1969—1977 гг. Заведующий сектором истории СССР периода феодализма Института истории СССР АН СССР.
- 1969 г. Командирован в Италию на IV конференцию советских и итальянских историков.
- 1969 г. Командирован в Венгрию для участия в обсуждении проблем развития и истории культуры, организованном Институтом истории АН Венгрии и редакционным советом многотомной «Истории Венгрии».
- 1969—1976 гг. Член Большого Ученого совета Института истории СССР АН СССР.

- 1969—1976 гг. Член секции «История СССР дооктябрьского периода» Ученого совета Института истории СССР АН СССР.
- 1969—1977 гг. Член Национального комитета историков Советского Союза.
- 1969—1977 гг. Редактор-консультант третьего издания «Большой советской энциклопедии».
- 1970 г. Награжден юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».
- 1970 г. 28 августа Присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР» за заслуги в области исторической науки и в подготовке научных кадров*.
- 1970 г. Участвовал в работе V Международного конгресса экономической истории (Ленинград).
- 1970 г. август. Участвовал в работе XIII Международного конгресса исторических наук (Москва).
- 1970 г. август. Председатель сессии Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений (Москва).
- 1970 г. Избран вице-президентом Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений при Международном комитете исторических наук.
- 1970 г. Командирован во Францию на симпозиум советских и французских историков.
- 1970—1977 гг. Член Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР.
- 1971—1977 гг. Член комиссии по истории Ученого методического совета Министерства просвещения СССР.
- 1972 г. Командирован в Венгрию на сессию Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений.
- 1972 г. 12 октября. Присуждена Государственная премия Молдавской ССР за участие в двухтомном труде «История Молдавской ССР»**.
- 1972 г. 29 ноября. Избран действительным членом Академии наук СССР.
- 1972—1977 гг. Член бюро Научного совета «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» АН СССР.
- 1972—1977 гг. Член советской части советско-румынской комиссии историков.

---

* Московская правда. 1970. 5 сент.

** Сов. Молдавия. 1972. 12окт.

- 1972 г. Издан том: *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сборник статей, посвященный Л. В. Черепнину*. М.: Наука.
- 1973 г. Член бюро Национального комитета историков Советского Союза.
- 1973—1977 гг. Член Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР.
- 1973—1977 гг. Председатель редакционной коллегии серии «Памятники исторической мысли».
- 1973—1977 гг. Член редколлегии издания «Источниковедение отечественной истории».
- 1973—1977 гг. Член комиссии Исполкома Московского совета по наименованию улиц.
- 1974 г. Награжден Почетной грамотой Президиума АН СССР за успехи в работе, активное участие в общественной жизни в связи с 250-летием Академии наук СССР.
- 1974 г. Командирован в Италию во главе делегации советских историков на VI конференцию советских и итальянских историков.
- 1975 г. 11 апреля. Награжден орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в развитии советской исторической науки, подготовке научных кадров и в связи с 70-летием со дня рождения*.
- 1975 г. Награжден медалью «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»
- 1975 г. Издан том: *Общество и государство феодальной России*. Сб. статей, посвященный 70-летию академика Льва Владимировича Черепнина. М.: Наука.
- 1975 г. Член Пленума Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР.
- 1975—1977 гг. Член Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики АН СССР.
- 1976—1977 гг. Председатель экспертной комиссии по присуждению премии им. Б. Д. Грекова.
- 1976—1977 гг. Член специализированного Совета по истории СССР дооктябрьского периода по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук Института истории СССР АН СССР.
- 1976—1977 гг. Член научно-производственной секции Ученого совета по истории СССР дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР.

---

* Вед. Верх. Сов. СССР. 1975. № 16. С. 240.

- 1978 г. Посмертно издана монография: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М.: Наука.
- 1980 г. 26—28 ноября. Чтения (первые), посвященные памяти акад. Л. В. Черепнина, на тему «Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV—XVIII вв.» Москва, Институт истории СССР АН СССР; издан том тезисов докладов.
- 1981 г. Присуждена Государственная премия СССР за цикл работ «Образование и развитие Русского централизованного государства», опубликованных в 1948—1978 гг.*
- 1981 г. Посмертно издан том публиковавшихся ранее и неопубликованных работ: *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. Сб. статей. М.: Наука.
- 1983 г. 25—27 октября. Чтения, посвященные памяти акад. С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина, на тему: «Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитой феодализм». Москва, Институт истории СССР и Институт всеобщей истории АН СССР; издан том тезисов докладов.
- 1984 г. Посмертно издан том публиковавшихся ранее и неопубликованных работ: *Черепнин Л. В.* Отечественные историки. XVIII—XX вв.: Сб. статей, выступлений, воспоминаний. М.: Наука.
- 1985 г. 30 октября — 1 ноября. Юбилейные чтения (третьи), посвященные 80-летию со дня рождения акад. Льва Владимировича Черепнина на тему «Феодализм в России». Москва, Институт истории СССР АН СССР; издан том тезисов докладов.
- 1987 г. Издан том: Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина. М.: Наука.
- 1989 г. 5—7 апреля. Чтения (четвертые), посвященные памяти акад. Л. В. Черепнина на тему «Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации. (Ранний и развитой феодализм)». Кишинев, Институт истории им. Я. С. Гросула АН Молдавской ССР, Институт истории СССР АН СССР; изданы 2 тома тезисов докладов.
- 1994 г. 13—16 июня. Международная конференция — Чтения (пятые) памяти акад. Л. В. Черепнина на тему: «Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв.», г. Долгопрудный, Московский физико-технический институт Госкомитета РФ по высшему образованию, Институт истории СССР АН СССР; изданы 2 тома тезисов докладов.

---

* Правда. 1981. 6 нояб.

- 2004 г. Вышла в свет подготовленная в 1934 г. и получившая тогда же разрешение Главлита на издание публикация: *Унковский С. Я.* Записки моряка. 1803—1818 гг. М.: Изд-во им. Сабашниковых, со вступительной статьей Л. В. Черепнина.
- 2005 г. декабрь. Международная конференция — Чтения (шестые), посвященные 100-летию со дня рождения акад. Л. В. Черепнина, на тему: «Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время», Москва, Институт всеобщей истории АН СССР.
- 2010 г. Издан том: Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти академика Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур. 992 с.
- 2013 г. январь. В серии «Фотолетопись. Мастера российской историографии» издан раздел: Лев Владимирович Черепнин (более 30 фотовоспроизведений) — Исторический архив. № 1. С. 46—61.
- 2015 г. Фототипическое переиздание тома «Судебники XV—XVI веков». М.; Л., 1952. Изд-во АН СССР (в нём — *Черепнин Л. В.* Судебник 1497 г. — Введение, подготовка текста, комментарии). СПб.: Наука.
- 2015 г. В издании «Историки России. Иконография. Книга третья». Опубликован раздел «Черепнин Лев Владимирович». С. 202—217.
- 2015 г. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. М.: Языки славянской культуры.
- 2015 г. Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. [Репринтное переиздание. М.: Наука, 1978]. Приложение. М.: Языки славянской культуры.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ АКАД. Л. В. ЧЕРЕПНИНА*

Аврех А. Я. [Выступление на обсуждении доклада Л. В. Черепнина «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.)»] // Документы советско-итальянской конференции историков, 8—10 апр. 1968 г. М.: Наука, 1970. С. 219—224.

Автократова М. Н., Сметанина С. И. Полвека работы в архиве // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 38—46.

Александрович Т. М. Вопросы истории сословно-представительных учреждений в России 20—30-х гг. XVII в. в советской историографии // Историографический сборник. Саратов: Саратовск. госуд. ун-т, 1978. Вып. 13. С. 74—80.

Ананьич Б. В., Панях В. М. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929—1931 гг. // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 3. С. 93—113 (О Л. В. Черепнине — С. 102—111).

Андреевская Н. В. [Отклик на статью Л. В. Черепнина «О постановке исторического образования в средней школе». 1959] // История СССР. 1959. № 3. С. 150—152.

Ардабацкий Е. Н. Церковь и государство на земских соборах XVI—начала XVII в. // История России: диалог российских и американских историков. Материалы российско-американской науч. конф. Саратов: Саратовск. госуд. ун-т, 1994. С. 239—249.

Артизов А. Н. Л. В. Черепнин в Московском обществе истории и древностей российских // Археографический ежегодник за 1990 год. М.: Наука, 1992. С. 160—163.

Базилевич К. В. [Рец. на кн.:] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1 // Сов. кн. 1949. № 7. С. 69—73.

Блащук С. Н. Вклад Л. В. Черепнина в процесс исследования Русской Правды (вторая половина 1920 — 1940-х гг.) // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 44—49.

---

* Раздел составлен И. Г. Бебих и Р. И. Горячевой (по 1982 г.), дополнен и продолжен В. Д. Назаровым и П. В. Прониной (по 2015 г.).

Бондаренко А. Ф., Киселев М. Ю. Черепнин Лев Владимирович // Историки России. Иконография. Кн. 3 / Отв. ред. и сост. А. А. Чернобаев. М.: Изд-во «Собрание», 2015. С. 202—217.

Буганов В. Книга об удивительном открытии: [Рец. на кн.: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969] // Новый мир. 1971. № 4. С. 260—264.

Бурдей Г. Д. [Рец. на кн.:] Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953. Ч. 1 // Преп. истории в школе. 1954. № 6. С. 88—95.

Бурдей Г. Д. [Рец. на кн.:] Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960 // Преп. истории в школе. 1961. № 6. С. 94—100.

Введение [Редколлегия] // Русское централизованное государство: Образование и эволюция. XV—XVIII вв. Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. и сообщ. Москва, 26—28 нояб. 1980 г. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1980. С. 3—4.

Введение [Редколлегия] // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитой феодализм. Чтения, посвящ. памяти акад. С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщ. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. С. 3—4.

Введение [Редколлегия] // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвящ. 80-летию со дня рожд. акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщ. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. С. 3—4.

Введение [Редколлегия] // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (Ранний и развитой феодализм). Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. С. 3—6.

Введение [Редколлегия] // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Межвузовский центр гуманитарного образования «Петр Великий» Московского физико-технического ин-та, 1994. С. 3—4.

Введение [Редколлегия] // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 9—12.

Введенський А. О., Дядиченко В. А. Важлива галузь історичної науки: [Рец. на кн.: Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956] // Укр. кт. журн. 1957. № 3. С. 134—138.

Вовина-Лебедева В. Г. Лев Владимирович Черепнин — исследователь летописания // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 35—43.

Водарский Я. Е. Русский город в эпоху феодализма (К проблеме горообразование) // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 308—314.

Гиндин И. Ф. [Выступление на обсуждении доклада Л. В. Черепнина «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.)»] // Документы советско-итальянской конференции историков, 8—10 апр. 1968 г. М.: Наука, 1970. С. 224—236.

Глазьев В. Н. Южнорусские выборные на земских соборах середины XVII века // Общественная жизнь Центрального региона России в XVII — начале XX века. Сб. трудов Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 2002. С. 18—36.

Горская Н. А. [Подгот. к печати: Выступление на заседании секции Истории СССР периода феодализма НСО... см. хронологический указатель трудов Л. В. Черепнина] // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященных памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 1987. С. 85.

Горский А. Д. Еще раз об изучении сущности «черного» землевладения в феодальной России // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (Ранний и развитый феодализм). Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщ. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. Ч. II. С. 188—199.

Горский А. Д. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в творчестве Л. В. Черепнина: (К 70-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1975 год. М.: Наука, 1976. С. 163—171, фото.

Горский А. Д. Лев Владимирович Черепнин — профессор Московского университета // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвящ. 80-летию со дня рожд. акад. Л. В. Черепнина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. С. 5—9.

Горский А. Д. Лев Владимирович Черепнин — профессор Московского университета // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 21—29.

Горский А. Д. Некоторые итоги, задачи и перспективы изучения новгородских берестяных грамот: (По поводу книги Л. В. Черепнина «Новгородские берестяные грамоты как исторический источник» [М., 1969]) // История СССР. 1970. № 6. С. 133—142.

Горский А. Д. Памяти академика Л. В. Черепнина // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 110—115.

Горский А. Д. Проблемы образования и развития Русского централизованного государства в трудах Л. В. Черепнина // Русское централизованное государство: Образование и эволюция. XV—XVIII вв. Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщ. Москва, 26—28 нояб. 1980 г. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1980. С. 6—11. Ротапринт.

Гранстрем Е. Э. [Рец. на кн.:] *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956 // История СССР. 1958. № 2. С. 160—163.

Гросул Я. С., Мохов П. А. Роль Л. В. Черепнина в становлении исторической науки в советской Молдавии // Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1975. С. 9—12.

Груша А. И. Кириллическое и латинское письмо: общее и отличное в истории и изучении // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 82—91.

Дружинин Н. М., Пацуто В. Т. К семидесятилетию академика Л. В. Черепнина // История СССР. 1975. № 2. С. 224—228.

Дружинин Н. М., Пацуто В. Т. К семидесятилетию Л. В. Черепнина // Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1975. С. 3—8.

Дружинина Е. И. Л. В. Черепнин как человек // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 5—13.

Дудзинская Е. А. Мои воспоминания о Л. В. Черепнине // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина М.: Наука, 1987. С. 72—79.

Жуков В., Черныш Е., Раевский Н. Обобщающий труд молдавских историков: [Рец. на кн.: История Молдавской ССР. Т. 1. Кишинев, 1965] // Сов. Молдавия. 1966. 15 окт.

З. Д. Новое пополнение Отделения истории АН СССР: [Л. В. Черепнин] // Вопр. истории. 1973. № 1. С. 150—151.

Зеленев М. В. (ред.). В. И. Невский и «Академическое дело» // Исторический архив. 1995. № 4. С. 202—203 (черновик письма директора Гос. библиотеки им. В. И. Ленина В. И. Невского от 22 мая 1933 г. председателю ВЦИК СССР М. И. Калинину с просьбой о возвращении из ссылки в Москву С. В. Бахрушина и Л. В. Черепнина).

Зимин А. А. [Рец. на кн.:] Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952 // Вопр. истории. 1953. № 5. С. 113—117.

Зимин А. А. [Рец. на кн.:] Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951. Ч. 2 // Сов. кн. 1952. № 4. С. 65—68.

Зимин А. А., Пацуто В. Т. [Рец. на кн.:] Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1 // Вопр. истории. 1949. № 9. С. 119—122.

Иванов А. С. Историографические и археографические аспекты реконструкции исторических комплексов источников // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 97—105.

Иллерицкий В. Е. Новое издание «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. М., 1959—1960 // Вопр. истории. 1960. № 10. С. 106—107.

Иллерицкий В. Е. [Рец. на кн.:] Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века: Курс лекций. М., 1957 // Вопр. истории. 1957. № 12. С. 182—188.

Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука, 1980. С. 13—15, 181. (Сер. Науч. биогр.).

[К награждению Л. В. Черепнина орденом Трудового Красного Знамени] // Вестн. АН СССР. 1975. № 6. С. 120, портр.

К 60-летию Льва Владимировича Черепнина // История СССР. 1965. № 2. С. 237.

Каменцева Е. И. Л. В. Черепнин в Историко-архивном институте // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 13—21.

Каменцева Е. И., Николаева А. Т. [Рец. на кн.:] Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974 // Сов. архивы. 1976. № 2. С. 106—109.

Каишанов С. М. [Рец. на кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965] // История СССР. 1967. № 5. С. 158. (Каишанов С. М., Клокман Ю. Р. Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX века).

Каишанов С. М. Лев Владимирович Черепнин (1905—1977): (Некролог) // Археологический ежегодник за 1977 год. М.: Наука, 1978. С. 378—380, фото.

Каишанов С. М. Основные проблемы образования Русского централизованного государства в советской исторической науке [19]40-х—[19]60-х годов // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвящ. 80-летию со дня рожд. акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщ. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. С. 59—62.

Каишанов С. М. Русский «удел» XIV—XVI вв. как социально-классическое явление (правовые основы и практика) // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитый феодализм. Чтения, посвящ. памяти акад. С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. С. 46—51.

Каишанов С. М. Черепнин Лев Владимирович // Московская энциклопедия. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 5. М., 2012. С. 280—281.

Кинкулькин А. Т., Коровкин Ф. П. [Отклик на статью Л. В. Черепнина «О постановке исторического образования в средней школе». 1959] // История СССР. 1959. № 3. С. 153—158.

Ковалев М. В. Незданная рецензия А. В. Флоровского на книгу Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV веков» (Ч. 1. М.; Л., 1948; Ч. 2. М., 1951) // Мир историка. Омск, 2015. С. 463—468.

Ковальченко И. Д., Корецкий В. И., Флоря Б. Н. [Рец. на кн.:] Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978 // Вопр. истории. 1980. № 3. С. 136—142.

Коковин А. Я. [Отклик на статью Л. В. Черепнина «О постановке исторического образования в средней школе». 1959] // История СССР. 1959. № 3. С. 152—153.

Колесников И. [Рец. на кн.:] Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944 // Ист. журн. 1945. № 3. С. 84—85.

Колычева Е. И., Шаццлло К. Ф. [Рец. на кн.:] Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971 // История СССР. 1972. № 5. С. 196.

Комочев Н. А. Философия и дипломатика в трудах Л. В. Черепнина // Когнитивная история: концепция, методы, исследовательские практики. Сб. статей памяти О. М. Межушевской. М.: Российский госуд. гуманитарный ун-т, 2011. С. 182—193.

Корзинин А. Л. Земский собор 1566 г. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История. 2011. № 3. С. 11—23.

Коростовцев М. А., Ким Г. Ф., Ковальченко И. Д. [Рец. на кн.:] Черепнин Л. В. Земский собор 1566 г. о продолжении войны с Польско-Литовским государством // Международные отношения и внешняя политика СССР: История и современность. М., 1977. С. 222—229 // Вопр. истории. 1978. №. 12. С. 158—159.

Крайнева Н. Я., Пронина П. В. Список научных трудов Л. В. Черепнина // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвящ. Л. В. Черепнину. М.: Наука, 1972. С. 7—28.

Кривошеев Ю. В. О становлении государственности в Северо-Восточной Руси в XII — начале XVI в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Межвузовский центр гуманитарного образования «Петр Великий» Московского физико-технического ин-та, 1994. С. 237—243.

Кудряшов К. Н. [Рец. на кн.:] Археографический ежегодник за 1958 год / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1960 // История СССР. 1961. № 3. С. 183.

Куга А. В., Медынцева А. А. [Рец. на кн.:] Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969 // Сов. археология. 1972. № 1. С. 306—310.

Кузьмин А. Г. К спорам о методологии изучения начального летописания // История СССР. 1973. № 4. С. 219—231.

Курмачева М. Д. Четверть века во главе сектора // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 67—72.

Курмачева М. Д., Назаров В. Д. [Рец. на ст.:] Черепнин Л. В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах. 1972 // История СССР. 1974. № 1. С. 171.

Курмачева М. Д., Преображенский А. А. Обсуждение макета первого тома учебника «История СССР» [в Институте истории АН СССР, 17—18 марта 1955 г.] // Докл. и сообщ. / Ин-т истории АН СССР. 1955. Вып. 7. С. 79—92.

Кучкин В. А. Московское княжество в XIV в.: система управления и проблема феодальной государственной собственности // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (Ранний и развитой феодализм). Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. С. 171—183.

Лабутина И. К. «На городе» в тексте Псковской судной грамоты // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 509—516.

Л. В. Черепнин: [Некролог] // Сов. архивы. 1977. № 4. С. 127.

Лев Владимирович Черепнин: [Некролог] // Вестн. АН СССР. 1977. № 9. С. 95, портр.; Вопр. истории. 1977. № 7. С. 219—220; Новая и новейшая история. 1977. № 5. С. 219—220; Известия. Моск. веч. вып. 1977. 14 июня.

Левина С. А. Мой учитель // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 29—38.

Лихачев Д. С. [Рец. на кн.:] Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948—1951. Т. 1—2 // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т. 9. № 3. С. 300—304.

Манохина Л. Письмо от академика // Лен. путь. 1972. 22 дек.

Мастера российской историографии: Лев Владимирович Черепнин (1905—1977) [Введение и фотолетопись; подгот. к печати А. Ф. Бондаренко, М. Ю. Киселев] С. 46—61 (30 иллюстраций) // Исторический архив. 1913. № 1.

Медушевская О. М. Л. В. Черепнин и становление науки об источниках // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 53—58.

Назаров В. Д. Вслед за книгой акад. Л. В. Черепнина: Краткий обзор литературы о земских соборах (конец XX — начало XXI вв.) // Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 2015 [репринт издания 1978 г.]. С. I—XI.

Назаров В. Д. «Государев двор» и сословное представительство на Руси в XVI в. (традиции и изменения) // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитой феодализм. Тезисы докл. и сообщений. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1983. С. 58—61.

Назаров В. Д. Государственная феодальная собственность и эксплуатация в средневековой России. Проблемы и перспективы (заметки на полях историографической ситуации) // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). Тезисы докл. и сообщ. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1988. Ч. 1. С. 68—76.

Назаров В. Д. Лев Владимирович Черепнин (1905—1977) // Историки России XVIII—XX веков. Вып. 2. Архивно-информационный бюллетень № 10. Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1995. С. 144—155.

Назаров В. Д. Лев Владимирович Черепнин (1905—1977) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. I: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000. С. 285—303 (1 иллюстрация).

Назаров В. Д. Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука (1905—1977) // Черепнин Л. В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. М., 2015. С. 357—384.

[Назаров В. Д.] Л. В. Черепнин о русском государстве // Наука сегодня: Ежегод. справочник лектора. М., 1982. Вып. 10. С. 109—113.

Назаров В. Д. Научная конференция памяти академика Л. В. Черепнина // История СССР. 1981. № 6. С. 208—210.

Назаров В. Д. Черепнин Лев Владимирович // БСЭ. 3-е изд. 1978. Т. 29. С. 76, портр. Библиогр.: 6 назв.

Назаров В. Д. Черепнин Лев Владимирович // Советская историческая энциклопедия. 1974. Т. 15. Стб. 840—841.

Назаров В. Д. Черепнин Лев Владимирович // Историки России: Биографии. М.: РОСПЭН, 2001. С. 764—772.

Назаров В. Д., Репина Л. П. Чтения, посвященные памяти академиков С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина // Вопр. истории. 1984. № 2. С. 122—126.

Назаров В. Д., Советов П. В. Государственная феодальная собственность в России и Молдавии в советской послевоенной историографии и труды Л. В. Черепнина // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 102—119.

Назаров В. Д., Советов П. В. Проблемы государственной феодальной собственности в России и Молдавии в советской послевоенной историографии и труды акад. Л. В. Черепнина // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвящ. 80-летию со дня рожд. акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщ. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. С. 15—20.

Назаров В. Д., Советов П. В. [Рец. на кн.:] Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978 // Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 3. С. 93—96.

Назаров В. Д., Янин В. Л. К семидесятилетию академика Л. В. Черепнина // Вопр. истории. 1975. № 5. С. 149—155.

Назарова В. П., Осипова Р. Г. О книге Л. В. Черепнина «Русская палеография». М., 1956 // Информ. бюл. Гл. архив. упр. МВД СССР. 1957. № 6. С. 73—75.

Назарова Е. Л. Чтения памяти академиков С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина // История СССР. 1984. № 4. С. 212—216.

Назарова Е. Л. Чтения памяти Л. В. Черепнина // Вопр. истории. 1981. № 9. С. 163—165.

Назарова Е. Л., Назаров В. Д. Проблематика Русского централизованного государства в личном архиве Л. В. Черепнина // Русское централизованное государство: Образование и эволюция. XV—XVIII вв. Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. и сообщ. Москва, 26—28 нояб. 1980 г. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1980. С. 18—23.

Нечкина М. В. [Выступление на обсуждении доклада Л. В. Черепнина «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.)»] // Документы советско-итальянской конференции историков, 8—10 апр. 1968 г. М.: Наука, 1970. С. 251—257.

Нечкина М. В. О книге Л. В. Черепнина «Исторические взгляды классиков русской литературы». [М., 1968] // История СССР. 1970. № 3. С. 157—159.

Николаева А. Т. [Рец. на кн.:] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / Подгот. к печати И. А. Голубцов, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин. М., 1952. Т. 1 // Вопр. истории. 1953. № 3. С. 108—113.

Николаева А. Т. [Рец. на кн.:] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950 // Вопр. истории. 1952. № 2. С. 135—138.

Никулин В. Н. Теоретические аспекты истории крестьянских войн в России в творческом наследии Л. В. Черепнина // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 64—71.

Новый труд по истории феодализма: [Рец. на кн.: Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953. Ч. 1—2] // Вопр. истории. 1954. № 8. С. 122—128.

Носов Н. Е. [Рец. на кн.:] Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвящ. Л. В. Черепнину. М., 1972 // Вопр. истории. 1973. № 12. С. 149—150.

Носов Н. Е. Централизация и сословное представительство в России XVI в. (закон и действительность) // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитый феодализм. Тезисы докл. и сообщ. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1983. С. 51—57.

Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (Ранний и развитый феодализм). Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина [Кишинев, 5—7 апреля 1989]. Тезисы докл. и сообщ. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. [Вып.] I. С. 1—170; [Вып.] II. С. 171—335.

Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитый феодализм. Чтения, посвящ. памяти акад. С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина. Москва, 25—27 октября 1983 г. Тезисы докл. и сообщ. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. 121 с.

[О докладе Л. В. Черепнина «Вотчина митрополита в XV—XVI вв. на территории Московского, Дмитровского, Звенигородского и Коломенского уездов», сделанном на заседании культурно-исторической секции московских историков-краеведов, 16 янв. 1930 г.] // Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изуч. истории сов. ист. краеведения / Сост. С. Б. Филимонов; Под ред. С. О. Шмидта. М.: Археогр. комис. АН СССР, 1976. С. 117—118.

От редакции // Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: Теорет. пробл. истории феодализма. Сб. статей. М., 1981. С. 3—4.

От редколлегии // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 3—4.

Обсуждение книги Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1 [в секторе истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР] // Вестн. АН СССР. 1949. № 8. С. 83.

Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина // М.: Наука, 1975. 351 с., 1 л. портр.

Павленко Н. И. [Выступление на обсуждении доклада Л. В. Черепнина «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.)»] // Докумен-

ты советско-итальянской конференции историков, 8—10 апр. 1968 г. М.: Наука, 1970. С. 179—186.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.) СПб.: Наука, 1992. 280 с. (Ч. III. Гл. 1. Самодержавие и земские соборы. С. 218—227).

Павлов А. П. К вопросу о характере представительства на Земском соборе 1613 г. Кафедры истории России и современная отечественная историческая наука. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 446—464.

Паушто В. Т. Поборник научного историзма // Русское централизованное государство: Образование и эволюция. XV—XVIII вв. Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщ. Москва, 26—28 нояб. 1980 г. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1980. С. 5—6.

Паушто В. Т. Поборник научного историзма // *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. Сб. статей. М., 1981. С. 5—11.

Паушто В. Т., Назаров В. Д. Памяти старшего друга: О Льве Владимировиче Черепнине // История СССР. 1978. № 1. С. 144—156.

Пиотровский Б. Б., Паушто В. Т. Во славу отчизны: [К выдвижению трудов Л. В. Черепнина на соискание Государственной премии СССР] // Правда. 1980. 3 окт.

Подольская И. Неудавшаяся попытка: [Рец. на кн.: *Черепнин Л. В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968] // Вопр. лит. 1969. № 11. С. 210—214.

Полевой Л. Л. Феодальная государственная собственность и возникновение средневековых городов Молдавии // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщ. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. С. 137—147.

Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. М.: РОСПЭН, 1999. [Кн.] 1. [Ч.] IV. О корифеях нашей науки. Стокгольм, 1960 (О Л. В. Черепнине). С. 273—280.

Поляков Ю. А. Минувшее. Фрагменты (Воспоминания историка). Кн. 2. М.: Сообразование, 2011. С. 57—107.

Поляков Ю. А. Стокгольм, 1960 // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 79—82.

Предисловие: [О науч. деятельности Л. В. Черепнина] // Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1975. С. 1—2.

Преображенский А. А. Проблемы классовой борьбы XVII — XVIII вв. и абсолютизма в трудах Л. В. Черепнина // Русское централизованное государство: Образование и эволюция, XV—XVIII вв. Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы

докл. и сообщ. Москва, 26—28 нояб. 1980 г. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1980. С. 12—18.

Пронина П. В. Список научных трудов академика Л. В. Черепнина и литература о его жизни и трудах // Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1975. С. 344—347.

Пушкарев Л. Н. Л. В. Черепнин — человек и ученый // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 58—67.

Пушкарев Л. Н. Л. В. Черепнин — человек и ученый // Отечественная история. 2001. № 1. С. 175—183.

Пушкарев Л. На переднем крае исторической науки: [Рец. на кн.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972] // Новый мир. 1973. № 3. С. 272—274.

Пушкаренко А. А. Общество (сословия) и государственная власть как субъекты правотворчества в период сословно-представительной монархии в России // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитый феодализм. Тезисы докл. и сообщ. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. С. 107—111.

Пьянков А. Я. [Рец. на кн.:] Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965 // История СССР. 1967. № 2. С. 132—133.

Рец. на кн.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972 // История СССР. 1974. № 1. С. 194—200.

Румянцева В. С. Лев Владимирович Черепнин // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издат. центр «Скрипторий», 1997. С. 511—537.

Русев Е. Черепнин Лев Владимирович // Молдавская советская энциклопедия. 1980. Т. 7. С. 314, портр. (На молд. яз.)

Русское централизованное государство: Образование и эволюция, XV—XVIII вв. Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщ. Москва, 26—28 нояб. 1980 г. // М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1980. 125 с.

Рутенбург В. Н. С Л. В. Черепниным в Италии // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 82—85.

Рындзюнский П. Г. Л. В. Черепнин // Вопр. истории. 1965. № 6. С. 179—180. (Творч. путь сов. ученых.)

Самсонов А. М., Корецкий В. И. [Рец. на:] *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. М.: Наука, 1981. 280 с. // История СССР. 1983. № 2. С. 179—183.

Сахаров А. Видный советский историк // Моск. ун-т. 1958. 22 янв., портр.

Сахаров А. Л. В. Черепнин — лауреат Ломоносовской премии // Вестн. Моск. ун-та. Ист.-филол. сер. 1958. № 3. С. 222—224.

Сахаров А. М. [Рец. на кн.:] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2 // История СССР. 1967. № 5. С. 184—186.

Сахаров А. М. [Рец. на кн.:] Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972 // Вопр. истории. 1973. № 5. С. 160—162.

Сахаров А. Н. [Рец. на кн.:] Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. Сб. статей. М., 1970 // Вопр. истории. 1971. № 8. С. 158.

Синицина Н. В. Идея законности в русской общественной жизни и общественной мысли конца XV — первой трети XVI в. // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитой феодализм. Чтения, посвящ. памяти акад. С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщ. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. С. 71—76.

Синицина Н. В. Обрушился ли преп. Максим Грек в Москве на итальянский гуманизм? // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 15—34.

Синицина Н. В. Проблемы общественной мысли эпохи образования русского централизованного государства и творчество Л. В. Черепнина // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 172—184.

Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв.: (По поводу исследования Л. В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.») [М., 1960] // История СССР. 1962. № 2. С. 138—161; № 3. С. 137—162.

Советов П. В. Общее и особенное в развитии феодализма в Молдавии в сравнении с Россией и другими странами Европы и Азии (проблема «государственного феодализма», государственной собственности и эксплуатации) // Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщ. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1988. С. 76—91.

Советская историография Киевской Руси. Л.: Наука, 1978. С. 40—41, 112—113, 117, 122, 126, 146.

Солодкин Я. Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI в. Спорные проблемы истории и историографии. Нижневартовск, 2010. 162 с.

[Сообщение о чествовании в Институте истории СССР АН СССР Л. В. Черепнина в связи с присвоением ему почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР»] // Вопр. истории. 1971. № 2. С. 172—173.

Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Москва, 13—16 июня 1994 г. Тезисы докл. М.: Межвузовский центр гуманитарного образования «Петр Великий» Московского физико-технического ин-та, 1994. Ч. I. 358 с.; Ч. II. 376 с.

Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. 992 с., портр.

Стефанович П. С. Боярское «право отъезда» в домонгольской Руси // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 334—343.

Тальман Е. М. [Рец. на кн.:] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. 1 // Ист. архив. 1956. № 5. С. 183—185.

Тальман Е. М. [Рец. на кн.:] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950 // Ист. архив. 1956. № 5. С. 185—186.

Тихомиров М. Н. Отзыв о докторской диссертации Л. В. Черепнина «Очерки по истории русских феодальных отношений XIV—XV вв.» // *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII веков. М.: Наука, 1973. С. 299—300.

Тихомиров М., Шунков Б., Яцунский В. Очерки истории СССР: [Рец. на кн.: Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953. Ч. 1—2] // Коммунист. 1954. № 10. С. 111—118.

Торке Х.-Й. Так называемые земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 3—10.

Тришкан И. Е. Черепнин Лев Владимирович // Энциклопедический словарь Московского гос. ун-та. Исторический фак-т. М., 2004. С. 503—506.

Устюгов Н. [Рец. на кн.:] *Чаев Н. С., Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1946 // Вопр. истории. 1947. № 12. С. 110—112.

Устюгов И. В. [Рец. на кн.:] *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956 // Ист. архив. 1957. № 3. С. 240—243.

Уховская П. Л., Агибалова Е. В. [Отклик на статью Л. В. Черепнина «О постановке исторического образования в средней школе». 1959] // История СССР. 1959. № 3. С. 148—150.

Ученый-патриот: [Л. В. Черепнин] // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвящ. Л. В. Черепнину. М.: Наука, 1972. С. 5—6.

Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. 338 с.

Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвящ. 80-летию со дня рожд. акад. Л. В. Черепнина. Москва, 30 октября — 1 ноября 1985 г. Тезисы докл. и сообщ. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. 228 с.

Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвящ. Л. В. Черепнину. М.: Наука, 1972. 439 с., 1 л. портр.

Флоровский А. В. [Рец. на кн.:] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948; Ч. 2. М., 1951 // *Ковалев М. В.* Неизданная рецензия А. В. Фло-

повского на книгу Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» // Мир историка. Вып. X. Омск, 2015. С. 463—468.

Флоря Б. Н. Земские соборы и внешняя политика Русского государства в первой половине XVII в. // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 631—643.

Флоря Б. Н. Избрание царя Михаила Романова // Исторический вестник. М.: Руниверс, 2013. Т. 3 (150). С. 6—22.

Флоря Б. Н. О земском соборе 1621 г. // История СССР, 1981. № 4. С. 96—105.

Флоря Б. Н. Ордин-Нащокин о созыве Земского собора // *Paleobureaucratica*. Сб. статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. М.: Древлехранилище, 2012. С. 340—345.

Формозов А. Историзм русской литературы: [Рец. на кн.: *Черепнин Л. В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968] // Новый мир. 1969. № 4. С. 267—271.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. Спорные вопросы развития государственной собственности в древней Руси // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщений. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. Ч. I. С. 101—107.

Чекурин Л. В. Династия историков Черепнинных // *Чекурин Л. В.* Историческое краеведение: Историография и источниковедение. М., 1991. С. 150—162.

Чекурин Л. В. Семья Черепнинных в Рязани // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвящ. 80-летию со дня рожд. акад. Л. В. Черепнина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. С. 9—14.

Черепнин Л. В. // Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 1498.

[Черепнин Л. В. Краткий биографический очерк] // Наука и человечество: Междунар. ежегодник, 1978. М.: Знание, 1978. С. 28, портр.

Черепнин Лев Владимирович // Ежегодник БСЭ. 1973. Вып. 17. С. 632.

Черепнин Лев Владимирович // Историки России XX века. Биобиблиографический словарь. Т. 2. Саратов: Саратовский гос. социально-экономический ун-т, 2005. С. 499—500.

Черепнин Лев Владимирович: [К избранию академиком АН СССР] // Преп. истории в школе. 1973. № 2. С. 33, портр.

Черкасова М. С. Формы расчлененной собственности в вотчине Троице-Сергиева монастыря XV вв. // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвящ. 80-летию со дня рожд. акад. Л. В. Черепнина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. С. 41—44.

Черных П. [Рец. на кн.:] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950 // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1951. Т. 10. Вып. 5. С. 504—507.

Шаскольский И. П. [Рец. на кн.:] Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962 // *Вопр. истории.* 1963. № 1. С. 131.

Шмидт С. Из истории сословно-представительных учреждений на Руси: [Рец. на кн.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978] // *Коммунист.* 1981. № 11. С. 118—120.

Шмидт С. О. (подгот. к печати): Вступительное слово Л. В. Черепнина [перед защитой докторской диссертации в 1946 г.] // *Археографический ежегодник за 1985 г.* М.: Наука, 1986. С. 320—324.

Шмидт С. О. О выступлении Л. В. Черепнина на заседании памяти П. М. Стрובה. 1946 г.) // *Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина.* М.: Наука, 1987. С. 46—52.

Шохин Л. И. Неопубликованная работа Л. В. Черепнина «В. О. Ключевский как источниковед» // *Источниковедение и историография: Спец. ист. дисциплины. Сб. статей.* М., 1980. С. 104—106.

Шохин Л. И. Неопубликованный доклад Л. В. Черепнина «В. О. Ключевский как источниковед» // *Археографический ежегодник за 1980 год.* М., 1981. С. 331—332.

Шохин Л. И. (подгот. к печати): *Черепнин Л. В.* В. О. Ключевский как источниковед [1946 г.] // *Археографический ежегодник за 1980 г.* М.: Наука, 1981. С. 332—340.

Щапов Я. Н. [Рец. на:] *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. М.: Наука, 1981 г. 280 с. // *Вопр. истории.* 1984. № 6. С. 138—140.

Юсова Н. Н. Древнерусская народность в работах Л. В. Черепнина // *Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина.* М.: Языки славянских культур, 2010. С. 50—63.

Янин В. Л. [Рец. на кн.:] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969 // *Вопр. истории.* 1971. № 5. С. 168—172.

Янин В. Л., Горский А. Д., Леонтьев А. К. [Рец. на кн.:] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978 // *История СССР.* 1979. № 5. С. 198—202.

Янин В. Л., Назаров В. Д. Лев Владимирович Черепнин: (творческий облик исследователя) // *История СССР.* 1986. № 1. С. 94—108.

Afferica J. [Rec.] *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. М.: Наука, 1981. 280 с. // *American historical review.* Washington, 1984. Vol. 89. No. 2. P. 486—487.

Afferica J. Academician Lev Vladimirovich Cherepnin, 1905—1977: In memoriam // *Slav. rev.* 1980. Vol. 39. No. 4. P. 633—668, portr.

Alef G. [Rec. ad op.:] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960 // *Am. hist. rev.* 1965. Vol. 70. No. 4. P. 1164.

Andreyev N. [Rec. ad op.:] Russian feudal archives of the 14th and 15th centuries. I—II / By L. V. Cherepnin. M., 1951 // Slav. East Europ. Rev. 1953. Vol. 32. No. 78. P. 267—268.

Assmann E. [Rec. ad op.:] Очерки истории СССР. М., 1953 // Hans. GeschBl. 1956. Jg. 74. S. 204.

Bélay V. [Rec. ad op.:] Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956 // Levélt közl. 1960. No. 31. P. 331—335. old.

Bogdan D. P. [Rec. ad op.:] Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956 // Romanoslavica. 1958. T. 3. P. 277—279.

Brown P. The Zemskii Sobor in Recent Soviet Historiography // Russian History. 1983. No. 10. P. 77—90.

Campbell J. [Rec.] Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с. // Slavic review. Seattle, 1981. Vol. 40. No. 1. P. 104—105.

Cherepnin Lev Vladimirovich // Prominent personalities in the USSR. Metuchen (New Jersey): The Scarecrow press, inc., 1968. P. 106—107.

Costăchel V. [Rec. ad op.:] Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1 // Studii. Rev. ist. filos. 1950. An. 3. No. 2. P. 213—214.

Czersko D. [Rec.] Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с. // Czasopismo prawno-historyczne. Poznań, 1980. T. 32. No. 2. P. 197—202.

Dolger F. [Rec. ad op.:] Grekow B. D., Tscherepnin L. W., Paschuto W. T. Geschichte der UdSSR. I. Berlin, 1957. 1072 S. // Byzant. Z. 1958. Bd. 51. No. 2. S. 399—401.

Donnert E. [Rec. ad op.:] Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962 // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Berlin, 1964. Bd. 8. S. 546.

Grothusen K. D. [Rec. ad op.:] Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969 // Jb. Gesch. Osteuropas. 1970. Bd. 18. No. 3. S. 441—443.

H. S. [Rec. ad op.:] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / Подгот. к печати И. А. Голубцов, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин. М., 1952 // Kwart. hist. kult. mater. 1953. R. 1. No. 1/2. S. 228.

Hejnosz W. [Rec. ad op.:] Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960 // Kwart. hist. 1963. R. 70. No. 2. S. 481—486.

Hellie R. [Rec. ad op.:] Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972 // Am. hist. rev. 1974. Vol. 79. No. 2. P. 532—533.

Hellie R. [Rec. ad op.:] Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978 // Russ. rev. 1980. Vol. 39. No. 2. P. 238—239.

Hellie R. Zemskii Sobor — Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History // Academic International Press. 1987. Vol. 45. P. 226—234.

Hoffmann P. [Rec. ad op.:] Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: Проблемы, поиски, решения. М., 1974 // *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*. Berlin, 1975. Bd. 19/1. S. 215.

J. Mz. [Rec. ad op.:] Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960 // *Čslký čas. hist.* 1961. R. 9. No. 3. S. 443.

J. R. [Rec. ad op.:] Акты феодального землевладения и хозяйства / Сост. Л. В. Черепнин. М., 1961. Ч. 3 // *Slav. orient.* 1962. R. 11. No. 2. S. 251.

J. Sv. [Rec. ad op.:] Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. статей. М.; Л., 1958 // *Čslký čas. hist.*, 1960. R. 8. No. 3. S. 407.

J. V. [Rec. ad op.:] Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975 // *Slov. přehled.* 1977. No. 6. S. 457—458.

Kachtanov S. M., Vodoff W. L. V. Tcherepnin (1905—1977) // *Moyen Age.* 1978. T. 84. P. 393—396.

Kudláček J. [Rec. ad op.:] Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. статей. М.; Л., 1958 // *Hist. čas.* 1960. R. 8. No. 1. S. 159—162.

Kudláček J. [Rec. ad op.:] Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960 // *Hist. čas.* 1961. R. 9. No. 3. S. 516—517.

Lapťeva L. [Rec. ad op.:] Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969 // *Čslký čas. hist.* 1971. R. 19. No. 3. S. 443.

Lew Czerepnin 1905—1977 // *Czas. praw.-hist.* 1978. T. 30. No. 1. S. 253—256; *Kwart. hist.* 1977. R. 84. No. 4. S. 1092.

L. W. Cherepnin // *Great Historians of the Modern Age. An Intrnational Dictionary* / Ed. in chief L. Boia. N. Y.; L., 1991.

[Lew Wladimirowitsch Tscherepnin] // *Wissenschaft und Menschheit*, 1978. M. etc., 1978. S. 28, Portr.

Liháesev D. Sz. [Rec. ad op.:] *Cserepnyin L. V.* A XIV—XV század orosz feudális levéltárai. I—II kötet. M.; L., 1948—1951 // *Levélt. Híradó.* 1952. Év 2, júl. / szept., 5—12. old.

Menyhárt L. [Rec. ad op.:] Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. статей. М.; Л., 1958 // *Századok.* 1965. Év 99. No. 4/5. 934—936. old.

Neue sowjetische Forschungen über Staat und Gesellschaftsordnung der alten Ruß // *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas*. Berlin, 1968. Bd. 12. S. 360.

Öppnade arkiv i Sverige och Sovjet: Högtflygande svenska planer avslöjas // *Stockholms-tidn.* 1965. 31 Jan.

Ostrowski D. The Assembly of the Zemskii Sobor as a Representative Institution // *Modernizing Myscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century* / Ed. by J. Kotilaine, M. Poe. London; New York, 2004. P. 117—142.

P. H. Lev Vladimirovič Čerepnin zum Gedenken // *Z. GeschWiss.* 1977. No. 11. S. 1368.

[Rec. ad op.:] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972 // *Rocz. dziejów społ. i gosp.* 1974. T. 35. S. 199—202; *Przegl. hist.* 1973. T. 64. No. 1. S. 143—149, 151—159; *Czas. praw.-hist.* 1973. T. 25. No. 1. S. 221—222; *Studia hist.* 1974. R. 17. No. 1. S. 141—144.

[Rec. ad op.:] *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944 // *Archeion.* 1955. T. 24. S. 364—366.

Riasanovsky N. N. [Rec.] Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. Сб. статей, выступлений, воспоминаний. М.: Наука, 1984. 344 с. // *Slavic review.* Stanford, 1986. Vol. 45. No. 1. P. 109—110.

Risaliti R. Il VI Convegno degli storici italiani e sovietici // *Rass. sov.* 1974. An. 25. No. 5. P. 107—110.

Rysk-svenska arkivstudier blir bok om 1600-talshandel // *Svenska dagbl.* 1965. 31 jan.

Ryska forskare här för historisk bok // *Dagens nyheter.* 1965. 31 jan.

Sacharov A. M. [Rec. ad op.:] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960 // *Deutsche LitZtg.* 1962. Jg. 83. No. 12. Sp. 1096—1099.

Sacharov A. L. V. Corepnin, laureat al premiului «Lomonosov» // *Anal. rom.-sov.* Ser. ist. 1959. No. 2. P. 203—205.

Sakharov A. M. [Rec. ad op.:] *Новосельцев А., Пашуто В., Черепнин Л.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972 // *Soc. sci.* 1974. Vol. 5. No. 1. P. 205—208.

Soukup. [Rec. ad op.:] Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнина. М., 1965 // *Právněhist. studie.* 1967. T. 13. S. 291.

Sovjet förhandlar om 1600-talsarkiv // *Svenska dagbl.* 1965. 2 febr.

Sovjetforskare gäster hos Vitterhetsakademien // *Svenska dagbl.* 1965. 3 febr.

Szeftel M. [Rec. ad op.:] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. 417 с. // *Am. hist. rev.* 1980. Vol. 85. No. 4. P. 941.

Torke H. G. [Rec. ad op.:] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978 // *Jb. Gesch. Osteuropas.* 1979. Bd. 27. No. 4. S. 580—581.

Tšerepnin L. V. // *Eesti nõukoguüde Entsüklopedia.* 1976. T. 8. S. 98.

Uribes E. [Rec. ad op.:] Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964 // *Studii rev. ist.* 1965. Vol. 18. No. 1. P. 229.

Vávra J. [Rec. ad op.:] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972 // *Čslký čas. hist.* 1975. R. 23. No. 2. S. 267—268.

Vávra J. [Rec. ad op.:] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978 // *Slov. přehled.* 1980. No. 2. S. 124—126.

Widera B. [Rec. ad op.:] *Cerepnin L. V.* Die Novgoroder Birkenrin-denurkunden als historische Quelle. М., 1969 // *Z. GeschWiss.* 1970. No. 10. S. 1384—1385.

Widera B. [Rec. ad op.:] *Новосельцев А. П., Паушто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972 // *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*. Berlin, 1973. Bd. 17/2. S. 259—268.

Widera B. [Rec. ad op.:] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969 // *Z. Slaw.* 1971. Bd. 16. No. 1. S. 145—147.

Winter E. [Rec. ad op.:] *Общество и государство феодальной России*. М., 1975; *Из истории экономической и общественной жизни России*. М., 1976 // *Deutsche LitZtg.* 1976. Jg. 97. No. 10. Sp. 887—889.

Zeil W. [Rec. ad op.:] *Черепнин Л. В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968 // *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*. Berlin, 1970. Bd. 14/2. S. 249—252.

Żytkowicz L. [Rec. ad op.:] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1948. Ч. 1; М., 1951. Ч. 2 // *Kwart. hist.* 1953. R. 60. No. 1. S. 223—229.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ АКАД. Л. В. ЧЕРЕПНИНА*

1928

Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве в начале XVII в. // Учен. зап. / Ин-т истории РАН ИОН. 1928. Т. 7. С. 110—116.

Ред.: Русская Правда по спискам Академическому, Троицкому и Карамзинскому. М.: Высш. гос. лит. курсы, 1928. 39 с. Совместно с А. И. Яковлевым.

1929

Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. / Подгот. к печати. М.: Центрархив, 1929. Т. 1. 397 с.

Из истории древнерусского колдовства XVII в. // Этнография. 1929. № 2. С. 86—109.

1934

К вопросу о составе и происхождении «Capitulare de villis» // Изв. АН СССР. ООИ. 1934. № 5. С. 359—386.

1938

Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства // Ист. зап. 1938. Т. 4. С. 41—75.

Слово о полку Игореве // Пионер. 1938. 28 мая. (750 лет величайшего произведения рус. лит.)

---

* Раздел составлен И. Г. Бебих и Р. И. Горячевой (по 1982 г.), дополнен и продолжен В. Д. Назаровым и П. В. Прониной (по 2015 г.).

1939

Ред.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск: Морд. гос. изд-во, 1939. Т. 3. Ч. 1. 344 с. Совместно с А. И. Яковлевым, Б. Д. Грековым и В. И. Лебедевым.

1940

История СССР. Т. 2. Россия в XIX в. Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов / Под ред. М. В. Нечкиной. М.: Соцэкгиз, 1940. 762 с. (Кн. пер. на эст. яз.) Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Народы Поволжья в первой половине XIX в., с. 241—245; Народы Поволжья в 60—80-х годах XIX в., с. 648—654.

Псковская Судная Грамота: Новый перевод и комментарий // Ист. зап. 1940. Т. 6., С. 235—299. Библиогр.: 37 назв. Совместно с А. И. Яковлевым.

Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. // Ист. зап. 1940. Т. 9. С. 31—80.

Ред.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск: Морд. НИИ яз., лит. и истории, 1940. Т. 1—2. Совместно с А. И. Яковлевым, Б. Д. Грековым и В. И. Лебедевым. Т. 1. 435 с.; Т. 2. 350 с.

1941

Материалы для библиографии по истории мордовского народа. Саранск: Морд. НИИ соц. культуры, 1941. 208 с.

Летописец Даниила Галицкого // Ист. зап. 1941. Т. 12. С. 228—253.

Вступительная статья // *Злобин С.* Салават Юлаев. М.: Худож. лит., 1941. С. 3—14.

Рец.: Правда Русская: Учеб. пособие. М.; Л., 1940. 112 с. // Ист. журн. 1941. № 3. С. 131—137.

1944

Русская метрология. М.: Ист.-арх. ин-т, 1944. 94 с., табл.

Русская хронология. М.: Ист.-арх. ин-т, 1944. 94 с., табл., 6 л. табл.

1945

«Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания) // Ист. зап. 1945. Т. 14. С. 81—128.

К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты // Ист. зап. 1945. Т. 16. С. 203—231.

1946

Русская палеография. М.: Ист.-арх. ин-т, 1946. 213 с., 19 л. илл. Совместно с Н. С. Чаевым.

Происхождение собрания договорных грамот Новгорода с князьями XIII—XV вв. // Ист. зап. 1946. Т. 19. С. 215—233.

Защита докторской диссертации А. Новосельским на тему «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» // Вопр. истории. 1946. № 11/12. С. 174—175.

Документы Московского великокняжеского архива и их значение в политической борьбе при Иване III // Труды / Ист.-архив. ин-т, 1946. Т. 2. С. 3—67.

Рец.: Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М.; Л., 1940/1945. Ч. 1/2 // Вопр. истории. 1946. № 10. С. 119—120.

1947

Состав и происхождение Новгородской Судной Грамоты // Ист. зап. 1947. Т. 21. С. 222—253.

Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского как источник для изучения политической истории великого княжества Московского // Ист. зап. 1947. Т. 24. С. 225—266.

В. К. Лукомский (1882—1946) // Кратк. сообщ. ИИМК. 1947. Вып. 14. С. 120—121, портр.

Предисловие // *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. Частное землевладение. Ч. 2. Землевладение митрополичьего дома. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 1—4. Без подписи. Совместно с другими.

Рец.: Советская этнография. М.; Л., 1946. Вып. 3 // Вопр. истории. 1947. № 7. С. 126—127.

Рец.: *Будовниц И.* Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. 311 с. // Вопр. истории. 1947. № 8. С. 121—123.

1948

Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Ч. 1. 472 с.

«Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Ист. зап. 1948. Т. 25. С. 293—333.

Рец.: Правда Русская. Т. 2. Комментарии. М.; Л., 1947. 864 с. // Сов. кн. 1948. № 2. С. 68—70.

Рец.: *Еремин И. П.* «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1947 // Сов. кн. 1948. № 3. С. 104—106.

1949

История СССР. Т. 2. Россия в XIX в.: Учебник для ист. фак. гос ун-тов и пед. ин-тов / Под ред. М. В. Нечкиной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Госполитиздат, 1949. 870 с. (Кн. пер. на укр. и пол. яз.) Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Молдавия в первой половине XIX в., с. 189—199; Народы Поволжья в первой половине XIX в., с. 213—217; Народы Поволжья в 60—80-х годах XIX в., с. 741—747.

[Выступление на обсуждении своей книги «Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1» в секторе истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР: Излож.] // Вестн. АН СССР. 1949. № 8. С. 83—85.

А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // Вопр. истории. 1949. № 8. С. 30—51.

Основные задачи в изучении истории СССР феодального периода // Вопр. истории. 1949. № 11. С. 3—12. Без подписи. Совместно с другими.

Рец.: *Тихомиров М. Н., Дмитриев С. С.* История СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. М., 1948 // Вопр. истории. 1949. № 2. С. 134—141. Совместно с П. А. Зайончковским.

Рец.: Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. М.; Л., 1948 // Вопр. истории. 1949. № 4. С. 126—127.

Рец.: Труды Историко-архивного института. Т. 4. По кафедрам теории и практики архивного дела и истории и организации архивного дела. М., 1948. 300 с. // Вопр. истории. 1949. № 5. С. 112—114.

Рец.: Большая советская энциклопедия: Союз Советских Социалистических Республик. История, стб. 273—470. М., 1947 // Вопр. истории. 1949. № 6. С. 100—107.

Рец.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 // Вопр. истории. 1949. № 11. С. 158—161.

Рец.: Курс истории Молдавии. Ч. 1. От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Кишинев: Шкоала сов., 1949. 421 с. Совместно с А. Д. Удальцовым.

1950

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. к печати. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 587 с., 2 л. табл.

Базилевич Константин Васильевич (1892—1950) // БСЭ. 2-е изд. 1950. Т. 4. с. 40. Без подписи.

Матвеев Артамон Сергеевич // Дипломатический словарь. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 2, стб. 114—115. Без подписи.

Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич // Дипломатический словарь. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 2, стб. 285—288. Без подписи.

- Об исторических взглядах А. Е. Преснякова // Ист. зап. 1950. Т. 33. С. 203—231.
- К. В. Базилевич: [Некролог] // Вопр. истории. 1950. № 3. С. 156—157. Без подписи.
- С. В. Бахрушин: [Некролог] // Вопр. истории. 1950. № 3. С. 157—159. Без подписи.
- Исследование проф. К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века» // Вестн. Моск. ун-та. 1950. № 11. Сер. обществ. наук. Вып. 4. С. 103—112.
- Alexander Sergejewitsch Lappo-Danilewski, ein bürgerlicher Historiker und Forscher auf dem Gebiet der Quellenkunde // Sowjetwissenschaft. Gesellw. Abt. 1950. No. 4. S. 45—72.
- Рец.: *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. 542 с. // Вопр. истории. 1950. № 4. С. 132—137.
- Рец.: Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949 // Вопр. истории. 1950. № 9. С. 142—143.
- Рец.: Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 1. Северный речной путь. Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633—1636 гг. М.; Л., 1950. 888 с. // Сов. кн. 1950. № 10. С. 76—78.
- Рец.: Ценное исследование: [Смирнов И. Восстание Болотникова. Л., 1949] // Лит. газ. 1950. 18 янв.
- Ред.: *Грекул Ф. А.* Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1950. 160 с. (Кн. пер. на молд. яз.)
- Ред.: Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков: (Сб. статей). Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1950. 254 с. Совместно с А. Д. Удальцовым.

1951

- История Татарской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Казань: Таткнигоиздат, 1951. 660 с., рис. Совместно с другими.
- Авт. след. разд.: Татария в составе Русского многонационального государства XV—XVII вв., с. 184—231.
- Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Ч. 2. 428 с.
- Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков / Подгот. к печати. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Ч. 1. 400 с.
- О периодизации истории России эпохи феодализма // Вопр. истории. 1951. № 2. С. 52—80. Совместно с В. Пашуто.
- А. И. Яковлев (1878—1951): [Некролог] // Вопр. истории. 1951. № 9. С. 183. Без подписи.
- O periodisaci dějin Ruska v epoše feudalismu // Sov. věda. Historie. 1951. No. 7. S. 27—60. Spolu s V. Pašuto.

Рец.: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. 594 с. // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1951. Т. 8. № 1. С. 93—95.

Рец.: *Березняков Н. В.* Турецко-фанариотский гнет в Молдавии: Борьба молдавского народа против турецко-фанариотского гнета. Кишинев: Шкоала сов., 1951. 68 с. (На молд. яз.)

Рец.: История Молдавии. Т. 1. От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Кишинев: Шкоала сов., 1951. 654 с. (Кн. пер. на молд. яз.) Совместно с А. Д. Удальцовым.

Рец.: *Мохов Н. А.* Образование феодальной монархии в Молдавии. Кишинев: Шкоала сов., 1951. 40 с. (На молд. яз.)

Рец.: *Руссев Е. М.* Братское содружество молдавского, великого русского и украинского народов в их борьбе против султанской Турции в XVI—XVII вв. Кишинев: Шкоала сов., 1951. 30 с. (На молд. яз.)

Рец.: *Шемяков Д. Е.* Молдавия в период первой буржуазно-демократической революции в России (1905—1907 гг.). Кишинев: Шкоала сов., 1951. 54 с. (На молд. яз.)

1952

Акты конца XIV—XV вв., их разновидности и значение в качестве исторического источника // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / Сост. С. Б. Веселовский; Подгот. к печати И. А. Голубцов, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 638—650.

Русская Правда (в краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 89—99.

Судебник 1497 года: [Введение, подготовка текста и комментарии] // Судебники XV—XVI веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 11—108.

К. В. Базилевич (1892—1950) // *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. М.: Изд-во МГУ, 1952. С. 3—8, портр.

К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т. 9. № 2. С. 115—132.

Формы классовой борьбы в Северо-Восточной Руси в XIV—XV веках (в период образования Русского централизованного государства) // Вестн. Моск. ун-та, 1952. № 4. Сер. обществ. наук. Вып. 2. С. 111—124.

Судебник Ивана III и дело Владимира Гусева // Учен. зап. Моск. ун-та. 1952. Вып. 156. С. 121—143.

К. В. Базилевич (1892—1950): [Некролог] // Учен. зап. Моск. ун-та. 1952. Вып. 156. С. 263—268.

Die Periodisierung der Geschichte Russlands in der Epoche des Feudalismus // Sowjetwissenschaft. 1952. Bd. 20. S. 425—464. In Gemeinschaft mit W. Paschuto.

Ред.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. М.: Изд-во МГУ, 1952. 544 с.

Ред.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 1. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 264 с. Совместно с другими.

Ред.: Всемирная история: В 10 т. Проспект (материалы для обсуждения). М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 3. С. 65—94. Совместно с другими.

1953

Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Ч. 1. 984 с. Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Древняя Русь. Становление феодальных отношений и образование древнерусского государства (IX—X вв.). Историография, с. 27—56; Возникновение древнерусской народности, с. 251—258. Совместно с В. Т. Пашуто; Феодальная раздробленность. Русские феодальные княжества XII — первой четверти XIII в. Историография, с. 267—275; Развитие русской народности в период феодальной раздробленности, с. 472—475; Борьба русского народа за независимость в XIII в. и ее всемирно-историческое значение. Историография, с. 760—768. Совместно с В. Т. Пашуто.

Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Ч. 2. 812 с. (Кн. пер. на нем. яз.) Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Период феодальной раздробленности. Объединение русских земель вокруг Москвы как основы и инициатора образования Русского централизованного государства, с. 5—270. Совместно с другими; Складывание русской (великорусской) народности, с. 314—322; Русская культура и быт XIV—XV вв., с. 333—409. Совместно с другими.

Источниковедение // БСЭ. 2-е изд. 1953. Т. 19. С. 44—46. Без подписи.

[Значение трудов сектора древнерусской литературы для изучения идеологии феодального общества: Докл. на расш. заседании Бюро ОЛЯ АН СССР 7—8 апр. 1953 г., посвящ. обсуждению печ. тр. сектора древнерус. лит. Ин-та рус. лит. АН СССР. Излож.] // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1953. Т. 12. Вып. 4. С. 392—394.

Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопр. истории. 1953. № 4. С. 38—63.

Рец.: Ценный вклад в изучение истории народов СССР: [История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. 1. 661 с.] // Вопр. истории. 1953. № 6. С. 131—138.— Совместно с А. Л. Монгайтом и В. К. Яцунским.

Ред.: Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1—3. Совместно с другими. Т. 1. 585 с.; Т. 2. 558 с.; Т. 3. 644 с.

Ред.: *Греков В. Д.* Киевская Русь // М.: Госполитиздат, 1953. 567 с.

Ред.: Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Ч. 1—2. Совместно с Б. Д. Грековым и В. Т. Пашуто. Ч. 1. 984 с. Введение, с. 7—24; Ч. 2. 812 с.

1954

История СССР. Т. 2. Россия в XIX в. Кризис феодализма. Утверждение капитализма: Учебник для вузов / Под ред. М. В. Нечкиной. 3-е изд., испр. и доп. М.: Госполитиздат, 1954. 847 с., рис., табл. (Кн. пер. на венг., кит. и кор. яз.) Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Народы Молдавии в первой половине XIX в., с. 294—302; Народы Поволжья в первой половине XIX в., с. 341—344; Основные черты капиталистического развития Молдавии [во второй половине XIX в.], с. 693—695; Народы Поволжья во второй половине XIX в., с. 719—724.

Из истории русского крестьянства XV в. // Докл. и сообщ. / Ин-т истории АН СССР. 1954. Вып. 3. С. 111—124.

Памятное событие в истории польского народа: [500 лет воссоединения Поморья с польским государством] // Славяне. 1954. № 12. С. 28—30.

Образование Русского централизованного государства // Преп. истории в школе. 1954. № 4. С. 9—23.

Рец.: Лживая интерпретация истории: [Russia: A history and an interpretation. In two vol. / By M. T. Florinsky. New York, 1953] // Коммунист. 1954. № 11. С. 121—128. Совместно с И. Минцем и Е. Дружининой.

Ред.: *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. 2-е изд., перераб. и расш. М., 1953. 312 с. // Вестн. древ. истории. 1954. № 4. С. 93—97.

Рец.: Книга о славном прошлом украинского народа: [История Украинской ССР. Киев, 1953. Т. 1] // Славяне. 1954. № 8. С. 53—55.

Ред.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 2. Статьи по экономической, социальной и политической истории Русского централизованного государства XV—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 380 с. Совместно с другими.

Предисловие // Там же. С. 3—9. Без подписи.

1955

Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 1032 с. Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Карелы, с. 763—771; Народы Поволжья, с. 787—795. Совместно с В. А. Ледяевым и А. И. Яковлевым.

Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 959 с. Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Польская историография, с. 452—454; Народы Среднего Поволжья, с. 660—674, илл.; Введение [к главе 5], с. 701—710.

История Татарской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Казань: Таткнигоиздат, 1955. 550 с., рис. Совместно с другими.

Авт. след. гл.: Татария в составе Русского многонационального централизованного государства (XVI—XVII вв.), с. 148—183.

Основные этапы развития феодализма в России. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 78 с. (Докл. сов. делегации на X Междунар. конгр. историков в Риме). (На рус. и фр. яз. Кн. пер. на вьет. яз.)

Общественно-политические взгляды Авраамия Палицына // Сказание Авраамия Палицына. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 3—15.

Актный материал как источник по истории русского крестьянства XV в.: (Из истории производительных сил и производственных отношений) // Пробл. источниковедения. 1955. Т. 4. С. 307—349.

[Выступление в прениях на обсуждении макета первого тома учебника «История СССР» в Институте истории АН СССР, 17—18 марта 1955 г.: Кратк. излож.] // Докл. и сообщ. / Ин-т истории АН СССР. 1955. Вып. 7. С. 83—84.

Пер.: Судебник 1497 г. // Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV—XV вв. М.: Госюриздат, 1955. С. 357—374. Без подписи.

Ред.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 376 с. Совместно с другими.

От редакции // Там же. С. 3—4. Совместно с другими.

Ред.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 299 с. Совместно с другими.

От редакции // Там же. С. 3. Совместно с другими.

Ред.: *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 440 с.

Ред.: Материалы по истории СССР. Т. 2. Документы по истории XV—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 321 с. Совместно с А. А. Новосельским и Л. Н. Пушкаревым.

От редакции // Там же. С. 3—4. Совместно с А. А. Новосельским и Л. Н. Пушкаревым.

Ред.: Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 959 с. Совместно с А. Н. Насоновым и А. А. Зиминым.

Введение // Там же. С. 5—18. Без подписи.

Ред.: Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV—XV вв. М.: Госюриздат, 1955. 526 с.

Предисловие // Там же. С. 5—40.

Ред.: Паушто В. Т. Помезания: «Помезанская Правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII—XIV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 184 с.

Ред.: Сказание Авраамия Палицына. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 346 с.

1956

История СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй. Период феодализма: Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов. М.: Госполит-издат, 1956. 896 с., илл., карт. (Кн. пер. на латыш., лит., молд., нем., узб., укр. и эст. яз.) Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Принятие христианства. Государство на Руси первой половины XI в., с. 80—82. Совместно с В. Т. Паушто; Восстания смердов и горожан в 60—70-х годах XI в., с. 82 — 84. Совместно с В. Т. Паушто; Переход к феодальной раздробленности. Восстание в Киеве в 1113 г. Княжение Владимира Мономаха, с. 84—86. Совместно с В. Т. Паушто; Культура древней Руси, с. 88—91. Совместно с В. Т. Паушто; Значение древней Руси в истории народов нашей Родины, с. 91—92. Совместно с В. Т. Паушто; Международное значение древней Руси, с. 92—93. Совместно с В. Т. Паушто; Народы Закавказья и Средней Азии в VIII—XI вв., с. 94—100. Совместно с В. Т. Паушто; Начало объединения русских земель вокруг Москвы в первой половине XIV в., с. 164—167; Международное положение Руси в первой половине XIV в. Освободительная борьба народов Прибалтики, Молдавии, Украины и Белоруссии. Великое княжество Литовское и его отношения с Русью, с. 168—171; Объединение русских земель вокруг Москвы во второй половине XIV в. Куликовская битва, с. 171—179; Иноземные вторжения в пределы Русского государства в конце XIV — начале XV в. Освободительная борьба народов Средней Азии, Закавказья, Украины, Белоруссии, с. 179—185; Феодальная война на Руси во второй четверти XV в., с. 186—192; Распад Золотой орды, с. 192—193; Образование Русского централизованного государства, с. 193—196; Культура народов Молдавии, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, с. 412—413; Классовая борьба в 20—50-х годах XVIII в., с. 479—482; Народы России в 20—50-х годах XVIII в., с. 488—490; Народы Правобережной и Западной Украины, Белоруссии, Литвы, Молдавии, с. 494—496; Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, с. 538—546. Совместно с В. И. Лебедевым; Развитие русской нации в XVIII в., с. 606—608.

Русская палеография. М.: Госполитиздат, 1956. 616 с., илл., 8 л. илл.

Основные этапы развития феодализма в России // Десятый Международный конгресс историков в Риме, сент. 1955 г.: Докл. сов. делегации. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 139—170.

Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси // Ист. зап. 1956. Т. 56. С. 235—264.

Николай Георгиевич Бережков: [Некролог] // Вопр. истории. 1956. № 6. С. 222. Совместно с Н. Н. Улащиком и Е. Н. Кушевой.

Ред.: Акты феодального землевладения и хозяйства. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Ч. 2. 663 с.

Ред.: История СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй. Период феодализма: Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов. М.: Госполитиздат, 1956. 896 с.

Введение // Там же. С. 5—11. Совместно с Б. А. Рыбаковым

Ред.: Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV—XVII вв. М.: Госюриздат, 1956. 632 с.

Предисловие // Там же. С. 5—45.

1957

Всемирная история: В 10 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. 896 с., илл. Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Объединение русских земель вокруг Москвы. Образование Русского централизованного государства (XIV—XV вв.), с. 768—798; Народы Украины, Белоруссии, Литвы и Прибалтики в XIV—XV вв., с. 799—806, илл.

Русская историография до XIX века: Курс лекций. М.: Изд-во МГУ 1957. 305 с.

Geschichte der UdSSR. Berlin, 1957. Bd 1. 1072 S. In Gemeinschaft mit Anderen.

[Выступление на обсуждении статьи П. П. Епифанова «Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич» (Вопр. истории. 1953. № 10) в Институте истории АН СССР, 14 июля 1956 г.: Кратк. излож.] // Вопр. истории. 1957. № 2. С. 206.

Ред.: Всемирная история: В 10 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. 896 с. Совместно с Н. А. Сидоровой, Н. И. Конрадом и И. П. Петрушевским.

Ред.: История Молдавии: Документы и материалы. Т. 2. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского: Сб. документов. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1957. 671 с.

1958

Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7—106.

Материалы второго тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» как исторический источник // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 572—581.

«Sobornoe Ulojenie» din 1649 și «Pravilele» lui Vasile Lupu din 1646 ca izvoare pentru istoria aservirii țăranilor în Rusia și în Moldova // Studii privind relațiile Romîno-Ruse și Romîno-Sovietice. Sesiunea comună a istoricilor Romîni și Sovietici, iunie 1958. București, 1958. P. 30—41.

Поездка делегации советских историков в Румынию // Вестн. АН СССР. 1958. № 9. С. 95—96.

Социально-политическая борьба в Псковской феодальной республике в конце 70-х — начале 80-х годов XV в.: (Из истории образования Русского централизованного государства) // История СССР. 1958. № 3. С. 145—171.

Ред.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. 727 с.

Ред.: Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 388 с. Совместно с Н. М. Дружининым.

От редакции. Там же. С. 3—6.

1959

Из истории еретических движений на Руси в XIV—XV вв. // Вопросы истории религии и атеизма: Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 7. С. 257—283.

С. М. Соловьев как историк // *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. М.: Соцэкгиз, 1959. Кн. 1. С. 5—51, 1 л. портр.

Літописець Данила Галицького // Матеріали до вивчення історії української літератури: В 5 т. Т. 1. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Київ: Рад. шк., 1959. С. 101—110.

В исторических архивах Швеции // Вестн. АН СССР. 1959. № 10. С. 82—85. Совместно с В. Н. Шумиловым и М. И. Александровой.

О постановке исторического образования в средней школе // История СССР. 1959. № 2. С. 24—33.

Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции // Ист. архив. 1959. № 6. С. 113—126. Совместно с В. Н. Шумиловым и М. И. Александровой.

Народные восстания в Москве в 1382 и 1445 годах // Науч. докл. высш. школы. Ист. науки. 1959. № 1. С. 85—103.

Ред.: *Бакланова Н. А.* Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.: К истории формирования русской буржуазии. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 290 с.

Ред.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 4. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 258 с. Совместно с другими.

Ред.: *Греков В. Д.* Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2. 624 с. Совместно с В. Т. Пашуто.

От редакции // Там же. С. 3—10. Без подписи.

Ред.: Памятники русского права. Вып. 5. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. М.: Госюриздат, 1959. 667 с.

Предисловие // Там же. С. 5—44.

Ред.: *Паушто В. Т.* Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 531 с.

Ред.: *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М.: Изд-во МГУ, 1959. 236 с.

1960

Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 900 с.

Очерки истории исторической науки в СССР / Гл. ред. М. В. Нечкина. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2. 862 с. Совместно с другими.

Авт. след. разд.: В. О. Ключевский, с. 146—170; Историографические работы В. О. Ключевского, с. 564—568.

Источники по истории антимонольского восстания в Твери в 1327 году // Археологический ежегодник за 1958 год. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 37—53.

«Соборное уложение» 1649 года и «Правила» Василе Лупу 1646 года как источники по истории закрепощения крестьян в России и в Молдавии // О румыно-русских и румыно-советских связях: Совместная сессия рум. и сов. историков, июнь 1958 года. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 55—70.

От издательства // Там же. С. 5—10. Без подписи.

Le rôle des Zemski Sobory en Russie lors de la guerre des paysans au début du XVII siècle // Album Helen Maud Cam. Louvain; Paris, 1960. P. 249—266. Описано по оттиску.

Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника» // Ист. архив. 1960. № 4. С. 162—177.

Ред.: *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 488 с.

Ред.: *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1960. 264 с.

Ред.: *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 410 с.

1961

Акты феодального землевладения и хозяйства / Подгот. к печати. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Ч. 3. 444 с.

Новые данные по истории русского крестьянства XIV—XV вв. в новгородских берестяных грамотах // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: Сб. статей к 75-летию акад. Николая Михайловича Дружинина. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 32—43.

О формах объединений ремесленников в русских городах XIV—XV вв. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 19—24.

Отражение международной жизни XIV — начала XV в. в московском летописании // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 225—256.

Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI веков // Вековая дружба: Материалы науч. сессии Ин-та истории Молд. фил. АН СССР, состоявшейся 27—29 нояб. 1958 г. Кишинев: Штиинца, 1961. С. 87—110.

Матвеев Артамон Сергеевич // Дипломатический словарь: В 3 т. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 2. С. 262—263. Без подписи.

Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич // Дипломатический словарь: В 3 т. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 2. С. 450—452. Без подписи.

Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // Труды / Отд. древнерус. лит., 1961. Т. 17. С. 454—481.

Академик Милица Васильевна Нечкина: (К 60-летию со дня рождения и 40-летию научной, педагогической и общественной деятельности) // Вопр. истории. 1961. № 5. С. 97—101.

Вопросы истории СССР на XI Международном конгрессе историков // История СССР. 1961. № 1. С. 12—27. Совместно с Ю. А. Поляковым.

А. И. Баранович: [Некролог] // История СССР. 1961. № 5. С. 246.

Обзор фондов новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции, в Стокгольме // Проблемы источниковедения. 1961. Т. 9. С. 221—257.

Некоторые вопросы истории советской исторической науки // Коммунист. 1961. № 9. С. 58—70. Совместно с М. Нечкиной и Ю. Поляковым.

Ред.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 366 с. Совместно с другими.

Ред.: Грекул Ф. А. Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII в. Кишинев: Картя Молд., 1961. 456 с.

Ред.: Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI в. М.: Изд-во МГУ, 1961. 200 с.

Ред.: Молдавия в эпоху феодализма. Т. 1. Славяно-молдавские грамоты (XV в. — первая четверть XVII в.). Кишинев: Штиинца, 1961. 454 с.

1962

О пройденном пути: Советская историческая наука — неотъемлемая часть культурных завоеваний нашей Родины // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: История СССР. Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 5—36. Совместно с М. В. Нечкиной и Ю. А. Поляковым.

Проблема крестьянского закрепощения в России в освещении буржуазной историографии // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 55—108.

Славянские и русские рукописи Парижской Национальной библиотеки: (Кратк. обзор) // Археографический ежегодник за 1961 год. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 215—235.

Discussion sur le communication de M. Dimitri Obolensky «The society of Novgorod in the early Middle Ages» // XI-e Congrès international des sciences historiques. Stockholm, 21—28 aout 1960: Actes du congrès. Stockholm etc., 1962. P. 112.

Les relations entre la monarchie et les classes sociales durant la période de la révolte populaire à Moscou et la préparation et l'édition du nouveau code législatif (1648—1649) // Album E. Lousse. Louvain; Paris, 1962. P. 125—140. Описано по оттиску.

Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма // Вопр. истории. 1962. № 1. С. 34—66.

[Выступление на расширенном заседании редколлегии журнала «Вопросы истории» при обсуждении статьи С. М. Дубровского «Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки» (Вопр. истории. 1962. № 3. С. 3—31), 29 дек. 1961 г.: Излож.] // Вопр. истории. 1962. № 3. С. 37—38.

Во всеоружии вести борьбу с буржуазной историографией: (Из опыта работы сектора феодализма Института истории АН СССР) // История СССР. 1962. № 1. С. 200—208.

Чингис-хан и его наследие // История СССР. 1962. № 5. С. 92—119. Совместно с Н. Я. Мерпертом и В. Т. Пашуто.

[Выступление на обсуждении статьи С. М. Каштанова и А. А. Курносова «Некоторые вопросы теории источниковедения» в Московском историко-архивном институте] // Ист. архив. 1962. № 4. С. 187—190.

Мои соавторы: [Работники читальных залов Библиотеки имени В. И. Ленина] // Библиотекарь. 1962. № 6. С. 22.

Ред.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 429 с. Совместно с В. Т. Пашуто и М. М. Штрэнге.

1963

Очерки истории исторической науки в СССР / Гл. ред. М. В. Нечкина. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 3. 831 с. Совместно с другими.

Авт. след. гл.: Основные черты кризиса буржуазной историографии, с. 239—278; Изучение русской истории, с. 279—367.

Правда Русская. Т. 3. Факсимильное воспроизведение текстов / Под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 471 с. Совместно с другими. Л. В. Черепнин — составитель палеографических описаний.

И. И. Полосин как историк // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в.: Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3—33.

La paysannerie russe aux XIVe et XVe siècles d'après les écorces de bouleau de Novgorod // Le féodalisme. Paris: Nouv. crit., 1963. P. 123—138, fig. (Rech. intern. à la lum. du marx.; No. 37).

История в творчестве А. С. Пушкина // Вопр. истории. 1963. № 9. С. 25—44.

История и современность в работах В. И. Ленина послеоктябрьского периода // История СССР. 1963. № 2. С. 23—34.

У истоков архивоведения и актового источниковедения («практической дипломатики») в России: (Вотчинные архивы и судебная экспертиза документов в XV — начале XVI в.) // Вопр. архивоведения. 1963. № 1. С. 52—62.

Gingis-han și moștenirea sa // Probl. ist. 1963. No. 3. P. 155—206. In colaborare cu N. J. Merpert și V. T. Pașuto.

Ред.: Памятники русского права. Вып. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII в. М.: Госюриздат, 1963. 510 с.

Предисловие // Там же. С. 5—29.

Ред.: Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 383 с. Совместно с И. А. Голубцовым, Е. Н. Кушевой и С. О. Шмидтом

1964

История СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй. Период феодализма: Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1964. 854 с. (Кн. пер. на узб. яз.) Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Историографический обзор, с. 11—45; Принятие христианства. Государство на Руси первой половины XI в., с. 115—117. Совместно с В. Т. Пашуто; Восстания смердов и горожан в 60—70-х годах XI в., с. 117—118. Совместно с В. Т. Пашуто; Переход к феодальной раздробленности. Восстание в Киеве в 1113 г. Княжение Владимира Мономаха, с. 119—121. Совместно с В. Т. Пашуто; Культура древней Руси, с. 123—125. Совместно с В. Т. Пашуто; Значение древней Руси в истории народов нашей Родины, с. 126—127. Совместно с В. Т. Пашуто; Международное значение древней Руси, с. 127—128. Совместно с В. Т. Пашуто; Народы Закавказья и Средней Азии в VIII—XI вв., с. 128—134. Совместно с В. Т. Пашуто; Начало объединения русских земель

вокруг Москвы в первой половине XIV в., с. 194—197; Международное положение Руси в первой половине XIV в. Освободительная борьба народов Прибалтики, Молдавии, Украины и Белоруссии. Великое княжество Литовское и его отношения с Русью, с. 197—200; Объединение русских земель вокруг Москвы во второй половине XIV в. Куликовская битва, с. 200—207; Иноземные вторжения в пределы Русского государства в конце XIV — начале XV в. Освободительная борьба народов Средней Азии, Закавказья, Украины, Белоруссии, с. 207—214; Феодалная война на Руси во второй четверти XV в., с. 214—220; Распад Золотой орды, с. 220—222; Образование Русского централизованного государства, с. 222—226; Культура народов Молдавии, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, с. 415—416; Народы России в 20—50-х годах XVIII в., с. 482—484; Народы Правобережной и Западной Украины, Белоруссии, Литвы и Молдавии, с. 488—490; Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, с. 532—539. Совместно с В. И. Лебедевым; Развитие русской нации в XVIII в., с. 591—593.

Материалы третьего тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» как исторический источник // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.: Наука, 1964. Т. 3. С. 514—534.

Земские соборы и утверждение абсолютизма в России // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию науч. и пед. деятельности Б. Б. Кафенгауза. М.: Наука, 1964. С. 92—133.

Псковские грамоты конца XV в. как исторический источник // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвящ. 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л.: Наука, 1964. С. 426—435.

[Выступление в прениях по докладу М. П. Кима] // Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. Москва, 18—21 дек. 1962 г. М.: Наука, 1964. С. 376—377.

К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века: Сборник. М.: Наука, 1964. Вып. 25. С. 176—187. (Рез. на фр. яз.)

J. Zuša darba «Baltijas jautājums XVIII gadsimtā» nozīme Krievijas vēstures pētniecībā // Akadēmiķis Jānis Zutis. Rīgā: Latv. PSR zinātņu akad. izdevn., 1964. S. 141—150.

Исторические взгляды Гоголя // Вопр. истории. 1964. № 1. С. 75—97.

Историческая тематика в творчестве М. Ю. Лермонтова // История СССР. 1964. № 5. С. 60—73.

Russian 17th century Baltik trade in Soviet historiography // Slav. East Europ. Rev. 1964. Vol. 43. No. 100. P. 1—22.

La réorganisation de l'appareil d'Etat durant la période de la centralisation politique de la Russie fin du XV-e et début du XVI-e siècles // Annali fond. Ital. stor. amministr. 1964. No. 1. P. 242—267. Описано по оттиску.

Ред.: Отечественная история в кратком изложении: [Краткая история СССР. М.; Л., 1963. Ч. 1] // Коммунист. 1964. № 7. С. 123—126. Совместно с Н. Дружининым и К. Тарновским.

Ред.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию науч. и пед. деятельности Б. Б. Кафенгауза // М.: Наука, 1964. 519 с. Совместно с Н. И. Павленко и Н. М. Дружининым.

Ред.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.: Наука, 1964. Т. 3. 687 с.

Ред.: История СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй. Период феодализма: Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1964. 854 с.

Введение // Там же. С. 5—10. Совместно с Б. А. Рыбаковым.

Ред.: Некрасов Г. Л. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М.: Наука, 1964. 278 с.

1965

Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1965. 476 с. Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда, с. 128—278.

О некоторых проблемах феодализма в России // История в школе: (Некоторые вопросы преподавания в старших классах). М.: Просвещение, 1965. С. 119—160.

Русские и молдавские феодальные институты Средневековья // Omăgiu lui P. Constantinescu-Iasi cu prilejul împlinirii a 70 de ani. București: Ed. Acad. Rep. Popul. Romîne, 1965. P. 187—191.

Structure de la société et questions du développement de la littérature russe au XIX-e et au XX-e siècles // XH-e Congrès international des sciences historiques. Vienne, 29 août — 5 sept. 1965: Rapports. I Grands thèmes. Wien, 1965. P. 389—421. Bibliogr.: 78 ref. En collaboration avec P. V. Palievski.

Исторические взгляды Л. Н. Толстого // Вопр. истории. 1965. № 4. С. 56—85.

Ред.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.: Документы и материалы. В 3-х т. Т. 1. 1408—1632. М.: Наука, 1965. 363 с. Совместно с другими.

Ред.: История Молдавской ССР: В 2-х т. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Кишинев: Картя Молд., 1965. 670 с.

1966

Очерки истории исторической науки в СССР / Гл. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1966. Т. 4. 854 с. Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Утверждение марксистско-ленинских теоретических и методологических основ в советской исторической науке. Крах буржуазной историографии, с. 138—179; М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки, с. 180—198.

История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2-х сер. В 12 т. Первая сер. М.: Наука, 1966. Т. 2. 631 с., ил., карт. Совместно с другими.

Авт. след. разд.: Борьба народов нашей страны за независимость, с. 36—62; Объединение русских земель вокруг Москвы, с. 63—104; Культура русского народа в XIII —первой половине XVII в., с. 353—407.

Примечания к «Русской истории с древнейших времен» // *Покровский М. Н.* Избранные произведения: В 4-х кн. Кн. 1: Русская история с древнейших времен. М.: Мысль, 1966. С. 649—682. При участии Л. К. Бажановой и Л. В. Куприяновой.

К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства // Города феодальной России. Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М.: Наука, 1966. С. 105—124.

А. Л. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки (из истории русско-немецких научных связей во второй половине XVIII — начале XIX в.) // Международные связи России в XVII—XVIII вв.: (Экономика, политика и культура). М.: Наука, 1966. С. 183—219.

[Выступление на советско-итальянской конференции историков] // Проблемы советско-итальянской историографии: Материалы сов.-ит. конф. историков, 12—14 окт. 1964 г. М.: Наука, 1966. С. 363—365.

Исаак Уриелевич Будовниц (1897—1963) как историк // *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по «житиям святых»). М.: Наука, 1966. С. 3—24.

Из истории русской публицистики конца XV в. // Культура древней Руси. М.: Наука, 1966. С. 287—288.

G. F. Müllers Bedeutung für die Quellenkunde der russischen Geschichte // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen: Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag. Berlin: Akad.-Verl., 1966. S. 303—311.

XII Международный конгресс историков // История СССР. 1966. № 1. С. 3—23.

Из источниковедческих наблюдений над берестяными грамотами // История СССР. 1966. № 2. С. 94—105.

Принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики // Коммунист. 1966. № 4. С. 72—79. Совместно с В. Пашуто и В. Саловым.

За политической книгой — ученые // Моск. правда. 1966. 12 окт., портр. (Пропагандисты делятся опытом).

Александр Блок и история // Моск. комсомолец. 1966. 25 дек.

Ред.: *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по «житиям святых»). М.: Наука, 1966. 392 с.

Ред.: Очерки истории исторической науки в СССР / Гл. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1966. Т. 4. 854 с. Совместно с другими.

От редколлегии // Там же. С. 3—4. Совместно с другими.

Ред.: *Покровский М. Н.* Избранные произведения: В 4-х кн. Кн. 1. Русская история с древнейших времен. М., Мысль, 1966. 725 с.

Ред.: *Сахаров А. Н.* Русская деревня XVII в.: По материалам патриаршего хозяйства. М.: Наука, 1966. 230 с.

1967

Новые документы о классовой борьбе в Новгородской земле в XIV — первой половине XV в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. статей памяти Ивана Ивановича Смирнова. Л.: Наука, 1967. С. 42—54.

Начало петровских времен // История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2-х сер. В 12 т. Первая сер. М.: Наука, 1967. Т. 3. С. 225—227. Совместно с Л. Г. Бескровным.

Александр Блок и история // Вопр. истории. 1967. № 1. С. 37—59.

50 лет советской исторической науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России // История СССР. 1967. № 6. С. 77—99.

Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет // Сов. архивы. 1967. № 5. С. 130—137.

Ред.: История Молдавской ССР. Кишинев: Картя Молд., 1967. Т. 1. 710 с. (На молд. яз.) Совместно с другими.

1968

Исторические взгляды классиков русской литературы. М.: Мысль, 1968. 384 с.

К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.): Докл. на III конф. сов. и ит. историков. Москва, 8—10 апр. 1968 г. М.: Ин-т истории АН СССР, 1968. 73 с.

Les plus récentes publications de documents de droit du moyen âge russe parues en Union Soviétique // Album J. Balon. Namur (Belgique), 1968. P. 125—143. Описано по оттиску.

Ред.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.: Документы и материалы. В 3 т. Т. 2. 1633—1673. М.: Наука, 1968. 446 с. Совместно с другими.

Ред.: Album J. Balon. Namur (Belgique), 1968. LIII. 493 p. Описано по оттиску. En collaboration avec les autres.

1969

Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969. 438 с.

К. Маркс и Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 195—227.

К вопросу о русской публицистике конца XV в. // Литература и общественная мысль древней Руси. Л.: Наука, 1969. С. 151—154. (Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 24).

К вопросу о сравнительно-историческом методе изучения русского и западноевропейского феодализма в отечественной историографии // Средние века: Сборник. М.: Наука, 1969. Вып. 32. С. 262—270.

[Выступление на Всесоюзной дискуссии, посвященной переходу России от феодализма к капитализму, 2—4 июня 1965 г.] // Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюз. дискус. М.: Наука, 1969. С. 298—303.

Il problema della formazione della monarchia assoluta in Russia (secoli XVI—XVIII) // Atti del III Convegno degli storici italiani e sovietici. Mosca, Apr. 1968. Roma, 1969. P. 27—68, 153—163.

Некоторые проблемы исторического источниковедения в трудах В. И. Ленина // Ист. зап. 1969. Т. 84. С. 94—120.

Русская Правда и новгородские берестяные грамоты // Вопр. истории. 1969. № 2. С. 57—72.

О плане научно-исследовательской работы Института истории СССР на 1971—1975 гг. // История СССР. 1969. № 6. С. 18—19.

К вопросу об иммунитете в Молдавии и на Руси в XV—XVI вв. // Revue roum. hist. 1969. Т. 8. No. 3. P. 481—489.

Ред.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.: Наука, 1969. 319 с. Совместно с другими.

Ред.: *Семенова Л. Е.* Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М.: Наука, 1969. 166 с.

1970

Soviet literature on the history of the USSR published in 1965—1969. M.: Nauka, 1970. 35 p. (XIII Intern. Congr. hist. sci. Moscow, Aug. 16—23, 1970). Bibliogr.: 229 ref.

Советская литература по истории СССР до 1917 г., изданная в 1965—1969 гг. // Работы советских историков за 1965—1969 гг. М.: Наука, 1970. С. 3—30. (XIII Междунар. конгр. ист. наук. Москва, 1970 г.). Библиогр.: 229 назв.

Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики // Актуальные проблемы истории России эпохи феода-

лизм: Сб. статей. М.: Наука, 1970. С. 39—63. Совместно с В. Т. Пашуто и В. И. Садовым.

Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. М.: Наука, 1970. С. 179—203. Библиогр.: 114 назв.

К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.) // Документы советско-итальянской конференции историков, 8—40 апр. 1968 г.: Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX века. М.: Наука, 1970. С. 11—60.

[Вступительное слово на советско-итальянской конференции историков] // Там же. С. 159—163.

[Заключительное слово на советско-итальянской конференции историков] // Там же. С. 270—281.

[Выступление на дискуссии о вопросах истории культуры: Кратк. излож.] // Szazadok. 1970. Ev 104. № 1. 159. old.

Рец.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. 602 с. // Вопр. истории. 1970. № 6. С. 139—143.

Рец.: В. И. Ленин и русская литература: [*Нечкила М. В.* Художественные образы русской литературы в произведениях В. И. Ленина. М., 1969. 63 с.] // Слово лектора. 1970. № 4. С. 79—80.

Ред.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. Сб. статей. М.: Наука, 1970. 468 с.

Ред.: Документы советско-итальянской конференции историков, 8—10 апр. 1968 г.: Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX века. М.: Наука, 1970. 374 с. Совместно с другими.

Ред.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.: Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. 1673—1711. М.: Наука, 1970. 415 с. Совместно с другими.

1971

И. А. Голубцов — ученый и человек // Археографический ежегодник за 1969 год. М.: Наука, 1971. С. 184—191.

Б. Б. Кафенгауз — историк и источниковед // Археографический ежегодник за 1970 год. М.: Наука, 1971. С. 195—201.

Академик Милица Васильевна Нечкина: (Творческий путь) // Проблемы истории общественного движения и историографии: К 70-летию акад. Милицы Васильевны Нечкиной. М.: Наука, 1971. С. 5—25, 1 л. портр.

Вотчинное право на Руси XIV—XV вв. // Проблемы социально-экономической истории России: К 85-летию со дня рождения акад. Николая Михайловича Дружинина. Сб. статей. М.: Наука, 1971. С. 13—25.

К вопросу о «послании» Даниила Заточника // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова. Л.: Наука, 1971. С. 69—80. (Тр. Ленингр. отд-ния Ин-та истории СССР АН СССР. Вып. 12).

История представительных и парламентских учреждений в Средние века // Средние века: Сборник. М.: Наука, 1971. Вып. 34. С. 60—65.

Семидесятилетие академика М. В. Нечкиной // Вопр. истории. 1971. № 2. С. 144—148.

Грамоты на бересте // Рус. речь. 1971. № 4. С. 3—11, илл.

Ред.: Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969. 111 с. // Сов. архивы. 1971. № 1. С. 116—117.

Ред.: Государственное древлехранилище хартий и рукописей: Опись документальных материалов фонда № 135 / Сост. В. Н. Шумилов. М.: Гл. архив. упр. при Совете Министров СССР: Центр. гос. архив древних актов, 1971. 204 с.

Ред.: Проблемы истории общественного движения и историографии: К 70-летию акад. Милицы Васильевны Нечкиной. М.: Наука, 1971. 472 с. Совместно с другими.

1972

Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.: Наука, 1972. 338 с. Совместно с А. П. Новосельцевым и В. Т. Пашуто.

Авт. след. разд.: Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв., с. 126—251.

[Выступление по докладам на IV конференции советских и итальянских историков] // Россия и Италия: Материалы IV конф. сов. и ит. историков. Рим, 1969. М.: Наука, 1972. С. 282—287.

К вопросу об иммунитете на Руси и у южных славян // Славяне и Россия: К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М.: Наука, 1972. С. 63—70.

Публикации русских актов XIV—XVI вв., осуществленные в советское время // Археографический ежегодник за 1971 год. М.: Наука, 1972. С. 36—49.

К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. // Ист. зап. 1972. Т. 89. С. 353—408.

Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах // История СССР. 1972. № 4. С. 46—64.

[Выступление на расширенном заседании Ученого совета Института истории СССР АН СССР, посвященном дискуссии об абсолютизме в России: Излож.] // История СССР. 1972. № 4. С. 76.

[Письмо преподавателям и студентам Исторического факультета Саратовского государственного университета с благодарностью за поздравления по случаю избрания действительным членом АН СССР] Текст опубликован: *Махонина Л.* Письмо

от академика // «Ленинский путь» (орган Саратовского гос. университета). 1972, 22 декабря.

Ред.: Книги московских приказов в фондах ЦГАДА: Опись, 1495—1718. М.: Центр, гос. архив древних актов, 1972. 327 с.

Ред.: Россия и Италия: Материалы IV конф. сов. и ит. историков. Рим, 1969. М.: Наука, 1972. 478 с. Совместно с другими.

Ред.: *Советов П. В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. 1. Очерки истории землевладения в XV—XVIII вв. Кишинев: Штиинца, 1972. 510 с.

От редактора // Там же. С. 3—5.

1973

К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М.: Наука, 1973. Вып. 1. С. 32—63.

[Выступление на Всероссийском совещании археографов-медиевистов по докладу В. Т. Пашуто «Цели и задачи издания Корпуса древнейших источников по истории народов СССР»] // Корпус древнейших источников по истории народов СССР: Материалы совещ. археографов-медиевистов РСФСР, 11—12 апр. 1972 г. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1973. С. 99—103. Ротапринт.

Актуальные проблемы истории Юго-Восточной Европы эпохи феодализма (вместо предисловия) // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма: (Рез. докл. Кишинев. симпоз., 1973 г.). Кишинев: Штиинца, 1973. С. 3—10.

К спорам о методологии изучения начального летописания: [Ответ А. Г. Кузьмину] // История СССР. 1973. № 4. С. 231—237.

Задачи советской исторической науки на современном этапе ее развития // История СССР. 1973. № 5. С. 3—16. Совместно с И. И. Минцем и М. В. Нечкиной.

[О характере крестьянских войн в России в период феодализма: Докл. на симпоз. об идеол. борьбе в ист. науке. Москва, 14—15 июня 1973 г. Кратк. излож.] // Новая и новейшая история. 1973. № 6. С. 208.

Крестьянские войны в России периода феодализма: К 200-летию начала восстания крестьян под водительством Е. И. Пугачева // Коммунист. 1973. № 13. С. 77—88.

[Выступление на Всесоюзном симпозиуме историков по проблемам типологии феодализма и особенностям социально-экономического и политического развития Юго-Восточной Европы в Средние века: Кратк. излож. Кишинев] // Сов. Молдавия. 1973. 17 мая.

[Вступительное слово на научной сессии историков, посвященной проблемам изучения прошлого Поволжья и Приуралья: Кратк. излож.] // Сов. Чувашия. 1973. 31 мая, портр. (Науч. сессия историков).

Пугачевская страница истории: [Беседа] // Южный Урал. 1973. 20 окт., портр.

[Причины и характер Крестьянской войны: Докл. на Всесоюз. науч. конф., посвящ. 200-летию Крестьянской войны 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева. Кратк. излож. Оренбург] // Южный Урал, 1973. 12 нояб. (Великий подвиг крестьянства: К итогам Всесоюз. конф.)

[М. В. Ломоносов и Академия наук СССР: Докл. на V торжеств. Ломоносов, чтениях. Кратк. излож.] // Правда Севера. 1973. 18 нояб.; Север. комсомолец. 1973. 18 нояб.; Север. рабочий. 1973. 20 нояб.

Ред.: Аллатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. // М.: Наука, 1973. 476 с.

Ред.: Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М.: Наука, 1973. Вып. 1. 396 с. Совместно с другими.

От редколлегии // Там же. С. 5—10. Совместно с другими.

1974

Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в. // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М.: Наука, 1974. С. 23—50. Библиогр.: 115 назв.

Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М.: Наука, 1974. С. 8—29.

Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв.: (К теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С. 5—25.

[Выступление на зональной научной сессии, посвященной вопросам социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья в период феодализма, 29—31 мая 1973 г.] // История и культура Чувашской АССР. Сб. статей. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 437—446.

Из наблюдений над лексикой древнерусских актов: (К вопросу о термине ПРАВДА) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М.: Наука, 1974. С. 211—218.

Сергей Константинович Богоявленский как историк // Археографический ежегодник за 1972 год. М.: Наука, 1974. С. 206—217.

[Торговля России в XIII—XVI вв.: Докл. на VI конф. историков СССР и Италии. Венеция, 2 мая 1974 г. Кратк. излож.] // Вестн. АН СССР. 1974. № 10. С. 75.

Академик Михаил Михайлович Богословский // Ист. зап. 1974. Т. 93. С. 223—271. Библиогр.: с. 266—271.

М. В. Ломоносов и Академия наук // История СССР. 1974. № 3. С. 19—30.

К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России (XVI век) // История СССР. 1974. № 5. С. 51—70.

Peasant wars in feudal Russia // Soc. sci. 1974. Vol. 5. No. 3. P. 139—151. Bibliogr.: 7 ref.

Die Bauernkriege im feudalen Russland // Sowjetwissenschaft. Gesellw. Beitr., 1974. Jg. 27. H. 10. S. 1069—1081.

Рец.: Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. М., 1973. 215 с. // История СССР. 1974. № 6. С. 201—203.

Рец.: Летопись нашей столицы: [История Москвы: Кратк. очерк. М., 1974. 515 с.] // Правда. 1974. 16 дек. Совместно с А. Самсоновым.

[Письмо в редакцию о памятнике архитектуры XVII века на Кий-острове] // Лит. Россия. 1974. 16 авг. № 33. С. 19. Совместно с другими.

Ред.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. 447 с.

Ред.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М.: Наука, 1974. 442 с. Совместно с другими.

1975

Библиография по истории Мордовской АССР / Науч. ред. Л. В. Черепнин. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975. 378 с. Совместно с другими.

The formation of the Russian centralited state viewed from a comparative-historical aspect (XVI—XVII centuries). San Francisco: S. n., 1975. 32 p. (XIV Intern. Congr. of hist. sci. San Francisco, 1975). Описано по оттиску. In collaboration with V. T. Pashuto.

О некоторых нерешенных проблемах отечественной истории // Будущее науки: Перспективы, гипотезы, нерешенные проблемы. Междунар. ежегодник. М.: Знание, 1975. Вып. 8. С. 235—250, портр.

Памяти Алексея Андреевича Новосельского // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М.: Наука, 1975. С. 17—27.

К семидесятилетию Николая Николаевича Воронина // Археографический ежегодник за 1974 год. М.: Наука, 1975. С. 218—223, портр.

De l'histoire des rapports agraires en Russie avant le XVII-e siècle // Le village en France et en URSS des origines à nos jours. Toulouse-le Mirail, 1975. P. 105—122. Discussion de la communication de m. Tcherepnine, p. 123—125.

Любомир Григорьевич Бескровный // История СССР. 1975. № 5. С. 234—235. Совместно с А. Л. Нарочницким и В. И. Бугановым.

Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Коммунист. 1975. № 1. С. 63—73.

Sobory ziemskie w historiografii radzieckiej // Czas. praw.-hist. 1975. T. 17. No. 2. P. 121—132.

Ред.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. 635 с. // История СССР. 1975. № 4. С. 167—171.

Ред.: *Устюгов И. В.* Научное наследие: Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. Народы Средней Азии и Приуралья в XVII в. М., 1974. 254 с. // История СССР. 1975. № 6. С. 191—193.

Декабристы в Москве // Лит. газ. 1975. 9 июля, сб. Совместно с другими.

Ред.: Акты Русского государства 1505—1526 гг. М.: Наука, 1975. 435 с. Совместно с А. А. Новосельским.

Ред.: *Драгнев Д. М.* Сельское хозяйство феодальной Молдавии: (Конец XVII — начало XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1975. 286 с.

Ред.: Историческая география России: XII — начало XX в.: Сб. статей к 70-летию проф. Л. Г. Бескровного. М.: Наука, 1975. 347 с. Совместно с другими.

Ред.: *Курмачева М. Д.* Петербургская Академия наук и М. В. Ломоносов. М.: Наука, 1975. 80 с.

Ред.: Правила издания славяно-молдавских и молдавских грамот XV—XVII вв. / Сост. А. Н. Никитич. Кишинев: Штиинца, 1975. 75 с.

Ред.: *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 281 с.

Предисловие // Там же. С. 3—4.

Ред.: Словарь русского языка: XI—XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1—2. Совместно с другими. Вып. 1. 371 с.; Вып. 2. 319 с.

1976

Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева: (Причины и характер) // Героические страницы истории народов нашей Родины: Докл. Всесоюз. науч. конф., посвящ. 200-летию Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976. С. 5—24.

К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М.: Наука, 1976. С. 44—58. Библиогр.: 45 назв.

О некоторых принципах и приемах публикации памятников Средневековья // Юбилейный сборник, посвящ. 100-летию со дня рождения акад. И. А. Джавахишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1976. С. 172—176.

Еще раз о феодализме в Киевской Руси // Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. статей к 90-летию акад. Николая Михайловича Дружинина. М.: Наука, 1976. С. 15—22.

Тема государства в русской публицистике начала XVII в. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М.: Наука, 1976. С. 175—179.

К истории «Стоглавого» собора 1551 г. // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 118—122.

Le régime politique de Novgorod-la-Grande et le mouvement des masses populaires (XII-e — début du XIII-e siècle) // Album Elemér Mályusz. S. I., 1976. p. 79—87. Описано по оттиску.

Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии // Вопр. истории. 1976. № 4. С. 25—48. Совместно с В. Д. Назаровым и В. Т. Пашуто.

Творческий путь ученого: [К 75-летию акад. М. В. Нечкиной] // История СССР. 1976. № 1. С. 240—243. Совместно с Ю. А. Поляковым и В. А. Дьяковым.

Основные направления изучения феодальной эпохи // История СССР. 1976. № 3. С. 213—216. Совместно с М. Д. Курмачевой.

Предисловие // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 3—5.

Рец.: Выдающееся исследование о Василии Осиповиче Ключевском: [Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974] // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1976. С. 3—9.

Рец.: Исторические источники: [Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975] // Кн. обозрение. 1976. № 20. С. 3.

К проблеме изучения земских соборов в политической жизни России XVII в.: [Доклад на симпозиуме историков СССР и ПНР по проблеме «Политические взаимоотношения стран Восточной Европы и Причерноморья с конца XV до начала XVIII в.», Сухуми, 1975. Краткое изложение.] // История СССР, 1976. № 4. С. 232.

Историк-патриот: [Н. Н. Воронин] // Сов. культура. 1976. 13 апр. Совместно с другими.

Хранилище судеб людских: Несколько замечаний к статье об архивах. [По поводу письма Ф. Спиридонова «А что в архиве?», опубликованного в «Правде», 1976, 3 февр.] // Правда. 1976. 29 мая. Совместно с другими.

Ред.: Алпатов М. Л. Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII — первая четверть XVIII века. М.: Наука, 1976. 455 с.

Ред.: Героические страницы истории народов нашей Родины: Докл. Всесоюз. науч. конф., посвящ. 200-летию Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева // Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976. 153 с.

Ред.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976. 240 с.

Ред.: Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. статей к 90-летию акад. Николая Михайловича Дружинина. М.: Наука, 1976. 288 с.

Ред.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. М.: Наука, 1976. Т. 4. 280 с. Совместно с А. Г. Маньковым.

Ред.: Летописи и хроники, 1976 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. 360 с. Совместно с другими.

Ред.: История и историки: Историографический ежегодник, 1974. М.: Наука, 1976. 359 с. Совместно с другими.

Ред.: Источниковедение отечественной истории, 1975. М.: Наука, 1976. 376 с. Совместно с другими.

Ред.: *Пауто В. Т., Шталь И. В.* Корчула: Корчульский статут как исторический источник изучения общественного и политического строя острова Корчула XIII в. М.: Наука, 1976. 207 с.

Ред.: Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1976. 387 с.

От редакционной коллегии // Там же. С. 1—2.

Ред.: Словарь русского языка: XI—XVII вв. М.: Наука, 1976. Вып. 3. 288 с. Совместно с другими.

1977

Степан Борисович Веселовский: (Творческий путь) // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М.: Наука, 1977. С. 9—41.

Монголо-татары на Руси XIII в. // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1977. С. 186—209. Библиогр.: 114 назв.

Земский собор 1566 г. о продолжении войны с Польско-Литовским государством // Международные отношения и внешняя политика СССР: История и современность. М.: Наука, 1977. С. 222—229.

Памяти С. Н. Валка // Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977. С. 306—309.

Die Herausbildung des zentralisierten russischen Staates in historisch vergleichender Sicht (16.—17. Jh.) // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin: VEB Deutsche Verl. der Wissenschaften, 1977. Bd. 21/2. S. 131—144.

Der Klassenkampf in der Rus' im 14. und 15. Jahrhundert // Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas: Klassenkampf und revolutionäre Bewegung in der Geschichte Russlands. Berlin: Akad.-Verl., 1977. Bd. 23. S. 31—48. Описано по оттиску.

Исторические труды академика Д. С. Лихачева // Вопр. истории. 1977. № 1. С. 132—136.

70-летие академика А. Л. Нарочницкого // Вопр. истории. 1977. № 2. С. 150—154. Совместно с другими.

Monarchia stanowo-przedstawicielska i geneza absolutyzmu w Rosji // Kwart. hist. 1977. R. 84. No. 4. S. 927—944. (Rés. we fr. jęz.)

Ред.: *Горская Н. А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в.: О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М.: Наука, 1977. 365 с.

Ред.: *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М.: Наука, 1977. 356 с.

Ред.: *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М.: Наука, 1977. 335 с.

Ред.: *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М.: Наука, 1977. 332 с.

Ред.: Источниковедение отечественной истории, 1976. М.: Наука, 1977. 271 с. Совместно с другими.

Ред.: Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М.: Наука, 1977. 326 с. Совместно с другими.

Председатель редколлегии серии «Памятники исторической мысли»:

Гердер И. Г. Идеи и философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с. Совместно с другими.

Ред.: Словарь русского языка: XI—XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 4. 402 с. Совместно с другими.

1978

Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.

Новое в исследовании истории нашей Родины. М.: Знание, 1978. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «История»; № 9). Совместно с В. Д. Назаровым и В. Т. Пашуто.

Основные проблемы изучения истории СССР периода феодализма // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 2. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1978. С. 5—40. Совместно с В. Т. Пашуто и В. Д. Назаровым.

Отечественная медиэвистика: некоторые вопросы источниковедения // Наука и человечество: Междунар. ежегодник, 1978. М.: Знание, 1978. С. 29—39, рис.

Земские соборы 1632 и 1634 гг. // Из истории феодальной России: Статьи и очерки. К 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 133—141.

Из истории археографии и других специальных (вспомогательных) исторических дисциплин накануне и после Октября 1917 г.: (Иван Филиппович Колесников) // Археографический ежегодник за 1977 год. М.: Наука, 1978. С. 192—200.

Несколько слов о публикации А. А. Зимина // Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. В 3 т. / Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1978. Т. 1. С. 3—8. Ротапринт.

Die sowjetische Mediävistik, einige Fragen der Quellenkunde // Wissenschaft und Menschheit, 1978. M. etc., 1978. S. 29—39, Abb.

Образование Русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте (XVI—XVII вв.) // Вопр. истории. 1978. № 2. С. 41—53. Совместно с В. Т. Пашуто.

Ред.: Восточная Европа в древности и Средневековье. Сб. статей. М.: Наука, 1978. 367 с.

Ред.: Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. В 3 т. / Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1978. Т. 1—3, Ротапринт. Т. 1. 212 с.; Т. 2. С. 213—438; Т. 3. С. 439—631.

Ред.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М.: Наука, 1978. Вып. 1—2. Совместно с другими.

Вып. 1. Советский период. 340 с. От редколлегии, с. 3—4.

Вып. 2. Дооктябрьский период. 253 с. От редколлегии, с. 3—4.

Ред.: *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России: XIX век. М.: Наука, 1978. 342 с.

Ред.: Молдавия в эпоху феодализма. Т. 2. Славяно-молдавские грамоты XV—XVI вв. Кишинев: Штиинца, 1978. 447 с. (На рус. и молд. яз.)

Ред.: Славяне в эпоху феодализма: К столетию акад. В. И. Пичеты. М.: Наука, 1978. 343 с.

От редакционной коллегии // Там же. С. 3—4. Совместно с другими.

Ред.: История и историки: Историографический ежегодник, 1975. М.: Наука, 1978. 367 с. Совместно с другими.

Председатель редколлегии серии «Памятники исторической мысли»:

Боллингброк Г. С. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. 359 с. Совместно с другими.

История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л.: Наука, 1978. 312 с. Совместно с другими.

Михаил Пселл. Хронография. М.: Наука, 1978. 319 с. Совместно с другими.

Ред.: Словарь русского языка: XI—XVII вв. М.: Наука, 1978. Вып. 5. 391 с. Совместно с другими.

Ред.: *Щанов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М.: Наука, 1978. 291 с.

Ред.: Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.: Документы из сов. архивов / Подгот. М. Б. Давыдова и др. М.; Стокгольм: Наука, 1978. 296 с. Совместно с другими.

Ред.: *Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Ryssland under 1600-talet: Dokument ur svenska arkiv.* Stockholm: S. n., 1978. 298 s.

1979

Собор 1642 г. по вопросу об Азове // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 211—222.

Feudal institution of Rus the southern slavs and Moldavia // The comparative historical method in Soviet mediaeval studies. М.: Ed. USSR Acad, of sci., 1979. P. 7—39. (Problems of the contemporary world; No. 79.)

The formation of the centralised Russian state: a comparative-historical assessment (16th—17th centuries) // Ibid. P. 96—112. In collaboration with V. T. Pashuto.

Ред.: История и историки: Историографический ежегодник, 1976. М.: Наука, 1979. 399 с. Совместно с другими.

1980

Die Rus' vom 10. bis 14. Jahrhundert // Handbuch der europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Bd. 2. Europäische Wirtschafts- und Sozialgeschichte im Mittelalter. Stuttgart, 1980. S. 682—702. Описано по оттиску.

В. О. Ключевский как источниковед [Доклад на заседании Ученого совета Московского госуд. историко-архивного института 25 мая 1946 г., посвящ. 35-летию со дня смерти В. О. Ключевского] / Подгот. к печати Л. И. Шохин // Археографический ежегодник за 1980 год. М.: Наука, 1981. С. 332—340.

Ред.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.

Ред.: Источниковедение отечественной истории, 1979. М.: Наука, 1980. 277 с. Совместно с другими.

1981

Вопросы методологии исторического исследования: Теоретич. пробл. истории феодализма. Сб. статей. М.: Наука, 1981. 280 с.

Содержание:

История и современность в работах В. И. Ленина послеоктябрьского периода, с. 12—24;

Некоторые проблемы истории русского феодализма в трудах В. И. Ленина, с. 25—53;

Выступление на Всесоюзном совещании историков (18—21 дек. 1962 г.), с. 54—55;

Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики, с. 56—71;

О периодизации истории России эпохи феодализма, с. 72—104;

К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма, с. 104—111;

Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века), с. 111—127;

К вопросу о сравнительно-историческом методе изучения русского и западноевропейского феодализма в отечественной историографии, с. 128—139;

Актуальные проблемы истории Юго-Восточной Европы эпохи феодализма, с. 140—144;

Выступление на дискуссии по проблеме перехода от феодализма к капитализму (1965 г.), с. 145—148;

Образование Русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте (XVI—XVII вв.), с. 149—161. Совместно с В. Т. Пашуто;

Крестьянские войны в России периода феодализма: К 200-летию начала восстания крестьян под водительством Е. И. Пугачева, с. 162—173;

К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.), с. 174—205;

Вступительное слово по докладу «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.)», с. 206—208;

Заключительное слово по докладу «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.)», с. 208—214;

Выступление на расширенном заседании Ученого совета Института истории СССР АН СССР [посвященном дискуссии об абсолютизме в России] (1971 г.), с. 215—218;

Сословно-представительная монархия и генезис абсолютизма в России, с. 219—235;

Задачи советской исторической науки на современном этапе ее развития, с. 236—250. Совместно с И. И. Минцем и М. В. Нечкиной;

Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России, с. 251—261;

О некоторых нерешенных проблемах отечественной истории, с. 262—272.

В. О. Ключевский как источниковед // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 332—340.

Ред.: Летописи и хроники, 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981. 256 с. Совместно с другими.

1982

Ученый, революционер, новатор [А. М. Панкратова] // Женщины революционеры и ученые. М., 1982. С. 16—19.

Предисловие // *Пушкарев Л. Н.* Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII века. Очерки истории. М.: 1982. С. 3—4.

1984

С. В. Бахрушин как учитель: К 65-летию со дня рождения // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина. М.: Наука, 1984. С. 75—83.

Отечественные историки XVIII—XX вв.: Сб. статей, выступлений, воспоминаний. М.: Наука, 1984. 343 с.

Статьи:

- С. М. Соловьев как историк. С. 9—44;
А. Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки. С. 45—73;
В. О. Ключевский. С. 74—91;
Академик М. М. Богославский. С. 92—131;
С. К. Богоявленский как историк. С. 132—144;
И. Ф. Колесников. С. 145—153;
С. Б. Веселовский (творческий путь). С. 154—179;
И. И. Полосин как историк. С. 180—203;
И. У. Будовниц как историк. С. 204—217;
И. А. Голубцов — ученый и человек. С. 218—226;
Памяти А. А. Новосельского. С. 227—235;
Б. Б. Кафенгауз — историк и источниковед. С. 236—242;
Памяти С. Н. Валка. С. 243—247;
К 70-летию Н. Н. Воронина. С. 248—253;
К 60-летию В. Т. Пашуто. С. 254—263;
Академик М. В. Нечкина (творческий путь). С. 264—279;
Исторические труды академика Д. С. Лихачева. С. 280—285;

Воспоминания, выступления:

- С. В. Бахрушин как учитель: К 65-летию со дня рождения, 1947 г. С. 286—293;
К 60-летию со дня рождения С. В. Юшкова, 1948 г. С. 293—303;
К 10-летию со дня смерти С. В. Бахрушина и К. В. Базилевича, 1960 г. С. 303—306;
Об А. М. Панкратовой, ок. 1971 г. С. 306—310;
К 90-летию со дня рождения академика Д. Б. Грекова, 1972 г. С. 310—313;
К 10-летию со дня смерти Н. В. Устюгова, 1973 г. С. 314—315;
К 100-летию со дня рождения академика Ю. В. Готье, 1973 г. С. 315—320;

Приложения, рецензии, отзывы:

- Рецензия на книгу М. В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский» (М., 1974). С. 321—326;
Отзыв о докторской диссертации С. Л. Лештичи «Русская историография XVIII века» (Л., 1961—1963. Ч. 1—2). С. 326—328;

Отзыв о докторской диссертации В. Е. Иллерицкого «Революционно-демократическое направление в русской историографии 40—60-х годов XIX века» (М., 1961). С. 329—333;

В том же также помещены тексты:

От редакции. С. 3—4;

Клебанов А. И. Мастера исторической науки. С. 5—8;

Комментарии (В. Д. Назарова совместно с другими). С. 333—340.

Ред.: Акты московских монастырей и соборов 1509—1609 гг. и архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М.: Ин-т истории СССР, 1984. 234 с. Совместно с С. М. Каштановым, В. Д. Назаровым и В. Т. Пашуто.

1985

Основные этапы развития советской исторической науки // Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Наука, 1985. Т. 5. Гл. 1. С. 5—41.

Формирование крестьянства на Руси // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма: В 3 т. М.: Наука, 1985. Т. 1. Гл. 10. С. 314—349.

Ред.: Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Наука, 1985. Т. 5. 605 с. Совместно с другими.

1986

Вступительное слово [перед защитой докторской диссертации. 1946 г.] // Подгот. к печати С. О. Шмидт // Археографический ежегодник за 1985 год. М.: Наука, 1986. С. 320—324.

Крестьянство на Руси в середине XII — конце XV в. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма: В 3 т. М.: Наука, 1986. Т. 2. Гл. 13. С. 250—286. Совместно с В. Д. Назаровым.

1987

Выступление на заседании секции истории СССР периода феодализма Научного студенческого общества истфака Московского государственного университета 27 октября 1971 г. / Подгот. к печати Н. А. Горская // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 85—101.

Выступление на заседании четырех кафедр Московского государственного историко-архивного института 17 декабря 1946 г., посвященное 150-летию со дня рождения и 70-летию со дня смерти П. М. Строева: «Роль П. М. Строева в развитии русской палеографии и дипломатики» [подробное изложение] // *Шмидт С. О.* О выступлении Л. В. Черепнина на заседании памяти П. М. Строева 9/1946 г.) // Феодализм в России.

Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 47—52.

2004

«Российско-американская компания» в первый период ее существования (1798—1818) и мемуары С. Я. Унковского // *Унковский С. Я. Записки моряка. 1803—1818 гг.* М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. С. 7—33 (авторство Л. В. Черепнина этой вводной статьи указано во введении 2004-го г.).

2015

Судебник 1497 г.: Введение, подгот. текста и комментарии // *Судебники XV—XVI веков.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 11—108. — Фототипическое переиздание. СПб.: Наука, 2015. Введение. С. 13—16; Текст. С. 17—29; Переводы. С. 31—34; Комментарии. С. 35—108.

Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. [Репринтное переиздание. М.: Наука, 1978]. Приложение. М.: Языки славянской культуры, 2015.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ СОАВТОРОВ*

Александрова М. И. 1959	Новосельский А. А. 1955
Бескровный Л. Г. 1967	Новосельцев А. П. 1972
Буганов В. И. 1975	Палиевский П. В. 1965
Дружинин Н. 1964	Пашуто В. Т. 1951—1953, 1956, 1962—
Дружинина Е. 1954	1964, 1966, 1970, 1972, 1975, 1976,
Дьяков В. А. 1976	1978, 1979, 1981
Зайончковский П. А. 1949	Поляков Ю. А. 1961, 1962, 1976
Курмачева М. Д. 1976	Пушкарев Л. Н. 1955
Кушева Е. Н. 1956	Рыбаков Б. А. 1956, 1964
Лебедев В. И. 1956, 1964	Салов В. И. 1966, 1970
Ледяев В. А. 1955	Самсонов А. 1974
Мерперт Н. Я. 1962, 1993	Тарновский К. 1964
Минц И. И. 1954, 1973, 1981	Улащик Н. Н. 1956
Монгайт А. Л. 1953	Чаев Н. С. 1946
Назаров В. Д. 1976, 1978, 1986	Шумилов В. Н. 1959
Нарочницкий А. Л. 1975	Яковлев А. И. 1940, 1955
Нечкина М. В. 1961, 1962, 1973, 1981	Яцупский В. К. 1953

---

* Раздел составлен И. Г. Бебих и Р. И. Горячевой (по 1982 г.), дополнен и продолжен В. Д. Назаровым и П. В. Прониной (по 2015 г.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ*

Год изд.

А. И. Баранович	1961
А. И. Яковлев (1878—1951)	1951
А. Л. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки (из истории русско-немецких научных связей во второй половине XVIII — начале XIX в.)	1966, 1984
А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед	1949
Академик Милица Васильевна Нечкина	1961, 1971, 1984
Академик Михаил Михайлович Богословский	1974, 1984
Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в.	1955
Актуальные проблемы истории Юго-Восточной Европы эпохи феодализма	1973, 1981
Акты конца XIV—XV вв., их разновидности и значение в качестве исторического источника.	1952
Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 3	1961
Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. Ч. 1	1951
Александр Блок и история	1966, 1967
Б. Б. Кафенгауз — историк и источниковед	1971, 1984
Базилевич К. В.	1950, 1952
Базилевич Константин Васильевич (1892—1950)	1950
Баранович А. И.	1961
Бахрушин С. В.	1950, 1984
Бережков Н. Г.	1956

---

* Раздел составлен И. Г. Бебих и Р. И. Горячевой (по 1982 г.), дополнен и продолжен И. А. Полосухиной и П. В. Прониной (по 2015 г.).

- Бескровный Л. Г. 1975
- Библиография по истории Мордовской АССР. 1975
- Блок А. 1966, 1967
- Богословский М. М. 1974, 1984
- Богоявленский С. К. 1974, 1984
- Будовниц И. У. 1966
- В. И. Ленин и русская литература:
*Нечкина М. В. Художественные образы русской литературы
 в произведениях В. И. Ленина*] 1970
- В. К. Лукомский (1882—1946). 1947
- В. О. Ключевский как источниковед. 1981
- В исторических архивах Швеции 1959
- Валк С. Н. 1977, 1984
- Введения в кн.:
 История СССР. Т. 1. . . . . 1956, 1964
 Очерки истории СССР: Период феодализма. 1953, 1955
- Веселовский С. Б. 1977, 1984
- Во всеоружии вести борьбу с буржуазной историографией 1962
- Вопросы истории СССР на XI Международном конгрессе историков 1961
- Вопросы методологии исторического исследования:
 Теорет. пробл. истории феодализма 1981
- Воронин Н. Н. 1975, 1976, 1984
- Вотчинное право на Руси XIV—XV вв. 1971
- Всемирная история. Т. 3 1957
- Вступительная статья в кн.: *Злобин С. Салават Юлаев*. 1941
- Вступительное слово:
 на советско-итальянской конференции историков 1970
 на научной сессии историков 1973
 перед защитой докторской диссертации. 1946 г. 1986
 по докладу «К вопросу о складывании абсолютной монархии
 в России XVI—XVIII вв.». 1981
- Выдающееся исследование о Василии Осиповиче Ключевском:
 [*Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский*] 1976
- Выступления:
 в прениях на обсуждении макета первого тома учебника
 «История СССР» в Институте истории АН СССР 17—18 марта 1955 г. 1955

- на Всероссийском совещании археографов-медиевистов
по докладу В. Т. Пашуто «Цели и задачи издания
Корпуса древнейших источников по истории народов СССР» 1973
- на Всесоюзной дискуссии, посвященной переходу России
от феодализма к капитализму 1969
- на Всесоюзном симпозиуме историков по проблемам
типологии феодализма и особенностям социально-экономического
и политического развития Юго-Восточной Европы в Средние века 1973
- на Всесоюзном совещании историков (18—21 дек. 1962 г.) 1981
- на Всесоюзном совещании о мерах улучшения подготовки
научно-педагогических кадров по историческим наукам
в прениях по докладу М. П. Кима 1964
- на дискуссии о вопросах истории культуры 1970
- на дискуссии по проблеме перехода от феодализма к капитализму
1965 г. 1981
- на заседании секции истории СССР периода феодализма
Научного студенческого общества Истфака
Московского государственного университета 27 октября 1971 г. 1987
- на заседании четырех кафедр Московского государственного
историко-архивного института 17 декабря 1946 г.,
посвященное 150-летию со дня рождения и 70-летию
со дня смерти П. М. Строева 1987
- на зональной научной сессии, посвященной вопросам
социально-экономической и политической истории
Среднего Поволжья и Приуралья в период феодализма 1974
- на обсуждении своей книги «Русские феодальные архивы
XIV—XV веков. Ч. 1» 1949
- на обсуждении статьи П. П. Епифанова «Происки Ватикана
в России и Юрий Крижанич» 1957
- на обсуждении статьи С. М. Каштанова и А. А. Курносова
«Некоторые вопросы теории источниковедения» 1962
- на расширенном заседании редколлегии журн. «Вопросы истории»
при обсуждении статьи С. М. Дубровского
«Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии
советской исторической науки» 1962
- на расширенном заседании Ученого совета Института истории СССР
АН СССР, посвященном дискуссии об абсолютизме в России. 1972, 1981
- на советско-итальянской конференции историков 1966
- по докладам на IV конференции советских и итальянских историков. 1972

Гоголь Н. В.	1964
Голубцов И. А.	1971, 1984
Грамоты на бересте.	1971
ХII Международный конгресс историков.	1966
Декабристы в Москве.	1975
Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского как источник для изучения политической истории великого княжества Московского.	1947
Документы Московского великокняжеского архива и их значение в политической борьбе при Иване III.	1946
Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции.	1959
Древнерусское государство и его международное значение.	1965
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. ...	1950
Еще раз о феодализме в Киевской Руси.	1976
За политической книгой — ученые.	1966
Задачи советской исторической науки на современном этапе ее развития. . .	1973, 1981
Заключительное слово: на советско-итальянской конференции историков 1970 по докладу «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.)»	1981
Защита докторской диссертации А. Новосельским на тему «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» ...	1946
Земские соборы 1632 и 1664.	1978
Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв.	1978
Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. [Репринт 1978 г.]	2015
Земские соборы 1632 и 1634 гг.	1978
Земский собор 1566 г. о продолжении войны с Польско-Литовским государством.	1977
Зимин А. А.	1978
Значение трудов сектора древнерусской литературы для изучения идеологии феодального общества.	1953
И. А. Голубцов — ученый и человек.	1971
И. И. Полосин как историк.	1963
Из истории археографии и других специальных (вспомогательных) исторических дисциплин накануне и после Октября 1917 г.: (Иван Филиппович Колесников).	1978

Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве в начале XVII в.	1928
Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв.	1940
Из истории древнерусского колдовства XVII в.	1929
Из истории еретических движений на Руси в XIV—XV вв.	1959
Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI веков.	1961
Из истории русского крестьянства XV в.	1954
Из истории русской публицистики конца XV в.	1966
Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси	1956
Из источниковедческих наблюдений над берестяными грамотами.	1966
Из наблюдений над лексикой древнерусских актов: (К вопросу о термине ПРАВДА)	1974
Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма	1962
Исаак Уриелевич Будовниц (1897—1963) как историк.	1966
Исследование проф. К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века».	1950
Историк-патриот: [Н. П. Воронин]	1976
Историческая тематика в творчестве М. Ю. Лермонтова	1964
Исторические взгляды Гоголя	1964
Исторические взгляды классиков русской литературы.	1968
Исторические взгляды Л. Н. Толстого	1965
Исторические источники: [Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории].	1976
Исторические труды академика Д. С. Лихачева.	1977, 1984
Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.	1958
История в творчестве А. С. Пушкина	1963
История и современность в работах В. И. Ленина послеоктябрьского периода	1963, 1981
История представительных и парламентских учреждений в Средние века.	1971
История СССР.	1940, 1949, 1954, 1956, 1964
История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2.	1966
История Татарской АССР. Т. 1	1951, 1955
Источники по истории антимонгольского восстания в Твери в 1327 году	1960
Источниковедение.	1953

К. В. Базилевич	1950, 1952
К. Маркс и Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического источниковедения	1969
К 100-летию со дня рождения академика Ю. В. Готье	1984
К 90-летию со дня рождения академика Д. Б. Грекова	1984
К 60-летию со дня рождения С. В. Юшкова	1984
К 10-летию со дня смерти Н. В. Устюгова	1984
К 10-летию со дня смерти С. В. Бахрушина и К. В. Базилевича	1984
К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин	1973
К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма	1952, 1981
К вопросу о «послании» Даниила Заточника	1971
К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты	1945
К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства	1966
К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии	1964
К вопросу о русской публицистике конца XV в.	1969
К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.)	1968, 1970, 1981
К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России (XVI век)	1974, 1976
К вопросу о составе и происхождении «Capitulare de villis»	1934
К вопросу о сравнительно-историческом методе изучения русского и западноевропейского феодализма в отечественной историографии	1969, 1981
К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в.	1972
К вопросу об иммунитете в Молдавии и на Руси в XV—XVI вв.	1969
К вопросу об иммунитете на Руси и у южных славян	1972
К истории «Стоглавого» собора 1551 г.	1976
К семидесятилетию Николая Николаевича Воронина	1975
К спорам о методологии изучения начального летописания: [Ответ А. Г. Кузьмину]	1973
Кафенгауз Б. Б.	1971
Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства	1938
Ключевский В. О.	1981
Книга о славном прошлом украинского народа: [История Украинской ССР. Т. 1]	1954

Колесников И. Ф.	1978, 1984
Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева	1976
Крестьянские войны в России периода феодализма: К 200-летию начала восстания крестьян под водительство Е. И. Пугачева	1973, 1981
Крестьянство на Руси в середине XII — конце XV в.	1986
Лаппо-Данилевский А. С.	1949, 1950
Ленин В. И.	1963, 1969, 1981
Лермонтов М. Ю.	1964
Летописец Даниила Галицкого	1941
Летопись нашей столицы: [История Москвы: Кратк. очерк]	1974
Лживая интерпретация истории: [Russia: A history and an interpretation]	1954
Лихачев Д. С.	1977
Летописец Даниила Галицкого.	1959
Ломоносов М. В.	1973, 1974
Лукомский В. К.	1947
Любомир Григорьевич Бескровный	1975
М. В. Ломоносов и Академия наук	1973, 1974
Маркс К.	1969
Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики	1970, 1981
Матвеев Артамон Сергеевич	1950, 1961
Материалы второго тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» как исторический источник	1958
Материалы для библиографии по истории мордовского народа	1941
Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции.	1961
Материалы третьего тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» как исторический источник	1964
Мои соавторы	1962
Монголо-татары на Руси (XIII в.)	1970, 1977
Моя жизнь. Воспоминания.	2015
Народные восстания в Москве в 1382 и 1445 годах.	1959
Нарочницкий А. Л.	1977

Начало петровских времен.	1967
Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России	1975, 1981
Некоторые вопросы истории советской исторической науки.	1961
Некоторые проблемы истории русского феодализма в трудах В. И. Ленина	1981
Некоторые проблемы исторического источниковедения в трудах В. И. Ленина	1969
Несколько слов о публикации А. А. Зимина	1978
Нечкина М. В.	1961, 1971, 1976
Николай Георгиевич Бережков	1956
Новгородские берестяные грамоты как исторический источник.	1969
Новое в исследовании истории нашей Родины	1978
Новосельский А. А.	1946, 1975
Новые данные по истории русского крестьянства XIV—XV вв. в новгородских берестяных грамотах.	1961
Новые документы о классовой борьбе в Новгородской земле в XIV — первой половине XV в.	1967
Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника».	1960
О некоторых нерешенных проблемах отечественной истории	1975, 1981
О некоторых принципах и приемах публикации памятников Средневековья	1976
О некоторых проблемах феодализма в России.	1965
О периодизации истории России эпохи феодализма.	1951, 1981
О плане научно-исследовательской работы Института истории СССР на 1971—1975 гг.	1969
О постановке исторического образования в средней школе.	1959
О пройденном пути: Советская историческая наука — неотъемлемая часть культурных завоеваний нашей Родины	1962
О формах объединений ремесленников в русских городах XIV—XV вв.	1961
О характере крестьянских войн в России в период феодализма	1973
Об А. М. Панкратовой	1984
Об изучении крестьянских войн в России XVII — XVIII вв.	1974
Об исторических взглядах А. Е. Преснякова	1950
Обзор фондов новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции, в Стокгольме	1961
Образование Русского централизованного государства	1954

- Образование Русского централизованного государства
в сравнительно-историческом аспекте (XVI—XVII вв.) 1978, 1981
- Образование Русского централизованного государства
в XIV—XV веках 1960
- Общественно-политические взгляды Авраамия Палицына 1955
- Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич 1950, 1961
- Основные задачи в изучении истории СССР феодального периода 1949
- Основные направления изучения феодальной эпохи 1976
- Основные проблемы изучения истории СССР периода феодализма 1978
- Основные этапы развития советской исторической науки 1985
- Основные этапы развития феодализма в России 1955, 1956
- Основные этапы развития феодальной собственности на Руси
(до XVII века) 1953, 1981
- От издательства в кн.: О румыно-русских и румыно-советских связях:
Совместная сессия рум. и сов. историков, июнь 1958 года 1960
- От редакции в кн.:
- Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3 1955
- Вопросы формирования русской народности и нации. 1958
- Греков Б. Д.* Избранные труды. Т. 2 1959
- Изучение отечественной истории в СССР между XXIV
и XXV съездами КПСС. Вып. 1—2 1978
- Источниковедение отечественной истории. Вып. 1 1973
- Материалы по истории СССР. Т. 2 1955
- Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4 1966
- Проблемы истории общественной мысли и историографии 1976
- Славяне в эпоху феодализма: К столетию акад. В. И. Пичеты 1978
- Советов П. В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. 1 1972
- Отечественная история в кратком изложении: [Краткая история СССР. Ч. 1] ... 1964
- Отечественная медиевистика: некоторые вопросы источниковедения 1978
- Отечественные историки XVIII—XX вв. 1984
- Отзывы:
- о докторской диссертации С. Л. Лештичи
«Русская историография XVIII века» 1984
- о докторской диссертации В. Е. Ипперицкого
«Революционно-демократическое направление
в русской историографии 40—60-х годов XIX века» 1984
- Отражение международной жизни XIV — начала XV в.

в московском летописании.	1961
Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2—4	1960, 1963, 1966
Очерки истории СССР: Период феодализма	1953, 1955
Палицын А.	1955
Памяти Алексея Андреевича Новосельского.	1975, 1984
Памяти С. Н. Валка.	1977, 1984
Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. Т. 1	1929
Памятное событие в истории польского народа	1954
Перевод: Судебник 1497 г.	1955
Письмо в редакцию о памятнике архитектуры XVII века на Кий-острове.	1974
Пичета В. И.	1978
«Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды.	1948
Поездка делегации советских историков в Румынию	1958
Полосин И. И.	1963, 1984
Правда Русская. Т. 3	1963
Предисловия к кн.: <i>Бахрушин С. В.</i> Научные труды. Т. 2	1954
<i>Веселовский С. Б.</i> Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1—2.	1947
Древнейшие государства на территории СССР	1976
Памятники русского права. Вып. 3—5, 7.	1955, 1956, 1959, 1963
<i>Пушкарев Л. Н.</i> Классификация русских письменных источников по отечественной истории	1975
<i>Пушкарев Л. Н.</i> Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII века. Очерки истории.	1982
Пресняков А. Е.	1950
Примечания к «Русской истории с древнейших времен».	1966
Принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики	1966
Причины и характер Крестьянской войны.	1973
Проблема крестьянского закрепощения в России в освещении буржуазной историографии.	1962
Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии	1976

Происхождение собрания договорных грамот Новгорода с князьями XIII—XV вв.	1946
Псковская Судная Грамота: Новый перевод и комментарий	1940
Псковские грамоты конца XV в. как исторический источник	1964
Публикации русских актов XIV—XVI вв., осуществленные в советское время	1972
Пугачев Е. И.	1973, 1976
Пугачевская страница истории	1973
Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в. ...	1974
Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика).	1972
Пушкин А. С.	1963
50 лет советской исторической науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России	1967
Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет	1967
Редактирование:	
Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.).	1964
Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма	1970
Акты московских монастырей и соборов 1509—1609 гг. и архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря	1984
Акты Русского государства 1505—1526 гг.	1975
Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 2—3	1958, 1964
Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2	1956
Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв.	1973
Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII — первая четверть XVIII века.	1976
Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века	1952
Бакланова П. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.: К истории формирования русской буржуазии.	1959
Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1—4	1952, 1954, 1955, 1959
Березняков П. В. Турецко-фанариотский гнет в Молдавии: Борьба молдавского народа против турецко-фанариотского гнета.	1951
Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по «житиям святых»).	1966

<i>Будовниц И. У.</i> Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.)	1960
Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России.	1961
Вопросы формирования русской народности и нации.	1958
Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. Т. 1—3	1953
Восточная Европа в древности и Средневековье	1978
Всемирная история. Т. 3	1952, 1957
Героические страницы истории народов нашей Родины	1976
<i>Горская Н. А.</i> Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в.	1977
<i>Горский А. Д.</i> Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.	1960
Государственное древлехранилище хартий и рукописей	1971
Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. Т. 1—3	1978
<i>Греков Б. Д.</i> Избранные труды. Т. 2	1959
<i>Греков Б. Д.</i> Киевская Русь	1953
<i>Грекул Ф. А.</i> Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII в.	1961
<i>Грекул Ф. А.</i> Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века.	1950
<i>Данилова Л. В.</i> Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв.	1955
Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1—3.	1939, 1940
Документы советско-итальянской конференции историков, 8—10 апр. 1968 г.: Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX века	1970
<i>Драгнев Д. М.</i> Сельское хозяйство феодальной Молдавии: (конец XVII — начало XIX в.)	1975
Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.	1976
<i>Зимин А. А.</i> Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.).	1977
Из истории экономической и общественной жизни России	1976
Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 1—2.	1978
Историческая география России: XII — начало XX в.	1975
Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.: Документы и материалы. Т. 1—3	1965, 1968, 1970

- История Молдавии: Документы и материалы. Т. 2. 1957
- История Молдавии. Т. 1 1951
- История Молдавской ССР. Т. 1 . . . . . 1965, 1967
- История СССР. Т. 1. . . . . 1956, 1964
- Источниковедение отечественной истории. Вып. 1 1973
- Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России: XIX век 1978
- Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России:
Период феодализма. 1977
- Клибанов А. И.* Реформационные движения в России
в XIV — первой половине XVI в. 1960
- Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. 1980
- Книги московских приказов в фондах ЦГАДЛ 1972
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина:
Сб. документов. 1976
- Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков:
проблемы, поиски, решения 1974
- Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. 1962
- Курмачева М. Д.* Петербургская Академия наук и М. В. Ломоносов 1975
- Курс истории Молдавии. Ч. 1 1949
- Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления
в Русском государстве 1961
- Летописи и хроники, 1976 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение 1976
- Материалы по истории СССР. Т. 2 1955
- Молдавия в эпоху феодализма. Т. 1—2 . . . . . 1961, 1978
- Мохов Н. А.* Образование феодальной монархии в Молдавии. 1951
- Некрасов Г. А.* Русско-шведские отношения и политика
великих держав в 1721—1726 гг. 1964
- Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4 1966
- Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5 1985
- Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. Ч. 1—2 1953
- Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV в. —
начало XVII в. 1955
- Памятники русского права. Вып. 3—5, 7. . . . . 1955, 1956, 1959, 1963
- Паиуто В. Т.* Образование Литовского государства 1959
- Паиуто В. Т.* Помезания: «Помезанская Правда»
как исторический источник изучения общественного
и политического строя Помезании XIII—XIV вв. 1955

<i>Паиуто В. Т., Шталь И. В.</i> Корчула: Корчульский статут как исторический источник изучения общественного и политического строя острова Корчула XIII в.	1976
<i>Покровский М. Л.</i> Избранные произведения: В 4-х кн. Кн. 1	1966
<i>Полосин И. И.</i> Социально-политическая история России XVI — начала XVII в.	1963
Правила издания славяно-молдавских и молдавских грамот XV—XVII вв. . .	1975
Проблемы возникновения феодализма у народов СССР	1969
Проблемы истории общественного движения и историографии	1971
Проблемы истории общественной мысли и историографии	1976
Проблемы палеографии и кодикологии в СССР	1974
<i>Пушкарев Л. П.</i> Классификация русских письменных источников по отечественной истории.	1975
Россия и Италия: Материалы IV конф. сов. и ит. историков. Рим, 1969.	1972
<i>Руссев Е. М.</i> Братское содружество молдавского, великого русского и украинского народов в их борьбе против султанской Турции в XVI—XVII вв.	1951
Русская Правда по спискам Академическому, Троицкому и Карамзинскому . .	1928
<i>Сахаров А. М.</i> Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков	1959
<i>Сахаров А. П.</i> Русская деревня XVII в.	1966
<i>Семенова Л. Е.</i> Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в.	1969
<i>Синицына Н. В.</i> Максим Грек в России	1977
Сказание Авраамия Палицына	1955
Славяне в эпоху феодализма. К столетию акад. В. И. Пичеты	1978
Словарь русского языка: XI—XVII вв. Вып. 1—5	1975—1978
<i>Советов П. В.</i> Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. 1	1972
Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков	1950
<i>Шемяков Д. Е.</i> Молдавия в период первой буржуазно-демократической революции в России (1905—1907 гг.)	1951
<i>Щапов Я. Н.</i> Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв.	1978
Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.: Документы из сов. архивов.	1978
Album J. Balon.	1968
Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Russland under 1600-talet: Dokument ur svenska arkiv	1978

Рецензии:

Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова	1946
Большая советская энциклопедия:	
Союз Советских Социалистических Республик. История.	1949
<i>Будовниц И.</i> Русская публицистика XVI века.	1947
<i>Горский А. Д.</i> Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века ...	1974
Грамоты Великого Новгорода и Пскова.	1949
<i>Еремин И. П.</i> «Повесть временных лет»:	
Проблемы ее историко-литературного изучения	1948
История Латвийской ССР. Т. 1	1953
История Москвы: Крат. очерк.	1974
История Украинской ССР. Т. 1	1954
Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. .	1949
Краткая история СССР. Ч. 1	1964
<i>Нечкина М. В.</i> Василий Осипович Ключевский	1975, 1976, 1984
<i>Нечкина М. В.</i> Художественные образы русской литературы в произведениях В. И. Ленина	1970
<i>Носов Н. Е.</i> Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного.	1970
Полное собрание русских летописей. Т. 25	1950
Правда Русская. Т. 2. Комментарии	1948
Правда Русская: Учеб. пособие	1941
Правила издания исторических документов в СССР.	1971
<i>Пушкарев Л. Н.</i> Классификация русских письменных источников по отечественной истории.	1976
<i>Садиков П. А.</i> Очерки по истории опричнины	1951
<i>Смирнов И.</i> Восстание Болотникова	1950
Советская этнография. Вып. 3	1947
Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 1	1950
<i>Тихомиров М. Н., Дмитриев С. С.</i> История СССР. Т. 1.	1949
<i>Третьяков П. Н.</i> Восточнославянские племена.	1954
Труды Историко-архивного института. Т. 4.	1949
<i>Устюгов Н. В.</i> Научное наследие: Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. Народы Средней Азии и Приуралья в XVII в.	1975
<i>Юшков С. В.</i> Общественно-политический строй и право Киевского государства.	1950
Russia: A history and an interpretation	1954

«Российско-американская компания» в первый период ее существования (1798—1818) и мемуары С. Я. Унковского	2004
Русская историография до XIX века	1957
Русская метрология.	1944
Русская палеография.	1946, 1956
Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины	1974
Русская Правда (в краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы	1952
Русская Правда и новгородские берестяные грамоты.	1969
Русская хронология.	1944
Русские и молдавские феодальные институты средневековья.	1965
Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1—2	1948, 1951
С. В. Бахрушин	1950
С. В. Бахрушин как учитель.	1984
С. М. Соловьев как историк.	1959
70-летие академика А. Л. Нарочницкого	1977
Семидесятилетие академика М. В. Нечкиной	1971
Сергей Константинович Богоявленский как историк	1974
Славянские и русские рукописи Парижской Национальной библиотеки	1962
Слово о полку Игореве	1938
«Смута» и историография XVII века	1945
Собор 1642 г. по вопросу об Азове	1979
«Соборное уложение» 1649 года и «Правила» Василия Лупу 1646 года как источники по истории закрепощения крестьян в России и в Молдавии.	1960
Советская литература по истории СССР до 1917 г., изданная в 1965—1969 гг.	1970
Соловьев С. М.	1959
Сословно-представительная монархия и генезис абсолютизма в России.	1981
Состав и происхождение Новгородской Судной Грамоты	1947
Социально-политическая борьба в Псковской феодальной республике в конце 70-х — начале 80-х годов XV в.	1958
Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах	1972
Степан Борисович Веселовский: (Творческий путь).	1977
Судебник Ивана III и дело Владимира Гусева	1952
Судебник 1497 года.	1952
Судебник 1497 года. [Фототипическое переиздание].	2015

Творческий путь ученого: [К 75-летию акад. М. В. Нечкиной]	1976
Тема государства в русской публицистике начала XVII в.	1976
Тимофеев И.	1960
Толстой Л. Н.	1965
Торговля России в XIII—XVI вв.	1974
У истоков архивоведения и актового источниковедения («практической дипломатики») в России	1963
Формирование крестьянства на Руси	1985
Формы классовой борьбы в Северо-Восточной Руси в XIV—XV веках (в период образования Русского централизованного государства)	1952
Хранилище судебных людских: Несколько замечаний к статье об архивах	1976
Ценное исследование: [<i>Смирнов И.</i> Восстание Болотникова]	1950
Ценный вклад в изучение истории народов СССР: [История Латвийской ССР. Т. 1]	1953
Чингис-хан и его наследие	1962
Шлёцер А. Л.	1966
Энгельс Ф.	1969
Яковлев А. И.	1951
Alexander Sergejewitsch Lappo-Danilewski, ein bürgerlicher Historiker und Forscher auf dem Gebiet der Quellenkunde	1950
Die Bauernkriege im feudalen Russland.	1974
De l'histoire des rapports agraires en Russie avant le XVII-e siècle	1975
Discussion sur la communication de M. Dimitri Obolensky «The society of Novgorod in the early Middle Ages»	1962
Feudal institution of Rus the southern slavs and Moldavia	1979
The formation of the centralited Russian state: a comparative-historical assessment (16th—17th centuries).	1979
The formation of the Russian centralited state viewed from a comparative-historical aspect (XVI—XVII centuries)	1975
G. F. Müllers Bedeutung für die Quellenkunde — der russischen Geschichte	1966

Geschichte der UdSSR	1957
Gingis-han și moștenirea sa	1963
Die Herausbildung des zentralisierten russischen Staates in historisch vergleichender Sicht (16.—17. Jh.)	1977
J. Zuša darba «Baltijas jautājums XVIII gadsimtā» nozīme Krievijas vēstures pētniecībā	1964
Der Klassenkampf in der Rus' im 14. und 15. Jahrhundert	1977
Monarchia stanowo-przedstawicielska i geneza absolutyzmu w Rosji	1977
Müllers G. F.	1966
O periodisaci dējīn Ruska v epoše feudalismu	1951
La paysannerie russe aux XIV ^e et XV ^e siècles d'après les écorces de bouleau de Novgorod.	1963
Peasant wars in feudal Russia	1974
Die Periodisierung der Geschichte Russlands in der Epoche des Feudalismus	1952
Les plus récentes publications de documents de droit du moyen âge russe parues en Union Soviétique.	1968
Il problema della formazione della monarchia assoluta in Russia (secoli XVI—XVIII)	1969
Le régime politique de Novgorod-la-Grande et le mouvement des masses populaires (XII-e — début du XIII-e siècle)	1976
Les relations entre la monarchie et les classes sociales durant la période de la révolte populaire à Moscou et la préparation et l'édition du nouveau code législatif (1648—1649)	1962
La réorganisation de l'appareil d'Etat durant la période de la centralisation politique de la Russie fin du XV-e et début du XVI-e siècles	1964
Le rôle des Zemski Sobory en Russie lors de la guerre des paysans au début du XVII siècle	1960
Russian 17th century Baltik trade in Soviet historiography	1964
Die Rus' vom 10. bis 14. Jahrhundert.	1980
«Sobornoe Ulojenie» din 1649 și «Privileje» lui Vasile Lupu din 1646 ca izvoare pentru istoria aservirii țăranilor în Rusia și în Moldova.	1958
Sobory ziemskie w historiografii radzieckiej	1975
Soviet literature on the history of the USSR published in 1965—1969.	1970
Die sowjetische Mediävistik, einige Fragen der Quellenkunde	1978
Structure de la société et questions du développement de la littérature russe au XIX-e et au XX-e siècles.	1965

В. Д. Назаров

**ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕРЕПНИН:
СУДЬБА И НАУКА
(1905—1977)**

Минуло почти сорок лет, как нет среди нас Льва Владимировича Черепнина. Срок достаточный, чтобы отодвинуть, забыть сиюминутности тогдашних коллизий и спокойно и беспристрастно взглянуть в то, что он оставил после себя в нашей жизни. Трудно сказать, насколько эта мысль вообще справедлива. В данном же случае она явно неуместна. Суждения ученика об Учителе, человеке, кому ты обязан профессиональным, а в чем-то и личностным становлением, — уверен, что это могут подтвердить многие десятки тех, кто так или иначе прошел школу Л. В. Черепнина, — не могут не быть пристрастными. Тем более в сегодняшние времена, когда расцветает феномен дилетантизма и в очередной раз общество поражает амнезия исторической памяти. Вторично, всего за одно столетие, целиком отринуть, забыть свое вчерашнее прошлое, в том числе и собственную историографию. Автор трезво осознает всю ограниченность своих возможностей и собственной эрудиции.

Но главное в предлагаемом тексте другое — здесь единственно важна позиция героя очерка, как она может быть понята из фактов его биографии, из его трудов по отечественной истории. Не менее, если не более существенны первые зрительные впечатления о нем. У всех, кто хотя бы недолгое время общался с Л. В. Черепниным — в учебной ли аудитории или во время научных заседаний, — сохранились в памяти стойкие и во многом схожие впечатления. Мощный, очень четкий интеллект, в глаза сразу бросался его необъятный, «сократовский» лоб, широчайшая эрудиция, огромный жизненный опыт (трудно забыть его умудренный и зачастую печальный взгляд). И еще — достоверность, цельность натуры. Здесь в восприятии окружающих сошлось многое. Данное ему от природы умение расположить свое грузное тело так, чтобы у собеседников почти рефлексивно рождалось ощущение надежной устойчивости, прочности «с запасом». Присущая Льву Владимировичу манера общения: открытые, прямо глядящие

на собеседника глаза, подчеркнуто спокойная, но всегда с точно расставленными эмоциональными акцентами речь, ясные (по мотивам, по сути) и логичные формулировки. Его мозг был запрограммирован на неустанный исследовательский поиск, он рано определил свое призвание — приращение знаний о прошлом. И он мог посвятить себя этим занятиям только пока сам и для самого себя признавал их подлежащими сфере хотя бы относительно свободной научной мысли. При всех объективных внешних ограничениях, при неизбежной в ряде случаев самоцензуре, при том, что правящий режим тяжелым катком прошелся едва ли не по всей его судьбе. Вот почему дальнейший рассказ — это личная и научная биография Л. В. Черепнина в контексте становления и развития *советской исторической науки* (конечно, в скромную меру сил и знаний автора).

Лев Владимирович появился на свет 12 апреля (30 марта по старому стилю) 1905 г. в Рязани. Фортуна не была к нему благосклонна с самого начала. Роды были тяжелые и вскоре умерла его мать. Отец был потрясен этим и одно время подумывал свести счеты с жизнью. Малыш рос первые месяцы в доме деда, где он и родился. Но в октябре того же года скоропостижно умирает Алексей Иванович Черепнин, глава и опора фамильного клана. Затем несколько лет, вплоть до вторичной женитьбы Владимира Алексеевича и его обустройства в Москве осенью 1912 г., маленький Лев живет по преимуществу у родных отца в Рязани, в Вильно (Вильнюсе).

Прервемся и сделаем небольшое отступление. Выбор Л. В. Черепниным профессии историка можно хотя бы отчасти объяснить семейными причинами. Историко-филологический факультет Московского университета окончил с дипломом второй степени в 1904 г. Владимир Алексеевич, пополнивший позднее свое образование еще двумя полными курсами. Почти одновременно в 1911 г. он получил диплом первой степени юридического факультета Петербургского университета и свидетельство действительного члена (эквивалент диплома) Императорского Археологического института в Петербурге. В круг его друзей и знакомых входили Ю. В. Готье, А. И. Яковлев, С. К. Шамбинаго — в недалеком будущем ведущие исследователи, историки и филологи. Он был лично знаком с профессором М. М. Богословским. Но и В. А. Черепнин не был первым историком в семье: пальма первенства принадлежит Алексею Ивановичу. Повороты его судьбы, многие черты характера, манера поведения (как это рисуется по текстам нескольких некрологов — автором одного из них был П. Н. Милуков — и по семейным преданиям) живо напоминают жизненные коллизии Льва Владимировича. Генетическая наследственность проявилась вполне отчетливо, а потому есть смысл обратиться к этим истокам.

Семья Черепниных переехала из Пскова в Рязань в 1847 г., на седьмом году жизни Алексея Ивановича (примерно в том же возрасте его внук обретает заново семью своего отца после его вторичной женитьбы). Нормальным порядком гимназию не окончил, поскольку был изгнан за сочинение «возмутительных стихов». Сдав экзамены экстерном, поступил на механико-математический факультет

Московского университета, но вскоре за участие в студенческих волнениях был исключен из него и выслан на родину (в Рязань) с запретом въезда в столицы на три года. Сын повторил отца: Владимир за участие в студенческих сходках и выступлениях дважды высылался из Москвы в Рязань (1899 и 1902 гг.), отсидел около полугода в тюрьме в 1902 г. и лишь в октябре этого года был допущен к учебе. Но вернемся к Алексею Ивановичу. Он все-таки начал и завершил курс Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, где, по некоторым позднейшим припоминаниям, был связан с кружком Нечаева. От новых столкновений с властями А. И. Черепнин уберегся и начал службу наемным управляющим последовательно двух имений в Тульской губернии. Завершалось первое пореформенное десятилетие, предстояла огромная работа в аграрном секторе российской жизни — заманчивое поле приложения сил для деятельной натуры Алексея Ивановича. И тут вскоре новый кардинальный поворот в его судьбе, продиктованный не государством, но «обществом». И притом специфическим, дворянским: он женился на девице из рода Сабуровых (фамилия принадлежала к самым верхам рязанского дворянского общества), а после получения ею наследства он мог заняться своим здоровьем. Врачи порекомендовали оставить работу управляющего и их советы были приняты Алексеем Ивановичем. Ему вновь надо было обрести сферу жизненных интересов и занятий.

Они нашлись вскоре. Рязанская губернская ученая архивная комиссия была одной из почтеннейших и старейших организаций такого рода в России. С ней и связал свои труды и заботы Алексей Иванович. В итоге, не имея специального образования, он превратился в историка-профессионала, археолога и нумизмата. Его работы регулярно публикуются в «Трудах» Рязанской архивной комиссии, в аналогичных изданиях других губерний, в «Трудах» Московского нумизматического общества. Современные археологи отмечают высокое качество его раскопок, аккуратность и крайний педантизм, широту аналогий. Специально подчеркиваются попытки А. И. Черепнина разработать и осуществить подробный план системного археологического обследования Рязанского края. Он провел более 170 курганных раскопок, был основателем своеобразной школы рязанских археологов, под его началом делал первые шаги в профессии В. А. Городцов, в будущем один из основателей советской археологии. Его статьи по проблемам нумизматики были замечены всеми виднейшими специалистами и не потеряли кое в чем научной актуальности до сих пор. В последние три года жизни Алексей Иванович в качестве председателя возглавлял всю деятельность комиссии и именно тогда в ее «Трудах» стали печататься объемные исторические источники.

Но это лишь одна сторона его занятий. Вторая — культурно-просветительская деятельность. Он стал организатором, а затем и хранителем (директором) археологического и этнографического музея. Практически все выходные и праздничные дни он проводил в нём, считая своим долгом водить экскурсии, пояснять экспонаты одному-двум-трем лицам, нередко совершенно не подготовленным и заглянувшим в музей из любопытства или же случайно. Читал он и публичные лекции,

благотворительные, а также платные (средства от них поступали в фонд постройки особого здания для музея), устраивал осмотры мест раскопок. Всё это он полагал неременным нравственным долгом обеспеченной и образованной части русского общества перед трудовым — сельским и городским — людом.

Таким было наследие деда. Некоторые его черты, моральные установки проявились у Льва Владимировича еще в годы юности и возмужания. Большие сложности возникли с получением и среднего, и высшего образования. Начав учебу в московской частной гимназии Е. А. Репман, он завершал свое среднее образование в гимназии, преобразованной в конце 1920 г. при советской власти в трудовую школу 2-й ступени в мае 1921 г. в Ялте. В Крыму семья очутилась в конце 1917 г. из-за необходимости санаторного лечения второй жены Владимира Алексеевича (она болела туберкулезом) и застряла там до окончания Гражданской войны. Первый выбор был сделан, и вместо лагеря в Галлиполи Черепнины оказались в голодной, полузамерзшей, но уже привычной Москве. Но жить впятером (помимо отца и его жены, двое детей и няня сестры Льва Владимировича) в небольшой комнате в коммунальной квартире было невозможно. Взрослые работали, и подросткового Льва с сестрой и ее няней отправили к родственникам в Рязань. Здесь был только один вуз — Рязанский институт народного образования, в нем и начал учиться на социально-историческом факультете Лев Владимирович в ноябре 1921 г. Помимо замерзших аудиторий (дрова студенты должны были добывать сами, а получалось это не всегда) и чувства постоянного недоедания, запомнились ему лекции и беседы с Н. Г. Бережковым, недавним выпускником МГУ, уже тогда блестящим знатоком литовских документов и фондов в московских архивах. С трудами С. М. Соловьева, В. О. Ключевского Л. В. Черепнин был уже знаком, здесь же прозвучали новые для него имена и работы: текстологические изыскания А. А. Шахматова о начальном летописании, исследования российских феодальных отношений Н. П. Павловым-Сильванским путем сравнительно-исторического анализа, образование Великорусского государства А. Е. Пресняковым. Эти имена и эти исследования с тех пор прочно не просто войдут в ученую жизнь Черепнина на всем ее протяжении. Именно эти тексты, мастерство анализа и обобщения этих старших современников Льва Владимировича определили едва ли не решающим образом его выбор — историей России какой эпохи он будет заниматься. Узнал он тогда и имя известнейшего специалиста-медиевиста Д. М. Петрушевского (П. А. Осипов, его ученик, вел занятия в рязанском вузе).

Вскоре после окончания сессии появилась возможность возвращения в Москву: отцу удалось получить вторую комнату. Сначала из Рязани уехали сестра и няня, затем Лев Владимирович. Казалось, что забрезжила реальная возможность продолжить высшее образование в Московском университете, который окончил и отец. Но проза ограничений и правил при поступлении на факультет общественных наук Первого Московского университета (так он именовался в те годы) очень быстро развеяла эти намерения. Необходимо было некое командирование от профильного учреждения с соответствующей рекомендацией. Рязанский институт

таким правом не обладал, а его весьма высокая рекомендация ничего не стоила. Пришлось остановить выбор на педагогическом факультете Второго Московского университета. В нем студент Л. В. Черепнин продержался около полутора лет. После первого общего курса с лекциями и экзаменами почти по всему циклу естественных и общественных наук началась со второго курса специализация. И оказалось, что собственно исторической специализации не было. Проучившись некоторое время на литературном отделении, Лев Владимирович с облегчением покинул стены вуза на Девичьем поле по решению комиссии о «чистке», так и не воспользовавшись правом на апелляцию.

На то была веская причина. Практически весь первый учебный год он учился сразу в двух университетах, отдавая максимум времени и усилий именно факультету общественных наук Первого университета в качестве студента-вольнослушателя. Его трудолюбие, его несомненные задатки ученого-аналитика вскоре стали очевидными.

Впрочем, студенческие и аспирантские годы — по припоминаниям Льва Владимировича — были заполнены не только усиленной учебой. Вместе с двоюродным братом Вадимом Рындиным (тогда художником в Камерном театре А. Я. Таирова, а в будущем главным художником Большого театра; его мать была родной сестрой отца Льва Владимировича) он обегал художественные выставки, бывал на театральных премьерах (особенно в Камерном и Вахтанговском театрах), посещал вечера поэтов. Страсть к театру и регулярному чтению художественной литературы осталась у него на всю жизнь. Пришла и большая любовь. Финал был драматическим. Семья возлюбленной отправилась во Францию (то были последние отъезды с обязательным своеобразным «выкупом» родственниками, уже ставшими эмигрантами), а через тридцать с лишним лет, когда Лев Владимирович читал курс лекций в Сорбонне, состоялась их встреча.

На успехи Льва Владимировича довольно рано обратили внимание видные ученые. Назовем Д. М. Петрушевского, в семинарах которого («Аграрный строй раннего средневековья» и «Город») Л. В. Черепнин проработал шесть лет. Один из результатов этой работы — блестящая источниковедческая статья, в которой в анализе Средневекового документального памятника использованы методы текстологии, разработанные А. А. Шахматовым на материале русских летописей. Попутно заметим, что такое расширение эвристического потенциала исследовательских методик станет типичной манерой Льва Владимировича. Еще важнее, пожалуй, другое: с этого времени в его научную привычку вошло сверять полученные на русском материале наблюдения с выводами коллег по аналогичным западноевропейским темам. Прямые сравнения в его работах, правда, не часты, но параллели и сопоставления всегда присутствуют в контексте авторских оценок, в логике постановки проблем.

Более существенным, однако, было воздействие С. В. Бахрушина и А. И. Яковлева, ставших и формально, и реально учителями Льва Владимировича. Он работал в студенческие и аспирантские годы в трех семинарах у Бахрушина и в двух у Яковлева. История древнего южнорусского летописания, источники, текстология

и эволюция знаменитого памятника первой трети XVII в. — Нового летописца, — наконец, социально-экономические отношения на Руси в XIV—XVI вв. — тако-вы темы в семинарии у Бахрушина. И любая начатая тогда работа имеет у Льва Владимировича закономерный финал в виде научной публикации. Не имеет значения, что многие из них пробились на страницы журналов и изданий много позднее (они будут опубликованы в 1940, 1941 и 1945 гг.): на то были свои причины, никак не зависевшие от воли и желания автора.

Из яковлевских семинаров вышли его исследование о Псковской судной грамоте и их совместная публикация памятника, а также работа о социальных движениях конца XVII в. Первая часть этой работы, касающаяся главным образом причин и предпосылок классовых выступлений в южном пограничье России, была представлена и высоко оценена в качестве реферата при поступлении в аспирантуру Института истории РАНИОН в конце 1925 г. Лев Владимирович успешно сдал экстерном экзамены за университетский курс на приемных испытаниях (правда, экзамен по политической экономии, по диалектическому и историческому материализму был сдан со второй попытки), так что с 1-го января 1926 г. начинается отсчет его аспирантским годам. Внешне то был вполне благополучный период его творческого становления.

Сам Институт истории был тогда весьма своеобразным научным заведением. По составу штатных сотрудников это было едва ли не самое мощное объединение историков-профессионалов. С точки зрения теоретических установок институт являл собой контактную зону очень разных школ. Относительно малочисленная, но политически, а главное — организационно влиятельная группа историков-марксистов, ориентирующихся в разделах отечественной истории на концепцию М. Н. Покровского, автора первой достаточно подробной разработанной схемы исторического процесса в России на базовых основаниях марксистской теории. Более многочисленные «старорежимные кадры» (профессорско-преподавательский состав из университета и т. п.) с молодыми учениками являли куда более пеструю картину доктринальных построений: «новый идеализм» Р. Ю. Виппера (по его собственной квалификации), допшианские реминисценции у Д. М. Петрушевского, эволюция С. В. Бахрушина в сторону марксистских воззрений (но лишь отчасти перекликавшаяся со взглядами М. Н. Покровского), теоретический нигилизм в сочетании с политическим абсентизмом у ряда исследователей, посвятивших себя вполне конкретным изысканиям, — такова далеко не полная гамма цветов в этой картине. Что вряд ли удивительно. Европа переживала еще больший идейный разброд, а за спиной у мыслящих интеллигентов из России была не только потрясая основы цивилизации Первая мировая война, но и кровавый опыт революции, Гражданской войны, покончившей с этой цивилизацией на одной шестой суши мира (кто тогда мог знать, сколь длительным окажется этот эксперимент). Предполагалось, что в такой наименее болезненной форме удастся осуществить постепенный переход старой профессуры на рельсы победившей идеологии.

И кое-что действительно удалось. Сменилась во многом тематика занятий: главный упор был сделан на экономическую историю, историю форм труда и эксплуатации, отношений собственности. Кроме новых интересных исследований, отнюдь не вмещавшихся в «торговый капитализм» Покровского, этому были посвящены многочисленные публикации. Удалось сохранить в немалой мере атмосферу академических заседаний и действительно научных дискуссий. И что особенно важно для очерка: удалось оставить в целом на прежнем уровне требования к профессиональным качествам молодых поколений. Теперь аспиранты должны были слушать лекции, работать в семинарах, писать рефераты и сдавать экзамены по методологии и теории исторической науки, прежде всего марксистской (эти курсы и занятия вели М. Н. Покровский, В. И. Невский, В. П. Волгин). Но были сохранены многочисленные и многотрудные экзамены по конкретным проблемам отечественной и всеобщей истории с обязательным написанием и публичным обсуждением на научных заседаниях исследовательских докладов по вполне конкретным, заранее утвержденным проблемам. Предполагалось также написание диссертации, а кроме того работа в архивах, педагогическая, в музеях. И на все это отводилось три с небольшим года: курс заканчивался к 1 мая 1929 г. К обычному набору занятий и дисциплин у учеников Бахрушина присоединялся неформальный семинар, проходивший обычно в его домашнем кабинете. Как вскоре окажется, он сыграл зловещую роль в судьбах его участников.

Положенный план Лев Владимирович выполнил даже с перевыполнением. Два лета вместе с С. Б. Веселовским провел молодой ученый в хранилищах бывшей Троице-Сергиевой лавры, копируя акты и документы XV—XVII вв. из его владельческого архива (в 1929 г. было опубликовано Центрархивом это прекрасное издание, в котором приняли участие С. Б. Веселовский, А. И. Яковлев, Л. В. Черепнин). Еще в конце 1924 г. открыл он впервые дверь архива на Пироговской и стал в годы аспирантуры его завсегдатаем, выявляя и готовя к печати материалы из фонда Разрядного приказа и ряда других для многотомного (фактически неосуществившегося) издания по истории крестьян и холопов в XVII в., а также документы из других собраний. Работал он и в других архивохранилищах. Под руководством Яковлева подготовил он также учебное издание «Русской Правды» по трем спискам. И в те же годы напечатал две исследовательские статьи, выросшие из семинарских занятий и аспирантских докладов.

Редко происходит так, что первая же научная публикация бесспорно удостоверяет рождение профессионала, мастера. У аспиранта Черепнина именно такой случай. В поле его внимания очутились своеобразные материалы — «свозные» книги Троице-Сергиева монастыря: в них фиксировались факты возвращения или невозвращения беглых крестьян обители после Смуты сообразно с полученной от правительства привилегией. Вот схема исследования: источники и особенности составления свозных книг; факторы и интенсивность крестьянских побегов в динамике; маршруты и направления бегства, районы и сословный облик новых владельцев беглых крестьян; побег в контексте социальных

выступлений дворцового и черносошного крестьянства; связи побегов со сменой собственника и хозяйственными переменами в имениях, откуда происходили беглые, со становлением крепостнического режима. Если добавить, что по ряду проблем тексты давали лишь сопутствующую информацию, если учесть, что объем статьи немногим превышает один печатный лист, если вспомнить его усиленную работу в архиве Лавры, то дебют нельзя не признать в высшей степени удачным.

Более того, в тексте отчетливо зримы — пусть пока в микромасштабе — определяющие исследовательский облик молодого ученого свойства. Это прежде всего системность в формулировании цели исследования, его методов, строгая логичность в изложении хода мысли и результатов анализа, соразмерность разных разделов работы.

Весной 1929 г. произошли существенные перемены в делах аспирантов института истории РАНИОН. При подведении итогов их работы за все годы обучения вполне отчетливо проявилась тенденция к полному господству М. Н. Покровского и его школы во всех учреждениях, институтах, вузах, где изучалась и преподавалась история (см. об этом ниже). На судьбе Льва Владимировича это сказалось следующим образом. Все тексты его исследований, участие в научных дискуссиях, работа вне стен института были оценены высоко или очень высоко. За двумя исключениями: по секции исторического материализма А. Д. Удальцов счел, что в докладе Черепнина о М. Вебере «сильно влияние буржуазной теории», «а марксистская подготовка недостаточна». Еще показательнее резолюция двух сопредседателей секции по русской истории: «прекрасный работник в области изучения источников» с подписью-автографом В. И. Невского и автограф С. А. Пионтовского (активного члена школы Покровского) — «не марксист». Последствия были предсказуемы: по решению президиума РАНИОН от 11 июня 1929 г. было принято «считать, что аспиранты Макаров, Шунков, Черепнин выполнили учебный план неудовлетворительно ввиду не усвоения марксистской методологии. Считать Макарова, Шункова, Черепнина выбывшими из состава аспирантов». В тот же день Лев Владимирович направил в президиум РАНИОН заявление с просьбой предоставить ему право подачи диссертации с последующей ее защитой до 1 октября 1929 г. Ему было известно, что несколько аспирантов такое продление до середины октября получили. Но его обращение осталось без ответа.

Надо было думать о работе, причем о такой, условия которой позволяли бы дальнейшую исследовательскую деятельность. И здесь надо сказать самые добрые слова о корпоративной солидарности историков школы Московского университета, об учителях Льва Владимировича. С. В. Бахрушин, А. И. Яковлев, Д. М. Петрушевский всегда чутко относились к сложным поворотам в жизни ученика. Именно они сумели добиться повторного экзамена по политэкономии при поступлении Черепнина в аспирантуру. Еще 1 февраля 1929 г. Лев Владимирович был зачислен в штат научной библиотеки научно-технического центра ВСНХ, которую возглавлял одно время А. И. Яковлев. Помогли они и сейчас:

с 1 августа 1929 г. Л. В. Черепнин стал старшим помощником заведующего Отделом рукописей Публичной библиотеки им. В. И. Ленина. Фиксируя свою резолюцию об этом, директор библиотеки В. И. Невский без сомнения помнил собственную характеристику аспиранта Черепнина: «прекрасный работник в области изучения источников». Уж источников в отделе было много, можно сказать, очень много. Сказалось и то, что для Черепниных библиотека была «родным домом»: с 1912 по 1923 г. в ней работал с перерывом на Крым Владимир Алексеевич Черепнин, его близкий и хороший знакомый Ю. В. Готье был заместителем директора.

Итак, впереди интересная работа в отделе рукописей, завершение кандидатской диссертации. Оно, казалось, было не за горами. В январе 1930 г. Черепнин прочел доклад о митрополичьей вотчине в XV—XVI вв. на заседании культурно-исторической секции Общества изучения Московской области. Главные выводы — феодальный характер этого феномена, договорный характер отношений внутри митрополичьих владений и в сфере отношений со светской властью — были одобрены участниками дискуссии. Иными словами, Лев Владимирович к январю 1930 г. уже сформулировал главные выводы исследования, определил источники (ими стали главным образом копийные книги из архива митрополичьей кафедры), прояснил эвристическое значение параллелей с западноевропейскими материалами. В историографической перспективе то был следующий шаг за новаторскими сочинениями Павлова-Сильванского, что было подчеркнуто при обсуждении. Все, казалось, шло неплохо.

Доклад состоялся 16 января, а днями ранее, в ночь на 13 января, был арестован с семьей в Петербурге (тогда Ленинграде) академик С. Ф. Платонов, признанный глава «петроградской школы» историков по отечественной истории, занимавший к тому же множество ответственных постов в Академии наук. Впрочем, это событие (о нём в Москве узнали буквально на следующий день) не было полной неожиданностью. Аресты пошли уже с осени 1929 г., а в среде краеведов — еще раньше. Режим закончил внутрипартийную борьбу, принципиально менялся политический и экономический курс, пришло время резкого ужесточения идеологической атмосферы в обществе. На фронте исторической науки (так тогда говорили) это проявилось рано и вполне отчетливо.

Дело в том, что М. Н. Покровский, формальный и реальный глава историков-марксистов, к осени 1928 г. решил, что пришло время наступательных действий против буржуазного академизма в его разных формах и проявлениях.

Эволюционное внедрение в сознание таких ученых марксизма (в его концепционной оболочке) не казалось более Покровскому необходимым или даже полезным. В рамках Коммунистической академии и ряда других учреждений вокруг него выросла многочисленная школа. Задачи момента (еще одно ключевое выражение, равно как и фронт, отразившее не просто лексику, но умонастроения, менталитет времен Гражданской войны) сводились к решительной замене ими старых спецов и попавшей под их влияние научной молодежи. Итоги некоторых дискуссий лишь

укрепляли его в правильности предлагавшегося им решения. Он никак не мог считать себя победителем в дискуссии о формациях (даже среди обществоведов-марксистов, в рамках собственно марксистских постулатов), вряд ли он был полностью удовлетворен характером дискуссии по поводу новой книги Д. М. Петрушевского. В январе 1929 г. на выборах в Академии не прошли трое кандидатов от комфракции (А. М. Деборин, Н. М. Лукин, В. М. Фриче — все по отделению общественных наук), сложным было избрание самого М. Н. Покровского. И хотя эти неблагоприятные результаты были устранены на повторных выборах в феврале того же года (все трое неудачников были избраны, правда, с нарушением процедурных правил), грозовые тучи сгустились. Летом начала работу комиссия по чистке Академии, а осенью «обнаружили» уголовно-политический криминал: хранение документов ЦК партии кадетов и часть переписки Николая II не в Центроархиве (его также возглавлял Покровский), но в академических институтах, библиотеках, комиссиях. Так начало раскручиваться «дело историков» («дело академиков Платонова, Тарле и других о контрреволюционном заговоре» и т. п.).

Через несколько месяцев аресты распространились на московских историков. Впрочем, начинался год благополучно. В феврале старший помощник заведующего Отделом рукописей организовал перевозку рукописей архива Троице-Сергиевой лавры из Духовной академии из Сергиева Посада в Москву, в марте его немного повысили по должности. Он активно участвует в научно-просветительских программах библиотеки, а с 20 июля по 20 августа, будучи в очередном отпуске, совершает путешествие на судах по Волге и Каспийскому морю. Сразу по возвращении в Москву он узнал о недавних арестах московской профессуры (С. В. Бахрушина, М. К. Любавского, Ю. В. Готье, А. И. Яковлева, В. И. Пичеты, ряда других историков) и их отправке в Ленинград для проведения следствия. Поздним вечером 14 сентября, когда он вернулся с преподавания на рабочих курсах, на квартире родителей, где Лев Владимирович жил, его арестовали. В ту же ночь за ним захлопнулись двери изолятора на Лубянке, а после первых допросов — ворота Бутырской тюрьмы, куда его перевели до выяснения решения. Сценарий следствия уже становился шаблонным: контрреволюционный, и к тому же монархический, заговор требовал связей с иностранными государствами, их разведками и боевого ядра в среде заговорщиков. Шахтинское дело и дело Промпартии свидетельствуют об этом. Военную организацию в деле историков слепить было нелегко. Усилия, впрочем, оправдались: в Москве на роль такой организации был подобран домашний семинар С. В. Бахрушина, одно происхождение которого (из очень состоятельного купеческого клана) и некоторые факты биографии (до 1918 г. он был гласным Московской городской думы) непреложно подтверждали его изначальную, неистребимую «контрреволюционность», а к тому же он был постоянно окружен мо-
лодыми людьми.

Сначала замышлялся открытый, показательный судебный процесс. Позднее от этой мысли отказались: кроме «признаний» у следствия не было никаких документальных и иных доказательств вины подсудимых. Приговоры выносились

во внесудебном порядке. Те, кто был постарше и поавторитетнее, получали обычно пять лет административной ссылки в далекие города. Так, С. В. Бахрушин оказался в Семипалатинске, А. И. Яковлев — в Минусинске, Е. В. Тарле — в Алма-Ате, сам С. Ф. Платонов — в Самаре. Молодые же обычно «вознаграждались» тремя годами, но в лагерях. Черепнин по решению Особого совещания от 13 января 1931 г. был направлен на 3 года в Северный край с лишением права проживания в Москве и других крупных городах. Уже на месте «чернорабочий Черепнин» был направлен на камнеразработки в Холмогорский район. Так завершилась юность и началась зрелость.

Лев Владимирович был скуп на устные рассказы об этих годах, довольно подробное описание читатель найдет в тексте публикуемых воспоминаний. Но о чем-то, особенно врезавшемся в его память, он говорил в личных беседах. Правда, очень редко. Он описывал состав заключенных — полностью преобладали раскулаченные крестьяне, чистых уголовников было немного. Но именно они с попустительства или под контролем начальства наводили порядок среди зеков. Временами было очень голодно. Спасали посылки из семьи — с едой, теплыми вещами. Дважды он стоял на пороге смерти. Однажды в эпидемию тифа, от которой погибло очень много сосланных. Второй раз по неопытности. Попытка подкормиться лесными ягодами окончилась плачевно: заключенный Черепнин вышел на работу в мокрых от росы обмотках, что вместе с негашеной известью создало смертельную смесь. Кожа ног оказалась сильно обожженной даже выше колен. Молодой организм преодолел недуг, но следы остались навсегда.

Если бы только телесные. Жизнь выставила ему обширный счет. Возвращение из лагеря осенью 1933 г. зафиксировало его статус изгоя. Судимость по 58-й статье закрывала возможность легального пребывания в столице, а без прописки не могло быть и речи о постоянной работе. К тому же до смены ориентиров в исторической науке оставались еще несколько лет. Позднее, заполняя анкеты, Лев Владимирович будет указывать эти годы как время работы по договору. Сначала в двух издательствах, причем предельно скромный заработок не мог обеспечить средств к существованию. А ведь он привык самостоятельно зарабатывать на жизнь еще в Крыму. Попытки дополнительного приработка зачастую не давали результата. Вот характерный пример. В архивном фонде Черепнина находится неопубликованное сочинение по истории Рязани и Рязанского края. Заказ на его написание он получил с помощью своих учителей от издательства «Academia». Когда же Лев Владимирович в договоренный срок принес рукопись, то не увидел в привычной комнате, как он вспоминал, ни одного знакомого лица. Сотрудники были арестованы, а часть предпочла переменить место работы. Правда, гонорар он все же получил, но далеко не сразу. Бывали и иные схожие случаи. Как сумел он сохранить верность призванию в таких условиях, причем на протяжении почти десяти лет, известно было только ему самому.

В эти же годы он вступил в гражданский брак с будущей верной спутницей, прочной его опорой в жизни Е. В. Гальпериной. Позднее они вспоминали, что в самые тяжелые годы (начиная с 1936 г.) они не рисковали проводить на одном месте,

даже в ее комнате, более двух-трех ночей, скитаясь по знакомым и родственникам. Задержание Льва Владимировича почти автоматически могло привести не просто к выселению по месту прописки (это была, конечно, Рязань), но к новому аресту и суровому наказанию.

С 1934 г. в исторической науке начались некие перемены, не сразу ставшие ясными. Отечественная история была признана властями одним из обязательных предметов в средней школе. Это означало многое: написание учебников и учебных пособий, создание обобщающих трудов и т. п. В том же году возвратилось большинство из привлеченных по «делу историков» за исключением тех, кто скончался в ссылке. «Возвращенцам» восстанавливают ученые звания и степени, прописку, предоставляют профильную работу. Теперь существует один Московский государственный университет и в нем – исторический факультет. В близкое время в рамках Академии наук образуется Институт истории, куда поступают многие из вернувшихся. Берут и Льва Владимировича, но только на условиях временного срочного договора. Так продолжалось вплоть до начала войны, когда паспортный режим еще более ужесточается. Лев Владимирович поступает на работу в среднюю школу Каширского района. Его попытка уйти на фронт добровольцем через Каширский райвоенкомат была безрезультатной.

Его личная судьба резко меняется зимой 1942 г. По представлению исполняющего обязанности директора Московского историко-архивного института П. П. Смирнова и заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин института А. Н. Сперанского в марте 1942 г. Л. В. Черепнин зачисляется в штат кафедры: сначала заведующим кабинетом, а чуть позднее — преподавателем. Институт находился тогда в системе Главного архивного управления, являвшегося частью НКВД, кадровые вопросы (по представлению дирекции) решались на уровне заместителей народного комиссара, так что прием на работу означал автоматическую прописку в Москве и даже выделение жилплощади: Лев Владимирович получил маленькую комнату в коммунальной квартире на Садово-Кудринской улице. Но жил он по преимуществу в такой же небольшой комнате жены. В декабре 1942 г. они официально зарегистрировали свой брак. С этого времени, за исключением нескольких случаев, жизнь его входит в обычный ритм трудов и занятий: кафедра учебной аудитории — архив — библиотека — научное заседание — маленький стол, с которого только что убрали тарелки и чашки.

В июле 1942 г. он защищает кандидатскую диссертацию и тут же поступает в докторантуру Института истории. На ближайшие годы его научные интересы этим и определялись — обязанностями по кафедре, темой и целями докторской работы. Напомним, в кандидатской диссертации речь шла о характере владельческих отношений в рамках вотчины митрополичьей кафедры и основывалась она на богатом собрании грамот в копийных сборниках архива митрополичьей кафедры. Теперь же в поле зрения ученого весь комплекс документации XIV — начала XVI в., прежде всего, корпус договоров и завещаний великих и удельных князей

Северо-Восточной, а также Северо-Западной Руси (Новгородская феодальная республика). В соответствии же с учебными планами и замыслами нового заведующего кафедрой А. И. Андреева (А. Н. Сперанский скончался 9 января 1943 г.) Черепнину была вменена в обязанность подготовка ряда учебных пособий. Два из них, по хронологии и метрологии, вышли в свет в 1944 г. — и то были его первые, еще небольшие по объему монографии, — а учебник по палеографии (созданный в соавторстве с Н. С. Чаевым) — двумя годами позднее. Параллельно публиковались статьи, подготовленные на основании прежних занятий в семинарах у С. В. Бахрушина и А. И. Яковлева. Здесь нельзя не сказать еще об одной черте личности Льва Владимировича. Он был верным до конца человеком в дружеских отношениях. С И. С. Макаровым он был хорошо знаком со времен семинара С. В. Бахрушина в Первом университете. Затем были аспирантские годы в РАНИОН, семинар Бахрушина в его квартире и арест по одному делу. После возвращения из лагеря Макаров трагически погиб — он утонул во время купания. Черепнин пообещал вдове публикацию аспирантских статей мужа. И они увидели свет в самом авторитетном тогдашнем научном журнале. В 1937 г. и 1945 г. работы Макарова были опубликованы в 1-м и 14-м томах «Исторических записок».

В 1946 г. вышли в свет две части докторской диссертации. Она была защищена в июне 1947 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР, а оппонентами были С. В. Бахрушин, А. И. Андреев, М. Н. Тихомиров. Вот как резюмировал в дневнике академик Н. М. Дружинин свои впечатления: «И выступления диссертанта, и отзывы оппонентов показывали, что мы имеем крупного исследователя, давшего выдающуюся работу. Единогласный вотум был встречен горячими и шумными аплодисментами...» Защищался текст «Очерки по истории русских феодальных отношений XIV—XV вв.». Заметно дополненная и под другим названием работа была опубликована двумя частями («Русские феодальные архивы XIV—XV веков» М.; Л., 1948. Ч. 1; М. 1951. Ч. 2), общим объемом около 85 печатных листов.

Оба названия — диссертации и монографии — не случайны, они вписываются в понятийный контекст советской науки тех лет и так или иначе соответствуют новизне содержания. Действительно, термин «Очерки» был крайне популярен в историографии 1940—1950-х гг., причем мода на это слово дожила до 1960—1970-х гг. Самый выразительный пример — многотомные фундаментальные «Очерки истории СССР. Период феодализма», изданные в 1950-е гг., но готовившиеся еще с конца 1930-х гг. (хронологические рамки вышедших частей — с IX по до конца XVIII в.). Привычный сейчас смысл термина «Очерки» плохо различим в приложении к этой серии. Ее «очерковость» обнаруживается разве что в каких-то несовпадениях авторских оценок внутри томов и особенно между ними. Ведь творческие коллективы каждого тома были большими и отличия в позициях были неизбежны. «Очерковость» проявляла себя и в неодинаковой детальности изложения разных разделов, поскольку мера изученности различных тем варьировалась очень сильно. «Очерковость» текста диссертации Льва Владимировича также находит оправдание, пожалуй, только

в неодинаковой проработанности ряда проблем, в несоразмерности отдельных ее разделов. По логике господствующих тогда взглядов, коль скоро речь шла о феодальных отношениях за два столетия, следовало начать и основное внимание уделить экономическим проблемам, отношениям собственности и эксплуатации, классовым выступлениям народных масс. Но в работе логика иная: она продиктована составом, историей, сохранностью государственных и частных архивов, в том числе церковно-корпоративных, жанровым разнообразием всего корпуса документальных источников. Названные выше проблемы присутствуют в работе, но главным образом через призму их отражения в анализируемых актах. Преобладала политическая и социальная проблематика, причем на первый план выдвигались задачи внешней и внутренней критики каждого документа по отдельности и в контексте всего архивного комплекса в том виде, как он существовал в изучаемый период.

Вот почему название книги всё же точнее передает содержание и принципиальную новизну исследования. Если попытаться суммировать одной фразой оригинальность замысла и полученного результата, то, наверное, она прозвучит так: системное описание русского феодального общества и государства XIV—XV вв. в их динамике посредством скрупулезного анализа документальных источников в их единичности и одновременно в контексте естественно сложившихся архивных собраний. Такой подход помимо прочего выявил множество разнородных фактов, ранее иными способами не улавливавшихся, что заметно обогатило научные представления о политических, юридических и государственных реалиях Руси той эпохи.

Быть может, важнее то, как получил Л. В. Черепнин эти выводы, его источниковедческое мастерство, присущее ему разнообразие и комплексность методик анализа. Как правило, к каждому виду документальных источников он применяет не один, а несколько способов анализа, специфически свойственных разным вспомогательным дисциплинам. «Поведение» аналитических методик в исполнении Льва Владимировича необычно. В его руках они непоседливы, охотно расширяют сферы своей деятельности, как бы агрессивны. Так, к примеру, приемы летописной текстологии — с необходимыми модификациями — использованы в изучении копийных сборников ряда церковных корпораций, правовых кодексов. Методы формулярного анализа не ограничиваются в книге лишь текстами официальных и частных актов и т. п. И еще один выразительный штрих: многое из того, что стало в монографии результатом специальных исследований в сфере вспомогательных дисциплин, вплетено в ткань общеисторических выводов. Сейчас это не редкость, по крайней мере для ряда исследователей. Тогда подобная манера, если и не была совсем в диковинку, то встречалась в мире историков весьма нечасто.

Томы изданы в 1948 и 1951 гг. Этот период вместил многие тяжелые явления в судьбах отечественной исторической науки. Не миновали они и Льва Владимировича. Начнем немного ранее. И военные, и первые послевоенные годы поражают интенсивностью и разнообразием его трудов. Каждый год он регулярно публикует

до десятка (и более) научных текстов — книг, статей, рецензий. Его преподавательская деятельность не ограничивается уже аудиториями Историко-архивного института: в 1944 г. он приглашен на Исторический факультет МГУ, в 1946 г. начинает читать курс истории СССР в Институте международных отношений. По завершении докторантуры становится старшим научным сотрудником сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН, которым заведовал тогда С. В. Бахрушин. Понятно, что при неизбежных отличиях, разных акцентах характер и содержание занятий оставались привычными для него. Подготовка и прочтение общих и специальных курсов, подготовка к семинарам и просеминарам, чтение студенческих работ, рефератов, дипломных работ, написание и издание учебников, учебных пособий. Таков каждодневный круг забот и трудов Черепнина в вузах. В Историко-архивном институте он читал и вел занятия по источниковедению XIX — начала XX в. — студенты называли этот курс «брызгами шампанского», а в университете и Институте международных отношений речь шла об общем (базовом) курсе истории СССР эпохи феодализма и отдельных спецкурсах.

Нельзя сказать, что его исследовательские интересы замыкались тогда стенами и плановыми объектами Института истории. Статьи тех лет он почти в равной пропорции публикует и в «Исторических записках», и в «Трудах» кафедры вспомогательных дисциплин МГИАИ. На итоговом заседании кафедры за 1947 г. ее заведующий (А. И. Андреев) отнес недавно защищенную диссертацию Л. В. Черепнина, равно как и диссертацию А. А. Новосельского, к самым заметным успехам коллектива. И это понятно — Историко-архивный институт был главным для Черепнина, хотя бы уже потому, что стал первым штатным местом работы для бывшего осужденного. И именно его покидает Лев Владимирович летом 1949 г. «по собственному желанию», а вернее в силу сложившихся обстоятельств.

Ухудшение атмосферы в обществе, зажим в общественных науках был начат знаменитой серией постановлений ЦК от августа — начала сентября 1946 г. Впрочем, средневековой истории России и Историко-архивного института это коснулось далеко не сразу. К тому же многое зависело от меры рвения собственно институтских инстанций — дирекции, партбюро, от активности отдельных лиц. Болевой точкой стало отношение к наследию дореволюционной отечественной историографии и современных западных историков. Многое сфокусировалось вокруг личности и работ А. С. Лаппо-Данилевского. Еще в военные годы пуристки настроенные ревнители последовательно классовых оценок весьма критически оценивали в этом плане деятельность А. И. Андреева и кафедры в целом. Весной 1944 г. ими было настоятельно предложено Л. В. Черепнину выступить с критическим докладом и в адрес Лаппо-Данилевского, и по поводу А. И. Андреева. Лев Владимирович отказался. Ситуация резко ухудшилась летом 1947 г., когда после доноса одной из сотрудниц кафедры в дело вмешался райком партии, признавший немарксистской программу курса А. И. Андреева по источниковедению. Весной 1948 г. появились разгромные рецензии на сборник «Петр Великий», ответственным редактором которого был Андреев, а несколько ранее, после грубой критики

в адрес этого же издания, он покидает Институт. На следующий год ему помог вернуться в Ленинград и найти работу в системе Академии наук тогдашний ее президент, академик С. И. Вавилов, давно лично его знавший. Впрочем, в Историко-архивном институте основные события развернулись осенью. На трехдневном закрытом партийном собрании, а затем на расширенном заседании Ученого совета (всё в октябре 1948 г.) деятельность кафедры и ее заведующего подверглась суду неправомерному и жестокому. Если ранее студентам не рекомендовали предлагать в президиум общепрофсоюзного собрания молодого профессора Черепнина, то теперь он стал объектом за номером два, в критических упражнениях выступавших. Его учебник по палеографии (в соавторстве со скончавшимся в 1942 г. в Ленинграде Н. С. Чаевым), курс лекций, предисловие к книге С. Б. Веселовского были объявлены безыдейными, научно-бесплодными и отдающими предпочтение формальным моментам взамен диалектической логики. Гроза собиралась тем опаснее, что доклад был сделан тогдашним директором МГИАИ. Проработка была многочасовой, речи же критикуемых были признаны несоответствующими марксистско-ленинской теории (особенно А. И. Андреева), даже несмотря на обещание Л. В. Черепнина подготовить статью с критическим разбором теоретических оснований концепции Лаппо-Данилевского.

Память о недалеком прошлом была еще слишком свежа, что вполне и объясняет это решение. В последние годы жизни он не раз сожалел и о тональности этой статьи, и о факте ее написания вообще, хотя и не отказывался полностью от ее содержания. Таким же было в поздние годы его отношение к своей статье о взглядах А. Е. Преснякова, опубликованной в 1950 г. в «Исторических записках». Этого оказалось недостаточно. В конце апреля 1949 г. Черепнин читает на заседании Ученого совета текст тогда еще не появившейся статьи о Лаппо-Данилевском, а днем спустя он «главный герой» собрания всех сотрудников института, а значит и со сторонниками взглядов буржуазной науки, в том числе в лице Л. В. Черепнина. Это и переполнило чашу терпения. В начале июля 1949 г. Черепнин уже вторично подает заявление об уходе из Историко-архивного института. Формально — по собственному желанию, из-за невозможности совмещения работы в Институте истории и Историко-архивном. По его словам Институт истории не дает своего согласия на такое совмещение. Изменить обстановку было явно не в силах Черепнина, он предпочел сохранить хотя бы небольшую свободную зону для научных занятий.

Как и в чем приходилось идти на компромиссы? Это демонстрирует второй том «Русских феодальных архивов XIV—XV вв.». В первой части, подписанной к печати в октябре 1948 г. (т. е. уже во время начавшегося зажима историографии), обнаруживается весьма умеренное количество цитат из классиков марксизма-ленинизма. К тому же удивительно неравномерно расположенных: почти всех они — в заключении книги, что, конечно, свидетельствует о хотя бы частичном хирургическом вторжении в текст уже в моменты верстки. И тем не менее большинство из них было вполне уместно. Другое дело — второй том. Количество цитат

возросло многократно, они проникли во все разделы книги, нередко повторяясь и вряд ли добавляя что-то принципиально новое в то, как освоены автором книги те или другие положения классиков. Очевиден инструментальный по преимуществу смысл обильного цитирования: оно суть свидетельство (порой избыточное) марксистского «правoverия».

Если читатель сделает отсюда вывод о внешнем, механическом усвоении Л. В. Черепниным марксистской теории исторического процесса, причем не вообще, а в конкретном приложении к отечественной истории эпохи феодализма, то он будет не прав. Как это ни покажется парадоксальным, именно эти последние годы второго периода в его творческой биографии (до середины 50-х годов) стали временем внутреннего, органического усвоения, если угодно выработки этой марксистской концепции в конкретном формате зрелого средневекового общества России. Более того, в рамках реально творческого отношения к ней, как он тогда мыслил. Это отразилось в ряде статей, опубликованных в рамках шедших в те годы дискуссий о периодизации отечественной истории и об основных этапах развития феодальной собственности. Вышли в свет также первые работы Черепнина, в которых была сделана заявка на его собственный оригинальный подход к трактовке эволюции категорий крестьян в XIV—XV вв., в отличие от господствовавшей тогда концепции Б. Д. Грекова. В чем, собственно, новизна и оригинальность? Конечно же, не в понимании исходных пунктов марксизма, но в том, как они приложимы к материалу отечественной истории средневековой поры. Именно тогда Черепнин впервые формулирует тезис (пока еще в самом общем виде) о наличии и важной роли государственной феодальной собственности в России. То был отход от привычных марксистских положений, связывавших отношения собственности в эпоху феодализма только со становлением и развитием крупной (сеньориальной) феодальной собственности. Это положение потенциально оказалось весьма многообещающим. Во-вторых, метод анализа категорий крестьянства позволил исследователю отойти от прямолинейной, не учитывающей ряда противоречивых сложностей трактовки крепостнической зависимости. Наконец, в-третьих, несмотря на то что последние аккорды борьбы с космополитизмом еще не отзвучали, Лев Владимирович занял твердую позицию последовательных историко-сравнительных параллелей с другими европейскими странами, особенно при решении проблем периодизации.

Творчеству Черепнина на любом его отрезке присуща удивительная гармоничность в соединении большинства сфер научного поиска. В каждом данном периоде мы обнаруживаем источниковедческие исследования, труды методологического или теоретико-постановочного свойства, работы по конкретным темам и, наконец, публикации. Речь может только идти об акцентах и масштабах. Вот и сейчас, на исходе второго этапа творческой биографии, Лев Владимирович издает на протяжении всего трех лет три фундаментальные публикации источников. Скоро исполнится 70 лет, как они находятся в постоянном и весьма активном научном обороте. Это корпус духовных и договорных грамот русских князей XIV—XVI вв. (1950), первая часть владельческого архива митрополичьей кафедры (1951), наконец, текст

Судебника 1497 г. (1952 г.; в коллективном томе судебных XV—XVI вв., который фототипически переиздан) и собрание актов Троице-Сергиева монастыря по началу XVI в. (Черепнин — в коллективе составителей, дополнивших и проверивших тексты, подготовленные С. Б. Веселовским). То были классические публикации, заложившие уже не принципы, но качественные фундаментальные основания отечественной документальной археографии. Эта отрасль отечественной исторической науки вне зависимости от остроты концепционных споров получила, бесспорное, мировое признание. По целому ряду ее стандартов можно было измерять уровень профессионализма той или иной школы мировой исторической науки.

Подходило к концу самое тяжелое время сверхжестокоего идеологического контроля в советском обществе. Не забудем, правда, что жизнь всегда больше, всегда шире любой репрессивно-контролирующей системы: островки автономной научной мысли сохранялись даже тогда. Середина 50-х годов — та грань, которая и в личной судьбе Л. В. Черепнина разделила два этапа. Захлопнувшиеся осенью 1930 г. двери Лубянки и ворота Бутырки открыли второй период в его жизни; реабилитация 1956 г. завершила его. Что осталось позади? Чувство недоуменной горечи от ареста и следствия, чувство беспомощной, попранной справедливости несправедливым внесудебным приговором. Годы ссылки и полускитальческое десятилетие с неопределенностью в профессиональном и жизненном устройстве даже в близкой перспективе. Наконец, годы, когда идеологические обвинения вполне зримо грозили обернуться новым лагерным сроком и теперь уже окончательным отлучением от науки. Тогда во имя сохранения возможности трудиться, реализовать себя как личность Лев Владимирович был вынужден поступиться какой-то важной частью своих принципов.

Окончателен ли такой баланс? Если бы автор поставил здесь точку, то это было бы необъективно. Есть и другая графа, не потеря, но того, чего добился ученый. Вспомним, к началу 1930 г. Черепнин состоялся как историк-профессионал, как человек, точно и твердо определивший свое призвание. Каковы же итоги к 1956 г.? Если одним словом, то они очень внушительны. За 25 лет, половину из которых можно смело откинуть, около 120 научных работ, в том числе двухтомная монография, более десятка фундаментальных публикаций, главным образом документальных источников (впрочем, под редакцией Черепнина было заново издано знаменитое сочинение Авраамия Палицына), несколько томов коллективных обобщающих трудов, где ему принадлежат объемные разделы и едва ли не решающее участие в редакционном совете при решении спорных вопросов по «его периоду», пять учебников и изданий хрестоматийного типа, наконец, великое множество статей, докладов, рецензий. Не забудем посмертно изданные труды уже ушедших его коллег — он был одним из инициаторов многотомного собрания сочинений своего учителя, С. В. Бахрушина. Не забудем его учеников, первые монографии которых начали тогда появляться. Добавим к сказанному педагогическую деятельность Черепнина, его общие и специальные курсы, семинары и руководство аспирантами в МГИАИ, МГУ, МГИМО, а также в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Припомним быстро растущие научно-организационные обязанности Черепнина. В первую очередь и прежде всего остального заведование сектором истории СССР периода феодализма в Институте истории АН, где он сменил в октябре 1951 г. своего учителя, С. В. Бахрушина. Лев Владимирович чрезвычайно ценил эту свою позицию много выше любых иных возможных назначений. А ведь он еще состоял в те годы примерно в десяти ученых советах, редколлегиях и т. п.

Всё только что перечисленное — не более чем количественные показатели. Но, кстати, и не менее. О качестве исследований и преподавания сказано выше. Должно удивляться необычайной интенсивности и огромной мере вложенного труда. Не вызывает сомнения, что одной из главных жизненных установок Льва Владимировича стал, начиная с 1942 г., императив — успеть реализовать себя как историка и мыслителя, успеть воплотить в тексты исследований, в тома публикаций свои замыслы. Он очень торопился и постоянно опасался того, что внешние обстоятельства воспрепятствуют ему в выполнении намеченных целей. Теперь, к середине 50-х годов, Л. В. Черепнин — не молодой, состоявшийся исследователь образца 1930 г., но 50-летний ученый, один из ведущих медиевистов в области отечественной истории, крупный организатор науки, почитаемый студентами лектор, глава формирующейся научной школы, ученый с признанным в стране и в мире именем.

Последние двадцать с небольшим лет жизни Черепнина небогаты видимыми событиями. Они устойчивы, по внешности однообразны — типичный способ существования классического кабинетного ученого. Он действительно становится «кабинетным» исследователем — на исходе 50-х годов у него впервые в жизни появляется свой кабинет в квартире на последнем, восьмом, этаже дома № 4 по улице Дм. Ульянова, совсем рядом с Ленинским проспектом, в кооперативе Академии наук. Ему повезло, что случалось в его жизни крайне редко, — неожиданно при жеребьевке освободилась трехкомнатная квартира в целых 64 м² с двумя проходными комнатами, с довольно скромной кухней, крошечной передней, одна из дверей которой открывалась в его кабинет с его письменным столом. За нее нужно было срочно внести полный пай. Что он и сделал, не веря в удачу, но в этот раз она не обманула. Многим, знавшим расположение квартиры, памятно освещенное допоздна изо дня в день окно его кабинета. И памятно его искреннее восхищение просторностью квартиры, и главное — величиной кабинета, где-то 13—14 м².

Еще два обстоятельства, близких по времени к этому счастливому для Льва Владимировича событию, заметно повлияли на привычный для него ритм жизни. В 1960 г. было запрещено, кроме особых случаев, совместительство сотрудников Академии наук в вузах: «случай Черепнина» на истфаке не был сочтен исключением. Так завершилась почти двадцатилетняя преподавательская деятельность. Он довел только до завершения учебы своих последних дипломников, а немногим позднее бесплатно руководил несколькими аспирантами на историческом факультете. Примерно в то же время Институт истории переехал в здание на той же улице

Дм. Ульянова. С тех пор расписание Льва Владимировича включало в себя заседания в институте (обычно вторник и четверг), заседания в советах и редколлегиях (число последних росло просто обвальными темпами), работу в архивах и библиотеках (этому посвящалось не менее двух дней, включая выходные) и написание текстов (все оставшееся время, по крайней мере, большая часть вечеров). Очередной отпуск вносил «большое разнообразие» в заведенный порядок: исключался институт, исключались (за единственными случаями) все другие заседания по его многочисленным обязанностям, зато удельный вес библиотек и архивов резко возрастал — им он посвящал почти все дни, включая те же выходные. Это «творческое отношение» к положенному отдыху иногда смягчалось: какую-то часть отпускных вечеров он мог проводить в интенсивных посещениях с женой театров (предпочитал драматические и Большой театр, причем одно время возобновил прежнюю дружбу с В. Рындиным), в быстром чтении художественной литературы (его, кстати, очень занимало то, как в сочинениях, обращенных к современности, трактуются образы историков). В самые последние годы жизни он, всегда вместе с женой, отправлялся на две недели, а порой и на целый месяц в подмосковные санатории, чаще всего в академический санаторий «Узкое». Отпуск он брал обычно в зимние месяцы. Правда, летом в конце 1950-х — 1970-е гг. они с Евгенией Вениаминовной снимали дачу, где он проводил дни, свободные от заседаний. Раньше, во второй половине 1940-х — середине 1950-х гг., они оба брали отпуск летом и обычно посвящали его речным путешествиям по Волге, Каме и другим ее притокам. Но вернемся в конец 1960-х гг. Ничего нового в такой ритм не внесло его избрание в действительные члены Академии наук в 1972 г. Исключая одно обстоятельство: теперь он пользовался служебной машиной для поездок в институт, библиотеки, архивы, на заседания. Это было, кстати, очень вовремя: еще в конце 60-х годов обнаружилось поражение сосудов ног, так что порой ноги его подводили.

Была еще одна сфера, где занятость Льва Владимировича резко увеличилась с конца 50-х годов. Это область международного научного сотрудничества. Впрочем, в те годы предпочитали говорить не столько о сотрудничестве, сколько о борьбе с буржуазной исторической наукой. Но в исполнении Черепнина эта борьба чаще всего выглядела как вполне традиционная, острая дискуссия, аргументами в которой были факты и источники, но не цитаты. Его первая поездка в Польшу состоялась еще в 1954 г., но только с 1958—1959 гг. его научные командировки в европейские страны стали регулярными, иногда по 2—3 поездки в год. Быстро и рано он завоевал международный авторитет, приглашался порой для чтения курсов лекций (например, в Сорбонне и в Турском университете). Долгое время он был вице-президентом международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений, активно участвовал во многих двусторонних комиссиях историков — советско-английской, советско-итальянской, советско-французской, советско-румынской и т. п. Несколько раз входил он в состав больших делегаций советских историков на международных конгрессах исторических наук.

Особое дело — вступление Л. В. Черепнина в ряды КПСС в 1957 г. Конечно же, оно преследовало определенные прагматические цели, но было бы неверным только ими объяснять данный факт. Положение Льва Владимировича было вполне прочным, конечные цели КПСС, как они декларировались в программах, он в принципе разделял, членский же билет заметно облегчал решение ряда проблем.

Бесспорно, безмятежное течение жизни было таковым только внешне. За этим скрывалось огромное напряжение сил, продиктованное всё тем же неимоверным темпом жизни. За этим стояли многие коллизии, начиная с вопроса кадрового пополнения феодального сектора и кончая издательским лимитом на работы членов сектора. По сравнению с другими секторами запросы, заявки и планы сектора феодализма удовлетворялись в последнюю очередь и обычно в заметно сокращенном виде. Вообще, покушения на занятия феодальной эпохой были обычными в 60-е годы и эта практика сохранялась, хотя бы отчасти, и в 70-е годы. Порой противостояние ей требовало немалого личного мужества. Памятно всесоюзное совещание историков в декабре 1962 г. Оно проходило под лозунгами приоритета коллективных работ над индивидуальными монографиями, актуализации тематики исследований и ухода от мелкотемья. Это составляло основные идеи заглавного доклада, такие высказывания, в огрубленном или смягченном виде, безраздельно господствовали в прениях. В подобной атмосфере выступление Черепнина было бесспорным актом гражданского и профессионального мужества. Коротко, чрезвычайно логично, корректно и предельно ясно он изложил совсем иное понимание актуальных задач науки. Не забвение, но, наоборот, развитие индивидуальных монографий, ибо лишь на этой основе реально мыслимо приращение знаний о прошлом. Отказ от коллективных работ прежнего типа, объединявших исследователей разных школ и направлений с громоздкой двухэтажной редколлекгией. Поддержка (а не отказ) специальных и источниковедческих изысканий. Подготовка через аспирантуру АН исследователей по эпохе феодализма. Таковы вкратце главные тезисы его выступления, после которого атмосфера совещания заметно изменилась. Черепнина же оно лишило нескольких голосов на ближайших академических выборах.

Другой случай — участие Льва Владимировича в обсуждении рукописи книги А. А. Зимина о «Слове о полку Игореве». Он, как ныне широко известно, доказывал позднее происхождение памятника, в конце XVIII в., Черепнин не разделял его взглядов, но, вопреки мнению большинства участников совещания (а оно было создано по инициативе официальных академических инстанций), полагал необходимым публикацию работы, исходя из принципа свободы научной дискуссии, предполагающей научную критику построений А. А. Зимина. Черепнин мыслил спорящие стороны только как равные, в том числе и по отношению к факту публикации. Увы, решение вопроса зависело не от него, реально же оно было принято бюрократами от науки еще до открытия совещания.

Случались и другие примеры, когда от Льва Владимировича требовалось определить свою позицию в острой и к тому же неопределенной ситуации. Он не любил

попадать в такие положения и по возможности пытался их избегать, темпераментом общественного борца он не обладал. Но если развитие событий не оставляло такой надежды, то он в эти годы принимал решение, не оглядываясь на политические или карьерные соображения. Он никогда не забывал уроков конца 40-х годов и свой же, еще более ранний, печальный опыт.

На заключительном этапе жизни продуктивность его усилий парадоксальным образом увеличилась по сравнению с предшествующим периодом. Список его работ за эти двадцать лет приближается к трем сотням, но самое удивительное — этот список продолжал расти в течение многих лет после его кончины. Пример с его статьей, написанной в 1934 г. и увидевшей свет в 2004 г., — самое наглядное доказательство «вневременного» характера ряда его работ. Печатаемая во втором томе нашего издания его монография о земских соборах свидетельствует о том же. В этом перечне шесть индивидуальных и три коллективных монографии, множество публикаций, ставшие классическими университетские учебники и сотни статей, докладов, рецензий, выступлений. Впечатление таково, что это плод работы не одного исследователя, а какого-то научного центра с чрезвычайно широким по тематике и хронологии кругом интересов. Как и ранее, гармонично сочетание специальных изысканий, документальных публикаций и работ концептуального свойства. Он чаще и охотнее, чем ранее, участвует в дискуссиях: по вопросу типологических особенностей российского абсолютизма, по спорным проблемам истории крестьянских войн в России. Заметно его желание вернуться к уже однажды им высказанным идеям с учетом накопившихся позднее в литературе мнений и яснее определить свою позицию. Выразительны здесь, пожалуй, два примера.

В одном случае в статье, опубликованной в сборнике «Средние века» (вып. 32, 1969), он возвращался к проблеме сравнительно-исторического метода в изысканиях по отечественному и западноевропейскому феодализму. Подчеркнув плодотворность методики Н. П. Павлова-Сильванского, он обрисовывает историографические судьбы его мыслей, а главное — развивает в рамках марксистской теории (так действительно полагал Черепнин) возможности этого подхода. Основной вывод, принципиально важный, который он затем так или иначе реализует в ряде конкретных работ (по истории земских соборов, по проблеме абсолютизма и т. д.), — типология отечественного феодализма (при всем его своеобразии, своеобразности) лежит в границах европейского набора моделей феодальных обществ.

Второй случай связан с именем А. А. Шахматова. Ранняя статья Черепнина, посвященная редакциям «Повести временных лет» и ее источникам, была опубликована в «Исторических записках» в 1948 г. Двадцать пять лет спустя он возвращается к теме и в дискуссии, вызванной появлением работ А. Г. Кузьмина, занимает ясную позицию: действительное движение исследовательской мысли в этой области он видит в развитии методики, предложенной Шахматовым, а не в ее отрицании («История СССР», 1972, № 4). Последнее он полагал возвратом к произвольным, объективно не доказуемым манипуляциям с летописными

текстами. Удивительная верность раз избранным темам, методам, именам, верность, соединенная с не менее удивляющей способностью к переменам и самообновлению как ученого.

Конечно, отнюдь не все работы Черепнина этого периода следует однозначно относить к его бесспорным достижениям. Так, книга об исторических взглядах классиков русской литературы (М., 1968) вызвала немало критических отзывов. И, вероятно, многое в них справедливо. Но оппоненты не обратили почему-то внимания на своеобразный методический прием, использованный Л. В. Черепниным. Он потому и ограничил объект анализа внелитературными текстами классиков (это, конечно же, в принципе искажает картину), что они могут быть наиболее адекватно интерпретированы и сопоставлены с данными историографии на двух хронологических горизонтах: синхронном тому или иному писателю и современном. Иными словами, комплекс идей того или иного писателя соотносился с ученой средой времени и оценивался, исходя из современного знания о том или ином историческом сюжете. Получалась (другое дело, всегда ли получалась) многомерная картина бытования исторических воззрений и мифов в той среде, которая своими произведениями во многом формировала у читающей публики тот или иной комплекс взглядов на прошлое России. И оценка этой картины, исходя из данных современной науки.

Очень интересна книга о берестяных грамотах (1969). Ее значение прежде всего в том, что блестящее знание актовых источников на бумаге XIV—XV вв. позволяло Черепнину в одних случаях убедительно реконструировать содержание ряда фрагментарно сохранившихся грамот на бересте, а в других — дать новую и более убедительную интерпретацию их текстов. Плодотворна предлагаемая им жанровая типология берестяных грамот. Но одна из главных посылок работы (исследователь имеет дело со своеобразными архивными комплексами «в земле») неосновательна. Представление о комплексности «берестяных архивов» внешнее, обманчивое, перед нами случайные остатки (потерянные, выброшенные) повседневного информационного общения. Они вообще (по крайней мере в своем большинстве) вряд ли предназначались для сколько-нибудь длительного хранения. Соответственно сомнительны и выводы, которые вытекают из отмеченной выше посылки. Повторимся однако: благодаря этой книге взгляд на многие десятки грамот на бересте стал иным, более глубоким.

В своеобразных условиях писался Черепниным учебник по палеографии (1956). Он вышел в свет под грифом Историко-архивного института и соответственно должен был получить в нем апробацию. Предшествующий ему учебник 1946 г. (в соавторстве с Н. С. Чаевым) получил осенью 1949 г., уже после ухода Черепнина из института, «справедливую оценку» на кафедре вспомогательных дисциплин. Авторы обвинили в «недостаточной марксистско-ленинской подготовке», «в элементах буржуазного объективизма, низкопоклонства и восхваления авторитетов», в увлечении иностранными терминами и прочих грехах. Новый вариант обсуждался уже в более спокойные времена, но вектор критики не мог быть сразу

и целиком отвергнут. Поэтому в тексте 1956 г. есть страницы, где Черепнин, сохраняя главное содержание того или иного раздела, косметическими приемами старался придать вид учета критических замечаний. Более существенна его попытка вписать эволюцию письма, его орудий и материалов в общекультурное развитие древнерусского общества. Вряд ли эти части относятся к числу лучших в книге. Однако этот импульс был вызван не только критикой «идеологических отступлений», но соответствовал в принципе, в идеале внутренним интересам Черепнина (он всегда предпочитал логически ясную, но многоуровневую и многофакторную концепцию) и лежал в русле новых поисков западных палеографов в области кодикологии. Иными словами, перед нами в основном неудавшаяся попытка (по мысли рецензентов) реализации нетрадиционного подхода, содержащего в принципе новые эвристические возможности. Именно эти обстоятельства подчеркнул Черепнин в одной из своих поздних статей на эту тему (в сб. «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР», 1974).

Завершим на этом примеры, показавшие все сложности в движении мысли исследователя о далеком прошлом России. Как ни интересны названные работы, не они являются стеновой осью всего наследия Черепнина. Когда через четыре года после его кончины ему была присуждена Государственная премия СССР, ее формулировка звучала так: «Образование и развитие Русского централизованного государства» (цикл работ, опубликованных в 1948—1978 гг.). И самый факт премирования, и то, за что была присуждена премия, абсолютно точно отражают главное составляющее в творчестве Льва Владимировича.

О книге, открывшей цикл, написано выше, обратимся теперь к двум другим монографиям. Это «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси» (1960) и «Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв.» (1978). Последняя книга была сдана в издательство Черепниным незадолго до его болезни и вышла в свет уже после его кончины. Важно выделить новаторские элементы в построениях Черепнина и подчеркнуть наиболее актуальные ныне проблемы.

В чем заключалось традиционное марксистское понимание процесса объединения государства? В росте городов, внутренней торговли, усилении экономической мощи власти суверенов. Все эти явления присутствуют в книге Черепнина 1960 г., причем на систематически проанализированном под этим углом зрения материале. Здесь заслуга исследователя в полноте привлеченного материала, в разносторонности его анализа. Принципиальная новизна его концепции в другом: он ищет и находит экономические и социальные основания процесса централизации в аграрной сфере. Говоря коротко, цепочка причин и следствий здесь такова: общий подъем сельского производства в результате значительной внутренней колонизации — изменение, уплотнение сети расселения и типов поселений в сельской местности — эволюция отношений собственности в светском и церковном секторах — укрепление на этой основе социальной базы политического объединения. То, что было лишь намечено в статьях начала 50-х годов, здесь получило более детальную

проработку. По сравнению с Б. Д. Грековым, Черепнин принципиально иначе подходит к интерпретации совокупности терминов в аграрной сфере: они фиксируют, по его мнению, не столько обособленные категории (группы) крестьян, сколько разные стороны их экономического и социального положения, их правового статуса. Соответственно, и картина изменений в среде крестьянства получилась у него более динамичной. Вторая проблема — вопрос о государственной собственности. Он вызвал бурные дискуссии, продолжающиеся отчасти до настоящего времени. В книге Л. В. Черепнин разработал это понятие применительно к черносошным крестьянам XIV—XV вв. Позднее в полемике с И. И. Смирновым он раздвинет хронологические границы своей концепции: от эпохи начала «окняжения» земель общинников в X—XI вв., с одной стороны, и до XVIII в. — с другой, он уточнит ее содержательное наполнение, а в последних работах сделает важный шаг в принципиальном расширении своих взглядов. В контексте современных событий эта проблема представляется особенно актуальной.

Конечно, сказанным не исчерпывается новизна этой книги Л. В. Черепнина. До сих пор она содержит достаточно полное изложение политической истории XIV—XV столетий в целом, вполне современные его характеристики ряда московских великих князей (Василия Темного, к примеру). Выразительна многомерность книги: в ней сформулирована принципиально новая концепция социально-экономических оснований объединения Руси, обрисованы политическая борьба, внутренняя и внешняя политика, социальные движения (с учетом их региональных особенностей). Но, кроме того, проанализирован основной корпус нарративных источников, на основании которых показана эволюция общественно-политической мысли. Конечно, ряд атрибуций и датировок Черепнина устарел, другие вызывают споры. Важно всё же подчеркнуть особенности творческой манеры Льва Владимировича — его ясно выраженное стремление к систематизирующим построениям включало в себя все стороны, все составляющие исторического процесса.

Так было и тогда, когда объектом его изысканий становилась не какая-либо эпоха в целом, но история одного феномена российского прошлого. Такова его монография о земских соборах. Ее генетическое родство с «Русскими феодальными архивами» и книгой о становлении централизованного государства очевидно. Оно не только в несомненной хронологической связи: анализ общегосударственного института представительства сословий (а в нём так или иначе преломились все особенности сословной структуры и государственного строя России XVI—XVII вв.) завершает триптих Черепнина об исторических судьбах Российского централизованного государства в допетровскую эпоху. В книге о соборах соединились лучшие черты предшествующих монографий. От первой — анализ исторического явления через выявление и реконструкцию тех документальных собраний, которые отложились в результате деятельности этого института. В нашем случае — земских соборов. Ибо состав и сохранность документов многое проясняют в истории самого учреждения. От первой же монографии — скрупулезность анализа определенной

совокупности понятий, которыми современники определяли и сами соборы, и составляющие его курии (или чины), и формы их деятельности. От монографии о централизованном государстве — полнота и взаимоувязанность всех сфер, всех сторон деятельности земских соборов, их вписанность в социальный и политический контекст. Наконец, их сопоставление с аналогичными институтами иных европейских стран. Правда, этот раздел выполнен в книге тезисно, Л. В. Черепнин предполагал посвятить данной теме особую, и притом объемную, работу.

Добавим к сказанному, что в последней книге Черепнина введены в оборот новые источники, дана наиболее полная сводка по истории земских соборов или близких к ним представительных собраний, выявлен пласт представлений современников об этих учреждениях. Завидная полнота постановки и решения проблемы и действительно органическое продолжение монографии 1948—1951 и 1960 гг.

И подчеркнем в очередной раз уважительное, внимательное, доброжелательное отношение Льва Владимировича к своим предшественникам, современникам, ученикам. Посмертно изданный том «Отечественные историки XVIII—XX вв.» подобрал лучшие (но далеко не все) статьи, доклады, воспоминания Л. В. Черепнина на эту тему, включая не публиковавшиеся ранее. Если речь идет о современниках, то всегда сквозит его желание приблизить к читателю неповторимые черты исследователя, выявить единство натуры, характера и творческого облика. Недаром в ближайших планах Черепнина стояла монография о школе В. О. Ключевского, а в более отдаленных — книга о современниках и учениках: Льву Владимировичу виделось важным выявить в себе ответное воздействие учеников.

И здесь нельзя не упомянуть характерных черт Черепнина — профессора, руководителя дипломников и аспирантов. Если выделить самое главное, самое характерное для него в данной сфере, то это диалектичность, открытость к со-творчеству. Его лекции (в особенности спецкурсы) были выстроены как производимый на глазах аудитории и выполняемый вместе со слушателями поиск научной истины. С момента постановки проблемы, ее историографического и логического обоснования, с выявления базы источников и методов их анализа до получения наиболее вероятностного результата. Конечно, нельзя было излагать в такой манере каждую лекцию, конечно, общие курсы всё же больше походили на изложение уже обдуманных концепций. Всё так. Но ощущение возможной сопричастности, соучастия в обретении искомого результата, чувство того, что тебя деликатно приглашают к трудной, но так притягивающей работе мысли, знакомо многим слушателям лекций Черепнина, участникам его семинаров. И второе — максимальное доверие Льва Владимировича к творческим возможностям, самостоятельности всех учеников. После формулировки темы и первых консультаций поле деятельности принадлежало целиком ученику. По его просьбе он получал все необходимые консультации и рекомендации, но план работы, особенности методики анализа должны были органично родиться у него самого в процессе освоения источников, а не быть навязанными извне. Здесь он явно следовал своему личному опыту студенческих и аспирантских лет. Именно поэтому столь непохожи представители школы Льва

Владимировича, хотя их происхождение из одного корня ясно обнаруживается при более внимательном взгляде.

Столь же открыт был Лев Владимирович к диалогу, дискуссии. Трудно забыть заседания сектора феодализма под его председательством. Кто бы ни делал доклад (маститый исследователь или начинающий историк), заключительное слово Л. В. Черепнина, как правило, придавало обсуждаемой теме неожиданный поворот, новый подход в возможных путях анализа, не предполагавшиеся ранее связи и параллели. Нередко то была программа нового исследования. Эта щедрость мыслительной реакции Черепнина в ответ на импульс от доклада была едва ли не лучшей наградой докладчику.

Лев Владимирович скончался от повторного инсульта 12 июня 1977 г. в больнице Академии наук. Конец предшествующего года выдался у него особенно тяжелым: он завершил книгу о земских соборах, сдал рукопись в издательство, заканчивал ряд статей. Особенно болезненно воспринял он весть о безвременной смерти А. З. Манфреда, который скончался 16 декабря 1976 г. Они были близки еще со времен РАНИОН, их судьбы то переплетались, то расходились при неизменном интересе и огромном взаимном уважении. Лев Владимирович чувствовал особенную неловкость после академических выборов 1972 г.: он прошел в действительные члены АН, Манфред же по совершенно нелепому стечению обстоятельств не прошел. Были и другие сложности. Всё вместе привело к первому мощному инсульту, который его организм выдержал. Болел он долго и тяжело. Особенно мучительным было для него ощущение внутреннего разлада из-за резкого ослабления интеллектуальных потенций.

Он отказывался воспринимать себя вне привычного течения умственной работы. Он выработал несколько приемов, как ему казалось, скрытых от окружающих, с помощью которых он контролировал успехи в восстановлении словарного запаса, логики мысли, в припоминании собственных знаний. Дело пошло на лад весной 1977 г. Он начал уже читать научную литературу, готовился к восстановительному курсу в «Узком». Там его и настиг повторный удар. Последними его словами, вырвавшимися из подсознания, на грани угасания его могучего разума, были: «За что? Я ни в чем не виноват». Так реагировал он на форму милиционера, которого призвали для помощи в переносе носилок со Львом Владимировичем. Заноза, засевшая в 1930 г., выскочила, но ушла и жизнь.

Что осталось? Остались многочисленные труды, которым суждены теперь свои судьбы, и не будем их предугадывать. Хотя автор убежден, что немалому числу работ Льва Владимировича сужден долгий срок жизни. Осталась школа, которая, хотелось бы надеяться, продлится в учениках учеников. Осталась память о добром и деликатном человеке (как бывала обманчива его внешняя суровость), очень непритязательном и ответственном: по правилу Булгакова он никогда ничего не просил у властей для себя. Правда ему немного от них и досталось. Человеке, сумевшем преодолеть, перетерпеть тяжкие преграды на пути реализации своего жизненного предназначения. Неутомимого труженика, склонного ценить саму предоставленную обществом

возможность интеллектуальной работы. Знаменита его максима об ученых в академических институтах: «Надо же, занимаешься любимым делом, так за это еще и деньги платят». И ставившего порой выше себя людей производительного физического труда. Искренне и долго радовавшегося, что единственный полученный им орден был орденом Трудового Красного знамени. Человека несуетных жизненных целей и неустанного служения науке. Ученого могучего ума, успевшего, вопреки давлению эпохи, свершить многое из задуманного.

Коллеги и ученики Льва Владимировича хранят чувства искреннего, глубокого уважения и большой благодарности к нему как личности, к его огромному вкладу в отечественную историографию. Надо надеяться, что такое отношение к памяти о Л. В. Черепнине сохранится и тогда, когда из жизни уйдет самое младшее поколение его современников. Его труды, его воспоминания будут прочной основой такой памяти.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К МЕМУАРАМ, КОММЕНТАРИЯМ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕ*

- Абельсон, заключенный 140
Абрикосов А. И. 97, 225
Авдиев В. И. 101, 229
Авдусевская Л. В. *см.* Данилова Л. В.
Авдусин Д. А. 184
Аверченко А. Т. 48
Аверьянов К. А. 220
Автокротова М. И. 218
Адамович, юрист 97
Адрианова-Перетц В. П. 97, 224, 225
Азбукин Д. Ф., преподаватель гимназии
в г. Ялта 42, 45—48, 54, 58, 59, 64
Александр Васильевич, классный над-
зиратель в гимназии г. Ялта 45
Александров В. А. 148, 252
Алексеев М. А. 130
Алексеев, ссыльный 138, 139
Аллендорф З. Е. 91, 92
Алпатов М. А. 14, 187
Алпатова В. Д. 253
Ананьич Б. В. 213, 220, 249
Анатолев, аспирант 113
Андерсон Х. К. 26
Андреев А. И. 115, 157, 158, 161—164,
171, 172, 180, 202, 240, 241, 256,
257, 369, 371, 372
Андреев И. Л. 252
Андреев Л. Н. 48, 59, 60
Андреева О. В. 189, 205, 212, 221, 222
Антонина Александровна, сельская учи-
тельница в с. Аргамачеве Пензен-
ской губ. 31
Антонович В. Б. 196
Анучин Д. Н. 248
Арефьев, ссыльный 136, 137
Арсений, иеромонах 78, 205—206
Артизов А. Н. 234, 238
Архангельский С. И. 214
Арциховский А. В. 12, 184
Асеев Б., учащийся гимназии в г. Ялта
46, 52, 54, 60, 63, 65
Асеев Г., учащийся гимназии в г. Ялта
52, 53
Асеева К. Б. 53
Афиани В. Ю. 182
Багалец Д. И. 69
Багиров М. А. 148
Багдасарян В. Э. 238
Базилевич К. В. 169, 171, 216, 262
Бакунин А. И. 86
Бакунин М. А. 216
Бакунина (в замужестве Осоргина) Т. А.
86, 93, 114, 214, 215

---

* Указатель составлен А. В. Дедуком.

- Бакунина Э. Н. 86
 Бакланова И. А. 257
 Бальзак О. 59
 Банин Д. М. 85, 88
 Бахрушин С. В. 8, 78—81, 84, 85, 100, 101, 104, 106, 109, 111, 118, 122, 126, 132, 146, 149, 168—172, 180, 181, 204, 205, 209, 216, 233, 234, 248, 262, 361—364, 366, 367, 369, 374, 375
 Бахрушина В. Д. 79
 Безобразов А. И. 217
 Бельский И. Л. 182
 Белинский В. Г. 48, 60, 70, 78, 197
 Белостоцкий Е. 134
 Беляев И. С. 88
 Бенешевич В. Н. 254
 Бердяев Н. А. 215
 Березкин В. И. 187
 Бережков Н. Г. 69, 70, 166, 195, 197, 360
 Берия Л. П. 131, 159
 Бернацкая (урожд. Черепнина) Е. А., тетья Л. В. Черепнина 13—17, 37, 72
 Бернацкая О. Н. *см.* Телищева О. Н.
 Бернацкая Т. Н. *см.* Сабурова Т. Н.
 Бернацкий Н. Н. 13, 186
 Бернштейн С. Б. 113, 261
 Бессарабова Н. И., первая жена В. Ф. Рындина 68, 92, 195
 Бессарабова О. А. *см.* Веселовская О. А.
 Бестужев-Рюмин К. Н. 243
 Бетховен Л. 27
 Бичер-Стоу Г. 26
 Бих Я., учащийся гимназии в г. Ялта 46, 47, 63
 Благоднаров Ф. А., преподаватель гимназии в г. Ялта 48
 Блок А. А. 47, 77, 115
 Блох, врач 34
 Богданович М. 249
 Богословский М. М. 7, 8, 82, 87, 88, 100—104, 106, 121, 149, 211, 212, 214, 216, 224, 228, 231, 234, 260, 358
 Богоявленский С. К. 8, 171, 264
 Бокщанин А. Г. 159, 257
 Бондаренко И. М. 150
 Бонди С. М. 122, 246
 Бонифатьева Л. И. 229
 Бонч-Осмоловский Г. А. 38—39, 192
 Борзов А. А. 124, 248
 Бороздин И. Н. 102, 229
 Бороздина П. А. 230
 Бочкарев В. Н. 74—76, 159, 200
 Бочкарева З. Н. 81, 200
 Брауде, следователь 127, 128, 131, 132
 Брем А. 26
 Буганов В. И. 251
 Будовниц И. У. 147, 148, 251
 Булгаков М. А. 117, 247, 383
 Булгаков С. Н. 58, 193, 194
 Булычев А. А. 182
 Бурджалов Э. Н. 33, 175, 191, 192
 Буркин Н. Г. 113, 114, 239
 Бушуев С. К. 148, 252
 Вавилов С. И. 241, 256, 372
 Вагнер Г. К. 143, 250
 Валк С. Н. 158, 216, 256, 257
 Ванаг (Ванагс) Н. Н. 109, 111, 119, 146, 234
 Васенко П. Г. 115, 242, 243
 Василевский В. Г. 240, 243
 Василенко Е. С. *см.* Шамбинаго Е. С.
 Василенко С. Н. 95
 Василенко Т. А. *см.* Шамбинаго Т. А.
 Василий II Васильевич Темный, великий князь Владимирский и Московский 381
 Василий, кучер имения Шибаевых 30, 32
 Василий Иванович, швейцар об-ва истории и древностей российских МГУ 87
 Васютинский А. М. 75, 203
 Вахтангов Е. Б. 98, 215, 226
 Вебер М. 108, 364
 Вереин Н. К. 97
 Вересаев В. В. 38

- Вержбицкая В. А. *см.* Гадзяцкая В. А.
 Вернадский Г. В. 114
 Веселовская (урожд. Бессарабова) О. А. 89
 Веселовский А. Н. 33, 218
 Веселовский С. Б. 89—91, 100, 104, 114, 180, 181, 219, 220, 256, 363, 372, 374
 Винар Л. В. 196
 Виноградов А. К. 93, 96, 97, 222
 Виноградов П. Г. 201, 207, 211, 212, 216, 218, 229, 264
 Винокурова М. В. 216
 Виппер Р. Ю. 74, 228, 230, 257, 362
 Витвер И. А. 101, 102, 229
 Вовина-Лебедева В. Г. 253
 Водовозов Н. В. 125
 Волгин В. П. 73, 100, 101, 119, 142, 198, 228, 236, 239, 363
 Волков Л. В. 205
 Волков М. Я. 206
 Волкова М. В. 182
 Волконский М. С. 123
 Волошин П. П., преподаватель гимназии в г. Ялта 49
 Вольский В. В. 229
 Воронкова С. В. 251
 Воскресенский, врач, преподаватель гимназии в г. Ялта 51
 Востоков, присяжный поверенный 19

 Гадзяцкая (урожд. Вержбицкая) В. А. 120
 Гадзяцкий С. С. 120, 245
 Гайсинович, аспирант 103, 113
 Гальперин Г. В., брат Е. В. Гальпериной 151
 Гальперин В. С., отец Е. В. Гальпериной 151, 153
 Гальперин М. В., брат Е. В. Гальпериной 152, 153
 Гальперина Б. Е., мать Е. В. Гальпериной 151
 Гальперина Б. М. *см.* Дикарева Б. М.
 Гальперина Е. В., жена Л. В. Черепнина 5, 145, 151—154, 168, 171, 179, 250, 254, 367, 376
 Гальперина С. В., жена Г. В. Гальперина 151
 Гамаюнов А. И. 182
 Гамсун К. 59
 Ганелин Р. Ш. 257
 Ганшин В. В., артист Камерного театра 118
 Гарин-Михайловский Н. Г. 14, 36, 56
 Гаршин, знакомый Л. В. Черепнина 67
 Гаршин В. М. 59
 Гауптман Г. 59
 Гейерманс Г. 149
 Гейне Г. 12
 Георгиевский Г. П. 91, 120—122, 124, 168, 221
 Герасимов С. В. 221
 Герш Б. Г. 188
 Герье В. И. 200, 212
 Гёте И. В. 12
 Гётц Л. К. 84
 Гинцберг Л. И. 236, 266
 Гоголь Н. В. 23, 26, 161
 Голицын В. Д. 96, 223
 Голубцов И. А. 87, 129, 133, 215, 216
 Голубцов С. А. 216
 Гольдберг Л. А. 241
 Гольдони К. 215
 Гончаров И. А. 36
 Горелов И. Е. 228
 Городцов В. А. 12, 185, 359
 Горская Н. А. 5, 8, 209, 265
 Горский А. Д. 5
 Горский А. А. 5
 Горький М. 48, 143, 214, 249
 Гордон М. О. 82
 Горчаков М. И. 78, 205
 Готье Ю. В. 6, 19, 88, 100, 104, 121, 126, 128, 131, 132, 146, 181, 188—190, 200, 216, 233, 260, 261, 358, 365, 366
 Гоцци К. 215

- Грацианский Н. П. 77, 105, 159, 203, 204
 Греков Б. Д. 81, 89, 146, 147, 149—151, 169, 171—173, 175, 206, 209, 238, 239, 253, 266, 373, 381
 Грекова Т. М. 173
 Гривнин И. С. 115, 240
 Гривнина (урожд. Смирнова) Е. И., сестра Ю. И. Черепниной 114—115
 Григорович Д. В. 31
 Григорьев, учащийся гимназии в г. Ялта 55, 56, 65
 Григорьев В. 231
 Груздева Е. Н. 240
 Грузинский, сотрудник ГБЛ 121
 Грушевский М. С. 69, 196, 197
 Грушка А. А. 96, 224
 Гудзий Н. К. 77, 94, 122, 204, 208, 222
 Гутнова Е. В. 264
 Гюго В. 59
- Даниил Галицкий, великий князь Киевский 147
 Данилова Е. Н. 161, 181, 241, 257
 Данилова (урожд. Авдеевская) Л. В. 171
 Данченко С. И. 245
 Даровская А. В. 60, 65, 194
 Даровский Е. Е. 65
 Даровский Е. И. 65, 194
 Дворецкая Н. 60, 61, 64
 Дворниченко А. Ю. 239
 Деборин А. М. 100, 366
 Дерюжинский, учащийся 59
 Десницкий В. А. 144, 250
 Джинчарадзе В. З. 166, 260
 Дикарева Б. М. (урожд. Гальперина), племянница Е. В. Гальпериной 153, 254
 Дикарева Л. В. 254
 Дикарева М. В. *см.* Ляхова М. В.
 Диккенс Ч. 36
 Дитерихс И. М. 53, 60
 Дитерихс М. М. *ст.* 53, 193
 Дитерихс М. М. *мл.*, учащийся гимназии в г. Ялта 47, 53, 54, 56, 60, 66
- Дмитриев С. С. 235, 262
 Дмитриева В. И. 93, 98
 Дмитриева И. А. 184, 265
 Довгалло Г. И. 221
 Досталь М. Ю. 202
 Достоевский Ф. М. 48, 59, 161, 247
 Дремина, студентка 166
 Дробленкова Н. Ф. 225
 Дружинин Н. М. 110—112, 128, 132, 149, 169, 181, 234, 235, 369
 Дружинина Е. И. 235
 Друскин, врач 34
 Дубровский А. М. 205
 Думова Н. Г. 185
 Дунаевский В. А. 231
 Дуся, жительница г. Ялты, ученица и домработница у Ергиных 43
 Дьяконов М. А. 104, 231
- Егоров Д. Н. 84, 91, 120, 124, 126, 128, 131, 212, 233
 Егоров Н. А. 139
 Егорова А. Д. 120
 Екатерина II, российская императрица 23
 Елена Алексеевна, подруга М. И. Черепниной 19, 20
 Емельянов Ю. Н. 190
 Епифанов П. П. 169, 175, 263
 Ергин М. Т., генерал в отставке, владелец дома и участка ок. г. Ялта 42
 Ергина В. М., дочь М. Ергина 42, 53, 60, 65
 Ергина К. П., жена М. Ергина 42, 43
 Ергины, семья 42, 43
 Еремин И. П. 225
 Ермолаев С. С. 182
 Ермолова М. Н. 94, 117
 Ерусалимский А. С. 110, 236
- Жаворонков**, инженер-текстильщик 130
 Жданов Л. (наст. имя — Гельман Л. Г.) 26

- Жегин (Шехтель) Л. Ф. 92, 221
 Желубовская Э. А. 113, 239
 Жибарев П. Б. 156, 255
 Житомирская С. В. 168, 181, 246, 247, 262
 Жуков Е. М. 175, 267
 Зайончковский П. А. 168, 247, 261, 262
 Заозерская Е. И. 79, 206
 Захарато М. 60
 Захарова Л. Г. 262
 Звавич И. С. 105
 Зеленов М. В. 234
 Зельин К. К. 110, 236
 Зельцер В. З. 108, 112, 113, 118, 126, 232
 Зенгер Т. 122
 Зимин А. А. 377
 Зими́на В. Г. 123, 168, 181, 247, 262
 Знаменский Г. Г., преподаватель гимназии в г. Ялта 42, 46, 49, 50, 58, 64
- Ибсен Г. 59**
 Иван IV Васильевич Грозный, царь 63
 Иванов, учащийся 45
 Иванов Вяч. В. 247
 Иванов Ю. Ф. 204
 Иванов-Разумник Р. В. 59
 Иванова Ю. В. 229
 Идельсон, подследственный 130
 Идельсон А. И. см. Кернер (Идельсон) А. И.
 Идельсон Е. И. см. Шибаева (Идельсон) Е. И.
 Идельсон И. С., отец М. И. Черепниной 28, 30, 34, 62, 68, 69
 Идельсон Л. С., мать М. И. Черепниной 29, 34, 69
 Идельсон М. И. см.: Черепнина М. И.
 Идельсоны, семья 30, 33, 34
 Ильин Н. Н. 221, 222
 Ильинский Г. А. 122
 Инбер В. М. 7, 98
 Ирминон, аббат 83
- Каджак А.**, учащаяся гимназии в г. Ялта 56, 60
 Калистратова (Холина) Т. И. 227
 Калугина Н. В. 182
 Каменев Л. Б. 81, 143, 144, 208
 Каменцева Е. И. 258
 Каптерев С. Н. 95
 Каптерева Т. С. 95
 Каптерева Е. С. см. Шамбинаго Е. С.
 Карамзин Н. М. 29
 Карев Д. В. 196
 Кареев Н. И. 74, 100
 Картофель, преподаватель немецкого языка 51
 Карякин П. П., второй муж Е. А. Бернацкой 13, 116
 Кассиль Л. А. 56
 Кассо Л. А. 201
 Катя (Екатерина), домашняя работница у И. С. Идельсона 69
 Кафенгауз Б. Б. 166, 181, 259, 260
 Кашкаров (Кошкаров) Н. Н., преподавательница гимназии Репман 19, 24, 73
 Каутский К. 29
 Керенский А. Ф. 47
 Кернер А. И. 21
 Кернер А. И. (урожд. Идельсон) А. И., сестра М. И. Черепниной 21, 190
 Кернер Е. А. 21
 Кизеветтер А. А. 214, 228
 Киплинг Р. 26
 Киржаев С. М. 196
 Кириллин В. А. 175
 Киселев М. Ю. 182
 Киселев С. В. 85, 107, 172, 213, 214
 Киселева Зоя, учащаяся гимназии Репман 26
 Клиновштейн 130
 Ключевский В. О. 8, 29, 46, 59, 69, 80, 183, 184, 188, 200, 201, 204, 207, 211, 216, 218, 219, 228, 264, 360, 382
 Книппер-Чехова О. Л. 68

- Кобрин В. Б. 220
Ковако, учащийся гимназии в г. Ялта 56
Ковалевский М. М. 229
Коваленский М. Н. 74, 75, 199
Коваль Л. М. 223, 234
Козлов В. Ф. 203
Колмогоров А. Н. 25, 191
Конапасевич (Конопасевич) 62, 63
Конт О. 74
Корнилов К. Н. 74, 201
Короленко В. Г. 59
Коншина Е. Н. 121
Коонен А. Г. 117, 244
Корелин М. С. 218
Королюк В. Д. 171, 263
Косминский Е. А. 105, 108, 171, 172, 264
Кост Е. А. 97, 187, 226
Косырева Е. В. 182
Кочин Г. Е. 149, 253
Крайнева Н. Я. 264
Крандиевская А. Р. 93, 222
Крандиевский В. А. 93
Крапивин, профессор химии 75
Крат, учащийся гимназии в г. Ялта 58
Кретович В. Л. 56, 193
Круглов С. Н. 163, 258
Куглюковская Л. И. 182, 189, 205, 212, 221, 222, 233, 248
Кузицин В. И. 257
Кузнецов А. И., учащийся гимназии Репман 18
Кузнецов А. А. 182, 214
Кузнецов П. С. 25
Кузьмин А. В. 182
Кузьмин А. Г. 378
Кузьмина В. Д. 208
Куйбышев В. В. 225
Кукин Д. М. 175, 266
Купер Ф. 26
Куприн А. И. 48
Курмачева М. Д. 206
Курникова И. А. 259
Куртэн, преподаватель гимназии в г. Ялта 51
Куфтин Б. А. 130
Куценко И. Я. 200
Кушева Е. Н. 166, 260
Кызласов Л. Р. 184, 214
Лавров Н. Ф. 149, 253
Лавровский В. М. 61
Лагерлёф С. 26
Ланген, преподаватель английского языка 129
Ланда-Безверхий В., учащийся гимназии в г. Ялта 54
Ландсбергис В. 187
Лапкин Б., учащийся гимназии в г. Ялта 46, 54
Лапкина Н. 54, 61
Лаппо-Данилевский А. С. 82, 158, 210, 211, 240, 256, 259, 371, 372
Лаптева Т. Н. 8
Латышев А. Д. 144
Латышев Д. М. 30, 144
Латышева В. М. 17, 30, 144, 191
Латышева Н. Д. 144
Лебедев В. З. 71
Лебедева В. А., подруга М. В. Черепниной и член семьи Черепниных 18, 19, 26, 30, 36, 37, 39, 41, 67—69, 72, 94, 142, 153, 170
Лемке М. К. 29
Ленин В. И. 6, 58, 108, 111, 124
Леонтьева В. Н., неофиц. оппонент на защите диссертации М. Н. Тихомирова 149
Лермонтов М. Ю. 23, 26
Линниченко А. И. 259
Литвак Б. Г. 235, 259
Литвин А. Л. 231
Лихачев Д. С. 225
Лихачев Н. П. 115, 241, 242, 258
Лобачевский Н. И. 214

- Лукин Н. М. 102, 230, 239, 366
 Лукомский В. К. 158, 162, 180, 258
 Лукьянов Л. Л., режиссер Камерного театра 118
 Лучицкий И. В. 203
 Лыкова Е. Е. 182
 Любавский М. К. 69, 87, 88, 100, 126, 132, 195, 201, 216, 366
 Любимов В. П. 149, 253
 Ляхова (урожд. Дикарева) М. В. 254
- Мавродин В. В.** 114, 206, 238
Майстрах А., учащийся гимназии Репман 23
Макаров И. С. 84, 129, 133, 213, 244, 364, 369
Макарова Т. И. 85
Максаков В. В. 164, 258
Максимов Н. Х. 92
Малашенко Л. Н. 182
Малинов А. В. 211
Малченко В. С. 183
Малютин В. А. 205
Манфред А. З. 110, 237, 383
Марджанов К. А. 244
Марков А. К. 258
Маркс К. 99, 106, 108
Маркуцкий К., сотрудник ЧК, второй муж Е. Ф. Рындиной 68
Март Н. Я. 107
Марочка, знакомая Вадима Рындинова 92
Матвеев, сотрудник Государственной библиотеки им. В. И. Ленина 124
Маяковский В. В. 92
Маяковский И. Л. 164, 165, 259, 262
Мельников-Печерский П. И. 36
Мельникова Е. А. 207
Менделеева С. Д., преподавательница гимназии Репман 24
Мендельсон Н. М. 121, 245
Мендельсон Ф. 27
Мережковский Д. С. 98
- Мейер Э.** 105
Мещерин В. Н. 144, 250
Микау, преподаватель гимназии в г. Ялта 51
Микау Э. 55
Миллер В. Ф. 222
Мильская Л. Т. 203, 235
Минеев С. Д. 86
Минин К. 214
Минц А. Л. 175
Минц И. И. 106, 169
Милюков П. Н. 12, 184, 185, 358
Милютин Д. А. 78
Мироненко С. В. 182, 262
Митяев К. Г. 164, 165, 259
Михаил Федорович (Романов), царь 33, 192
Михальченко С. И. 197
Мицкевич С. И. 111
Молотов В. М. 81, 154
Морозов Б. И. 81, 149
Мордовченко Н. И. 70, 197
Морозовец Е. А. 109
Муравьев Н. 111
Муравьева И. 86
- Нагаев В. С.** 19, 68
Надсон С. Я. 47
Назаров В. Д. 5, 6, 8, 182, 268, 357, 385
Назарова Е. Л. 182
Наполеон Бонапарт, император Франции 72
Наумов О. Н. 218, 258
Невский В. И. 102, 104, 109, 111, 113, 119, 120, 124, 125, 142, 233, 234, 238, 244, 363, 364, 365
Нейгауз Г. Г. 42
Некрасов Н. А. 31
Некрасова Е. А., племянница А. И. Яковлева 93, 221
Немирович-Данченко В. И. 94
Нестеров М. В. 81

- Наташа, сотрудница отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина 122
- Наташа, уборщица отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина 120
- Неусыхин А. И. 7, 83, 105, 108, 110—113, 235
- Неусыхин М. А. 19, 37
- Нечаев С. Г. 360
- Нечкина М. В. 109, 111, 112, 147, 169, 233, 251
- Никитин С. А. 120, 161, 245
- Никитин Е. Н. 238
- Никитинский И. И. 163, 258
- Николай I Павлович, российский император 13, 96
- Николай II Александрович, российский император 366
- Никольский Н. К. 224
- Новосельский А. А. 88, 89, 102, 103, 149, 156, 158, 162, 164, 166, 181, 217, 252, 371
- Новосельцев А. П. 207
- Ногин В. П. 97, 225
- Ногина О. П. 97
- Нюта (Анюта, Анна?), родственница Яковлевых 93
- NN, адъютант генерала А. Г. Шкуро, первый муж Е. Ф. Рындиной 68
- Обнорский С. П.** 197
- Овсяннико-Куликовский Д. Н. 59
- Озеров И. Х. 219
- Окладников А. П. 210
- Ольга, больная туберкулезом, пациентка санатория «Славати» 38
- Ольга Ильинична, преподавательница гимназии Репман 25
- Ольга Никаноровна, учительница музыки, ученица Шора 27
- Ольга Федоровна, немка-бонна 5
- Олькотт Л. 26
- Орешников А. В. 12
- Орлов А. С. 96, 97, 224
- Осипов П. А., ученик Д. М. Петрушевского 360
- Островский А. Н. 48, 94, 95, 99, 125
- Осоргин (урожд. Ильин) М. А., муж Т. А. Бакуниной 87, 214
- Осоргина Т. А. *см.* Бакунина Т. А.
- Островитянов К. В. 175, 267
- Павленко Н. И.** 148, 251, 252, 260
- Павлов А. П. 182
- Павлов В. В. 93, 221
- Павловская А. И. 206, 236
- Павлов-Сильванский Н. П. 74, 198, 199, 360, 367, 378
- Палицын А. 374
- Панайоти К. 43
- Панайоти Л. 43
- Панеях В. М. 182, 213, 220, 249
- Панкина Н. *см.* Лапкина Н.
- Панкратова А. М. 107, 154, 170, 174, 175, 254, 255, 265, 266
- Панченко А. М. 225
- Парадизов П. П. 113, 238
- Пашкова Ю. И. 145
- Пашуто В. Т. 80, 206, 207
- Перетц В. Н. 204, 224, 225, 248
- Пестель В. Е. 92
- Петр I Алексеевич, российский император 115
- Петр III Фёдорович, российский император 155
- Петренко М., учащийся гимназии в г. Ялта 55
- Петров, следователь 131
- Петров Ф. Н. 81, 208
- Петрушевский Д. М. 76, 83, 85, 100, 101, 105, 107, 108, 112, 119, 147, 181, 203, 209, 210, 230—232, 235, 264, 360—362, 364, 366
- Пешкова Е. П. 142, 249

- Пионтковский С. А. 104, 110, 111, 120, 126, 231, 244, 364
Пискорский В. К. 204
Пичета В. И. 75, 86, 108, 146, 169, 171, 190, 201, 202, 210, 214, 263, 366
Платонов С. Ф. 45, 115, 126, 198, 209, 238, 240, 242, 243, 253, 365—367
Повалишин А. Д. 12, 185
Поварнин, подследственный 130
Погодин С. Н. 211
Поздеева Л. В. 236
Поздняков, преподаватель политэкономии 100, 106
Покровский М. Н. 81, 83, 88, 106, 111, 119, 164, 175, 207, 233, 234, 238, 254, 362—366
Покровский С. А. 171, 265
Поликовская Л. В. 215
Полосин (Иванов) И. И. 108, 128, 133, 134, 232
Полосина Е. И. 109
Полосина О. В. 109
Попов Н. П. 114
Попов Н. А. 167
Попов П. С. 122
Порталь Р. 88, 215
Поршнев Б. Ф. 110, 198, 236, 237
Правдин Д. И., преподаватель гимназии в г. Ялта 50
Преображенский А. А. 206, 210, 217, 241
Преображенский П. Ф. 100, 228, 229
Пресняков А. Е. 74, 106, 122, 198, 199, 231, 240, 253, 256, 360, 372
Привалова Н. И. 85, 116, 214
Пригоровский Г. М. 75, 100, 101, 228
Прик С., учащийся гимназии в г. Ялта 55, 57
Приселков М. Д. 206
Пришлецов В. И. 20
Пришлецова Л. И. 20
Простоволосова Л. Н. 182, 241, 242, 256
Пугачев, комендант поселения ссыльных, сотрудник районного управления ОГПУ 138
Пушкарев Л. Н. 81, 208
Пушкин А. С. 26, 77, 115, 125, 161, 246
Пчелин Н. Н. 103, 231
Пятнов А. П. 182

Раковский Х. Г. 139
Репман А. Х. 23
Репман Е. А. 18, 22—24, 44, 45, 68, 72, 180, 188, 360
Ржига В. Ф. 122, 246
Рождественская М. В. 224
Рождественский С. В. 115, 240
Рожков Н. А. 100, 104—106, 228
Рожкова М. К. 105
Романовы 26, 27
Романов Б. А. 260
Романов К. В. 126
Романова В. Ю. 259
Романовский 92
Ростовцев Е. А. 211
Рыбаков Б. А. 163
Рыков Ю. Д. 182
Рындин В. Ф., двоюродный брат Л. В. Черепнина 13, 20, 21, 27, 28, 33, 68, 92, 98, 116, 117, 152, 186, 361, 376
Рындин Ф. К., муж Е. А. Рындиной (Черепниной) 13, 20, 28, 68, 93, 98, 115, 152
Рындина (урожд. Черепнина) Е. А., тетя Л. В. Черепнина 13, 14, 20, 116, 117
Рындина Е. Ф., двоюродная сестра Л. В. Черепнина 20, 21, 28, 33, 36, 68
Рындина М. В. 117
Рындина Н. В. 182
Рындина Н. 116, 117
Рубинштейн Н. Л. 169, 262

Сабин-Гус И. Ю., директор гимназии в г. Ялта 45, 50

- Саблин Б. М. 19
 Сабуров А. А. 121, 122, 125, 129, 132
 Сабуров Н. В. 116
 Сабурова Н. В. 116
 Сабурова О. В. 116
 Сабурова (урожд. Бернацкая) Т. Н., дво-
 юродная сестра Л. В. Черепнина
 15—17, 72, 116, 154
 Савельев А. П. 97
 Савельева Н. В. 240
 Савин А. Н. 88, 216, 257, 264
 Савич А. А. 81, 208
 Саводник В. Ф. 48
 Салтановский И., учащийся гимназии
 в г. Ялта 46
 Салтыков-Щедрин М. Е. 36
 Самойлов, заведующий осветительной
 частью Камерного театра 118
 Самоквасов Д. Я. 94, 222, 223, 258
 Себенцова М. М. 164
 Седельников А. Д. 114, 167
 Селиванов А. В. 181
 Селиванова С. Д. 246
 Селищев А. М. 245
 Семеновский В. И. 256
 Септерс Л., учащаяся гимназии Репман
 68
 Септерс О., учащаяся гимназии Репман
 68
 Сергеевич В. И. 231, 243, 257
 Сергиевский М. В. 123, 247
 Сергий, о. 58
 Середонин С. М. 258
 Сержников, декан 87
 Сетон-Томпсон Э. 26
 Сибор Б. О. 42
 Сивков К. В. 75, 132, 201, 228
 Сидоров А. В. 196
 Сидоров А. Л. 148, 172—175, 251, 265
 Сидоров В. Н. 70, 197
 Сидоров Н. П. 70, 71, 197
 Сидорова Л. А. 255
 Сидорова Н. А. 87
 Синегубкин, художник 92
 Сиринов А. В. 182
 Ситник В. С. 200
 Сказкин С. Д. 216, 245, 247
 Скворцов М. А. 97, 226
 Скударь Е. В. 244
 Слива В. И. 37, 39
 Слива Е. И. 37, 39
 Слива И., отец В. И., Е. И., и Т. И. Сли-
 вы, владелец дома и земельного
 участка между Ялтой и Никитским
 садом 37, 39
 Слива М. («Марик») 39, 40
 Слива Т. И. («Тата») 37, 39
 Слива Т. 39, 40
 Сметанина С. И. 218
 Смирин М. М. 110, 237, 238
 Смирнов И. И. 381
 Смирнов И. К., священник, позднее ар-
 хиепископ, отец Е. И. Гривниной,
 Ю. И. Черепниной и Т. И. Смирно-
 вой 14, 187
 Смирнов К. П., протоирей, отец
 И. К. Смирнова 187
 Смирнов П. П. 75, 155, 156, 202, 203,
 368
 Смирнова Глафира (или Клавдия?),
 жена И. К. Смирнова 15
 Смирнова Е. И. см. Гривнина Е. И.
 Смирнова Т. И. 115
 Смирнова Ю. И. см. Черепнина Ю. И.
 Смолин Д. М. 63, 64, 194
 Соловьев В. С. 194, 360
 Соловьев С. М. 47, 60, 103, 106
 Солодовников Д. Д. 143, 249
 Солохин, преподаватель гимназии в
 г. Ялта 48
 Сохань П. С. 196
 Спендиаров А. А. 194
 Спенсер Г. 74
 Сперанский М. М. 82
 Сперанский А. Н. 146, 156, 157, 160,
 162, 167, 255, 256, 368, 369

- Сперанский М. Н. 114, 239, 240
 Ставрович А. А. 98, 190
 Ставрович Н. А. 20
 Ставровский Н., учащийся гимназии в г. Ялта 46, 48, 54, 55
 Станиславский А. Л. 241, 256
 Сталин И. В. 146, 150, 156, 191
 Старосельская О. А. 34
 Старостин Е. В. 196
 Стебаев И. И. 33
 Стебаева Л. И. *см.* Черепнина Л. И.
 Станиславский К. С. 226
 Строев П. М. 180
 Сторожев В. Н. 12, 185
 Субботин Г. М. 65
 Суворов А. В. 156
 Сулержицкий Л. А. 226
 Сусанна, больная туберкулезом, пациентка санатория «Славати» 38
 Сухово-Кобылин А. В. 98
- Таиров (Корнблит) А. Я. 117, 118, 243, 244, 361
 Тараканова И. Г. 182
 Тарасова Н. Н. 228
 Тарле Е. В. 126, 366, 367
 Татищев С. С. 59
 Тарновский К. Н. 251
 Теплечи, учащийся гимназии в г. Ялта 58, 59, 63
 Телишев А. Е. 72, 116
 Телишева Е. А. 72, 116, 171
 Телишева (урожд. Бернацкая) О. Н. 15, 16, 33, 72, 116, 145
 Тихомиров М. Н. 129, 132, 148, 149, 167, 169, 170, 171, 173, 248, 249, 252, 253, 369
 Тихонов В. В. 205
 Толстая А. И. 122
 Толстов В. А. 181, 182, 184—186, 249
 Толстой А. К., писатель, муж дочери В. А. и А. Р. Крандиевских 26, 83
- Толстой Л. Н. 12, 14, 36, 121, 122, 125, 223, 246
 Трапезников В. А. 24, 28, 190
 Тренев К. А. 38, 56
 Трескин Н. А. 85
 Трёлч, философ 110
 Троицкий, историк 113
 Трусова Н. С. 14, 187
 Туган-Барановский М. И. 29
 Тун, экономист 29
 Тургенев И. С. 36
 Тургенев Н. И. 73
 Тюльпин А. Г. 182
- Удальцов А. Д. 102, 107, 230, 364
 Удальцов И. Д. 99, 100, 107, 227
 Удальцов И. И. 100, 227
 Улащик Н. Н. 195
 Ульянов И. Н. 68
 Ульянов Н. И. 113, 114, 238
 Ульянова М. И. 68
 Ульяновский В. И. 196
 Усов Е. И. 121, 130
 Устюгов Н. В. 81, 85, 146, 160, 162—164, 181, 210, 251
 Утченко С. Л. 80, 172, 206
- Фатов Н. Н. 77, 204
 Федоров В. А. 233, 235
 Федор Федорович Н, муж Марии Исидоровны (урожд. Шибаевой) 39
 Федорова В. Ф., преподавательница гимназии Репман 23, 24, 36, 49, 68, 72
 Федоровский, артист Камерного театра 118
 Федот, кучер имения Шибаевых 30, 32
 Федот, крестьянин с. Аргамакова Пензенской губ. 32
 Фейгин Г. Я. 34—36
 Фейгин И. Г. 35
 Фейгина А. Г. 35, 36
 Фейгина Н. И. 35
 Фейгина С. С. 35, 36

- Фейгина С. А. 166
 Фейгины, семья 99
 Файдыш (Фейдыш?) А. П., скульптор, муж дочери В. А. и А. Р. Крандиевских 93
 Фекла Иванова, няня Л. В. Черепнина в Рязани и в Вильно 14, 17
 Феклуша, кухарка в семье Черепниных 18, 20, 26, 37
 Феноменов М. Я. 103, 231
 Фигнер В. Н. 145, 250
 Филиппов А. Н. 88
 Флоря Б. Н. 263
 Фолометова, учащаяся гимназии в г. Ялта 54
 Фомин А. В. 184
 Фриче В. М. 366
 Фроянов И. Я. 239
 Фрумкин А. П. 169, 263
 Фрунзе М. В. 225
- Хвостов В. М. 173, 174
 Хвостов М. М. 173, 265, 266
 Хорошкевич А. Л. 24, 190
 Хорошкевич Н. Н., преподавательница гимназии Репман 24, 190
 Хорхордина Т. И. 223, 255, 259
- Цамутали А. Н. 243, 262
 Цветаев Д. В. 94, 223
 Цыпкина А. Г. 8
 Цявловский М. А. 122, 246
- Чаев Н. С. 149, 162, 167, 252, 253, 369, 372, 379
 Чайковский П. И. 27
 Чарская Л. 26
 Чекурин Л. В. 182
 Челпанов Г. И. 84, 212, 213
 Чемберджи Н. К., учащийся гимназии в г. Ялта 55, 193
- Черепнин А. И., дед Л. В. Черепнина 11, 12, 14, 15, 143, 181, 183—185, 358, 359
 Черепнин А. А., дядя Л. В. Черепнина 13, 33, 116, 152
 Черепнин В. А., отец Л. В. Черепнина 12—14, 34, 39, 59, 61, 62, 67, 68, 72, 96, 97, 100, 101, 126, 142, 153, 169, 170, 186, 188, 193, 194, 198, 358, 359, 360, 365
 Черепнин Е. И., брат А. И. Черепнина 16
 Черепнин Л. В. 5—8, 14, 20, 31, 45, 57, 100, 108, 175, 179, 180—183, 187—190, 192, 197, 198, 202, 205, 212, 216—218, 220, 221, 227, 231—234, 238, 243—245, 248—251, 253—255, 257, 258, 260, 262, 263, 265—269, 357, 357—384
 Черепнин Н. Н., композитор 13
 Черепнин П. А., дядя Л. В. Черепнина 13, 152
 Черепнина А. Н. (урожд. Сабурова), бабушка Л. В. Черепнина 11, 16, 17, 30, 72, 116, 183, 185, 191
 Черепнина Евг. А. см. Рындина Е. А.
 Черепнина Ек. А. см. Бернацкая Е. А.
 Черепнина (урожд. Идельсон) М. И., вторая жена В. А. Черепнина 16—18, 20, 21, 29, 30, 33, 34, 36, 38, 39, 41, 42, 49, 59, 61, 62, 66—68, 73, 96, 97, 100, 126, 127, 142, 153, 169, 170, 187, 192, 226
 Черепнина (урожд. Стебаева) Л. И. 33, 152
 Черепнина О. А. («Гуля»), тетя Л. В. Черепнина 13, 15
 Черепнина Т. В., сестра Л. В. Черепнина 17—19, 26, 29, 34, 36, 37, 39, 40, 43, 66—69, 97, 126, 134, 142, 145, 153, 169, 170
 Черепнина Ю. И. (урожд. Смирнова), мать Л. В. Черепнина 14, 15, 17
 Чернобаев А. А. 182, 207

- Чернов А. В. 164, 166, 181, 259
 Черный С., поэт 48
 Чернышев, комендант поселения ссыльных, сотрудник районного управления ОГПУ 138
 Чернышев Н. М. 221
 Чернуха В. Г. 257
 Чернякова И. А. 245
 Чесноков В. И. 234
 Чехов А. П. 36, 48, 161, 226
 Чехов М. А. 99, 226
 Чирков С. В. 198, 199
 Чистякова Е. В. 248
 Чугунов С. 250
 Чулков Н. П. 88, 218
 Чуркина И. В. 245
 Чюрленис М. 187
- Шамбинаго** (Каптерева, во втором замужестве Василенко) Е. С., дочь С. К. Шамбинаго 95, 96
 Шамбинаго С. К. 94, 95, 97, 121, 126, 172, 222, 246, 358
 Шамбинаго (во втором замужестве Василенко) Т. А., жена С. К. Шамбинаго 95
 Шамиль, имам Чечни и Дагестана 148
 Шалапин Ф. И. 21
 Шахматов А. А. 69, 74, 94, 113, 197, 360, 361, 378
 Шаховской Д. М. 215
 Шашкин А. В., преподаватель гимназии в г. Ялта 47, 49, 57
 Шварц А. Н. 124
 Шварцман, присяжный поверенный, знакомый Л. В. Черепнина 67
 Шведова О. И. 123
 Швейковская Е. Н. 252
 Шевырев А. П. 261
 Шен З., учащаяся гимназии Репман 25
 Шереметевский В. В. 88
 Шехтель Л. Ф. см. Жегин Л. Ф.
 Шехтель Ф. 221
- Шибает В. Г. 28, 39, 40
 Шибает Г. И. 22, 30, 34, 39, 62, 190
 Шибает М. И. 22, 62
 Шибает П. И. 22, 32
 Шибает С. М. 190
 Шибаета (урожд. Идельсон) Е. И., сестра М. И. Черепниной 21, 31, 39, 62, 190
 Шибаета (в одном из замужеств Мамонтова) М. И. 39—40
 Шибаеты, семья 22, 28, 30—32, 34, 40, 42, 62
 Шибанов П. П. 183
 Шишков П. В. 31, 34
 Шишкова А. П. 31
 Шишкова А. П. 31
 Шишкова Л. П. 31
 Шишкова Л. П. 31
 Шишкова М. П. 31
 Шкуро А. Г., генерал 68
 Шмелев И. С. 247
 Шмидт С. О. 243, 248
 Шокарев С. Ю. 218
 Шопен Ф. 27
 Шор Д. С. 27, 139, 140
 Шохин Л. И. 265
 Шпенглер О. 110
 Шпет Г. Г. 84, 213
 Штаден Г. 108, 232
 Шуйские, сестры 90
 Шумилов В. Н. 7, 89, 167, 218, 219
 Шунков В. И. 81, 104, 146, 175, 209, 210, 244, 267, 364
- Щавелев** С. П. 223
 Щапов Я. Н. 174, 266
 Щепкин В. Н. 167, 261, 262
 Щепкина М. В. 114, 167, 240
- Эскин Ю. М. 182
- Южин** А. И. 94
 Юшков С. В. 150, 254

Ягода Г. Г. 131

Яковлев А. И. 8, 19, 27, 34, 68, 75, 78, 80—82, 85, 86, 88, 89, 91, 92, 99—101, 104, 106, 108, 109, 115, 120, 122, 126, 132, 142, 143, 146, 147, 149, 150, 159, 165, 166, 171, 181, 188, 217, 220, 232, 233, 268, 269, 358, 361, 363, 364, 366, 367, 369

Яковлев И. Я. 68

Яковлев Н. Н. 155

Яковлева И., дочь или родственница А. И. Яковлева 269

Яковлева Н. А. 27, 86, 92, 93

Яковлева О. А., дочь А. И. Яковлева 27, 269

Яковлева О. П., жена А. И. Яковлева 80, 269

Янин В. Л. 184, 242

Ярошевский, студент 82

Ярцев, букинист 19

Яхонтов С. Д. 12, 186

N.N., адъютант Шкуро

Лев Владимирович Черепнин

МОЯ ЖИЗНЬ
ВОСПОМИНАНИЯ

Комментарии
Приложения

Корректор О. Неклюдова
Оператор Е. Зуева
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 27.11.2015. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 32,25. Тираж 600. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1037739118449.
Phone: 8-495-959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4
(Метро «Парк культуры»)

